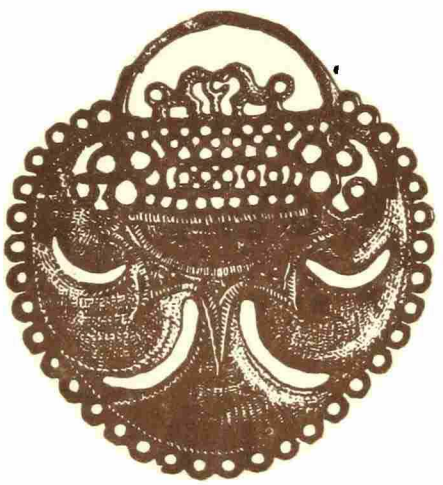
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3
1975

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3
1975

Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский,
Ю. Н. Захарук (зам. главного редактора), *И. С. Каменецкий,*
М. К. Каргер, В. М. Масон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, В. С. Титов (отв. секретарь)

СОДЕРЖАНИЕ

К 30-летию Победы в Великой Отечественной войне 5
Г. Ф. Коробкова (Ленинград). Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии (по материалам каменной индустрии) 8
В. С. Патрушев (Йошкар-Ола). Акозинско-меларские кельты Марийского Поволжья 28
Г. Н. Пронин (Москва). К вопросу о ранней дате городища у с. Супруты (по керамическим материалам) 44
Г. Е. Афанасьев (Кисловодск). Поселения VI—IX вв. района Кисловодска 53
М. Г. Магомедов (Махачкала). Древние политические центры Хазарии . . 63
Н. Г. Порфиридов (Ленинград). О мастерах, материалах и технике древнерусской мелкой каменной пластики 75
Р. А. Симонов (Москва). О проблеме наглядно-инструментального счета в средневековой Руси 82
Н. Б. Немцева (Ташкент). Истоки композиции и этапы формирования ансамбля Шахи-Зинда 94

Публикации

В. В. Сидоров (Москва). Стоянки на озере Святом у Шатуры 107
А. Л. Никитин (Москва). Многослойное поселение Польцо 118
Я. Г. Риер (Могилев). Каменные топоры эпохи бронзы из Могилевского Поднепровья 141
И. Б. Васильев, В. С. Горбунов (Уфа). Бирское поселение 149
О. В. Дьякова, Э. В. Шавкунов (Владивосток). Новый памятник железного века на Нижнем Амуре — городище Сикачи-Алян 158
А. И. Салов (Анапа). Клад III—IV вв. с Шум-речки (Анапский район) . . 172
И. И. Кушнир (Новгород). К топографии древнего Новгорода 176

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1975 г.

Заметки

У. И. Исламов, А. Е. Матюхин (Самарканд, Ленинград). О специфической группе орудий из пещерной стоянки Мачай 181
Л. Л. Галкин (Москва). Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов 186
Е. Н. Симонова (Будапешт). Городище у с. Орош в области Саболч-Сатмар 192
Е. П. Казаков (Казань). Погребения срубной культуры у дер. Куралово . . 194
Г. А. Панкрушев (Петрозаводск). Турбинская керамика на древних поселениях Карелии 201
К. В. Кострин (Уфа). Находки остатков нефти в археологических памятниках Северного Причерноморья 206
Ю. П. Манылов (Нукус). Мраморные архитектурные детали из Султануиздага 210
Э. А. Сымонович (Москва). Об одной категории находок на памятниках черняховской культуры 213
Т. В. Равдина (Москва). Древнейшие семилопастные височные кольца . . 218
И. И. Соколов (Москва). Заметка о тверском кладе 1766 г. 224

Критика и библиография

Л. И. Авилова (Москва). Культура шаровидных амфор в Польше (обзор литературы) 225
М. Ф. Косарев (Москва). [Рец.] «Материалы совещания по проблемам культурной и этнической принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1973 232
Г. С. Киселев (Москва). Некоторые вопросы древней истории Центрального Судана в свете новейших археологических исследований (обзор литературы) 239
Н. Ф. Мурыгина (Москва). Ю. К. Колосовская. Паннония в I—III веках. М., 1973 244
И. Р. Пичикян (Москва). Рец. на сб.: «Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Rämische Abteilung», Band 79, 1972 (I) 248
А. А. Шенников (Ленинград). Ю. П. Спегальский. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972 256
П. И. Засурцев, **В. Л. Янин** (Москва). Ю. П. Спегальский. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972 260
Л. С. Клейн (Ленинград). J. N. Woodall. An Introduction to modern archeology. Cambridge (Mass.). 1972 267

Евтюхова Лидия Алексеевна 274

ACADEMIE DES SCIENCES DE L'U.R.S.S.
INSTITUT D'ARCHEOLOGIE

Revue trimestrielle fondée en 1957

ARCHEOLOGIE SOVIETIQUE

№ 3
1975

Rédacteur en chef A. V. ARTSIKHOVSKI

SOMMAIRE

Sur le 30-e anniversaire de la victoire dans la Grande guerre patriotique . . . 5
G. F. Korobkova (Léningrad). Cultures et variantes locales du mésolithique et du néolithique en Asie Centrale (d'après les matériaux de l'industrie lithique) . . . 8
V. S. Patrouchev (Iochkar-Ola). Les haches Akozino-mélariennes sur le territoire des Marys (région de la Volga) . . . 28
G. N. Pronine (Moscou). Sur l'ancienneté d'une agglomération près du village de Souprouty (d'après la céramique) . . . 44
G. E. Afanassiev (Kislovodsk). Agglomérations du VIe au IXe siècles dans la région de Kislovodsk . . . 53
M. G. Maghomédov (Mahatchkala). Les anciens centres politiques de la Khazarie . . . 63
N. G. Porphyridov (Léningrad). Les ouvrages de petites dimensions en pierre dans la Russie ancienne: artisans, matériaux et technique . . . 75
R. A. Simonov (Moscou). Le calcul instrumental dans la Russie médiévale . . 82
N. B. Niemtséva (Tachkent). Les sources de la composition et les étapes de la formation de l'ensemble de Chakhi-Zinda . . . 94

Publications

V. V. Sidorov (Moscou). Une station sur le lac Sviatoïe, près de la ville de Chatoura . . . 107
A. L. Nikitine (Moscou). L'établissement multistratifié de Poltzo . . . 118
Ia. G. Rière (Mohilev). Haches de pierre de l'Age du Bronze provenant de Mohilev (région du Dniepr) . . . 141
I. B. Vassiliev et V. S. Gorbounov (Oufa). Le campement de Birsk . . . 149
O. V. Diakova et E. V. Chavkounov (Vladivostok). Un nouveau monument de l'Age du Fer sur le cours inférieur de l'Amour: le site de Sikatchi-Alian 158
A. I. Salov (Anapa). Un trésor des IIIe et IVe siècles, provenant de Choumretchki (région d'Anapa) . . . 172
I. I. Kouchnir (Novgorod). La topographie du vieux Novgorod . . . 176

Notices

Ou. I. Islamov et A. E. Matioukhine (Samarkand, Léningrad). Un groupe spécifique d'objets provenant de la station rupestre de Matchaï . . . 181
L. L. Galkine (Moscou). Un des plus anciens instruments des pasteurs. . . . 186
E. N. Simonová (Budapest). Un site près du village d'Oroche (région de Saboltch-Satmar) . . . 192
E. P. Kazakov (Kazan). Les sépultures de la civilisation des tombes à charpente, près du village de Kouralovo . . . 194
G. A. Pankrouchev (Pétrozavodsk). La céramique de Tourbine provenant d'anciens établissements en Carélie . . . 201

K. V. Kostrine (Oufa). Restes de pétrole découverts dans des monuments archéologiques du littoral nord de la mer Noire 206
Iou. P. Manylov (Noukous). Motifs architecturaux de marbre datant du Ier s. de n. ère, trouvés à Soultanouizdag 210
E. A. Symonovitch (Moscou). Une catégorie de découvertes faites dans les monuments de la culture de Tcherniakhovo 213
T. V. Ravdina (Moscou). Les plus anciens pendants temporaux heptalobés 218
I. I. Sokolov (Moscou). Notice sur un trésor de 1766, trouvé à Tver 224

Critique et bibliographie

L. I. Avilova (Moscou). La culture des amphores sphériques en Pologne (revue d'ouvrages spéciaux) 225
M. F. Kossarev (Moscou). (Critique.) «Matériaux de la Conférence sur les problèmes de l'appartenance culturel et ethnique des monuments archéologiques en Sibérie occidentale». Tomsk, 1973 232
G. S. Kissélev (Moscou). Quelques problèmes de l'histoire ancienne du Soudan central à la lumière des dernières investigations archéologiques (revue d'ouvrages spéciaux) 239
N. F. Mouryghina (Moscou). Iou. K. Kolossovskaïa. La Pannonie aux Ier et IIIe siècles. Moscou, 1973 244
I. R. Pitchikian (Moscou). Recueil: «Mitteilungen des Dentschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung», Band 79, 1972 (I) 248
A. A. Chennikov (Léningrad). Iou. P. Spégalski. L'habitat dans la Russie du Nord-Ouest, du IXe s. au XIIIe s. Léningrad, 1972 256
P. I. Zassourtzev, **V. L. Ianine** (Moscou). Iou. P. Spégalski. L'habitat dans la Russie du Nord-Ouest, du IXe s. au XIIIe s. Léningrad, 1972 260
L. S. Klein (Léningrad). J. N. Woodall. An Introduction to modern archeology. Cambridge (Mass.), 1972 267

L. A. Evtioukhova 274

К 30-летию Победы в Великой Отечественной войне

9 мая 1975 г. наша Родина, весь советский народ торжественно празднует 30 годовщину Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Славную годовщину Победы вместе с нашей страной отмечают все страны, которые участвовали в войне на стороне антигитлеровской коалиции, все прогрессивное человечество, все народы мира. В Советском Союзе празднованию 30-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне придается особое значение. В принятом Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза постановлении говорится: «Война, навязанная Советскому Союзу германским фашизмом, была самым крупным вооруженным выступлением ударных сил мирового империализма против социализма, одним из тягчайших испытаний когда-либо пережитых нашей Родиной. В этой войне решалась судьба первого в мире социалистического государства, будущее мировой цивилизации, прогресса и демократии.

Советский народ и его доблестные Вооруженные Силы под руководством Коммунистической партии нанесли сокрушительное поражение гитлеровской Германии и ее сателлитам, отстояли свободу и независимость социалистического Отечества, осуществили великую освободительную миссию, с честью выполнили свой интернациональный долг. Наша страна стала главной силой, преградившей путь германскому фашизму к мировому господству, вынесла на своих плечах основную тяжесть войны и сыграла решающую роль в разгроме гитлеровской Германии, а затем и милитаристской Японии» [1].

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев отмечал, что «чем дальше в историю отходят от нас годы войны, тем полнее и ярче проявляется величие героического подвига советского народа, мужественно отстоявшего в невиданно жестокой борьбе с фашизмом нашу Родину, завоевания социализма».

Многие археологи старшего и среднего поколения с первых дней Великой Отечественной войны были призваны в ряды Красной Армии, вступили в народное ополчение. На фронтах Отечественной войны в 1941—1945 гг. участвовали в боях или проходили службу в тыловых частях Красной Армии археологи: Г. И. Андреев, Л. Б. Артишевская, О. Н. Бадер, А. М. Беленицкий, В. Д. Блаватский, П. И. Борисковский, Н. Н. Воронин, Л. Л. Галкин, Ю. С. Гришин, А. Ф. Дубынин, Ю. А. Заднепровский, П. И. Засурцев, Ю. Н. Захарук, Л. П. Зяблин, М. К. Каргер, Б. А. Колчин, В. В. Кропоткин, Е. И. Крупнов, П. Д. Либеров, В. П. Любин, В. И. Марковин, Г. Н. Матюшин, А. Ф. Медведев, А. Н. Мелентьев, Н. Я. Мерперт, А. Л. Монгайт, А. В. Никитин, К. М. Пескарева, Б. Г. Петерс, В. П. Петров, Т. В. Равдина, П. А. Раппопорт, А. Н. Рогачев, Р. Л. Розенфельдт, В. В. Седов, А. П. Смирнов, Н. И. Сокольский, В. С. Сорокин, Л. М. Тарасов, Б. Г. Тихонов,

[1] «Правда», 1975, 9 февраля.

С. П. Толстов, П. Н. Третьяков, С. С. Черников, В. П. Шилов, П. Н. Шульц и другие. В боях с милитаристской Японией в 1945 г. принимали участие К. И. Комаров, Ю. В. Кухаренко, В. П. Любин.

На фронтах Великой Отечественной войны пали смертью храбрых многие наши товарищи: С. Н. Аносов, П. А. Дмитриев, В. В. Карачаровский, Н. П. Кивокурцев, А. П. Круглов, А. В. Мачинский, Н. А. Прокошев, М. З. Рабинович, Н. А. Сугробов, И. А. Сухарев, М. В. Талицкий, Н. Н. Чернягин, И. В. Щербаков, память о которых навсегда останется в наших сердцах.

В условиях военного времени, когда многие археологи ушли на фронт, пришлось срочно перестраивать работу. Институт истории материальной культуры АН СССР, находившийся в те годы в Ленинграде, был эвакуирован в г. Елабугу на Урал, но часть сотрудников продолжала свою деятельность в блокадном Ленинграде. В трудных условиях блокады производилась эвакуация драгоценных коллекций Государственного Эрмитажа. В осажденном Ленинграде умер в 1942 г. акад. С. А. Жебелев — крупнейший специалист по истории античности. Погибли в осажденном Ленинграде и многие крупные специалисты, работавшие в Институте истории материальной культуры и Эрмитаже, в их числе: Б. Л. Богаевский, А. Я. Борисов, Г. В. Григорьев, В. В. Гольмстен, Б. Е. Деген-Ковалевский, Е. В. Ернштедт, А. Н. Зограф, А. А. Ильин, Е. Ю. Кричевский, Ю. В. Подгаевский, Е. А. Рыдзевская, Г. П. Сосновский, Р. В. Шмидт.

Московская часть Института истории материальной культуры АН СССР, возглавлявшаяся В. Н. Чернецовым, продолжала свою работу, занималась эвакуацией коллекций Государственного Исторического музея. Старейший советский археолог В. А. Городцов читал лекции по археологии для студентов Московского университета.

Несмотря на тяжелые условия военного времени полевые работы производили Б. А. Куфтин, работы которого были отмечены Государственной премией, А. П. Окладников, А. Н. Бернштам и другие. Советскими археологами Н. Н. Ворониным, В. Д. Блаватским, С. А. Тараканową, и другими были изданы брошюры, посвященные памятникам культуры. Выходили из печати очередные тома Трудов ГИМ. Группа археологов изучала древние разработки рудных месторождений Узбекистана в связи с необходимостью мобилизации ресурсов.

Ведущие советские археологи приняли активное участие в работе Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба на оккупированной территории, занимались консервацией и реставрацией пострадавших памятников культуры, разыскивали вывезенные оккупантами музейные коллекции.

Многие археологи, пройдя трудными фронтовыми дорогами от Волги и Северного Кавказа до Кенигсберга и Берлина, награждены боевыми орденами и медалями Советского Союза. Никогда не изгладятся в памяти участников войны эти боевые дороги, разрушенные и сожженные фашистами города и села, победоносное наступление Советской Армии, завершившееся нашей победой в мае 1945 года.

Работа советских археологов, не прекращавшаяся и в тяжелые военные годы, в послевоенный период приобрела невиданный ранее размах. Важную роль в этом подъеме нашей науки сыграли археологи-ветераны, вернувшиеся с фронтов к прерванным войной полевым работам и научным исследованиям.

За 30 лет, прошедших со времени победы над гитлеровским фашизмом, советские археологи организовали и провели сотни крупных экспедиций во всех областях и республиках Советского Союза, вели и ведут успешные археологические раскопки за рубежом нашей страны: в Болгарии, Египте, Ираке, Афганистане и Монголии.

На страницах советских археологических журналов опубликованы тысячи статей, издано много крупных монографий, подводящих итоги археологических исследований в различных областях нашей страны.

Институт археологии выпустил несколько десятков томов «Свода археологических источников», первый из которых был выпущен в свет в 1961 г. Каждый год издается сборник «Археологические открытия», где содержится ценная информация о всех археологических экспедициях за истекший год.

Наиболее выдающиеся историко-археологические исследования советских археологов удостоены Ленинской премии. Среди этих работ двухтомная монография Н. Н. Воронина «Зодчество северо-восточной Руси», книга Е. И. Крупнова «Древняя история Северного Кавказа». Государственной премии Советского Союза удостоены такие выдающиеся работы, как монография Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси», книга С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири», двухтомная коллективная монография «История культуры древней Руси», книги Т. С. Пассек «Периодизация трипольских поселений», Б. Б. Пиотровского «Урарту», две монографии С. А. Семенова, посвященные изучению первобытной техники, труды Новгородской экспедиции.

В последние годы огромного размаха достигли исследования советских археологов на новостройках. Замечательные образцы древнего ювелирного искусства и торевтики обнаружены при раскопках скифских и сарматских погребений в курганах Поволжья, Подонья, Поднепровья, и Побужья. Большие успехи достигнуты в изучении зарубинецкой и черняховской культур конца I тыс. до н. э. и первой половины I тыс. н. э., памятников ранних славян VI—VII вв., в исследовании древнерусских городов. Раскопки в Новгороде под руководством чл.-корр. АН СССР А. В. Арциховского привели к открытию целого архива — более 500 берестяных грамот.

30 лет прошло со дня Победы... Успехи советской археологии значительны и несомненны. Но перед археологами нашей страны стоят еще большие задачи, и в числе первоочередных — создание многотомной «Археологии СССР». Созданию этого труда, который подведет итоги археологического изучения нашей Родины, будет подчинена вся научная деятельность советских археологов в ближайшие годы.

Г. Ф. КОРОБКОВА

КУЛЬТУРЫ И ЛОКАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА СРЕДНЕЙ АЗИИ

(по материалам каменной индустрии)

Вопрос о значении каменной индустрии как источника для выделения культур и локальных вариантов не имеет однозначного решения. Одна группа исследователей считает главным критерием для такого выделения керамику [1]; другая не меньшее значение придает кремневому инвентарю [2]. Некоторые ученые отводят существенную роль фактору обмена, с помощью которого орудия переносятся на дальние расстояния, попадая в совершенно иную культурную зону [3].

Действительно, в разных археологических комплексах можно наблюдать похожие вещи. Однако последние будут типичными лишь для тех комплексов, откуда они вышли; для других эти же предметы окажутся инородными, диссонирующими с общим обликом данного инвентаря. Это вполне естественно, так как в обмен шли отдельные вещи или орудия, но не весь характерный для той или иной индустрии комплекс.

Нам представляется, что каменный инвентарь с его выдержанной технической традиционностью может служить важным и надежным критерием в определении культурной принадлежности того или иного памятника или группы памятников, пусть даже и содержащих керамический материал [4]. Кроме того, бывают случаи, когда каменный и костяной инвентарь — единственный источник, на основании которого можно говорить о культурной принадлежности, хронологии, периодизации и о генезисе [5].

---

[1] *М. Е. Фосс.* Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 64—77; *ее же.* [рец.] *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. ВДИ, 1953, 2, стр. 102—106; *В. П. Третьяков.* Неолитические племена Волго-Окского Междуречья. Автореф. канд. дис. Л., 1966, стр. 6, 7; *его же.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л., 1972, стр. 14 ,15.

[2] *А. Я. Брюсов.* История Древней Карелии. Тр. ГИМ, 9, 1940, стр. 6, 10, 11; *его же*, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 20; *его же.* Археологические культуры и этнические общности. СА, XXVI, 1956, стр. 5—27; *А. А. Формозов.* Локальные варианты культуры эпохи мезолита Европейской части СССР. Автореф. канд. дис. М., 1954, стр. 15; *его же.* Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? СА, 1957, 4, стр. 67; *его же.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 20.

[3] *В. Р. Кабо.* Каменные орудия австралийцев. ТИЭ. Новая серия, XXX, М.— Л., 1962, стр. 79; *В. П. Третьяков.* Культура ямочно-гребенчатой керамики..., стр. 17.

[4] *Г. Ф. Коробкова.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, 158, 1969, стр. 55—60, 63—79, 90—92, 96, 104, 124—127, 140—142, 171—191.

[5] *Г. Ф. Коробкова.* Орудия труда и хозяйство..., стр. 81—104, 127—142; *В. А. Ранов, Г. Ф. Коробкова.* Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры, СА, 1971, 2, стр. 133—147; *В. И. Тимофеев.* Выделение территориальных групп среди неолитических стоянок Ферганы. В сб. «Каменный век Средней Азии и Казахстана». Ташкент, 1972, стр. 62—64.

Под каменной индустрией следует понимать совокупность устойчиво повторяющихся типов заготовок (техника расщепления), типов вторичной обработки продуктов расщепления (техника ретуширования) и типов изделий (набор типов форм). Детальное изучение каменной индустрии с точной фиксацией всех технико-типологических элементов, характерных для того или иного памятника и подкрепленных количественными критериями, позволяет выявлять реально существовавшие сходства и расхождения между отдельными комплексами, что лежит в основе выделения культур и локальных вариантов.

Обратимся к конкретному материалу и попытаемся проследить разнообразие типов индустрий на примере многочисленных неолитических и мезолитических памятников Средней Азии. Уже сейчас можно говорить о существенных различиях между этими комплексами, несмотря на то, что значительную часть их объединяет единство пластинчатой техники расщепления камня. Однако путем тщательного анализа каменного инвентаря можно проследить, что и внутри обширной зоны распространения пластинчатых индустрий наблюдаются достаточно четкие различия, позволяющие относить последние к различиям первого (культурного) и второго (узколокального) порядка.

Поскольку мезолитические памятники Средней Азии изучены недостаточно полно, исследование индустрий проведено на материалах неолитических комплексов. Поэтому изложение материала идет не в хронологическом порядке.

В настоящее время проделана большая работа по выявлению культур и локальных различий в неолите Средней Азии в целом, сохраняющих свое значение до сих пор. Вместе с тем детальный и последовательный анализ кремневых индустрий позволяет более обоснованно и всесторонне определить характер этих различий и ставить вопросы генетических связей между отдельными комплексами.

Заранее следует оговорить, что нами использованы не равноценные материалы. Так, исследование индустрии Джанбас-Кала 4 проводилось на основании опубликованных данных[6], изучение остальных комплексов, которые будут приведены ниже, с привлечением опубликованных материалов и результатов исследований автора. Из-за отсутствия единой типологической номенклатуры подход к изучению одного и того же инвентаря у разных исследователей несет в себе черты определенного субъективизма, что, несомненно, отражается на типологической классификации каменной индустрии. Поэтому для таких памятников, как Джанбас-Кала 4, нами использована с небольшими поправками, классификация, предложенная А. В. Виноградовым. Процентные подсчеты осуществлены на основании последней.

Процедура нашего исследования распадается на несколько ступеней. Первой ступенью было составление подробных типолистов для каждого рассматриваемого памятника в отдельности. При этом индустрия изучалась с трех точек зрения: техники расщепления, техники вторичной обработки и набора типов (или видов) изделий.

Для техники расщепления введены такие типы заготовок, как крупные, средние и мелкие пластины, крупные, средние и мелкие отщепы. Под крупными, средними и мелкими пластинами мы понимаем пластины, имеющие следующие параметры: для первых — ширина $> 1{,}5$ *см*, для вторых $> 0{,}7$ *см*, но $< 1{,}5$ *см*, для третьих — ширина до 0,7 *см* включительно. Для крупных, средних и мелких отщепов выбраны такие параметры: наибольший диаметр > 5 *см*, > 3 *см*, но < 5 и < 3 *см* соответственно. Проработка массового материала показала, что именно эти параметры имеют значимый характер, определяя количественные границы между отдельными группами изделий.

[6] *А. В. Виноградов.* Неолитические памятники Хорезма. МХЭ, 8, М., 1968, стр. 27—52.

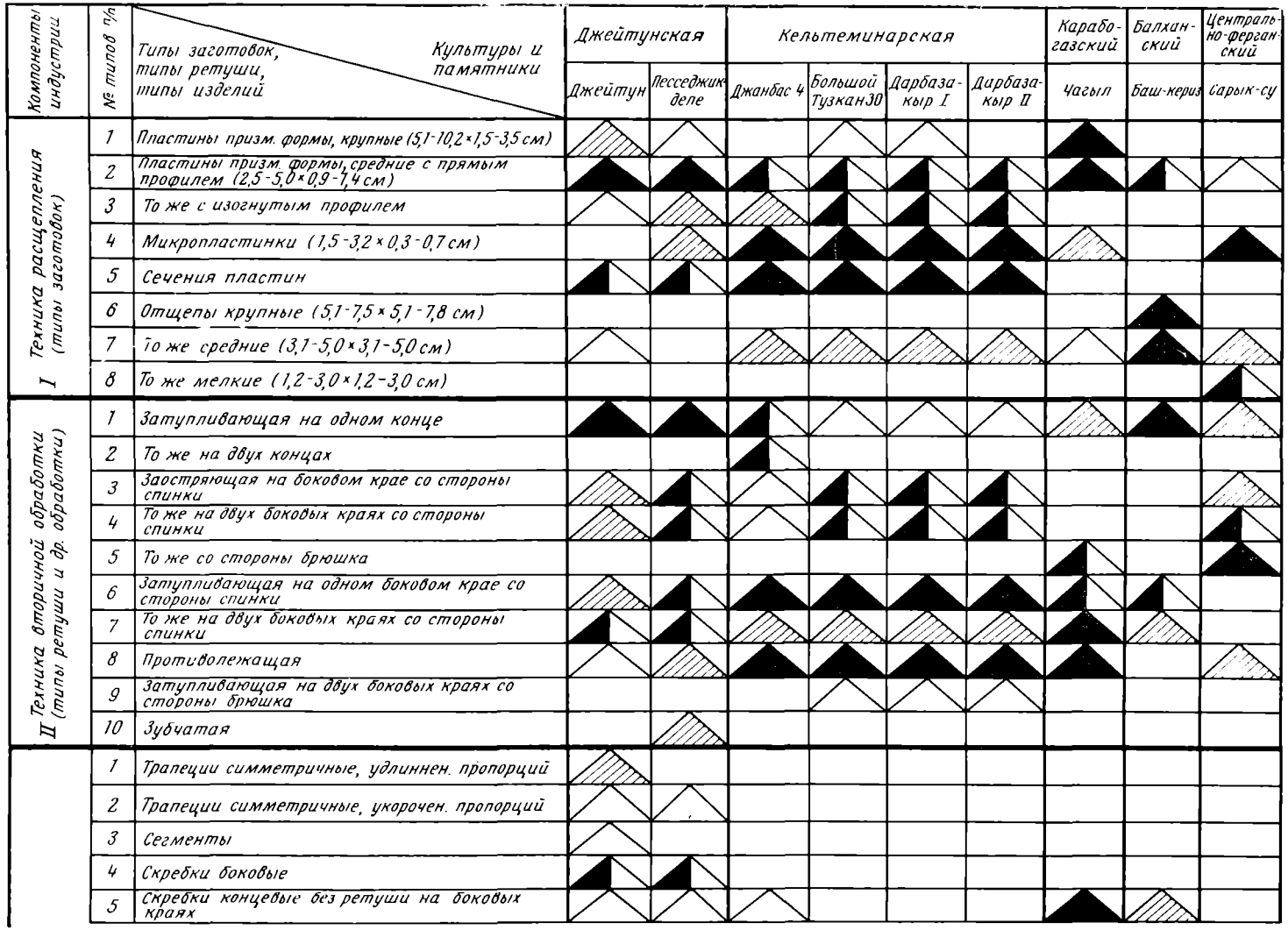
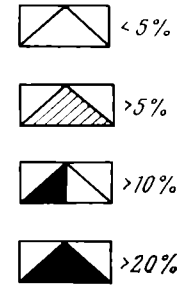


Рис. 1. Типолист составных элементов индустрии

Типы изделий

6	То же с ретушью на боковых краях
7	Скребки на отщепах
8	Микроскребки округлой формы
9	То же миндалевидной формы
10	То же подчетырехугольной формы
11	Скребки нуклевидной формы
12	Пластины с видимой зеркальной заполировкой без ретуши на боковых краях
13	То же с заостряющей ретушью на бок. краях
14	То же с зубчатой ретушью на бок. краях
15	Пластины многовыемчатые
16	То же с вогнутыми боковыми краями
17	Микропластинки выемчатые
18	Отщепы выемчатые
19	Осколки галек с вогнутыми краями
20	Сверла в виде стержня
21	То же с массивным округлым острием
22	Ножевидные пластины с односторонней ретушью на бок. краях
23	То же с противолежащей ретушью на бок. краях
24	Вкладыши с притупленным краем
25	То же со скошенным концом
26	Наконечники стрел с боковой выемкой
27	Костяные наконечники игловидной формы
28	Проколки со скошенным острием
29	То же с обоюдоострым острием
30	Отщепы с подтеской концов
31	Ядра для пращи
32	Отщепы с ретушью
33	Шлифованные орудия



В технике вторичной обработки принимались во внимание характер ретуши (затупливающая, заостряющая, зубчатая) и расположение последней на заготовках: со стороны спинки или брюшка, на боковом или концевом краях и т. д. Под затупливающей мы понимаем ретушь, нанесенную к краю под углом $> 60°$, под заостряющей — под углом $< 60°$, под зубчатой — ретушь, образующую пильчатый характер края. Классификация набора типов изделий построена на морфологических и технических признаках предмета.

Второй ступенью исследования был подсчет процентных отношений типов заготовок, типов ретуши, типов орудий[7]. Третьей ступенью было составление сводного типолиста по всем известным неолитическим комплексам Средней Азии. При этом единично встречающиеся типы заготовок, ретуши или изделий были исключены из общего списка как не характерные виды для той или иной изучаемой индустрии. Естественно, предлагаемый типолист далек от совершенства. Вместе с тем анализ индустрий обширного региона не позволял останавливаться на мелких деталях. Поэтому нашей задачей было составление такого типолиста, который построен лишь на общих характерных и наиболее часто встречающихся признаках, специфичных для всего рассматриваемого региона.

Результатом исследования явился предлагаемый ниже типолист (рис. 1), состоящий из трех разделов, дающих процентное соотношение всех типов заготовок, ретуши и орудий в рассматриваемых неолитических индустриях. При анализе этой таблицы, и особенно при составлении целого ряда гистограмм по каждому из рассматриваемых здесь неолитических памятников, бросаются в глаза существенные и менее значительные различия между отдельными индустриями. Рассмотрим эти различия по разделам, как это дано на рис. 1. (Номера типов на рис. 1 соответствуют номерам типов на гистограммах рис. 2—5).

Исследование гистограмм, составленных на основании данных по технике расщепления (рис. 2), показывает, что, несмотря на пластинчатый характер рассматриваемых индустрий, в основе которых лежат самые разнообразные типы заготовок-пластин, в целом можно наблюдать определенные различия как между памятниками джейтунской культуры, кельтеминарской культурной общности, карабогазского, центральноферганского и балханского комплексов, так и между некоторыми памятниками одной культурной общности. Первые различия относятся к разряду историко-культурного порядка, вторые — узколокального, внутрикультурного порядка.

Разница между первыми различиями заключена в наборе спектров, выражающих основу техники расщепления, т. е. в основных типах заготовок, хотя в целом спектры будут как будто бы повторяться, что объясняется пластинчатым характером рассматриваемых здесь индустрий. Тем не менее, основные заготовки для разнокультурных индустрий различны.

В процессе анализа спектров гистограмм оказалось необходимым ввести понятия основных (ведущих или типичных), характерных (специфичных), второстепенных и малозначимых типов. Исходя из данных этого анализа, под основными типами понимаются образцы, составляющие в коллекции свыше 20%, под характерными — изделия, представленные в индустрии больше 10%, под второстепенными — предметы, составляющие больше 5%, под малозначимыми — типы, встречающиеся в коллекции больше 1, но меньше 5%.

Для джейтунской индустрии основными заготовками являются призматические пластины средних размеров (2,5—5,0 × 0,9—1,4 *см*), с пря-

[7] Подсчет в разделе «Техника расщепления» велся от количества всех изделий. Процент типов ретуши и типов орудий высчитывался от количества ретушируемых и законченных орудий.

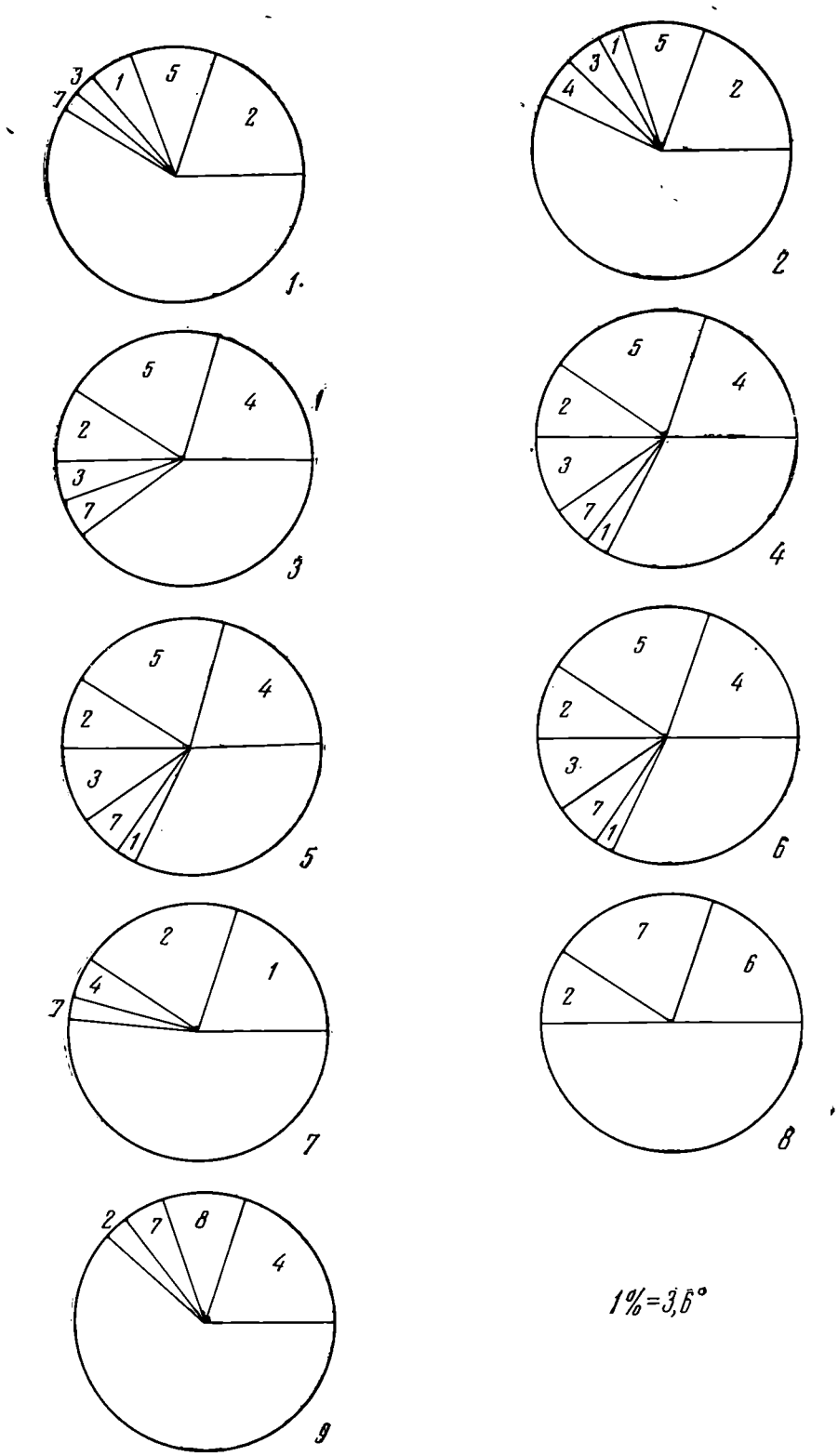


Рис. 2. Гистограммы типов заготовок: *1* – Джейтуна; *2* – Песседжик-депе; *3* – Джанбас-Кала 4; *4* – Большого Тузкана 30; *5* – Дарбазакыра 1; *6* – Дарбазакыра 2; *7* – Чагыла 1; *8* – Баш-Керпза; *9* – Сарык-Су

мым профилем; для раннекельтеминарской — микропластины (1,5—3,2××0,3—0,7 *см*) и сечения пластин; для карабогазской — призматические пластины крупные (5,1—10,2×1,5—3,5 *см*), удлиненных пропорций и средние пластины с прямым профилем. Балханский комплекс выделяется заготовками в виде крупных (5,1—7,5×5,1—7,8 *см*) и средних (3,1—5,0×3,1—5,0 *см*) отщепов; центральноферганский — в виде микропластин и мелких отщепов (1,2—3,0×1,2—3,0 *см*), причем последние представлены больше 10%.

Как видно из приведенных примеров, техника расщепления камня в разнокультурных индустриях заметно различается и главным образом типами основных заготовок. Попробуем проследить различия между одновременными индустриями джейтунской культуры и одновременными памятниками кельтеминарской культурной общности. В качестве примера приведем индустрии Джейтуна и Песседжик-депе, Джанбас-Кала 4 и тузканских комплексов Средней Азии. Как первые два памятника, так и два других характеризуются одинаковыми спектрами. Так, для Джейтуна и Песседжика типичны призматические пластины средних размеров с прямым профилем, представленные в равных соотношениях (т. е. $>20\%$) и сечения пластин (больше 10%). Что касается отдельных компонентов техники расщепления крупных и средних призматических пластин с изогнутым профилем, то они встречаются в обеих индустриях в разных соотношениях: в Джейтуне первые представлены $>5\%$, вторые $<5\%$. Кроме того, в Джейтуне имеются малозначимые заготовки — средние отщепы, а в Песседжике — микропластины (рис. 2, *1*, *2*).

Таким образом, в обеих индустриях наблюдаются общие закономерности в спектрах, отражающих технику расщепления. Следует подчеркнуть исключительное сходство в составе и основных типах заготовок и незначительные расхождения в соотношениях второстепенных и малозначимых заготовок. Эти различия, как нам представляется, являются различиями узколокального характера и соответствуют вариантам внутри одной единой в культурном отношении индустрии.

Вторым примером, рисующим аналогичные различия, может служить индустрия Джанбас-Кала 4 (Акчадарьинский вариант кельтеминарской культурной общности) и одновременные индустрии Большого Тузкана 30, Дарбазакыра I и II (Тузканский вариант этой же общности) — рис. 2, *3—6*.

Как видно по спектрам, основные заготовки у названных индустрий одинаковые, их процентные соотношения равные. Так, для джанбасской и тузканской индустрий характерны микропластинки и сечения пластин ($>20\%$), в меньшей степени призматические пластины средних размеров с прямым профилем ($>10\%$). К второстепенным типам относятся отщепы средних размеров ($>5\%$). Вместе с тем соотношения таких заготовок, как средние призматические пластины с изогнутым профилем, у них разные. В Тузканском комплексе этот вид заготовок представлен как основной, в Джанбасском — как характерный.

Кроме того, в тузканских индустриях малозначительными заготовками являются крупные пластины удлиненных пропорций, отсутствующие в Джанбас-Кале 4. Таким образом, и здесь можно заметить различия второго порядка, отражающие различия узколокального характера в пределах одной культурной общности.

Анализ второго компонента индустрии — техники вторичной обработки (или типов ретуши), проведенный по всем индустриям названного региона, также позволил выявить различия первого и второго порядка (рис. 3). Разница между первыми различиями наблюдается в разнице спектров, выражающих основу техники вторичной обработки, т. е. в основных типах ретуши и способах ее нанесения. Так, для джейтунской индустрии такой тип — затупливающая ретушь, нанесенная на одном скошенном конце пластины. Для кельтеминарской — два типа.

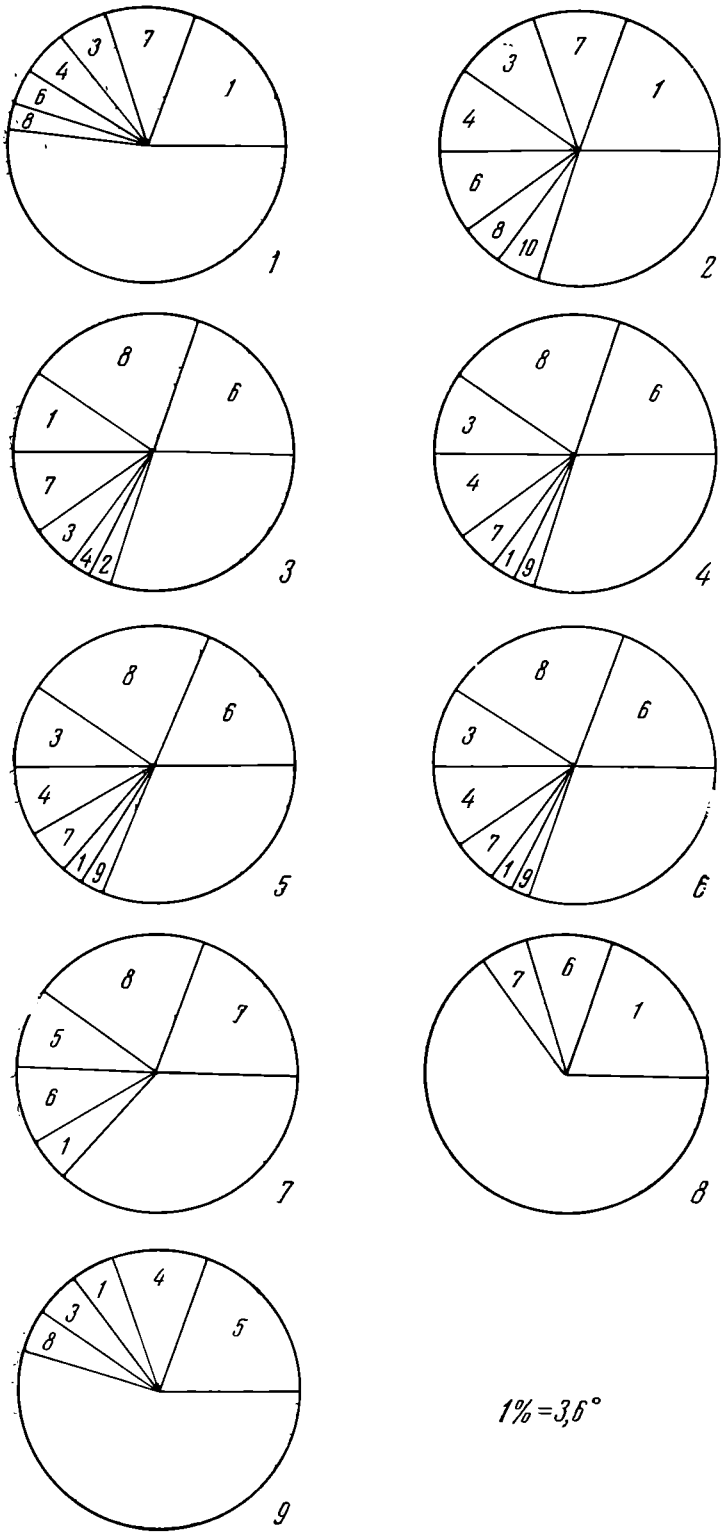


Рис. 3. Гистограммы типов вторичной обработки: *1* – Джейтуна; *2* – Песседжик-депе; *3* – Джанбас-Кала 4; *4* – Большого Тузкана 30; *5* – Дарбазакыра 1; *6* – Дарбазакыра 2; *7* – Чагыла 1; *8* – Баш-Кериза; *9* – Сарык-Су

противолежащая и затупливающая, нанесенная по одному боковому краю со стороны спинки. Для карабогазского комплекса характерны два вида ретуши — затупливающая, нанесенная по двум боковым краям со стороны спинки, и противолежащая. В индустрии балханского комплекса ведущий тип ретуши — это затупливающая, расположенная на выпуклом конце орудия. Для центральноферганского основной тип — заостряющая ретушь, нанесенная по двум боковым краям со стороны брюшка.

Кроме того, между перечисленными выше индустриями можно заметить и более мелкие различия, выраженные в наличии или отсутствии того или иного типа ретуши или нескольких типов, представленных в индустриях менее 5%. Таким образом, приведенные здесь расхождения в основных видах ретуши и способах ее нанесения также свидетельствуют о расхождениях историко-культурного характера.

Какие же различия наблюдаются в технике вторичной обработки между однокультурными индустриями? Для Джейтуна и Песседжик-депе характерен одинаковый набор спектров (рис. 3, *1, 2*), один и тот же основной тип ретуши и приемы нанесения последней, что свидетельствует о культурном единстве этих двух индустрий. Однако соотношения между составными элементами спектров у того и другого памятника разные. Так, в Песседжик-депе такие виды ретуши, как заостряющая, нанесенная по одному или двум боковым краям со стороны спинки, и затупливающая, оформляющая один продольный край со стороны спинки, встречаются в два раза чаще, чем в Джейтуне ($>10\%$ и $>5\%$ соответственно), хотя основной вид ретуши — затупливающая на скошенном конце пластины, представлен в обеих индустриях в равной степени ($>20\%$). Кроме того, в Песседжике имеется второстепенный тип ретуши — зубчатая ретушь, совершенно отсутствующая в Джейтуне.

Следовательно, между двумя памятниками прослеживается значительное сходство в наборе типов ретуши и наличии одного ведущего вида, представленного в равных соотношениях, что позволяет говорить об их историко-культурном единстве. Вместе с тем между этими же индустриями наблюдаются различия в соотношении четырех видов ретуши и способах ее нанесения, что дает право отнести последние к различиям узколокального второго порядка.

Близкую картину рисуют памятники кельтеминарской культурной общности. Между Джанбас-Калой 4 и тузканскими памятниками обнаруживается большое сходство в применении основного типа ретуши — затупливающей, нанесенной по одному боковому краю заготовки со стороны спинки и противолежащей, встречающейся в равных соотношениях ($>20\%$). Следует указать на сходство между составными элементами спектров обеих индустрий, за исключением наличия элемента затупливающей ретуши, нанесенной по двум концам пластины и встреченной только в индустрии Джанбас-Кала 4, и аналогичной ретуши, но нанесенной по двум продольным краям заготовки со стороны брюшка и обнаруженной лишь в тузканском комплексе. Различны у них соотношения характерных и второстепенных составных элементов спектра. Вместе с тем спектры Большого Тузкана 30, Дарбазакыра I и II совершенно идентичны как в наборе составных элементов, так и в их соотношении, что еще раз подчеркивает историко-культурное и узколокальное единство данного комплекса, являющегося локальным вариантом кельтеминарской культурной общности и обладающего всеми основными признаками, присущими Кельтеминару в целом (рис. 3, *3—6*).

Обратимся к третьему компоненту индустрии — типам изделий. Различия первого порядка прослеживаются в разнице спектров, отражающих наборы типов изделий, и в том числе основных типов орудий (рис. 4).

Для джейтунской индустрии характерны 14 типов изделий, где к основным относятся пластины с видимой зеркальной заполировкой и микроскребки. Для кельтеминарской — 7 типов орудий, из которых основными яв-

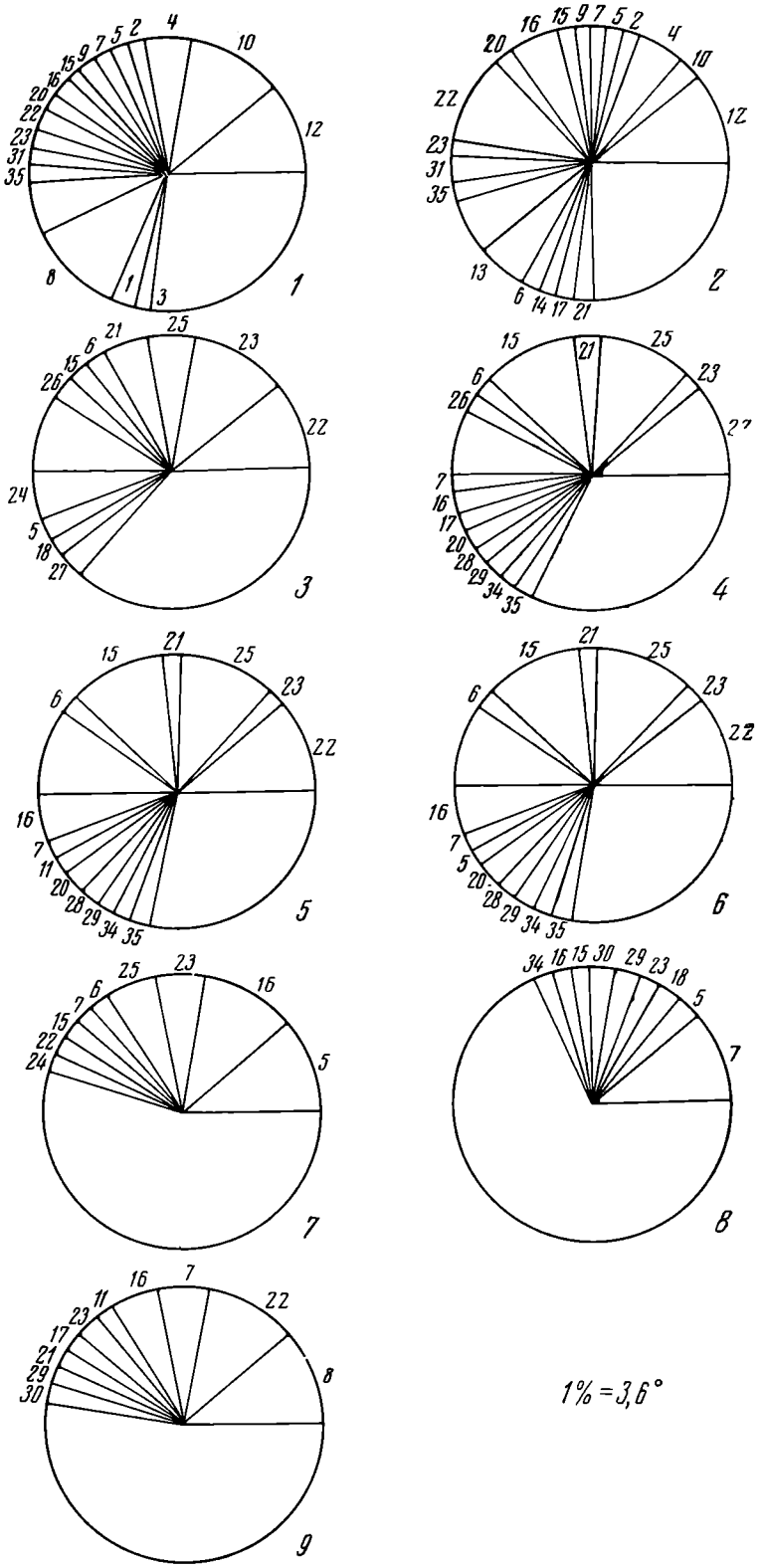


Рис. 4. Гистограммы наборов типов изделий: *1* – Джейтуна; *2* – Песседжик-депе; *3* – Джанбас-Кала 4; *4* – Большого Тузкана 30; *5* – Дарбазакыра 1; *6* – Дарбазакыра 2; *7* – Чагыла 1; *8* – Баш-Кериза; *9* – Сарык-Су

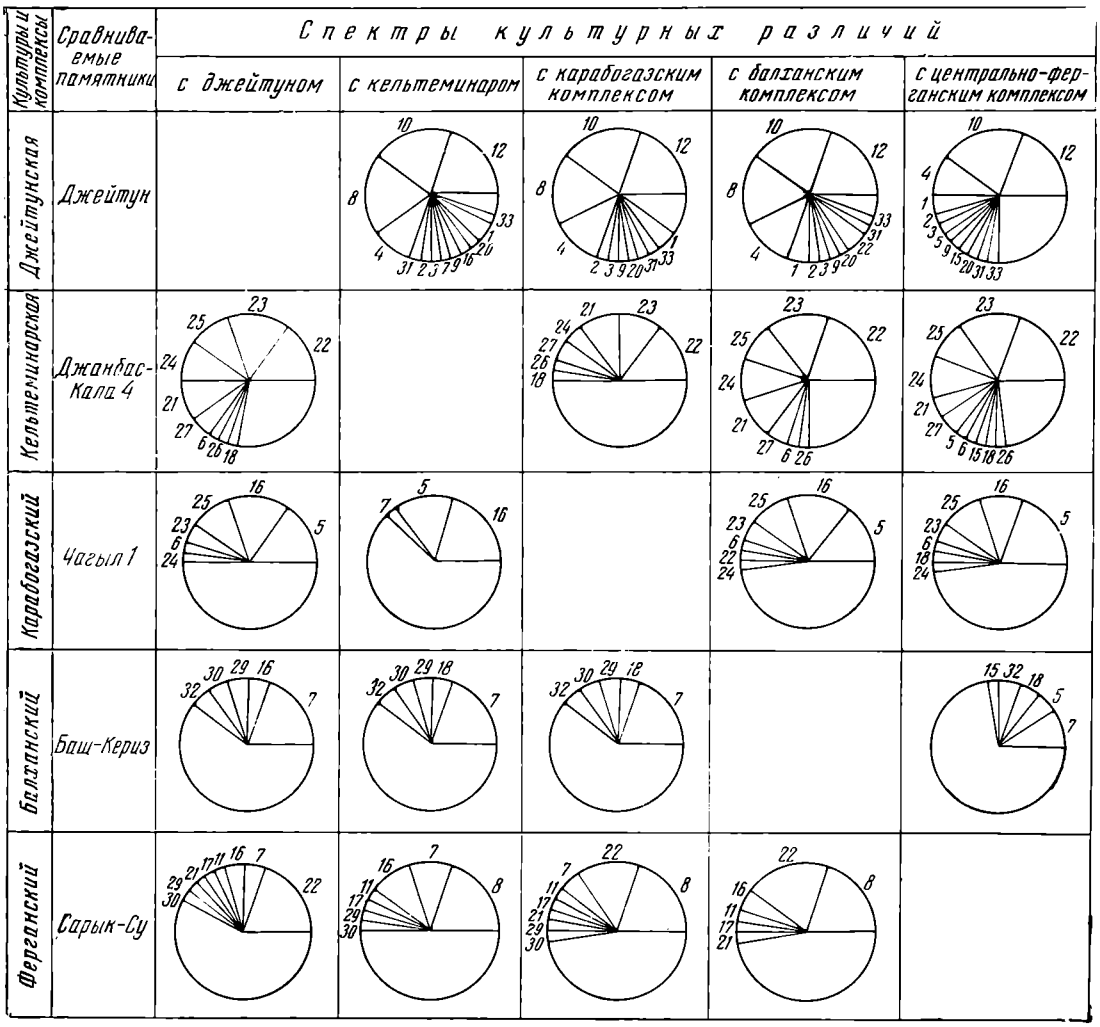


Рис. 5. Гистограммы наборов типов изделий отображающие культурные различия

ляются пластины с односторонней краевой и противолежащей ретушью, вкладыши с притупленным краем и скошенным концом. Для карабогазского комплекса типичны 9 типов изделий, включая два ведущих вида: скребки концевой формы без ретуши на продольных краях и пластины с вогнутыми ретушированными лезвиями. В балханской индустрии встречаются 9 типов орудий, из них основные — скребки на отщепах. Для ферганской индустрии отмечено 10 типов, в том числе два ведущих — микроскребки округлой формы и ножевидные пластины с односторонней краевой ретушью.

При сравнении спектров, составленных на основе типов изделий указанных выше комплексов (рис. 5), бросаются в глаза различия как в наборе типов орудий, в том числе основных, так и в соотношении отдельных видов изделий, занимающих в гистограммах больше половины всех спектров. Например, джейтунская индустрия отличается от джанбасской 13 типами изделий, включая три основных; от карабогазского — 11 видами, в том числе тремя основными; от балханской — 12 типами, из них три основных; от ферганской — 12 видами, из которых два основных.

Индустрия Джанбас-Кала 4 отличается от джейтунской 9 типами изделий, где два являются ведущими и три характерными; от карабогазской — 7 видами, включая один основной и два характерных; от балханской — 8 типами, в том числе двумя основными и тремя характерными; от ферганской — 11 типами, включая два основных и два характерных.

Карабогазская индустрия отличается от джейтунской шестью типами изделий, включая два основных и один характерный виды; от джанбасской — тремя типами, в том числе двумя ведущими; от балханской — семью типами, где два основных и один характерный типы; от ферганской — семью видами орудий, из которых один ведущий и два характерных.

Балханский комплекс отличается от джейтунской, джанбасской, карабогазской и ферганской индустрий пятью типами орудий, в том числе одним основным. Ферганская индустрия отличается от джейтунской — восемью типами, включая один основной; от джанбасской — семью типами, где один основной и два характерных вида; от карабогазской — восемью типами, из которых два ведущих; от балханской — шестью типами, в том числе двумя основными.

Таким образом, данные сравнения гистограмм по типам изделий показывают, что спектры разнокультурных индустрий существенно различаются количеством и набором типов, основными и характерными видами, процентными соотношениями тех или иных типов. Графически эти различия в целом занимают больше половины площади гистограмм, в процентном отношении — больше 50% от числа всех орудий. Следовательно, здесь представлены налицо различия крупного общекультурного плана, относящиеся к разряду культурно-исторических различий.

При сравнении гистограмм типов изделий между однокультурными памятниками выявляются различия несколько иного плана. Спектры Джейтуна и Песседжик-депе совпадают больше чем на 70%. Обе индустрии содержат 14 сходных типов изделий (рис. 4, *1*, *2*), включая основной вид, близки и процентные соотношения имеющихся типов. Различия между ними занимают лишь $^1/_3$ часть спектров, что составляет меньше 30%. Таким образом, сравнение спектров Джейтуна и Песседжик-депе показывает, что эти индустрии обладают большим сходством, отражающим их культурное единство, и имеют лишь незначительные расхождения узколокального плана.

Аналогичные расхождения можно наблюдать при сравнении одновременных индустрий Кельтеминара. Спектры тузканских индустрий почти полностью совпадают (рис. 4, *4—6*), что свидетельствует о культурном, узколокальном и хронологическом единстве данного комплекса. Спектры Джанбас-Кала 4 и тузканских стоянок имеют больше чем на 70% совпадений и только на $^1/_3$ расхождений (рис. 4, *3—6*). Сходство проявляется в наличии семи общих типов, включая два основных и два характерных, и процентных соотношениях целого ряда типов. Различия улавливаются в семи типах, представленных в индустриях около 30%, и в соотношении некоторых видов изделий.

Данные этих сравнений свидетельствуют о том, что здесь налицо культурное единство, о чем говорит значительное совпадение спектров типов изделий обоих комплексов. Вместе с тем отмеченные между ними различия, составляющие около 30% спектра, являются различиями узколокального характера и специфичны для локальных вариантов той или иной культурной общности, в данном случае кельтеминарской.

Такова картина культурных и локальных различий, прослеживаемых в неолитических индустриях Средней Азии. На примере одного региона мы попытались показать, какую существенную роль играет кремневый инвентарь при выделении культур и локальных вариантов. Зачастую он единственный источник в определении культурной принадлежности памятника и, стало быть, единственный критерий для решения целого ряда исторических вопросов. При этом обязательно следует учитывать все компоненты, составляющие индустрию: типы заготовок, ретуши, изделий, так как именно они дают целостную характеристику той или иной индустрии, подчеркивают культурное единство памятников и различия общекультурного и узколокального характера. Очень важно выяснить не только состав типов заготовок, ретуши и орудий, но также выявить основные

или ведущие типы в индустрии и процентные соотношения всех выделенных видов изделий. И если между исследованными индустриями наблюдается значительное сходство, проявляющееся в совпадении большей части спектров и составляющее выше 70—50%, налицо культурное единство. И наоборот, существенные различия, наблюдаемые в основных типах заготовок, ретуши, наборе типов изделий, ведущих типах орудий, процентных соотношениях выделенных видов, являются, на наш взгляд, различиями первого (общекультурного) порядка. При наличии 50—70% совпадений спектров и незначительного расхождения в отдельных второстепенных и малозначительных типах изделий и процентных соотношений последних — можно говорить о различиях второго порядка, относимых к разряду узколокальных.

Комплексный подход к изучению индустрий позволяет решать вопросы не только культурной принадлежности того или иного памятника, но ставить и другие проблемы: хронологии, периодизации, генезиса, культурно-исторических связей. Уже на примере изложенных выше материалов можно говорить о наличии тесных культурных связей между кельтеминарской и карабогазскими индустриями. Об этом свидетельствуют менее значительные расхождения в спектрах типов изделий между отмеченными здесь индустриями.

Достаточно сложную картину культурных и локальных различий можно видеть и на примере мезолитических комплексов Средней Азии. Последние особенно важны для установления генетических связей с рассмотренными выше неолитическими культурами и комплексами.

В настоящее время на территории Средней Азии насчитывается около 20 хорошо стратифицированных памятников эпохи мезолита. Исследование их каменного инвентаря с использованием подъемных материалов из целого ряда местонахождений этого же времени позволяет уже сейчас ставить вопрос о выделении здесь нескольких типов индустрий, соответствующих, на наш взгляд, отдельным культурам и вариантам. К сожалению, эти материалы недостаточно полно опубликованы. Некоторые из них находятся еще в стадии исследования, отсутствуют статистические подсчеты изделий, что не позволяет отразить эти индустрии в гистограммах, как это сделано для неолитических комплексов Средней Азии. Поэтому здесь нами использован традиционный подход к изучению мезолитических индустрий, но с попыткой рассматривать последние в соответствии с техникой расщепления, техникой вторичной обработки и типами изделий.

В Прикаспии различаются две группы памятников с разными индустриальными комплексами (рис. 6). Одна группа, условно названная прибалханской, объединяет материалы IV «низ» — VII слои Дам-Дам-Чешме II[8], VIII—VII слои Джебела[9], Каскыр-Булак[10]. Для нее характерна пластинчатая техника расщепления с микролитоидными элементами. Основные заготовки — крупные и средние пластины шириной 1,2—3,7 *см* удлиненных пропорций, с прямым профилем, обломки пластин, изредка массивные отщепы. Для техники оформления характерно наличие частичной занозистой, заостряющей ретуши, нанесенной лишь на рабочие участки заготовок. Для набора типов форм показательны высокие, крупные трапеции с прямыми или слегка вогнутыми боковыми краями, равнобедренные треугольники, концевые скребки на пластинах, реже округлые на отщепах с высоким лезвием, нуклеусы дисковидной и подпризматической формы, реже укороченно-конусовидной. Данная группа имеет сходство с нижними гори-

---

[8] *Г. Е. Марков.* Грот Дам-Дам-Чешме 2 в Восточном Прикаспии. СА, 1966, 2.
[9] *А. П. Окладников.* Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен. ТЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956.
[10] *П. И. Борисковский.* Палеолитические местонахождения в Туркмении. КСИИМК, XVIII, 1947.

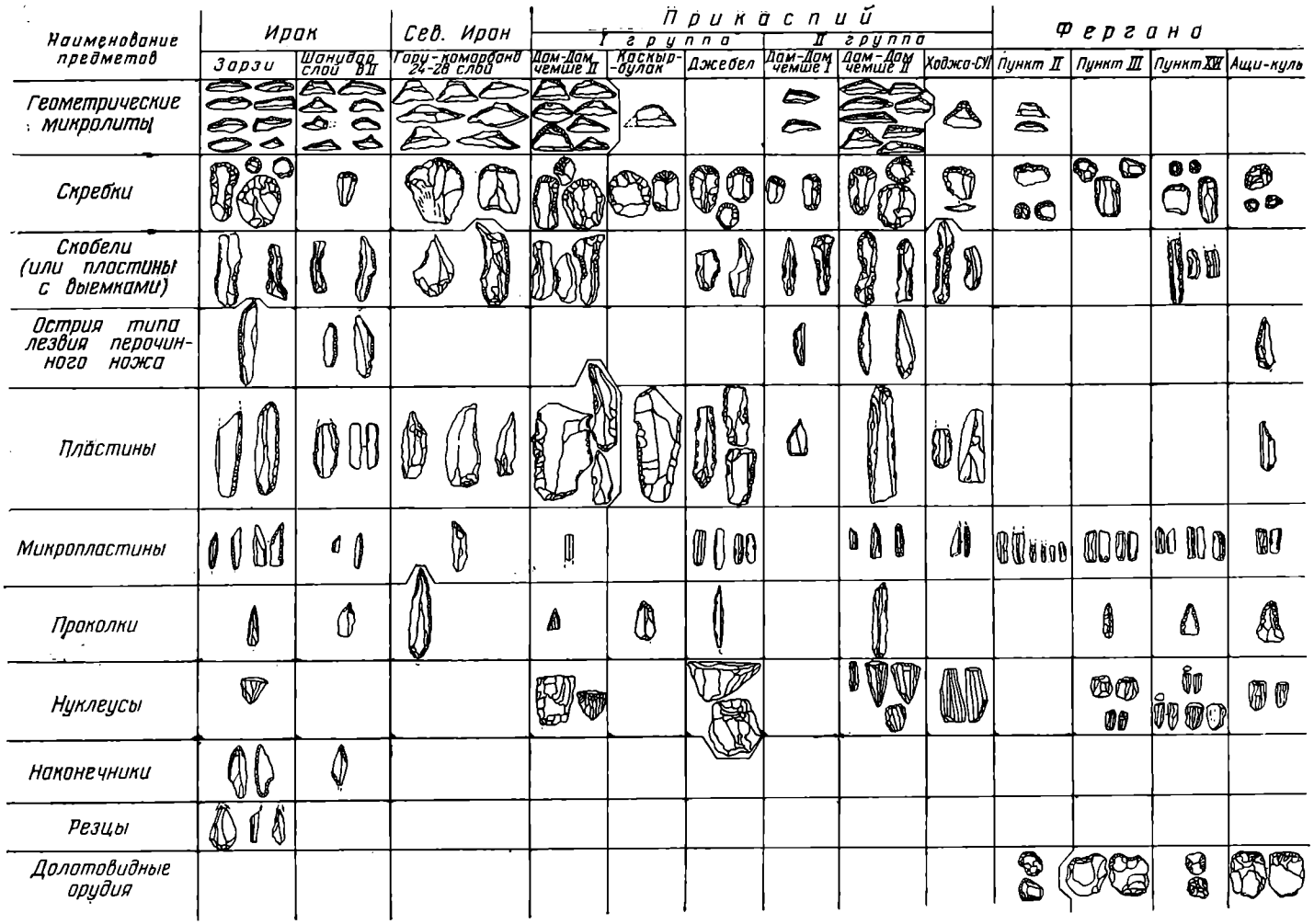


Рис. 6. Мезолитические комплексы Прикаспия, Ферганы, Ирака и Северного Ирана

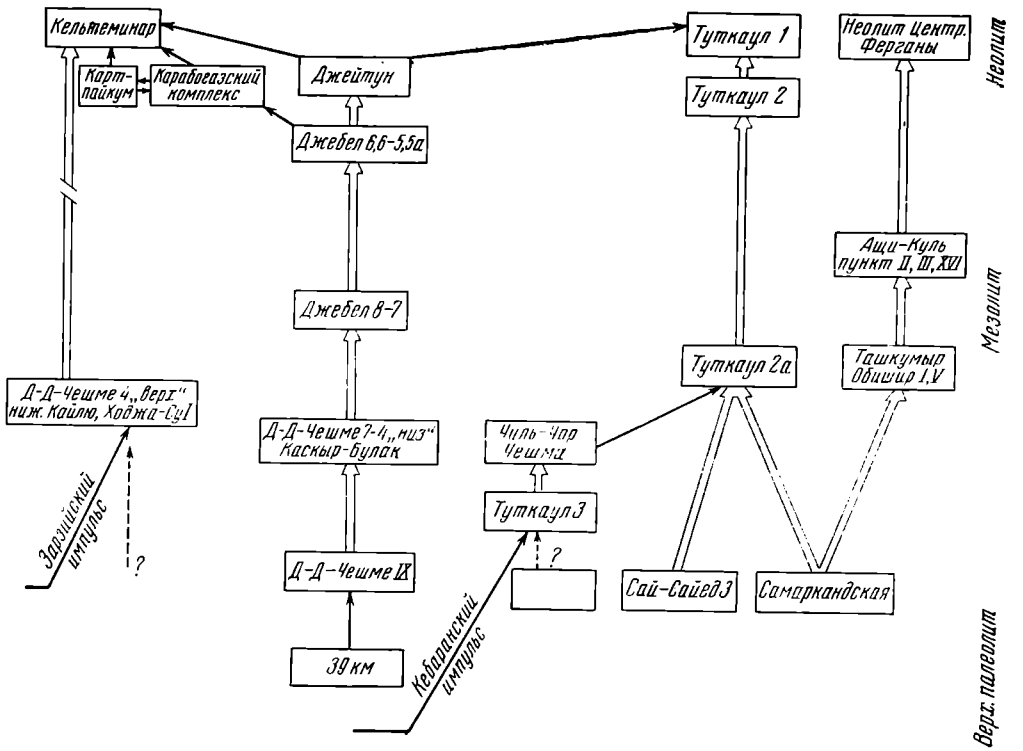


Рис. 7. Схема развития каменных индустрий Средней Азии

зонтами пещер Гари-Камарбанда и Хоту в Северном Иране[11] (рис. 6). Второй прикаспийский комплекс с совершенно иным обликом индустрии демонстрируют материалы другой группы памятников: нижние горизонты Дам-Дам-Чешме I и Кайлю[12], IV «верх» слой Дам-Дам-Чешме II[13] Ходжа-Су I[14] и др. Для техники расщепления характерны заготовки в виде крупных правильной призматической формы пластин удлиненной пропорции и микропластин. В технике оформления применяется крутая затупливающая, односторонняя краевая ретушь, нанесенная вдоль рабочих лезвий и иногда на обушковом крае. Для набора типов изделий типичны низкие, удлиненных пропорций сегменты, асимметричные вытянутые треугольники, острия типа лезвия перочинного ножа, скребки нуклевидной и концевой форм, пластины с многовыемчатыми краями, проколки с выделенным острием, микропластинки с притупленным краем и скошенным концом, нуклеусы призматической, конусовидной и карандашевидной форм (рис. 6).

На наш взгляд, этот прикаспийский комплекс, хотя и возник на местной основе, но испытал сильное влияние зарзийской технической традиции[15]. Необходимо заметить, что северные связи Зарзи с Прикаспием от-

---

[11] *C. S. Coon.* Cave explorations in Iran 1949. Philadelphia, 1951, p. 68—76; *Idem.* Excavations in Hotu cave, PAPS, 1952, vol. 96, 3, p. 254—256.

[12] *А. П. Окладников.* Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова. ТЮТАКЭ, II, Ашхабад, 1951; *его же.* Изучение памятников каменного века в Туркмении. Изв. АН Туркменской ССР, № 2, 1953; *его же.* Верхнепалеолитическое и мезолитическое время. В сб. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.—Л., 1966.

[13] *Г. Е. Марков.* Грот Дам-Дам-Чешме 2..., стр. 113—115, 122.

[14] *Г. Ф. Коробкова, Л. Я. Крижевская, А. М. Мандельштам.* К вопросу о неолите Прикаспия. В сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 53—56.

[15] *Г. Ф. Коробкова.* Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии. КСИА АН СССР, 122, 1970, стр. 22, 23.

мечали еще Р. Брейдвуд и Б. Хоув [16]. Позднее их гипотезу поддержал Ф. Смит [17]. Однако в качестве параллели они приводили материалы пещеры Джебел, являющейся по отношению Зарзи более ранней. Нам представляется, что комплекс IV «верх» слоя Дам-Дам-Чешме II, судя по публикации Г. Е. Маркова, и нижние горизонты Дам-Дам-Чешме I и Кайлю лучше всего соответствуют аналогиям Зарзи. Это проявляется в технике расщепления, приемах оформления и основных типах изделий, имеющих много общих черт с зарзийской технической традицией (рис. 6).

Итак, в Прикаспии выделяются два типа индустрий с разными техническими традициями — местной и зарзийского облика, соответствующие, на наш взгляд, судя по значительным расхождениям, наблюдаемым во всех компонентах индустрий, двум культурным комплексам. Первый комплекс условно назван прибалханским, второй — прикаспийским зарзийского типа.

Мезолитические памятники Ферганы также дают два варианта индустрий. Это прежде всего индустрия равнинных комплексов — пункты II, III, XVI, Ащи-Куль [18]; Янги-Кадам пункт 21; Бекабад 3, 4; Шор-куль 1, 2; Иттак-Кала 1, 2; пункт 2 замбарской группы [19]. К этому комплексу, как нам представляется, следует отнести подъемные материалы стоянки Сазаган I и II, расположенной в Самаркандской области [20]. Последние имеют значительное сходство с мезолитической индустрией Центральной Ферганы: микролитическая техника расщепления камня, приемы нанесения ретуши на продольные края пластин со стороны брюшка или спинки, наличие микроострий на отщепах, высоких микроскребков и скребков нуклевидной формы, миниатюрных отщепов с подтеской концов, карандашевидных, конусовидных и подклиновидных нуклеусов с торцовым скалыванием. Учитывая эти черты сазаганской индустрии, последнюю следует датировать мезолитическим временем.

Индустрия равнинных памятников Ферганы характеризуется микролитической техникой с небольшим процентом среди заготовок крупных пластин и отщепов. Для техники вторичной обработки показательна мелкая заостряющая ретушь, нанесенная по одному или двум краям пластины со стороны спинки или брюшка. Специфические типы изделий — разнообразные скребки, среди которых имеются концевые на крупных пластинах с ретушированными боковыми лезвиями, на сечениях пластин, скребки нуклевидной формы и на крупных массивных отщепах с крутым рабочим краем, микроскребки округлых форм, единичные отщепы с подтеской концов, трапеции и сегменты миниатюрных размеров приземистых очертаний, острия типа шатель-перрон и граветт, нуклеусы карандашевидной, подклиновидной и плоской призматической форм. В основном это вкладышевые типы, реже — крупные безрукояточные орудия.

Индустрия второго варианта пещерных комплексов Ферганы представлена материалами Обишира I и V [21] и Ташкумыра [22]. Она отличается сочe-

[16] *R. J. Braidwood and B. Howe.* Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. SAOS, 1960, 3, Chicago, p. 157.

[17] *Ph. E. L. Smith.* The Palaeolithic of Iran. Mélanges de Préhistoire d'Archéocivilisation et d'Ethnologie offerts à André Varaghac. Paris, 1971, p. 691.

[18] *Г. Ф. Коробкова.* Проблема культур..., стр. 24.

[19] *В. И. Тимофеев.* Выделение территориальных групп среди неолитических стоянок Ферганы, стр. 63.

[20] *Д. Н. Лев.* Итоги работы археологического отряда Самаркандского гос. университета в 1966 г. Тр. СамГУ. Новая серия, вып. 218, Самарканд, 1972, стр. 11—17; *В. А. Холюшкина.* Неолитическая стоянка Сазаган. Тезисы докладов XXXI студенческой научной конференции (истор. науки). Самарканд, 1972, стр. 9—11.

[21] *У. И. Исламов.* К вопросу о локальных вариантах эпохи мезолита и неолита в Узбекистане. В сб. «Каменный век Средней Азии и Казахстана», стр. 44, 45; *его же.* Некоторые итоги и перспективы изучения эпохи мезолита в Узбекистане. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, стр. 14.

[22] *М. Б. Юнусалиев.* В глубь тысячелетий по долинам Киргизстана. Фрунзе, 1970, стр. 12, 24; *У. И. Исламов.* Ук. соч., стр. 44, 45.

танием галечной и пластинчатой техники расщепления, где основные заготовки — микропластинки, гальки, осколки галек и отщепы. Для техники оформления характерна затупливающая односторонняя, порою встречная, краевая ретушь и оббивка. Характерные изделия — крупные сегменты удлиненных пропорций с массивной пологой дугой, скребки на отщепах с крутым рабочим краем, чопперы, чоппинги, скребла с выделенным острием, плоские призматические нуклеусы. По своим техническим традициям пещерные комплексы Ферганы стоят ближе всего к самаркандской верхнепалеолитической стоянке [23].

К сожалению, материал ферганских мезолитических комплексов недостаточно полно опубликован. Поэтому в настоящее время нельзя говорить с определенностью, являются ли эти две группы памятников разнокультурными комплексами, этапами одной мезолитической культуры или локальными вариантами. Пока лишь можно утверждать, что между указанными группами наблюдаются очевидные различия в технических традициях — в технике расщепления камня, приемах оформления ретушью, наборе типов изделий. Для удобства назовем группу равнинных памятников ферганской, пещерных — обиширской.

Разнообразие индустрий Таджикистана также свидетельствует о неоднородности мезолитических комплексов. С одной стороны, здесь имеется комплекс типа Туткаул 2а [24] с пластинчатой техникой расщепления и элементами галечной, где в технике ретуширования преобладает мелкая затупливающая ретушь, нанесенная на боковые края изделий со стороны спинки или во встречном направлении. В типах орудий широко представлены крупные приземистые сегменты удлиненных пропорций с массивной пологой дугой, острия типа перочинного ножа и граветт. В незначительном числе присутствуют галечные орудия — чопперы и чоппинги, отщепы с подтеской концов. Из нуклеусов преобладают подпризматические и конусовидные формы со смежными ударными площадками или торцовым скалыванием. По своим техническим традициям этот комплекс тяготеет к пещерным мезолитическим памятникм Ферганы, образуя, по-видимому, местный туткаульский вариант обиширской группы.

С другой стороны, имеются материалы 3-го горизонта Туткаула [25], VI слоя Ак-Танги [26] и Чиль-Чор-Чешмы [27], которые характеризуют индустрию иного культурного облика. Для техники расщепления типична пластинчатая микролитоидная техника. Основные заготовки — микропластинки призматической формы неправильных очертаний и мелкие отщепы. Частично используются обломки крупных широких пластин трапециевидного сечения. Для техники оформления характерна мелкая затупливающая ретушь, нанесенная по двум или трем краям изделия со стороны спинки. Ведущие типы изделий — низкие приземистые трапеции: прямоугольники, оформленные по двум боковым и верхнему краям мелкой затупливающей ретушью, микроскребки ногтевидной формы, концевые на

---

[23] *Д. И. Лев.* Поселение древнекаменного века в Самарканде (исследования 1958—1960 гг.). Тр. СамГУ. Новая серия, вып. 135, Самарканд, 1964; *его же.* Некоторые итоги археологических исследований Самаркандского гос. университета в 1965 г. Тр. СамГУ, вып. 166, Самарканд, 1966; *его же.* Палеолит Самаркандской области и его специфические особенности, там же; *его же.* Итоги работы археологического отряда Самаркандского гос. университета, там же, стр. 17—67.

[24] *В. А. Ранов, Г. Ф. Коробкова.* Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры. СА, 1971, 2.

[25] Там же, стр. 144, рис. 5 (нижняя половина).

[26] Полевые исследования В. А. Ранова в 1963 г.

[27] *А. П. Окладников.* Исследования памятников каменного века Таджикистана. Предварительное сообщение о работах 1948 г., 1952—1954 гг. МИА, 66, 1958, стр. 48—58; *его же.* Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы. Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии (29 октября — 4 ноября 1956 г.). М.— Л., 1959, стр. 175—176; *В. А. Ранов.* О сопоставлении археологических данных со стратиграфией четвертичных отложений Таджикистана. Изв. АН Таджикской ССР. Отд. обществ. наук, вып. I (24), Душанбе, 1961, стр. 107.

обломках пластин. Для нуклеусов типичны дисковидные и укороченно-конусовидные формы. В качестве сырья используется только кремень.

Этот комплекс резко отличается от известных в настоящее время мезолитических индустрий Средней Азии. Вместе с тем по своим техническим традициям он близок кебаранской индустрии Ближнего Востока. В качестве прямой параллели следует привести материалы Кебары С[28] с которыми Туткаул 3 обнаруживает много черт сходства. Подавляющее место в индустрии Кебары С тоже занимают геометрические микролиты — прямоугольники-трапеции, составляющие около 30—40% всех орудий, где основные заготовки — микропластинки, реже крупные пластины и мелкие отщепы. В технике ретуширования известна только мелкая затупливающая ретушь. Элементов встречной ретуши не обнаружено. Основными типами орудий следует назвать трапеции — прямоугольники и микроскребки[29]. Вместе с тем в Кебаре С встречаются разносторонние треугольники, резцы, острия типа микрошательперрон и микрограветт, которые неизвестны в индустрии 3-го горизонта Туткаула.

Приведенные сравнения позволяют ставить вопрос о возможном кебаранском проникновении, оказавшем влияние на туткаульскую индустрию, что выразилось в сходстве заготовок орудий, технике вторичной обработки, ведущих типах. Вместе с тем отмеченные выше различия между туткаульскими и кебаранскими комплексами говорят о большом своеобразии индустрии Туткаула 3.

Материалы Ош-Хоны[30] демонстрируют особый тип индустрии, в основе которой лежит микролитоидная галечная техника расщепления камня с отдельными элементами пластинчатой, где орудия обрабатывались крутой затупливающей ретушью, а основными типами являлись концевые скребки, микроскребки, скребла, пластины с выемками и др. Налицо сосуществование грубых крупных форм изделий с изящными микроорудиями[31]. Для этого комплекса нехарактерны геометрические микролиты, столь широко распространенные в мезолитических индустриях Средней Азии.

Таким образом, индустрия Ош-Хоны являет собой образец нового, особого культурного комплекса, не находящего пока аналогий в пределах рассматриваемой территории и вне ее. Отсутствие полной публикации материалов Ош-Хоны не позволяет высказаться с большей определенностью о культурной принадлежности этого памятника. Вместе с тем своеобразный облик каменного инвентаря ярко проступает на фоне известных мезолитических комплексов, несмотря даже на предварительную его публикацию.

В Таджикистане известен еще целый ряд местонахождений мезолитического времени, подъемный материал с которых отличается по своему облику от описанных выше памятников. К ним относятся местонахождения у искусственного водохранилища в Куи-Бульене, в Дангаре, Дагана-Кииk, Оби-Кииk и др.[32] Для индустрии этих памятников характерно нали-

---

[28] *F. Turville-Petre.* Excavations in the Mugharet-el-Kebara. JRAJ, vol. LXII, 1932, p. 276; *R. Neuville.* Le paléolithique et mésolithique du Désert de Judée. Paris, 1951, p. 119; *D. Kirkbride.* A Kebaran Rock-Shelter in Wady Madamagh near Petra. Man, t. 28, 1958; *M. Stekelis.* Le gisement mésolithique du Kefar Vitkin. L'Anthropologie, t. 72, № 3–4, 1958, стр. 328–331; *Idem.* Iraq-el-Baroud nouvelle grotte préhistorique au Mont Carmel. BRCJ, section G., vol. 10, 1961.

[29] *F. Turville-Petre.* Excavations in the Mugharet-el-Kebara..., p. 276, fig. 11.

[30] История Киргизии, т. I. Фрунзе, 1963, стр. 51—52; История таджикского народа, т. I. М., 1963, стр. 75, 78; *В. А. Ранов.* Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире (1956—1958 гг.). МИА, 124, 1964, стр. 44, 45.

[31] История таджикского народа..., стр. 76, 77.

[32] *А. П. Окладников.* О работах по изучению каменного века Таджикистана в 1957 г. (в Гиссарской и Дангаринской долинах). Тр. АН Таджикской ССР, т. CIII, Душанбе, 1959, стр. 12, 16; *его же,* Исследование памятников каменного века Таджикистана..., стр. 44; *В. А. Ранов.* Изучение каменного века Средней Азии за двадцать лет (1945—1965 гг.). В сб. «Материальная культура Таджикистана», I. Душанбе, 1968, стр. 23.

чие удлиненных низких сегментов, асимметричных треугольников, острий с притупленным краем, со скошенным концом, выемчатых пластин, массивных нуклевидных скребков. По справедливому замечанию А. П. Окладникова, эти вещи весьма близки комплексам типа Дам-Дам-Чешме I [33]. В настоящее время к этим аналогиям можно добавить материалы IV «верх» слоя Дам-Дам-Чешме II. Вместе с тем из-за малочисленности материала данной группы памятников вопрос о культурной принадлежности последних остается открытым. Наличие же таких выразительных вещей, как геометрические микролиты в виде приземистых удлиненных сегментов с пологой дугой и асимметричных крупных треугольников, острий с притупленным краем, скошенным концом и других изделий, известных по зарзийским комплексам, позволяет гипотетически отнести рассматриваемую группу памятников к кругу прикаспийской культуры с зарзийской технической традицией (типа IV «верх» слоя Дам-Дам-Чешме II, нижних горизонтов Дам-Дам-Чешме I и Кайлю, Ходжа-Су I и др.).

Кроме того, учитывая эволюцию кебаранской индустрии на Ближнем Востоке в сторону усиления геометризации [34], не исключено также, что группа памятников типа Оби-Киик и дангаринского местонахождения окажется в одной линии развития с Туткаулом 3, занимая верхнюю ступеньку в этой линии.

Как видно из приведенной характеристики мезолитических комплексов, в культурно-хронологическом отношении они столь же разнообразны, как и культуры неолита Средней Азии. Следует надеяться, что комплексный подход к изучению индустрий с учетом всех компонентов последних, который станет возможен после полной публикации мезолитических материалов, позволит с большей определенностью подойти к вопросу генезиса рассмотренных выше неолитических культур Средней Азии.

В настоящее время на основе приведенных соображений о специфике и направленности культурно-исторических связей пластинчатых индустрий Средней Азии, кратко охарактеризованных выше, можно поставить вопрос о многолинейном характере их генетического развития (рис. 7). Так, с углублением наших знаний о древних культурах неолитической и мезолитической эпох мы приближаемся к конкретно-исторической характеристике сложных процессов, происходивших в период сложения этих индустрий. Вместе с тем уже сейчас можно говорить, что в сложении их участвовали не только местные культуры типа Самаркандской стоянки и 3-го горизонта Сай-Сайеда, мастерской на 39 *км* и IX слоя Дам-Дам-Чешме II, заметное влияние на них оказывали ближневосточные связи с памятниками Зарзи и, возможно, Кебары. Это и неудивительно, так как культуры каменного века Средней Азии были связаны с древнейших времен с культурами Ближнего Востока, образуя порой их периферию или складываясь не без влияния последних.

Подводя итоги данной работы, нужно еще раз подчеркнуть огромное значение каменных индустрий — полноправных и незаменимых источников в решении целого ряда исторических вопросов. Правильный и тщательный подход к их изучению позволяет рассматривать их как отдельные историко-культурные явления, находящиеся в той или иной связи и взаимозависимости.

---

[33] *А. П. Окладников.* О работах по изучению каменного века..., стр. 14.

[34] *M. Stekelis.* Iraq-el — Baroud..., p. 304; Idem. Le gisement mésolithique du Kefar Vitkin..., p. 328—331.

G. F. Korobkova

CULTURES ET VARIANTES LOCALES DU MESOLITHIQUE ET DU NEOLOTHIQUE EN ASIE CENTRALE D'APRES LE MATERIEL DE L'INDUSTRIE LITHIQUE

Résumé

Cet article traite de la distinction à faire entre les cultures et leurs variantes locales d'après les matériaux de l'industrie des lames en Asie Centrale, industrie considérée comme un ensemble de types d'objets non finis (technique de taille par pression), de types de retouches (technique de la retouche), de types d'outils (ensemble des types de formes). Le tableau général des types, comprenant la distinction des types selon le degré de leur répartition (ill. I), et l'analyse de trois sortes de types ont montré que les différences, qui sont de l'ordre de 50%, peuvent être attribuées aux différences du plan culturel général. C'est justement à ce degré que diffèrent les industries (ill. 5) de Djeitoune (ill. 2, *1, 2*; 3, *1, 2*; 4, *1, 2*), de Keltéminar (ill. 2, *3—6*; 3, *3—6*; 4, *3—6*), de Karabogaz (ill. 2, *7*; 3, *7*; 4, *7*), de Balhane (ill. 2, *8*; 3, *8*; 4, *8*) et de la Ferghana centrale (ill. 2, *9*; 3, *9*; 4, *9*). En comparant les histogrammes des monuments de même culture, par exemple ceux des cultures de Djeitoune (ill. 2, *1, 2*; 3, *1, 2*; 4, *1, 2*) et de Keltéminar (ill. 2, *3—6*; 3, *3—6*; 4, *3—6*), on peut évaluer à 70% leur ressemblance, ce qui permet de parler de variantes locales au sein d'une même culture ou d'une même communauté locale. La confrontation des industries néolithiques en Asie Centrale avec les ensembles mésolithiques (ill. 6) montrent le caractère plurilinéaire de leur développement génétique (ill. 7). On peut se demander si, dans la formation des ensembles mésolithiques en Asie Centrale, un rôle important n'a pas été joué par les liens entre le Proche — Orient et la tradition technique des Zarziniens (Dam — Dam — Tchechmé 2, couche 4 «supérieure», et les niveaux inférieurs de Dam — Dam — Tchechmé 1), et peut — être celle de Kébarane (Toutkaoul, couche 3).

В. С. ПАТРУШЕВ

АКОЗИНСКО-МЕЛАРСКИЕ КЕЛЬТЫ МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Одним из наиболее выразительных предметов ананьинской культуры, так же как и вообще культур эпохи раннего железа лесостепной полосы Евразии, являются втульчатые бронзовые кельты. Они представляют собой отлитые в формах обычно более или менее вытянутые в длину орудия труда или оружие. При помощи сомкнутой прямой втулки без обуха, опущенной к лезвию примерно на $^2/_3$ длины, кельт прикреплялся к вытянутой параллельно лезвию деревянной рукояти. По широкой плоскости кельтов нанесены различные узоры, характерные для определенных форм. К востоку от районов Средней Волги и Нижнего Прикамья распространены плоские кельты с линзовидным, овальным или шестигранным сечением втулки ананьинского типа, к западу, вплоть до территории скандинавских стран, широко представлены кельты с трубчатой втулкой вытянутых пропорций и одним боковым ушком. При наличии определенных форм и орнамента в отдельных группах памятников кельты могут быть выделены как культурный показатель.

В западных районах распространения ананьинской культуры, в частности в Марийском Поволжье и прилегающих районах, бытуют обе указанные формы кельтов. Всего из этого района в настоящее время известно 349 кельтов (рис. 1).

До 60-х годов нашего столетия о кельтах с указанной территории имеются лишь отрывочные сведения, а попытка дореволюционных исследователей дать типологию кельтов нередко основывалась на единичных находках [1]. Позднее кельты ананьинского типа рассматривались А. В. Збруевой [2]. Первая попытка классификации кельтов из ананьинских памятников Марийского Поволжья на основе материала Акозинского могильника сделана А. Х. Халиковым [3].

Из раскопов Старшего Ахмыловского могильника известно 296 кельтов. Из них 229 обнаружено в комплексах погребений, а 64 происходят из разрушенных погребений или являются подъемным материалом с площади могильника. Кроме того, три кельта опубликованы А. А. Штукенбергом [4] и А. Х. Халиковым [5] как находки в районе Ахмылово — Коротни. В Акозинском могильнике найдено 38 кельтов, из них 15 в комплексах

[1] *А. А. Штукенберг.* Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной половины Европейской России. Изв. ОАИЭКУ, XVII, вып. 4, Казань, 1901; *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет ГИМ за 1914 г. М., 1916; *А. М. Tallgren.* Die bronzecelte vom sog. Ananino-tupus. Finnisch-ugrische Forschungen. Bd XVII, H.— L., 1912; *его же.* Collektion Zaoussailov, an musee historique de Finlande a Helsingfors. Bd 1, 1916.

[2] *А. В. Збруева.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952.

[3] *А. Х. Халиков.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. Тр. Мар. АЭ, II. Йошкар-Ола, 1962, стр. 32 сл.

[4] *А. А. Штукенберг.* Ук. соч., стр. 183, табл. III, *16.*

[5] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 104, табл. XXI, *4, 5.*

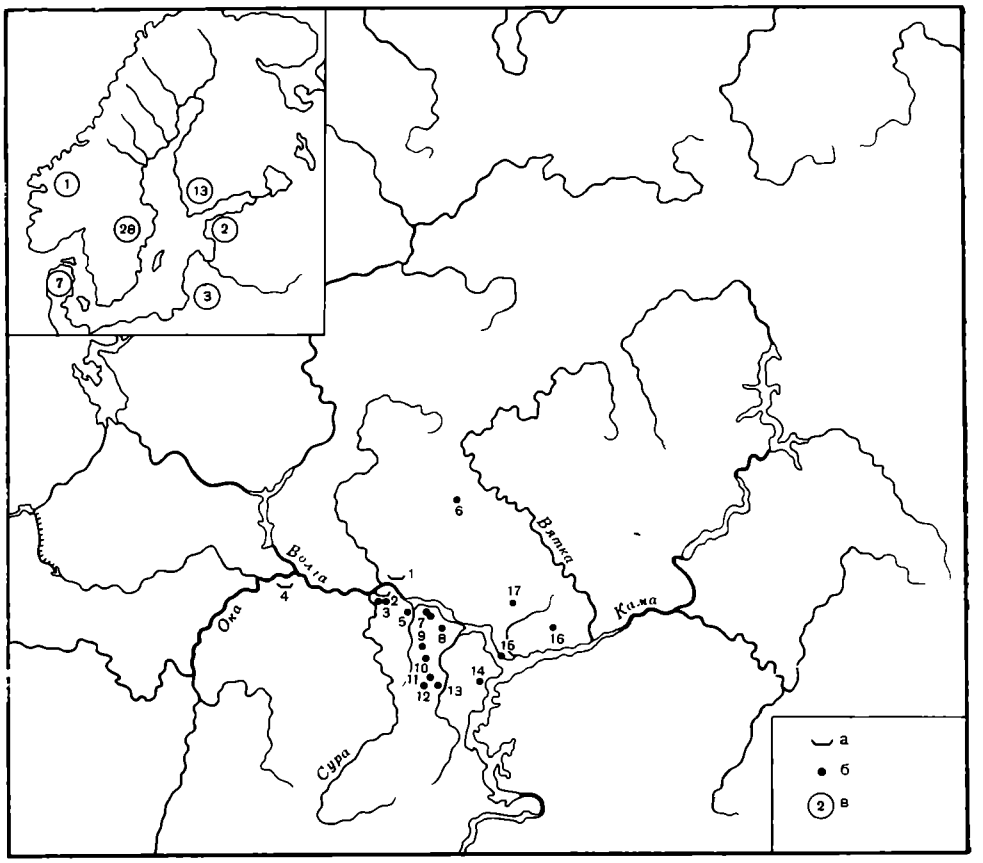


Рис. 1. Карта распространения кельтов акозинско-меларского типа: *а* — могильники; *б* — отдельные находки в Среднем Поволжье; *в* — количество кельтов. *1* — Старший Ахмыловский могильник; *2* — Акозинский могильник; *3* — Малахайские находки; *4* — Младший Волосовский могильник; *5* — Альменево; *6* — Юранга; *7* — Чебоксарские находки; *8* — Криуши; *9* — Цивильская находка; *10* — Кувшиново; *11* — Мендиарово; *12* — Бакырчи; *13* — Биябаш; *14* — Тетюши; *15* — Ташкермень; *16* — Нырсы; *17* — Танеевка (Танайка)

погребений; 14 кельтов известны из различных мест Марийского Поволжья и прилегающих к нему районов [6].

По форме кельты подразделяются на две большие группы. 141 имеют акозинско-меларскую (или акозинскую) форму [7] (рис. 2, *А*), 208— ананьинскую (рис. 2, *Б*). Обе группы синхронны. Они встречены в одних и тех же могильниках (Старший Ахмыловский и Акозинской), в погребениях с однообразным комплексом вещей. Характерно, что совместно в одной могиле, за редким исключением, они не встречены.

В настоящей работе мы остановимся лишь на характеристике кельтов акозинско-меларского типа. Кельты этого типа имеют вытянутое втульчатое тулово с округлым или подромбическим сечением; слегка округлое или, реже, почти прямое лезвие, длина которого больше диаметра тулова. Все они, кроме деформированных, имеют боковое ушко, расположенное в 2—5 *см* от края втулки или приближенное вплотную к последнему. От ушка вокруг тулова отходят три-четыре горизонтальных валика. По широкой плоскости от края втулки или горизонтальных валиков у большинства кельтов опущено продольное ребро. Боковые грани придают кельтам шестигранность в нижней части тулова.

[6] Там же, стр. 107 сл.

[7] А. Х. Халиков «акозинскими» назвал разновидности кельтов меларского типа (см. Очерки..., стр. 38). В дальнейшем они известны под названием «акозинско-меларских» (см. *В. С. Патрушев, А. Х. Халиков.* Ахмыловский археологический комплекс. АО — 1966, М., 1967, стр. 94—98).

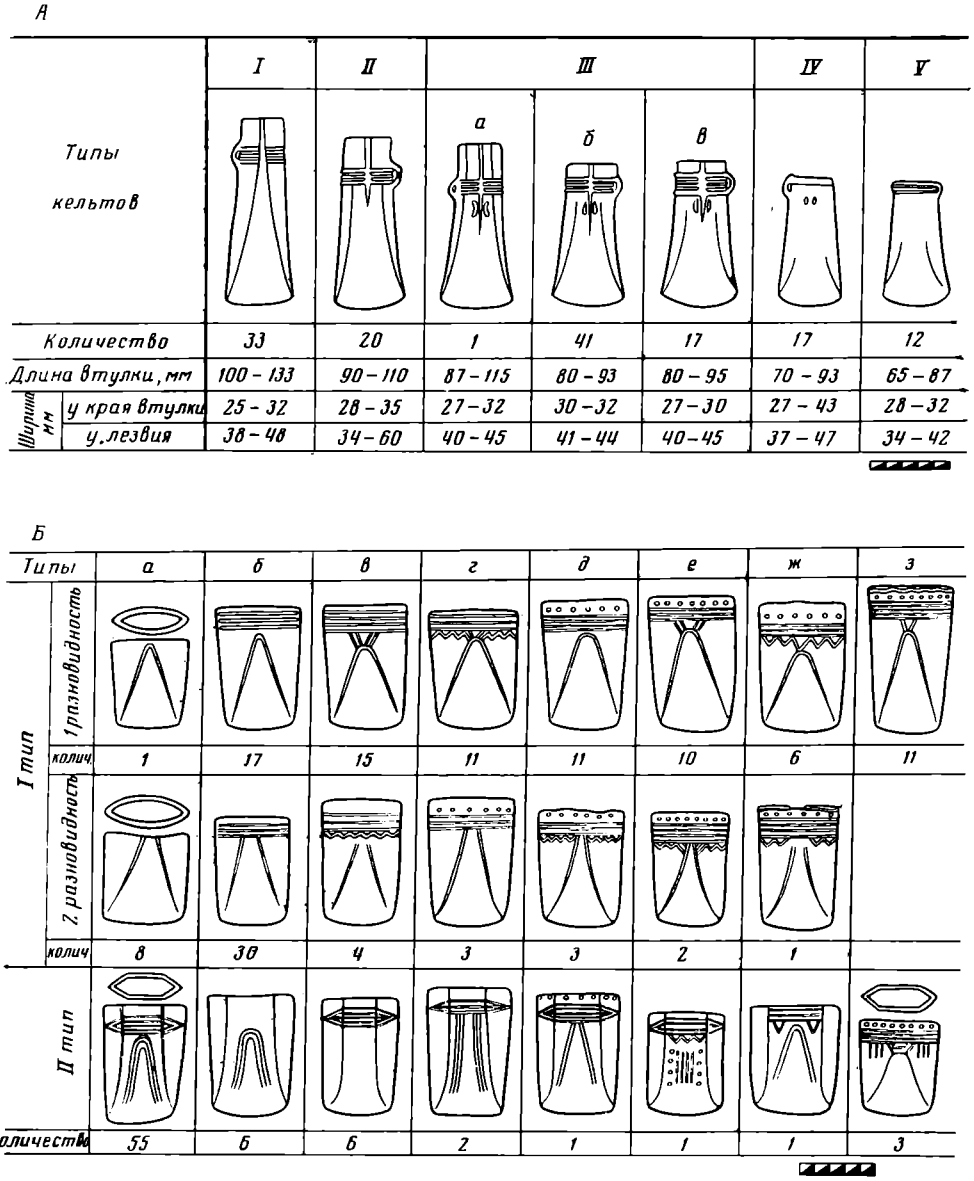


Рис. 2. Типы кельтов Марийско-Чувашского Поволжья: *А* — акозинско-меларские; *Б* — ананьинские

I тип (рис. 2, *А* —I) —33 экз.; 26 происходят из Старшего Ахмыловского могильника (погребения 4, 59, 61, 68, 257, 293, 306, 308, 441, 553, 554, 557, 566, 567, 568, 572 (№ 1, 2), 587, 595, 603, 628, 685, 720, 730, 748 и находки из кв. М/4 раскопа 2 1969 г.). Один кельт найден на участке $^{4}/_{5}$ в раскопе 1952 г. Акозинского могильника [8], один известен среди Малахайских находок [9]. Пять кельтов происходят из прилегающих районов из разных сборов в бассейне р. Свияги из деревень Биябаш [10], Кувшиново [11] и Бакырчи [12], в бассейне р. Меши из деревень Нырсы [13] и Ташкермень [14] (рис. 1). Это кельты с вытянутым туловом и ромбическим сече-

[8] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 34, табл. I, *1*.
[9] Там же, табл. XIX, *1*.
[10] *A. M. Tallgren.* Collektion Zaoussailov... стр. 32, табл. X, *6*.
[11] Там же, табл. IX, *1*.
[12] Там же, табл. IX, *4*.
[13] Там же, табл. IX, *3*.
[14] *А. А. Штукенберг.* Ук. соч., стр. 189, табл. III, *1*.

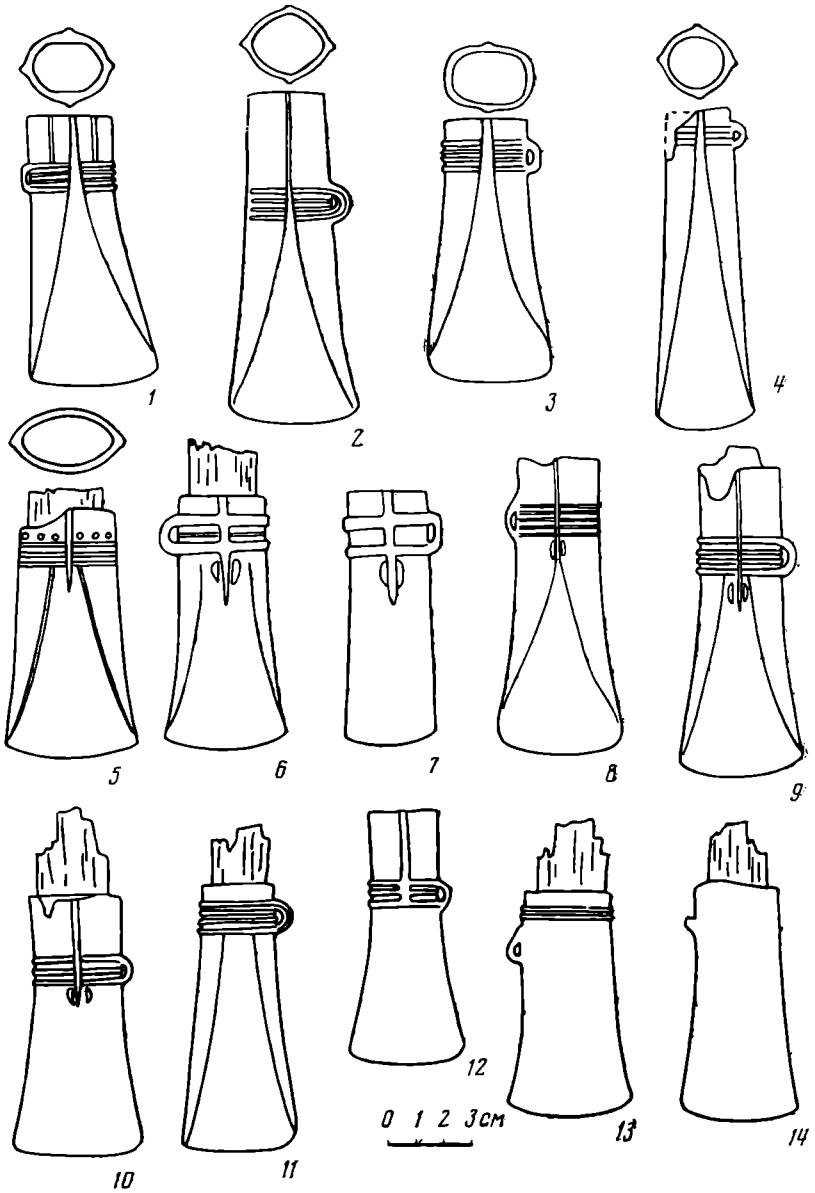


Рис. 3. Старший Ахмыловский могильник: *1* – погр. 4; *2* – погр. 720; *3* – погр. 61; *4* – погр. 566; *5* – погр. 631; *6* – погр. 379; *7* – погр. 367; *8* – погр. 433; *9* – погр. 555; *10* – погр. 714; *11* – погр. 535; *12* – погр. 549; *13* – погр. 407; *14* – погр. 400. *1* – *14* – бронза

нием втулки (лишь 11 кельтов имеют более или менее округлое сечение) и округлым или, реже, прямоугольным ушком, отстоящим на 0,5—3 *см* от края втулки. Длина их обычно колеблется от 10 до 13,3 *см*, диаметр втулки 2,5—3,2 *см*, ширина у лезвия 3,8—4,8 *см*. Подтреугольная грань по продольной оси широких плоскостей, начинаясь у края втулки, завершается лезвием (кроме одного кельта из Малахайских находок). В верхней части она перерезает и сглаживает поперечные горизонтальные валики.

Дата кельтов данного типа устанавливается целым рядом комплексов вещей. Ранним является, очевидно, узкий кельт с ромбическим сечением втулки и округлым ушком из погр. 257 Старшего Ахмыловского могильника (типа рис. 3, *4*). Также ранним является, вероятно, кельт из погр. 553 (рис. 4, 7) Старшего Ахмыловского могильника. Он сопровождался бронзовой гривной с загнутыми концами. Подобные ей гривны датированы

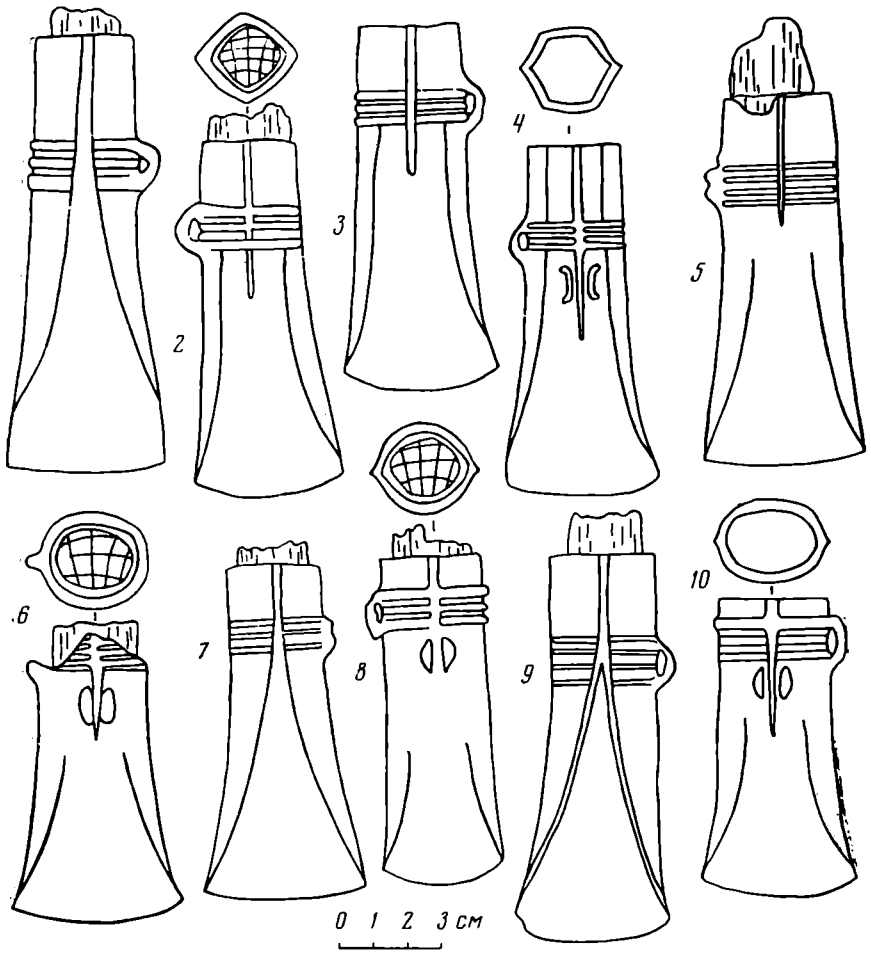


Рис. 4. Старший Ахмыловский могильник: *1* – погр. 554; *2* – погр. 314; *3* – погр. 660; *4* – погр. 669; *5* – погр. 704; *6* – погр. 359; *7* – погр. 553; *8* – погр. 421; *9* – погр. 557; *10* – погр. 408. *1* – *10* – бронза

VIII—VII вв. до н. э. (по Е. И. Крупнову) [15]. В погр. 554 Старшего Ахмыловского могильника кельт (рис. 4, *1*) встречен с втульчатым железным наконечником копья, имеющим продольное ребро вдоль пера (рис. 5, *12*). Аналогичный наконечник из Акозинского могильника А. Х. Халиковым датирован VIII—VII вв. до н. э. (по А. А. Иессену) [16]. Кельт из погр. 257 сопровождался цилиндрической бляшкой-обоймой с выпуклым верхом (рис. 5, *6*). Подобные им К. Ф. Смирновым датированы VIII—VII вв. до н. э. [17]

VII в. до н. э. могут быть датированы кельты I типа из следующих погребений Старшего Ахмыловского могильника: 557 (рис. 4, *9*) — по накладке головного убора (рис. 6, *13*), аналогичная которой найдена в погр. 62 Акозинского могильника [18]; 441 — по сопровождающей кельт умбоновидной бляшке (рис. 6, *14*), аналогии которой есть в Акозинском могильнике в комплексе VII в. до н. э.[19].

Возможно, кельты I типа бытовали здесь во второй половине VIII—VII вв. до н. э., так как ни в одном случае они не встречены в комплексах VI в. до н. э. На раннюю дату подобного кельта из Акозинского могиль-

[15] *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 205.
[16] *А. Х. Халиков.* Очерки..., стр. 46, табл. V, *1*.
[17] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов. М., 1961, стр. 95.
[18] *А. Х. Халиков.* Ук. соч., стр. 87.
[19] Там же, стр. 87.

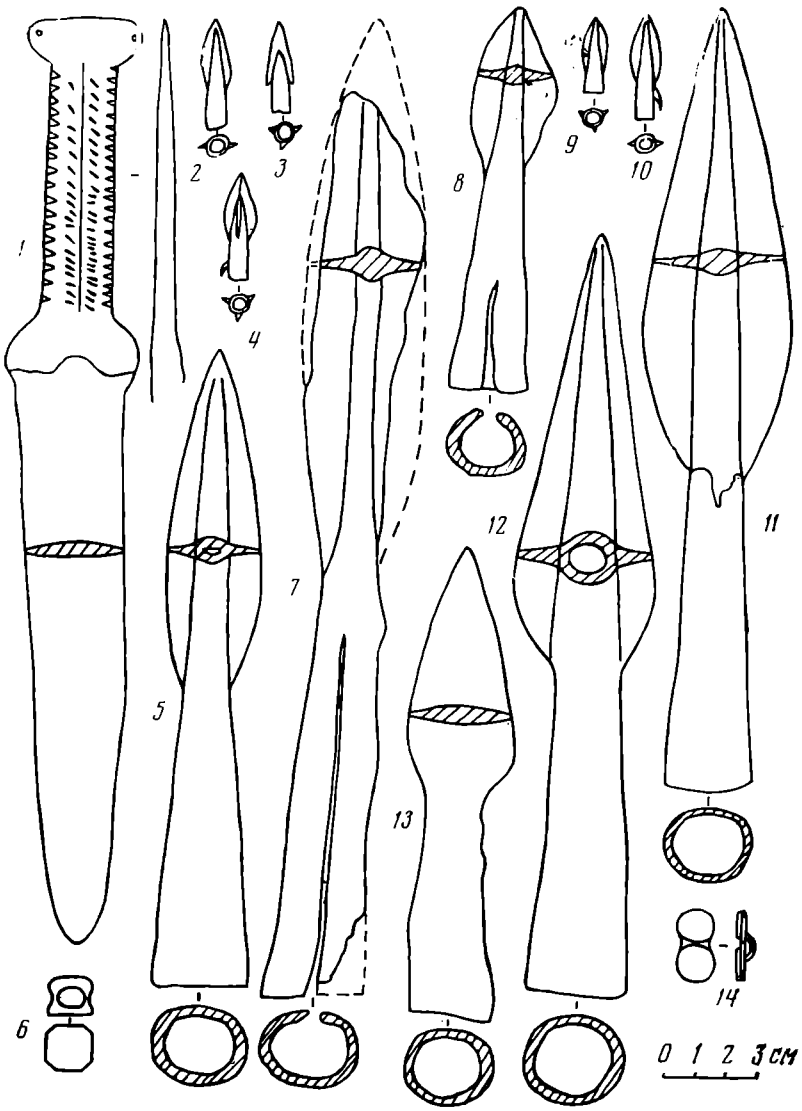


Рис. 5. Старший Ахмыловский могильник: *1–4* погр. 407; *5* – погр. 555; *6* – погр. 257; *7* – погр. 421; *8* – погр. 407; *9–10* – погр. 359; *11* – погр. 314; *12* – погр. 554; *13* – погр. 660; *14* – погр. 448; *2–4, 6, 9–10, 14* – бронза; *5, 7–8, 12–13* – железо; *1* – рукоять из бронзы, клинок из железа; *11* – втулка из бронзы, перо из железа

ника вслед за О. Монтелиусом указывает А. Х. Халиков (начало I тысячелетия до н. э.) [20]. Отличительной чертой кельта из Акозинского могильника является валикообразный выступ вокруг тулова и более округлое сечение втулки (типа рис. 3, *3*). Близкую кельтам I типа форму имеет кельт из Малахайских находок, датированный первой четвертью I тысячелетия до н. э. [21] Но данный кельт несколько отличается от кельтов Старшего Ахмыловского могильника: треугольная полоса завершается на $^1/_2$ высоты кельта на боковых гранях.

За пределами Марийского Поволжья кельты данного типа известны из Младшего Волосовского могильника (5 экз.) [22]. Они также имеют ром-

[20] Там же, стр. 36, табл. I, *1*.
[21] Там же, стр. 100, 101, табл. XIX, *2*.
[22] *А. П. Смирнов.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 38, табл. X, *3, 5*.

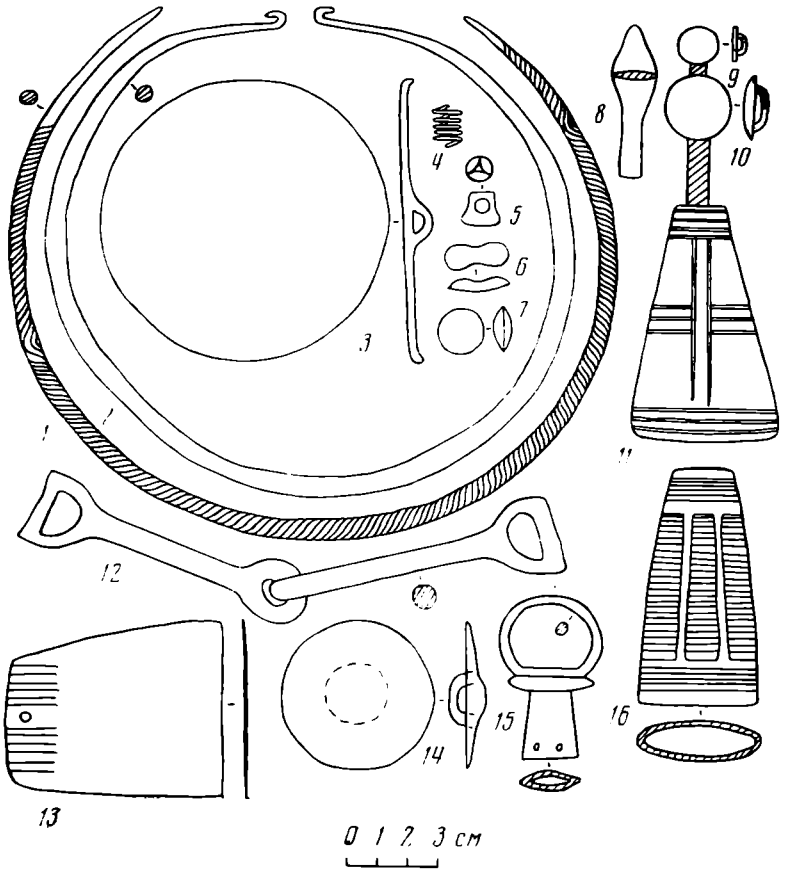


Рис. 6. Старший Ахмыловский могильник: *1, 8* – погр. 569; *2* – погр. 553; *3–7* – комплекс дома мертвых № 10; *9–11* – погр. 408; *12* – погр. 524; *13* – погр. 557; *14* – погр. 441; *15–16* – погр. 421; *1–7, 9–16* – бронза; *8* – железо

бическое или округлое сечение втулки и относительно вытянутые тулова. Анализ металла этих кельтов выявляет большую близость их основным комплексам вещей Акозинского могильника, в том числе и кельтам как «акозинского», так и ананьинского типов [23]. Большое сходство с кельтами I типа имеют четыре подобных орудия из с. Тетюш Татарской АССР [24]. Всего из районов Средней Волги происходит 42 кельта I типа. А. М. Тальгрен кельты указанных форм выделил как вариант типа А в общей классификации кельтов. В Скандинавии исследователь указывает всего одну находку подобного кельта [25] и литейную форму [26]. Сосредоточение кельтов I типа на Старшем Ахмыловском могильнике позволяет считать их местным типом. Их можно назвать ахмыловскими.

II тип (рис. 2, *А*—II), всего 20 экз., из них 17 происходит из Старшего Ахмыловского могильника (погребения 267, 286, 307, 314, 410 (№ 2), 421, 450, 613, 624, 652, 657, 660, 704, 733, 734, отдельная находка из кв. Б/11 раскопа 1962 г. и подъемный материал 1968 г.), один найден на

---

[23] *Е. Н. Черных.* Спектральные исследования цветного металла Акозинского могильника. Тр. Мар. АЭ, II, Йошкар-Ола, 1962, стр. 259—266.

[24] *А. П. Смирнов.* Железный век чувашского Поволжья. М., 1961, рис. 19, *2—4, 7.*

[25] *A. M. Tallgren.* Die bronzecelte... S. 77, 79.

[26] *A. M. Tallgren.* The arktik Bronse Age in Europe. ESA, XI, H., 1937, S. 19, Abb. 34.

участке Ж/7 Акозинского могильника [27], два известны из Малахайских находок [28], один кельт происходит из бывш. Чебоксарского уезда [29].

По пропорциям они близки кельтам I типа. Длина их 9—11 *см*, ширина у края втулки 2,8—3,7 *см*, длина лезвия 3,4—6 *см*. Они имеют подромбическое или округлое сечение втулки. В нижней части тулова у большинства кельтов сечение шестиугольное. Ушко расположено на 1—3 *см* ниже края втулки. От ушка вокруг тулова идут три—пять горизонтальных валиков. По широкой плоскости от края втулки до середины тулова проходит вертикальный валик. Нижняя часть валика заходит на грань в виде усеченного конуса, завершающегося лезвием. Последняя более четко выделяется в ранних кельтах и менее четко в поздних. Поздними являются, вероятно, кельты более широких очертаний шириной у края втулки 3,7 *см* с овальным сечением втулки, например из погр. 657 и 631 (рис. 3, *5*). Первый из них с массивным ушком встречен в частичном погребении дома мертвых № 10, комплексы которого можно датировать VI в. до н. э. (рис. 6, 3—7). Второй кельт, близкий по очертаниям первому, не имеет ушка, от характерного для раннего типа кельтов орнамента отличается наличием одного ряда выпуклин над верхним горизонтальным валиком. Указанные детали в оформлении кельта приближают его к кельтам ананьинского типа, подчеркивая смешение западных и восточных традиций в изготовлении кельтов.

Несколько отличается от остальных кельт из погр. 660 (рис. 4, *3*). По сопровождающему железному наконечнику копья (рис. 5, *13*), аналогичному копью из Акозинского могильника [30], его можно датировать VI в. до н. э. У этого кельта грань на широкой плоскости начинается близко к краю тулова, что приближает его к кельтам III типа. У двух кельтов вертикальный валик опущен на $^3/_4$ длины кельта. Кельт из погр. 421 (рис. 4, *8*) сопровождался подтрапециевидной подвеской (рис. 6, *16*) и подвеской с кольцом на конце (рис. 6, *15*), датированными А. Х. Халиковым VII — VI вв. до н. э.[31] Кельт из погр. 652, аналогичный первому по пропорциям и орнаменту, без ушка и с почти прямым лезвием.

Из сказанного выше следует, что все отклонения в пропорциях и орнаменте кельтов II типа характерны для позднего периода их бытования. Основную же массу кельтов данного типа следует, очевидно, датировать VIII—VII вв. до н. э. В погр. 314 кельт встречен совместно с комбинированным наконечником копья (бронзовая втулка и железное перо — рис. 5, *11*). Подобное сочетание на Кавказе и Приднепровье характерно переходному периоду от эпохи бронзы к эпохе железа (VIII—VII вв. до н. э.) [32]. А. Х. Халиков железные кинжалы переходного периода с бронзовой рукояткой из Старшего Ахмыловского могильника датирует второй половиной VIII или рубежом VIII—VII вв. до н. э. [33]

В хорошо датируемых комплексах одиночного погребения 704 кельт II типа (рис. 4, *5*) сопровождался кинжалом с плоской бронзовой рукоятью, орнаментированной двумя рядами треугольников (рис. 5, *1*; вторая половина VIII или рубеж VIII—VII вв.) [34]; втульчатым железным наконечником копья; ажурной спиральной бляхой со стилизованным изображением, очевидно, многоголового змея с драконьими головами; железным стилетом с округлым навершием; железным ножом; поясным набором из медных пластинчатых пронизей (84 экз.); бронзовым височным кольцом и тремя втульчатыми трехгранными наконечниками стрел VII в. до н. э.

[27] *А. Х. Халиков*. Ук. соч., стр. 36 и табл. I, *2*.
[28] Там же.
[29] *А. А. Штукенберг*. Ук. соч., табл. III, *14*.
[30] *А. Х. Халиков*. Ук. соч., стр. 46 и табл. V, *2*.
[31] Там же, стр. 73.
[32] *К. Ф. Смирнов*. Ук. соч., стр. 11.
[33] *А. Х. Халиков*. Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками из Волго-Камья. Древности Восточной Европы. МИА, 169, 1969, стр. 279.
[34] Там же.

(рис. 5, *2—4*) [35]. Указанный кельт можно датировать первой половиной VII в. до н. э.

Кельт из Акозинского могильника А. Х. Халиковым датирован IX—VIII вв. с возможной датировкой 800—600 гг. до н. э. (по А. М. Тальгрену и К. Ф. Мейнандеру) [36]. Скорее всего, по аналогии с кельтами из Старшего Ахмыловского могильника его дату следует ограничить VII—VI вв. до н. э. Кельт из Малахайских находок А. Х. Халиковым датируется первой четвертью I тысячелетия до н. э. [37] Среди кельтов этого типа несколько отличается по форме кельт из бывш. Чебоксарского уезда: длина его лезвия (3 *см*) меньше диаметра втулки (4 *см*) [38]. Подобное сужение к лезвию характерно для кельтов ананьинского типа.

За пределами рассматриваемого района к кельтам II типа близки кельты из Бпябаш Тетюшского р-на Татарской АССР [39] и из Младшего Волосовского могильника [40]. Ушко у последнего кельта приближено к краю округлой втулки. От середины ушка вокруг тулова проходит горизонтальный валик. Продольный валик короткий.

Близкие аналогии кельтам II типа известны из находок в Минске (2 экз). Кельт длиной 10,3 *см*, шириной у края втулки 2,6 *см* и у лезвия 4,1 *см* имеет массивное ушко (в 1,7 *см* о края втулки), от которого отходят три горизонтальных валика [41]. От края втулки до середины кельта проходит продольный валик. По бокам от последнего короткие валики у края втулки образуют узор в виде стрелки. Второй кельт (размеры неизвестны, опубликован по случайной фотографии) в отличие от предыдущего без ушка и коротких узоров в виде стрелки у края втулки [42]. Кельт с территории Литовской ССР (Константиново) [43] по форме и орнаментации аналогичен кельтам из погребений 267 и 613 Старшего Ахмыловского могильника. Близкие кельты известны также из Литовской ССР (Крустпилс, Кландукалис) и Эстонской ССР (Вирумаа, Муммуссаач) [44]. Из скандинавских стран подобные кельты найдены в Швеции (в долине Мелар и Борнкольме), в Финляндии (Каукола) [45]. Близок к данному типу кельт из клада бронзовых вещей в Сомоторе, на территории распространения гальштатских изделий [46]. Он отличается лишь утолщением по краю втулки.

Таким образом, кельтов II типа всего известно 35. Из них 20 в Марийском Поволжье, два из прилегающих районов, в западных областях 13. До исследований Старшего Ахмыловского и Акозинского могильников скандинавские кельты количественно преобладали, что дало повод считать остальные кельты скандинавским импортом или их подражанием [47]. Однако еще В. А. Городцов отмечал, что меларские топоры в Скандинавии представляют собой чистый восточный тип [48]. А. М. Тальгрен предложил схему, по которой кельты вернулись из Западного Приуралья в Скандинавию, произойдя от скандинавского же прототипа [49].

Большое распространение кельтов II типа в Среднем Поволжье свидетельствует об их местном развитии. Они типологически связаны с кель-

---

[35] *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., табл. II, А; рис. 2—4.
[36] *А. Х. Халиков.* Очерки..., стр. 36.
[37] Там же.
[38] *А. А. Штукенберг.* Ук. соч., табл. III, *14*.
[39] *W. Antoniewicz.* Siekieru brązowe tupu Mälar z Minska na Bialorusi. Wiadomosci archeologiczne, t. XXII. Warszawa, 1955, t. XXXIV, *9*.
[40] *А. П. Смирнов.* Очерки..., стр. 38, табл. X, *4*.
[41] *W. Antoniewicz.* Op. cit., s. 279—288, ris. 1.
[42] Ibid., ris. 2.
[43] Ibid., t. XXXV.
[44] Ibid., s. 279.
[45] Ibidem.
[46] *V. Budinsky-Krička.* Między wuhollatem a Pasmem Tokajsko-Preszowshim. AAC, t. 111, Crakov, 1961, s. 70, 75, abb. 8.
[47] *W. Antoniewicz.* Opt. cit., s. 279—280.
[48] *В. А. Городцов.* Ук. соч.
[49] *A. M. Tallgren.* Die bronzecelte..., S. 84.

тами I типа [50], и их следует считать наиболее характерными для Марийского Повольжья. Сходство же с кельтами из Скандинавии можно объяснить их распространением из Средней Волги через Муром, Прибалтику, где найдены подобные кельты.

III тип (рис. 2, *А* — III) —59 экз., из них 47 происходит из Старшего Ахмыловского могильника (погребения 148, 165, 168, 169, 176 (№ 1 и 2), 359, 367 (рис. 3, *7*), 372, 379 (рис. 4, *6*), 385, 386, 402, 408, 410, 433 (рис. 3, *8*), 447, 489, 528, 555 (рис. 3, *9*), 648, 650, 667, 698 (№ 1), 714 (рис. 3, *10*), находки с участков В/5, Г/10, Е/06, К/26 раскопа 1962 г.; И/34, З/42, К/2, Л/41 раскопа 1968 г.; Е/4, К/01 раскопа 1966 г.; В/3 раскопа 1 1968 г.; И/2 раскопа 1 1969 г. и подъемный материал разных лет с площади могильника). Кельт, найденный на могильнике в 1969 г., опубликован А. Х. Халиковым [51]. 13 кельтов из Акозинского могильника выделены А. Х. Халиковым в 4—6-е виды кельтов акозинского типа (погребения 15, 22, 29, 44, 53 и участки Н/8, Т/9, Ж/7, Ф/9, Ю/11, Э/9) [52]; один кельт происходит из с. Криуши [53] и два из дер. Альменево Козловского р-на Чувашской АССР [54]; один из с. Юранга Уржумского р-на Кировской обл. [55] А. М. Тальгрен указывает на находки подобных кельтов из Чебоксар и Цивильска [56]. Крайним восточным пунктом распространения кельтов данного типа является дер. Мендиарово в бассейне р. Свияги (1 экз.) [57].

В отличие от кельтов предыдущего типа они имеют менее вытянутые тулова и преимущественно округлое сечение втулки. Длина тулова 8—11,5 *см*, ширина у края втулки 2,7—3,2 *см*, ширина у лезвия 4—4,5 *см*. Лезвие слабовыпуклое, у одного кельта почти прямое. Боковое ушко массивное, обычно расположено в 0,5—1 *см* от края втулки или, реже, начинается непосредственно от него. Большинство кельтов имеют шестиугольное сечение в нижней части втулки за счет боковых граней.

Орнаментация кельтов III типа близка предыдущим: от ушка отходят два — четыре горизонтальных валика, через них по центру от края втулки, примерно до $^1/_3$ высоты кельта, проходит продольный валик. В отличие от кельтов II типа последний в нижней части окаймлен двумя полулунными углублениями. По пропорциям, сечению втулки и орнаменту среди кельтов указанного типа выделяются отдельные разновидности.

а. Кельт из погр. 667 Старшего Ахмыловского могильника (рис. 2, *А* —III*а*) по сильновытянутому тулову и шестигранному сечению в верхней части близок к кельтам II типа. Длина его тулова 10,7 *см*, ширина у края втулки 2,8 *см*, у лезвия — 4,6 *см*. Ушко находится в 2,4 *см* от края втулки. Продольный валик по широкой плоскости от верхнего края проходит до половины высоты кельта. Полулунные углубления оформлены в виде дуги. Близкие пропорции имеют кельты с ромбическим сечением втулки из погр. 438 и 555 указанного могильника. Первый из них по наличию на широкой плоскости подтреугольной грани, так же как и по пропорциям, находит аналогию в кельте из погр. 257 (см. выше, I тип).

б. Наиболее многочисленная группа (41 экз.) [58]. Кельты с округлым сечением втулки, длина тулова 8—9,5 *см*, ширина у края втулки 2,7—3 *см*, у лезвия —4—4,5 *см*. Массивное ушко с небольшим отверстием находится в 0,5—1 *см* от края втулки или начинается непосредственно от него

---

[50] *А. Х. Халиков*. Очерки..., стр. 36.
[51] Там же. Табл. XXI, *4*.
[52] Там же, стр. 35—38, табл. I, *4, 5*.
[53] *А. А. Штукенберг*. Ук. соч., стр. 188.
[54] *A. M. Tallgren*. Opt. cit., S. 32, № 3264, 4266.
[55] Коллекция ГМТР, № 11032.
[56] *A. M. Tallgren*. Opt. cit., S. 78.
[57] *Idem*. Collektion Zaoussailov..., S. 32; коллекция ГМТР, № 3261.
[58] Места находок указаны выше. В данную разновидность входят все кельты III типа, за исключением разновидностей *а* и *в*.

(8 экз.). От ушка вокруг тулова идут три-четыре узких валика, по широкой плоскости кельта пересеченные продольным ребром такой же ширины.

в. У 17 кельтов Старшего Ахмыловского могильника (погребения 165, 176 (№ 1), 385, 386, 372, 402, 408, 698 (№ 1), отдельные находки) ушко переходит в широкие горизонтальные валики, между ними от отверстия ушка проходят один-два более узких валика. Ушко в отличие от остальных кельтов данного типа более массивное и имеет большое отверстие. У большинства кельтов оно расположено в 0,5—1 *см* от края втулки; у трех (погр. 176 (№ 1), 386, 698 (№ 1)) начинается от широкого валика по краю втулки.

Кельты данного типа из Акозинского могильника А. Х. Халиковым датированы концом VII—VI вв. до н. э.[59] Материалы Старшего Ахмыловского могильника не противоречат этой дате. Так, кельт из погр. 555 встречен с железным наконечником копья (рис. 5, *5*), аналогичным копью из Акозинского могильника (VII—VI вв. до н. э.)[60]. Кельт в погр. 667 сопровождался кельтом ананьинского типа с орнаментацией, характерной для кельтов с линзовидным сечением втулки, но имеющим шестигранное сечение. По комплексу дома мертвых № 10 (рис. 6, *3—7*) кельт из погр. 667 датирован VI в. до н. э. Кельт из погр. 408 (рис. 4, *10*) датируется по трапециевидной подвеске (рис. 6, *11*), аналогичной подвеске из Акозинского могильника, VII—VI в. до н. э.[61] Данный кельт весьма близок кельту II типа из погр. 660 и отличается лишь наличием полулунных углублений и, вероятно, может быть датирован VI в. до н. э., как и весь комплекс погр. 660. Кельт из погр. 359 (рис. 4, *6*) датируется VII—VI вв. до н. э. Он сопровождался втульчатым трехгранным наконечником стрелы из бронзы (рис. 5, *9*), датированным К. Ф. Смирновым VII в. до н. э.[62], и бронзовым наконечником стрелы с боковым шипом (рис. 5, *10*), известным в VI в до н. э.[63]

Кельты III типа, очевидно, типологически связаны с кельтами предыдущих типов. В подтверждение этого, кроме сходства форм, пропорций, орнамента, можно указать на отмеченные выше переходные формы (первая разновидность III типа кельтов). При этом у рассматриваемых орудий больше сходных черт с кельтами II типа, датированными нами концом VIII—VI вв. до н. э. Таким образом, датировка кельтов указанных типов не противоречит их типологической связи, хотя не исключена также возможность сосуществования некоторых форм. Происхождение кельтов III типа от предыдущих форм свидетельствует об их местном развитии. Как и предыдущие типы, они наиболее характерны для Марийского Поволжья.

Кельты, близкие к нашему III типу, широко распространены в скандинавских странах. А. М. Тальгрен включает их в тип А[64]. В отличие от большинства средневолжских они имеют ярко выраженное ромбическое сечение края втулки. Всего из Скандинавии происходит 43 кельта типа А (по А. М. Тальгрену), из них 24 найдено в Швеции, 7— в Дании, по одному кельту известно из Финляндии и Норвегии[65]. По опубликованным материалам трудно судить о взаимном влиянии скандинавских и средневолжских кельтов. Однако, учитывая местное развитие и количественное преобладание последних, можно предположить, что на западе сходные кельты оформились под влиянием восточных.

IV тип (рис. 2, *А* — IV) представлен 17 кельтами, из них 14 происходят из Старшего Ахмыловского могильника (погребения 29, 524, 569, 655,

[59] *А. Х. Халиков.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа, стр. 37.
[60] Там же, стр. 46.
[61] Там же, стр. 62, 67.
[62] *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., табл. IVБ, Р 1.
[63] Там же, табл. IIБ, Р 2.
[64] *A. M. Tallgren.* Die bronzecelte..., S. 77—78, Abb. 2.
[65] Ibid., S. 78.

2 кельта из кв. Ж/45; по одному кельту из кв. И/33 раскопа 1968 г., П/7, Х/7 раскопа 1966 г., Е/3 раскопа 1967 г. и 4 кельта, один из которых опубликован А. Х. Халиковым [66], являются подъемным материалом с площади могильника, 3— из Акозинского могильника (погр. 54, 62) и участка Ц/10 раскопа 1958 г.) [67].

Эти кельты менее вытянутых очертаний (длиной тулова 7— 9,3 *см*, шириной у края втулки 2,7—4,3 *см* и у лезвия 3,7—4,7 *см*) с округлым сечением втулки. Боковая грань тулова выделена лишь у части кельтов, его сечение в нижней части приближается к овальному. Небольшое ушко у 10 кельтов располагается близко к краю втулки; семь кельтов с неровными верхними краями, без следов поздней деформации, без ушка (вероятно, литейный брак). Кельты орнаментированы схематичными горизонтальными валиками и парой коротких полулунных углублений под ними (6 экз.) или только последними. В погр. 524 кельт с расширенным выпуклым лезвием и одним горизонтальным валиком почти у края втулки встречен совместно со стремечковидными бронзовыми удилами (рис. 6, *12*), датированными VII— первой половиной VI в. до н. э. [68] В погр. 569 кельт сопровождался черешковыми листовидными наконечниками стрел из железа (рис. 6, *8*), характерными для ананьинских памятников в VI в. до н. э. [69] и бронзовой гривной с приостренными концами, орнаментированной витыми нарезками (рис. 6, *1*). Подобные гривны без орнаментации А. Х. Халиков датирует VI—V вв. до н. э. [70] Но нарезки характерны для гривен VII—VI вв. до н. э. [71] Следовательно, кельт, как и гривна, датируется VI в. до н. э.

Кельты из Акозинского могильника датированы VII—VI вв. до н. э. [72] Таким образом, кельты данного типа указанных могильников могут быть датированы VII—VI вв. до н. э. А. Х. Халиков считает, что подобные кельты несколько отходят от общей линии развития кельтов акозинско-меларского типа [73]. Соглашаясь в целом с А. Х. Халиковым, нужно указать среди кельтов третьего типа возможные прототипы кельтов IV типа (из погр. 489, 186 (№ 2), 410) и две отдельные находки, отличающиеся округлым сечением втулки, небольшим отверстием ушка и слабовыраженными вертикальным валиком, полулунными углублениями и двумя-тремя валиками вокруг тулова. Возможно также, что его прототипом могли быть кельты, близкие находке с Ананьинской дюны, датированной А. В. Збруевой XI—IX, возможно, VIII вв. до н. э. [74].

При определенном сходстве с кельтами III типа следует отметить у рассматриваемых орудий некоторую деградацию традиций изготовления акозинско-меларских кельтов. Это проявляется в упрощении форм и орнаментации, в наличии значительного числа литейного брака или недоброкачественных изделий. Указанные черты еще ярче проявляются в кельтах следующего, V типа.

За пределами Марийского Поволжья близкий кельт известен из области распространения лужицкой культуры (сел. Медведевка) [75]. Он находит почти полную аналогию с кельтом из погр. 54 Акозинского могильника (см. выше). Однако трудно согласиться с Я. Домбровским, что в Среднее Поволжье они попали из Волыни и Подолии [76]. Е. Н. Черных,

---

[66] *А. Х. Халиков.* Очерки..., табл. XXI, *5*.
[67] Там же, стр. 35—37, табл. I, *3, 6*.
[68] *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., стр. 73.
[69] *А. Х. Халиков.* Очерки..., стр. 48.
[70] Там же, стр. 58.
[71] Там же, стр. 82.
[72] Там же, стр. 37, 38.
[73] Там же, стр. 36.
[74] *А. В. Збруева.* История населения..., табл. XXXVI, *19*.
[75] *Ян Домбровский.* Проблемы восточных связей лужицкой культуры. СА, 1970, 3, рис. 3, *8*.
[76] Там же, стр. 84.

проводивший анализ металла акозинских изделий, указывает, что кельты акозинского типа и преобладающее количество вещей из бронзы, в том числе и кельты ананьинского типа, по содержанию примесей относятся к одной группе [77].

V тип (рис. 2, *А* —V) —12 экз. 11 кельтов происходит из Старшего Ахмыловского могильника (погребения 400, 406, 407, 448, 535, 549, 698 (№ 2), 712, находки на участках Ф/7 раскопа 1966 г., 3/2 раскопа I 1967 г., Г/1 раскопа I 1969 г. (рис. 4, *11—14*)), один из Акозинского могильника (погр. 44) [78].

Кельты данного типа небольших размеров. Длина их тулова 6,5—8,7 *см*, ширина у края втулки 2,8—3,2 *см* и у лезвия 3,4—4,2 *см*. Они имеют округлое сечение у края втулки и обычно овальное в нижней части тулова (за исключением кельтов из погребений 406, и 585 Старшего Ахмыловского могильника). Только у шести кельтов у края втулки слабовыраженное ушко; из них два — без отверстия. Несколько отличается кельт из погр. 549, ушко которого располагается в 2,5 *см* от края втулки. Схематичный орнамент в виде двух — четырех валиков вокруг тулова у края втулки имеют лишь шесть кельтов.

Три кельта без ушка и орнаментации, возможно, являются литейным браком (погребения 400— рис. 3, *14*; 448, 698—№ 2 Старшего Ахмыловского могильника). Очевидно, появляются также кельты акозинско-меларского типа без ушка. Например, кельт с участка 3/2 раскопа I 1967 г. Старшего Ахмыловского могильника с ровным верхним краем не имеет ушка и орнамента. Кельт из погр. 407 (рис. 3, *13*) по втульчатому железному наконечнику копья (рис. 5, *8*) можно датировать VII—VI вв. до н. э. Кельт из погр. 448 по парным бляшкам (рис. 5, *14*) датируется VI—V вв. до н. э.; из погр. 712 по железному наконечнику копья (типа рис. 5, *5*), близкому наконечнику из Акозинского могильника (VI в.) [79], можно датировать VI в. до н. э. На более позднюю дату кельтов данного типа указывает и упрощение деталей в оформлении кельта. Кельты этого типа, очевидно, следует датировать VI в. до н. э., возможно, второй половиной, учитывая, что эта группа моложе кельтов предыдущего типа.

Кельты данного типа также характерны лишь для Марийского Поволжья. За его пределами можно указать на аналогичное по форме кельту без ушка из участка 3/2 раскопа I 1967 г. Старшего Ахмыловского могильника изображение кельта на литейной форме из поселения Ватажка [80]. Он также без ушка, но в отличие от первого в верхней части украшен четырьмя горизонтальными валиками. Подобные валики, как отмечалось выше, характерны для кельтов Марийского Поволжья. Некоторое сходство в форме, оформлении ушка и орнамента кельтов данного типа прослеживается с одноухими кельтами с округлым сечением втулки из сборов Б. И. и В. И. Ханенко в Каневском уезде Киевской губернии [81] и даже с более западными, отнесенными к гальштатскому периоду (из с. Рудник и из Бежании в Сербии) [82]. Их сходство, очевидно, чисто формальное, и предполагать определенные связи между ними трудно. Западные кельты, вероятно на местной основе, к концу периода их бытования также испытывают определенную деградацию и упрощаются в оформлении.

Акозинско-меларские формы кельтов, находя близкие аналогии на западе, весьма редки к востоку от Марийского Поволжья. Кроме отмеченных выше находок по р. Свияге, в Тетюшах и на Ананьинской дюне по пропорциям к нашим кельтам близки кельт из находок на Танеевском

[77] *Е. Н. Черных.* Ук. соч.
[78] *А. Х. Халиков.* Очерки..., стр. 37—38.
[79] Там же, стр. 46.
[80] *Н. Н. Гурина.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, 1968, 110, стр. 164, рис. 57.
[81] Древности Приднепровья, вып. 1, К., 1899, табл. IX, *10, 14.*
[82] *Д. Гарашанин, М. Гарашанин.* Археолошка налазишта у Србији. Београд. 1951, стр. 60, 77, табл. VI, *в, а.*

могильнике (правый берег г. Меши) [83] и даже на востоке — из Оренбургской области [84]. Первый из них вытянутых очертаний (длина тулова 10,3 *см*, ширина втулки 2,9 *см* и у лезвия 3,2 *см*), с округлым сечением втулки, без ушка. Боковые грани выделены проходящими от утолщенного края втулки к лезвию ребром. По широкой плоскости от края втулки на 2,5 *см* опущен вертикальный валик. Данный кельт не имеет полных аналогий ни с одним из рассмотренных нами типов кельтов. По пропорциям и наличию продольного ребра он ближе всего к кельтам II типа. Не противоречит этому и его датировка (VI в. до н. э. — по найденным вместе с ним обойме для конской упряжи VI— начала V в. и цельнолитому кинжалу рубежа VII—VI вв. до н. э. [85]).

Кельт из Оренбургской области более близок по оформлению к западносибирским. Однако он имеет определенное сходство с западноволжскими кельтами последних типов. Данный кельт вытянуто-прямоугольных очертаний с боковым ушком, начинающимся от утолщенного края втулки. От концов ушка вокруг тулова идут валики, между ними нанесены косые линии. К. В. Сальников наряду с близкими к ананьинским кельтам относит его к грани II и I тысячелетия до н. э. и указывает, что кельты Южного Урала свидетельствуют о переплетении влияний Прикамья, Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Западной Сибири [86].

Заканчивая характеристику кельтов акозинско-меларского типа, следует подчеркнуть, что собственно меларскую форму имеют лишь кельты III типа, связанные типологически со II типом. Поэтому есть основание говорить о местном происхождении и развитии данных кельтов. В. А. Городцов и А. Х. Халиков также указывают на возможность их происхождения от восточных прототипов [87].

О местном развитии акозинско-меларских кельтов свидетельствуют два важных обстоятельства. Во-первых, как видно из изложенного выше, все типы кельтов взаимосвязаны. При этом наиболее ранних кельтов (I типа) на западе известны лишь единицы. Во-вторых, все типы кельтов, включая и «собственно-меларские» (III тип, по нашей классификации) количественно значительно преобладают над западными. Это видно из следующей таблицы:

Название областей *	Типы кельтов					Всего
	I	II	III	IV	V	
Марийско-Чувашское Поволжье с прилегающими районами	33	20	59	17	12	141
Среднее Поволжье ниже р. Свияги	4	2			1	7
Устье р. Оки	5	1				6
Прибалтика		5				5
Скандинавия	1	5	43			49
Белоруссия		2		1	1	4
Всего	43	35	102	18	14	212

* В таблицу включены только кельты, аналогичные акозинско-меларским орудиям Марийско-Чувашского Поволжья. Под названием «меларских» известно значительно большее количество втульчатых кельтов.

[83] *П. Н. Старостин.* Отчет об исследованиях археологических памятников Татарской АССР, разрушающихся в зоне водохранилища Куйбышевской ГЭС им. В. И. Ленина. Казань, 1967, стр. 34, табл. VIII, *16*.

[84] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 194, рис. 23, *11*.

[85] *П. Н. Старостин.* Ук. соч.

[86] *К. В. Сальников.* Ук. соч., стр. 195.

[87] *В. А. Городцов.* Ук. соч., стр. 185—194; *А. Х. Халиков.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 309.

Таким образом, из Среднего Поволжья (включая и устье Оки) происходит всего 162 кельта акозинско-меларского типа, из них 141 — из Марийско-Чувашского Поволжья с прилегающими районами. На западе известно 58 подобных кельтов, из них в скандинавских странах —49. Любопытно заметить, что первые два типа абсолютно преобладают в Среднем Поволжье. Несколько находок в устье р. Оки (6 экз.), Прибалтике (5 экз.) как бы намечают пути движения кельтов указанных типов далее на запад, в Скандинавию, где их известно 6 экз. На основе восточных форм, очевидно, изготавливались орудия на месте, о чем свидетельствует, как уже говорилось выше, находка литейной формы в Финляндии. Форма для подобного типа кельтов известна также из Среднего Поволжья [88].

Кельты III типа наиболее многочисленны как в Марийском Поволжье, так и в Скандинавии. Интересно, что их нет в других местах Среднего Поволжья и в Прибалтике. Очевидно, скандинавские и марийско-волжские кельты этого типа развивались самостоятельно. По оформлению, как отмечалось выше, они несколько отличаются: западные — с ромбическим сечением, волжские — преимущественно с округлым сечением втулки (за исключением трех, более ранних). Кельты IV и V типов в Скандинавии неизвестны.

Таким образом, влияние ананьинского населения на запад распространялось в более раннее время, в период бытования кельтов I—II типов и наиболее ранних III типа (вторая половина VIII— начало VII в. до н. э.). Это подтверждается и находками ананьинской керамики, богато орнаментированной оттисками шнура, гребенки в сочетании с ямками в Волго-Окском междуречье (Кондраковское городище), в Костромском (Ватажка, Борань, Шуньга, Станок), а также Ивановском Поволжье и далее на запад на побережье Белого моря [89]. Как известно, более богатая и сложная орнаментация характерна для раннего времени [90].

О. Н. Бадер и Е. И. Горюнова, говоря о связях ананьинцев с населением «дьяковской культуры», указывают, что они носили характер «деловых», торговых отношений [91]. «Основой, стимулом этих связей... являлся металл — медь, которая в виде готовых изделий и слитков, т. е. сырья, поставлялась из Приуралья племенам лесного севера Европы» [92]. Именно такой характер, судя по распространению кельтов акозинско-меларского типа, носили, очевидно, и связи со Скандинавией. Любопытно отметить, что и в Среднем Поволжье ниже р. Свияги известны главным образом только кельты первых двух типов. В Нижнем Прикамье, на Вятке и Ветлуге они неизвестны. Употребление кельтов акозинско-меларского типа наряду с ананьинским является одной из наиболее своеобразных черт ананьинской культуры Марийского Поволжья.

На основании древесных остатков топорищ автором была сделана попытка реконструкции рукоятки кельтов и определения их функционального назначения [93]. Топорища составлялись из двух частей — вкладыша, вставленного во втулку, и самой рукояти. Более вытянутые рукояти акозинско-меларских кельтов (50—60 *см*) по сравнению с ананьинскими (36—45 *см*) делают их более удобными для использования в качестве оружия ближнего боя. В пользу их использования как боевых топоров свидетельствует и нахождение указанных кельтов преимущественно вместе с другими видами оружия — наконечниками копий и стрел, кинжалами.

[88] Литейная форма для отливки кельтов II типа обнаружена на городище Казанка II П. Н. Старостиным. См. *П. Н. Старостин.* Ук. соч.

[89] *Е. И. Горюнова.* Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 1961, 94, стр. 22—23.

[90] *М. В. Воеводский.* Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи. МИА, 1951, 22, стр. 169.

[91] *О. Н. Бадер.* Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари. СЭ, 1951, 2, стр. 27; *Е. И. Горюнова.* Ук. соч., стр. 25.

[92] *Е. И. Горюнова.* Там же.

[93] *В. С. Патрушев.* Кельты Старшего Ахмыловского могильника и их функциональное назначение. КСИА АН СССР, 128, 1971, стр. 37—43.

V. S. Patrouchev

LES HACHES AKOZO — MELARIENNES SUR LE TERRITOIRE DES MARYS (REGION DE LA VOLGA)

Résumé

Les haches de bronze à douille sont un des objets les plus caractéristiques de la population ananienne de la région des Marys sur la Volga (ill. 1). Cette région en a fourni 349 en tout, dont 208 ont la forme ananienne d'instruments courts et aplatis (ill. 2 — B), et 141 la forme akazo — mélarienne (ill. 2 — A). Les traits distinctifs de ces dernières sont un corps allongé, une section arrondie ou rhoboïdale de la douille, la présence d'un oeil latéral d'où partent des ornements plastiques horizontaux entourant le corps. Par les proportions et l'ornementation, ces haches se subdivisent en cinq types. 1) les haches d'une longuerur de 10–13,3, avec un diamètre du corps de 2,5–3,2 cm. Le long de l'axe des grandes surfaces, depuis le bord de la douille vers le tranchant, passe un biseau triangulaire. Par les ensembles de la sépulture de Starchi Akhmylovski, ces haches peuvent être datées de la seconde moitié du VIIIe s. ou du VIIe s. av. n. ère. II) 20 haches (ill. 2/2 A – II), que leurs proportions rapprochent du type I, ont un ornement vertical sur leur grande surface. Elles datent de la fin du VIIIe s. au VIIe S. av. n. ère. III) 59 haches (ill. 2, A — III, a, b, c), dont la partie inférieure des motifs verticaux est bordée de creux en demi — lune. Elles étaient en usage aux VIIe et VIe ss. av. n. ère, et, par leur forme, elles continuent l'évolution des haches des types I et II. On a découvert en Scandinavie 43 exemplaires de haches de ce type, connues comme purement mélariennes. Compte tenu du développement local et de la prépondérance quantitative des haches sur le cours moyen de la Volga, on peut dire que les objets occidentaux se sont formés sous l'influence de ceux de l'Orient. Les types de haches IV et V (29 exempl.; ill. 2, A — IV, V), aux contours moins allongés, prolongent l'évolution du type III et datent des VIIe ou VIe ss. av. n. ère. Les haches akozo — mélariennes étaient plus commodes à employer comme arme de combat rapproché. Dans les inhumations de Starchi Akhmylovski et d' Akozino, elles se rencontrent surtout à côté de fers de lances, de flèches et de poignards.

Г. Н. ПРОНИН

К ВОПРОСУ О РАННЕЙ ДАТЕ ГОРОДИЩА у с. СУПРУТЫ

(по керамическим материалам)

В последние годы экспедицией МГУ под руководством С. А. Изюмовой проводились раскопки городища у с. Супруты Щекинского района Тульской области. Полученные материалы свидетельствуют о длительном существовании поселения — с первых веков н. э.— до X в. Комплекс находок конца I тысячелетия н. э. может быть интерпретирован как близкий памятникам роменско-боршевского типа. Наличие в культурном слое городища чернолощеной керамики, плоских жаловидных стрел, чернолощеных биконических пряслиц, односторонних гребешков с выпуклой спинкой [1] свидетельствуют об отложениях мощинской культуры — первых веков — середины I тысячелетия н. э.

Изучение материалов, относящихся к раннему периоду жизни на городище, усложняется из-за отсутствия точных стратиграфических данных. Культурный слой городища имеет разную мощность: в центре площадки его величина не превышает 30—40 *см*, а по краям и в западной части — у вала — достигает 2 *м*. Интенсивная застройка площадки в поздний период жизни на городище, ее нивелировка привели к нарушению нижних напластований и значительному смешению ранних и поздних материалов. В дальнейшем этому способствовала длительная распашка площади городища.

Коллекция керамики с памятника насчитывает десятки тысяч фрагментов и около 60 целых сосудов. В статье рассматривается только ранняя керамика, которая как типологически, так и по ряду технологических признаков существенно отличается от поздней — роменско-боршевского типа.

Керамика раннего этапа жизни на городище, по характеру обработки поверхности делится на заглаженную и лощеную. В свою очередь заглаженная керамика подразделяется на керамику с примесью в тесте известняка и керамику с примесью в тесте песка или мелкой дресвы. В количественном отношении керамика с примесью известняка составляет 19,21% (5098) фрагментов, а лощеная — 4,25% (1128 фрагментов) от общего числа выборки. Поздняя керамика составляет 75,15% (19941 единица) от общего количества материала (26534 фрагмента) [2], учтенного при статистической обработке. Остальное количество (около 1,5%) составляет немногочисленная гончарная керамика, которая здесь не рассматривается [3].

---

[1] *С. А. Изюмова.* Отчет о раскопках городища у с. Супруты Щекинского района Тульской области, 1971 г. Архив ИА АН СССР, р-1, 4593, 4593-а, стр. 27; *ее же.* Альбом к отчету об археологических исследованиях в Тульской области, 1972 г. Архив ИА АН СССР, р-1, 4941-а, стр. 8.

[2] Указанная цифра представляет собой выборку, в которую включены в основном данные подсчетов в 1969—1971 гг. Установить абсолютное количество материала за все годы раскопок в настоящее время не представляется возможным.

[3] Пользуемся случаем поблагодарить С. А. Изюмову, предоставившую нам материал для исследования.

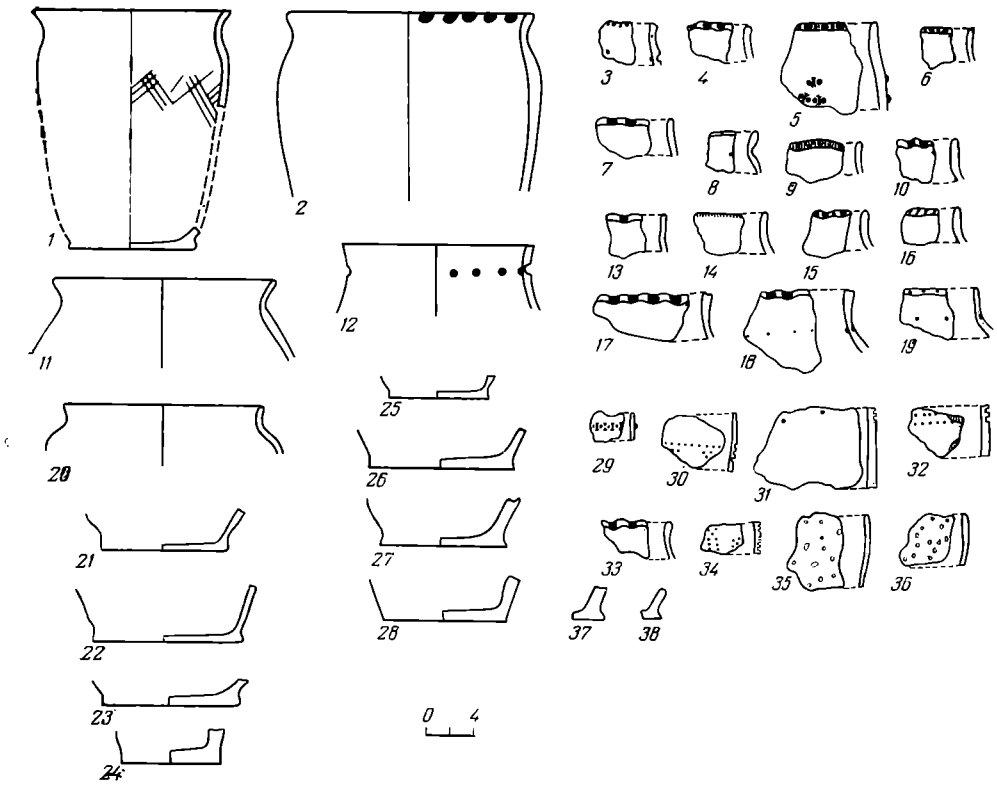


Рис. 1. Заглаженная керамика с примесью известняка

Количество заглаженной керамики с примесью песка не подсчитывалось, так как некоторое ее сходство с посудой роменско-боршевского типа по характеру обработки поверхности, примесям, отдельным приемам орнаментации затрудняло выделение этой подгруппы.

Среди ранней керамики городища у с. Супруты представлены различные категории посуды: горшки, миски, сковороды, «чашечки». Найдена одна крышка. К сожалению, из-за фрагментарности материала судить о формах некоторых категорий посуды трудно.

Заглаженная керамика с примесью известняка представлена на городище невыразительно: мелкие обломки донцев, венчиков, стенок. Известняк, использовавшийся в качестве примеси, в большинстве случаев крупный, реже — это мелко толченая известковая примесь. Наряду с известняком в тесто добавлялось незначительное количество песка, что делало поверхность сосудов слегка шероховатой на ощупь. Поверхность хорошо заглажена, тесто плотное, среднего обжига.

Единственной категорией посуды среди керамики с примесью известняка были горшки (рис. 1). Это широкогорлые сосуды вытянутых форм, с диаметром венчика 16—20 *см* (рис. 1, *1* — форма графически реконструирована). Вероятно, были горшки разных размеров. Толщина стенок их не превышает 4—7 *мм*. Днища горшков часто имеют «закраины» у основания (рис. 1, *21, 22, 27, 37, 38*). Толщина дна в среднем равна 7—10 *мм*. Характер оформления венчиков сосудов весьма разнообразен, имеются экземпляры с высоким отогнутым венчиком, переходящим в резко расширяющиеся плечики (рис. 1, *11*), у других — высокий, слегка отогнутый венчик и слабопрофилированные плечики (рис. 1, *1, 2*). Имелись формы с прямым вертикальным венчиком без шейки (рис. 1, *20*). Возможно, что на поселении были и сосуды баночных форм (рис. 1, *3—5, 7*).

Орнаментированные фрагменты среди керамики с примесью известняка немногочисленны. Большая часть этой посуды, по-видимому, не орнаментировалась. Орнамент наносился по венчику и тулову. Среди приемов

орнаментации венчика встречены: вдавления пальцем (рис. 1, *2, 4, 7, 17*), вдавления концом заостренной палочки по верхнему краю венчика (рис. 1, *9*), продолговатые вдавления округлой палочкой (рис. 1, *16*), насечки (рис. 1, *14*). К сожалению, в большинстве случаев трудно судить о том, принадлежали ли эти фрагменты горшкам, орнаментированным только по венчику, или же они имели орнаментацию и по тулову. Орнамент на тулове представлен: защипами — сглаженные, слабо выраженные пальцевые защипы (рис. 1, *5, 29*); такой орнамент встречен всего на четырех фрагментах с городища, в одном случае в сочетании с пальцевыми защипами по венчику (см. рис. 1, *5*); прочерченным орнаментом (рис. 1, *1*) — узкая, глубоко врезанная по сырой глине трехрядная линия, образующая острые углы; ямками двух видов: крупные, глубокие ямки с полушарным дном, при вдавлении образуют выпуклость с внутренней стороны (рис. 1, *3, 12*); к нему примыкает орнамент в виде глубоких ямок очень малого диаметра (рис. 1, *18*). Подобный прием орнаментации отмечен всего на трех фрагментах. Другой вид ямочной орнаментации был распространен шире —это круглые, неглубокие ямки небольшого диаметра (0,2—0,4 *см*), с плоским дном. Орнамент наносился по сырой глине в различных комбинациях: два ряда ямок (рис. 1, *32*); один ряд ямочных вдавлений с треугольными фестонами, повернутыми вершиной вниз под ним (рис. 1, *30*); два вертикальных ряда ямок (рис. 1, *34*).

Ввиду фрагментарности материала и неясности форм затруднены поиски аналогий и определение времени бытования керамики с примесью известняка. Поэтому виды и приемы орнаментации ее становятся ведущим критерием при решении этих вопросов. Аналогии описанным орнаментам можно указать на многих памятниках бассейна Верхней Оки и Москворечья, где они получают наибольшее распространение в поздних слоях. Стратиграфические наблюдения позволили выделить среди подобных орнаментов на дьяковской керамике ранние и поздние [4]. На заглаженной керамике с примесью известняка с нашего поселения «древние» виды этих орнаментов отсутствуют, а преобладают поздние приемы орнаментации. Отличаются также памятники бассейна Верхней Оки и менее разнообразными комбинациями орнаментальных узоров. Не противоречат этому, на сколько можно судить, и формы сосудов. Так, единственный реконструированный горшок (рис. 1, *1*) близок керамике, украшенной пальчатым орнаментом с Троицкого городища, где подобная посуда датируется III, возможно IV в. н. э. [5] На окских памятниках такие формы и приемы орнаментации также распространяются не ранее III в. н. э.

Все это позволяет сопоставлять подобную керамику с нашего поселения с посудой из поздних слоев дьяковских городищ и синхронных им памятников бассейна Верхней Оки и датировать ее началом — серединой I тысячелетия н. э. Интересно отметить, что заглаженная керамика с примесью известняка бытовала, по-видимому, с наиболее раннего времени жизни на городище. Прослеживается преобладание этой керамики в нижних, предматериковых слоях. Кроме того, отдельные фрагменты ее были обнаружены в культурном слое под насыпью вала (рис. 1, *33—38*), что свидетельствует о ее распространении еще до того, как были возведены первые оборонительные укрепления площадки. Косвенным подтверждением этого служит также сходство керамики с примесью известняка с посудой супрутского селища, датировка которого (нижняя хронологическая граница) несколько старше датировки городища [6].

---

[4] *И. Г. Розенфельдт.* Керамика дьяковской культуры. Архив ИА АН СССР, р-2, 2047, 1969; *Г. П. Латышева, И. Г. Розенфельдт.* Раскопки Барвихинского городища. КСИА АН СССР, 102, 1964, стр. 84—86; *И. Г. Розенфельдт.* Керамический комплекс городища Кузнечики. СА, 1970, 1, стр. 166—170.

[5] *И. Г. Розенфельдт.* Керамика Троицкого городища. В сб. «Древнее поселение в Подмосковье». МИА, 184, 1971, стр. 55, рис. 24, *1—7*.

[6] *И. В. Белоцерковская.* Отчет о разведке в Щекинском районе Тульской области. 1971. Архив ИА АН СССР, р-1, 4714, стр. 3.

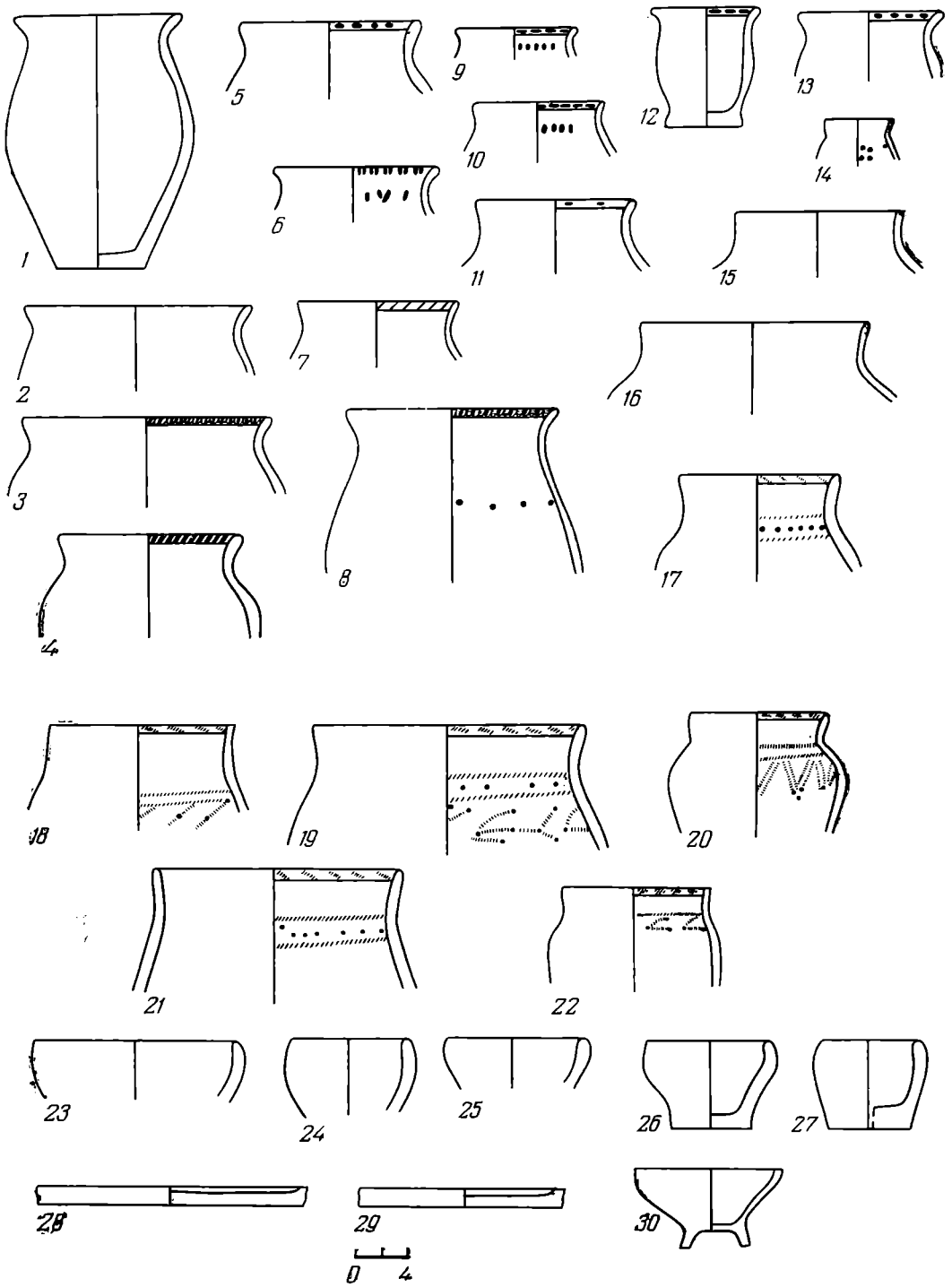


Рис. 2. Формы и приемы орнаментации заглаженной керамики с примесью песка или мелкой дресвы

Заглаженная керамика с примесью песка технологически резко отличается от вышеописанной. В тесте этой керамики наряду с песком встречается примесь мелкой дресвы, реже — мелкого шамота. Тесто плотное, однородное, обжиг средний. Поверхность сосудов хорошо заглажена или замыта, часто напоминает подлощенную. Керамика с примесью песка представлена на городище четырьмя категориями посуды: горшки, сковороды, так называемые «чашечки», крышки. Все сосуды лепные, плоскодонные.

Горшки двух основных форм — тюльпановидные и сосуды с расширенным в верхней трети туловом, суженным горлом, без шейки. Горшки тюльпановидной формы — широкогорлые, вытянутых пропорций, с мягко развернутым венчиком и профилированной шейкой (рис. 2, *1*). Диаметр венчика колеблется от 10—12 до 16—18 *см*. Толщина стенок 8—9—12 *мм*. Днища некоторых сосудов оформлялись в виде невысокого плиточного поддона (рис. 2, *12*). Намечаются различия в профилировке тулова тюльпановидных горшков. У одних сосудов наибольшее расширение тулова приходится на верхнюю треть высоты (рис. 2, *3, 4*). Диаметр устья меньше максимального расширения тулова. У других, насколько можно судить по имеющимся фрагментам, максимальное расширение тулова приходится на середину высоты; диаметр устья также, как правило, меньше максимального (рис. 2, *1, 8, 12, 13*). Горшки таких пропорций, по-видимому, преобладали среди сосудов этой формы.

Тюльпановидные горшки орнаментировались по венчику и тулову. Среди них орнаментированные экземпляры встречаются чаще, чем среди керамики с примесью известняка. Венчик орнаментировался: нечеткими вдавлениями (рис. 2, *5, 9, 11*), широкими насечками (рис. 2, *7*), вдавлениями концом осторой палочки по обрезу венчика (рис. 2, *3, 4*), вдавлениями, напоминающими оттиски ногтя (рис. 2, *6*). На тулове расположен орнамент в виде неглубоких ямок малого диаметра с плоским дном (рис. 2, *8*) и нечеткие вдавления по шейке сосуда (рис. 2, *6, 10*).

Аналогии этим формам можно указать на таких городищах Москворечья, как Троицкое [7], Щербинское [8], где они встречаются преимущественно в поздних слоях. Известны они и на памятниках мощинской культуры бассейна Верхней Оки: городища Федяшевское [9], Дуна [10], Дешевка [11]. Формы, изображенные на рис. 2, *12, 13*, встречаются на верхнеокских памятниках реже. Единственной близкой аналогией подобным горшкам является сосуд с Мощинского городища [12]. Близкие формы есть среди материалов деснинских памятников первых веков — середины I тысячелетия н. э. [13]

Вторая форма горшков характеризуется высоким прямым венчиком, суженным горлом и резко расширенным туловом в верхней трети высоты сосуда (рис. 2, *14—22*). Горшки, как правило, больших размеров, с диаметром венчика 16—20 *см*, но встречаются и маломерные сосуды (рис. 2, *14*). У многих горшков венчик поставлен почти вертикально (рис. 2, *18, 19, 21, 22*), у других — отогнут под углом (рис. 2, *14, 20*). Наибольший диаметр у горшков этой формы приходится на верхнюю треть (рис. 2, *20, 22*) и, возможно, на середину высоты (рис. 2, *18, 19, 21*). Орнамент наносился по венчику и тулову. Единственный встреченный прием орнаментации венчика — вдавления палочкой, обмотанной веревочкой (рис. 2, *17—22*). Орнаментация тулова более разнообразна — это различные комбинации ямочного орнамента в сочетании с «веревочкой». Орнамент располагался в верхней части тулова в различных композициях: узоры из двух рядов вдавлений «веревочки» и пояска ямок между ними (рис. 2, *17*), подобный же прием орнаментации с выделенными от основного пояса фестонами

---

[7] *И. Г. Розенфельдт.* Керамика Троицкого городища. стр. 34, рис. 14, *23, 26, 32.*

[8] *И. Г. Розенфельдт.* Керамика дьяковской культуры, стр. 57—59; *ее же.* Архив ИА АН СССР, р-2, 2047а, 1969 г., рис. 22, *4, 10, 11.*

[9] *В. А. Городцов.* Федяшевское городище. Древности, т. XVII. СПб., 1900. стр. 7—10.

[10] *Ю. Г. Гендуне.* Городище Дуна. СПб., 1903, стр. 5—10, табл. III.

[11] *Т. Н. Никольская.* К этнической истории бассейна Верхней Оки. КСИА АН СССР, 1966, 107, стр. 15, рис. 2, *1, 6.*

[12] *Т. Н. Никольская.* Культура племен Верхней Оки в I тыс. н. э. МИА, 72, 1959. стр. 44, рис. 16, *10.*

[13] *А. К. Амброз.* К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н. э. СА, 1964, 1, стр. 64, рис. 7, *1, 11.*

образующими острые углы (рис. 2, *18, 20, 22*), усложненные композиции орнамента (рис. 2, *19*).

Горшки второй формы известны на многих памятниках мощинского типа бассейна Верхней Оки: городища Дешевка, Николо-Ленивец[14], Федяшево и др. Аналогичные формы посуды встречены в поздних слоях москворецких городищ [15] и в синхронных им слоях селищ «почепского типа» бассейна р. Десны [16]. Прямые аналогии на дьяковских памятниках Москворечья имеют и приемы орнаментации этих горшков с городища Супруты, где подобный орнамент широко распространяется, начиная с III—IV вв. н. э. [17]

«Сковороды». Изготовлены из однородного, тщательно промешанного теста с примесью песка или реже — мелкой дресвы. Поверхность ровная, хорошо заглаженная, в ряде случаев напоминает подлощенную. Характерной чертой этих изделий является низкий, в большинстве случаев отогнутый наружу бортик, высотой не более 1,5—2 *см*. Диаметр сковород равен в среднем 16—18 *см*, а толщина — 7—11 *мм* (рис. 2, *28, 29*). Эти сковороды резко отличаются от подобных изделий роменско-боршевского типа на городище у с. Супруты, что и позволяет отнести их к ранней керамике. Для последних характерно: плохо промешанное тесто с примесью крупного шамота, небрежная обработка поверхности, высокий (3—5 *см*) бортик, часто вертикальный, и больший диаметр (до 30 *см*). Находки ранних сковород немногочисленны, орнаментации на них не встречено. Аналогии им известны среди материалов Акиншинского [18] и Огубского [19] городищ. На дьяковских памятниках Московоречья подобные изделия встречаются реже.

«Чашечки». Встречаются редко — найдены два целых сосудика (рис. 2, *26, 27*) и несколько фрагментов (рис. 2, *23—25*). Возможно, что часть из них — обломки мисок. Все сосуды небольшие, с диаметром венчика 8—12 *см*, высотой 6—8 *см*. Стенки в верхней части плавно загнуты внутрь. На дне одного из целых сосудиков имеется небольшое сквозное отверстие, сделанное по сырой глине (рис. 2, *27*). Аналогичные формы найдены на городище Дешевка[20] и преимущественно в верхнем слое Троицкого городища.

«Крышки». Среди материалов с городища представлены одним экземпляром (рис. 2, *30*). Это невысокое изделие, на кольцевом поддоне, с расширяющимися кверху стенками, края которых слегка вогнуты внутрь. У исследователей нет единого мнения о назначении этих изделий: одни называют их крышками [21], другие склонны считать их вазочками [22]. Встречаются крышки в поздних слоях Москворецких городищ — Кузнечики, Щербинское, Троицкое. На Верхней Оке известна одна находка на Огубском городище.

Лощеная посуда выделяется среди ранней керамики с городища у с. Супруты высоким качеством выделки. Поверхность большинства фрагментов с обеих сторон черным лощением, реже встречаются обломки сосудов светлого лощения — желтого или серого цвета. Вся лощеная посуда изготовлена из однородного, тщательно промешанного теста, в которое в виде примеси добавлялся мелкий песок или очень мелкая дресва. Обжиг, как правило, полный. Орнаментация на лощеной керамике отсутствует.

---

[14] *Т. Н. Никольская.* Раскопки городища у дер. Николо-Ленивец. СА, 1962, 1, стр. 232, рис. 7, *1, 2, 5*.

[15] *И. Г. Розенфельдт.* Керамика Троицкого городища, стр. 66, рис. 27, *20*.

[16] *А. К. Амброз.* Ук. соч., стр. 64, рис. 7, *12, 13*.

[17] *И. Г. Розенфельдт.* Керамика Троицкого городища, стр. 23, рис. 9, *28—34*, стр. 37.

[18] Фонды Калужского областного музея, инв. № КЛ-213.

[19] *Т. Н. Никольская.* Культура племен Верхней Оки..., стр. 113, рис. 40, *10—15*.

[20] *И. Г. Розенфельдт.* Керамика Троицкого городища, стр. 66, рис. 27, *45*, стр. 69.

[21] Там же, стр. 70.

[22] *Т. Н. Никольская.* Культура племен Верхней Оки..., стр. 102, рис. 35, *2*.

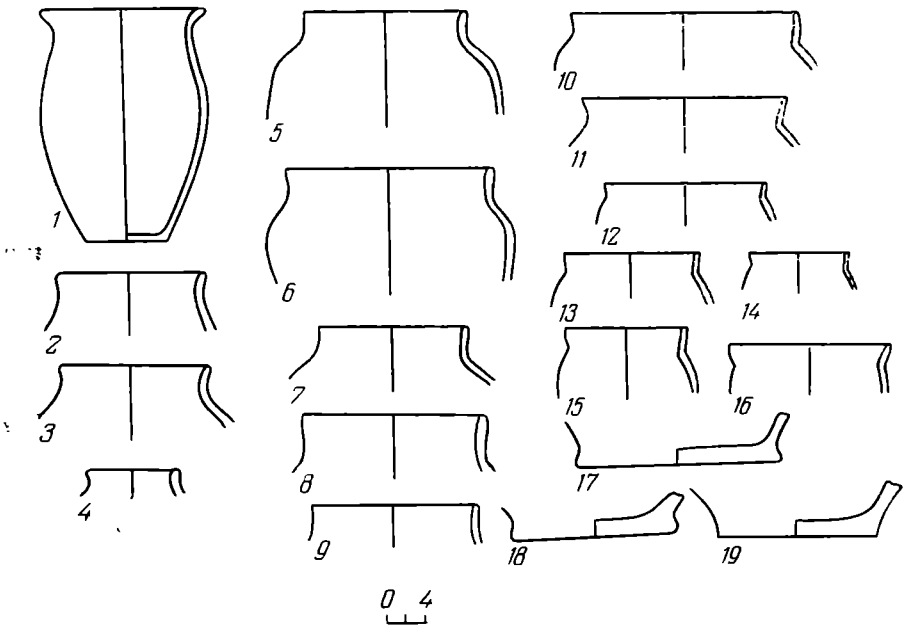


Рис. 3. Формы лощеных горшков

Лощеная посуда представлена на городище двумя категориями — горшками и мисками.

Формы лощеных горшков во многом перекликаются с формами керамики с примесью песка (мелкой дресвы). Тюльпановидные горшки вытянутых форм, с округлым, мягко развернутым венчиком, профилированной шейкой. Судя по одному целому экземпляру и серии обломков, размеры сосудов достигали высоты 20 *см* и более при диаметре венчика от 8—12 до 16—18 *см*. Толщина стенок этих горшков 0,7—0,9 *см* (рис. 3, *1—4*). Днища некоторых сосудов, по-видимому, оформлялись в виде невысокого плиточного поддона (рис. 3, *17, 18*). Прослеживаются различия в пропорциях тюльпановидных горшков: среди них встречаются экземпляры с диаметром устья, приблизительно равным максимальному расширению тулова (рис. 3, *1*), и горшки, у которых диаметр устья меньше наибольшего диаметра тулова (рис. 3, *3, 4*). Максимальный диаметр у горшков этой формы приходится на середину либо на верхнюю треть высоты тулова. Среди них имеются экземпляры светлого лощения.

Аналогии лощеным горшкам тюльпановидной формы известны на многих памятниках мощинского типа бассейна Верхней Оки: городища Дуна, Мощино, Николо-Ленивец, Дешевка, Свинухово, курганы у деревень Шаньково и Почепок [23]. Близкие формы распространяются в поздних слоях дьяковских памятников Москворечья [24].

Другая форма лощеных горшков — горшки с высоким прямым венчиком, суженным горлом, шейка не выделена, тулово резко расширяется в верхней трети высоты (рис. 3, *5—16*). Диаметр устья меньше максимального диаметра тулова. Наблюдаются различия в оформлении венчика: у некоторых горшков прямой венчик поставлен вертикально к тулову (рис. 3, *5, 7—10*), у других — отогнут наружу под углом (рис. 3, *11—16*). Обычно венчик круглый, иногда плоско срезан по краю. Все горшки этой формы чернолощеные. Подобная форма сосудов была распространена, по-видимому, значительно меньше, чем тюльпановидная. Аналогии горшков с пря-

[23] *Н. И. Булычев.* Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. III, *1, 5*.

[24] *И. Г. Розенфельдт.* Керамика дьяковской культуры, стр. 141, рис. 39, *7, 13*.

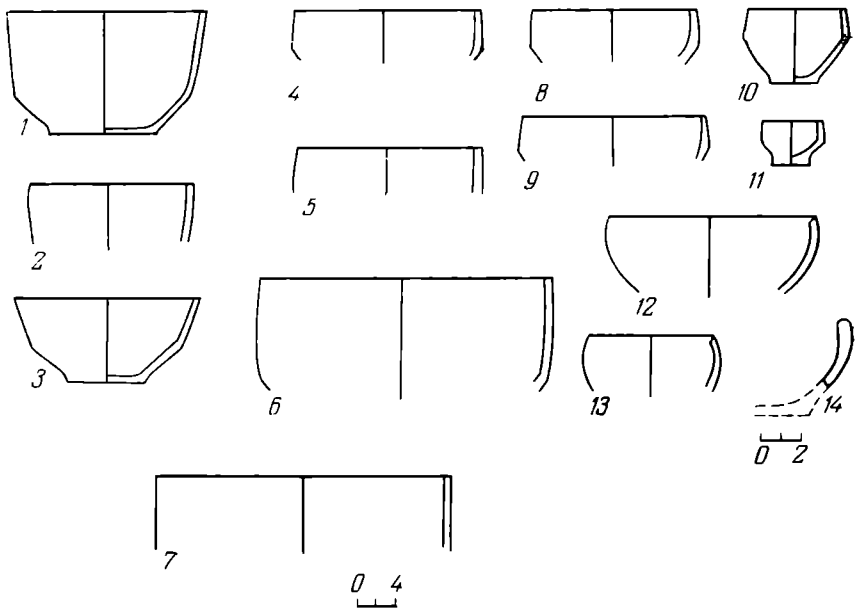


Рис. 4. Формы лощеных мисок

мым вертикальным венчиком имеются на городищах Николо-Ленивец [25], Мощино [26]. Прямые аналогии горшкам с отогнутым под углом венчиком известны среди материалов верхнего слоя Щербинского городища [27].

Миски среди лощеной посуды на городище у с. Супруты встречаются часто. Среди них имеются экземпляры черного и светлого лощения. Размеры их различны — наряду с очень большими (рис. 4, *6*) есть и миниатюрные (рис. 4, *11*). Различаются две основные формы мисок — реберчатые и без ребра. Первая форма характеризуется наличием острого ребра, всегда четко выраженного. Обычно это невысокие сосуды — высотой 12—16 *см* с широким устьем и узким дном. Стенки ниже ребра резко сужаются ко дну. Край бортика плоско срезан или утончен. Имеются различия в профилировке мисок этой формы в зависимости от постановки бортика: миски с верхом «раструбом» (рис. 4, *1*) — острое ребро в нижней части тулова; миски с высоким цилиндрическим верхом (рис. 4, *4, 6—8*); миски закрытых форм, у которых бортик выше ребра имеет наклон внутрь (рис. 4, *9—11*).

Лощеные реберчатые миски широко распространены на памятниках мощинского типа бассейна Верхней Оки: городища Мощино, Николо-Ленивец, Дуна, курганы у деревень Шаньково и Почепок. Миски с высоким цилиндрическим верхом и стенками «раструбом» известны среди материалов позднезарубинецких селищ бассейна р. Десны, где они датируются началом — серединой I тысячелетия н. э.[28] На дьяковских памятниках Москворечья известны только миски «закрытых» форм [29].

Вторая форма мисок — миски без ребра — встречается реже. Стенки их округлые, плавно сужающиеся к донцу. Толщина стенок обычно не превышает 4—7 *мм*. Диаметр устья колеблется от 10—12 до 20 *см*. Край бортика округлый или срезан внутрь. Среди этих мисок имеются экземпляры как светлого, так и черного лощения (рис. 4, *12—14*). Аналогии мискам

[25] *Т. Н. Никольская.* Раскопки городища у деревни Николо-Ленивец, стр. 232.
[26] *Н. И. Булычев,* Ук. соч., стр. 15—21.
[27] *И. Г. Розенфельдт.* Керамика дьяковской культуры, стр. 141, рис. 39, *7, 13.*
[28] *А. К. Амброз.* Ук. соч., стр. 64, рис. 7, *7, 8*; *П. Н. Третьяков.* У истоков древнерусской народности. МИА, 179, 1970, стр. 58, рис. 6, *51*, 62.
[29] *И. Г. Розенфельдт.* Керамика дьяковской культуры, стр. 147, рис. 39, *17, 18.*

без ребра известны на памятниках середины I тысячелетия н. э. бассейна Верхней Оки и Москворечья. На деснинских поселениях этого времени близкие формы встречаются реже.

Изучение ранней керамики городища у с. Супруты позволяет датировать выделенные по технологическим признакам группы и установить время основания и первых этапов жизни на поселении, что особенно важно для памятника, где керамический материал не поддается стратиграфическому членению. Формы и приемы орнаментации заглаженной керамики с примесью известняка находят ближайшие аналогии среди материалов дьяковских памятников Москворечья и Верхнеокских городищ. Отсутствие на этой керамике с нашего поселения некоторых видов орнамента, характерных для ранних дьяковских памятников, таких как розетка, двудольный штамп и др., сами приемы орнаментации позволяют сопоставлять ее с посудой из поздних слоев дьяковских городищ и датировать началом — серединой I тысячелетия н. э.

Посуда, изготовленная из теста с примесью песка (мелкой дресвы), судя по некоторым стратиграфическим наблюдениям и сопоставлениям с материалами других памятников, появляется на городище несколько позже, по-видимому, одновременно с лощеной керамикой. Наиболее ранней датой распространения лощеной посуды на памятниках бассейна Верхней Оки, в том числе и на городище у с. Супруты, следует считать конец III — начало IV в. по аналогиям с находками с Федяшевского [30] и Огубского городищ [31]. Обе эти группы керамики встречаются в одних слоях с вещами с эмалями так называемого мощинского типа, что позволяет датировать такую посуду с нашего поселения IV—VI, может быть VII в. Лощеная посуда и керамика с примесью песка (мелкой дресвы) с городища у с. Супруты по некоторым формам (горшки, миски) ближе к посуде позднезарубинецких памятников бассейна р. Десны, чем к посуде синхронных слоев городищ Москворечья, в то время как приемы орнаментации заглаженной керамики с примесью песка находят ближайшие аналогии именно на дьяковских памятниках и практически не встречаются на Десне.

G. N. Pronine

SUR L'ANCIENNETE D'UNE AGGLOMERATION PRES DU VILLAGE DE SOUPROUTY

(D'après la céramique)

Résumé

Dans l'article sont publiés quelques pièces de céramique provenant d'une ancienne agglomération située près du village de Souprouta (district de Chtchékine, région de Toula) (fouilles de S. A. Izioumova). Cette agglomération constitue un monument à plusieurs couches de stratigraphie complexe. Par les documents matériels et la céramique, la localité peut dater approximativement des premiers siècles de notre ère au Xe siècle. Les objets découverts datant du troisième quart ou de la fin du Ier millénaire de n. ère ressemblent aux monuments du type romnien — borchévien du bassin supérieur de l'Oka. L'interprétation des matériaux les plus anciens est rendue difficile par l'absence de données stratigraphiques exactes. En étudiant la plus ancienne céramique, on peut distinguer trois groupes: la céramique lustrée avec addition de calcaire (ill. 1); la céramique lustrée avec addition de sable (ill. 2); et la céramique polie (ill. 3—4). L'étude de chacun de ces trois groupes permet de les rapprocher aussi bien des céramiques fournies par les couches récentes des monuments de la culture de Diakovo (bassin de la Moskova) que des matériaux des localités de même époque du bassin de la Desna. En se basant sur l'étude de la céramique la plus ancienne, on peut établir le moment où la vie est apparue dans l'agglomération: le début ou le milieu du Ier millénaire de n. ère. Dans la céramique caractérisant la plus ancienne stratification de l'agglomération de Souprouta, on peut noter un grand rapport avec les matériaux de la culture de Mochtchino (bassin supérieur de l'Oka).

[30] *В. А. Городцов.* Федяшевское городище, стр. 8—15.

[31] *В. А. Городцов.* Болотное Огубское городище. Тр. ГИМ, I, 1926, стр. 100—114.

Г. Е. АФАНАСЬЕВ

ПОСЕЛЕНИЯ VI—IX вв. РАЙОНА КИСЛОВОДСКА

В последние годы памятники аланской культуры района Кисловодска все больше привлекают внимание археологов-кавказоведов. Однако в основном исследователи изучают погребальные сооружения и в редких случаях поселения (городища). Единственной работой, специально посвященной этому вопросу, является статья В. А. Кузнецова. Автор обследовал и заложил шурфы на семи поселениях, одно из которых было датировано VII—VIII вв., а остальные VIII—IX вв. [1] В дальнейшем специального изучения кисловодских поселений не проводилось, но они находились под постоянным наблюдением археологической секции краеведческого общества, в результате чего был собран дополнительный материал и выявлен ряд новых памятников.

Все рассматриваемые поселения имеют ряд общих черт. Во-первых, их подавляющее большинство тяготеет к речным долинам (рис. 1). Так, в долине Аликоновки располагаются четыре аликоновских поселения; в долине Подкумка — три подкумских; в долине Ольховки—одно ольховское; в долине Кабардинки — одно кабардинское и в долине Березовки — два березовских. Во-вторых, каждое поселение имеет укрепление (цитадель) на узких выступающих в долину мысах, ограниченных с трех или четырех сторон неприступными скалами.

Данные исследования раннесредневековых поселений района Кисловодска позволяют выделить четыре типа укреплений на мысах, защищающих подход с напольной и наиболее уязвимой стороны (табл. 1) [2].

Первый тип фортификационных сооружений представлен стенами-башнями — длинными прямоугольными зданиями, перегораживающими мыс и защищающими его с напольной стороны. Такое сооружение находилось на цитадели поселения Аликоновского-4, к сожалению, полностью разрушенной в настоящее время. Аналогичная стена находится, видимо, и на цитадели поселения Аликоновского-1. Конечно, трудно судить и ее конструкции без специальных раскопочных работ, поэтому данный тип фортификационных сооружений выделен нами условно.

Ко второму типу относим цитадели, защищенные одними башнями. Такие башни имеются на поселении Подкумском-1 (рис. 2, *1, 2*) и Аликоновском-2. Все башни однотипны. Их наружные размеры составляют 10,5—11×7,5—9,7 *м*. Как правило, башни состоят из двух помещений: малого размером 7,5—11×3,2—3,9 *м* и большого размером 10,1—6,4×5,6—4,2 *м*. Фундаменты сложены из крупных каменных блоков до 4 *м* длиной. Подоб-

---

[1] *В. А. Кузнецов.* Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска. Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии, 9. Нальчик, 1961, стр. 209 сл.

[2] Планировка оборонительных сооружений прослеживалась по остаткам кладки и всхолмлениям, без земляных работ.

Таблица 1

Сравнительная характеристика кисловодских поселений

Тип	№	Название	Местоположение	Размер		Датировка культурного слоя	Могильники	
				цитадели	поселения		катакомбные	скальные
	1	Аликоновское-1	Отстойник	150×40		VI–VIII вв.	V–VIII вв.	Нет
I	4	Аликоновское-4	б. Катыхинская			VII–VIII вв.	Нет	»
	2	Аликоновское-2	м. Броненосец	160×16		VII–VIII вв.	»	VIII—IX вв.
II	5	Подкумское-1	Аланская крепость	150×80	200×100	III–II тысячелетие до н.э. VI–VIII вв.	VI–VII вв.	Нет
	7	Подкумское-3	м. Острый	90×20	200×100	V–IX вв.	V вв.	VIII—IX вв.
III	3	Аликоновское-3	Замок Коварства	300×40		III тысячелетие до н.э. VII–VI вв. до н.э. VII–VIII вв.	V–VIII вв.	Нет
	8	Ольховское-1	Лермонтовская скала	100×30	400×100	VII–VI вв. до н.э. VII–VIII вв.	V–VIII вв.	»
IV	6	Подкумское-2	Тарный склад	200×80	200×50	VI–VIII вв.	Нет	»
	9	Кабардинское-1	г. Кугуль	110×30		VI–VIII вв.	V–VIII вв.	»
	10	Клинярское-1	ур. Клин-яр	260×20		VII–VI вв. до н.э. VI–VIII вв.	VI–VIII вв.	»
?	11	Клинярское-2	ур. Клин-яр	45×15		VI–VIII вв.	Нет	»
	12	Джинальское-1	б. Глухая			VIII–IX вв.	»	»
	13	Березовское-1	м. Мосейник			VII–VI вв. до н.э. V–VII вв.	»	»
	14	Березовское-2				V–VI вв.	V–VI вв.	»

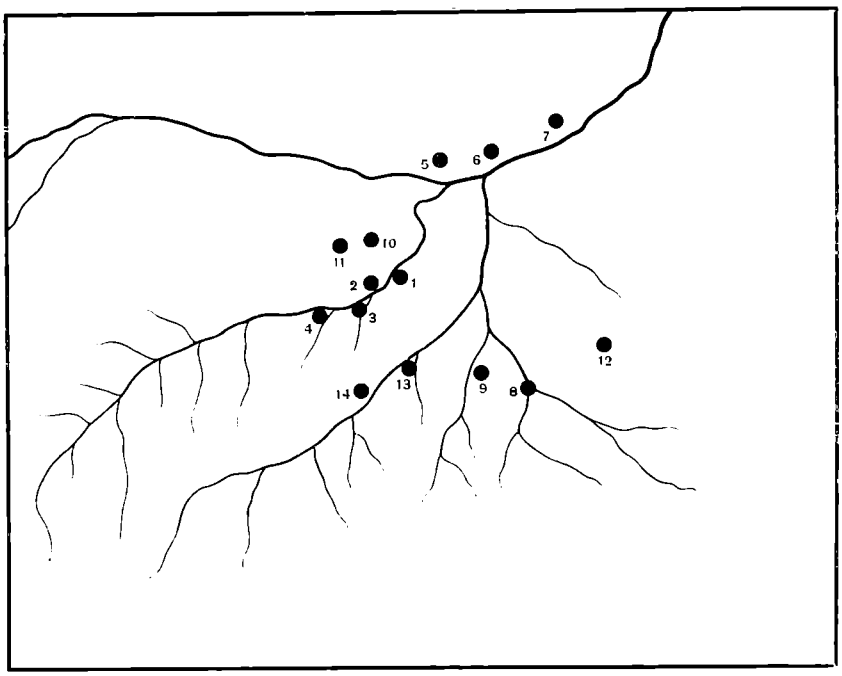


Рис. 1. Карта описанных поселений района Кисловодска

ные сооружения известны в верховьях Кубани. Так, например, аналогичная башня была зафиксирована Т. М. Минаевой на поселении в устье р. Узун-кол, датируемом VI—VII вв. [3] Видимо, башни этого же типа раскопаны А. В. Гадло на р. Куве[4].

К третьему типу относятся цитадели, защищенные башней с крепостной стеной. Подобные сооружения зафиксированы в двух случаях. На цитадели поселения Аликоновского-3 крепостная стена защищает мыс с напольной стороны и имеет в длину 35 *м* при толщине 4,5 *м*. Стена сложена из двух рядов каменных блоков, пространство между которыми заполнено мелким камнем и щебнем. С наружной стороны к стене примыкает башня размерами 13,5×13,5 *м* при толщине стен около 1 *м*. Судя по микрорельефу, ряд помещений примыкал к стене и с внутренней стороны (рис. 2, *3*). Вдоль длинной оси цитадели поселения Ольховского-1 вытянуты, два соединенных между собой каменных останца высотой до 3 *м*. От их середины до юго-восточного обрыва идет оплывшая каменная стена длиной 11 *м* и шириной 3 *м*. С внешней стороны к стене примыкают остатки фундамента двухкомнатной башни размерами 10×7,5 *м*. Фундамент выложен из одного ряда каменных блоков толщиной 40—45 *см*, высотой 70 *см*, а длина некоторых из них достигает 3 *м*. Вторая оборонительная стена идет от останца до северо-западного обрыва. Ее размеры 8×3 *м*. Подобные сооружения были раскопаны Т. М. Минаевой на поселении VI—VII вв. Узун-кол [5] и на городище VIII—X вв. в балке Адиюх [6].

К четвертому типу относятся цитадели, защищенные одной-двумя стенами без башни. Такие укрепления зафиксированы на цитаделях поселений Клинярского-1 [7] (рис. 2, *4*), Кабардинского-1 и Подкумского-2.

---

[3] *Т. М. Минаева.* Поселение в устье р. Узун-кол. СА, 1960, 2, стр. 207.

[4] *А. В. Гадло.* Исследование средневекового поселения на р. Куве. АО – 1971, М., 1972, стр. 164—165.

[5] *Т. М. Минаева.* Ук. соч., стр. 206—207; *ее же.* Очерки по археологии Ставрополья. Ставрополь, 1965, стр. 54—56.

[6] *Т. М. Минаева.* Городище на балке Адиюх в Черкесии. Сб. трудов Ставропольского гос. пед. ин-та, 9. Ставрополь, 1955.

[7] *В. А. Кузнецов.* Ук. соч., стр. 210.

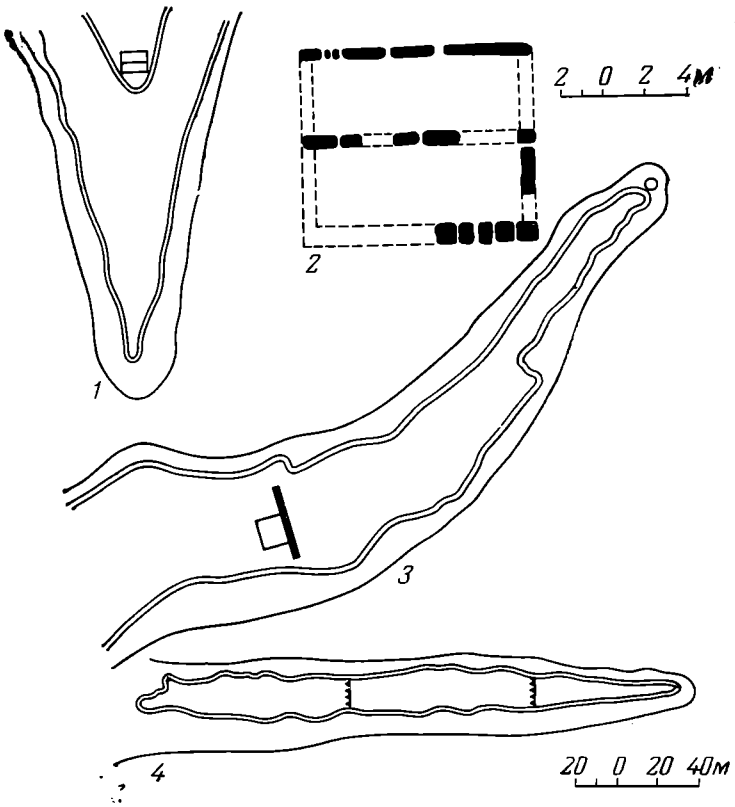


Рис. 2. *1* – план поселения Подкумского-1; *2* – план башни на поселении Подкумском-1; *3* – план поселения Аликоновского-3; *4* – план поселения Клинярского-1

Поселения и городища близкой планировки имеются и в Кабардино-Балкарии. Среди них можно отметить Гунделенское городище, на одном из валов которого воздвигнута каменная стена [8]. На ряде поселений проводились небольшие раскопочные работы. Это позволило выяснить конструкцию стен, пола, крыши и очага жилых зданий. Наиболее полное представление о жилищах дают раскопки на поселении Аликоновском-1 [9]. Стены двух вскрытых помещений сохранились на высоту до 90 *см* и сложены из слабообколотых плиток доломитизированного известняка без раствора. Первое помещение имело прямоугольную форму размерами 361×219 *см*. К одной из его стен пристроены изнутри каменные нары (рис. 3, *1, 2*). Узкий проход соединял эту комнату со второй, по форме близкой к прямоугольной трапеции размерами 420×615 *см*. Вдоль трех стен второго помещения шли каменные нары, а в четвертой был сделан дверной проем, выводящий в следующее помещение или хозяйственную пристройку. В центре этого помещения находился очаг, рядом с которым лежали остатки двух кувшинов и пифоса-кувшина (рис. 4, *5*). По блокам к дому примыкали подсобные помещения прослеженные по микрорельефу. При вскрытии оказалось, что пол обеих комнат покрыт толстым слоем древесного угля, очевидно, остатками деревянной двускатной крыши.

Остатки другого жилища доследованы краеведом В. Лученковым в обрыве левого берега Аликоновки в 100 *м* к северо-западу от цитадели. От здания сохранился полностью фундамент одной стены и частично двух других. Стены сложены из слабообколотых плиток местного камня без раствора. Длина сохранившейся стены 389 *см*, толщина 55—58 *см*. Судя по

[8] *И. М. Чеченов.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, стр. 36.
[9] *Г. Е. Афанасьев.* Памятник аланской старины. «Кавказская здравница», 4.IV, 1973.

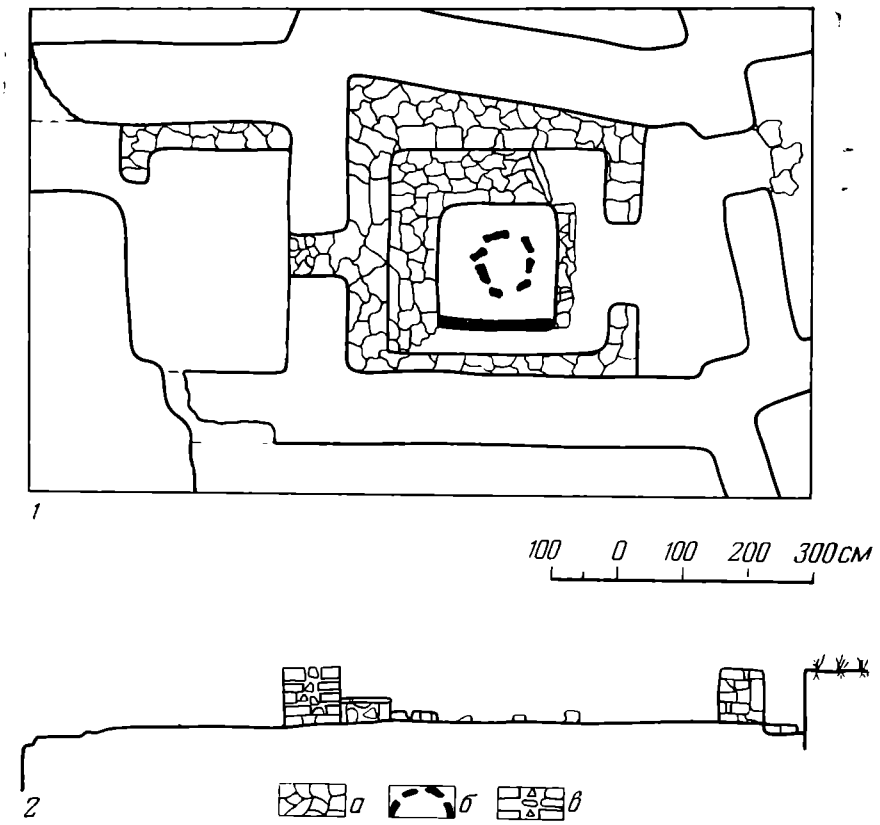


Рис. 3. *1* – план раскопанной части жилища на поселении Аликоновском-1; *2* – разрез раскопанной части жилища на поселении Аликоновском-1;
а – выкладка лежанок и пола; *б* – выкладка очага; *в* – кладка стен в разрезе

толстому слою угля, покрывающему пол, здание погибло в результате пожара. В 1960 г. краевед Н. Н. Михайлов зафиксировал остатки сгоревшего здания у восточного склона цитадели поселения Аликоновского-1 [10]. Кроме того, остатки сожженных жилищ обнаружены на территории поселений Аликоновского-3, Подкумского-1 и в других местах.

Жилые строения, аналогичные кисловодским, известны и в других районах Северного Кавказа. Так, здания трапециевидной в плане формы с очагом в центре открыта на Верхнечегемском городище «Лыгыт» [11], датируемом X—XIV вв. Прямоугольные жилища с угловым входом, очагом в центре и каменными нарами вдоль стен были открыты на городище Адиюх [12]. Однако в отличие от кисловодских последние имели плоскую крышу. Надо отметить, что двускатные потолки находят аналогии и в раннесредневековых погребальных памятниках кисловодского района [13].

Керамический материал, как происходящий из раскопов, так и подъемный позволяет выделить ряд основных типов посуды VI—IX вв. За некоторым исключением здесь может быть применена классификация керамики салтово-маяцкой культуры, проведенная С. А. Плетневой.

---

[10] По материалам Кисловодского музея.

[11] *Е. П. Алексеева.* Археологические раскопки в районе сел. Верхний Чегем в 1959 г. Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии, 9, стр. 200; *Г. И. Ионе.* Верхнечегемские памятники VI—XIV вв. Уч. зап. КБНИИ, т. XIX. Нальчик, 1963, стр. 183—207.

[12] *Т. М. Минаева.* Очерки по археологии..., стр. 57.

[13] *А. П. Рунич.* Катакомбы Рим-горы. СА, 1970, 2.

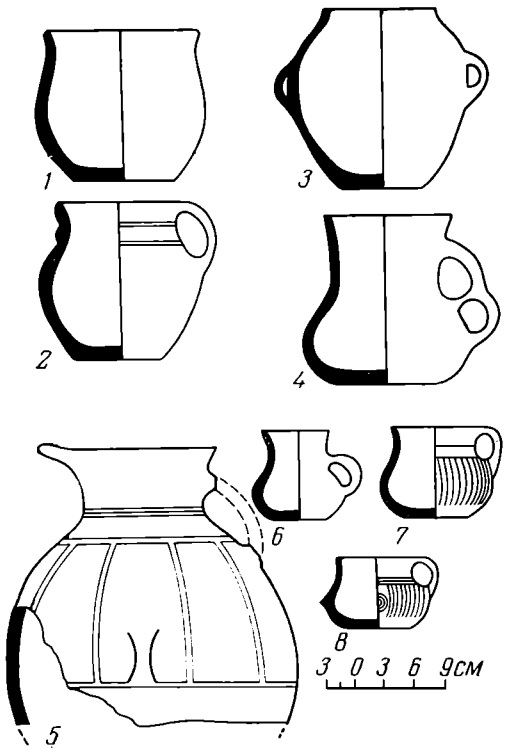


Рис. 4. *1* – горшок, найденный на поселении Аликоновском-3; *2* – горшочек с поселения Аликоновского-3; *3* – корчага с поселения Подкумского-1; *4* – кружка с поселения Подкумского-1; *5* – пифос-кувшин с поселения Аликоновского-1; *6, 7, 8* – кружки, найденные на поселениях Подкумском-1 и Аликоновском-3

I. Почти на всех рассматриваемых поселениях встречаются фрагменты **котлов** с внутренними ручками (табл. 2) [14]. В настоящее время накоплен значительный материал, позволяющий детально классифицировать данный тип керамики, однако, это требует специального исследования и не входит в задачу настоящей работы.

II. **Горшки** представлены рядом фрагментов и одним целым сосудом (рис. 4, *1*), найденным на поселении Аликоновском-3. Как правило, цвет глины темно-серый, реже кирпичный. Иногда тулово украшалось косыми или вертикальными полосками. В некоторых случаях украшался черточками венчик. Аналогичные сосуды были найдены в катакомбных могильниках VII — первой половины VIII в. района Кисловодска: в Мокрой балке [15], Кугульском могильнике № 2 [16].

III. **Горшочки** (рис. 4, *2*) представлены двумя целыми экземплярами, найденными на поселении Аликоновском-3 и Подкумском-1, и рядом фрагментов (табл. 2). Сосуды этого типа найдены в катакомбе № 57 в Мокрой балке [17] и Клинярском могильнике № 3 [18].

IV. **Корчага** (рис. 4, *3*), дающая хорошее представление об этом типе посуды, найдена при доследовании сожженного жилища на поселении Подкумском-1. Она имеет яйцевидное тулово с двумя ручками и широкую горловину с чуть отогнутым венчиком. Аналогичная керамика известна в салтово-маяцких памятниках [19].

V. **Пифосы** встречаются исключительно в фрагментах. Это крупные сосуды с отогнутым плоским венчиком. Тулово украшено горизонтальными валиками. В целом эта керамика аналогична пифосу, найденному на горе Дубровке близ Пятигорска [20] и пифосу со Змейского поселения [21].

VI. **Пифос-кувшин** был найден при доследовании жилища на поселении Аликоновском-1 (рис. 4, *5*). На крупном яйцевидном тулове, украшенном вертикальными и горизонтальными валиками, расположены две ручки. Третья ручка соединяет середину небольшой, но широкой горловины с туловом.

[14] *В. А. Кузнецов.* Глиняные котлы Северного Кавказа. КСИА АН СССР, 99, 1964.

[15] *А. П. Рунич.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кисловодска, 1970. Архив ИА АН СССР, Р-1, 4179.

[16] *А. П. Рунич.* Аланские катакомбные могильники V — VIII вв. в городе Кисловодске и его окрестностях. МАДИСО, т. II, Орджоникидзе, 1969, табл. V, *12*.

[17] *А. П. Рунич.* Ук. отчет за 1970 г.

[18] *В. Б. Виноградов, А. П. Рунич.* Новые данные по археологии Северного Кавказа. АЭС, т. III, Грозный, 1969, рис. 17—127.

[19] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. МИА, 142, 1967, стр. 121.

[20] По материалам Пятигорского музея.

[21] *В. А. Кузнецов.* Раскопки Змейского поселения VIII — X веков. МАДИСО, т. II, Орджоникидзе, 1969, стр. 93.

Таблица 2

Распространение сосудов различных типов и орнаментированных фрагментов на кисловодских поселениях

Тип	№	Название	Котлы	Горшки	Горшочки	Корчаги	Пифосы	Пифосы-кувшины	Кувшины	Кружки	Вертикальные каннелюры	Конические бугорки	Точечный орнамент	Пересекающиеся каннелюры	Валик	Меандр
I	1	Аликоновское-1	+	+					+	+	+	+	+	+	+	+
	4	Аликоновское-4	+											+		+
II	2	Аликоновское-2													+	
	5	Подкумское-1	+	+		+	+		+	+	+	+		+	+	+
	7	Подкумское-3	+								+		+		+	+
III	3	Аликоновское-3	+	+	+				+	+		+		+		
	8	Ольховское-1	+													
IV	6	Подкумское-2								+				+		
	9	Кабардинское-1	+												+	
	10	Клинярское-1	+							+		+	+		+	
?	11	Клинярское-2									+				+	
	12	Джинальское-1	+						+	+		+	+	+	+	+
	13	Березовское-1													+	
	14	Березовское-2									+					

VII. **Кувшины** представлены как фрагментами, так и целыми экземплярами. Для них характерно яйцевидное тулово и короткая горловина, соединенная с туловом ручкой. Орнамент состоит из налепных горизонтальных и вертикальных валиков, конических бугорков, вертикальных и косых лощеных полосок, точечных вдавлений. Подобные кувшины широко известны в катакомбных могильниках V—VIII вв. кисловодского района: на Георгиевском плато [22], в могильнике № 1 у Лермонтовской скалы [23], в могильнике Мокрая балка [24] и т. д.

VIII. **Кружки** — самый многочисленный тип керамики. Большей частью они имеют шарообразное тулово, украшенное каннелюрами и коническими бугорками. Такая посуда характерна для аланской керамики V—VIII вв. [25] (рис. 4, *7*, *8*). Реже встречаются кружки с приплюснутым туловом, высокой горловиной и ручкой, расположенной на тулове (рис. 4, *6*). Этот подтип получает распространение с VII до IX в. [26]

Кроме целых сосудов и выразительных фрагментов, дающих представление о форме, на поселениях в большом количестве встречаются орнаментированные фрагменты посуды, не дающие формы, но которые могут быть использованы в определенной степени как датирующий материал (табл. 2).

1. Вертикальные лощеные полоски — каннелюры — наиболее распространенный и излюбленный орнамент северокавказских кружек и кувшинов в V—VII вв. [27] 2. Конические бугорки — сосцевидные налепы широко бытуют на северокавказских кружках и кувшинах по VIII в. вклю-

---

[22] *А. П. Рунич.* Аланские катакомбные могильники..., табл. VI, *10*.

[23] *Г. Е. Афанасьев, А. П. Рунич.* Могильник № 1 у Лермонтовской скалы близ г. Кисловодска. СА, 1970, 4, стр. 222—227.

[24] *А. П. Рунич.* Отчет об археологической разведке в окрестностях Кисловодска, 1968 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, 3636; *его же.* Ук. отчет за 1970 г.; *его же.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод, 1971 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, 4633.

[25] *В. А. Кузнецов.* Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, рис. 3—15.

[26] Там же.

[27] Там же, рис. 3, 15, 24, 27.

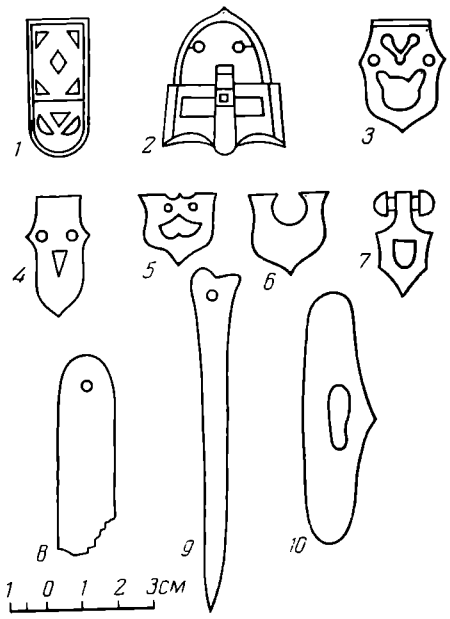


Рис. 5. *1—7* – бронзовая пряжка и поясной набор; *8* – каменный оселок; *9—10* – костяные поделки, найденные на поселении Подкумском-1

чительно [28], кроме того, они встречаются на керамике салтово-маяцкой культуры [29]. 3. Способ украшения сосудов рядами вдавленных точек применялся как в V—VI вв., так и в VII—IX вв. [30] 4. Орнамент в виде взаимопересекающихся косых лощеных полосок, образующих ромбы, встречается на сосудах VII—VIII вв. в могильнике Мокрая балка [31]. В кисловодском районе он широко распространяется в V—IX вв. [32] и бытует на Северном Кавказе вплоть до X—XII вв [33]. 5—6. Орнамент в виде налепных валиков и меандр встречается на протяжении довольно большого периода — с VI по X—XII вв.

Помимо керамики на поселениях найдены и другие предметы. Так, при раскопках жилого здания на цитадели поселения Аликовского-1 обнаружен железный трехгранный черешковый наконечник стрелы, аналогичный наконечникам из датированной монетой Кавада I катакомбы № 1 могильника Мокрая балка [34]. Кроме того, там были найдены: железная пластинка, кольцо, зернотерки, жернова, осколок обсидиана, обработанные рога благородного оленя, косули, а также большое количество костей мелкого рогатого домашнего скота. На территории поселения Джинальского-1 была найдена хорезмийская монета второй половины VIII в., а близ Подкумского-2 — фоллисы Юстиниана I (525—565 гг.) [35]. На поселении Подкумском-1 при доследовании сожженного жилища в слое древесного угля обнаружены пряжки и поясные наборчики VI—VII вв. [36] (рис. 5, *1—7*). Коллекцию случайных находок дополняют каменный оселок (рис. 5, *8*), костяные поделки (рис. 5, *9, 10*), зернотерки и жернова.

Датировка значительной части поселений может быть уточнена, если привлечь соответствующие им могильники. Так, поселению Аликоновскому-1 соответствует пять катакомбных могильников, частично исследованных А. П. Руничем. Наиболее ранний могильник у отстойника кисловодского городского озера, датирован В. А. Кузнецовым V—VI вв. [37] Поздний могильник у подсобного хозяйства им. Луначарского А. П. Рунич датирует VII—VIII вв. [38] Кроме катакомбных здесь имеются погребения в ка-

---

[28] *Е. П. Алексеева.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, стр. 101.

[29] *С. А. Плетнева.* Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях. Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, стр. 205—212.

[30] *В. А. Кузнецов.* Аланские племена..., рис. 3, *А, Б.*

[31] *А. П. Рунич.* Ук. отчет за 1969 г.

[32] *А. П. Рунич.* Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска. СА, 1971, 2, стр. 171, рис. 4—5.

[33] *В. А. Кузнецов.* Аланские племена..., рис. 3, *В.*

[34] *А. П. Рунич.* Ук. отчет за 1968 г.

[35] *Г. Е. Афанасьев.* На караванной тропе. Альманах «Ставрополье», 1973, 3, стр. 76.

[36] *В. К. Пудовин.* Нижний слой могильника Суук-Су. СА, 1961, 1.

[37] *В. А. Кузнецов.* Аланские племена..., стр. 15.

[38] *А. П. Рунич.* Катакомбный могильник VII—VIII вв. около Кисловодска. СА, 1968, 3, стр. 208—214.

менных ящиках [39] и подбоях [40]. Несколько катакомбных погребений VI—VII вв. раскопаны А. П. Руничем на склоне поселения Подкумского-1 [41]. Одно погребение этого могильника исследовано Н. Н. Михайловым. Покойник лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на северо-запад. Череп носил следы сильной искусственной деформации. Погребальный инвентарь представлен глиняной кружкой V—VII вв. Кроме катакомбных захоронений в некрополе поселения Подкумского-1 встречаются погребения в грунтовых ямах, сходные с болгарскими [42].

В районе поселения Ольховского-1 исследовано два катакомбных могильника. Один из них датируется V—VI вв. [43], а второй ориентировочно V—VIII вв. [44] Два катакомбных могильника были доследованы вблизи поселения Кабардинского-1. Один из них датируется V—VII вв., другой VII—VIII вв. [45] Катакомбный могильник поселения Клинярского-1 частично исследовался А. П. Руничем и В. Б. Виноградовым. Ранние погребения авторы относят к II—IV вв., поздние — к VII в. [46] В 1958 г. в районе поселения Березовского-2 А. П. Рунич вскрыл несколько катакомбных погребений, датированных В. А. Кузнецовым V—VI вв. [47] На территории поселения Подкумского-3 частично исследовано два могильника. Один из них датируется V в. (катакомбный), второй — VIII—IX вв. (скальный) [48].

Таким образом, катакомбные могильники позволяют датировать VI—VIII вв. поселения Аликоновское-1, Подкумское-1, Ольховское-1, Кабардинское-1, Клинярское-1 и Березовское-2. Судя по скальному могильнику VIII—IX вв., жизнь на поселении Подкумского-3 продолжалась и в IX в.

Исходя из всего изложенного, создается впечатление, что жизнь на большинстве поселений и функционирование соответствующим им катакомбных могильников прекращается в первой половине VIII в., причем связано это, видимо, с событиями далеко не мирного характера, о чем красноречиво говорят сожженные жилища, зафиксированные на кисловодских поселениях. Все это может служить подтверждением гипотезы о переселении какой-то части аланского населения из указанного района в верховья Северного Донца [49].

---

[39] *Г. Е. Афанасьев.* О чем рассказывают древние погребения. Альманах «Ставрополье», 1970, 4, стр. 62—63.

[40] *А. П. Рунич.* Погребения V — VI вв. у Кисловодска. АО — 1970, М., 1971, стр. 125.

[41] *А. П. Рунич.* Ук. отчет за 1968 г.

[42] *Г. Е. Афанасьев.* О чем рассказывают древние погребения, стр. 62—63.

[43] *Г. Е. Афанасьев, А. П. Рунич.* Могильник № 1 у Лермонтовой скалы..., СА, 1970, 4, стр. 222—227.

[44] *А. П. Рунич.* Ук. отчет за 1970 г.; *его же.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод, 1972 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, 4684.

[45] *А. П. Рунич.* Аланские катакомбные могильники V—VIII вв. в городе Кисловодске и его окрестностях, стр. 110—111.

[46] *В. Б. Виноградов, А. П. Рунич.* Новые данные по археологии Северного Кавказа, АЭС, т. III, Грозный, 1971, стр. 118—120.

[47] *В. А. Кузнецов.* Аланские племена..., стр. 15.

[48] *А. П. Рунич.* Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска. СА, 1971, 2, стр. 167—178.

[49] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. М., 1967, стр. 90—91 (см. рец. В. А. Кузнецова на кн. С. А. Плетневой в СА, 1969, 2, стр. 298); *Г. Е. Афанасьев.* Бронзовые фигурки всадников из аланских погребений Северного Кавказа. СГЭ, XXXVI, 1973, стр. 38.

G. E. Afanassiev

AGGLOMERATIONS DU VIe AU IXe SIECLES DANS LA REGION DE KISLOVODSK

Résumé

Ces dernières années, on a trouvé de nouveaux matériaux caractérisant les localités de la région de Kislovodsk, et qui datent du haut Moyen Age. Ces agglomérations sont toutes groupées dans les vallées fluviales (ill. 1), et sont fortifiées sur d'étroits promontoires dominant la vallée ou sur des éminences. L'étude de ces sites permet de distinguer quatre types de fortifications. Au premier se rapportent des murs flanqués de tours; au second, des citadelles défendues seulement par des tours (ill. 2—1, 2) et au troisième, des tours avec des remparts (ill. 2—3); et au quatrième, des citadelles défendues par un ou deux murs sans tours (ill. 2—4). Le matériel recueilli et celui obtenu à la suite de fouilles de prospection, ainsi que les sépultures en catacombes liées à ces agglomérations, permettent de dater ces monuments du VIe au IXe siècles. La vie dans ces lieux a cessé, sans doute, du fait de la migration d'une partie de la population sur les rives du haut Donetz.

М. Г. МАГОМЕДОВ

ДРЕВНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ ХАЗАРИИ

Остатки многочисленных хазарских городов и поселений, выявленные в Приморском Дагестане, а также обширный археологический материал, полученный при их исследовании [1], позволяют определить первоначальный центр и постепенно расширявшиеся к югу границы каганата. Они дают возможность постановки и решения ряда вопросов, связанных с хазарской проблемой. Среди них наиболее интересным и спорным до сего времени остается проблема локализации древних политических центров каганата. Единственными источниками при исследовании вопроса оставались до последнего времени разноречивые и скудные сведения средневековых арабских авторов, которые порождали самые различные предположения о месте их расположения.

Важное место в хазароведении занимает вопрос о локализации первой столицы каганата — Беленджере [2]. Яркое представление о характере письменных источников дают исследования А. Я. Гаркави, который, анализируя сведения о Беленджере, приходит к выводу, что такого города вообще не существовало, поскольку в источниках его называют то городом, то страной, то горой, то рекой или башней. В итоге он предполагает, что «Беленджер» служил в древнее время названием Дагестанской области и г. Семендера [3]. К аналогичному выводу приходит и Б. Н. Заходер, полагая, что первая столица хазар была известна под различными названиями (Хамлидж, Баланджар, Варачан, Семендер) [4]. Некоторые исследователи, допускавшие возможность отдельного существования Беленджера, сопоставляли его с г. Буйнакском [5]. Следует также остановиться на новом варианте его локализации, выдвинутом недавно В. Г. Котовичем, который подкрепляет свои выводы не только письменными источниками, но и топонимическими и археологическими данными [6]. Он полагает, что Беленджер находился к югу от Дербента у населенного пункта Белиджи (рис. 1). Подобное сопоставление обосновывается прежде всего созвучием топонимов Белиджи и Беленджер [7], а также тем фактом, что близ с. Белиджи нахо-

---

[1] *М. Г. Магомедов.* Хазарские поселения в Дагестане. СА, 1975, 2.

[2] *М. И. Артамонов.* История хазар. Л., 1962, стр. 186; *Б. А. Рыбаков.* К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси. СА, XVIII, 1953, стр. 131 сл.

[3] *А. Я. Гаркави.* Существовала ли у хазар столица под названием Баланджар? Махачкала. РФ ИИЯЛ, ф. 6, д. 21.

[4] *Б. Н. Заходер.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, стр. 183.

[5] *С. Т. Еремян.* Моисей Каланкатуйский. О посольстве албанского князя Вараз-Традата к хазарскому хакану Алп-Илитверу. Зап. Ин-та востоковедения АН СССР, т. VII, М.— Л., 1936, стр. 146; *М. И. Артамонов.* Ук. соч., стр. 186.

[6] *В. Г. Котович.* О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу. В сб.: «Древности Дагестана». Махачкала, 1974.

[7] В Азербайджане известно несколько населенных пунктов с созвучными Беленджеру названиями: Баланджари (у г. Баку), Белиджи у г. Дивичи. Правда, В. Г. Котович исключает возможность отождествления их с хазарской столицей, поскольку рядом с этими селами нет остатков древних поселений.

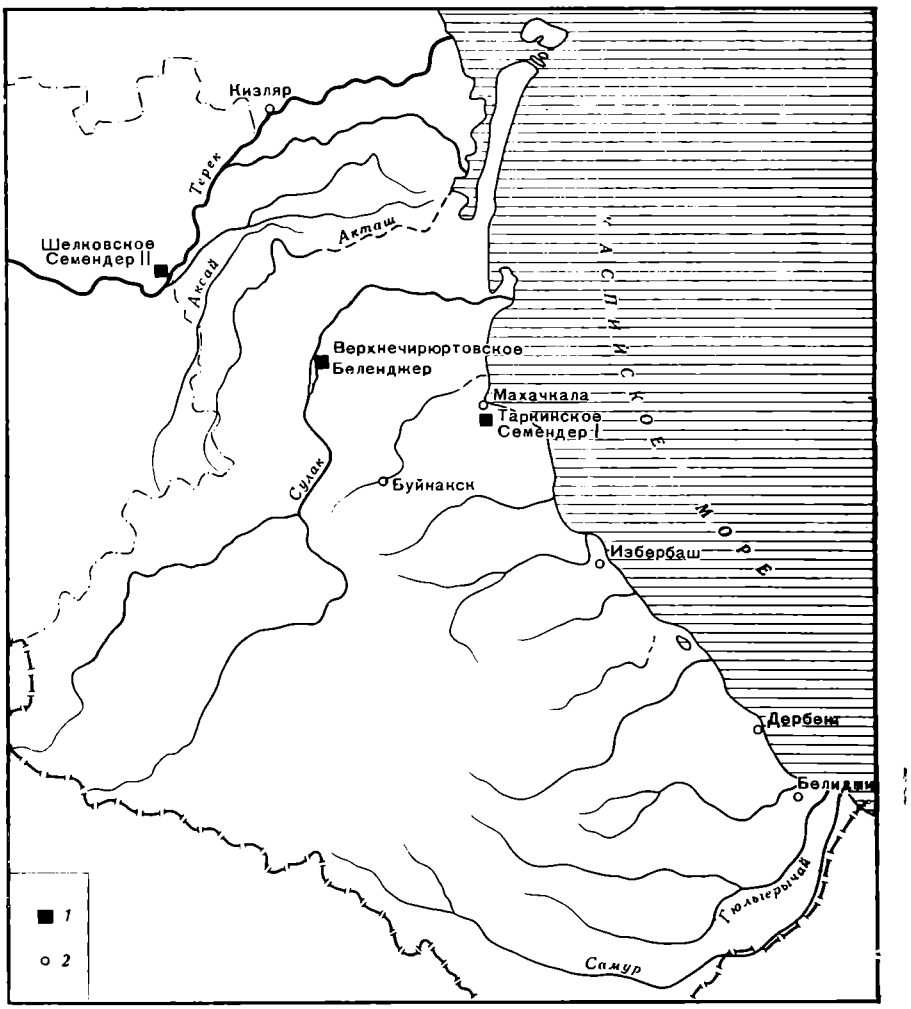


Рис. 1. Карта древних столиц Хазарии: *1* – по М. Г. Магомедову; *2* – по В. Г. Котовичу и другим авторам

дятся остатки крупного городища под названием Торпах-кала [8]. Однако по заключению М. И. Исакова, обследовавшего этот памятник, он относится к последним векам до нашей эры и к первым векам нашей эры [9]. Больших археологических раскопок на Торпах-кала не производилось, но даже по подъемному материалу ясно, что это городище представляет собой развалины типичного албано-сасанидского города [10]. К хазарам оно не имеет никакого отношения.

Обратимся к письменным источникам, привлеченным В. Г. Котовичем для локализации Беленджера у с. Белиджи. Анализируя поход Салмана ибн-Рабиа в 652–653 гг. на Беленджер, он приходит к выводу, что этот полководец так и не достиг Дербента, поскольку погиб «за рекою Беленджер», у Белиджи. Однако тот же Баладзори, Ибн-ал-Факих и Якуби, свидетельствами которых это заключение подкрепляется, говорят об обратном. У Баладзори сказано, что «Салман заключил мир, с условием платить подать с жителями Маскта и Шабирана, и города Баба (Дербента). Но

[8] *А. С. Башкиров.* Изучение памятников старины, Дагестанский сборник, т. III. Махачкала, 1927, стр. 234.

[9] *М. И. Исаков.* Исчезнувший город в Дагестане. «Исторический журнал», 1941, 6, стр. 156.

[10] *К. В. Тревер.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.— Л., 1959, стр. 263; История Дагестана, т. 1. М., 1957, стр. 111.

как только Салман выступил за город, жители заперли его за ним, а хазарский каган встретил его со своей конницей за рекой Беланджаром, где Салман погиб с четырьмя тысячами мусульман» [11]. Из этого текста, как нам кажется, видно, что Салман погиб к северу от Дербента. При его гибели к югу от него (у Белиджи) жителям Дербента не было бы необходимости запирать город. У Ибн-ал-Факиха также сказано, что «Салман заключил мир с жителями Баба (Дербента)» и лишь затем его встретил хакан со своей конницей за рекой Беленджер [12].

И, наконец, Якуби пишет, что «Салман проник в Ширван, царь которого заключил с ним мир. Также поступил царь лакзов, жители Шабирана и Филана, что касется хакана, царя хазар, то он встретил Салмана во главе многочисленной армии за рекой Баланджаром и убил его и тех, кто был с ними» [13]. Из этого сообщения Якуби следует, что встреча кагана с Салманом произошла после покорения последним раннефеодального образования Филан, локализуемого в горах Дагестана к северу от Дербента [14]. Не только перечисленные авторы, но и ряд других помещают Беленджер к северу от Дербента [15]. Не удивительно, что ни один из исследователей до В. Г. Котовича не допускал возможности его местоположения к югу от Дербента. Сам автор новой локализации Беленджера также, очевидно, не уверен в неоспоримости своих выводов и поэтому полагает, что Беленджер, выстроенный Хосроем Ануширован на месте Белиджинского городища Торпах-кала, служил резиденцией хазарских каганов около 30 лет, с конца 20-х до 50—60-х годов VII в. [16]

С рубежа 50—60-х годов VII в. В. Г. Котович перемещает столицу из Белиджи на север в Семендер (в район г. Махачкала) (рис. 1). И тут же следом пишет, что Беленджер (?) был взят в 722/3 г. войсками арабского полководца Джаррaха, захватившими здесь большую добычу. Но поскольку у города должна была протекать и река аналогичного названия, в которой Джаррах приказал топить пленных хазар, то автор путем различных сопоставлений и лингвистических анализов отождествляет Беленджер с р. Гюльгерычай [17]. Оставляем правомерность подобных сопоставлений на суд специалистов, отметим только, что в небольшой речушке Гюльгерычай, протекающей в 10 *км* к югу от Белиджи, утопить людей невозможно. Очевидно, не решает проблему локализации Беленджера и выдвигаемое В. Г. Котовичем предположение о постепенном перемещении этого названия на север. Белиджинский Беленджер после его захвата Джаррахом и с возвышением Дербента, по мнению В. Г. Котовича, утратил свое былое значение и исчез со страниц исторических хроник. После него под этим именем у него выступает Урцекское городище, затем Верхнечирюртовское и, наконец, Беленджер перемещается в Итиль и даже еще севернее [18]. Название хазарской столицы кочует, таким образом, с одного города на другой, что и породило, по мнению В. Г. Котовича, значительные расхождения исследователей. Однако и предложенное им решение далеко не самое удачное, поскольку является не конкретизацией свидетельств письменных источников на основе археологических данных, а признанием всех существующих вариантов локализации Беленджера. Интересно также, что

[11] *Баладзори.* Книга завоевания стран. Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927, стр. 14.

[12] *Ибн-ал-Факих.* Из Книги о странах. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. XXXI, Тифлис, 1902, стр. 29.

[13] *Якуби.* История. Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927, стр. 5.

[14] *А. Н. Генко.* Арабский язык и кавказоведение. Тр. II сессии ассоциации арабистов. М.—Л., 1941, стр. 108; *А. Р. Шихсаидов.* Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969, стр. 42 сл.

[15] *Худуд-ал-Алам.* Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930, стр. 32; *Ибн-Хордадбе.* Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова, СМОМПК, вып. XXX, Тифлис, 1903, стр. 17; *Якут.* Географический словарь, т. 1. Махачкала, РФ ИИЯЛ, д. 67 (на арабском яз.).

[16] *В. Г. Котович.* Ук. соч., стр. 196.

[17] Там же.

[18] Там же.

он не исключает возможности существования Беленджера на месте Верхнечирюртовского городища, расположенного в бассейне р. Сулак. Однако, по мнению В. Г. Котовича, его следует назвать городом Булхар или Балх, а название «Беленджер» — якобы неправильное написание этого имени, образовавшееся вследствие небрежности переписчиков. Между тем, по мнению большинства исследователей, название «Балх» — неправильное написание Беленджера [19]. В. Г. Котович оперирует в своих суждениях этим ошибочным наименованием города для того, чтобы обосновать свою идею о перемещении названия «Беленджер» с одного города на другой, в данном случае на Балх-Булхар (Чирюрт).

Накопленный за последние годы археологический материал позволяет нам не только не согласиться с выводами В. Г. Котовича, но подтвердить предположенную нами ранее локализацию Беленджера [20], обосновав ее новыми материалами.

Территория распространения хазарской культуры в Дагестане и характер культурных отложений исследованных здесь памятников свидетельствуют о том, что Терско-Сулакское междуречье — наиболее ранний регион, где происходил процесс оседания хазарских племен. Здесь выявлены памятники с ранними, достигающими нередко двух и более метров культурными отложениями с характерной серолощеной хазарской керамикой. Эти памятники свидетельствуют, что Терско-Сулакское междуречье — это территория, где шел процесс зарождения хазарского государства. «Хазары великий народ, вышедший из Берзилии (Барсилии), самой дальней страны Первой Сарматии»,— говорит Феофан [21]. И на самом деле, к югу от этой территории наблюдается затухание сарматского культурного влияния [22]. Эта область, известная у византийских писателей под названием «Барсилия (Берзилия)», а у арабов как Баршалия, и была тем первоначальным центром, откуда, по словам Константина Багрянородного, «идут все средства к жизни и все довольство хазар» [23].

Очевидно, именно здесь должен был сложиться их первый политический центр. Он мог возникнуть в стратегически важном пункте и оставаться столицей каганата, пока пределы государства в VII в. не расширились к югу, вплоть до Дербента. Какой же из исследованных памятников Терско-Сулакского междуречья может претендовать на остатки первого политического центра Хазарии, известного под названием «Беленджер»? [24] Наиболее вероятным из них является огромное по своим размерам Верхнечирюртовское городище, расположенное у р. Сулак на границе предгорий и низменности (рис. 1). Месторасположение городища — узловое в системе прикаспийского пути, куда сходились все дороги, ведущие на юг в страны Закавказья и Переднего Востока. Городище примечательно не только значительными размерами и слоями хазарской культуры, но и мощной системой оборонительных сооружений, а также обширными могильниками с различными конструкциями погребальных сооружений, свидетельствующими об этнической и социальной пестроте его обитателей.

Как согласуются с археологическими данными и топографией Верхнечирюртовского городища разноречивые сведения письменных источников о Беленджере? Упоминаемый в источниках в качестве первой столицы

---

[19] *Тарихи Дербент-наме*. Тифлис, 1898, стр. 43 (см. Гаркави, Казембек, Артамонов и др.).

[20] *М. Г. Магомедов*. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореф. канд. дис. Махачкала, 1970, стр. 12.

[21] Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. I. М., 1884, стр. 263.

[22] *К. Ф. Смирнов*. Грунтовый могильник албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 209.

[23] *Константин Багрянородный*. Об управлении государством. ИГАИМК, 91, М.—Л., 1934, стр. 10.

[24] Масуди. Из «Книги сообщений и знаний». Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. XXXVIII. Тифлис, 1908, стр. 34.

хазар, он выступает как обширный город, где были сосредоточены значительные богатства [25]. О богатстве обширного Верхнечирюртовского городища свидетельствуют разнообразные высокохудожественные изделия, в том числе из золота, серебра и драгоценных камней, а также золотые монеты из погребений могильников городища. Все подкурганные катакомбы могильника, протянувшегося более чем на 3 *км* от стен городища, ограблены еще в древности. Можно предположить, что богатства из них были извлечены самими арабами при захвате города в 723 г., что позволило их предводителю Джарраху выплатить каждому воину по 300 дирхемов золотом [26].

В некоторых источниках Беленджер не без основания называется и страной. Дело в том, что во всей замкнутой отрогами хребтов Чирюртовской долине выявлена целая серия поселений и городищ с тождественной культурой, расположенных вдоль реки. Все они тяготеют к Верхнечирюртовскому городищу, замыкающему долину с открытой приморской стороны. Очевидно, эта основательно заселенная долина и нашла отражение у арабских авторов как страна, владение или «много городов» (рис. 2).

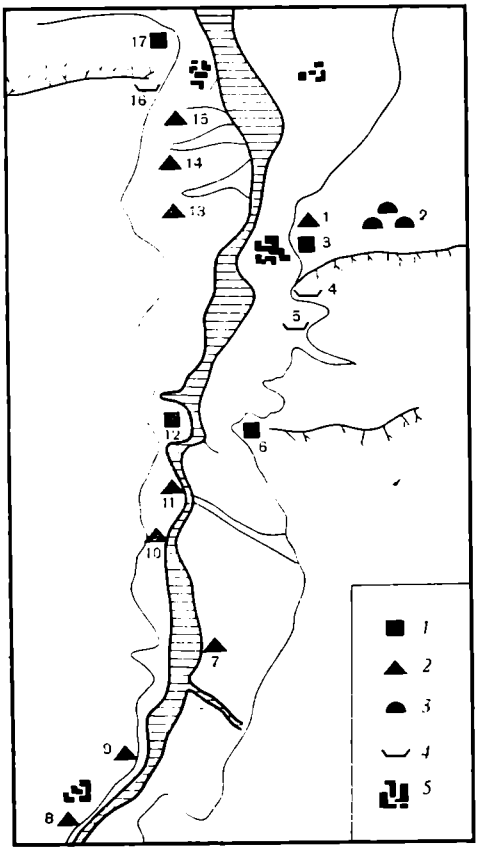


Рис. 2. Карта «страны Беленджер»: *1* – городища; *2* – поселения; *3* – курганы; *4* – могильник; *5* – современный населенный пункт. На карте: *1–5* – Верхнечирюртовские; *6* – Сигитминское; *7* – Правобережное; *8* – Миатлинское; *9* – Черное поле; *10* – Муса-шейсхское; *11–12* – Истису; *13–17* – Бавтугайские

По свидетельству «Худуд ал-Алема», Беленджер был городом с крепкими стенами, или известной хазарской крепостью (рис. 3) [27]. И на самом деле Верхнечирюртовское городище укреплено массивными, достигающими 10 *м* толщины, оборонительными стенами с регулярно расположенными башнями, которые придавали городу вид неприступной крепости (рис. 4). Система выносных башен, сооруженных на господствующих перед стенами холмах, затрудняла возможность подхода к главным стенам. Эти башни также нашли отражение в источниках: Табари писал, что башни Беленджера нанесли арабам много вреда при захвате ими города [28]. Неоднократные захваты Беленджера арабами (Джаррахом, Масламой, Мерваном), засвидетельствованные в источниках, находят подтверждение в остатках оборонительных стен, несущих следы многочисленных достроек и перестроек.

Примечательно, наконец, что Беленджер известен в источниках и как река. Когда арабы в 723 г. захватили город, их предводитель Джаррах из-за множества пленных хазар и их семей приказал топить их в р. Беленджер [29]. Нетрудно догадаться, что речь идет о буйном Сулаке. Другой реки к северу от Дербента, в которой можно было бы топить людей, нет. Поэто-

[25] *Б. Н. Заходер.* Ук. соч., стр. 176.
[26] Тарих аль-камиль Ибн-аль-Аспра. Баку, 1940, стр. 25.
[27] Худуд ал-Алем..., стр. 32.
[28] *Табари.* История пророков и царей. Пер. А. Р. Шихсаидова. Махачкала. 1971. РФ ИИЯЛ, ф. 3, д. 234.
[29] Там же, стр. 29.

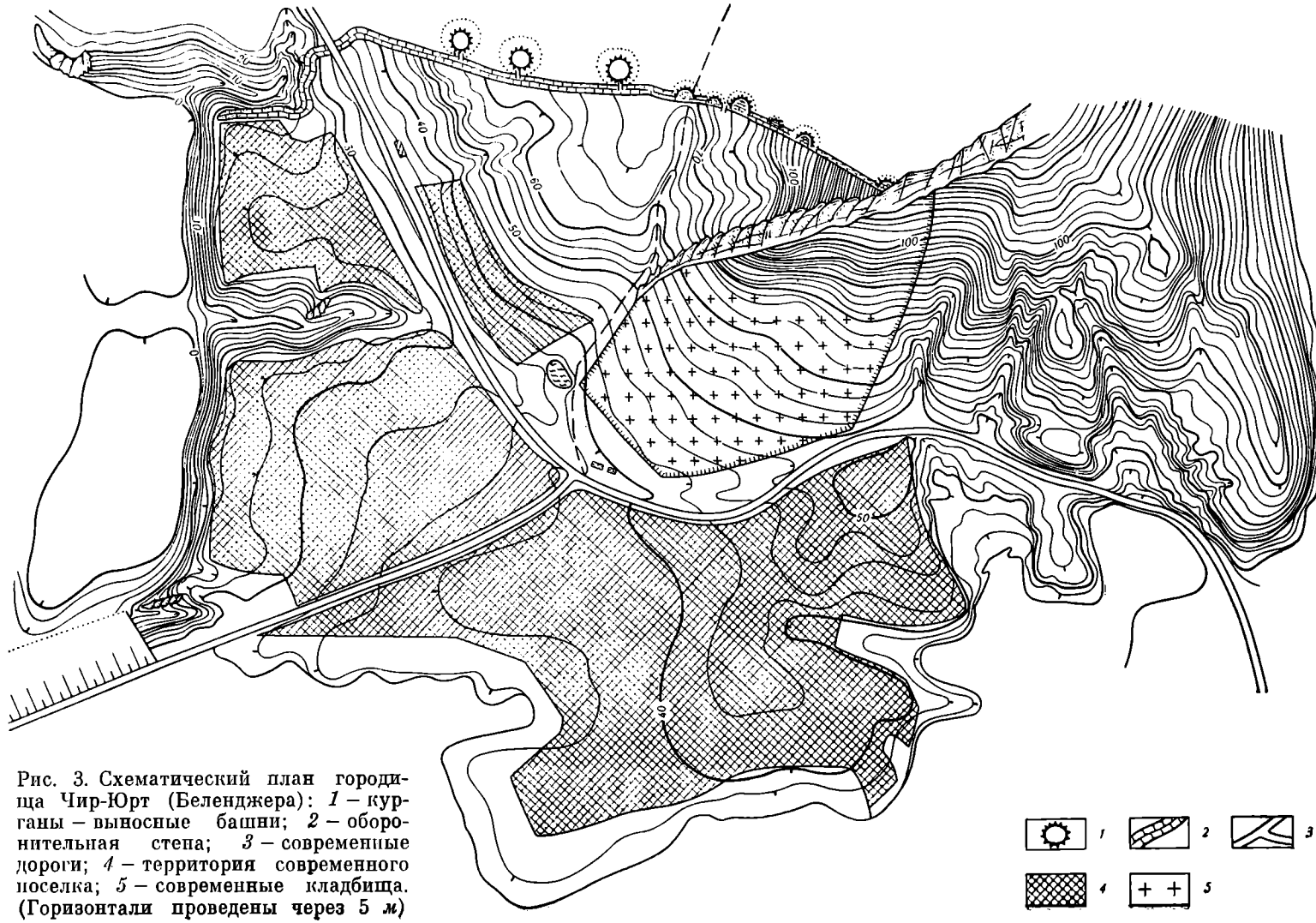


Рис. 3. Схематический план городища Чир-Юрт (Беленджера): *1* – курганы – выносные башни; *2* – оборонительная степа; *3* – современные дороги; *4* – территория современного поселка; *5* – современные кладбища. (Горизонтали проведены через 5 *м*)

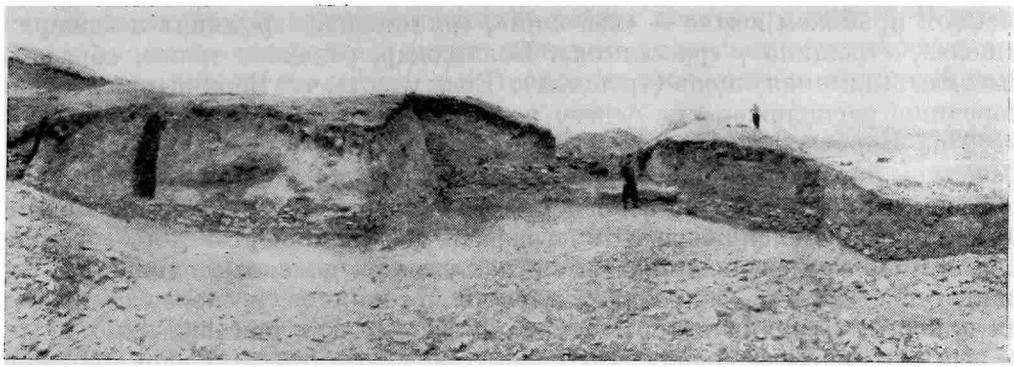


Рис. 4. Вид на восточные ворота в стене Чир-Юрта

му не случайно еще Маркварт отмечал, что р. Беленджер надо искать на р. Сулак [30]. О том, что Сулак — это р. Беленджер указывал и М. И. Артамонов [31].

Б. Н. Заходер, анализируя сведения о Беленджере, обратил внимание на то, что вместе с ним в источниках часто упоминается г. Хамлидж [32]. Если исключить, что в источниках под Хамлиджем подразумевается часть Верхнечирюртовского городища, расположенная на противоположном берегу Сулака, то им могли быть расположенные рядом с Верхнечирюртовским Бавтугайское или Сигитминское городища (рис. 2). Они выступают своего рода спутниками Верхнечирюртовского городища, объединенными с ним не только общностью культуры, но и взаимной обороной. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в источниках они фигурируют рядом.

И, наконец, само название г. Беленджер также находит конкретное объяснение при локализации его на месте Вернечирюртовского городища. Основание города и других многочисленных укреплений в приморском Дагестане письменные источники связывают со строительной деятельностью иранских правителей, которые после того, как вся территория Албании в 390 г. вошла в состав Сасанидской империи [33], предпринимают огромные усилия по укреплению своих северных границ [34]. Эти усилия завершаются сооружением знаменитых дербентских оборонительных комплексов [35].

Об укреплении Сасанидами приморского прохода и заселении его воинами сообщается в целом ряде источников [36]. Сооружения эти предназначались не только для закрытия прохода на берегу моря, но и ущелий соседних гор, откуда могли окружить г. Дербент [37].

Важными узлами среди этой тщательно продуманной системы обороны, возведенной на дальних подступах к Дербенту, были города Беленджер и Семендер, основанные по свидетельству письменных источников Хосроем Ануширваном. Поэтому, очевидно, что названия этих городов должны иметь иранское происхождение. Наименование «Беленджер (Баланджар)» образовалось из двух слов «боланд» и «джор». «Боланд» на совре-

[30] *I. Marquart.* Die Chronologie der altturkischen Inschriften. Leipzig, 1898, S. 17.
[31] *М. И. Артамонов.* Ук. соч., стр. 207.
[32] *Б. Н. Заходер.* Каспийский свод..., стр. 179.
[33] История Азербайджана, т. I. Баку, 1958, стр. 96.
[34] *Моисей Каганкатваци.* Ук. соч., стр. 125.
[35] *М. И. Артамонов.* Ук. соч., стр. 121; *С. Т. Еремян.* Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов. Изв. Армянского ФАН СССР, № 7 (12), Ереван, 1941, стр. 33.
[36] *Якут.* Ук. соч., стр. 13; *Ибн-ал-Факих.* Ук. соч., стр. 15; *Ибн-Хородадбе.* Ук. соч., стр. 15; *Масуди.* Луга золота и рудники драгоценных камней. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. 38, Тифлис, 1908, стр. 41; *Баладзори.* Ук. соч., стр. 5 сл.
[37] *В. Бартольд.* «Дербент». Из энциклопедии Ислама. Париж, 1923. Махачкала. РФ ИИЯЛ, д. 9 (Д), Б-26; *Е. И. Козубский.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, стр. 17.

менном иранском языке — «высокий», «длинный», «громкий» и «джор» — «щель», «трещина», «расселина». Боланджар, означает таким, образом,— высокая (длинная) щель (трещина). Если учесть, что Верхнечирюртовское городище расположено на берегу р. Сулак, вытекающей из самого глубокого на Кавказе каньона, то в его названии, а также в названии реки отразились наиболее яркие особенности топографии этой местности. Таким образом, столь детальное совпадение разноречивых сведений письменных источников о Беленджере с топографией Верхнечирюртовского городища и с комплексом выявленных здесь памятников далеко не случайно. Они свидетельствуют не о противоречивости источников, а скорее об их объективности. Древние авторы отмечали разные, но действительно присущие этому городу особенности.

С выяснением местоположения Беленджера — раннего центра первоначальной Терско-Сулакской Хазарии, возрастают возможности для отыскания второй их столицы — Семендера. Основными источниками для решения проблемы также являются археологические материалы. Они раскрывают не только предпосылки появления у хазар новой столицы под названием «Семендер», но и причины противоречивости сведений о местонахождении этого города. Как известно, большинство исследователей, занимавшихся проблемой Семендера (Ю. Клапрот, И. Маркварт, А. Гаркави, А. К. Казембек, Б. А. Дорн, Б. Г. Малачиханов, В. Ф. Минорский, С. Т. Еремян, Л. И. Лавров, В. Г. Котович и др.), отождествляют этот город с современным Тарки или же с его окрестностями [38].

Другая часть исследователей (Ф. Вестберг, П. К. Коковцев, М. И. Артамонов и др.) допускают возможность бытования Семендера на Тереке или отождествляют его с современым Кизляром [39]. Почти все древние авторы, как это выявил путем тщательного анализа письменных источников Б. Н. Заходер [40], указывают до Семендера четыре и восемь дней пути расстояния от Дербента. В первом случае упоминаются и конкретные ориентиры (море и озеро), возле которых находился Семендер. Этим объясняется и большее число сторонников его локализации в четырех днях пути к северу от Дербента у г. Махачкалы. Однако при таком варианте его локализации остается неясным, почему в ряде источников говорится о восьми днях пути от Дербента до Семендера. Причины подобных противоречий источников раскрываются при анализе археологических материалов. Как было прослежено выше, культура хазар из первоначального центра получает широкое распространение в VII—VIII вв. по всему предгорному Дагестану до Дербента включительно. Она представлена в верхних слоях почти всех открытых здесь памятников. Появление и массовое распространение этой культуры к югу от Сулака — следствие расширения первоначальных Терско-Сулакских пределов Хазарского каганата в результате их военной экспансии против Албании и Сасанидского Ирана. Письменные источники сообщают нам о переговорах обеспокоенного хазарскими вторжениями Хосроя Ануширвана с каганом, состоявшихся в Баршалии (Барсилии). В результате этих переговоров оба правителя вступают в родст-

---

[38] *I. Klaproth.* Tablea historique, geographique, ethnographique et politique du Caucase et de provinces Limitrophes entre La Russie et la Perse. Paris – Leipzig, 1827; *Marquart.* Opt. cit.; *А. Я. Гаркави.* Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. СПб., 1870, стр. 229; *Derbend-Nameh.* Translated from a select turkish versijn and published... by Mirza A. Kazem-Beg. SPb., 1851, p. 479; *Б. А. Дорн.* Каспий. СПб., 1875, стр. 66; *Б. Малачиханов,* К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане. Уч. зап. ИИЯЛ Дагестанского ФАН СССР, 14. Махачкала, 1965, стр. 175; *В. Ф. Минорский.* История Ширвана и Дербента, стр. 144; *С. Т. Еремян.* Ук. соч., стр. 142; *Л. И. Лавров.* Тарки до XVIII века. Уч. зап. ИИЯЛ, 4. Махачкала, 1958, стр. 14; *В. Г. Котович.* Ук. соч.

[39] *Ф. Вестберг.* К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП, СПб., 1908, стр. 43; *П. К. Коковцев.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, стр. 100; *М. И. Артамонов.* Ук. соч., стр. 442.

[40] *Б. Н. Заходер.* Ук. соч., стр. 179.

венные связи друг с другом и устанавливают новую границу [41]. В итоге первая внешнеполитическая акция молодого хазарского государства завершается в результате договора с Ираном приобретением обширной территории по предгорному Дагестану.

С освоением этой территории и должно быть связано возникновение новой столицы Хазарии, которая должна была сформироваться к югу от древнего Беленджера. Возникает вопрос, какими соображениями могло быть обусловлено перемещение ставки кагана и какой новый пункт для этого мог быть облюбован? Очередная столица хазар сложилась на базе уже существовавшего Семендера. И наиболее вероятным пунктом его местонахождения является район г. Махачкалы, где его не без основания и локализуют большинство исследователей. Этот район выделяется явными стратегическими преимуществами по сравнению с местом расположения ранней столицы. У г. Махачкала передовые хребты близко подходят к берегу моря, образуя узкий четырехкилометровый коридор, удобный для закрытия прохода, что было уже осуществлено, судя по письменным источникам, Ануширваном. Вместе с тем новая столица располагала здесь и выходом в море, обеспечивающим большие возможности для торговли и сбора морской пошлины, являющейся одной из доходных статей кагана [42]. И, наконец, на новом месте хазарская столица была ближе к странам Закавказья, куда была направлена основная их экспансия в VII—VIII вв. Из письменных источников известно, что Семендер был «сборным местом» [43] хазар, куда стягивались войска кагана для грабительских походов в страны Закавказья. Эти существенные стратегические преимущества нового района не могли не быть учтены хазарами при решении вопроса о месте очередной столицы каганата. В настоящее время накоплен значительный материал, подтверждающий возможность бытования здесь хазарского Семендера.

Еще путешественники, проезжавшие в XVI—XVII вв. по приморскому Дагестану, обратили внимание на остатки стен в районе Тарков (у г. Махачкалы), протянувшихся от гор к морю [44]. А. С. Башкиров, исследовавший эти стены, пишет, что «между городом Махачкала и аулом Тарки обнаружен ряд монументальных памятников, среди которых едва заметные фрагменты древних оборонительных стен, идущих от гор к морю (как в Дербенте). Площадь между ними почти сплошь представляет культурный слой. Грамотные люди из Тарков, указывая на эти фрагменты, говорят, что это остатки древнего Семендера [45]. В 1935 г. остатки этих стен осмотрел А. А. Иессен. Он отмечает также и множество курганов, расположенных между стенами [46]. О направлении этих стен, полностью уничтоженных к настоящему времени, сообщают и другие исследователи [47]. Сам факт существования стен в районе г. Махачкалы и их направление от гор к морю на расстоянии 2 *км* друг от друга свидетельствуют о том, что здесь в древности находился огромный по размерам город, закрывавший собою четырехкилометровый приморский проход.

Археологические исследования Тарков дали возможность выяснить месторасположение жилых кварталов городища, его размеры и характер представленной на нем культуры. Удалось установить, что культурные от-

---

[41] Дербент-наме; стр. 25; *Баладзори*. Ук. соч., стр. 6 и др.

[42] Ал-Истахри. Из «Книги путей и стран». Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, XXIX, Тифлис, 1901, стр. 43.

[43] *Ибн-Хаукаль*. Из «Книги путей и царств», стр. 115.

[44] *С. А. Белокуров*. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел, вып. I, 1578—1613 гг. М., 1889, стр. 405.

[45] *А. С. Башкиров*. Ук. соч., стр. 239.

[46] *А. А. Иессен*. Археолоогические работы на новостройках. ИГАИМК, 110, М.— Л., 1935, стр. 33.

[47] *Б. Малачиханов*. Ук. соч., стр. 175; М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, стр. 36.

ложения городища простираются по северным склонам горы Тарки-Тау, возвышающейся с юга над г. Махачкалой. Отложения эти, перекрытые современными постройками Тарков, протянулись на 900—1000 *м* в длину и не менее 700 *м* вниз по склону горы. В срезах многочисленных строительных площадок, и особенно вдоль подъездных путей к ним, обнажены культурные напластования 2—4 *м* толщины, свидетельствующие о бытовании здесь поселений с рубежа нашей эры и до позднего средневековья. В огромной массе разнообразного керамического материала, представленного на городище, четко выделяется и серолощеная хазарская керамика верхнечирюртовского типа. Встречается она в албано-сарматских слоях и в слоях, перекрывающих их. Интересно также, что на восточной окраине Тарков в процессе строительных работ обнажена на протяжении 40 *м* внешняя сторона остатков древней стены, возведенной из камня и сохранившаяся до 1 *м* высоты. Она тянется по гребню вытянутого в сторону моря разлома склона. К востоку от нее, по другую сторону разлома, культурные отложения городища не прослеживаются. По-видимому, это остатки одной из оборонительных стен древнего городища, которые могли быть творением иранских правителей и Ануширвана, в частности. Название города «Семендер» означает на персидском языке «крайняя (или наружная) дверь» [48]. Стены Семендера были крайними по отношению к основным Дербентским, с которыми они имели неслучайное сходство в планировке и в направлении.

Могильник с остатками древних захоронений был обнаружен и разрушен строителями на западной окраине Тарков. Его остатки находятся в 100 *м* к северу от таркинской средней школы. Исследованные здесь погребения представлены коллективными и одиночными захоронениями в каменных склепах и ящиках. Богатый погребальный инвентарь представлен разнообразными бусами, браслетами, перстнями, пряжками, серьгами и др. Найдена здесь и золоченая арабская монета VIII в. Могильник датируется VII—IX вв. и по времени связывается с хазарским периодом существования Семендера.

В результате этих предварительных археологических исследований мы имеем возможность представить общую топографию Таркинского городища. Огражденное подобно Дербенту с двух сторон оборонительными стенами, оно занимало территорию северных склонов горы Тарки-Тау. На западной окраине городища простирались могильники с различными типами погребальных сооружений. На низменной части, протянувшейся на 3—4 *км* от основания склонов Тарки-Тау до берега моря, культурные отложения не прослежены. Приморская равнина выступает его сельскохозяйственной территорией, на которой располагались знаменитые виноградники Семендера [49].

При локализации Семендера в Тарках и Беленджера в 50 *км* к северу от него на месте Верхнечирюртовского городища объясняются причины незначительных расхождений в координатах между ними: у Бируни они составляют 73°/44°50′ и 72°30′/44°55′; у Хамдула Казвини 85°20′/46°30′ и у Абул Фида 75°20′/46°30′ и 78°0′/44°50′ [50] (рис. 1).

Таким образом, Таркинское городище, оседлавшее своими оборонительными стенами стратегически важный подход в районе Махачкалы, расположенное в четырех днях от Дербента, у берега моря и неподалеку от оз. Ак-Гель соответствует сведениям письменных источников о Семендере. Однако в тех же источниках, как известно, Семендер располагается одновременно и в восьми днях пути от Дербента. Более того, в описаниях арабо-хазарских войн он нередко оказывается не к югу, как следовало бы

---

[48] *Л. И. Лавров.* Ук. соч., стр. 14.

[49] *Ал-Мукаддаси.* Из книги «Лучшее из делений для познания климатов». Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 5 сл.

[50] *Б. Дорн.* Каспий, стр. 86.

ожидать, а к северу от Беленджера [51]. Объяснить эти противоречия источников только их неточностью или небрежностью переписчиков, очевидно, нельзя уже потому, что подобная «погрешность» характерна почти для всех письменных источников, касающихся именно Семендера [52]. Не исключено, что за этим кажущимся противоречием кроется не ошибка переписчиков, а конкретный факт, имеющий под собой реальную основу.

При локализации Беленджера мы уже имели возможность убедиться в том, что разногласия письменных источников не являются свидетельством их противоречивости. Конкретность и высокая точность арабской географической науки общеизвестны. Поэтому нет оснований для сомнения в их объективности и в отношении Семендера. И если они в своих сообщениях располагают Семендер на разных расстояниях от Дербента (то к югу, то к северу от Беленджера), то не вправе ли мы сделать предположение, что существовало два Семендера? Возможно, правы и те исследователи, которые помещают хазарскую столицу на Тереке, в восьми днях пути от Дербента. Перенесение хазарской столицы из Беленджера в район г. Махачкалы было обусловлено, как отмечено выше, рядом благоприятных факторов. На новом месте хазары могли не опасаться за судьбу своей столицы, поскольку дряхлеющий Сасанидский Иран не представлял для них в VII в. особой опасности. Однако вскоре политическая ситуация изменилась коренным образом. Вместо развалившегося сасанидского государства каганату пришлось столкнуться с новой и грозной силой в лице арабов. Первая же волна арабских нашествий на Хазарию в 653 г. докатилась до стен Беленджера. Хотя это столкновение закончилось в пользу хазар, но они испытали на себе потенциальную силу и агрессивность нового врага. Если хазары после победы над Салманом ибн-Рабиа еще неоднократно вторгались и хозяйничали в Закавказье, то обстановка резко изменилась после походов Джарраха. К этому времени арабы не только укрепляются в Дербенте, но и предпринимают ряд успешных походов в глубь Хазарии, неоднократно захватывая при этом Семендер и Беленджер.

В связи с этим возникает вопрос, могла ли остаться резиденция хазарских каганов на переднем крае хазарских владений, в непосредственной близости от Дербента? Резиденцию кагана в сложившихся обстоятельствах должны были переместить на новое, безопасное место. Не могли хазары в это время перенести его сразу так далеко, в Итиль (в устье Волги). Культура, связанная с хазарами, появляется здесь только во второй половине VIII в. [53]. Как отмечает М. И. Артамонов, никакого хазарского города на Волге не было раньше этого времени.

Возможным пунктом возникновения новой резиденции каганата остаются северные районы собственных пределов Хазарии. Ее могли отстроить на Тереке. Наиболее вероятными остатками нового Семендера является Шелковское городище [54] (рис. 1) площадью 450×450 *м*, укрепленное мощной системой оборонительных сооружений, возведенных из чередующихся глинобитных слоев и сырцовых кирпичей. Керамика с городища, а также приемы сооружения его оборонительных стен, в том числе и размеры самих кирпичей, находят аналогии в других хазарских памятниках, исследованных в Терско-Сулакском междуречье. Городище выделяется среди них более массивными и лучше сохранившимися остатками оборонительных сооружений и слабой выраженностью культурных отложений. Эти особенности, очевидно, и должны быть присущи новой и недолговечной резиденции хазарских каганов. Не сумев закрепиться на Тереке, хазары вынуждены были перенести резиденцию кагана на Волгу. С этого времени в Юго-Восточную Европу перемещаются и основные пределы хазарского государства.

---

[51] *Табари.* Ук. соч., стр. 47.
[52] *Б. Н. Заходер.* Ук. соч., стр. 175.
[53] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. М., 1967, стр. 142.
[54] *Л. Н. Гумилев.* Ук. соч., стр. 169.

Приведенные археологические данные в сочетании с той политической ситуацией, которая сложилась в Хазарии с началом арабо-хазарских войн, не исключают, таким образом, возможность существования у хазар второй столицы под названием «Семендер». При тщательном анализе источников можно заметить, что эти города явно отличаются друг от друга. Например, Ал-Истахри недвусмысленно заявляет, что у хазар есть еще город по имени «Семендер» [55]. Более конкретно это нашло отражение в «Дербент-наме», где сказано, что некоторые восточные географы отличают Семендер от г. Семенд [56]. Название города было механически перенесено на вновь возникший город в связи с перемещением части обитателей из одного пункта в другой. Сохранение за новой столицей хазар старого названия «Семендер» могло быть обусловлено и причинами другого порядка. Хазарский каганат, с которым считался весь окружающий мир и который соперничал с Византией и Арабским халифатом, вынужден был менять столицу в результате военного поражения. Дать другое имя уже известной всюду столице означало бы признать этот факт перед окружающим миром и этим нанести еще больший ущерб своему престижу.

Таким образом, лишь комплексное исследование археологических материалов и сведений письменных источников с учетом политической обстановки, сложившейся в Хазарии на дагестанском этапе его бытования, дают возможность наиболее объективно разобраться в сложной проблеме местоположения и перемещений ранних политических центров каганата.

M. G. Maghomedov

LES ANCIENS CENTRES POLITIQUES DE LA KHAZARIE

Résumé

Les données, rares et contradictoires, des anciennes sources écrites ont donné lieu à différentes hypothèses sur l'emplacement des centres politiques des Khazars (ill. 1). Les prospections archéologiques sur le littoral du Daghestan ont révélé le nombreux monuments portant des traits de culture khazare, qui constituent des sources nouvelles et tout à fait objectives pour localiser les anciens centres de la Khazarie (ill. 2). L'étude complexe de ces monuments, des renseignements fournis par les sources et de la situation politique existant en Khazarie au début des guerres entre Arabes et Khazars, permet d'éclaircir ce problème difficile de la manière la plus objective. En déterminant l'emplacement de Bélendjer — ancien centre de la Khazarie sur le territoire de la grande agglomération bien fortifiée de Verkhnétchirioutovo située sur la rivière Soulak (ill. 3) — on découvre l'origine de la contradiction dans les sources traitant de cette ville. Sémender — l'autre capitale de Kalanata,— est née avec l'extension des limites initiales de la Khazarie. On situe l'emplacement de cette ville à l'endroit de l'ancienne agglomération de Tarkine dont les murailles commandaient un important passage stratégique près de la ville de Mahatchkala. Dans les ruines de l'agglomération, on a mis au jour d'importantes couches de dépots culturels, comprenant des strates khazares. D'après les sources, comme on le sait, Bérender est située en deux endroits à la fois, à distance égale de Derbent, soit au sud, soit au nord de Bélendjer. Cette contradiction apparente n'est pas due à une erreur de copiste, mais à un fait réel: celui de l'existence de deux lieux portant le même nom. C'est l'ancienne agglomération de Chelkovo qui est la seconde Sémender, laquelle ne fut pas longtemps la résidence des kaghans khazars. Cette identification est attestée par les matériaux archéologiques et se reflète dans les relations des auteurs anciens.

---

[55] *Ал-Истахри.* Ук. соч., стр. 47.

[56] *Тарихи.* Дербент-наме, стр. 47. Известный востоковед А. Казембек, анализируя Дербент-наме, приходит к выводу о существовании двух пунктов под названием «Семендер».

Н. Г. ПОРФИРИДОВ

О МАСТЕРАХ, МАТЕРИАЛАХ И ТЕХНИКЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ МЕЛКОЙ КАМЕННОЙ ПЛАСТИКИ

Предмет, которому посвящена статья, может быть, точнее было бы назвать малой скульптурой во избежание смешения его с другими видами мелкой пластики — литьем, чеканкой и пр. Вопреки существующим представлениям о небольшой доле этого вида искусства в общем художественном наследии Древней Руси, число его памятников весьма значительно, и новые находки непрерывно увеличивают его. Однако этот материал еще не может считаться всесторонне изученным.

В отличие от ряда других видов древнерусского искусства, таких, как живопись, книжная миниатюра, художественное шитье, даже монументальная скульптура, вопросы организационных форм профессиональной художественной деятельности, существования специальных мастеров и мастерских, вопросы сырья и техники для искусства малой скульптуры гораздо более далеки от ясности. Поэтому позволительно попытаться обобщить то немногое, что, по-видимому, накопилось из практического изучения ее памятников. Особые трудности изучения этих памятников состоят в том, что произведения малой скульптуры ни в какой степени не нашли себе отражения на страницах исторических и вообще древних письменных источников. Некоторые преимущества заключаются в том, что памятники каменной пластики в значительной мере являются находками археологическими и как таковые состоят, так сказать, в двойном подчинении: искусствоведения и археологии и могут поэтому частично изучаться методами последней. Обращаясь к предыстории русской христианской пластики, можно сказать, что у пластического искусства уже в дохристианскую пору имелась прочная основа. Известные сообщения западных историков Титмара Мерзебургского и Саксона Грамматика, касающиеся скульптурного украшения не дошедших до нас славянских языческих капищ [1], находят косвенное подтверждение в бытовом инвентаре, в изобилии, открываемом раскопками [2]. Освоение искусства скульптуры в области нового, христианского культа поэтому, очевидно, не было трудным, что и подтверждается отзывами иноземных авторов XII—XIII вв., византийца Иоанна Тцетцеса и итальянца Плано Карпини, о высоте русского резного искусства, превосходящего уровень многих европейских стран.

Резные иконки в русском искусстве, естественно, повели свое начало со времени введения в стране христианства.

В этой области искусства, как и в других, связанных с новым культом, на первых порах в особенности, в употреблении были также привозные предметы. Резные византийские иконки известны среди русских древностей юга Руси (киевских) и севера (новгородских, владимирских).

---

[1] Monumenta Germaniae historica, III, p. 812, XXIX, стр. 122 (Цит. по «Истории русского искусства», I, 1953, стр. 90).

[2] *Б. А. Колчин.* Новгородские древности. Резное дерево. САИ, Е1-55, 1971.

В ряде случаев привозные предметы, несомненно, могли служить и служили образцами для местных произведений нового культа. В этой связи, может быть, небезынтересно отметить случай, связанный с одним изображением, явно завезенным извне, неправильно понятым, но получившим долгую жизнь и традицию в древнерусском искусстве. Речь идет об изображении античной богини Ники с венком в руках на византийской каменной или костяной пластинке, найденном в Увеке на Нижней Волге [3], видимо, попавшем сюда, в район татарских кочевий, вместе с угнанными с Руси ремесленниками в числе образцов и собственных их изделий [4]. Но как еще до этого, в XII — начале XIII в., так затем и позднее оно неоднократно повторялось в дошедших до нас русских изделиях — серебряной гривне XIII в. [5], бронзовом энколпионе XIV в. [6], медном кресте XVI—XVII вв. [7] — как изображение архангелов Гавриила или Михаила.

Среди христианских изображений, поступавших в новообращенную страну из Византии, и в живописи, и в скульптуре, несомненно, были изображения Христа, богоматери, общехристанских святых и так называемых праздников. К числу таких, надо думать, принадлежала, как показывает тот же комплекс увекских находок, композиция, известная под названием «Гроб господень» или «Святая святых», особенно широко распространившаяся на Руси и получившая развитую иконографию. Однако позволим себе заметить, что при отсутствии точно обозначенных импортных памятников и слабо еще разработанной методике атрибуций не исключено, что по крайней мере некоторые из каменных иконок XI—XIII вв., найденных раскопками в древнерусских городах и признаваемых за византийские, могут быть русскими изделиями. Одинаково содержащие изображения основных лиц христианского пантеона и так называемых праздников, они по материалу, формам, технике, иногда и по стилю, не всегда точно различимы с одновременными им иноземными [8]. Во всяком случае количество собственных русских разных иконок, несомненно, во много превосходило число привозных.

Древнейшим русским памятником христианской мелкой каменной пластики из числа введенных в литературу принято считать иконку св. Давида — Глеба, XI в. (из собрания Гос. Исторического музея) [9], найденную на Таманском полуострове в древней Тмутаракани и связываемую с князем Глебом Святославичем [10]. Возможно, близка к ней по времени иконка св. Алексея и Федора, найденная на Азовском побережье, в 1950 г. поступившая в Таганрогский музей [11]. Другие известные каменные иконки из несомненно русских относятся уже ко времени XII и XIII в. и позднее.

Кем изготовлялись на Руси мелкие резные иконки в ту раннюю пору? Существовали ли специальные мастерские по их производству и специальные мастера? При находках каменных и реже костяных резных иконок XII—XIII вв. при раскопках в разных городах древней Руси — Киеве, Изяславле, Минске, Пинске, Новгороде и др.— никто из руководителей раскопок не делал выводов о существовании производства их в данном месте. В разных городах, начиная с таких крупнейших центров культуры,

---

[3] ИАК. Прибавление к вып. 52, СПб., 1914, стр. 137, 138; *там же*, вып. 53. СПб., 1914, стр. 100, рис. 30.

[4] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси, М., 1948, стр. 530. *его же.* Русские датированные надписи XI—XIV вв., САИ, Е1-44, М., 1964, стр. 40, 41.

[5] Каталог христианских древностей, собранных московским купцом Н. И. Постниковым. М., 1888, стр. 66, табл. 31.

[6] Собрание ГИМ, № 75061 (М-9820).

[7] Собрание ГИМ, № М-2327.

[8] *М. В. Седова.* Каменные иконки древнего Новгорода. СА, 1965, 3, стр. 263, рис. 1, *3, 6.*

[9] Отчет Исторического музея за XXV лет (1883—1907). М., 1916, стр. 87, рис. 5.

[10] История культуры Древней Руси. Домонгольский период. II, М.— Л., 1951, стр. 448; История русского искусства, I, М., 1953, стр. 292, рис. на стр. 282.

[11] *А. В. Гадло.* Новый памятник тмутороканского времени из Приазовья. СА, 1965, 2, стр. 217—224.

как Киев и Новгород, раскопками обнаружены остатки многочисленных ремесленных мастерских по производству художественных изделий из металла, кости и даже камня [12]. Но специальных мастерских, к которым можно было бы отнести с полной уверенностью изготовление каменных образков, пока не открыто. Можно думать, что при относительной редкости спроса и заказов на них таких специальных мастерских и не существовало.

В соответствии с этим следует, по-видимому, решать вопрос и о мастерах каменных резных иконок XI—XIV вв.: существование именно таких мастеров пока установить невозможно. Сравнительно редкие заказы на изготовление каменных иконок, вероятно, выполнялись в мастерских широкого профиля мастерами мелких художественных изделий: резчиками каменных формочек для отливки ювелирных украшений, резчиками по кости и т. п., что предполагает у части этих мастеров знания иконографии. Наряду с формочками для отливки колтов, браслетов, бус известны и каменные формочки для отливки иконок, вырезанные, как и те вглубь, контррельефом. Такова формочка (собрание Русского Музея [13], XIII — XIV вв.) из песчаника с вырезанной на одной стороне композицией Крещения, на другой — Сретения (рис. 1). Исполнявший ее мастер, очевидно, мог свободно резать и обычные рельефные иконки. Но известны также каменные резные изделия с изобразительными элементами не культового характера. В качестве примера можно привести неопубликованную поделку (фрагмент) неизвестного назначения (из того же собрания) [14] с изображением на ней птицы и грифона (?), обведенных рамками в виде плетенки. Предмет, видимо, новгородского происхождения: в настоящее собрание поступил из бывшего музея при училище Штиглица, в книге поступлений которого имеется отметка о приобретении его из Новгорода и находке на Прусской улице (рис. 2).

Поэтому представляется глубоко правильным, что Б. А. Рыбаков, авторитетный знаток древнерусского ремесла, составляя список профессий ремесленников периода X—XIII вв., отнес мастеров мелкой каменной резьбы не к IV группе (каменосечцы, скульпторы-декораторы, жерносеки и пр.), а к IX (костерезы, гребенщики, гранильщики) [15]. Это тем более верно, что и инструменты (пилки, напильники разного профиля, стамески, молоточки, иглы и пр.), и техническое уменье мастеров данной группы в основном были такими же, как у мастеров мелкой каменной резьбы.

Существует неоднократно высказанное в литературе мнение, что каменные образки резались при монастырях монахами. Конечно, нельзя исключать отдельные такие случаи, но при этом не следует считать, что это было занятием только монахов. Другое дело, что каменные иконки могли резаться в мастерских, существовавших при крупных церковных организациях, как, например, Софийской мастерской в Новгороде. Такие мастерские были многопрофильными, объединявшими мастеров разных специальностей, но в большей части также скорее мирских. Изготовление резных образков при монастырях характерно для относительно позднего времени, XV—XVI вв., осененного знаменитым именем троицкого инока Амвросия, несравненного резчика и ювелира [16] (однако Амвросий не резал по камню).

В противоположность ряду других категорий художественных памятников древней Руси каменные иконки не сохранили имен их мастеров, за единственным исключением. В связи с предыдущей речью о мастерах может показаться не случайным, что единственная собственная метка масте-

[12] *А. В. Арциховский.* Археологическое изучение Новгорода. Тр. Новгородской археологической экспедиции. I, МИА, 55, 1956, стр. 23; *М. К. Каргер.* Древний Киев. I, М.— Л., 1958, стр. 468, сл.

[13] Собрание ГРМ, К-46.

[14] Собрание ГРМ, К-172.

[15] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси, стр. 509.

[16] *П. Флоренский и Ю. Олсуфьев.* Амвросий — троицкий резчик XV в. Сергиев, 1927; *Т. В. Николаева.* Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Загорск, 1960, стр. 59 сл.

ра на каменной иконке содержит мирское имя: «Резал Истома на Вологде» [17]. Может быть, здесь уместно вспомнить и то, что царь Иван Грозный, давая в 1556 г. задание новгородским дьякам о присылке в Москву мастеров разных специальностей, писал: «Есть в Новгороде, Васюком зовут, Никифоров, умеет резь резать всякую, и вы бы этого Васюка прислали к нам в Москву» [18]. Правда, узкая специализация этого резчика Васюка Никифорова неизвестна.

Относительно материала, который употреблялся для произведений малой скульптуры, позволительно думать, что в его число входили и дерево, и кость, и камень, однако не в одинаковой степени. В древнейшее время (XI—XIV вв.), очевидно, для резных иконок мало использовался пластический материал, считающийся исконно русским,— дерево. Деревянных памятников мелкой резьбы указанного времени нет — обстоятельство, как нам кажется, объясняющееся не столько плохой сохранностью этого материала, сколько тем, что по свойствам прочности он не отвечал требованиям, предъявляемым к этого рода произведениям в их практическом употреблении.

В большей степени им удовлетворяла кость, превосходившая дерево по прочности и дававшая даже большие технические возможности, нежели камень. Однако среди русских древностей, находимых при раскопках, костяные иконки известны в единичных экземплярах. Как на редкий пример можно указать на двустороннюю костяную иконку Георгия и Власия, найденную в Новгороде в 1969 г., датируемую В. Л. Яниным первой половиной XIV в. [19]

Основным материалом для этой категории произведений художественного мастерства был камень, свойства которого наиболее отвечали назначению предметов, сопровождавших человека в пути, бою и т. п. Еще лучше отвечал этим требованиям металл. Но изделия из него (кресты, обрезки, энколпии, амулеты змеевики), дошедшие до нас в неизмеримо большем числе, были относительно более дешевыми предметами массового спроса и изготовления, каменные — более дорогими произведениями индивидуального заказа и потребления. Относительно скромный вид образков из камня иногда компенсировался золочением или заключением их в драгоценные, пышно украшенные рамки.

Не собрано еще исчерпывающих и вполне точных данных о породах камня, служивших материалом для изделий малой скульптуры, равно как и о соотношении привозного и местного сырья. В числе материалов, из которых делались каменные иконки, в археологической литературе называются стеатит, литографский камень, жировик черный, плотные сорта известняка, ряд полудрагоценных и драгоценных камней [20].

Совершенно точное определение камня в затертых от долгого употребления предметах, в ряде случаев наглухо заделанных в металлические оправы, часто бывает затруднительным, и потому обозначения его в музейных инвентарях и каталогах в отдельных случаях надо принимать как условные. Данные экспертизы предметов собрания Русского Музея, предпринятой с привлечением специалистов из Ленинградского горного института и Геологического музея Академии наук [21], в основном совпали с определениями археологов и музейных работников. Для экспертизы были предъявлены 112 иконок, из которых к каменным отнесены 101, остальные — к искусственным материалам, так называемым литикам, глине и пр. Экспертами

[17] Иконка Константина и Елены. Собрание ГИМ, № 1820-III (ОК 9135).

[18] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен. М., 1960, кн. IV, т. 7, стр. 49.

[19] *В. Л. Янин.* Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений; Византия, южные славяне и Русь, Западная Европа. Сборник статей в честь В. Н. Лазарева. М., 1973, рис. на стр. 268—269.

[20] История культуры Древней Руси. I, 1948, стр. 161; *Г. Ф. Корзухина.* Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. СА, XIV, 1950, стр. 218.

[21] С. П. Соловьев, А. А. Каденский и Ю. Н. Хильтов.

были определены камни, объединяющиеся в несколько групп, которым попутно даны производственно-технические характеристики.

К первой группе наряду со стеатитом отнесены близкие к нему и иногда смешиваемые с ним пирофелит, жировик, мыльный камень (восемь предметов, т. е. около 8%) — тальковые камни, с содержанием талька до 90%, очень мягкие, хорошо режущиеся. Заметим, что большинство памятников, оказавшихся в этой группе, принадлежат к числу древнейших — XII и XIII в., два — XIV в.

Во вторую, тоже сравнительно немногочисленную группу (шесть предметов, около 6%) вошли известняк и мергель, также относительно мягкие камни, по указаниям экспертов, с показателем твердости 2—3 по десятибалльной системе, однако они хуже названных выше по свойствам хрупкости, легко крошатся, особенно при обработке мелких изделий.

В третью группу вошли изделия из разновидностей песчаника, принадлежащих хотя к более твердым, чем известняки, породам, с показателями твердости до 5, но зато менее хрупким и крошащимся. Эта группа оказалась в коллекции более многочисленной (28 предметов, т. е. около 28%).

Наибольшее количество предметов (59 — около 58,5%) было определено как изделия из сланцев разных типов — глинистых, песчано-глинистых и др.; в число этих изделий вошли и те, которые считались изготовленными из шифера и аспида. Глинистые сланцы, показатель твердости которых невысок (около 2,5 — у песчаных до 4), почти так же удобны для резания, как тальковые камни, но уступают им по вязкости, иногда при работе дают расслоения.

Определения камней, по заявлению экспертов, в отдельных случаях имели условный характер, так как производились без специальных лабораторных анализов. Основанные на них подсчеты, кажется, все же можно признать типическими и для других крупных музейных собраний. О месторождениях камней, употребленных на изделия, заключений дано не было. Представить ясную картину обеспечения интересующей нас отрасли художественного производства сырьем, т. е. заготовками для изделий, за отсутствием данных затруднительно. По-видимому, можно думать, что наряду с готовыми изделиями извне, из Византии, поступала на Русь и часть сырья, в частности такой распространенный материал для миниатюрной резьбы, как стеатит, вытеснявший дорогую слоновую кость в период обнищания империи после разгрома ее крестоносцами [22]. Но нельзя и преувеличивать размеров этого импорта. Следует принять во внимание, что в собственных видах сырья, пригодных для подобных изделий,— песчаниках, известняках и еще более удобных сланцевых камнях — недостатка не было. Распространение по Руси этого сырья из хорошо известных и уже используемых для других резных изделий месторождений, очевидно, происходило, как, например, и распространение овручских шиферных пряслиц, через расхожих «гостебников» [23], развозивших не только готовые изделия, но и портативное сырье. Возможно, что с таким способом распространения заготовок для изготовления мелких каменных иконок следует связать и самый вид этих заготовок — пластинок, удобных для транспортировки. Размеры каменных иконок древнего времени невелики, редко превосходят 5×7 *см* при толщине около 0,8 *см*, с преобладанием в наиболее древних произведениях (XII—XIII вв.) наиболее тонких — 0,5, 0,6 *см*.

Что касается формы иконок, ее, очевидно, избирали и придавали изделию сами мастера резчики в зависимости от своего усмотрения или желания заказчика. Можно насчитать свыше 20 разных форм каменных иконок XI—XVI вв. Наиболее распространенная — прямоугольная, вытянутая в длину, реже приближающаяся к квадрату. Столь же распространена фор-

[22] *П. Б. Юргенсон.* О франкском влиянии в византийской пластике XIII в. Тр. секции археологии Института археологии и искусствознания, Ранпион, IV. М., 1928.

[23] *Б. А. Рыбаков.* Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. Уч. зап. МГУ, вып. 93, история, 1946.

ма прямоугольная внизу, но с полукруглым или плоско скругленным верхом. Иногда вместо округленности верх пластинки бывает обработан прямыми линиями в виде щипца или срезанных верхних углов, что придает всему изделию соответственно форму пяти- или шестиугольника. Как разновидность указанных выше типов, прямоугольного и со скругленным верхом, имеются иконки с расширением боковых сторон к низу, придающим изделию вид трапеции. К числу более редких форм, имевших преимущественное распространение в раннее время (XII—XIII вв.), можно отнести форму киотцев, отличающуюся наличием плечиков у верхней стороны пластинки. Еще реже можно отметить среди древних каменные иконки круглой или овальной формы.

Коснемся попутно вопроса о двусторонних каменных иконках, число которых в общем фонде памятников довольно значительно. В собрании Русского Музея их 35, т. е. около 35%. То же характерно и для других собраний этого вида искусства. Чем объясняется помещение изображений на обеих сторонах некоторых каменных иконок? В первую очередь, вероятно, особым бытовым назначением этих предметов. В области меднолитых иконок, как известно, явления двусторонности не наблюдается. Среди литых изделий к двусторонним принадлежат кресты-энколпионы и змеевики, предназначенные, как и каменные иконки, не для поклонения на божнице, а для ношения на груди.

Этой же ролью каменных иконок определялся и выбор изображений на них. Среди единоличных изображений святых — главным образом святые — покровители и помощники в ратных делах, в пути, в болезнях или профессиональной деятельности, притом преимущественно связанные с демоноборческими представлениями. Это могли быть также патрональные святые, соименные самому заказчику и членам его семьи. Традиционный круг композиционных изображений на каменных иконках тоже в основном определялся особым значением сюжетов, отбираемых для личных оберегов [24].

Исполнялись ли оба изображения, помещенные на той и другой сторонах предмета, одновременно, т. е. при первоначальном изготовлении предмета? По-видимому, это было именно так. Хотя имеются, правда крайне редкие, случаи, когда изображения на разных сторонах иконки относятся явно к разному времени. В качестве примера может быть указана каменная иконка, найденная при раскопках в Новгороде в 1973 г. На одной стороне ее содержится изображение Симеона Столпника и Ставракия, относящееся к XII—XIII вв., на другой — изображение Всадника Георгия, исполненное позднее, в XIV в. [25]

Техника исполнения изображений на каменных иконках хорошо прослеживается на случайно дошедших до нас неоконченных изделиях. Таковы имеющиеся в собрании Русского Музея три памятника, интересных и важных в данном отношении. Иконка XIII в. из глинистого сланца, прямоугольная. На ее лицевой стороне — изображение композиции Деисус, на оборотной — начатое изображение поясной фигуры неизвестного святого в фас [26] (рис. 3, *1*). Иконка XIV в. из песчано-глинистого сланца, с полукруглым верхом. На лицевой стороне содержит изображение композиции «Гроб господень», на оборотной — незаконченное изображение двух неизвестных святых в рост. Форма иконки, видимо, также осталась незавершенной: на левом краю имеются следы плечика [27] (рис. 3, *2*). Иконка XV в. из песчано-глинистого сланца, неправильной трапециевидной формы. На одной стороне — поясное изображение Василия Великого, на другой — начатое, поясное же, изображение неизвестного святого [28] (рис. 3, *3*).

---

[24] *Н. Г. Порфиридов.* Древнерусская мелкая каменная пластика и ее сюжеты. СА, 1972, 3.

[25] За сообщение фотографии памятника приношу благодарность Б. А. Колчину.

[26] Собрание ГРМ, К-3.

[27] Там же, К-39.

[28] Там же, К-76.

Рис. 1. Резная каменная формочка: *1* — изображение Сретения, *2* — изображение Крещения (другая сторона)

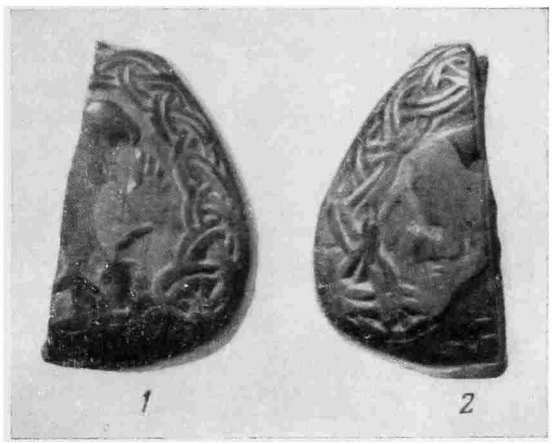


Рис. 2. Фрагмент каменной поделки: *1* — изображение птицы, *2* — изображение грифона (?) на другой стороне

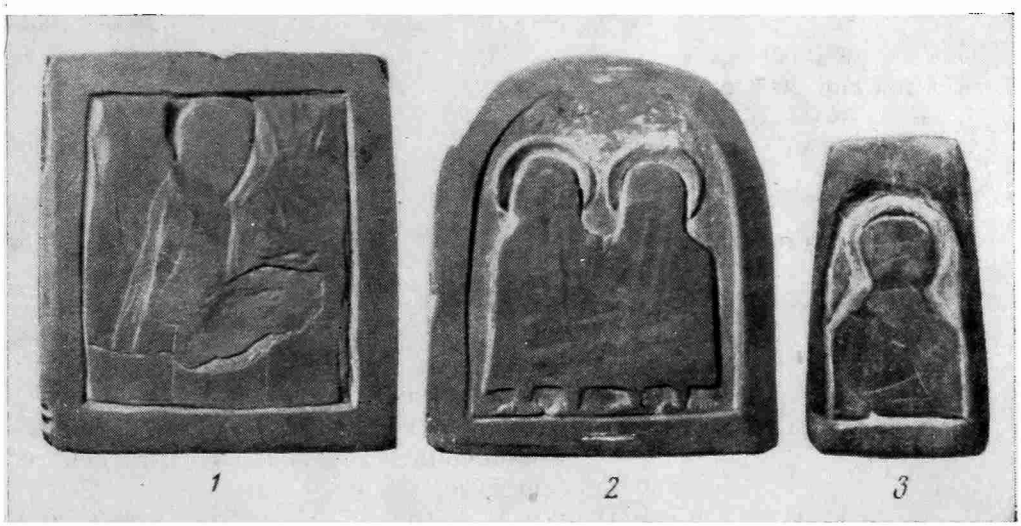
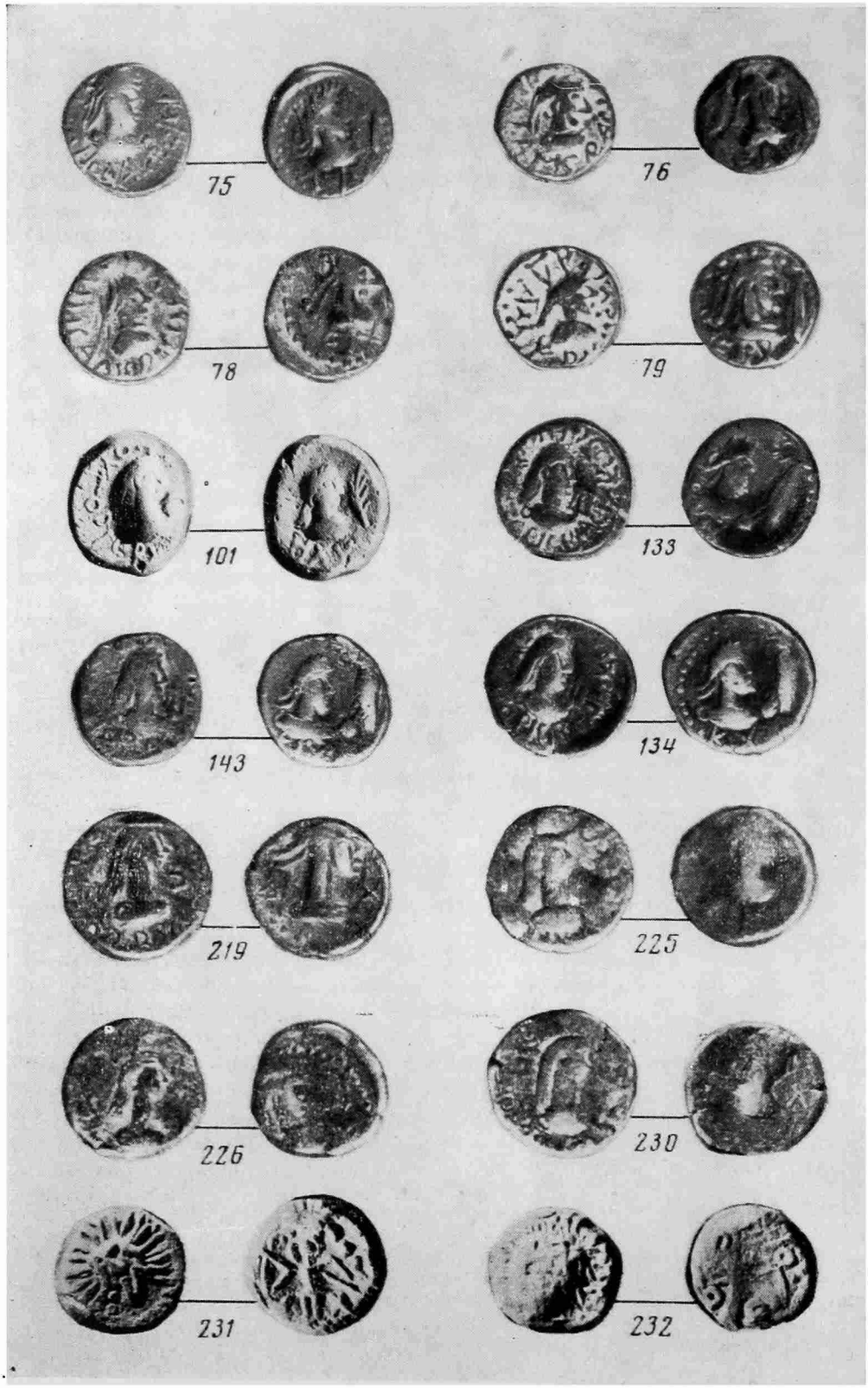


Рис. 3. *1* — неоконченное изображение на обороте каменной иконки — «Деисус», XIII в., *2* — неоконченное изображение на обороте каменной иконки — «Гроб господень», *3* — неоконченное изображение на обороте каменной иконки — «Василий Великий»



Монеты из Анапского клада 1972 г.

Процесс вырезывания изображений, как это хорошо можно видеть на снимках, начинался с обозначения рамки и контуров фигур, с постепенным углублением затем фона между ними. Во всех трех случаях работа по дальнейшей разделке лиц и одежд намеченных фигур не была еще начата. Во втором случае на углубленном фоне, по-видимому, были уже слабо намечены надписи. Возникает вопрос: почему начатая работа была прервана и изображения оставлены неоконченными? В первом случае причина — расслоение и откалывание камня. Именно откол большого участка побудил мастера прекратить начатую работу. Во втором и третьем случаях, возможно, на пластинке попалось более твердое включение, плохо поддававшееся обработке. Заметим, что все три случая относятся к сланцевым камням, чаще других подверженным расслоениям, на других, более вязких камнях подобные случаи, видимо, бывали реже.

Итак, рабочим материалом для древнерусских резчиков каменных иконок служили заранее приготовляемые пластинки пород камня. Единоличные и многофигурные изображения на них вырезывались путем углубления, выемки фона. Это и определяло общий тип произведений как низкого рельефа, высота которого никогда не выступала за пределы толщины пластинки и сохранялась рамкой изображения.

N. G. Porphyridov

LES OUVRAGES PLASTIQUES DE PETITES DIMENSIONS EN PIERRE DANS LA RUSSIE ANCIENNE: ARTISANS, MATERIAUX ET TECHNIQUE

Résumé

A la différence de plusieurs autres formes d'art de la Russie ancienne, l'art de la petite sculpture sur pierre est moins étudié au point de vue de l'existence d'ateliers spéciaux, ainsi que de la question des matériaux et de la technique. Ces problèmes ne sont éclairés par aucune source écrite, ni par les inscriptions des objets eux — mêmes. Mais on peut les étudier par les méthodes archéologiques. Les bases de l'art plastique russe furent jetées dès avant la période chrétienne. Ceci est attesté par des objets usuels décorés de sculptures en relief, découverts en grande quantité dans les fouilles de Novgorod. Le principal domaine d'application de la sculpture sur pierre de petites dimensions à l'époque chrétienne (du XIe s. au XVe s.), ce sont les petites icônes. Cependant, si l'on a pu découvrir un grand nombre d'ateliers artisanaux de différents genres, produisant des objets d'art en métal, os et pierre, dans plusieurs villes de la Russie ancienne aucun atelier spécial pour les petites icônes en pierre n'a été trouvé. Ceci permet de penser que de tels ateliers n'existaient pas, et que les petites icônes de pierre, vu la rareté des demandes et des commandes, par rapport aux autres objets, étaient exécutées dans des ateliers de production variée; de plus, elles ne l'étaient pas toujours dans les ateliers des couvents et par des moines, mais la plupart du temps elles étaient faites par des laïcs. Ces petites icônes étaient sculptées dans différentes variétés de pierres: roches talqueuses, siliceuses, calcaires, schisteuses,— relativement tendres et compactes, plus aptes que d'autres à être finement sculptées. Le matériel à travailler, sous forme de plaquettes (surtout de stéatite, les premiers temps), étaient, comme on peut le supposer, importé de Byzance avec des objets fabriqués. Mais en plus grande quantité on utilisait des pierres siliceuses et schisteuses de provenance nationale. Les dimensions des plaquettes dépassaient rarement 5×7 cm pour une épaisseur de 5 à 8 cm; dans la production des époques plus reculées — du XIe s. au XIIIe s.— prédominaient des plaquettes plus minces. On compte plus de 20 formes différentes pour ces petites icônes. On en connaît beaucoup qui sont sculptées sur les deux faces. Le relief de la sculpture est toujours faible, tenant dans l'épaisseur de la pieree insérée dans un cadre. De petites icones commencées, mais restées inachevées pour un motif quelconque, permettent de se rendre nettement compte de la technique d'exécution: elle consistait à creuser le fond autour des figures, et ensuite à donner à ces dernières des formes plus ou moins arrondies, mais toujours dans les limites du bas — relief.

Р. А. СИМОНОВ

О ПРОБЛЕМЕ НАГЛЯДНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО СЧЕТА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

В середине прошлого века на греческом острове Саламине была обнаружена мраморная плита размерами 150×75 *см*, оказавшаяся древнегреческим абаком. Абаком называется всякий прибор, на котором отмечены места для отдельных разрядов употребляемой системы счисления и установлены правила для производства арифметических операций над числами в этой системе счисления. Наиболее нам всем знакомым абаком являются конторские или, точнее, русские счеты. В них каждому десятичному разряду соответствует прут с нанизанными костяшками; десять костяшек нижнего прута равноценны одной костяшке следующего, верхнего.

Древнегреческий абак удовлетворял указанным общим требованиям, но реализовались они в нем иначе, чем в русских счетах. Подробно о принципах, лежащих в основе счета на этом абаке, говорится дальше. Эти принципы были расшифрованы еще по Саламинской находке, и тогда стал понятен смысл некоторых неясных мест из Геродота, Полибия и других древних авторов, писавших о раскладывании на абаке камешков. По мнению И. Н. Веселовского, абак существовал уже у вавилонян. Абаком пользовались народы Индии. В заглавиях многих арабских руководств по арифметике фигурируют слова от корня «пыль», что указывает на применение и ими абака [1].

На Руси до появления счетов, вероятно, использовался абак более простого устройства. Возможно, о существовании наглядно-вычислительного средства типа абака свидетельствуют иностранцы, посещавшие Россию. Так, Генрих Штаден в записках о России второй половины XVI в. отмечал, что здесь вычисляют с помощью сливовых и вишневых косточек [2]. Аналогичное суждение находит И. Г. Спасский у другого иностранца для первой половины XVII в. [3]

Высказанные в научной литературе соображения об использовании на Руси абака, какими бы убедительными они ни казались, останутся предположениями, пока для них не будет найдено соответствующее археологическое подтверждение.

Встает вопрос, какой след в материальной культуре могли оставить вычисления на абаке, если они производились на Руси? Возможно, не только памятник подобный Саламинскому абаку, но и определенная группа археологических находок (каждая из которых в отдельности «нема» в отношении поставленного вопроса), взятая в комплексе, будет служить указанным подтверждением.

---

[1] Сведения об абаке изложены по данным, приводящимся в кн.: *И. Я. Депман.* История арифметики. М., 1965, стр. 79—88.

[2] *Г. Штаден.* О Москве Ивана Грозного. Записки немецкого опричника. Л., 1925, стр. 83, 123.

[3] *И. Г. Спасский.* Происхождение и история русских счетов. ИМИ, V. 1952, стр. 300.

Представляется необходимым, решая поставленный вопрос в направлении научного прогнозирования археологических поисков, рассмотреть два этапа. Первый этап, состоящий из теоретического обоснования существования древнерусского абака на основе анализа структуры сохранившихся математических источников в сочетании с известными литературными сведениями. И второй, состоящий из практического установления на основе данных, полученных на первом этапе, мотивированных рекомендаций о предположительном облике прогнозируемых находок и об их сочетании в комплекс, достаточный для однозначного вывода об истинном характере находки.

С целью теоретического обоснования существования древнерусского абака рассмотрены дополнительные статьи математического характера о приплоде от скота, пчел и пр., содержащиеся (49—65) в Карамзинской группе списков Пространной редакции «Русской Правды» [4]. В результате исследований по истории русского права, денежных систем, истории культуры и математики об указанных статьях сложилось мнение, «что практического значения эти вычисления не имели, а являлись они, по всей вероятности, учебным пособием для приобретения навыков в хозяйственных подсчетах и в переводе натуры на деньги» [5].

Ниже излагаются предварительные результаты изучения вопроса о том, каким математическим средством или путем достигались отраженные в задачах результаты по подсчетам типа перевода натуры на деньги в различных фракциях [6].

Главная трудность исследования заключается в отсутствии каких-либо конкретных данных о том, как производились математические вычисления в древней Руси. Все источники математического характера до второй половины XVI в. содержат конечные результаты вычислений без самих вычислений и без указаний, как эти вычисления производились; не сохранились и какие-либо числовые фрагменты, по которым можно было бы реконструировать способы вычислений или хотя бы примерный тип. Не представляют из этого исключения и рассматриваемые задачи. В них не содержится и намека на то, каким образом получены результаты, о которых в них говорится.

Вторая трудность — обилие математических неточностей в текстах задач [7]. Перед исследователем встает вопрос о таком целесообразном выборе числовых данных, чтобы они отражали вполне определенную сторону предназначения упражнений.

Третья трудность — композиционная структура задач. Теперешние математические упражнения делятся на две четко разграниченные части: что дано и что требуется вычислить (доказать, найти). Древнерусские задачи не имеют такого подразделения: они напоминают по структуре хозяйственные документы, отражающие динамику роста стад, посевов зерновых культур и пр.

Представляется целесообразным выделить следующие три математических уровня или слоя в задачах.

Математический уровень составителей задач. Профессиональные педагоги-математики при составлении учебных задач исходят нередко из определенной общей формулы или структуры, на основе которой получают ряд упражнений с различными числовыми данными, но примерно одинаковой сложности и на общую математическую тему. Задача как бы неявно отра-

---

[4] «Правда Русская». Под ред. Б. Д. Грекова, т. I. Тесты. М., 1950, стр. 352—354, 377—380; т. III. Факсимильное воспроизведение текстов. М., 1963, стр. 401—406, 444—450.

[5] *Б. А. Рыбаков.* Просвещение. В кн.: «Очерки русской культуры XIII—XIV веков, ч. 2. Духовная культура». М., 1970, стр. 180.

[6] Соответствующей теме был посвящен доклад автора, прочитанный 1 ноября 1971 г. в МГУ на научно-исследовательском семинаре по истории математики.

[7] *А. П. Юшкевич.* О некоторых статьях «Правды Русской». Тр. ИИЕ, II .М.— Л., 1948, стр. 564—566.

жает определенный уровень культуры составителя, более высокий, чем тот, который предполагает воспитать учебное упражнение. Можно допустить, что и древнерусские задачи составлены на базе более широкой математической подготовки, чем та, какую они сами должны были развить у учащихся. Советские математики, исследовавшие рассматриваемые древнерусские задачи [8], обратили внимание на то, что структура ряда из них близка к геометрической прогрессии со знаменателем 2. Вероятнее всего, эта черта должна быть отнесена к математическому уровню составителей задач.

Математический уровень, на который по замыслу были рассчитаны упражнения. По содержанию в задачах можно выделить как бы две стороны. Первая отражает операции с числами независимо от их предметного содержания. Эту сторону характеризуют данные, внешне «привязанные» к хозяйственной тематике, но фактически взятые произвольно и поэтому искаженно передававшие динамику роста хозяйства абстрактной вотчины. Об этой стороне упражнений можно сказать словами Б. В. Гнеденко: «Приведенные статьи «Русской Правды» едва ли имели какое-либо практическое значение, так как, во-первых, указанные в них цифры приплода назначены довольно произвольно, а во-вторых, и в те времена никто не согласился бы взять тройку свиней с тем, чтобы через 12 лет вернуть хозяину их стадо почти в 80 000 голов. Сомнительно, чтобы кто-либо согласился на это даже исполу. Очевидно, что к этим статьям должно быть иное отношение: они удовлетворяли духовные интересы числолюбцев, в том числе интересы авторов указанных статей, их склонности к чистому расчету безотносительно к его хозяйственным применениям» [9]. Слова Б. В. Гнеденко правильнее было бы отнести в качестве характеристики к указанной стороне задач, а не ко всему задачнику в целом, так как в задачах содержится, кроме отвлеченного, числовой материал, отражающий конкретную сторону хозяйственной жизни страны: денежную систему. Историки давно обратили внимание на эту особенность задач, видя в них важный источник фиксирующий определенный аспект состояния денежной системы Руси [10].

Поэтому целью составителей задач, помимо удовлетворения духовных интересов числолюбцев, как отмечено Б. В. Гнеденко, могло быть обучение подсчетам, связанным с переводом натуры на деньги, с учетом соотношения между фракциями, как считает Б. А. Рыбаков.

Математический уровень, характеризующий фактическое применение упражнений в учебных целях. Чем объяснить, что наряду с большим количеством неверных числовых данных в задачах содержатся результаты вычислений почти безукоризненно точные? Причем ошибочные данные касаются в основном сведений, характеризующих фантастическую картину роста хозяйства нереальной вотчины; значительно более точные результаты приводятся в материале, связанном с денежными операциями.

Возможно, что не столько по замыслу авторов, сколько по действительному использованию задачника, денежные расчеты оказались наиболее употребительным материалом, а поэтому более проверенным, точным. На такой основе, кажется, проясняется одно неясное обстоятельство в числовых данных, вызывавшее некоторое недоумение у исследователей, Д. И. Прозоровский обратил внимание на то, что если сложить приводящиеся в задачах итоговые денежные суммы (их 14) в гривнах и резанах, то получится точно такой же результат, какой указан в одной из задач (№ 63): 179.394 гривны 31 резана — в качестве дохода от всего хозяйства, кроме зер-

[8] *Б. В. Гнеденко.* Очерки по истории математики в России. М.— Л., 1946, стр. 19—20; *А. П. Юшкевич.* Ук. соч., стр. 564—566.

[9] *Б. В. Гнеденко.* Ук. соч., стр. 20.

[10] *Д. И. Прозоровский.* Монета и вес в России до конца XVIII века. СПб., 1865, стр. 214—216; *Н. П. Бауер.* Денежный счет «Русской Правды». В сб. «Вспомогательные исторические дисциплины». М.— Л., 1937, стр. 198—201 и др.; *В. Л. Янин.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 39—40.

Таблица 1

	Цена	Математические действия	Наименование товаров и № задачи (в скобках)
1-я группа	1 гривна	Умножение на 1	Сено (64), месячный труд батрачки (65), кобылы (54) и коровы (55, 56) 3-го года
	2 гривны	Умножение на 2 (удвоение)	Взрослые коровы (56), месячный труд двух батрачек (65)
	1/2 гривны	Деление на 2 (раздвоение)	Свиньи (51, 53), коровы 2-го года (56), пчелиный рой с медом (57)
	3 гривны	Умножение на 3 (утроение)	Взрослые кобылы (54, 55)
	1 резана	Умножение на 1 (стоимость в резанах), деление на 50 (стоимость в гривнах с остатком в резанах)	Руно (49), сыр (56)
2-я группа	10 резан	Умножение на 10 (стоимость в резанах), деление на 50 (стоимость в гривнах с остатком в резанах)	Бараны (49), козлы (50), масло (56)
	6 ногат (15 резан)	Умножение на 6 (стоимость в ногатах), умножение на 5/2 или деление на 2/5 (стоимость в резанах), деление на 50 (стоимость в гривнах с остатком в резанах)	Овцы (49), козы (50), вепри (52, 53), жеребята (54)
	30 резан	Умножение на 30 (стоимость в резанах), деление на 50 (стоимость в гривнах с остатком в резанах)	Жеребцы (54) и кобылы (55) 2-го года

новых. Вместе с тем ученый заметил, что ряд частных итогов подсчитан неверно [11]. Н. П. Бауер к этому добавил, что, если подсчет дается для определения дохода от хозяйства, то из него надо исключить оплату труда батрачек, который должен идти по статье расходов [12].

На основе этого примера можно заключить, что, по всей видимости, задачи не использовались для выполнения тех действий, в результате которых получалась картина прироста дохода от скота, пчел, сена и пр., поэтому ошибки, вкравшиеся в частные итоговые результаты, не исправлялись. Пользовавшиеся задачником, вероятно, не вдавались особенно и в смысл упражнений, в частности по их принадлежности к статьям дохода или расхода. Главным образом из задач брались числовые данные, позволявшие производить вычислительные операции по переводу натуры на деньги с пересчетом одних денежных фракций в другие.

Переводу натуры на деньги и пересчету денежных единиц посвящены восемь вариантов подсчетов, которые в порядке математической сложности можно расположить следующим образом (табл. 1).

Выделенные восемь вариантов подсчетов подразделяются на две группы. К первой отнесены те варианты (их четыре), для выполнения которых достаточно одной математической операции: умножения на 1, удвоения (умножения на 2), раздвоения (деления пополам) и утроения (умножения на 3). Ко второй группе отнесены варианты подсчетов (их также четыре), которые выполняются посредством последовательности 2—4 современных

[11] *Д. И. Прозоровский.* Ук. соч., стр. 214—216.
[12] *Н. П. Бауер.* Ук. соч., стр. 201.

арифметических операций, из которых по крайней мере одна связана с действием деления. В соответствии с математическим смыслом первую группу условно можно назвать группой простейших подсчетов, а вторую — группой усложненных подсчетов.

Какая связь существует между выделенными двумя группами? Отражается ли в этом подразделении какая-то определенная учебно-педагогическая идея древности или выявленная упорядоченность случайна? Прежде всего выясним отношение вариантов первой группы: к средневековым взглядам о математических действиях, к сохранившимся следам древнерусского математического просвещения вообще.

В средневековой математике насчитывалось не четыре, как сейчас, а больше арифметических действий. Первым действием была «нумерация» — выражение и запись чисел, затем шли (в различных порядках) «удвоение» и «раздвоение» «сложение», «вычитание», «умножение», «деление». Не вдаваясь в подробности перипетий исторического развития арифметики [13], заметим, что к структуре средневековых арифметических действий первая группа вариантов подсчетов, выделенных из состава древнерусских математических задач, имеет непосредственное отношение. Действительно, для выполнения в письменном виде умножения числа на единицу достаточно знать нумерацию, т. е. способ письменной записи числа. Выполнению соответствующей математической процедуры посвящены варианты денежных подсчетов, связанных с ценой товаров в 1 гривну: если число единиц товара (стога сена, коровы, кобылы и пр.) равно «а», то стоимость их будет равна «а» гривнам. Аналогично обстоит дело с вариантами подсчетов на умножение и деление на 2, т. е. на «удвоение» и «раздвоение», связанных с ценой товаров в 2 гривны (труд батрачек, взрослые коровы) и $^1/_2$ гривны (пчелы, свиньи и др.): если количество единиц товара равно «а», то стоимость в случае «удвоения» будет равна 2а гривен, а в случае «раздвоения» а/2 гривен. Применительно к древнерусским задачам умножение на 3 можно интерпретировать так. Если количество товара (взрослые кобылы) равно «а», то стоимость его по цене в 3 гривны за единицу товара будет равна а+2а=3а гривен. Как видим, этот случай будет иметь прямое отношение к средневековым арифметическим действиям «нумерации» и «удвоению», причем новое действие — сложение — вводится на основе уже известных, что методически целесообразно, так как при этом действия объединяются единым вычислительным процессом.

Способы записи чисел (нумерация), а также действия «удвоения» и «раздвоения» и их комбинации были специальным объектом изучения или определенными атрибутами древнерусской математической культуры. Так, сохранились числовые берестяные грамоты XIII—XIV вв., представляющие собой фрагменты как бы «цифровых азбук», составленных наподобие буквенных азбук. Эти источники свидетельствуют о том, что древнерусская «буквенная» нумерация была предметом специального обучения, имела определенную самостоятельность по отношению к обучению письму [14].

Действия «удвоения» и «раздвоения» выступают в качестве своеобразного атрибута древнерусской культуры, как лежащие в основе метода тайнописания (древнейшие русские образцы относятся к XIV в.), в котором каждая буква-цифра зашифровывалась двумя ее «половинками» (точными или «приближенными», отличающимися, как правило, на одну разрядную единицу). Если реконструировать соответствующий тайнописный ключ, то им окажется таблица «раздвоения — удвоения» для букв-цифр, входящих в состав «кириллической» нумерации [15].

[13] См. *В.* [*К.*] *Беллюстин.* Как постепенно дошли люди до настоящей арифметики. М., 1941; *И. Я. Депман.* Ук. соч., стр. 195—197.

[14] *Р. А. Симонов.* Числовые грамоты на бересте XIII—XIV вв. и некоторые вопросы истории кириллической нумерации. «Хиляда и сто години славянска писменост. 863—1963». Сборник в чест на Кирил и Методий. София, 1963, стр. 287—294.

[15] *Р. А. Симонов.* Числовите тайнописи и математическата просвета на славяните през XIV—XVI в. «Физико-математическо списание», т. 6 (39), кн. 3. София, 1963,

По принципу «раздвоения» построены многие древнерусские меры. Например, от названия меры земли «выть» шли ее доли: полвыти, четь (четверть выти), полчети, полполчети, полполполчети и т. д.; от полчети: осьмина, полосьмина; от «четверика»: полчетверик, полполчетверик, малый четверик, полмалый четверик. Древнерусская мера длины «сажень» делилась на доли по принципу 2, 4, 8, 16. Таким образом, выделение в задачах в качестве основных арифметических действий, с которых предположительно начиналось обучение математическим знаниям при денежно-вычислительных операциях,— нумерации, удвоения и раздвоения — находит определенное обоснование.

Перейдем ко второй группе задач. Сделанный вывод будет еще более основательным, если и варианты подсчетов, выделенные во вторую группу, обнаружат связь со средневековыми операциями.

Эта группа задач начинается с варианта подсчетов при цене в 1 резану. Если некоторый товар стоит 1 резану (руно, сыр), то «а» его товарных единиц будет стоить $a/50$ гривен с остатком в резанах, если первоначальное их число некратно 50. Выражение $a/50$ можно свести к операции удвоения $a/50=2a/100$. Получается, что, если число единиц товара, продаваемого по резане, удвоить и затем записать в виде десятичной дроби, то получится такой же результат, как при делении на 50, причем с «удвоенным» остатком (если он будет) резан. Действительно, если при делении «а» резан на 50 будет остаток, то он получится в резанах; при делении «в» — двойного числа резан ($в=2а$) на 100, остаток получится в «двойных» резанах.

Если товар шел по 10 резан (бараны, козлы, масло), то в случае «а» товарных единиц его стоимость в резанах была равна $10а$, а в гривнах $10а/50$ (с возможным остатком в резанах) или (через удвоение) $2а/10$ гривен (с возможным «удвоенным» остатком в десятках резан, что наглядно видно из формулы $2а/10=2(10а)/100$).

Если товар оценивался в 6 ногат (овцы, козлы, вепри и др.), то при количестве «а» товарных единиц его общая стоимость равна $6а$ ногат или $15а$ резан. При подсчете стоимости в гривнах последнее значение нужно разделить на 50, будет $15а/50=3а/10$. Значит, в данном случае вычисления могут быть сведены к «утроению». Сумма в гривнах будет равна $3а/10$, причем с удвоенным остатком (если он будет) в десятках резан. Это следует из расшифровки смысла выражения $3а$, стоящего в числителе последней дроби, при условии, что «а» — число, представляющее собой количество товарных единиц (идущих по 6 ногат каждая). Если «в»$=6а$ стоимость «а» товарных единиц в ногатах, то $с=(5/2)в=(5/2)\cdot 6а=(10/2)\cdot 3а$ — их стоимость в резанах, так как $с=(10/2)\cdot 3а$, то $3а=2с/10$. Это показывает, что величина $3а$ представляет собой удвоенную стоимость в десятках резан. Остаток же будет получаться в «удвоенных» резанах, так как $3а/10=2с/100$, где с — стоимость в резанах «а» товарных единиц, каждая из которых идет по ногате. Умножив обе части последнего равенства на 10 и произведя сокращение, получим $3а=с/5$ или $15а=с$, что значит: стоимость в ногатах, при условии стоимости в 6 ногат каждой товарной единицы, будет эквивалентна сумме в резанах при расчете по 15 резан за товарную единицу; это согласуется с существовавшим соотношением между древнерусскими денежными единицами: 2 ногаты= 5 резанам.

Если товар брался по 30 резан (кобылы и жеребцы 2-го года), то «а» товарных единиц стоило $30а$ резан. При пересчете стоимости на гривны получается $30а/50=3а/5=2\cdot 3а/10$. Следовательно, этот случай можно свести к предыдущему с последующим удвоением результата, который будет выражен в гривнах с «удвоенным» остатком (если он окажется) в резанах.

стр. 204—205; *его же.* Использование историко-математических методов в исторических исследованиях. Тр. XV научн. конф. аспирантов и младших научн. сотр. Ин-та истории естествозн. и техн. АН СССР. М., 1972, стр. 94—98.

Таблица 2

Математическое действие, приводящее к результату			
в гривнах			в резанах
удвоение		утроение	раздвоение
2а/100 (а – по 1 резане)	2а/10 (а – по 10 резан)	3а/10 (а – по 6 ногат, т.е. 15 резан)	Выражение возможного остатка в резанах

Таким образом, варианты подсчетов, выделенных во вторую группу, можно свести к операциям первой группы: удвоению, утроению и их комбинациям с десятикратным уменьшением результатов на один или два порядка. При этом результат получается в гривнах с возможным остатком в «удвоенных» резанах или десятках резан, поэтому для получения остатка в просто резанах нужно осуществить еще раздвоение (табл. 2).

Сейчас операцию десятикратного уменьшения результата легко производят при записи чисел в форме десятичных дробей посредством отделения запятой последнего знака. В древней Руси не знали такого способа выражения чисел. Операцию десятикратного уменьшения (или увеличения) чисел можно сравнительно легко выполнить на русских (конторских) счетах. Разрядное значение каждой из 10 костяшек, расположенных на одном пруте, уменьшится в 10, 10^2 и т. д. раз, если сместить их положение на один, два и т. д. уровня: костяшки, обозначавшие сотни, станут выражать десятки и т. д. Прибор типа конторских счетов сложился на Руси, очевидно, в конце XVI в. [16]. Операцию десятикратного уменьшения чисел аналогичным образом можно было осуществлять посредством «счета на линиях» с пятерично-десятичным способом обозначения чисел. Это наглядное вычислительное средство возникло в Западной Европе, очевидно, не ранее XIII в. [17] Появление древнерусских задач в XIII в. маловероятно, так как к этому времени уже выходит из употребления отраженная в них денежная система [18]. Кроме того, как показал И. Г. Спасский, на Руси вообще не привился «счет на линиях» [19].

Древнейшим наглядным вычислительным средством, с помощью которого можно осуществлять последовательное десятикратное уменьшение или увеличение результата, является древнегреческий абак. Пятерично-десятичная идея выражения чисел на абаке обща многим счетным средствам: китайским и японским счетам, «счету на линиях» и др. Воспользуемся этой идеей для рассмотрения модели того способа, посредством которого могло осуществляться удвоение, раздвоение, утроение и десятикратное уменьшение результата, как требуют произведенные выше аналитические расчеты.

Древнегреческий абак состоял из вертикальных колонок, в которых камешками или другими мелкими предметами можно было в нечетных колонках выразить единицы разрядов: от 1 до 4, а в четных — одним счетным предметом (камешком и пр.) сразу пять разрядов [20]. На схеме 1 показано, как могли обозначать число 365, пользуясь таким абаком с косточками.

В первой колонке нет косточек, во второй отложена одна косточка, что обозначает число 5. В третьей колонке лежит одна косточка, она обозна-

[16] *И. Г. Спасский.* Ук. соч., стр. 269—420.

[17] *А. П. Юшкевич.* История математики в средние века. М., 1961, стр. 359.

[18] *В. Л. Янин.* Деньги и денежные системы. В кн.: «Очерки русской культуры XIII—XV веков», ч. 1. Материальная культура. М., 1970, стр. 325—327.

[19] *И. Г. Спасский.* Ук. соч., стр. 298—302.

[20] *М. Я. Выгодский.* Арифметика и алгебра в древнем мире. М., 1967 стр. 239—241.

чает один десяток, в четвертой также одна косточка, но она выражает сразу пять десятков, так как четвертая колонка четная. Значит, этими двумя косточками в третьей и четвертой колонках обозначается число 60. В пятой колонке указаны три косточки, каждая из которых выражает 100, т. е. вместе 300. Таким образом, на модели абака шестью косточками обозначено число 365.

Применим эту модель к выведенным выше структурам товарно-денежных расчетов. Рассмотрим предварительно простейший случай. Пусть требуется узнать, сколько будет стоить в гривнах 365 коров по цене в

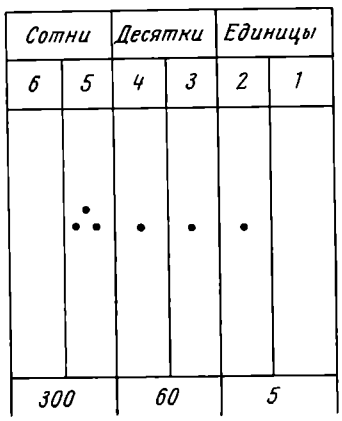


Схема 1

2 гривны и 365 баранов по 10 резан (цены заимствованы из древнерусских задач). Отложим число a=365, как показано на схеме 1, и разделим колонки схемы абака поперечной чертой. Удвоенный результат 2a=730 расположим в верхней части модели (см. схему 2, в ней косыми крестиками попарно отделены колонки в соответствии с разрядами обозначаемых чисел). Операция удвоения дает результат 730, такова стоимость коров в гривнах. Для определения стоимости баранов в гривнах кроме удвоения нужно еще сместить разрядные значения влево на одну пару колонок, как показано на схеме. Тогда получится, что 365 баранов стоят 73 гривны. На этом примере видно, что вычисление стоимости коров по цене в 2 гривны, отнесенное к первой группе сложности, и вычисление стоимости баранов по цене в 10 резан, отнесенное ко второй группе сложности, на модели абака выполняются аналогично: посредством операции удвоения. Разница состоит в различном способе «прочтения» результата: в простейшем случае число 2a читается в соответствии со способом записи первоначального числа «a». Во втором случае разрядные значения смещаются на одну пару колонок: сотни прочитываются как десятки, а десятки как единицы. Тем самым достигается десятикратное уменьшение числового результата в соответствии с формулой 2a/10.

На основании модели древнегреческого абака операции с десяти- и стократным уменьшением результата можно осуществлять почти также просто и быстро, как простейшие операции «удвоения» и «утроения». В этой связи необходимо сделать определенные пояснения. Следует разграничивать вопрос о реконструкции какого-то определенного вычислительного средства, как, например, древнерусского абака, от вопроса об установлении теоретических принципов, которым он удовлетворял и которым не мог удовлетворять. Первая задача сложнее, чем вторая. Правильно реконструировать древнерусский абак во всех деталях пока не представляется возможным. Другое дело — установление принципиальной возможности его существования.

В памятниках письменной культуры и искусства Руси может в каких-то иных формах отразиться практика использования наглядного вычислительного приспособления помимо рассмотренных задач. Академик Б. А. Рыбаков любезно указал автору настоящей статьи на миниатюру в Радзивиловской летописи с группами точек, напоминающими числовые операции на абаке. Миниатюра иллюстрирует летописную запись 1182 г. об осаде Торжка[21]. Предполагаемые числовые обозначения приводятся в

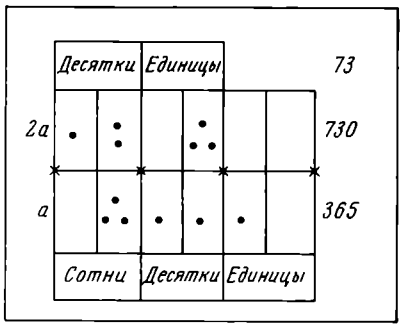


Схема 2

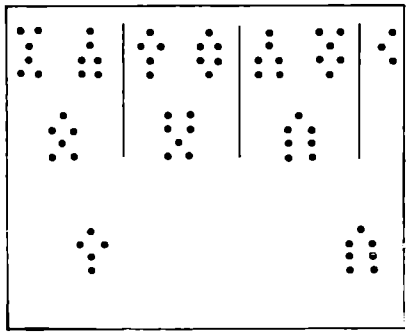


Схема 3

правой части миниатюры как бы на земле, под передними ногами лошади дружинника, держащего стяг. Эта возможная числовая запись воспроизводится на схеме 3. Рисунок в летописи сохранился в неполном виде. Осталось только три точки в крайней правой колонке, остальные, видимо, были обрезаны при переплете рукописи. В трех колонках находятся по три группы точек в виде треугольника с вершиной, повернутой вниз. Точки двух левых колонок с присоединением пяти точек, расположенных под этими колонками, группируются в фигуру из трех треугольников, сумма точек каждого из которых равна 18 (см. схему 4). I треугольник: 6+6+6= =18, II треугольник: 5+6+7=18, III треугольник: 6+7+5=18.

Если такое совпадение не случайно, то здесь, может быть, отображен результат какого-то гадания или магического акта. Проверить вывод можно было бы по данным двух правых колонок, но так как точки крайней правой колонки целиком не сохранились, то можно поставить вопрос лишь о принципиальной возможности существования аналогичной фигуры из треугольников. Оказывается, можно построить два варианта аналогичной фигуры с суммой точек =19 в вершинах каждого треугольника (см. схему 5). I треугольник: 6+6+7=19; II треугольник: 7(6)+7(8)+5=19; III треугольник: 7+5+7=19.

Следует остановиться на вопросе о роли на миниатюре вертикальных линий, разделяющих группы точек. И без них точки в двух верхних рядах композиционно складываются в треугольники. Если же учитывать точки третьего, самого нижнего ряда, то эти линии скорее мешают, чем облегчают выделение главных фигур из трех треугольников с общей числовой характеристикой. Следовательно, если исходить из предложенной расшифровки, то указанные линии должны нести какую-то функцию, отличную от простого разделения точек на группы.

В поисках ответа на этот вопрос нужно учитывать, что отличительной особенностью древнегреческого абака от «счета на линиях», например, является вертикальное расположение колонок, в которых обозначались числа; границы колонок отмечались вертикальными чертами, в «счете на линиях» линии проводились горизонтально. Важное различие состояло также в том, что в древнегреческом абаке числа обозначались между линиями, в «счете на линиях» — в шпациях и на самих линиях.

[21] Радзивиловская или Кенигсбергская летопись. т. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902, л. 228 (верхняя пагинация).

Как в древней Руси наглядно могли выразить мысль, что определенная группа точек должна восприниматься в числовом значении, а не иначе? Можно рассчитывать, что в таком случае точечное или подобное простейшее счетное обозначение числа будет сопровождаться каким-то сигнальным символом счетной операции. Если в соответствующее время на Руси вычисления на абаке были распространенным делом, то можно ожидать, что в качестве такого знака будет указано схематическое изображение

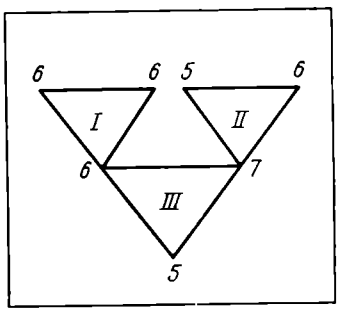


Схема 4

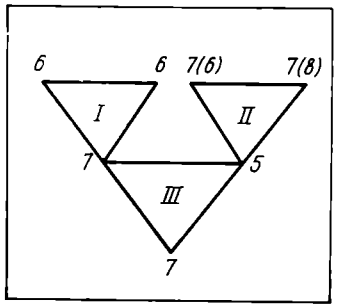


Схема 5

абака. Поэтому одним из объяснений смысла вертикальных линий на миниатюре может быть то, что ими выражается идея счетной операции, нужная для того, чтобы точки под копытами коня не приняли за орнаментальный элемент или какие-то второстепенные детали рисунка, а верно поняли бы в качестве числовых. Если согласиться с таким объяснением, то, несмотря на условность изображения, в нем отражаются следующие черты, присущие древнегреческому абаку (в отличие от «счета на линиях»): вертикальность колонок и расположение точек в шпациях.

Радзивиловская летопись была переписана в конце XV в. На основе анализа миниатюры можно сделать следующий предварительный вывод, который согласуется с данными о модели древнерусского счетного приспособления по материалу дополнительных статей Карамзинских списков «Русской Правды». На миниатюре, возможно, изображена модель счетного приспособления, употреблявшегося в домонгольской Руси, сохранявшего общие черты с древнегреческим абаком.

Мы исходили из предпосылки, что испытать возможности счетного соблюдения по материалу дополнительных статей Карамзинских списков точных данных о нем, используя другое счетное средство, при условии, что теоретические принципы действия последнего сходны с неизвестным вычислительным прибором. Именно такой исследовательской задачей представляется проверка возможности сведения выделенных во вторую группу вычислительно-денежных операций к первой. Успешность такой проверки может рассматриваться в качестве определенного обоснования, что на Руси в XII—XIII вв. могли посредством счетного прибора типа абака осуществляться операции «удвоения», «раздвоения», «утроения» с одновременным десятикратным (стократным) уменьшением результата. Поскольку такое обоснование можно принять лишь как условное, то и последний вывод следует расценивать как гипотетический.

Подводя итог, можно сделать следующее предварительное заключение, не претендующее на окончательное решение вопроса о том, какое конкретное значение для русской средневековой культуры в области математического просвещения имели задачи с сельскохозяйственным содержанием, входящие в отдельные списки Пространной редакции «Русской Правды». По всей видимости, последние нашли практическое использование при первоначальном обучении тому, как пользоваться счетным прибором типа абака в денежных подсчетах. В таком случае разработка на древнерусском абаке принципов перевода сумм из одних денежных единиц в другие долж-

на была быть оригинальным творческим актом в области математики, поскольку оригинальной была сама денежная система: 20 ногат =50 резанам =1 гривне. При этом использовался следующий арсенал средневековых арифметических действий: «нумерация», «удвоение», «раздвоение», «сложение» (причем последнее при «утроении» по принципу a+2a=3a). Действия умножения и деления в нашем понимании не применялись. Эквивалентом деления на 10 (100) выступала операция перенесения разрядных значений (младших) одних колонок абака на другие (старшие): десятки прочитывались как единицы, сотни как десятки и т. д.

Если о характере математических навыков, необходимых для древнерусских задач, судить по современным масштабам, то, по определению А. П. Юшкевича, «выкладки этих статей вообще требовали помимо сложений умножения на 2 и на 6, деления на 20 и 50»[22]. Одним из важнейших выводов настоящей работы является заключение о том, как конкретно в древнерусской математике мог достигаться соответствующий результат, а именно: эти математические операции на основе использования абака фактически могли быть сведены лишь к удвоениям, раздвоениям и утроениям. Отсюда, а также из всего предыдущего материала следует общий вывод, что древнерусская математическая культура имела свой особый, видимо, типично средневековый облик, во многом отличный от современной школьной математики. Поэтому при изучении математики древней Руси нельзя ее моделировать лишь по образцу идей, методов и представлений современной элементарной математики. Для успешного решения проблемы требуется разработка новых подходов к ней[23].

Приведенное теоретическое обоснование существования древнерусского абака вооружает рядом данных, на основе которых можно сформулировать следующие рекомендации об облике прогнозируемых археологических находок, характеризующих наглядно-инструментальный счет в средневековой Руси.

В свете изложенного интерес представляют любые предметы с гладкой поверхностью, разделенные на колонки параллельными линиями, проведенными мелом, углем или каким-либо другим подобным «пишущим» предметом, а также процарапанные острым орудием. Особенно важно учитывать найденные по соседству мелкие предметы, которые могли использоваться в качестве счетных элементов: камешки, сливовые и вишневые косточки, может быть, пряслица и т. п. Необходимо фиксировать положение этих предметов при их обнаружении, чтобы можно было впоследствии попытаться реконструировать вычислительные записи. Не исключена возможность существования соответствующих граффити на стенах древних построек или среди обломков строительного материала с отметками счетных единиц посредством точек, крестиков или каким-то иным аналогичным образом.

Поскольку на абаке в ходе вычислений менялось расположение счетных элементов (камешков и пр.), то начальные и конечные результаты требовалось фиксировать отдельно. Для этой цели было удобно пользоваться дощечкой для записи по воску. На одной античной вазе изображен человек, производящий вычисления на абаке. Одной рукой он перекладывает счетные элементы, что-то вроде камешков, а в другой, очевидно, держит дощечку для записи по воску[24]. В Новгороде были употребительны дощечки по воску (церы), древнейшие из найденных относятся к XI—XII в. Не исключено использование их при проделывании вычислений на абаке. Поэтому сочетанием предметов, составляющих комплекс, достаточный для мотивированного вывода об археологической находке, как характери-

---

[22] *А. П. Юшкевич.* О некоторых статьях «Русской Правды», стр. 565.

[23] *Р. А. Симонов.* О методологии изучения математики древней Руси. СА, 1970, 3, стр. 254—257; *его же.* Системный метод в истории математики. В сб.: «Трети конгрес на българските математици». Резюмета на докладите, ч. I. Варна, 1972, стр. 163.

[24] *И. Я. Депман.* Ук. соч., стр. 80, рис. 36.

зующей наглядно-инструментальный счет в средневековой Руси, видимо, можно считать разграфленный стол или иную гладкую поверхность при наличии мелких счетных предметов, а также дощечки для писания по воску.

R. A. Simonov

LE CALCUL INSTRUMENTAL DANS LA RUSSIE MEDIEVALE

Résumé

Une des énigmes de la culture de la Russie médiévale est la question du moyen employé pour les opérations mathématiques. Comme on le dit dans les ouvrages scientifiques, il est très probable que les calculs étaient effectués au moyen d'un ou de plusieurs appareils spéciaux. Il est difficile de trouver une confirmation archéologique du calcul à l'aide d'appareils sans se figurer ce que doit être l'objet cherché. Dans le présent article on résout la question dans le sens de la prévision scientifique des recherches archéologiques. De plus, on examine deux étapes. A la première étape, on donne une base théorique à l'existence possible, dans l'ancienne Russie, d'un appareil à calculer du genre abaque. Ceci est basé sur l'analyse d'articles de caractère mathématique sur le croît du bétail, des abeilles, etc., qui sont contenus (du 49ème au 65ème) dans le groupe karamzinien des copies de la Rédaction complète de la «Rousskaïa Pravda». On fait état des témoignages d'étrangers, aux XVIe et XVIIe ss., qu'on peut interpréter en faveur d'un calcul à l'aide d'appareils pratiqué en Russie. On examine également une miniature des chroniques Radziwil, où l'on croit voir la représentation d'un abaque. A la deuxième, étape, on formule des recommandations motivées sur l'aspect des découvertes prévus, découlant des données obtenues à la première étape. La confrontation des objets, composant un ensemble, suffit pour conclure à une découverte archéologique caractérisant le calcul à l'aide d'appareils dans la Russie médiévale: apparemment, on peut considérer une table réglée, ou tout autre surface lisse accompagnée de petits objets pour calculer (cailloux, noyaux de prunes et de cerises, etc), ainsi que des planchettes à écrire sur cire, comme un ensemble suffisant pour conclure à une découverte archéologique caractérisant le calcul instrumental dans la Russie médiévale.

Н. Б. НЕМЦЕВА

ИСТОКИ КОМПОЗИЦИИ И ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ АНСАМБЛЯ ШАХИ-ЗИНДА

Архитектурные памятники средневековья, дошедшие до наших дней, многогранны в познании не только зодчества, материальной и духовной культуры той или иной эпохи, но и позволяют воссоздать специфику художественного образа исторических городов.

Архитектурные ансамблевые группы, выстроенные, как правило, не единым строительным этапом, а слагавшиеся исторически, иногда столетиями, позволяют понять истоки тех или иных объемно-планировочных решений, продиктованных отнюдь не абстрагированной фантазией зодчего, но обусловленных жесткими условиями реально существующей среды, функцией здания, идеей и материальной потенцией заказчика. Естественно при этом, что в целом художественный образ монументального сооружения или ансамбля, инженерно-строительные и декоративные приемы подчинялись общим требованиям эпохи, уровню развития техники, науки и искусства.

В этом смысле чрезвычайно интересен генезис одного из уникальных памятников Средней Азии — ансамбля Шахи-Зинда. Тесно когда-то застроенный, ломаный коридор его, перекинутый через оплывший гребень крепостного вала Афрасиаба, как бы вторит узким средневековым улицам феодального города. Впечатление это не случайно. Памятник возник, как установлено исследованиями последнего десятилетия [1], в середине XI в. в черте жилого, плотно застроенного квартала южной окраины Самарканда и отразил в своей композиции исторически сложившуюся планировку этого квартала.

С XIII в., после окончательного перемещения Самарканда с городища Афрасиаб в районы бывшего рабада, ансамбль Шахи-Зинда — загородный некрополь. Хотя формирование памятника и протекало главным образом вне городской черты, на заброшенном с XIII в. городище, в окружении кладбища, ансамбль на всех этапах своего развития был взаимосвязан с городом. Эта связь четко проступает в решении общего плана ансамбля, в различной на разных этапах ориентации зданий и подходов к некрополю, в расстановке высотных акцентов, фиксации планировочных узлов, перекрестков купольными сенями.

Основные, наиболее крупные строительные этапы, сформировавшие неповторимый облик памятника, пришлись на XI—XII и XIV—XV вв. Строительно-ремонтные работы XVI—XIX вв. были незначительны и существенных изменений в общую композицию, художественный облик ансамбля не внесли. Ансамбль периода XI—XII вв. почти полностью исчез с поверхности земли еще в XIV—XV вв. Суждение о нем до последних лет

[1] *Н. Б. Немцева.* Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб. Сб. «Афрасиаб», вып. I. Ташкент, 1963, стр. 205; *ее же.* Ансамбль Шахи-Зинда в XI—XII вв. (по археологическим материалам). Зодчество Узбекистана, материалы и исследования, вып. II. Ташкент, 1970, стр. 122.

было основано на мелких, отрывочных фактах, в значительной степени оставалось гипотетичным. Первоначальной планировочной осью неверно считался «западный коридор», вытянутый от «северной группы» мавзолеев на запад, хотя и отмечались следы строений XI—XII вв. по линии коридора ансамбля север — юг [2].

В результате исследований 60-х годов было установлено, что еще в XI—XII вв. сложилась основная планировочная ось ансамбля. В последующем (XIV—XV вв.) она лишь развивалась, следуя традиционному направлению, но не менялась принципиально. Основными факторами, обусловившими своеобразие композиции плана еще в XI в., явились исторически сложившаяся топография юга шахристана домонгольского Самарканда (улицы, дороги, городская стена, водные артерии, площади) и естественный рельеф местности.

Возникший в черте города, в застроенном (на первых порах) квартале, ансамбль в своем развитии был строго подчинен издавна существующим здесь магистралям. Ось север — юг в планировочной композиции с самого начала была основной. Она полностью соответствовала месту и положению старой, проходящей здесь с IX—X вв., а может быть и с более древних времен, улицы (дороги). Улица эта, мощенная, как и прочие дороги на Афрасиабе, рваным камнем (чупанатинский сланец), была выявлена археологически под современной отмосткой коридора ансамбля Шахи-Зинда [3].

С юга ансамбль XI—XII вв. был ограничен крепостным валом внешней стены шахристана города, с севера — руслом ирригационного канала, археологически обнаруженного северо-западнее ансамбля Шахи-Зинда по дороге к мечети Хозрети-Хызр[4], где в средневековье, до разгрома Самарканда монголами, располагались южные Кешские ворота и главный водный распределитель города «Джуи-Арзиз». В рельефе и сейчас хорошо фиксируется четвертая крепостная стена города, параллельно ей выявлено русло канала (по нему с XIII в. идет дорога, существующая и теперь) и перпендикулярное к ним положение одной из улиц (дороги), вдоль которой в последующем сложился коридор ансамбля Шахи-Зинда. Другие следы планировки юга шахристана уничтожило кладбище, действующее здесь уже несколько столетий, хотя композиция плана ансамбля, некоторые письменные данные, на чем мы остановимся ниже, позволяют расширить представления о топографии округи памятника в XI—XII вв.

У пересечения улицы (дороги) северо-южного направления с городским каналом возникли первые строения ансамбля. По восточной ее стороне в XI в. был возведен комплекс Кусам ибн-Аббаса — идеологическое ядро будущего некрополя, вдоль западной к концу XII в. выстроились все прочие здания, установленные фасадами на восток, к главной «святыне». Сформировалась фронтальная в основном композиция ансамбля, вытянутая с севера на юг от канала до крепостного вала (рис. 1).

Однако уже в XI в. в общей планировке памятника фактически существовала и вторая фронтальная линия по оси восток — запад (15—16 *м* южнее «западного коридора»). Эта ось определялась перпендикулярным к дороге положением канала, куда были обращены северные фасады двух крайних (с севера) самых крупных сооружений домонгольского ансамбля — комплекса Кусама ибн-Аббаса и медресе Тамгач Богра-хана, отстроенного здесь к 1066 г. [5] К концу XII в. оба направления достигали при-

---

[2] *Б. Н. Засыпкин.* Архитектура Средней Азии. М., 1948, стр. 79; *В. А. Лавров.* Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 148; *Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель.* Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958, стр. 109; *Г. А. Пугаченкова.* Самарканд. Бухара. М., 1968, стр. 32 сл.

[3] *Н. Б. Немцева.* Ансамбль Шахи-Зинда в XI—XII вв., стр. 160, 161.

[4] *Она же.* Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб, стр. 175, 204.

[5] *M. Khadr.* Deux actes de wagf d'un Qarachanide d'Asie Centrale avec une introduction par Glaude Gahen. JA, t. CCLV. Paris, 1967, p. 330—333.

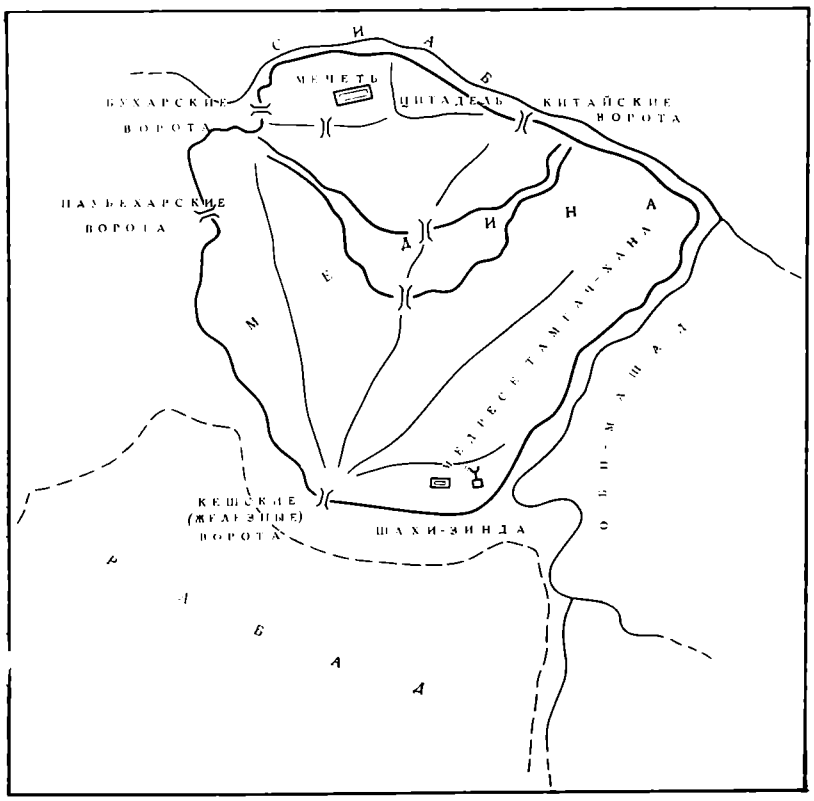


Рис. 1. План-схема шахристана средневекового Самарканда (Городище Афрасиаб)

мерно равного протяжения — 90—95 *м* по оси север—юг и 80—85 *м* по оси восток — запад (рис. 2).

Остатки строений XI—XII вв., выявленные археологически, дали представление о типах зданий, слагавших ансамбль на первом этапе его существования, их функциях. Наиболее древняя часть — комплекс Кусам ибн-Аббаса — дошел до нас в сильно перестроенном виде; как главная «святыня», он во все времена и в первую очередь был предметом внимания и строительно-ремонтных забот.

С момента основания, как выяснилось, комплекс имел сложную, единовременно возведенную объемно-планировочную структуру в два этажа, в принципе сохранившуюся по сей день [6]. В эту группу входили: наземные гур-хана, перестроенная позже сверху зиарат-хана и минарет, уцелевший на всю высоту, подземная чилля-хана и полуподземное помещение (мечеть?) с резными деревянными консолями плоского перекрытия, выявленное под большой мечетью XV в. и мион-ханой существующего комплекса [7]. Объемно-планировочное решение комплекса уникально. Средневековые памятники мусульманского востока не дают ему прямых архитектурных аналогов. Замысел зодчего, видимо, был навеян не сложившимся типом культового здания (такого не существовало); состав помещений комплекса и их функции были скорее обусловлены выработанным, как отмечают исламоведы, к XI в. ритуалом поклонения «святым местам» [8].

При создании духовенством специального места поклонения на юге Самарканда, связанного с именем Кусам ибн-Аббаса (погребения его здесь

[6] *Н. Б. Немцева.* Ансамбль Шахи-Зинда в XI—XII вв., стр. 122—138; *ее же.* Шахи-Зинда. К истории ансамбля и исторической топографии юга Самарканда. Автореф. канд. дис., Ташкент, 1972, стр. 9.

[7] *Она же.* Ансамбль Шахи-Зинда в XI—XII вв., стр. 131—135.

[8] *И. П. Петрушевский.* Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966, стр. 234—239.

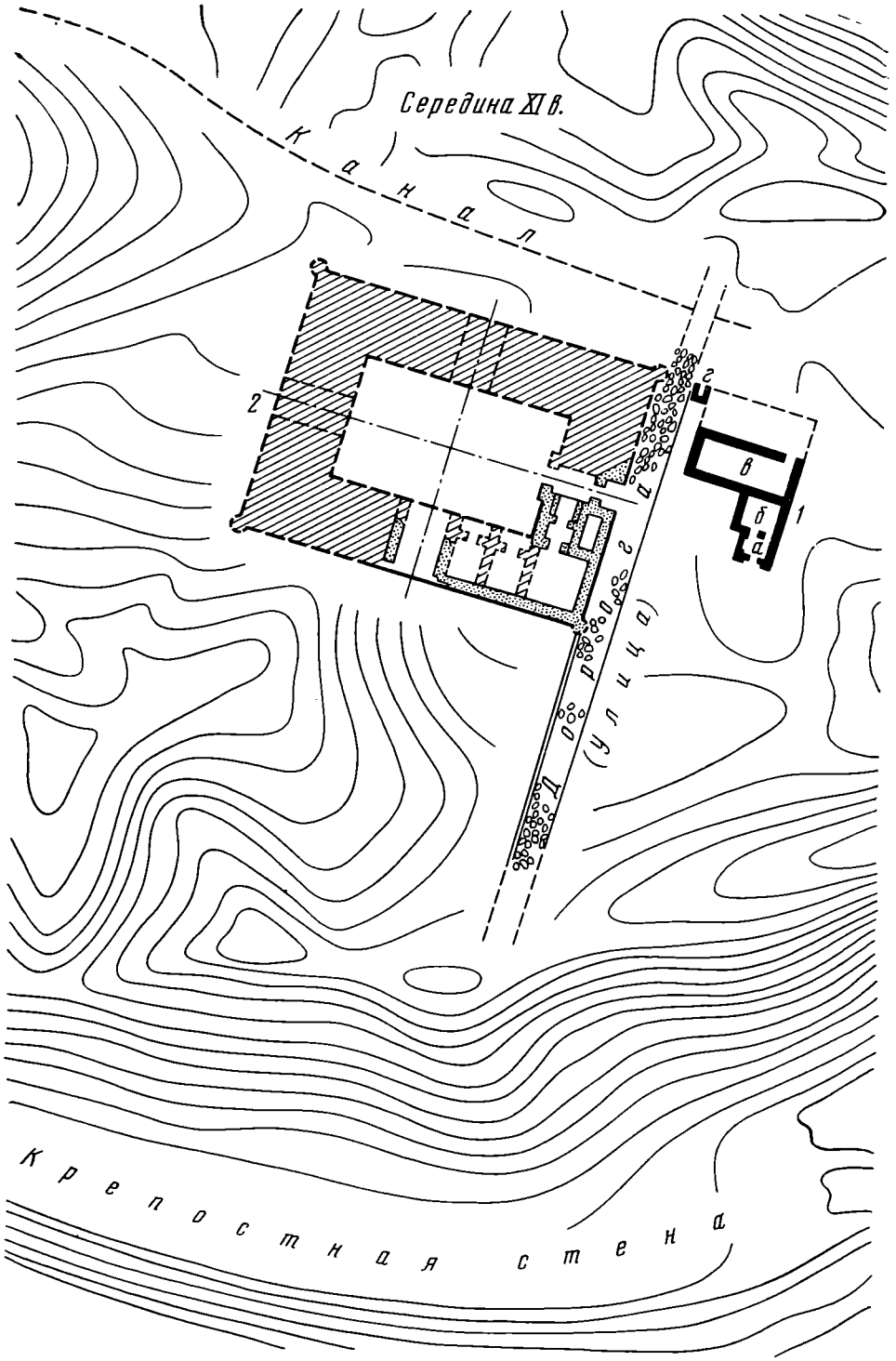


Рис. 2. Первые культовые строения на юге шахристана Самарканда в XI в. (план-схема): *1* — комплекс Кусам ибн-Аббаса (*а* — гур-хана, *б* — зиарат-хана с подземной чилля-ханой, *в* — полуподземное помещение с резными деревянными консолями, раскопанное в 1963 г., *г* — минарет); *2* — медресе Тамгач Богра-хана, выстроенное к 1066 г. (раскопки 60-х — начала 70-х годов)

нет, могила фиктивна, как установлено [9]) — одного из первых проповедников ислама в Средней Азии, двоюродного брата пророка Мухаммада, с самого начала были предусмотрены все необходимые помещения для религиозной службы и совершения зиарата (обряд поклонения «святым местам» в исламе). Комплекс Кусама как архитектурный тип мемориального здания дает наиболее ранний пример сочетания двух неотъемлемых основных (гур-ханы, зиарат-ханы) и подсобных помещений в единовременном сооружении, являясь одним из первых звеньев в цепи формирования сложносоставного мавзолея.

Во второй половине XI в. (к 1066 г., согласно вакуфному акту [10]) напротив комплекса Кусама по западной стороне улицы (дороги) возводится медресе от имени первого в Самарканде караханидского правителя Тамгач Богра-хана. Исторически сложившийся перекресток улицы (дороги) и городского канала получил архитектурно-планировочное оформление (рис. 2).

Медресе Тамгач-хана было одним из наиболее значительных по масштабам сооружений ансамбля, равное по внешним измерениям 44×55 *м*. Остатки двух осевых айванов по восточной и южной стороне свидетельствуют о четырехайванной дворовой композиции. Вскрытая юго-восточная четверть здания, дополненная данными вакуфного акта, говорит о зрелой, развитой структуре плана, в основе которого уже были заложены основные элементы классического, канонизированного медресе Мавераннахра XV—XVII вв.

Здание заключало обязательные для позднесредневековых медресе угловые купольные залы (мечеть, дарс-хану), группу мелких помещений для преподавания адаба, чтения Корана, центральный входной айван с системой боковых перекрестных проходов, на основе которых в последующем развивается характерный для медресе коленчатый проход, худжры вокруг двора, где жили студенты. Главный фасад медресе был обращен на восток и выходил на южную дорогу. Архитектурно-декоративный акцент его был сосредоточен на портале, представленном П-образной рамой, обведенной лентами эпиграфического, растительного и геометрического орнамента. Судя по находкам, боковые крылья членились трехчастной глухой аркатурой и несли типичную для Мавераннахра XI—XII вв. облицовку из спаренных кирпичей и поперечных изразцов — «бантиков».

Топографическая локализация двух первых сооружений на юге города позволяет коснуться и вопроса о функциональном акценте ансамбля Шахи-Зинда на первом этапе его сложения. Слияние высшей мусульманской школы (своеобразного средневекового университета на Востоке), где обучались не только будущие муллы, но и законоведы, дипломаты, теологи, с мавзолеем Кусам ибн-Аббаса, воплощавшим «культ святого», отсутствие других мемориальных строений к 1066 г., судя по описанию округи медресе в вакуфном акте [11], — показатель того, что на юге Самарканда в середине XI в. сложился религиозно-культовый и одновременно культурный центр города, но еще не некрополь, как позже. Здесь наблюдалась тесная взаимосвязь различных служб, связанных с деятельностью медресе и мавзолея «святого», включавших паломничество, зиарат, организацию религиозных празднеств, жертвоприношений, поминальных обрядов и одновременно обучение студентов религиозным и светским наукам [12].

К концу XII в. западная сторона улицы (дороги) от канала до крепостного вала, судя по даным раскопок, была полностью застроена (рис. 3).

---

[9] *Н. Б. Немцева.* Ансамбль Шахи-Зинда в XI—XII вв..., стр. 130, 131.

[10] *M. Khadr.* Op. cit., p. 330—333.

[11] *M. Khadr.* Op. cit., p. 330.

[12] В частности, по данным вакуфа, в медресе Тамгач Богра-хана изучали адаб, предполагающий знания по литературе, истории, этике, юриспруденции и другим областям гуманитарии.

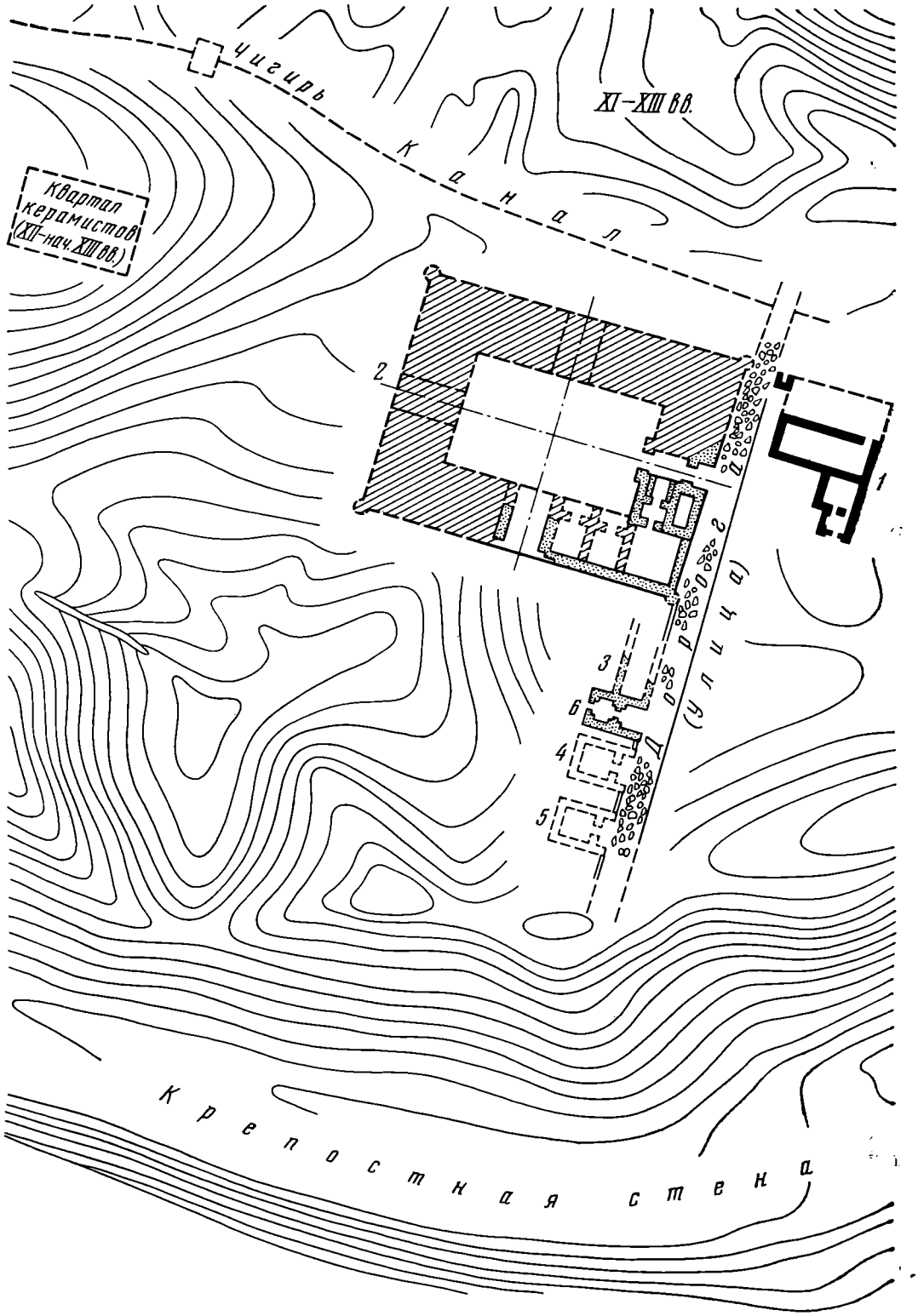


Рис. 3. Ансамбль Шахи-Зинда в XI—XIII вв. (план-схема): *1* — комплекс Кусам ибн-Аббаса, *2* — медресе Тамгач Богра-хана, *3* — строение «А» — XI в. (раскопки 1964 г.), *4* — строение «Б» (завал декоративного и строительного материала) — рубеж XI—XII вв. (раскопки 1962 г.), *5* — строение «В» (завал декоративного и строительного материала) — вторая половина XII в. (раскопки 1963 г.), *6* — мавзолей «Г» — вторая половина XIII в. (раскопки 1965 г.)

Южнее медресе Тамгач-хана располагалось здание (условно «А») неизвестного назначения (на высоту 1,5—2 *м* выявлены три стены толщиной 80 *см* без облицовки[13]), затем стоял мавзолей[14] («Б»), представленный завалом своеобразного для Средней Азии наружного декора, составленного двухплановым набором шлифованных изразцов (рубеж XI—XII вв.). Около усыпальницы Шади-Мульк-Ака выявлены остатки предположительно портальнокупольного мавзолея («В»). Сохранилось основание восточной стены здания и завал типичной для Мавераннахра второй половины XII в. развитой двухплановой резной неполивной терракоты от облицовки главного портала. Эти остатки позволяют схематично реконструировать основные архитектурно-декоративные членения богато украшенного фасада. Большое число разрозненных находок резной неполивной терракоты XII в., в том числе с частичной голубой поливой, говорит и о других парадно отделанных зданиях в домонгольском ансамбле, местонахождение которых не определено.

С конца XI—XII вв. функциональное значение ансамбля на юге Самарканда несколько изменилось. Явные признаки кладбища, развившегося в это время около гробницы Кусам ибн-Аббаса, остатки двух мавзолеев южнее медресе Тамгач Богра-хана — показатель того, что значение религиозно-культового центра на юге Самарканда возросло, функции его расширились. Ансамбль Шахи-Зинда приобретает значение и мемориального некрополя для привилегированных слоев общества феодальной и духовной знати Самарканда той поры. При этом своего рода культурно-просветительская функция этого сложного комплекса до конца существования города на Афрасиабе продолжает в полной мере сохраняться.

В XII в., во времена Султана Санджара, по сведениям Абу-Тахир-Ходжи (видимо, 30-е годы XII в.[15]), на юге Самарканда, где-то в квартале Кусам ибн-Аббаса, было возведено медресе «Кусамие»[16]. Остатки его пока не найдены. Весь комплекс материалов XI—XII вв. показывает, что архитектурно-художественные и инженерно-технические приемы, строительная практика домонгольского Самарканда были глубоко традиционны при одновременно ярко выраженных, прогрессивных тенденциях. Самаркандская школа зодчих XI—XII вв., представленная главным образом остатками архитектуры и декора в ансамбле Шахи-Зинда, не только не уступала лучшим образцам архитектурных творений Бухары, Узгента, Термеза, но скорее была ведущей в общем русле развития зодчества Мавераннахра.

Общий экономический урон, нанесенный монголами стране, разрушение Самарканда в XIII в. привели к естественному постепенному запустению и разрушению ансамбля XI—XII вв. на юге заброшенного городища. Время же окончательного уничтожения памятников домонгольской поры приходится на XIV в., точнее, на эпоху правления Тимура, когда в ансамбле Шахи-Зинда около по-прежнему популярной в народе гробницы Кусам ибн-Аббаса вновь развернулось широкое строительство усыпальниц и старые, пришедшие в упадок здания XI—XII вв. были разобраны на кирпич или застроены новыми сооружениями. Восстановление экономического потенциала города уже во второй поливине XIII в. нашло отражение в истории ансамбля. По западной стороне дороги к домонгольскому зданию «А» был пристроен мавзолей «Г» (рис. 3, *б*). Мавзолей представлен двух-

[13] Здание располагалось южнее мавзолея Усто-Али-Несефи, часть стен уходит под его фундаменты.

[14] Завал декора, в том числе крупные участки облицованной плоскости и угловой гульдаста, лежавших вниз лицом, обнаружены на восточной стороне коридора в 9 *м* на север от «Восьмигранника».

[15] Период наибольшего влияния сельджукидов на области Мавераннахра.

[16] *С. Л. Волин.* Старейшие письменные известия о Шахи-Зинда. Изв. УзФАН, вып. II. Ташкент, 1940, стр. 69; *Абу-Тахир-Ходжа.* Самария. Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда (перевод В. Л. Вяткина). Справочная книжка Самаркандской области на 1899 г., вып. VI. Самарканд, 1899, стр. 176.

камерным зданием, типологически новым для ансамбля Шахи-Зинда и вообще Мавераннахра той поры, заключающим небольшую гур-хану и почти равный ей по объему открытый входной айван.

К началу XIV в. топографическая ситуация на юге Афрасиаба изменилась. После перемещения в XIII в. Самарканда в шахри-бирун кладбище охватило всю территорию вокруг ансамбля XI—XII вв., уничтожило следы бывших кварталов, старых дорог и улиц. В XIV в. на юге городища сохраняется лишь основная, жизненно необходимая и наиболее удобная для связи с городом западная дорога, идущая по высохшему руслу городского канала от северной части некрополя к бывшим Кешским (Южным, Железным) воротам.

На скрещении этой западной дороги с ансамблем в первой половине XIV в. возникает новый планировочный узел. В основных композиционных чертах была сформирована «северная группа», существующая и теперь. На пересечении южной домонгольской оси с западной дорогой, замыкая ансамбль с севера, возводится мавзолей Ходжа Ахмада (40-е годы XIV в), установленный поперек южной дороги. По восточной стороне, замыкая западную ось, устанавливается мавзолей 1360/61 г. (рис. 4).

Пересечение старых осей домонгольского ансамбля у минарета XI в. и медресе уже в середине XIV в. (а не в начале XV в., как считалось) оформляется проходной, четырехарочной купольной сенью (верхний чартак), связавшей в единый планировочный узел ансамбль XI—XII вв., расположенный с юга, комплекс Кусам ибн-Аббаса, лежащий с востока, и «северную группу» мавзолеев XIV в. В общей композиции памятника, построенной для XI—XII вв. на принципе фронтальности и пересечении двух осей, появилась новая, совершенно самостоятельная тема — небольшой, замкнутый с трех сторон дворик с равновеликими объемами зданий, ориентированный открытой стороной на западную, связанную с городом, дорожку.

Одновременно «дворик» органически был связан арочной сенью со всей старой частью некрополя, расположенной южнее. Большая часть памятников XI—XII вв., в том числе медресе Тамгач Богра-хана, к XIV в. утратившее свои функции и превращенное в ханака[17] для проживания паломников, продолжала еще существовать в это время.

Второй, наиболее интенсивный строительный этап XIV в. относится ко времени правления Тимура (1370—1405 гг.). Происходит решительная реконструкция старого некрополя, окончательное уничтожение руин XI—XII вв. Масштабы строительства последней четверти XIV в., смелость в реорганизации еще сохранившегося к этому времени в какой-то степени домонгольского ансамбля, возведение на его месте новых зданий были под стать размаху деятельности по перепланировке самого Самарканда на рубеже XIV—XV вв., где сносились целые кварталы, прокладывались новые улицы, возводились ансамбли.

Наибольшее число роскошно убранных мемориальных зданий, существующих и по сей день, было построено в некрополе именно в эту пору. Появилась целая серия новых по стилю, близких по композиции однокамерных усыпальниц. Типологически они составляли одно целое — уравновешенную гармонию архитектурных масс и цветовых сочетаний, хотя каждое из зданий было неповторимо и являло дальнейшее совершенство декора, основных ведущих конструкций. Окончательно сменился и функциональный акцент памятника. К XIV в., при Тимуре, это только загородный некрополь царской фамилии и высшей феодальной знати у почитаемой мусульманской святыни.

На территории ансамбля археологически выявлены остатки 12 новых мавзолеев XIV—XV вв., в принципе не отличающихся от существующих

[17] Описание Ибн-Батутой (30-е годы XIV в.) ханака около мавзолея Кусама относится, по всей вероятности, к этому сооружению. (см. *В. В. Бартольд.* О погребении Тимура. Соч., т. II, ч. 2. М., 1964, стр. 432; *его же.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия соч., т. I. М., 1963, стр. 143, 144).

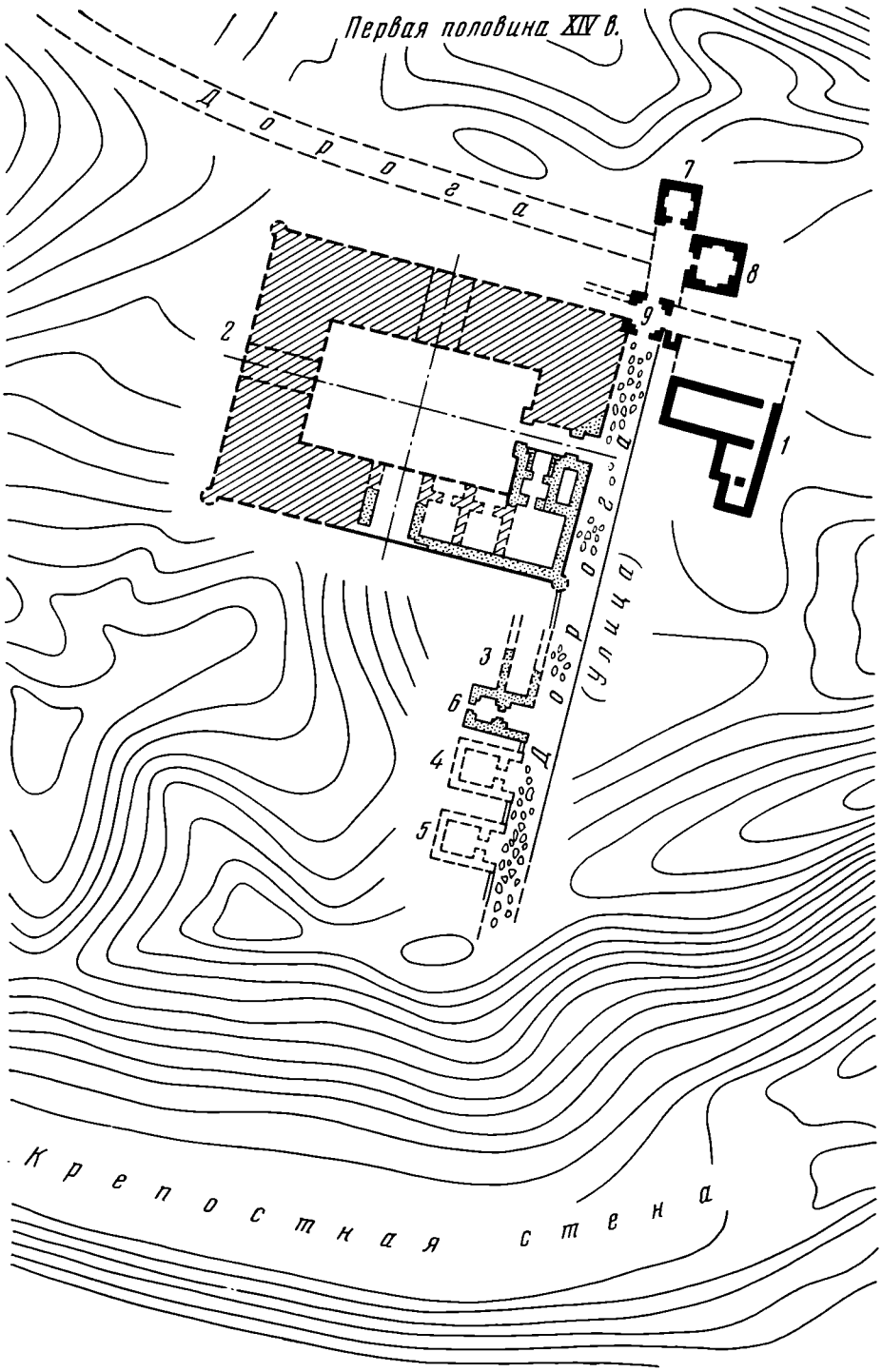


Рис. 4. Ансамбль Шахи-Зинда в первой половине XIV в. *1* — комплекс Кусам ибн-Аббаса, *2* — медресе Тамгач-хана, *3* — строение «А» (XI в.), *4* — строение «Б» (рубеж XI—XII вв.), *5* — строение «В» (вторая половина XII в.), *6* — мавзолей «Г» (XIII в.), *7* — мавзолей Ходжа Ахмада (40-е годы XIV в.), *8* — мавзолей 1360/61 г., *9* — верхний чартак (первая половина XIV в.)

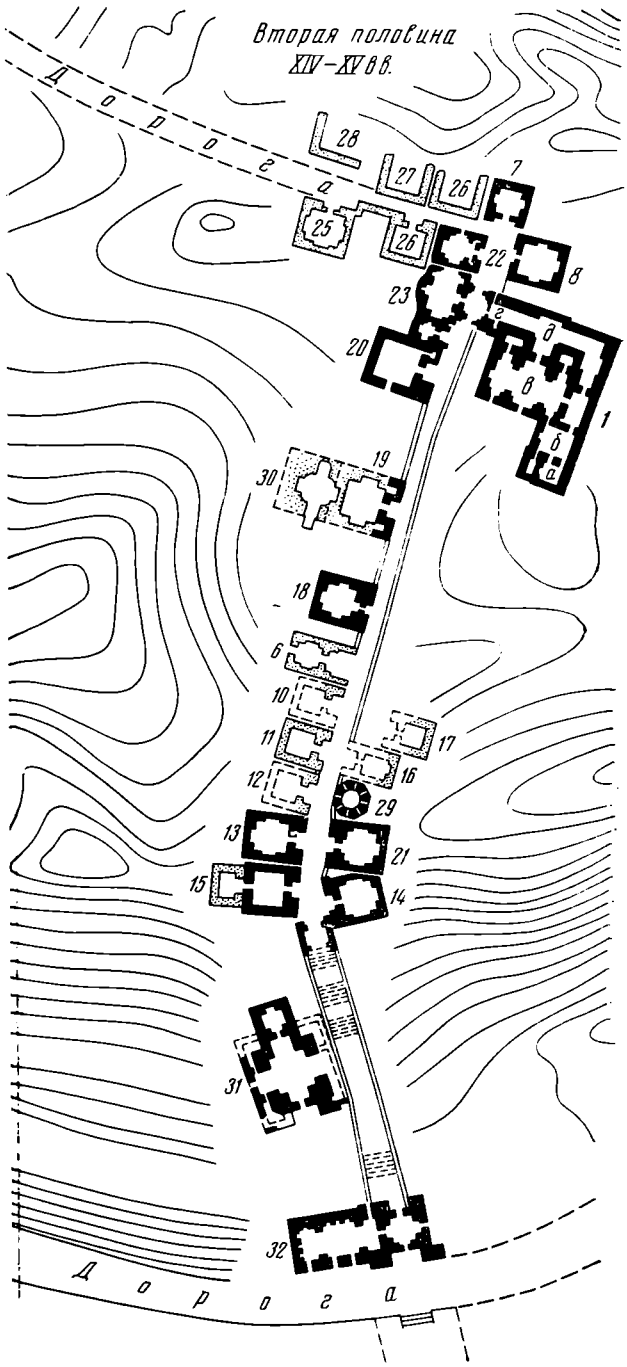


Рис. 5. Ансамбль во второй половине XIV — первой половине XV в.: *1* — комплекс Кусам ибн-Аббаса (*а* — гур-хана, *б* — зиаратхана, *в* — мечеть XV в., *г* — минарет XI в., *з* — обводной коридор XIV — XIX вв.), *6* — мавзолей «Г» — XIII в. (раскопки 1965 г.), *7* — мавзолей Ходжа Ахмада (40-е годы XIV в.), *8* — мавзолей 1360/61 г., *9* — чартак XIV в., *10* — мавзолей III 60–70-х годов XIV в. (раскопки 1964/65 г.), *11* — мавзолей II 60–70-х годов XIV в. (раскопки 1964/65 г.), *12* — мавзолей I 60–70-х годов XIV в. (раскопки 1964/65 г.), *13* — мавзолей Шади-Мульк-Ака (1372 г.), *14* — мавзолей Туглу-Текин (1376 г.), *15* — мавзолей Эмир-Заде (1386 г.), склеп XIV в. (раскопки 1953 г.), *16* — мавзолей «IV» (раскопки 1957 г.), *17* — мавзолей «V» — конца XIV в. (раскопки 1961 г.), *18* — мавзолей работы Усто-Алп-Несефи, *19* — мавзолей «Безымянный-2» — 90-е годы XIV в. (раскопки 1959 г.), *20* — мавзолей Эмира Бурундука (80—90-е годы XIV в.), *21* — мавзолей Ширинбек-ака (1385 г.), *22* — мавзолей Туман-ака (рубеж XIV—XV вв.), *23* — мечеть Туман-ака, *24—28* — мавзолеи «западного коридора» (раскопки 1961/62 г.), *29* — мавзолей «Восьмигранник» (30-е годы XV в.), *30* — склеп XV в. (раскопки 1968 г.), *31* — мавзолей Казы-Заде Руми (30-е годы XV в.), *32* — входной портал, чартак, мечеть XV в. (1434/35 г.)

однокамерных гробниц[18]. Они заполнили определенные лакуны в уже известной схеме развития[19] одиночного мавзолея Мавераннахра, дали четкое и более целостное представление о всех этапах формирования ансамбля Шахи-Зинда в период расцвета и окончательного его сложения в XIV—XV вв. (рис. 5).

[18] *Н. Б. Немцева.* Исследование в «западном коридоре» архитектурного ансамбля Шахи-Зинда. ИМКУз, вып. 5. Ташкент, 1964. *ее же.* К истории сложения «средней группы» мавзолеев в ансамбле Шахи-Зинда. Материалы и исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана, вып. 1. Ташкент, 1967, стр. 95—115; *ее же.* Малоизученный мавзолей из ансамбля Шахи-Зинда. Общественные науки в Узбекистане, 8—9, 1969, стр. 43—50.

[19] *И. И. Ноткин.* Развитие структуры однокупольного сооружения XIV — начала XV в. в ансамбле Шахи-Зинда. Архитектурное наследство, 13, 1961, стр. 181—188.

В 60—70-е годы XIV в. часть сооружений XI—XII вв., видимо, еще существовала. Именно поэтому первые здания 60—70-х годов (три вскрытых мавзолея по западной стороне коридора и мавзолей Шади-Мульк-Ака) пристраиваются к зданию XIII в. (мавзолею «Г») значительно южнее медресе Тамгач-хана и в стороне от комплекса Кусама ибн-Аббаса. В 70—80-е годы XIV в. интенсивная реорганизация охватила участок бывшего крепостного вала, где на коротком отрезке по обеим сторонам дороги выстраиваются мавзолеи Туглу-Текин, Амир-Заде и вскрытые мавзолеи IV, V, образующие узкий коридор (рис. 5, *10—16*).

Лишь в 80—90-е годы XIV в. окончательно уничтожаются руины XI—XII вв. (здание «А» и медресе Тамгач-хана). На их месте возводятся мавзолеи Усто-Али-Несефи, «Безымянный-2», Эмира Бурундука, на рубеже XVI—XV вв.— комплекс Туман-ака (рис. 5, *18—23*). Площадь южнее комплекса Кусам ибн-Аббаса в общей композиции памятника оставалась неприкосновенной на всех этапах его сложения. Раскопками не обнаружено следов монументальных строений по восточной, пустующей и сейчас, стороне коридора между комплексом Кусама и мавзолеями XIV—XV в., сгруппированными у крепостного вала. Возможно, это и есть площадь Малики-хатун, упомянутая в вакуфе от 1066 г., на медресе Тамгач-хана, куда выходила одна из его сторон [20].

Крайнее северное здание восточной стороны — раскопанный мавзолей V (конец XIV в.) — выстроено на внутреннем оплыве крепостной стены городища с отступом от линии коридора — дорожки на 6—7 *м*. Положение его как бы фиксирует поворот от узкого коридора у крепостного вала к площади южнее комплекса Кусам ибн-Аббаса (рис. 5, 7).

В первое десятилетие XV в. архитектурно оформляется западная ось некрополя («западный коридор»), ведущая к Кешским воротам. «Западный коридор» (рис. 5, *24—28*) явился как бы промежуточным звеном в цепи формирования памятника, между сложением его при Тимуре в пределах городища и строительством «нижней группы» по внешнему склону крепостной стены при Улугбеке в 30-е годы XV в.

Раскопки показали, что в состав его входили однокамерные портально-купольные мавзолеи (вскрыты остатки пяти), типологически и по размерам схожие с усыпальницами XIV — начала XV в. основной и южной осью ансамбля. Композиция плана «западного коридора» также вторила традиционной планировке памятника. Двусторонняя фронтальная застройка создавала узкий (около 3 *м*) коридор на стыке с северной группой мавзолеев. Со стороны, обращенной к городу, к бывшим Кешским воротам «западный коридор» расширялся с 3 до 6 *м* путем отступа двух крайних мавзолеев от основной линии фасадов, образуя у выхода открытую площадку. Никаких признаков оформленного со стороны города входа в «западный коридор» (остатков портала, входного чартака) не обнаружено. При всем том, что с XIII в. это был единственый подход к некрополю, парадного оформления он не имел.

Последний, заключительный этап в формировании ансамбля Шахи-Зинда приходится на эпоху Улугбека. Этот этап принес ансамблю Шахи-Зинда новые архитектурно-планировочные преобразования, вызванные активным строительством и благоустройством в самом городе. Основные архитектурно-планировочные работы 20—30-х годов XV в. охватили южный склон городища, отдельные строения появились в «средней группе», реконструируется очередной раз основная святыня некрополя — комплекс Кусама ибн-Аббаса. Постройки времени Улугбека не вторят однокамерным гробницам XIV в.; строительная деятельность этого периода выразила себя в совершенно новых архитектурных типах, оригинальных планировочных решениях, смелых композициях. Для ансамбля Шахи-

---

[20] *M. Khadr.* Op. cit., p. 331.

Зинда это самостоятельная, свежая струя архитектурных и планировочных идей.

Уже к 30-м годам XV в. «западный коридор» как единственный для XIV — начала XV в. путь, связующий некрополь с городом, утратил свое значение. Основным стал южный подход к ансамблю. Генеральная планировка города еще при Тимуре, строительство обсерватории при Улугбеке, благоустройство дороги к ней у южного подножия городища вызвали необходимость архитектурного оформления южного входа. Главный входной портал с комплексом единовременно возведенных строений (зимняя мечеть, дарваза-хана или чартак и др.) с 30-х годов XV в. фиксирует начало зиарата с юга (рис. 5, *32*). Крутой склон городища в XV в. оформляется широкими террасами со ступенями и подпорными стенами. На нижней террасе по западной стороне возводится двухкамерный мавзолей Казы-Заде Руми с порталом, обращенным к дороге на юг (рис. 5, *31*).

В черте «средней группы» возводятся типологически новые для ансамбля строения: башенный мавзолей «Восьмигранник», оригинальный вытянутый силуэт которого органически вписался в группу портально-купольных объемов, а также крестовидный в плане склеп у мавзолея «Безымянный-2» — первый и единственный для ансамбля склеп развитого типа с декором внутри (рис. 5, *29, 30*).

С распадом тимуридского государства во второй половине XV в., образованием в XVI в. новой правящей династии Шейбанидов из кочевых узбеков, объединившей под своим главенством Мавераннахр и на короткий период часть Хорасана, Самарканд перестает быть столицей, хотя и сохраняет положение важного в политическом и культурном отношении города. Основное строительство в XVI—XVII вв. сосредоточивается в Бухаре. Фамильный тимуридский некрополь Шахи-Зинда заброшен. В ансамбле больше не строят парадных гробниц. Шейбаниды не хоронят здесь представителей своей династии. Идет постепенное разрушение мавзолеев XIV—XV вв.

Археологически зафиксировано, что разрушение «западного коридора», мавзолея «Г» (XIII в.), мавзолеев I, II, III, IV, V (XIV в.), обрушение купола и стен в «Безымянном-2» и мавзолее Ходжа Ахмада начинается уже в XVI в. К началу XVII в. бо́льшая часть перечисленных мавзолеев лежит в руинах. На их остатках в первой половине XVII в. ставят новые погребальные постройки, ничем не напоминающие великолепие архитектуры предшествующей поры. Замечательные строительные традиции XI—XII вв. и тимуридского мемориального зодчества в них полностью утрачены. Небольшие мавзолеи, полуземные сагана конца XVI— первой половины XVII в. (нами раскопаны основания шести мавзолеев, трех сагана) простых конструкций, архитектурных форм, без декора, с тонкими (60—70 *см*) прямыми стенками без фундаментов, из сборного, в ряде случаев сырцового кирпича. Концентрируются они на запустевших участках западной стороны «средней группы», но подчиняются еще фронтальной линии сохранившихся гробниц XIV—XV вв. Чтение эпитафий на мраморных намогильных плитах показало, что принадлежали они средней социальной прослойке горожан.

Потеря интереса к некрополю в XVI—XVII вв. была не единственной причиной утраты тимуридских традиций в сооружении мавзолеев. Сказались, видимо, и общие явления, отражавшие закономерности развития мемориального зодчества Средней Азии вообще. В XVI—XVII вв. постепенно на смену пышным гробницам предшествующих эпох (X—XV вв.) приходят погребальные строения. Основным видом монументальной фамильной гробницы становится дахма, облицованная мрамором, со склепом внутри.

В конце XVIII в.— начале XIX в. улугбековские террасы по южному склону городища были заменены одномаршевой лестницей. На гребне крепостного вала в это же время возвели вторую проходную сень (чартак).

В первой половине XIX в. ряд небольших, заурядных по архитектурным качествам строений появился в «нижней группе». Северо-восточнее «входной группы» в 1812—1813 гг. возведено небольшое медресе, напротив него — летняя айванная мечеть с плоской кровлей на колоннах. Этим была завершена строительная деятельность в ансамбле Шахи-Зинда.

Уникальный памятник средневековой архитектуры, ансамбль Шахи-Зинда, слагавшийся на протяжении нескольких столетий, главным образом в периоды наивысшего подъема Самарканда, в XI—XII и XIV—XV вв., синтезировал в своем художественном образе искусство зодчих и мастеров керамистов различных эпох. Первоначальная планировочная идея, возникшая под влиянием естественного рельефа местности и историко-топографической среды, явилась основой композиции некрополя на всех последующих стадиях его сложения. Различные композиционные группы, возникавшие в разные периоды на отдельных участках пересеченного сложного рельефа, включающие замкнутый северный дворик, систему двух пересекающихся коридоров, небольшие площадки, осевую перспективную застройку, наконец панорамное решение «нижней группы», раскинутой на внешнем склоне городища, талантом и изобретательностью средневековых зодчих оказались органически слитыми в единый, полный гармонии форм и красок ансамбль.

N. B. Niemtseva

LES SOURCES DE LA COMPOSITION ET LES ETAPES DE LA FORMATION DE L'ENSEMBLE DE CHAKHI-ZINDA

Résumé

Ce travail est consacré à un des plus remarquables monuments commémoratifs de l'Asie Centrale — l'ensemble de Chakhi-Zinda à Samarkand — et est établi sur les matériaux ramassés par l'auteur au cours de nombreuses années de prospections archéologiques. Dans cet article, on étudie l'influence de la structure urbaine de la ville médiévale sur la réalisation des ensembles architecturaux, dont la composition est subordonnée au plan existant de la ville. En particulier, le plan d'un quartier résidentiel, au sud de la Samarkand prémongole, est reproduit presque exactement dans la composition originale de Chakhi-Zinda, représenté par un étroit corridor en ligne brisée (une ancienne rue) s'étendant au sud d'Afrasiab. Les principales étapes de formation de l'ensemble, remontant aux XIe — XIIe ss. et aux XIVe — XVe ss., sont étudiées sur la base de nouvelles données archéologiques, ainsi que sous l'aspect historico — archéologique et en fonction des modificatoins topographiques de la ville. Cet article offre un aperçu général des édifices dernièrement découverts, y compris des vestiges de l'architecture des XIe s. et XIIe s., qui n'est pas représentée dans les monuments subsistant à Samarkand.

Публикации

В. В. СИДОРОВ

СТОЯНКИ НА ОЗЕРЕ СВЯТОМ У ШАТУРЫ

Камыши среди озера Святого, на берегу которого стоит город Шатура,— это отмель Великий Песок, или Клюшка [1]. С ней связано у местного населения предание о провалившейся церкви — местный вариант легенды о Китеже. Песок под водой усеян многочисленными осколками кварцита, черепками. В засухи 1919—1921 гг. отмель стала островом. В 1919 г. Б. А. Куфтин собрал здесь небольшую неолитическую коллекцию [2], а в августе 1921 г. вместе с Б. С. Жуковым приступил к раскопкам. Судя по сохранившемуся чертежу [3], по всему острову было разбросано 52 шурфа и 4 траншеи, на соседней отмели — 4 шурфа. Слой, богатый раковинами, рыбьей чешуей, костями, тянется вдоль западного берега острова полосой 70×10 *м*. В северо-западном углу озера, у с. Спас, на стоянке Святое озеро II были также заложены 3 траншеи. Здесь у подножия берега лежит пологий мыс между заболоченным заливом и устьем древней протоки из торфяника, бывшего озера. Отчет краток: «Добытый материал: каменные орудия, обломки орудий, осколки кремня, обломки круглодонной орнаментированной посуды, кости млекопитающих, рыб и птиц и обломки раковин (в связанном со стоянкой на острове мощном слое кухонных остатков), а также чертежи разрезов,— планы, фотографии и пр. — поступили в Областной музей Московского края» [4]. После разгрома музея гитлеровцами археологу Московского областного краеведческого музея Л. И. Пимакину удалось собрать почти весь вещевой материал, но документация погибла.

В 1924 г. два дня велись раскопки стоянки Святое озеро II. Клюшка была уже под водой. Отчет о раскопках полнее [5]. Есть профиль траншеи № 8 длиной 12 *м*, разрезающей стоянку перпендикулярно берегу озера. Культурный слой — гумусированный песок мощностью до 0,82 *м*, черный, оторфованный сверху, книзу светлеет. Со стороны берега перекрыт песчаным валом. Заложенный мной в 1968 г. шурф в 8 *м* к югу от траншеи повторяет ее стратиграфию. Материал окатан и ожелезнен, особенно керамика, кость не сохранилась. Коллекция 1924 г. поступила в Музей антропологии при МГУ, откуда передана в Музей истории и реконструкции Москвы. Сохранилась очень неполно. С какой-то частью ее ознакомилась В. М. Раушенбах и ввела в научный оборот в качестве стоянки Святое озеро. Она считает керамику позднельяловской на том основании, что в орнаменте нередки отклонения от шахматного порядка ямок, участвует штамп из перевитой веревочки и пояски незаполненных ямками треугольников. Волосовский черепок и единичный пыльцевой анализ (неизвестно,

[1] Сейчас Клюшкой называют остров на соседнем Муромцевом озере. На Святом известен только Великий Песок.

[2] Хранится в Музее Антропологии при МГУ.

[3] Научный архив Московского областного краеведческого музея.

[4] *Б. С. Жуков.* Отчет о произведенных раскопках в пределах Московской губ., Егорьевского уезда Рязанской губ., Нижегородской губ. в 1921 г. Архив ЛОИА, Р-1, № 107.

[5] Архив ЛОИА, Р — 1, № 140.

с которой из стоянок и какой части слоя), по ее мнению, подтверждают датировку стоянки серединой II тысячелетия до н. э. [6]

Во время засухи 1972 г. директор школы в с. Пустоши Шатурского района Н. Н. Акимов снова обследовал отмель. Слой оказался полностью размытым. На песчаном дне лежал единый пласт окатанной керамики и кремневые изделия. Им была собрана довольно значительная коллекция: 132 орудия, 43 обломка венчиков, 9 донышек помимо нескольких сотен обломков стенок льяловских сосудов [7].

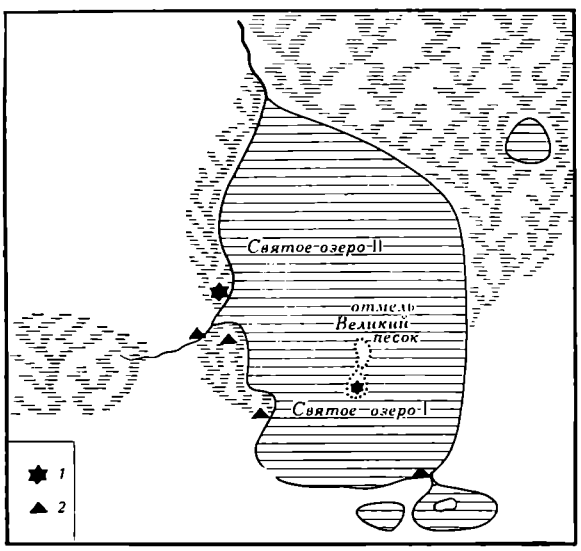


Рис. 1. Схема расположения стоянок на озере Святом. *1* — стоянки, исследованные Б. А. Куфтиным в 1919—1924 гг., *2* — нераскопанные, разрушенные стоянки

Кроме этих двух стоянок на озере известны еще четыре пункта. На мысу против д. Минино в 1968 г. был виден гумусированный слой с обработанными кремнями. По словам местных жителей, льяловскую керамику находили в 30-х годах при дренажных работах в устье заболоченной протоки между этим мысом и стоянкой Святое озеро II. Стоянка Святое озеро IV отмечена в 1934 г. биологом Н. А. Евтюховым, собравшим на западном берегу на пашне и на дне протоки у домика «Рыбхоза» около 50 фрагментов керамики: орнаментированная перевитым шнуром — «лапчатая», волосовская, поздняковская и немного льяловской, а также 10 кремневых орудий и чешуек кремня. В 1972 г. Н.Н. Акимов собрал небольшую, но выразительную коллекцию в юго-восточном углу озера на размытой стоянке (рис. 1).

Материал стоянок Святое озеро I и II идентичен. Керамика льяловского типа абсолютно господствует (1651 фрагмент). 82% керамики имеет сильно опесчаненное тесто, 10% — примесь дресвы и 8% — малое количество примесей. Толщина стенок преобладает средняя —6—8 *мм*. Миниатюрных сосудов нет. Поверхность иногда заглажена до блеска. Расчес обычен по внутренней стороне вдоль поясков гребенки. Ямки конические, с четкими негативами на изнанке, поставлены густо, глубина их зависит от толщины стенок. Наклон заметен у 20—25% сосудов, но хорошо выражен у 8%. Подавляющее большинство ямок ставилось в шахматном порядке; строчное расположение, вопреки утверждению В. М. Раушенбах, редко.

[6] *В. М. Раушенбах.* Неолитические стоянки Верхней Клязьмы. Тр. ГИМ, 22, 1953. стр. 16; *ее же.* Племена льяловской культуры. В сб. «Окский бассейн в эпоху камня и бронзы». М., 1970, стр. 74.

[7] Хранятся в школьном музее в с. Пустоши и у Н. Н. Акимова.

Пояса ямочной орнаментации широки, $^2/_3$ фрагментов имеют только ямочный орнамент. Ямочные отпечатки покрывают всю поверхность сосудов, и на их фоне выделяется орнамент из горизонтальных полос, поясков треугольников, зон косой решетки.

Украшены гребенчатым штампом 354 фрагмента. Он бывает короткий, длинный, широкий, овальный, с острыми, прямыми или округлыми концами. Обычно каждый сосуд орнаментирован только одним штампом, не повторяющимся у других: штамп использовался только один раз. Пояски орнамента состоят из наклонных, вертикальных или горизонтальных отпечатков. Наклон может меняться даже в одном ряду. У 8 сосудов гребенчатыми штампами выполнены треугольники вершинами вниз.

Полулунный штамп занимает второе место. Он встречен на 98 фрагментах. Преобладает дуга небольшой кривизны, но встречаются и четкие правильные дуги 180°—270°, иногда в сочетании с гребенчатым штампом. Наносился он скорее всего обратным концом белемнита.

Перевитый шнур встречается в таком же качестве, как и гребенчатый штамп (61 фрагмент).

Особой формой орнамента можно считать рисунок, оставленный незаполненными просветами. Чаще всего это горизонтальная полоса по венчику или в средних частях тулова (обычно на овально-ямочной керамике с лощением). Поясок незаполненных ямками треугольников чаще бывает в верхней части сосуда (74 экз.). Редки другие формы штампа — двузубчатый (4), треугольник (3), мелкая ямка (11). Всего в коллекции со стоянок Святое озеро I и II выделяется по венчикам 164 сосуда (рис. 2). Форма и размеры достоверно реконструируются редко. Небольшие сосуды диаметром 15—22 *см* в меньшинстве (18%), основная часть (54%) средних размеров — 23—28 *см* диаметром, остальные (28%) — более 30 *см*. Форма полуяйцевидная, преобладает слегка закрытое горло, донышки округло-конические.

Формы венчиков разнообразны. Прямо срезанный край имеют 41% сосудов, округленный — 27%. Довольно значительна (10%) доля утолщенных снаружи налепом венчиков (рис. 2, *8, 12, 18*), характерных для рязанской культуры. Относительно много равномерно утолщенных венчиков (рис. 2, *2, 9, 15*), а также слегка профилированных (рис. 2, *6, 7, 12, 14*). Прогиб часто выполняется более глубоким вдавливанием первого ряда ямок. Утоньшенный, косо срезанный, особенно срезанный наружу, венчик очень редок (рис. 2, *11*).

Расположение орнамента на венчике встречается в любых сочетаниях: на фасаде, на обрезе или внутри, или с двух — трех сторон. У 12 сосудов никакого дополнительного орнамента, даже гладкой полосы по венчику, нет, у 7 он есть только на обрезе венчика.

Орнаментальные композиции (они определяются у 147 сосудов) зональны, из каких бы элементов они ни состояли. Но в пределах общей схемы встречаются следующие основные варианты. Горизонтальные пояски, охватывающие венчик и далее с различной частотой повторяющиеся на тулове, разделенные полями ямок. Как видно было уже при анализе фрагментов, поля ямок чаще всего широкие (53% сосудов), гребенчатые пояски, разделенные 1—2 рядами ямок, имеют всего 7% сосудов (рис. 2, *9, 15, 16*), у 10% сосудов пояски разделены тремя — шестью рядами ямок. У наиболее массовых форм — сосудов с широкими полями ямок — строчное или разреженное расположение ямок совершенно не характерно (7 и 4% при наличии 23% сосудов с особенно густым и правильным ямочным заполнением полей). Остальные орнаментальные приемы — подчеркивание венчика особой орнаментальной полосой (5%), горизонтальное расположение гребенчатого штампа (5%), диагональные полосы гребенчатого штампа между ямками (3%,) треугольники и фестоны (10%), орнаментальные полосы из гребенчатых оттисков, поставленных косой решеткой (1%). Устойчивой корреляции между формой и орнаментом

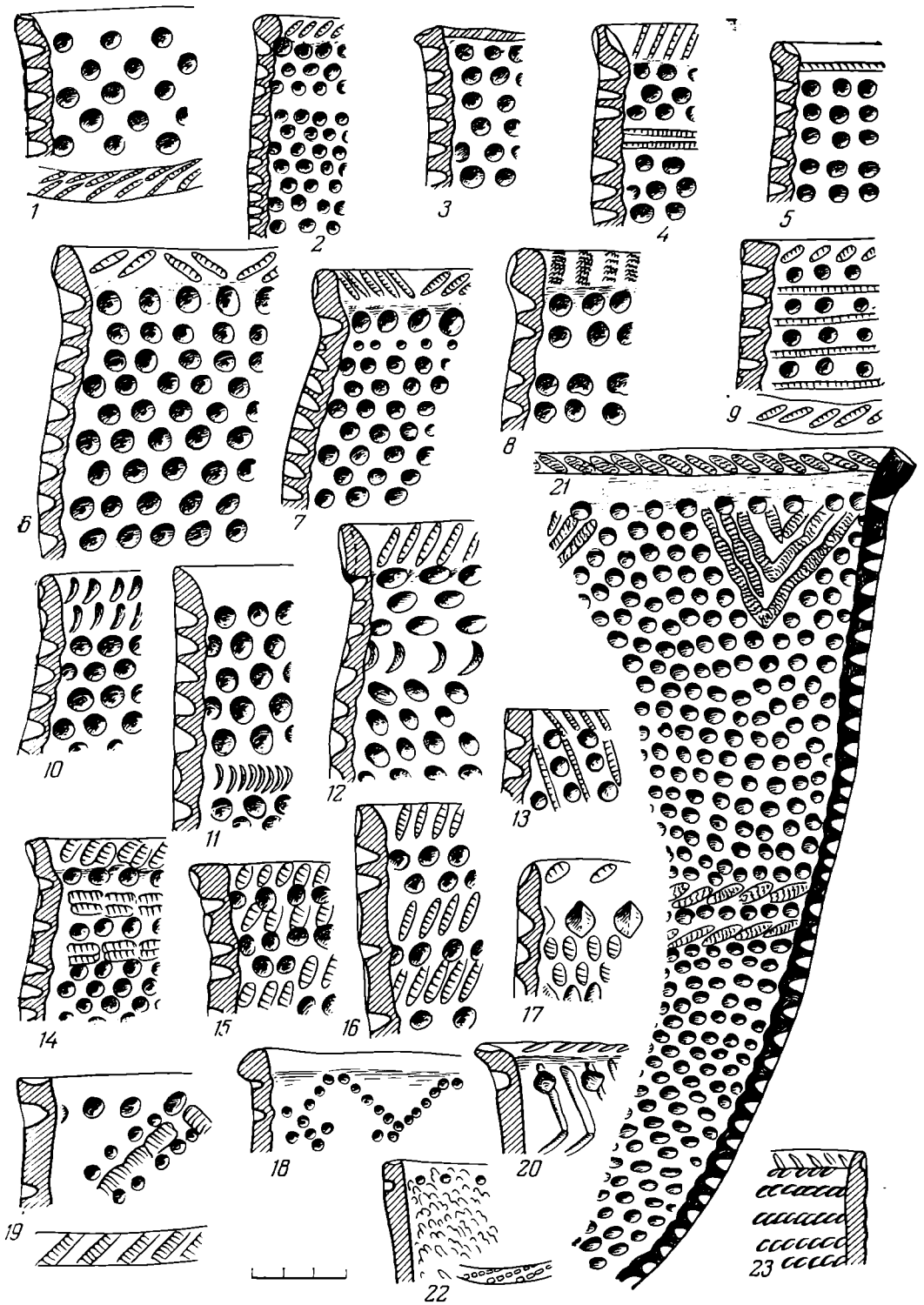


Рис. 2. Керамика со стоянок Святое озеро I (*1, 2, 6, 11, 12, 15--18, 21—23*) и Святое озеро II (*3—5, 7—9, 10, 13, 14, 19, 20*)

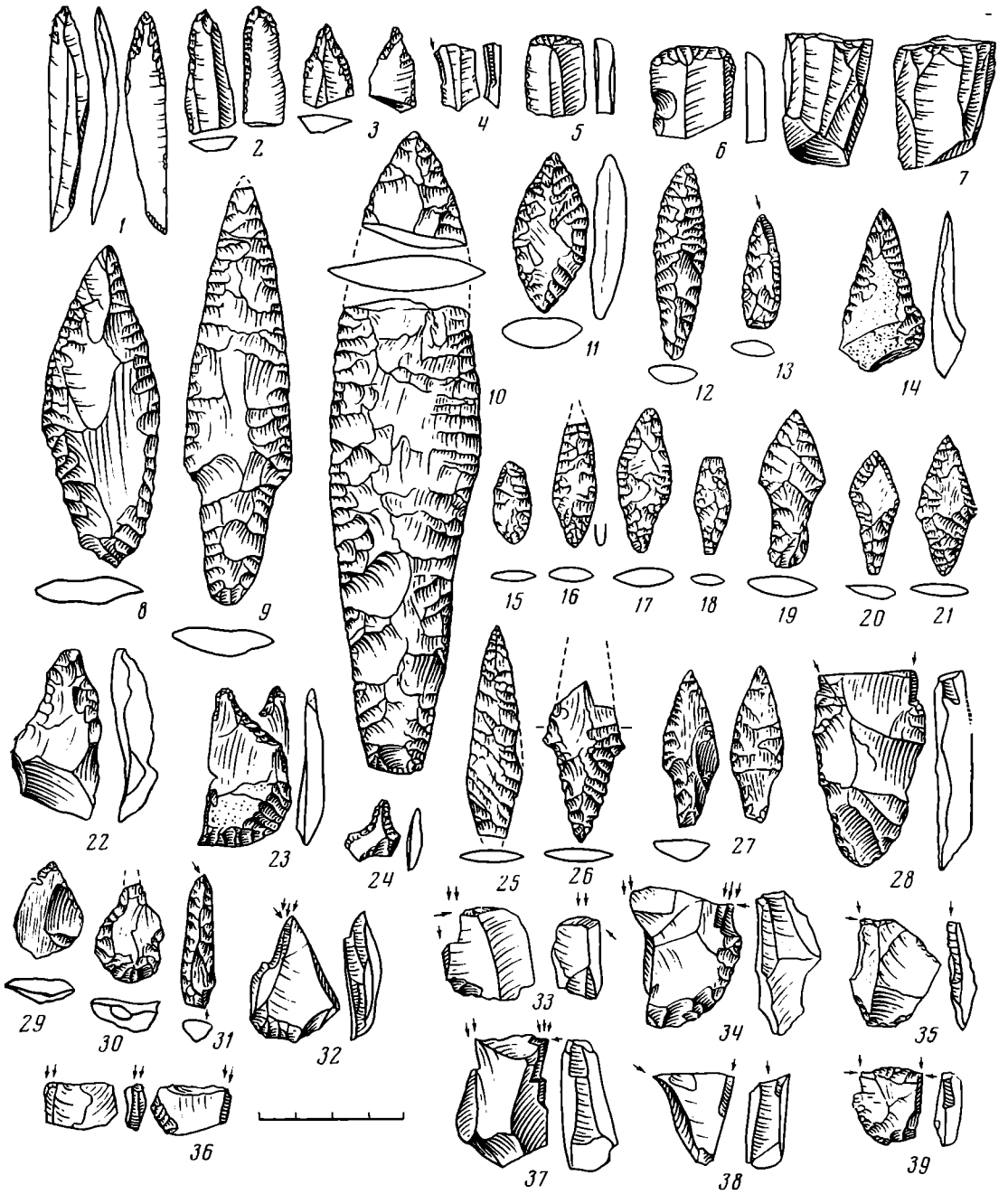


Рис. 3. Кремневые орудия: микролитический комплекс (*1—7*), копья, стрелы, заготовка (*8—21, 25—27*), сверла (*22—24, 29, 31*), резцы (*28, 32—39*) со стоянок Святое озеро I (*1, 2, 5, 6, 8, 10—17, 19, 21, 25, 27, 30—33, 35—37*) и Святое озеро II (*3, 4, 7, 9, 18, 22, 24, 29, 34, 38, 39*)

венчика, композицией и штампом не наблюдается. Любая комбинация возможна: и зоны, выполненные перевитым шнуром, и треугольники, оконтуренные полулунным штампом. Соотношение разных видов штампов, композиций и формы венчика постоянно близко к средним для всего комплекса. По этим признакам ьяловская керамика не делится на типы, если под ними понимать устойчивые комбинации признаков. Вся она составляет единый тип. Возможно, различия проявились бы, если бы мы имели данные о формах сосудов.

При сопоставлении ьяловской керамики с таковой из других районов — Туголесских озер (20 *км* к востоку), Маслова болота, группы озер

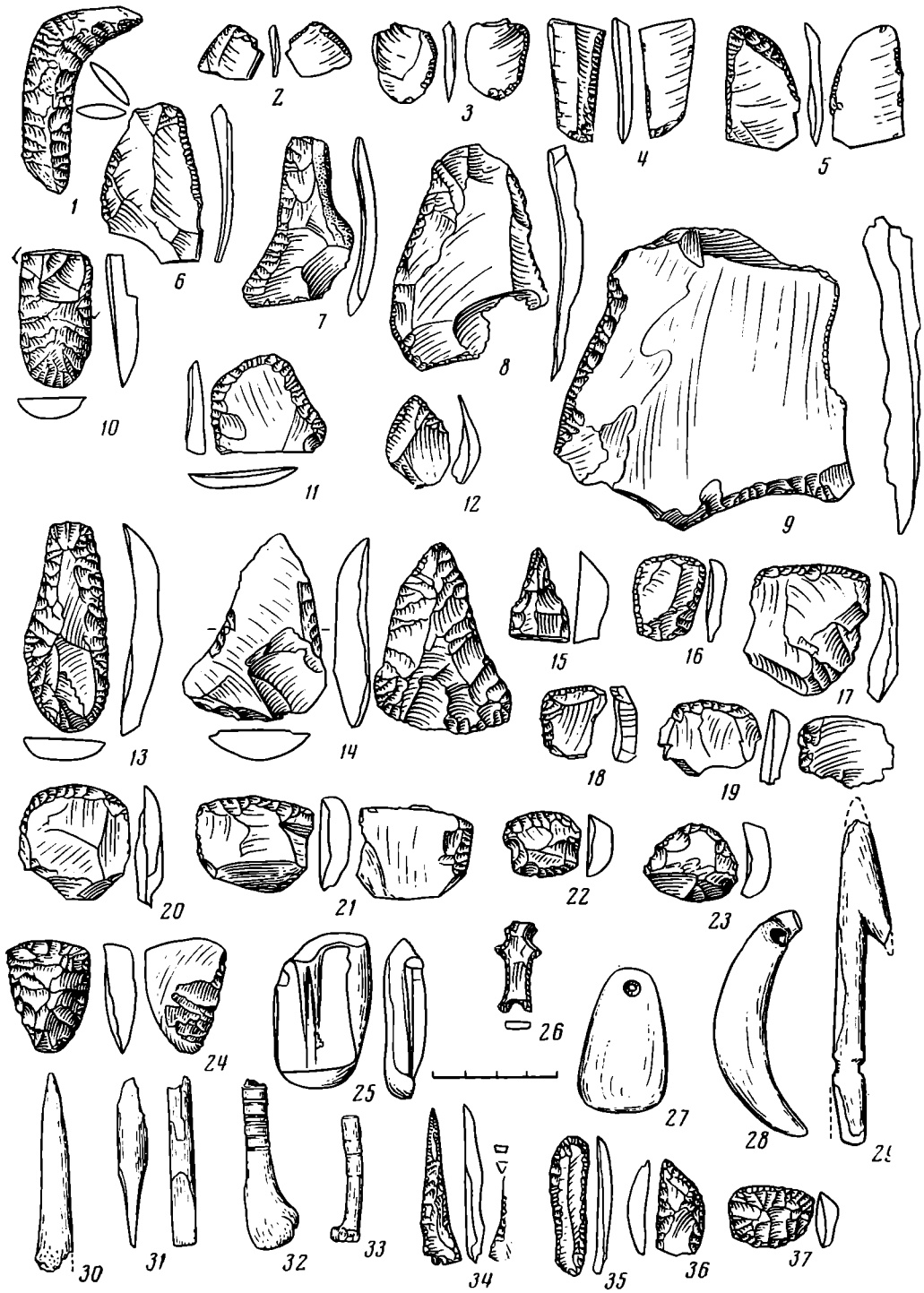


Рис. 4. Ножи (*1—13, 35, 36*), скребки (*14—24, 37*), оттиск металлического изделия на глине (*25*), кремневая фигурка (*26*), сланцевая подвеска, подвеска из клыка кабана, гарпун, костяная проколка, обломок стрелы, разбильники (*27—33*), кремневая проколка (*34*). Святое озеро I (*1—33*), Святое озеро II (*34—37*)

в верховьях Клязьмы, Тростенского и Полецкого озер — обнаруживаются определенные различия, говорящие о своеобразии льяловской керамики в каждом отдельном районе. Так, утолщенный и налепной венчик совершенно не характерен для запада, но типичен для рязанской культуры. В два-три раза чаще, чем на западе, и примерно во столько же раз реже, чем на востоке, встречаются на Святом озере перевитый шнур, наклонные ямки, лощение; значительно реже, чем на западе,— геометрические и гребенчато-ямочные композиции, парнозубчатый штамп. Хотя редко, но появляется имитация волосовского рамчатого штампа сдвоенными отпечатками простого гребенчатого штампа. Развитие льяловской керамики на таком материале проследить невозможно. Допустимо предположить только, что к наиболее поздним относятся сосуды с намечающейся шейкой. Среди них больше всего крупных фрагментов, их орнаментация наиболее разнообразна, чаще встречается примесь дресвы.

Помимо льяловской встречены и другие типы керамики. Около 20 мелких фрагментов с примесью песка в тесте, с гладкой поверхностью орнаментировано гребенчатым штапом, наколами, имитацией шнура (рис. 2, *23*). Часть фрагментов без орнамента. Она датируется эпохой раннего неолита, и с ней обычно связана мезолитоидная индустрия [8].

Керамика с ромбической и гребенчатой ямкой белевского типа представлена всего шестью фрагментами (рис. 2, *17*). Волосовская также немногочисленна — 18 мелких фрагментов. Тонкостенная керамика с гребенчатым орнаментом в елочку (10 фрагментов, рис. 2, *20*) и с оттисками перевитого шнура, установленного углом,— «лапчатая» керамика (3 фрагмента) принадлежит к более позднему времени. Она преобладает на стоянке Святое озеро IV.

Сетчатой керамики найдено 13 фрагментов от 5 сосудов. Черепки плотные, звонкие, с обильной примесью песка. Под обрезом венчика идет ряд мелких наколов, а по верху наискось поставлен гребенчатый штамп (рис. 2, *22*).

Из кремневого инвентаря до нас дошли почти исключительно орудия. В соборах Н. Н. Акимова тоже почти каждый отщеп носит следы использования. Кремня в Мещере мало, и использовался он на большинстве памятников с предельной полнотой. Кремневое сырье — пестрый моренный, лиловый, желтый и плиточный черный кремень.

Значительную серию составляют ножевидные пластины и орудия из них (54 экз.). Преобладают мелкие тонкие правильные сечения пластин, ретушь встречается редко. Это в основном вкладыши. Среди орудий — 4 острия из массивных пластин, 4 концевых скребка, 1 миниатюрный резец с тонким сколом, 1 маленькая проколка (рис. 3, *1—7*). Найдено 7 призматических нуклеусов. Насколько можно судить по шифрам, пластины происходят в основном из нижних горизонтов равно с обеих стоянок.

Остальные кремневые орудия делались из отщепов или желваков. Для стрел и дротиков использовались массивные отщепы и естественные осколки, но ретушь с самого начала клалась ровная, отжимная — такая же, как употреблялась при отделке (рис. 3, *14*). Грубой оббивки, характерной для западных льяловских стоянок, почти не встречается. Заготовок всего 11 экземпляров и 6 обломков. Копья немногочисленны: листовидное копье с суженным острием, что характерно для волосовской техники, черешковое копье с длинным треугольным пером и узкое длинное копье с широким прямоугольным черешком, плавно переходящим в перо (длина 19 *см*) — всего 3 копья и 4 обломка их (рис. 3, *8—10*).

Стрел и дротиков 35 экз. Среди них 3 мелких листовидных длиной 2,2 *см* (рис. 3, *15, 16*), 2 крупных длиной 5 *см* (рис. 3, *12*), один дротик,

---

[8] *Д. А. Крайнов, Н. А. Хотинский, Ю. Н. Урбан, Е. М. Молодцова.* Новая неолитическая культура в Верхнем Поволжье. Вестн. АН СССР, 1973, 5. Однако еще в 1930 г. Б. С. Жуков выделял этот тип керамики в дольяловский пласт — стадию Языково I.

сработанный как сверло обоими концами (рис. 3, *11*). Треугольно-черешковые приближаются к ромбическим. Насад их обычно тоже треугольный и отделен от пера небольшими плечиками, из них 5 длинных (6—8 *см*), тонких, тщательно отретушированных (рис. 3, *25—26*), и 8 коротких (около 3,5 *см*), массивных, иногда с неполной ретушью (встречаются с узким черешком) (рис. 3, *20, 21, 27*). Два из них служили сверлами. Листовидно-черешковые стрелы (9 экз) отличаются от предыдущего типа округлыми очертаниями пера и выделением черешка плавными выемками. Они тоже довольно массивны и грубы. Длина их около 4 *см*, но среди них одна миниатюрная стрелка длиной 2 *см*. Один наконечник с треугольным пером и длинным плоским черешком, видимо, сделан из копья (рис. 3, *19*).

Сверла, помимо стрел, использованных с этой целью, представлены тремя типами: стержневидные (3 экз.) — трехгранные, с резцовыми сколами (рис. 3, *31*), сверла с массивным телом (рис. 3, *22, 23, 30*) — из заготовок стрел, крупных отщепов, оформлены крутой ретушью, иногда с резцовыми сколами (12 экз.), мелкие сверла из отщепов с намечающимся листовидным телом, коротким жальцем без резцовых сколов (6 экз.) (рис. 3, *24, 29*).

Единственная проколка — длинное тонкое острие с тщательной односторонней ретушью (рис. 4, *34*).

Резцы обычных для волго-окского неолита типов — мелкие, очень грубые, делались из отщепов, остатков нуклеусов и обломков орудий. Из них 9 срединных — с расходящимися под острым углом резцовыми сколами, 2 из них служили, кроме того, сверлами (рис. 3, *32*), 5 боковых — с ретушированной поперечной площадкой (рис. 3, *35*), 36 клиновидных или угловых — с короткими, не более 1 *см*, резцовыми сколами под углом 90° друг к другу или к плоскости излома (рис. 3, *36—39*), 10 нуклевидных, которые могут быть предельно сработанными нуклеусами (рис. 3, *33, 34*).

Ножи можно разделить на следующие шесть типов: 1) серповидный нож с двусторонней тонкой ретушью из черного кремня, длиной 6 *см* — 1 экз. (рис. 4, *1*); 2) ножи из мелких чешуек и отщепов с очень пологой ретушью, с несколькими разнонаправленными округленными лезвиями, длиной 1,6—2,5 *см* — 26 экз. (рис. 4, *2, 3, 12*); 3) ножи из тонких пластинчатых отщепов с прямым, слегка вогнутым или выпуклым лезвием, односторонне ретушированным, длина 3,5—7 *см* — 43 экз. (рис. 4, *6—8*); 4) ножи из относительно массивных отщепов с изогнутыми лезвиями, иногда с участками двусторонней подправки или затупленными, как скребки, размеры варьируют широко — 3—10 *см* — 17 экз. (рис. 4, *9, 11*); 5) ложкари — тонкие и узкие ножи с округлым скребковым концом, ретушь тщательная, пологая, длина 4—5,5 *см* — 12 экз. (рис. 5, *5, 35*); 6) струги близки к ложкарям, но по массивности смыкаются со скребками. Оформлены длинной пологой ретушью, облегающей почти всю спинку. Судя по следам сработанности, они могли служить стамесками, строгальными ножами, скребками. Размеры от 1,8××0,8 до 6,5×2,7 *см*, средняя длина 3,5 *см*. Хорошо заметны следы рукоятки, куда заполированность не распространяется. Всего 16 экз. (рис. 4, *10, 13*).

Скребки (60 экз. целых и 10 обломков) делятся на следующие типы:

1. Мелкие укороченные длинной 1,3—2,5 *см*, ширина лезвия 2,2—3 *см*, делались из неправильных коротких отщепов, иногда имеют несколько лезвий. Форма разнообразная, чаще всего близка к трапеции, 2 экз. круглой формы. Ретушь ровная, ступеньки заломов очень редки — 25 экз. (рис. 4, *18, 19, 22, 23, 37*).

2. Короткие подпрямоугольные (один круглый) из более правильных трапециевидных отщепов размером 3—4×3—4 *см*. Иногда ретушью уплощено брюшко с боков для защемления в рукояти. Ретушь ровная, пологая, 3 экз. довольно массивны, всего 13 экз. (рис. 4, *20, 21*).

3. Трапециевидные или концевые из тонких правильных отщепов, с подретушированными боками, один массивный с полностью ретушированной спинкой — 8 экз. (рис. 4, *16, 17, 24*).

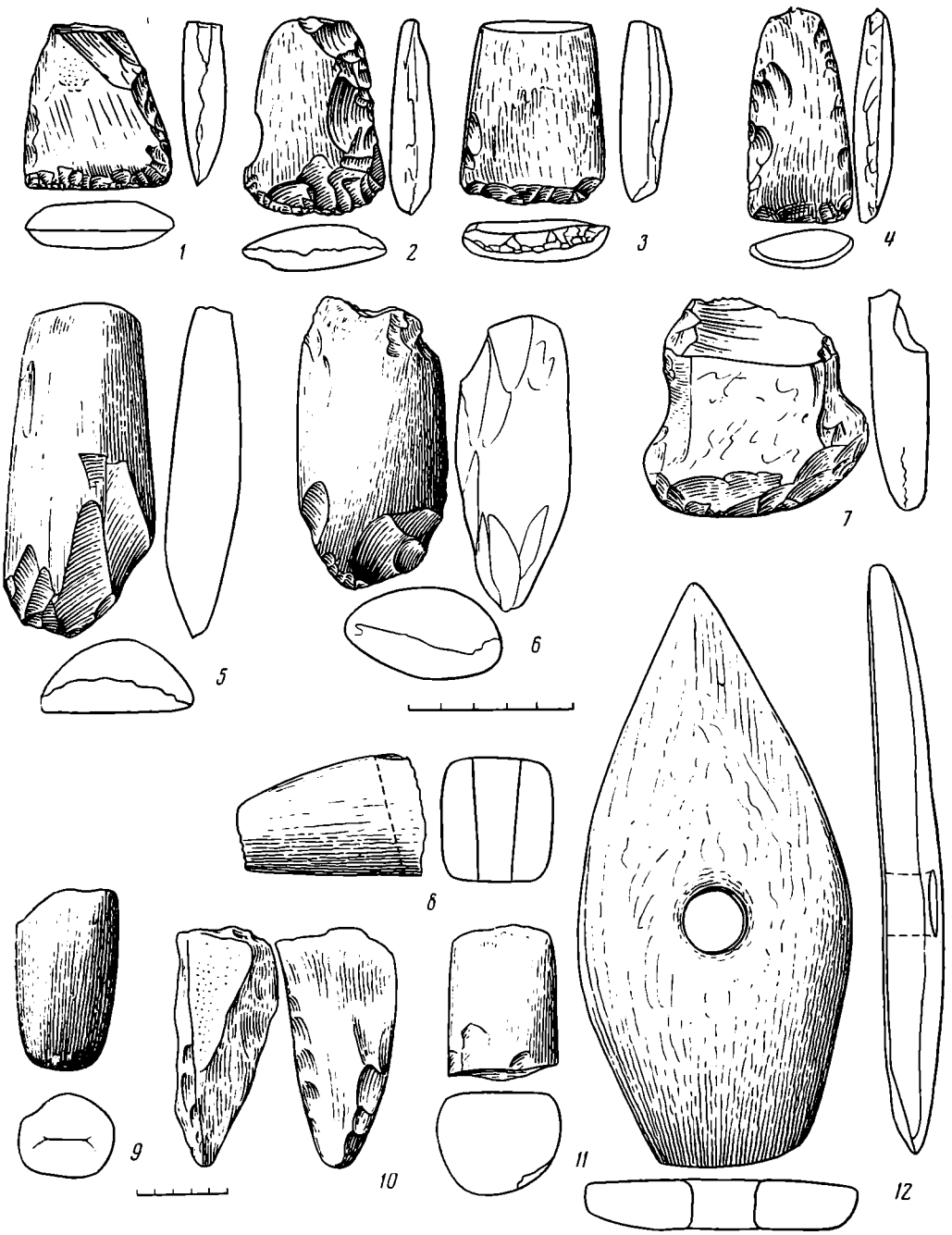


Рис. 5. Шлифованные орудия: топоры (*1, 2*), тесла (*3—6*), мотыги (*7, 12*), обломок сверленого топора (*8*), клинья (*9, 10*), валик шлифованный (*11*), Святое озеро I (*1, 4—11*), Святое озеро II (?) (*2, 3*)

4. Узконосые или клювовидные скребки, тщательно оформленные сплошной ретушью, служили для выскабливания узких пазов — 2 экз. (рис. 4, *14*, *15*).

5. Скребло аморфное из заготовки, сильно сработанно, 3×5×1,5 *см* — 1 экз.

6. Аморфные — 23 экз. Это небольшие (2—3,5 *см*) осколки, отщепы, сильно сработанные, видимо, при скоблении кости, ретушью не подправлялись. Такая же сработанность есть на 10 резцах и 2 скобелях.

Шлифованные орудия достаточно выразительны. Тесел 11 экз. Разделяются на желобчатые, довольно тонкие, с линзовидным сечением (в основ-

ном из белого волосовского кремня) и горбатые массивные с плоским откосом лезвия и плоским брюшком — 3 из опоки и 1 кремневое линзовидного сечения (рис. 5, *3—6*).

Топорики кремневые длиной 5—6 *см*, хорошо отшлифованы, но по мере изнашивания подправлялись ретушью, один в сечении линзовидный, другой имеет плоские грани (рис. 5, *1, 2*).

В коллекции две массивные четырехгранные заготовки топоров из низкосортного кремня и две сланцевые, еще не шлифованные. Интересна серия клиньев из кварцита (5 экз.) и сланца (2 экз.). Оформлены оббивкой на четыре грани, легким пикетажем и один — шлифовкой поверх пикетажа. Рабочие концы смяты, только у шлифованного он вполне острый (рис. 5, *9, 10*).

Не вполне ясно назначение массивных шлифованных валиков из диорита и кремня, имеющих одну плоскую продольную грань. Толщина их от 2,5 до 5 *см*. Они напоминают куранты и дьяковские утюжки (рис. 5, *11*).

Мотыги определяются по характерной сработанности лезвия. Три простейшие клиновидные мотыги из кварцита и сланца имеют перехват в средней части, образованный крупными выбоинами, а в одном случае подправленными шлифовкой. Четвертая мотыга плоская, сверленая, типа кирки. Один конец ее острый, другой с широким лезвием. Заполированность идет от него по краям в основном со стороны выпуклой спинки (рис. 5, *7, 12*). Близкие мотыги известны на стоянках Федоровская, Выселки[9], Заречье[10], Маслово болото VII и Луково озеро[11]. Всюду они встречены с льяловским комплексом.

Оригинален очень крупный сверленый топор из диорита, прямоугольный в сечении, сужающийся к лезвию. Высота у сверлины 6,5 *см*, у лезвия 4 *см*, толщина 5,7 *см*. Сверлина односторонняя, коническая, изготовлен топор техникой пикетажа и шлифовкой, лезвие смято (рис. 5, *8*).

Осколками кварцита усеяна вся отмель, много их и на стоянке Святое озеро II, использовались они, видимо, не только для изготовления плит, но и для обкладки очагов. Шлифовальные плиты представлены осколками, в основном использовался розовый кварцитовый песчаник, но есть и слюдистый сланец, и белый кварцит. Два осколка плиты использовались в качестве подпятников, о чем говорят высверлины на них.

Костяные орудия немногочисленны и сохранились только на острове. Это проколка с плавно сужающимся острием, незаконченная и сломанная стрелы, птичьи кости с заполированной поверхностью и проточенными желобками — такие следы могут появиться только от разминания на них сухожильных нитей. По аналогии с разбильниками для разминания сыромятных ремней мы считаем их разбильниками, хотя многие относят такие изделия к орнаментированным игольникам. Наиболее интересен однозубый гарпун длиной 11 *см* с перехватом для привязывания линя (рис. 4, *29—33*).

Украшения — обычная волосовская сланцевая подвеска целая и обломок незаконченной, небольшой клык кабана с отверстиями для привязывания, полученными поперечными надрезами, и маленькая кремневая фигурка человека, выполненная односторонней ретушью (рис. 4, *26—28*).

Особо надо отметить половинку глиняной литейной формы (?) для миниатюрного кельта (3,7×2,3 *см*) с двумя продольными канавками и валиками по узким сторонам вокруг устья (рис. 4, *25*). Глина слабо обожжена, пориста от органической примеси. Края формы неровные, округлые и не могли плотно стыковаться со второй половиной.

Стоянки Святого озера не могут быть отнесены к узкому хронологическому этапу, как это делает В. М. Раушенбах. Они возникли в середине

---

[9] *В. В. Федоров, В. П. Третьяков.* Стоянка Выселки, СА, 1966, 4.

[10] *Е. И. Диков.* Отчет о разведках и раскопках за 1969 г. Архив ИА АН СССР, Р — 1, д. 3919.

[11] *В. В. Сидоров.* Отчет о полевой работе археологического отряда Московского областного краеведческого музея в Ногинском районе. Архив ИА АН СССР, Р-I, 4888.

IV тысячелетия до н. э., о чем говорит присутствие керамики типа Языково I, микролитической индустрии, и существовали, возможно, на протяжении всего III тысячелетия (не обязательно непрерывно).

Не ясен характер поздних материалов. Поздней керамики немного, гибридных форм нет, но среди остальных вещевых находок количество поздних элементов очень значительно. Здесь и такие специфически волосовские вещи, как кремневая фигурка, сланцевые подвески, и такие, как сверленый топор и литейная форма, характерные только для эпохи поздней бронзы (комплекс сетчатой керамики).

V. V. Sidorov

UNE STATION SUR LE LAC SVIATOÏ PRES DE LA VILLE DE CHATOURA

Résumé

Les collections provenant de deux stations néolothiques situées sur une île et sur la rive du lac Sviatoï, dans la dépression de Metcherski, étudiées dans les années vingt par B. A. Kouftine, se trouvaient mélangées. Des études plus récentes, faites par l'auteur, ont montré la grande analogie de ces stations. Nous nous trouvons en présence de deux établissements de longue durée appartenant à la culture de Liakovo, et qui faisaient partie de la même communauté. Ces établissements ont existé tout au long du IVe et du IIIe millénaires av. n. ère. Dans l'ornementation et la forme des ustensiles, le mobilier présente plusieurs traits des premiers monuments de Riazan. La technique lithique reflète la longue durée de ces stations — du néolothique supérieur au néolithique évolué. Les matériaux des autres époques ne constituent qu'un apport insignifiant.

А. Л. НИКИТИН

МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ПОЛЬЦО

Название этого памятника известно давно, однако до сих пор в специальной литературе не было даже краткого описания его материала [1], и опубликован лишь один черепок, ни в коей мере не характеризующий само поселение [2]. Цель настоящей статьи — восполнить этот пробел и до выхода подробной публикации познакомить археологов с основными группами вещей и составом коллекций, происходящих с Польца и хранящихся в нескольких музеях [3].

Польцо открыто в 1924 г. основателем Переславль-Залесского историко-краеведческого музея М. И. Смирновым [4]. Оно явилось первым неолитическим памятником в Переславском районе Ярославской области, вслед за которым в течение нескольких лет было обнаружено до десятка других [5].

Работы М. И. Смирнова на Польце ограничились в основном сборами подъемного материала и шурфовкой [6]. Первое научное обследование памятника вскоре после его открытия произвел А. А. Спицын [7], установивший многослойность поселения. К сожалению, результаты наблюдений крупнейшего археолога того времени опубликованы не были, и отчет о его поездке в Переславль-Залесский, по-видимому, не сохранился. Только в 1939 г., когда через поселение была проложена узкоколейная железная дорога, небольшие раскопки на Польце провели К. И. Иванов и С. Н. Рейпольский под руководством П. Н. Третьякова. Судя по краткому отчету руководителя раскопок, на памятнике вскрыто 28 $м^2$ прибрежной части левого берега; углом раскопа взрезано овальное в плане, слегка углубленное в землю жилище и собрана большая коллекция, состоящая из керамики, каменных и костяных орудий, отщепов и т. п.[8] К сожалению, никакой иной документации о раскопках не сохранилось, а несколько ящиков материалов, находившихся в Переславль-Залесском историко-краеведческом музее еще в 1957 г., представляли груду беспаспортных вещей.

---

[1] За исключением беллетризованного описания в книге А. Никитина «Голубые дороги веков». М., 1968; см. также *И. Поступальская.* На Переславском озере. М., 1941.

[2] *О. Н. Бадер.* Балановский могильник. М., 1963; *А. Л. Никитин.* Дикариха. Труды Горьковской археологической экспедиции, МИА, 110, 1962, стр. 223 сл.

[3] Ярославский областной историко-краеведческий музей, Переславль-Залесский историко-краеведческий музей. ГЭ, ГИМ.

[4] Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1925, № 99; *М. И. Смирнов.* По забытым путям Залесья. Доклады Переславль-Залесского научно-просветительского общества, вып. 15. Переславль-Залесский, 1926, стр. 48.

[5] Сейчас известно около 40 памятников.

[6] Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1925, № 146.

[7] *М. Пришвин.* Родники Берендея. М.— Л., 1926, стр. 95—100; *А. И. Иванов.* Краткий обзор археологических исследований во Владимирской губернии за последнее десятилетие. Материалы к доистории Центрально-Промышленной области. Под ред. Б. С. Жукова и О. Н. Бадера. М., 1927, стр. 60.

[8] Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1937, № 26.

Новое изучение памятника началось в 1957 г. автором настоящей статьи, когда возникла опасность полного уничтожения культурного слоя и застройки территории поселения станционными зданиями узкоколейной железной дороги. Первые большие сборы были проведены в том же году во время археологической разведки от Владимирского отряда Среднерусской археологической экспедиции ИИМК АН СССР [9]. Затем в 1958 [10] и в 1961 гг. [11] на Польце состоялись охранные раскопки, позволившие изучить стратиграфию, культурные комплексы левобережной части памятника и составить документированную коллекцию предметов, отражающих историю этого края с эпохи неолита по ранний железный век [12].

Однако прежде чем рассматривать собственно археологический материал раскопок, следует в общих чертах показать особенности геоморфологического строения этих мест и топографию самого объекта исследования.

История формирования Нерльской низменности, вершиной которой является Плещеевская озерная котловина, рассматривалась несколькими исследователями с различных точек зрения [13]. Наиболее обстоятельно палеогеография этого региона в голоцене разобрана Н. А. Хотинским [14], следовавшим в объяснении особенностей геологического строения гидросистемы Плещеево-Сомино за М. И. Нейштадтом [15] и А. А. Борзовым [16]. Отсылая интересующихся деталями к работам указанных исследователей, здесь я лишь суммирую их выводы и результаты своих наблюдений, что terminus post quem образования дюн на отмелях и береговых валах древнего водоема приходится на рубеж бореал-атлантикума, ранее которого эти образования находились под водой [17].

Польцо расположено на обоих берегах р. Вексы, на остатках именно такого развеянного и денудированного берегового вала, указывающего первоначальный исток Вексы из Плещеева озера [18]. В настоящее время берег озера находится примерно в 1 *км* от этого места вверх по реке. Узкая и неглубокая долина Вексы объясняется ее сравнительной молодостью, а сильное меандрирование — зависимостью потока от общего уровня системы озер Плещеево — Сомино. Последнее чрезвычайно важно, так как, рассматривая строение берегов этой микродолины на территории Польца, находившегося некогда у истоков реки на берегу озера, мы находим в пределах почти 4-метрового (3,78 *м*) разреза берега четко выраженную заболоченную пойму и столь же четкое двухтеррасное членение (рис. 1), наилучшим образом выраженное на левобережной части памятника. Доказательством неслучай-

---

[9] *А. Л. Никитин.* Отчет о разведке 1957 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, 1637.

[10] *А. Л. Никитин.* Отчет об археологических работах на неолитическом поселении Польцо в 1958 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, 1772.

[11] *А. Л. Никитин.* Отчет об охранных раскопках 1961 г. на неолитическом поселении Польцо в Переславском районе Ярославской области. Архив ИА АН СССР, Р-1, 2335.

[12] Коллекция из раскопок 1958 г. хранится в Переславль-Залесском историко-краеведческом музее, из раскопок 1961 г.— в ГИМе.

[13] *М. Грум-Гржимайло.* Попытка применения девисовского учения об истории земной поверхности к исследованию окрестностей Переславского (Плещеева) озера. Доклады Переславль-Залесского научно-просветительского общества, вып. 14. Кострома, 1926.

[14] *Н. А. Хотинский.* Палеогеография верхнего плейстоцена и голоцена восточной окраины Верхне-Волжской низменности. Автореф. канд. дис., М., 1964; *его же.* Озеро Сомино (Ярославская область). В сб. «Палеогеография и хронология верхнего плейстоцена и голоцена по данным радиоуглеродного метода». М., 1965, стр. 91—96.

[15] *М. И. Нейштадт.* Некоторые черты из послеледниковой истории Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии. Труды Переславль-Залесского музея, вып. 8. Переславль-Залесский, 1928; *его же.* История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957, стр. 48.

[16] *А. А. Борзов.* Геоморфологические наблюдения в сопредельных частях Московской, Владимирской и Тверской губерниях. Труды Геологического комитета, «Землеведение». т. 25, вып. 3—4. М., 1922.

[17] *Н. А. Хотинский.* Палеогеография верхнего плейстоцена. М., 1964.

[18] Более подробные сведения, план поселения и схема расположения раскопов находятся в отчетах автора за 1958 и 1961 гг. (Архив ИА АН СССР).

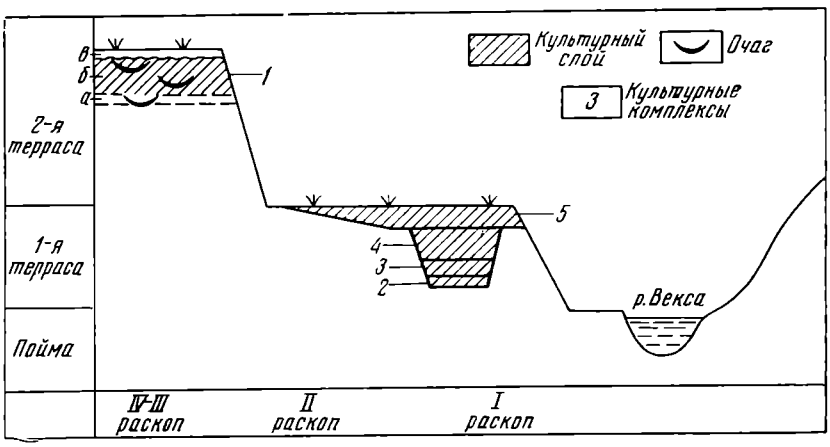


Рис. 1. Строение левобережной части долины р. Вексы на поселении Польцо и залегание историко-культурных комплексов. *а* — погребенная почва 2-й террасы; *б* — эоловые пески с культурными остатками; *в* — современная почва; *1* — «ямочно-гребенчатый неолит I»; *2* — «волосово-I»; *3* — комплекс «берендеево-I»; *4* — «ямочно-гребенчатый неолит II»; *5* — культурный слой эпохи бронзы

ности такого явления служит идентичность указанных террас соответствующим высотным отметкам на протяжении всей Вексы до оз. Сомино и соответствие таким же уровням северо-западного побережья Плещеева озера.

Эти террасы, на которых залегают слои разновременных комплексов,— следы колебаний уровня водоема на протяжении последних восьми тысячелетий голоцена и связаны как с общеклиматическими изменениями, так и с локальными колебаниями уровня грунтовых вод.

В настоящее время правобережная часть Польца занята постройками и огородами окраины пос. Купанское, а левобережная часть, за исключением 1-й террасы, нарушенной строительными канавами и площадями раскопов,— разъездными путями и станционными сооружениями.

Раскопки 1958 г., вызванные началом строительных работ, охватили участок около 260 $м^2$, расположенный на 2-й террасе левого берега и обозначенный в отчете 1958 г. как VI раскоп [19]. Раскопки 1961 г., вскрывшие около 1000 $м^2$, изменили первоначальные обозначения сетки координат, и раскопанный в 1958 г. участок на 2-й террасе стал частью III раскопа 1961 г.[20] Результаты раскопок обоих сезонов на 2-й террасе рассматриваются суммарно, тем более что именно в этой части памятника залегает не нарушенный позднейшими перекопами слой с однородным культурным комплексом классического типа («ямочно-гребенчатый неолит I»).

В этой части поселения культурные остатки занимают верхние горизонты развеянной дюны берегового вала. Они образуют слой до 0,6—0,65 *м* мощностью, перекрытый тонким слоем современной почвы (подзол) и лежащий на полуразрушенном слое древней погребной почвы кустарниково-лугового типа. Это желтый, слегка оранжевый песок с большим количеством пылевидных частиц, с линзами угля и пепла, хозяйственными ямами, расположенными вблизи очагов, большим количеством однородной керамики, кремневых отщепов, каменных орудий, с развалами отдельных сосудов близ очагов. На многочисленных разрезах, изученных во время раскопок, можно было видеть отчетливое членение этого слоя на три горизонта, отмеченных линзами очагов [21].

[19] *А. Л. Никитин.* Ук. отчет за 1958 г.

[20] *А. Л. Никитин.* Ук. отчет за 1961 г.

[21] Там же. Планы раскопов и профили стенок. В дальнейшем ссылки на документальные профили и чертежи, приложенные к отчетам о раскопках 1958 и 1961 гг., специально не оговариваются. Общая взаимосвязь элементов рельефа и культурных комплексов на поселении Польцо показана на схеме рис. 1 данной статьи.

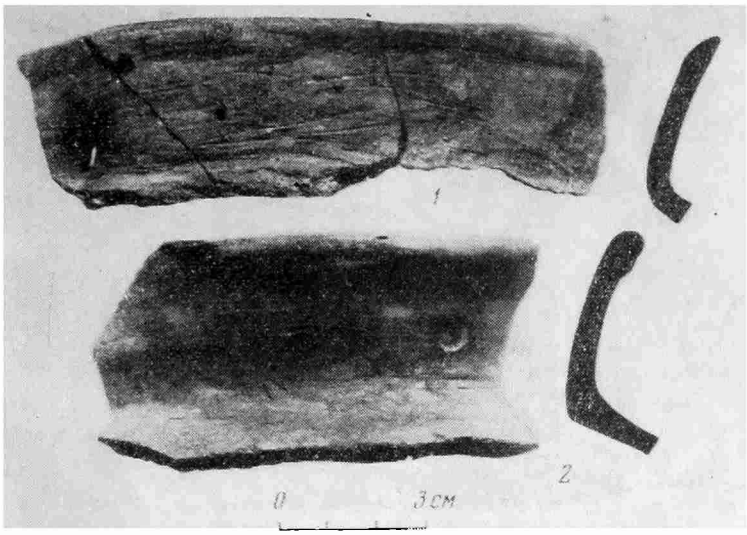


Рис. 2. Польцо, раскоп III. Фрагменты сосудов фатьяновского типа из 5-го горизонта кв. 29/И

Наиболее древние очаги, сравнительно малочисленные, начинаются в слое погребенной почвы и уходят вниз, в стерильный песок материка. Важно отметить, что именно в одном из них, проступившем только в конце 4-го горизонта на кв. 29/И, на дне очага в золистой линзе вместе с мелкими и случайными кусочками ямочно-гребенчатого сосуда лежали обломки венчиков без орнамента (рис. 2), принадлежавших двум схожим сосудам «фатьяновского» типа [22]. Черепок обоих фрагментов очень плотный, тяжелый, обожжен до звонкости; в глине заметна примесь крупного песка и отдельные зерна мелкой дресвы (?). По-видимому, сосуды были залощены, хотя на поверхности фрагментов можно видеть штрихи. Толщина стенок от 0,3 до 0,5 *см*. Высота венчика в первом случае 2,6 *см*, во втором — 3,2 *см*. На обоих фрагментах имеются сверлины, сделанные, как можно думать, для скрепления трещин. Цвет темно-бежевый, слегка розоватый. На черепках видны следы вторичного прокаливания, что подтверждает их попадание на дно очага во время его функционирования.

Аналоги сосудам подобного типа были найдены в Протасовском [23], Истринском [24], Верейском [25] и ряде других фатьяновских могильников Московской группы, относимых большинством исследователей к раннему этапу фатьяновской культуры [26] Однако эта находка в очаге, перекрытом ненарушенными слоями раннего ямочно-гребенчатого неолита, приводит к мысли об их еще большей древности.

Значительно большее количество очагов принадлежит следующему периоду жизни на поселении. Их верхний уровень, расположенный между современной и погребенной почвой, отмечает временную стабилизацию поверхности дюны. Наконец, третий, верхний горизонт очагов начинается непосредственно под современной почвой [27].

Такое членение слоя с культурными остатками на три горизонта может быть объяснено двумя кратковременными перерывами в жизни на

---

[22] Там же.
[23] *Д. А. Крайнов.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. САИ, В1-19, М., 1963.
[24] Там же.
[25] Там же.
[26] Там же, стр. 5.
[27] См. профили стенок раскопа III (*А. Л. Никитин.* Ук. отчет за 1961 г.).

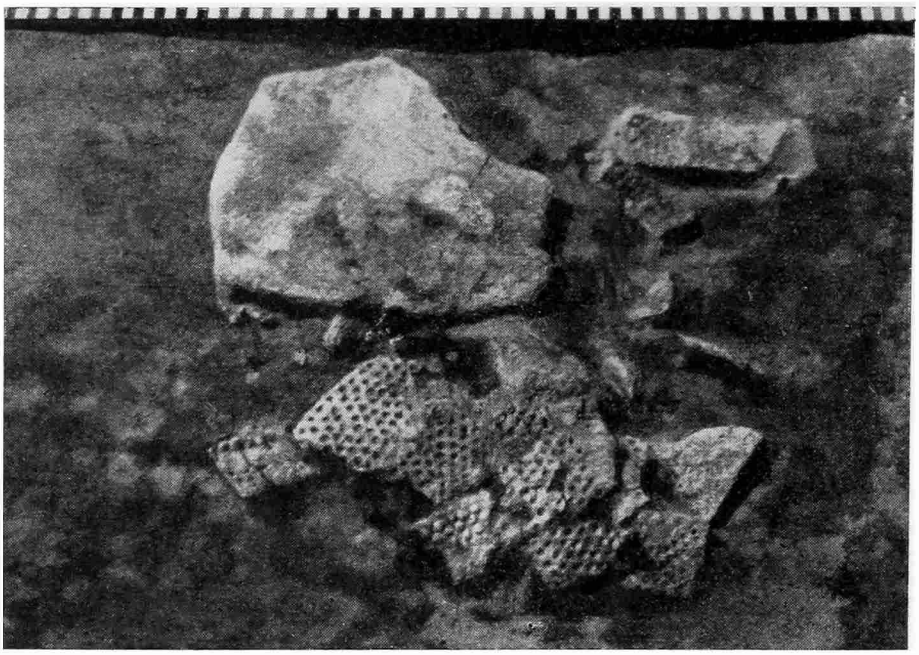


Рис. 3. Польцо, раскоп III. Зернотерка и разбитый сосуд возле очага на кв. 30/Н-О

поселении, впрочем весьма незначительными, поскольку вещевой материал из нижних и верхних горизонтов раскопа совершенно однороден.

Последнюю точку зрения подтверждают и наблюдения над расположением очагов. Это полусферические, достигающие 0,7—1,0 *м* в диаметре неглубокие ямы, вырытые в песке и не укрепленные камнями. Нижнюю часть их занимает слой угля и золы. Какую-либо систему, позволяющую очертить контуры жилищ, в расположении очагов выявить не удалось. Однако в некоторых случаях отчетливо прослеживались своеобразные «микрокомплексы», состоявшие из очага, расположенной рядом ямы с остатками крупного сосуда, и каменной плиты из серого мелкозернистого гранита с концентрическими следами от трения на верхней плоскости (рис. 3). Наиболее интересен оказался такой комплекс на кв. 30/Н-О, позволяющий судить об относительной продолжительности обитания в последний период жизни на поселении. Здесь в одной яме были открыты остатки четырех сосудов (в других случаях отмечались два-три), последовательно сменявших друг друга. Они хорошо определялись по донцам, которые не выбрасывались, подобно черепкам от верхней части сосуда, а служили основой для последующего. Точно так же под целой каменной плитой, лежавшей рядом с разбитыми сосудами, оказалось две разбитых ранее.

Эти обстоятельства — нахождение плиты рядом с очагом и сосудом, концентрические следы от трения, равно как и обязательная замена расколовшейся, хотя и не сработанной плиты, новой,— на мой взгляд, позволяют рассматривать указанные плиты не как «шлифовальные» (разбитая шлифовальная плита столь же пригодна для работы, как и целая), а как зернотерки (для зернотерки или ручной мельницы требуется крупная и обязательно целая плита), образующие вместе с очагом и сосудом единый хозяйственный комплекс. Такое предположение подтверждается и материалом указанных плит, так как для шлифовальных плит употреблялся исключительно мелкозернистый песчаник розового, серого или красноватого оттенка и никогда гранит.

Изучение очагов раскопа III привело еще к одному любопытному заключению. С юго-восточной стороны некоторых очажных ям находился

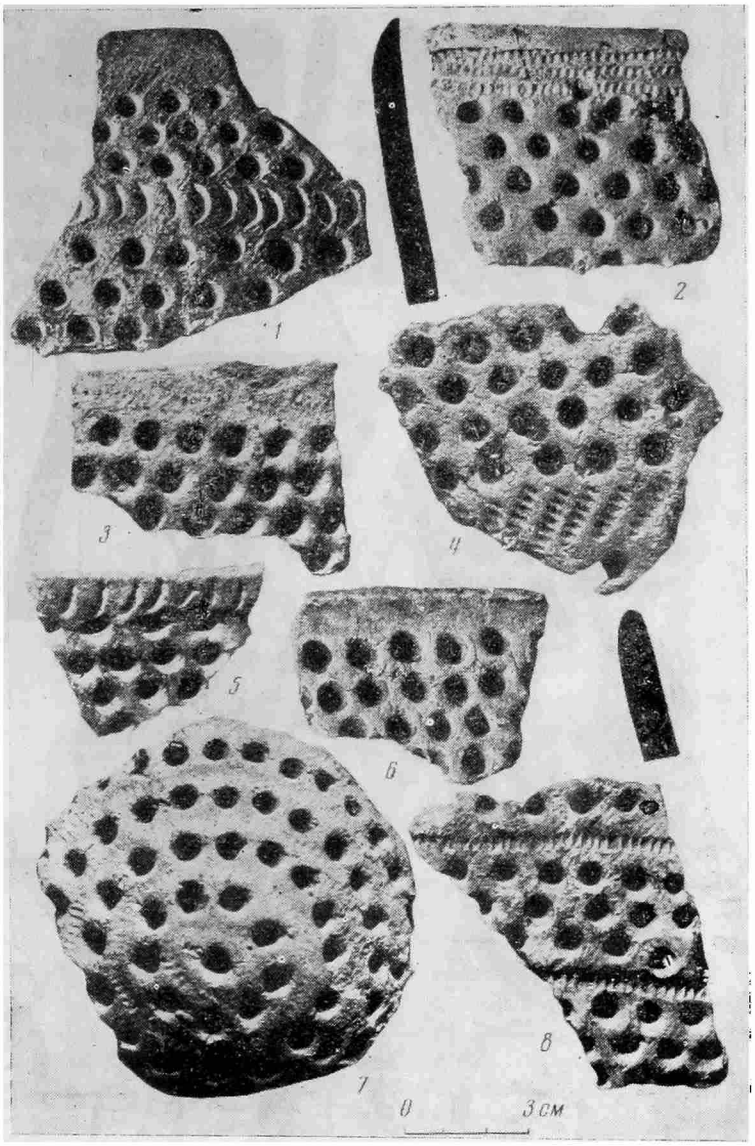


Рис. 4. Польцо, раскоп III. Керамика. Комплекс «ямочно-гребенчатый неолит I»

отчетливый «серп» золы и мелких угольков, обращенный своими «рогами» на северо-запад. Эта естественная «роза ветров» древней Переславщины совпадает с господствующим направлением современных воздушных потоков, а также свидетельствует, что очаги находились внутри жилищ и могли подвергаться действию ветра лишь по оставлению их хозяевами [28].

Как упоминалось выше, предметы, происходящие из раскопок на 2-й террасе (III раскоп), образуют единый комплекс [29], в котором практически не имеется инородных включений, если не считать фрагментов раннефатьяновских сосудов в очаге на кв. 29/И, а также нескольких черепков от сосудов «балановского» типа, найденных в 1-м горизонте и не связанных с культурным слоем. К ним я вернусь позже.

Комплекс раскопа III представляет собой довольно раннюю фацию «классического» ямочно-гребенчатого неолита («ямочно-гребенчатый нео-

[28] В противном случае не могло пропзойтп направленной концентрации золы.

[29] Последующее описание базируется на материалах Переславль-Залесского музея (раскопки 1958 г.) как наиболее хорошо изученной коллекции, и лишь в отдельных случаях привлекаются материалы из раскопок 1961 г.

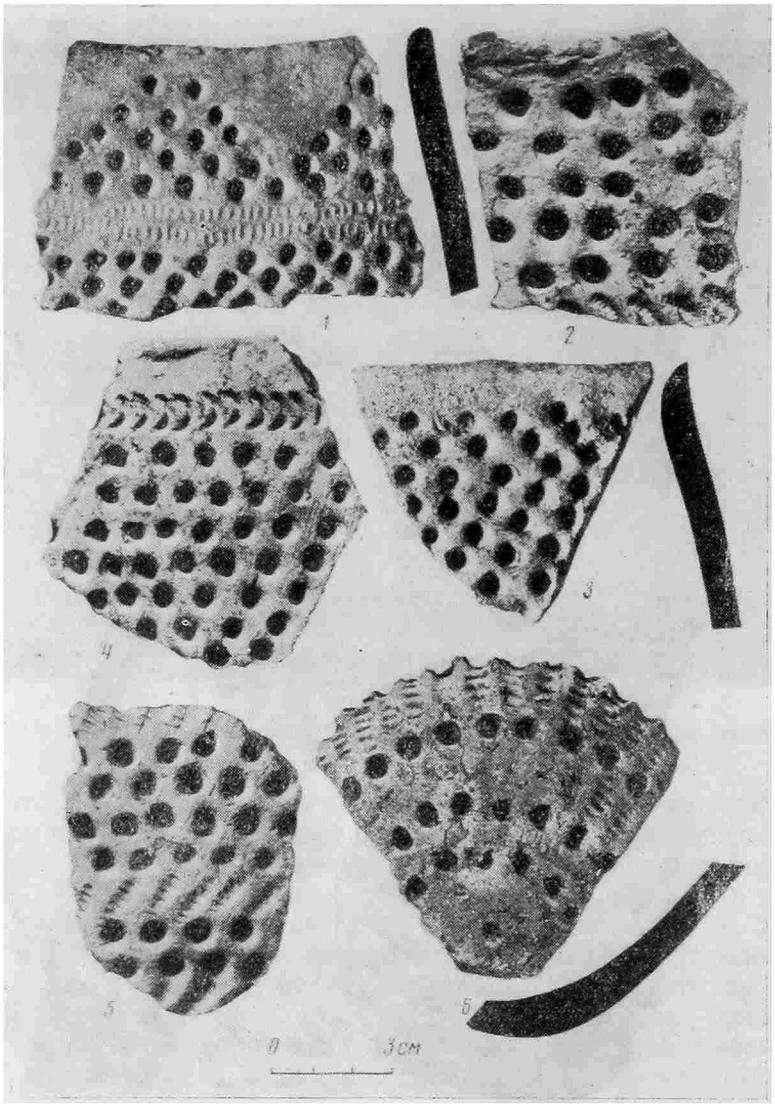


Рис. 5. Польцо, раскоп III. Керамика. Комплекс «ямочно-гребенчатый неолит I»

лит I»), типичного для ранненеолитических памятников лесной полосы Европейской части СССР, в особенности на территории Волго-Окского междуречья (рис. 4—7). Определяющей категорией в этом комплексе является керамика (рис. 4, 5) — фрагменты крупных сосудов с округлым или коническим дном, чашевидной или полуяйцевидной формы. У них широко открытая верхняя часть, образованная вертикальными или же несколько наклонными наружу стенками с прямым срезом венчика. Диаметр сосудов колеблется от 0,2 до 0,5 *м*; отношение диаметра к высоте равно 1 : 1—1,5.

Сосуды сравнительно толстостенны: толщина стенок варьирует от 7 до 15 *мм*, достигая максимума обычно возле дна. Это объясняется технологией изготовления. Сосуды «свиты» из широких глиняных лент, косо наложенных друг на друга по спирали, отчего излом черепка или следует этой спайке, открывая ее целиком, или демонстрирует ее как бы в разрезе. Глиняное тесто хорошо промешено и промято; в глину обязательно добавлялась дресва, иногда крупный песок. Иных примесей нет. Дресва и песок исключают трещины и усадку, а в сочетании с хорошим высокотемпературным обжи-

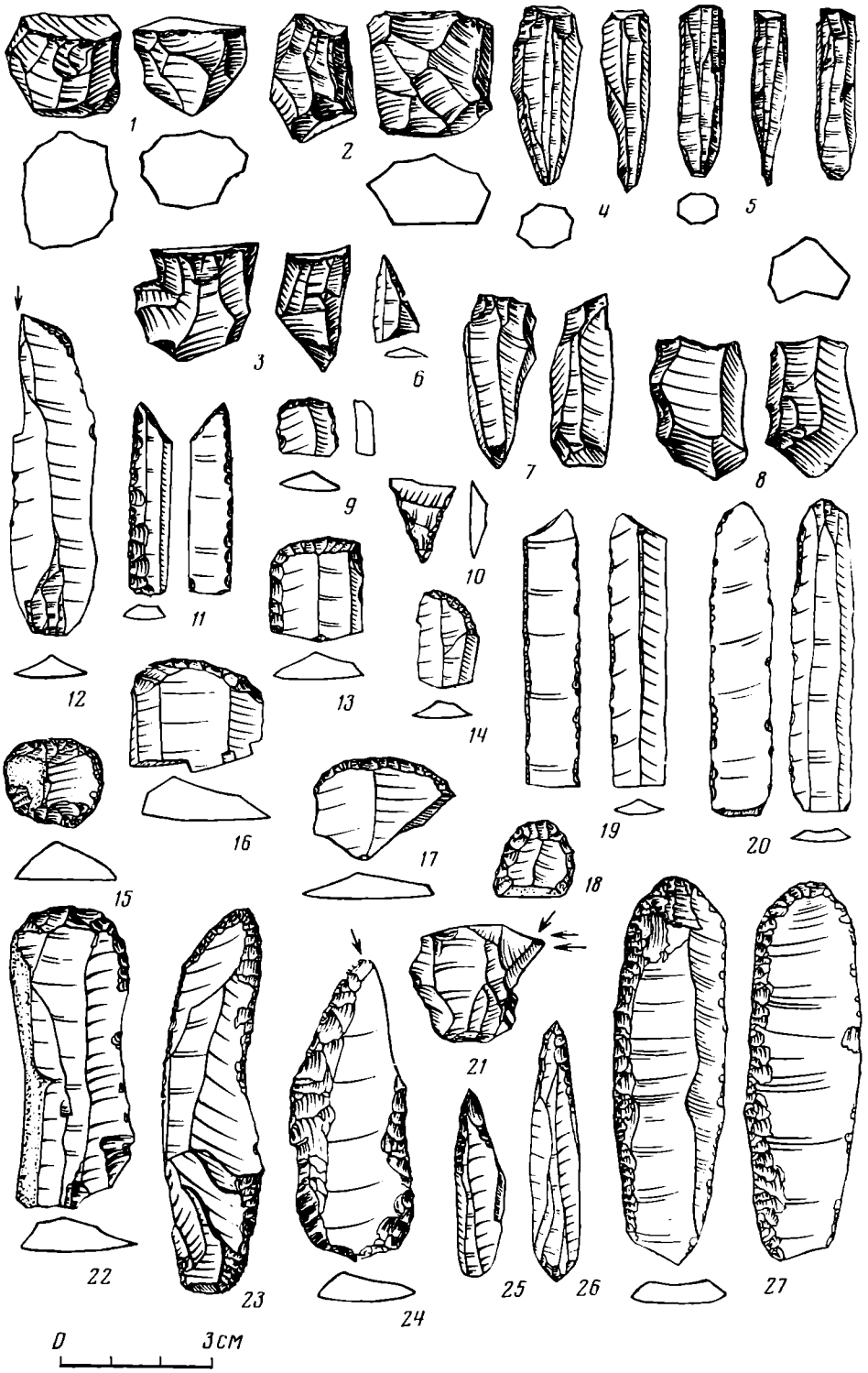


Рис. 6. Польцо, раскоп III. Кремневые орудия (*2, 5*—1-й горизонт; *6, 9—13, 15—20, 22—23*—2-й горизонт; *1, 7, 14, 21, 24—27*—3-й горизонт; *4, 3, 8* —4-й горизонт)

гом дают прочный звонкий черепок желтовато-красного цвета, местами доходящий до синевы.

Однако главным характеризующим признаком для этой керамики является орнамент и та система, в которой он неизменно выполнен. Составляющие элементы орнамента скромны и немногочисленны. В первую оче-

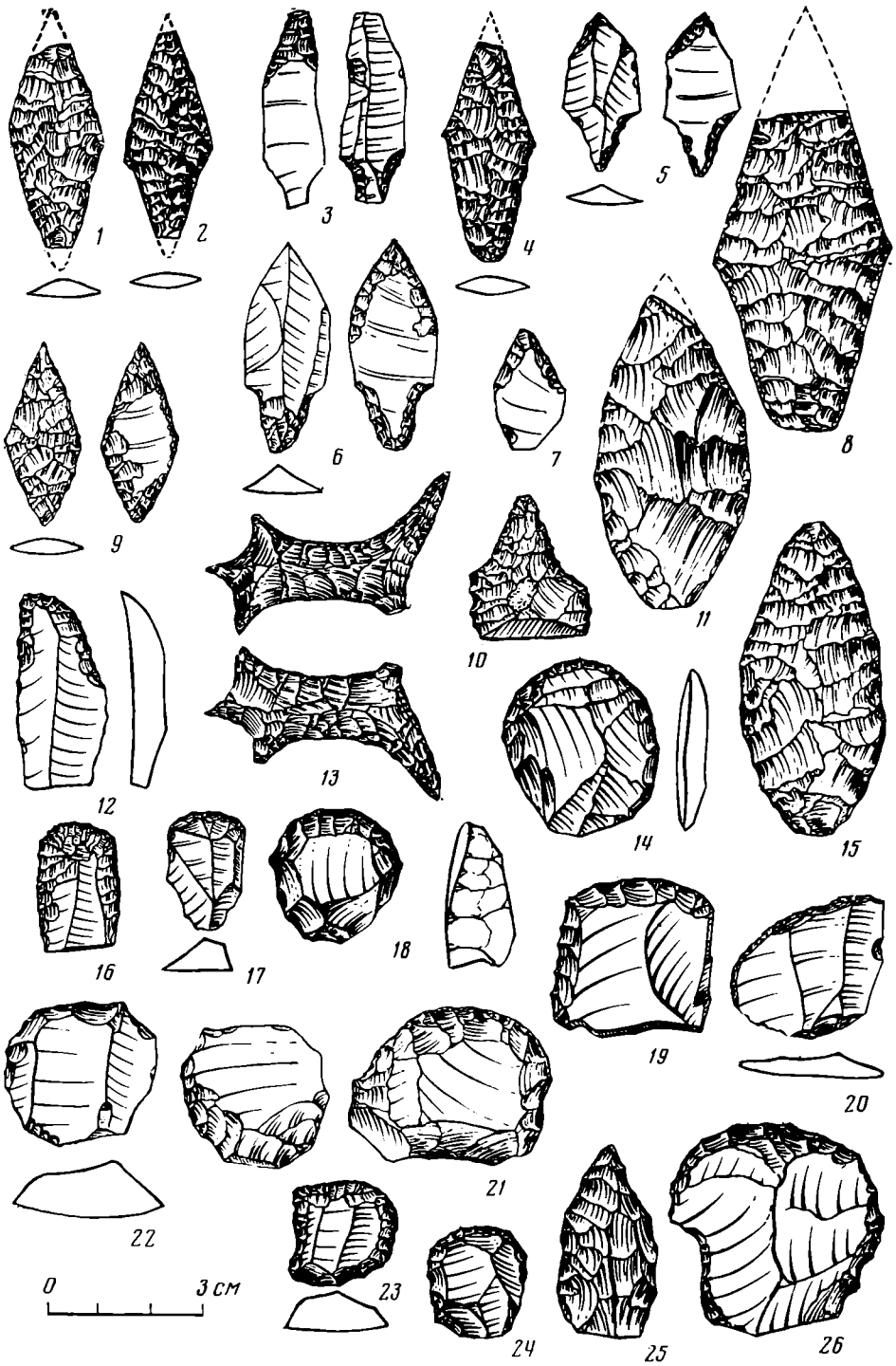


Рис. 7. Польцо, раскоп III. Кремневые орудия (*1—3, 5, 7, 13*—1-й горизонт; *8, 11, 14—20, 23, 24*—2-й горизонт; *6, 9, 10, 12, 21—22, 25, 26*—3-й горизонт; *4*—4-й горизонт)

редь это круглая крупная коническая ямка, нанесенная перед обжигом тупым стилевидным пунсоном (рис. 4, 5). Ямки заполняют почти всю поверхность сосуда, и до сих пор с достоверностью не доказано, что употребление их вызвано лишь эстетическим чувством человека и законами родовой орнаментики, а не потребностью уплотнения стенок. Вторым, не менее важным, хотя значительно меньше употребляемым элементом орнамента являются оттиски зубчатого штампа (рис. 4, *2*, *4*, *7—8*; рис. 5, *1*,

5—6). Все прочие, встречающиеся как дополнение к уже названным — кружки, «ногтевые» вдавления, серповидно-зубчатые отпечатки (рис. 4, *1, 5;* рис. 5, *2, 4*), оттиски «перевитой веревочки», отпечатки ископаемых раковин,— лишь заменяют эти два основных.

Насколько определенны указанные элементы, создающие все кажущееся многообразие узоров на керамике из раскопа III, настолько же определенна та схема, которой подчинены все их сочетания. Система орнамента сосудов классической ямочно-гребенчатой керамики построена на двух принципах — строгой зональности по вертикали и сплошного заполнения поля зон. Как правило, разнообразие узоров сводится лишь к различным чередованиям широких и узких поясов ямочного орнамента (рис. 4, *1, 4, 8*; рис. 5, *4, 5*), где ямки расположены в шахматном порядке, а сами пояса разделены то горизонтальными линиями оттисков зубчатого штампа или его заменителей (рис. 4, *7—8;* рис. 5, *4, 6*), то зонами таких же косых отпечатков (рис. 4, *4;* рис. 5, *2, 5*). Единственным отклонением от этого неукоснительно соблюдавшегося правила могут служить фрагменты верхней части некоторых сосудов, где возникает простейший геометрический узор из таких же ямок (рис. 5, *1*).

Для выделения и идентификации этого историко-культурного комплекса, прослеженного в раскопе III, не менее важны и каменные орудия (рис. 6, 7). Как ни странно, каменные (кремневые) орудия неолита лесной полосы Восточной Европы изучены гораздо хуже, чем сопровождающая их керамика. Возможно, это происходит оттого, что при раскопках слоев поселений, где смешаны воедино разновременные и разнокультурные комплексы, археолог легче ориентируется среди массы разнородных черепков, чем среди такой же массы, но зато очень схожих орудий. Вот почему ниже, при описании кремневых орудий (в основном по материалам из раскопок 1958 г. [30]), я постараюсь указать наиболее характерные формы всех важнейших категорий, чтобы облегчить задачу последующих исследователей.

Три категории предметов составляют почти 75% всех орудий, найденных в раскопе 1958 г.: скребки, нуклеусы и ножевидные пластины, к которым примыкают ножи и вкладыши. Следом за ними по количеству идут наконечники стрел и дротиков, скобели и зернотерки («шлифовальные плиты»). Все остальное не превышает 19%.

Обитатели 2-й террасы Польца использовали, как правило, пластичный светло-желтый или медово-желтый, а также лиловатый кремень коренных месторождений. Об этом свидетельствуют как сами орудия, иногда сохранившие остатки меловой или известняковой корочки, так и прекрасные ножевидные пластины, достигающие в отдельных случаях полутора десятков сантиметров при идеально правильной форме. Однако в раскопах не было найдено ни одного крупного нуклеуса, который соответствовал бы подобным пластинам. Происхождение первых двух типов кремня наиболее вероятно можно связывать с известняками среднего и нижнего течения Оки, а лиловый и серо-зеленый кремень — с Верхней Волгой. Пестрый валунный кремень с раковистым изломом использовался гораздо реже.

Во всех горизонтах раскопа встречены два основных типа нуклеусов — пирамидальный (рис. 6, *1—3*) и цилиндро-призматический (рис. 6, *7, 8*). Как правило, все нуклеусы небольших размеров и сильно сработаны. Два «карандашевидных» нуклеуса, выпадающих из этого ряда, найдены не в нижнем, а в верхних горизонтах раскопа 1958 г. (рис. 6, *4, 5*).

Общую массу ножевидных пластин, значительную по количеству, можно разделить в свою очередь на несколько категорий: собственно пластины без обработки, пластины с ретушью по краю — ножи (рис. 6, *19, 20, 27*) и пластинки-вкладыши. Если для второй категории использовались пла-

[30] Эта коллекция орудий изучена наиболее полно.

стины широкие и не всегда правильной формы, обработанные широкой приостряющей ретушью по краю (рис. 6, *22, 27*), то для вкладышей отбирались, как правило, идеально прямые пластинки различной величины. Среди них можно видеть пластинки со скошенным краем (рис. 6, *11*), треугольники (рис. 6, *6*) и даже тщательно обработанный наконечник стрелы с поперечным лезвием (рис. 6, *10*).

Ножевидные пластины вообще чрезвычайно широко использовались в это время обитателями Польца как основа для разнообразнейших орудий. Кроме ножей и вкладышей из них выделывались резчики (рис. 6, *23*), угловые (рис. 6, *12*) и боковые (рис. 6, *24*) резцы, проколки и провертки (рис. 6, *25, 26*), наконечники стрел, изредка — концевые скребки (рис. 6, *13, 16, 17*), в том числе и миниатюрные (рис. 6, *9, 14*) [31].

Изучение наконечников стрел и дротиков из раскопа 1958 г. позволяет составить интересную картину. Если для наконечников дротиков в основном характерна листовидная форма (рис. 7, *11, 15*) [32], то наконечники стрел представлены четкими типами, один из которых может быть назван плоскоромбическим, иногда с намеченными боковыми шипами (рис. 7, *1, 2, 4, 9*), а второй — черешковым, сделанным на широкой ножевидной пластине с четко оформленным черешком и лишь частичной обработкой пера и жала ретушью (рис. 7, *5, 6*). Наконечников второго типа всего несколько экземпляров и они представляются чужеродными в общем комплексе раскопа III поселения Польцо. Наиболее вероятно их сопоставить с упоминавшейся выше находкой в очаге на кв. 29/И обломков фатьяновских сосудов (рис. 2) или же с найденными в 1-м горизонте фрагментами «балановских» сосудов (рис. 8, *3, 6, 9*). Наконечники стрел из небольших ножевидных пластинок с частичной подработкой насада и жала (рис. 7, *3, 7*) повторяют формы основного комплекса и не могут рассматриваться как переходный тип.

Самой обширной категорией находок на Польце, как и на прочих неолитических памятниках, являются скребки, к которым примыкают скобели и скребла. Скребки из раскопа III, как правило, сделаны на толстых овальных отщепах или на расколотых округлых нуклеусах. По форме и обработке рабочего края крутой тщательной ретушью, на которую часто накладывается последующая подправка, скребки могут быть разделены на несколько условных типов, представленных в равной пропорции: 1) круглые и овальные, массивные, с полной обработкой края (рис. 7, *14, 18*); 2) вытянутые, с выпуклым рабочим краем (рис. 7, *16, 17, 19, 24*); 3) боковые, со скошенным краем (рис. 7, *12, 20—23*). Различие между скребками верхних и нижних горизонтов состоит лишь в степени их сработанности. В то время как у нижних рабочий край затуплен иногда до степени полировки, у верхних ребра ретуши свежи и остры.

Остальные категории орудий представлены незначительным числом предметов, на основании которых трудно выделить ведущие типы. Крупные рубящие орудия и их обломки позволяют реконструировать небольшие симметричные вкладышевые топоры из сланца различных видов, асимметричные в профиле долота и тесла с неглубоким желобком в отличие от поздних. Можно указать только на два крупных (рис. 9, *12, 13*) и один маленький (рис. 9, *3*) зубчатых штампа для керамики, сделанные из сланца, и на любопытную кремневую фигурку, по-видимому, изображающую какое-то животное (рис. 7, *13*; рис. 9, *1*). И штампы, и фигурка были найдены в 1-м горизонте раскопа III.

---

[31] Я не считаю возможным выделить «микролитический комплекс» — вкладыши, наконечники с поперечным лезвием, концевые миниатюрные скребочки, наконечники стрел с частичной обработкой пера — в качестве «мезолитического», так как все эти предметы встречены главным образом в верхних горизонтах раскопа III и указывают только на значительную древность поселения.

[32] Лишь один из них ромбический, с овальным черешком, повторяющий форму наконечников стрел (рис. 7, *8*).

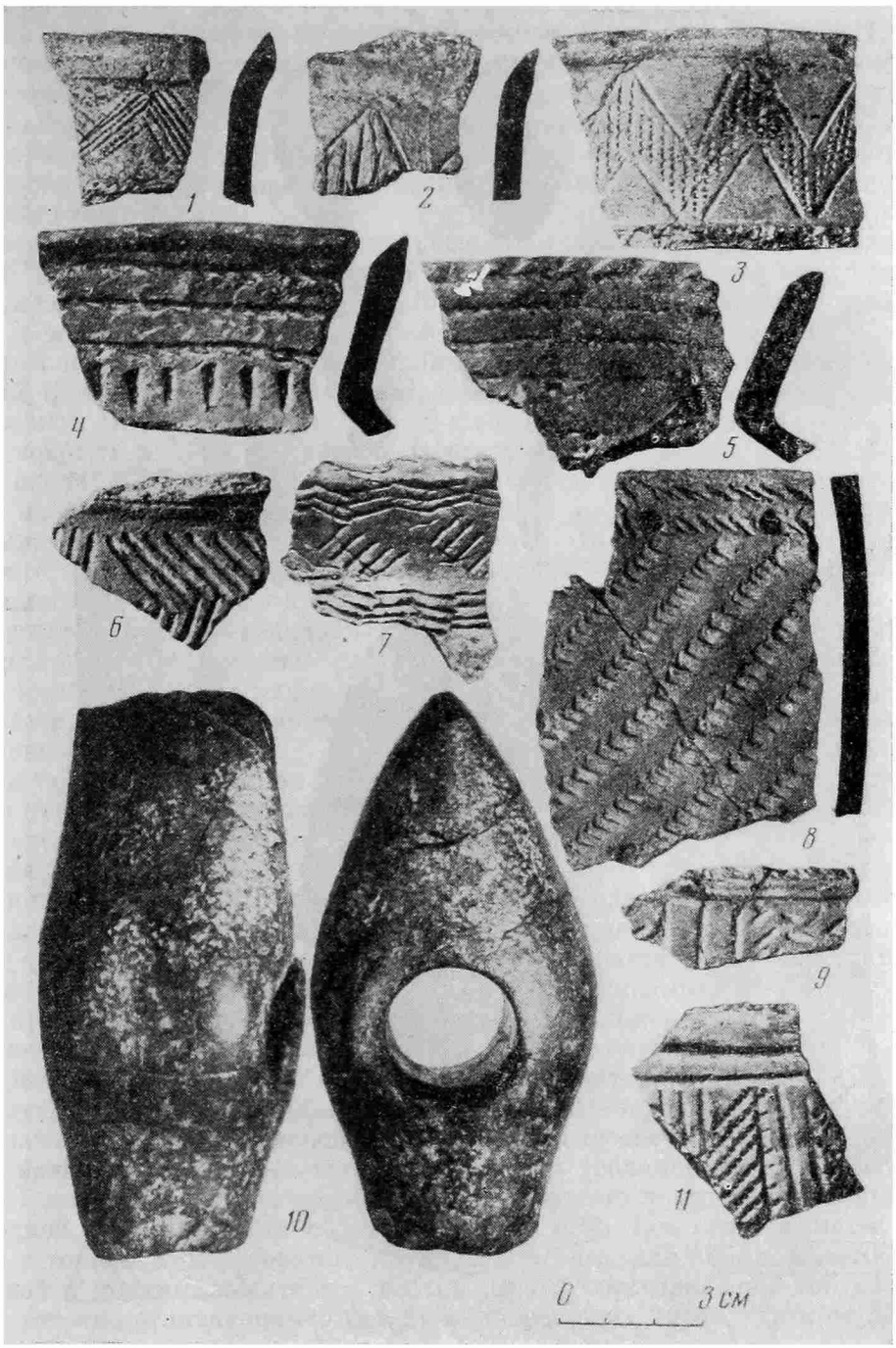


Рис. 8. Польцо. Керамика и орудия эпохи бронзы. *1, 2, 4, 5, 7, 8, 10, 11* — раскоп I; *3, 6, 9* — раскоп III

Любопытной и несколько неожиданной находкой, приуроченной к верхним горизонтам, явилась небольшая овальная сланцевая галька с продольно прорезанной бороздой и параллельными рядами мелких перпендикулярных насечек (рис. 9, *2*). Форма предмета и характер орнамента позволяют видеть в находке не очень умелую местную имитацию раковин каури, известных по находкам в погребениях эпохи бронзы лесостепной полосы Восточной Европы.

Такова общая, предельно краткая характеристика комплекса ямочно-гребенчатого неолита, слои которого были найдены на 2-й террасе левого

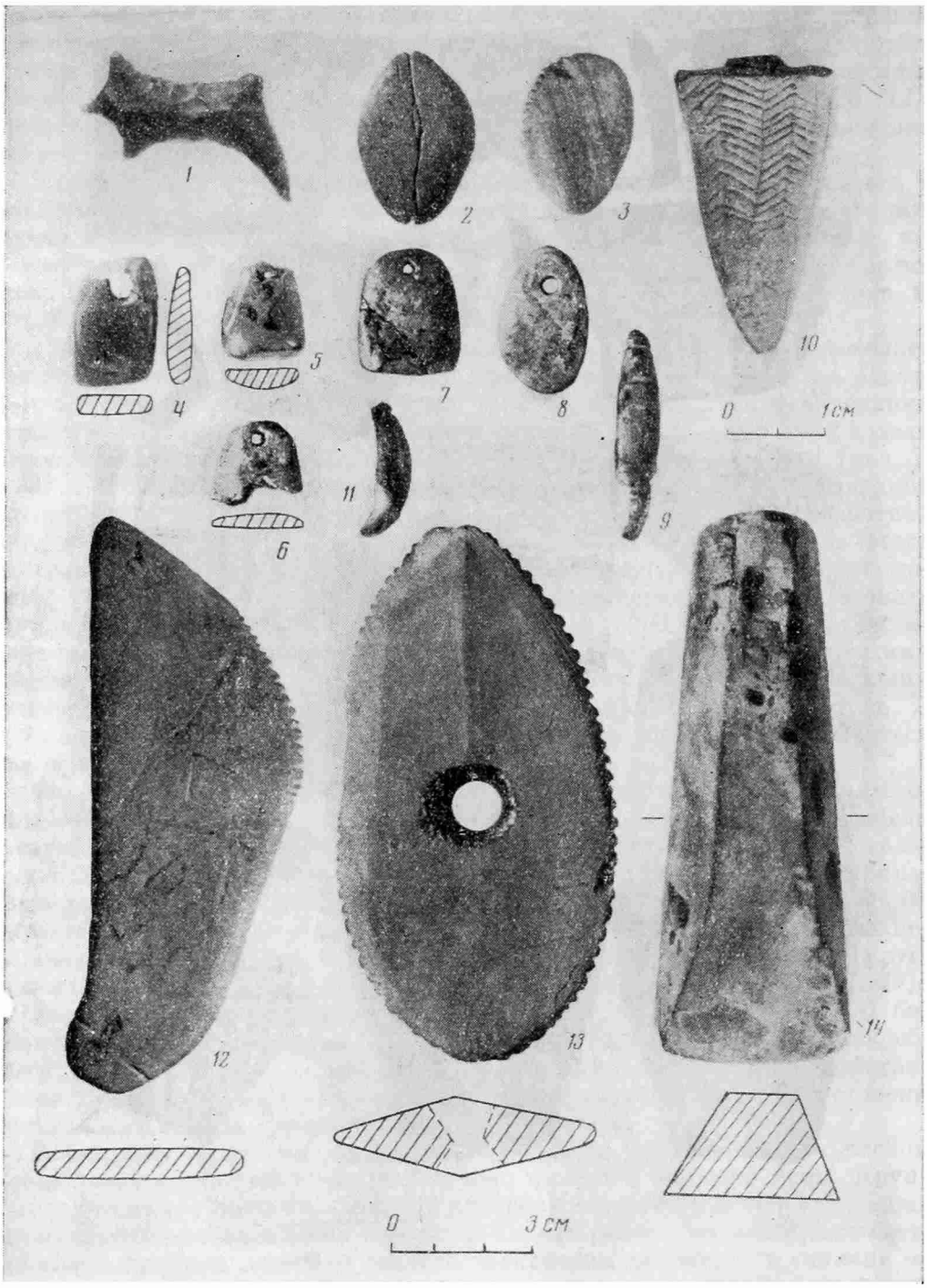


Рис. 9. Польцо. *1—3, 8, 12, 13* — раскоп III; *4—7, 9, 10, 14* — раскоп I (*1—3, 8, 10, 12—14* — камень; *4, 5* — янтарь; *6, 7, 9, 11* — кость)

берега Вексы. Судя по зачисткам и отдельным шурфам, на правом (высоком) берегу этот комплекс лежит в основании культурного слоя и перемешан с более поздними.

Совершенно отличная картина была обнаружена во время раскопок на 1-й террасе прибрежной части Польца в 1961 г. (I раскоп) [33]. В отличие от 2-й террасы здесь лежит собственно культурный слой, насыщенный гу-

[33] Культурный слой раскопа II оказался почти полностью разрушен дорогой.

мусом до черноты. Однако в отличие от раскопа III стратиграфия на территории раскопа I далеко не везде одинакова. Если для раскопа III, как мы видели, определяющими признаками горизонтов могут служить очаги в сочетании с остатками погребенной почвы, то здесь эту роль выполняет резкий, без каких-либо переходов контакт белого (озерного?) песка материка и черного, лежащего на нем культурного слоя. В последнем наряду с разнообразной керамикой эпохи бронзы преобладает керамика ложнотекстильного типа.

Насколько можно судить по раскопкам 1961 г. и разрезам канавы 1957 г.[34], этот идеальный контакт в трех или четырех местах нарушен обширными (площадью около 100—120 *м*²) овальными впадинами, углубленными в материк на 0,2—0,3 *м*. Ниже уровня указанного контакта такие впадины заполнены почти прессованным слоем костей, отщепов, каменных орудий, фрагментами сосудов и их развалами. Одну из этих впадин затронул раскоп П. Н. Третьякова в 1939 г., и она же в большей своей части была вскрыта в 1961 г. (раскоп I, квадраты 23—27/И-К и 23—25/Н-О, всего около 60 *м*²) [35]. Хотя указанная впадина исследована не по всей своей площади, из наблюдений и сравнения с другими аналогичными впадинами 1-й террасы создается впечатление, что перед нами остатки обширного, лишь слегка углубленного жилища, в значительной степени разрушенного позднейшими поселениями людей и весенними паводками.

Поскольку состав заполнения и чередования слоев во всех впадинах прибрежной части одинаков, равно как и перекрывающий их слой, именно здесь можно наиболее полно проследить стратиграфию отложений на 1-й террасе и последовательность смены культурных комплексов, схематически показанных на рис. 1.

Сейчас, после раскопок 1961 г., атрибуция указанных впадин (жилища) и определение их первых обитателей не вызывает особых сомнений, хотя последующая история представляется далеко не столь четко и наглядно, как для раскопа III.

Нижний, самый малочисленный комплекс находок, особенно бедный во вскрытой впадине, представлен размокшими, очень плохо сохранившимися фрагментами толстостенных сосудов с характерным непрочным пористым черепком. Именно структура черепка, указывающая на выгоревшие при обжиге органические примеси, округлый венчик, орнамент, представленный разнообразными оттисками крупного зубчатого штампа, среди которых можно встретить и «рамчатые» отпечатки, и характерную «шагающую гребенку», позволяют видеть в данных черепках ранний вариант так называемой «волосовской» керамики («волосово-I»). Это подтверждается наличием некоторых кремневых орудий (обломок листовидного кинжала), характерных для подобного керамического комплекса, а главное — находкой двух янтарных подвесок (рис. 9, *4*, *5*). Все эти предметы залегали в тонком слое сероватого крупнозернистого, как бы промытого песка с золой и мелкими остатками рыбьих костей, выстилающем дно впадины и достаточно отличающимся как от вышележащих слоев, так и от подстилающего песка материка.

Судя по условиям находки, этому же комплексу принадлежит треугольный обломок нижней части подвески (?) из доломита с процарапанным на ней, с одной стороны, горизонтальным зигзагом (рис. 9, *10*), а с другой — плохо сохранившимся вертикальным ромбическим орнаментом, аналоги которых можно видеть на некоторых костяных изделиях неолитических поселений Северо-Запада. В этом же слое было найдено и трапециевидное в сечении каменное тесло (рис. 9, *14*).

В довершение следует особенно оговорить, что керамика описанного типа не встречалась в лежащих выше слоях заполнения и, несмотря на свою

---

[34] *А. Л. Никитин.* Ук. отчет за 1957 г.

[35] *А. Л. Никитин.* Ук. отчет за 1961 г. Планы горизонтов раскопа I.

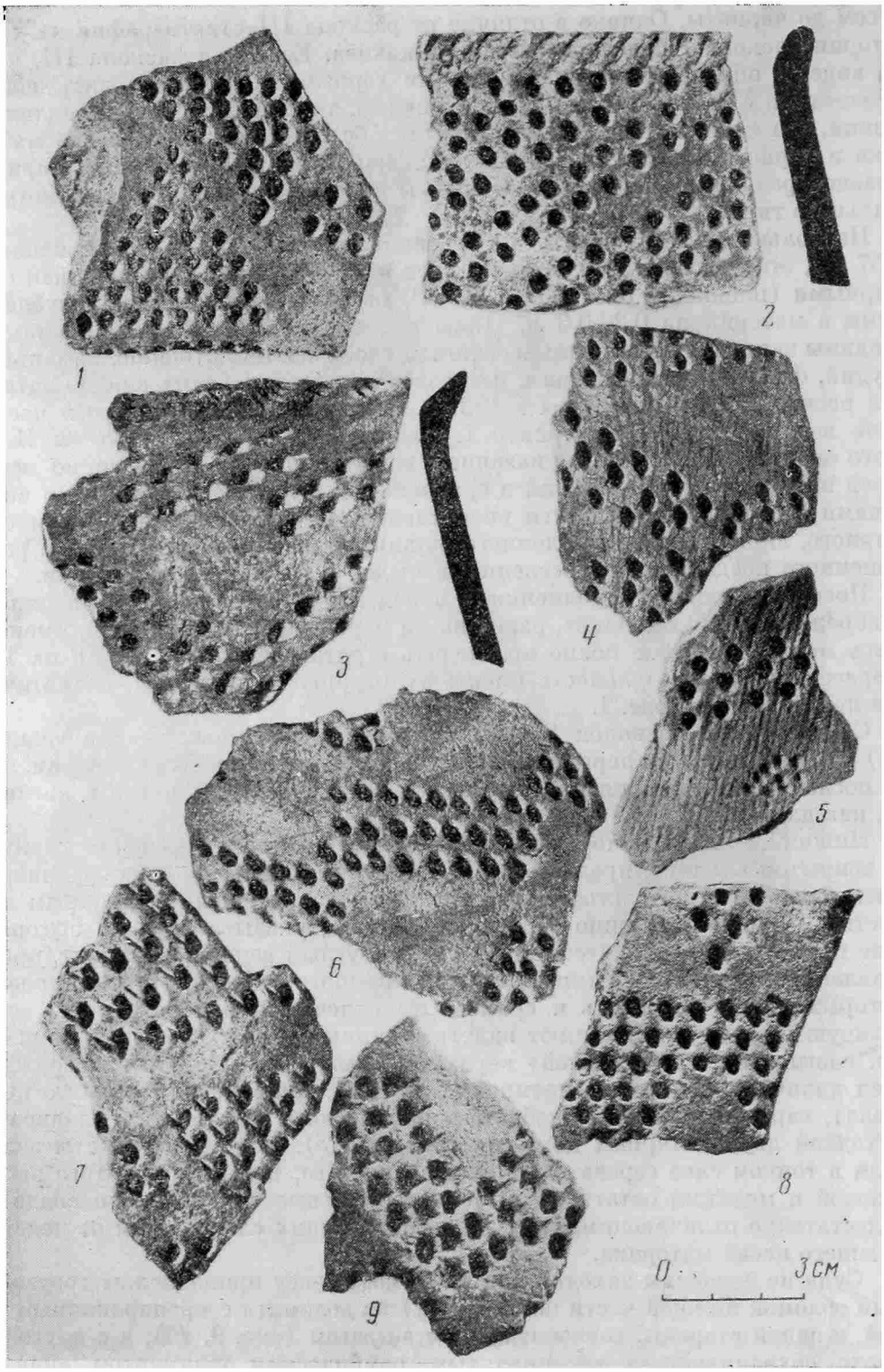


Рис. 10. Польцо, раскоп I. Керамика типа «берендеево-I»

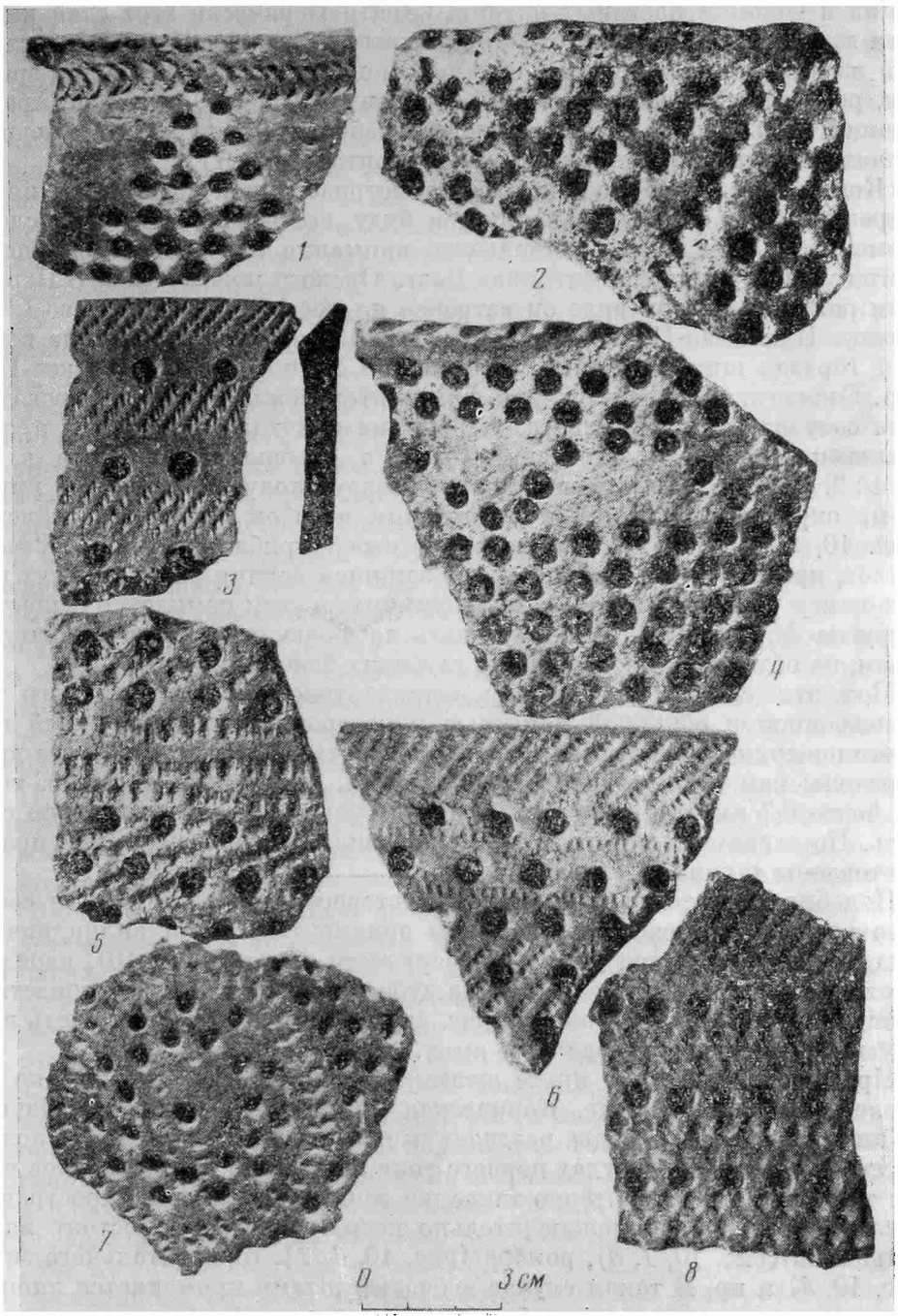


Рис. 11. Польцо, раскоп I. Керамика. Комплекс «ямочно-гребенчатый неолит II»

исключительно плохую сохранность, свидетельствует о залегании всего комплекса «волосово-I» in situ.

Основной слой, заполнивший впадину жилища, по своей структуре, цвету и выполнению достаточно четко отделяется как от этого нижнего, так и от вышележащих, обильно гумусированных слоев, не сохраняющих, как правило, органику в первозданном виде. Более темный, чем первый, и более светлый, чем последующие, этот слой состоит из массы черепков, между которыми можно видеть крупнозернистый речной песок, пронизанный коричневым тленом от органических остатков, множество мелких рыбьих костей и чешуи, обломки крупных костей животных, изделия из

камня и обломки костяных орудий. Стратиграфически этот слой неделим, хотя заключает в себе два резко отличных керамических комплекса. Первый из них, отличающийся геометрическим ямчато-накольчатым орнаментом, резко преобладает в нижних горизонтах (рис. 10); второй, представляющий дальнейшее развитие ямочно-гребенчатого неолита («ямочно-гребенчатый неолит II»),— в верхних горизонтах (рис. 11).

Комплекс ямчато-накольчатой геометризованной керамики, или тип «берендеево-I», как в дальнейшем я буду его обозначать, до последнего времени не привлекал специального внимания исследователей, хотя известен уже на многих памятниках Волго-Окского междуречья. В Переславском районе в чистом виде он встречен на поселении Берендеево-I [36] и на стоянке Плещеево-II [37], в то время как сама керамика этого типа встречается гораздо шире (стоянка Теремки [38], Сомино-II [39], Ивановское-III [40] и др.). Сейчас на основе изучения фрагментов можно реконструировать три типа сосудов этого комплекса. Первый из них характеризуется прямыми стенками и округло-коническим дном, а отношение диаметра к высоте 1 : 2. Второй тип условно можно назвать полузакрытым — с круглым дном, округлым туловом и небольшим изгибом сужающегося венчика (рис. 10, *2, 5*). Третий тип по форме своей приближается к «усеченной капле», причем слегка волнистый от защипов венчик резко отогнут на сужающемся горле (рис. 10, *3*). По-видимому, в этом комплексе существуют и другие формы. Так, можно указать на фрагменты стенок с фигурным краем, на обломки широких, но не глубоких блюд или чаш.

Все эти сосуды сделаны из «стандартизованного» глиняного теста, единственной и обильной примесью к которому служит крупный песок, отчего поверхность черепка всегда шероховатая и зернистая. Зерна дресвы встречены как исключение. Черепок серый, шершавый, плотный, тонкий (не более 0,7 *см*). Излом прямой, иногда удается заметить легкую слоистость. По следам на поверхности можно видеть, что сосуды, как правило, изготовлены техникой выколачивания.

Подобно технологическим приемам стереотипно и украшение сосудов этого комплекса. Основные элементы орнамента — узкая цилиндрическая ямка, поставленная под углом к поверхности сосуда (рис. 10), изредка — короткий отпечаток толстого валика зубчатого штампа (преимущественно на внутренней стороне венчика (рис. 10, *3*). Иногда можно увидеть неглубокую коническую или овальную ямку.

Применение того или иного штампа, как можно судить, связано с определенным типом сосуда. Коническая или овальная ямка, образующая двойные или тройные ряды, разделенные свободной от орнамента полосой, встречается лишь на сосудах первого типа и на блюдах. Для сосудов второго и третьего типа характерно такое же зональное членение пространства, но сам узор выполнен исключительно косым наколом и состоит из треугольников (рис. 10, *1, 8*), ромбов (рис. 10, *6, 7*), горизонтального зигзага (рис. 10, *3*) и пр. В таком случае зубчатый штамп применяется лишь для моделировки венчика, а неглубокая коническая ямка (редко) — для звездообразного украшения дна. Характерная черта этой орнаментальной схемы — наличие большого пространства, свободного от узора. Очень часто

[36] *А. Л. Никитин.* Отчет о работах Переславского неолитического отряда в Переславском районе Ярославской области в 1964 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, 4178; *А. Л. Никитин и Н. А. Хотинский.* Свайное поселение на болоте Берендеево Ярославской области. В сб. «Значение палинологического анализа для стратиграфии и палеофлористики». М., 1966, стр. 211—218.

[37] *А. Л. Никитин.* Ук. отчет за 1964 г. Следует отметить, что поселение Плещеево-II относится, по-видимому, к более позднему времени, чем Берендеево-I и соответствующий слой раскопа I Польца.

[38] Там же.

[39] *А. Л. Никитин.* Ук. отчет за 1957 г.

[40] *М. И. Нейштадт, Ф. С. Завельский, А. М. Микляев, Н. А. Хотинский.* Комплексы стоянок мезолита и неолита на болотах Берендеево и Ивановское в Ярославской области. В сб. «Голоцен». М., 1969.

это те же фигуры, в сочетании с описанными выше создающие как бы «шахматный» рисунок (рис. 10, *6, 8*); иногда — пояса, отделяющие орнаментальные зоны друг от друга.

Один из дополнительных вариантов, распространенный достаточно широко,— сочетание косого накола с отпечатком ногтя (рис. 10, *7, 9*).

Смешанное залегание этого комплекса с поздней фацией ямочно-гребенчатого неолита в раскопе I поселения Польцо заставляет отказаться пока от попытки выделения и описания его орудий, хотя именно здесь встречены формы скребков и наконечников стрел, аналогичные известным по коллекции из Берендеева-I и Теремков [41]. Главным выводом из наблюдений над находками этого слоя является то, что все без исключения орудия сделаны на отщепах, причем в массе своей употреблялся валунный кремень.

Отсутствие ножевидных пластин и полная замена их отщепами как основной категорией полуфабриката для орудий становится важным определяющим признаком, когда мы переходим к верхнему слою заполнения жилищных впадин, представленному опять комплексом ямочно-гребенчатой керамики («ямочно-гребенчатый неолит II»). Ямочно-гребенчатая керамика среднего слоя раскопа I только на первый взгляд представляется схожей с керамикой раскопа III, рассмотренной выше. Однако при детальном сравнении различия оказываются значительными.

Ямочно-гребенчатая керамика раскопа I представлена сосудами значительно меньших типов, чем аналогичная, но предшествующая ей по времени. Как правило, сосуды более круглодонны, полузакрытого типа. При сохранении старой технологии и рецептуры в орнаменте сосудов появляется большее разнообразие (рис. 11), возрастает роль зубчатого штампа (рис. 11, *3, 5—8*); появляются новые узоры, в которых можно заметить отражение орнамента инокультурных групп, с которыми уже успели познакомиться местные жители. Однако наиболее ощутимые изменения в позднем ямочно-гребенчатом комплексе раскопа I заметны по каменным орудиям. Вместе с исчезновением ножевидных пластин как основополагающей формы каменной индустрии в обиход входят орудия исключительно на отщепах, а также изготовленные из самых разнообразных горных пород (сланец, шифер, граниты, оливины, песчаники, доломиты), для которых применяется сверление, пиление, оббивка и полировка.

К этим же слоям принадлежат обломки костяных орудий (гарпуны, проколки, «заострения под углом 45°», лощила), подвески из резцов лисицы (рис. 9, *11*), бобра, шлифованные костяные подвески подпрямоугольной формы (рис. 9, *6, 7*), а также подвески из резцов быка (тур, корова?), аналогичные найденным на поселении Теремки. Интересно, что за исключением плоских шлифованных костяных (рис. 9, *6, 7*), все подвески имеют не сверлины, а боковые нарезки, чем отличаются как от «берендеевских», так и от более поздних по времени.

Происходящий из этих слоев остеологический материал позволил В. И. Цалкину определить следующие виды: лось, медведь, северный олень, кабан, бобр, заяц, лисица, ласка, куница, собака, свинья, лошадь, крупный рогатый скот, птицы и рыбы.

Резкий контраст черного культурного слоя прибрежной части с белым песком материка, прослеженный повсеместно за пределами жилищных впадин (см. выше), на их территории соответствует столь же четкой границе указанного культурного слоя с подстилающим его слоем ямочно-гребенчатой керамики («ямочно-гребенчатый неолит II»). Странность этого явления, подчеркнутая как резким отличием структуры обоих соприкасающихся слоев, так и отсутствием нижележащего материала за пределами впадин, объясняется, на мой взгляд, хронологическим разрывом между

[41] *А. Л. Никитин.* Ук. отчет за 1964 г. Коллекции из Берендеева-I находятся в Переславль-Залесском историко-художественном и краеведческом музее, в ОИПК ГЭ и ГИМе.

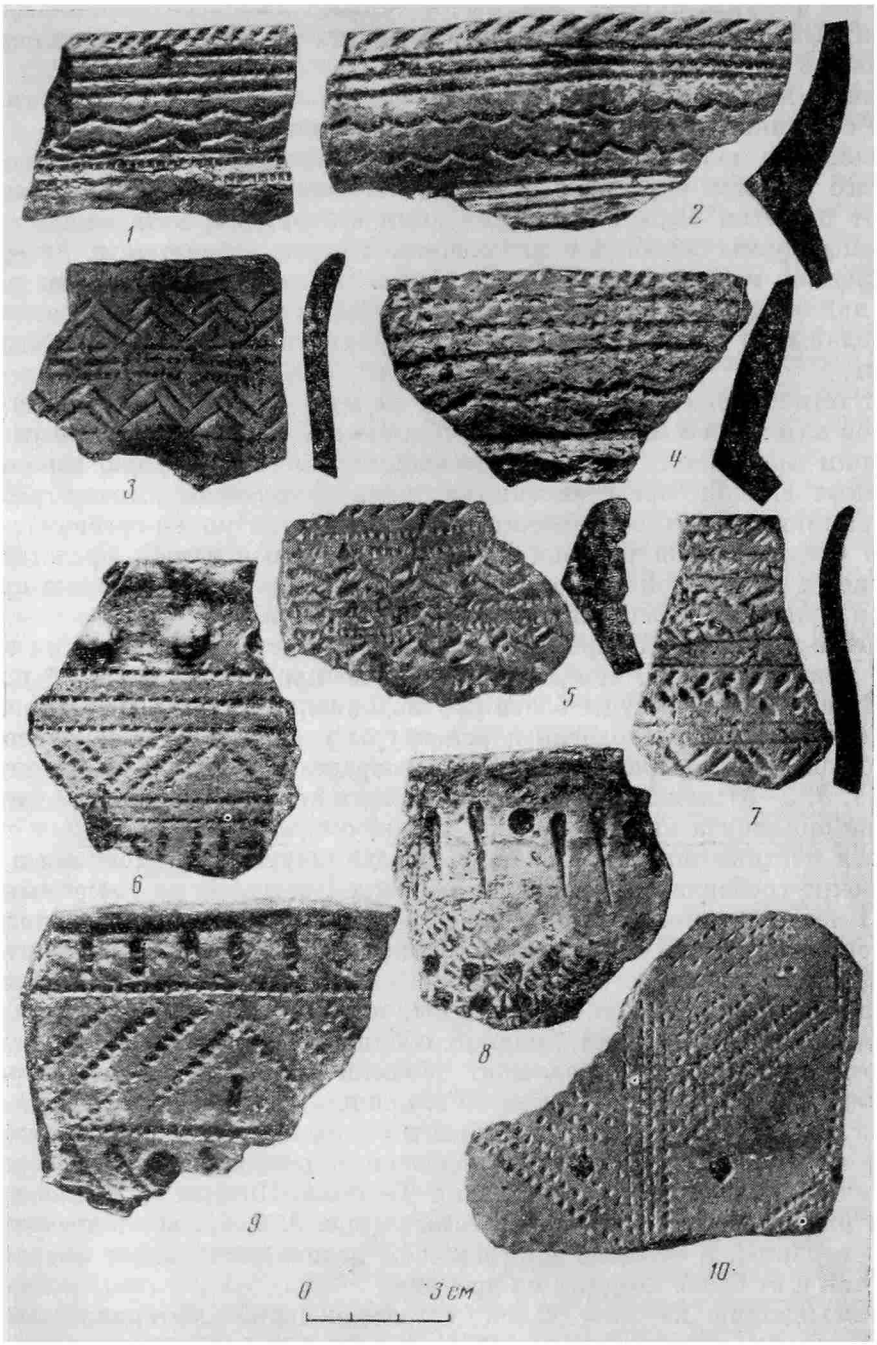


Рис. 12. Польцо, раскоп I. Керамика эпохи поздней бронзы

накоплением остатков, во время которого произошло резкое повышение уровня воды в гидросистеме «Плещеево озеро — озеро Сомино». Последнее привело если не к полному, то к периодическому затоплению прибрежной части Польца (1-й террасы). Бурные весенние паводки с ледоходом должны были почти полностью уничтожить накопившийся на поверхности 1-й террасы культурный слой, сохранив его лишь в нижней части жилищных впадин, однако промыв его и уплотнив.

Характер залегания материала, разобранного выше (развалы сосудов, горизонтальное положение всех черепков), равно как и структура слоя (отчетливо выраженная однообразная слоистость по всей впадине, линзы кострищ в слое), на мой взгляд, только подтверждают подобное заключе-

ние. Эти же соображения позволяют отклонить предположение о возможной «обратной стратиграфии» впадин как следствия искусственного выравнивания площади поселения в последующую эпоху; в таком случае поздняя ямочно-гребенчатая керамика («ямочно-гребенчатый неолит II») должна была бы предшествовать комплексу «берендеево-I» или быть с ним полностью перемешана чего, однако, не наблюдалось.

Лежащий выше слой однородного черного песка, отложившийся уже после регрессии системы и стабилизации уровня грунтовых вод, заключает в себе самые разнообразные остатки, относящиеся целиком к эпохе бронзы и началу эпохи железа (рис. 8, 12). Стратиграфически они нечленимы и могут быть выявлены лишь на основании различия в типах керамики. Малое количество этих остатков не позволяет видеть в них следы долговременных и многолюдных поселений, скорее, результат многократных, но кратковременных посещений, причем последовательность в смене культур эпохи бронзы на берегах Вексы в отличие от неолитических культур может быть указана только предварительно.

В первую очередь внимание привлекают фрагменты фатьяновских и «балановских» сосудов. Обломки последних (рис. 8, *3, 6, 9*) найдены в современной почве и в 1-м горизонте раскопа III над слоями с комплексом «ямочно-гребенчатого неолита I». Другие, относящиеся к этому же или несколько более раннему времени, представленные в значительно большем числе, встречены в слоях эпохи бронзы раскопа I (рис. 8, *1, 2, 11*). Здесь же встречались каменные цилиндрики — высверлины, получавшиеся при изготовлении каменных боевых топоров, а также обломки самих топоров. Единственный целый топор представлен ранним типом (рис. 8, *10*) и является случайной находкой 1955 г. Кроме керамики балановского облика здесь встречены обломки разнообразных сосудов с геометрическим прочерченным или со шнуровым (рис. 8, *4, 5*) орнаментом, характерным для более западных вариантов культуры «боевых топоров».

Второй, столь же определенной группой керамики, относящейся к эпохе бронзы, следует считать, своеобразный керамический комплекс, в том или ином количестве прослеживаемый на многих памятниках Волго-Клязьменского междуречья[42]. Это фрагменты шарообразных сосудов с очень характерным широким, сильно отогнутым венчиком специфического профиля (рис. 12, *1, 2, 4*). Сосуды украшены тонким геометрическим узором из мелких оттисков зубчатого штампа, как правило по венчику и на плечиках, хотя подобным орнаментом покрывалось и все тулово. Глиняное тесто сосудов однородное, пористое от выгоревшей органической примеси; в нем видны красные и ржавые точки мелко перемолотого шамота.

Эта керамика чрезвычайно близка сосуду из кургана № 13 Кухмарского могильника[43], и хотя подобную керамику А. Х. Халиков считает особой «чирковско-сейменской»[44], мне представляется, что ее следует рассматривать как некий дериват абашевской культуры.

Наконец, последним и наиболее четким комплексом, встреченным в раскопе I на поселении Польцо в 1961 г., является керамика ложнотекстильного типа, в которой можно видеть ранние формы, сопоставимые с керамикой могильника Дикариха[45] (рис. 12, *3, 6, 7*), но в основном более поздние

---

[42] Вексa-III, стоянки оз. Сомино. Эта керамика широко представлена в коллекции с Уницы (раскопки Д. Эдинга, материал в собрании Ростовского художественно-архитектурного музея-заповедника).

[43] *Д. А. Крайнов.* Кухмарский курганный могильник. КСИА АН СССР, 88, 1962, стр. 59, рис. 13.

[44] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Йошкар-Ола. О. Н. Бадер считает ее скорее «чирковской», чем «чирковско-сейменской» (*О. Н. Бадер.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, стр. 58).

[45] *А. Л. Никитин.* Дикариха. МИА, 110, 1962; *его же.* Могильник Дикариха на Плещеевом озере (раскопки 1961 и 1964 гг.). СА, 1973, 2.

(рис. 12, *8*), наиболее полно изученные по раскопкам однослойного поселения Плещеево-III [46]. Эта керамика, прослеживаемая в Волго-Окском междуречье и на памятниках Верхней Волги, в Переславском районе присутствует на многих стоянках и поселениях. На Польце остатки поселения ложнотекстильной керамики, залегающие в верхнем слое прибрежной части, разрушены недавней пахотой, дорогой и строительными работами. Собранный в раскопе материал позволяет реконструировать типичные для этого периода формы сосудов — широкие в верхней части и резко сужающиеся книзу, с маленьким плоским дном, украшенным с наружной стороны ложнотекстильным орнаментом, а с внутренней — беспорядочными наколами. Ложнотекстильным орнаментом как фоном покрыта и вся поверхность сосудов. Собственно орнамент из треугольников, «городков», выпуклин-«жемчужин», нанесенный оттисками зубчатого штампа и различного рода вдавлениями, столь типичный для этой культуры, покрывает лишь верхнюю часть сосуда — горло и плечи (рис. 12, *6*). Наличие в слое вытянутых треугольных наконечников стрел с шипами, толстым, иногда овальным черешком, равно как и скребков с полностью обработанной спинкой, позволяет идентифицировать этот комплекс с комплексом поселения Плещеево-III и датировать тем же временем.

Кроме указанных относительно четких и богато представленных комплексов в верхнем слое прибрежной части Польца заключено большое количество «атипичной» керамики, заставляющей предполагать присутствие здесь представителей самых разнообразных культур эпохи бронзы. Находки эти многочисленны, разнотипны и не исчерпываются образцами, представленными на рис. 8, *7*, *8* и рис. 12, *5*, *9*, *10*.

Однослойные поселения с подобными комплексами на берегах Плещеева озера и в его окрестностях пока неизвестны и, судя по тому, что такая керамика открыта лишь в слоях Польца, вряд ли будут найдены. Тем не менее присутствие подобной керамики чрезвычайно интересно, а для последующих исследователей может явиться указанием на существовавшие некогда контакты обитателей этих мест с племенами юга и запада.

Как видно из предыдущего, уже первое знакомство с материалом этого интересного памятника дает представление об основных этапах древней истории Волго-Клязьминского междуречья и последовательности появления в местной среде инокультурных компонентов («волосовские», фатьяновские и абашевские племена), оказавших различное влияние на ход исторического процесса. Но если относительная хронология представляется теперь достаточно определенной, вопросы абсолютной хронологии еще ждут своего разрешения.

Пока для поселения Польцо нет ни одной твердой даты, полученной методом радиоуглерода. Палинологические исследования на территории поселения оказались безрезультатны, так как пыльца в песке сохраняется плохо, а ее спектр искажен наличием переотложенной пыльцы более древних эпох. Поэтому единственным достоверным критерием, дающим возможность установить общую хронологию культурных комплексов Польца, оказывается связь этих комплексов с различными элементами рельефа, выяснение естественно-географических факторов, влиявших на природную среду, и корреспондирование полученной схемы с наблюдениями, проведенными на Берендеевском и Ивановском болотах Переславского района [47], в особенности со схемой, полученной для поселения Ивановское-III [48].

На схематическом разрезе долины Вексы (см. рис. 1), где показано залегание основных культурных комплексов, хорошо видно, что поселение на 2-й террасе, являющееся наиболее древним («ямочно-гребенчатый неолит I»), возникло и существовало в период высокого стояния уровня

---

[46] *А. Л. Никитин.* Ук. отчет за 1964 г.
[47] *М. И. Нейштадт, Ф. С. Завельский, А. М. Микляев, Н. А. Хотинский.* Ук. соч.
[48] Там же, стр. 135.

вод, при котором современная 1-я терраса была затапливаемой поймой. Последующее наступление климатического оптимума вместе с резким падением уровня вод и освобождением 1-й надпойменной террасы отмечено возникновением здесь «ранневолосовского» [49] поселения (жилищная впадина раскопа I, нижний слой). Указанный климатический оптимум продолжался довольно долго, так как в эти же жилищные впадины на 1-й террасе отложился комплекс типа «берендеево-I», перекрытый в свою очередь мощным слоем позднего ямочно-гребенчатого неолита («ямочно-гребенчатый неолит II»). Конец климатического оптимума, увеличение осадков и повышение уровня вод отмечено уничтожением культурного слоя на поверхности 1-й террасы при сохранении его в пределах жилищной впадины. Этот вывод подтверждается резким контактом белого озерного песка 1-й террасы с лежащим выше гумусированным культурным слоем, который содержит уже остатки эпохи бронзы.

Указанное резкое и катастрофическое поднятие вод, затопившее жилища прибрежной части, было непродолжительным. В последующую эпоху 1-я терраса оказывается окончательно сформировавшейся, а гидросистема Плещеево — Сомино — равновесной.

Полученная нами динамическая картина хорошо согласуется со схемой поселения Ивановское-III [50], дополненной результатами радиоуглеродной датировки поселения Берендеево-I (ГИН-112б 4300±40, ГИН-197б 4340±±40) [51]. Приняв последнюю дату для «берендеевского» комплекса раскопа I поселения Польцо, мы получаем возможность отнести «волосовский» комплекс не менее чем на одно столетие вглубь, а комплекс раскопа III — по меньшей мере к рубежу IV—III тысячелетий до н. э., учитывая естественную длительность формирования 1-й террасы, разрушения и выщелачивания погребенной почвы, процесс накопления эоловых песков, заключающих в себе очаги раскопа III, и другие природные факторы.

«Берендеевские» слои на неолитических памятниках Переславщины, как правило, залегают всегда очень низко по отношению к современному уровню вод, соперничая в этом отношении с керамикой ложнотекстильного типа (например, Теремки, Сомино-II), и указывают на начало продолжительного климатического оптимума во второй половине атлантикума, который вызвал на болотах Восточной Европы образование мощного «пограничного горизонта». Резкое поднятие вод на границе атлантика — суббореала, отмеченное на Польце разрушением культурного слоя 1-й террасы и, возможно, уничтожившее древостой на болотах, в целом не повлияло на общую климатическую картину II тысячелетия до н. э. Климатические и природные изменения этого периода отмечены в культурном слое прибрежной части Польца появлением керамики и предметов, принадлежащих иным культурам юга, юго-востока и запада, явившихся как бы отголосками мощных и обширных движений, происходивших в то время на территории Восточной Европы. История этой эпохи еще совершенно неясна, как не ясны пока компоненты, приведшие к сложению на рубеже II—I тысячелетий до н. э. культуры ложнотекстильной керамики, отмечающей в Волго-Клязьменском междуречье и далее на север переход от эпохи бронзы к раннему железу.

Раскопки и предварительное изучение материалов Польца дали возможность составить первую стратиграфическую шкалу древней истории Волго-Клязьменского междуречья, подтвержденную наблюдениями над другими памятниками [52]. В свою очередь это позволяет впервые достаточно

---

[49] Комплекс «волосово-I» (*А. Л. Никитин.* Существовала ли «волосовская культура»? СА, 1974, 2).

[50] *М. И. Нейштадт и др.* Ук. соч., стр. 135.

[51] Следует учесть, что для «берендеевского» комплекса на поселении Ивановское-III получена несколько иная дата – 4800±250 (ГИН-241), представляющаяся мне более достоверной по условиям взятия образца и его стерильности.

[52] Берендеево-I—IV, Ивановское I—III (см. *М. И. Нейштадт и др.* Ук. соч.).

отчетливо выделить два этапа в развитии ямочно-гребенчатого неолита, что в сочетании с другими наблюдениями над материалом более поздних эпох позволяет утверждать неизменность основного контингента населения междуречья в IV—I тысячелетиях до н. э., несмотря на многочисленные появления здесь инокультурных групп.

A. L. Nikitine

L'ETABLISSEMENT MULTISTRATIFIE DE POLTZO

Résumé

Cet article constitue un exposé des premiers résultats des fouilles de l'établissement multistratifié de Poltzo, situé sur la rivière Vaksa (district de Péréslav, région de Iaroslav). Ce monument a été étudié par M. I. Smirnov, A. A. Spitzyne, P. N. Trétiakov; en 1958 et en 1961, l'auteur de la présente notice a effectué d'importantes fouilles. Le matériel récolté se trouve au Musée d'Histoire, à Moscou, et au Musée de Péréslav — Zalesski.

Dans ce site, on a distingué des ensembles historiques et culturels de différentes époques, disposés dans l'ordre suivant: 1) le néolithique — I «au peigne et à fossettes»; 2) l'ensemble du haut Volossovo; 3) la céramique du type «Bérendéiévo-I»; 4) le néolithique «au peigne et à fossettes»; 5) une couche de l'époque du bronze, renfermant des objets des cultures de Fatianovo et d'Abachévo; 6) un ensemble de la culture de la céramique dite fausse textile.

La datation des ensembles de différentes époques — en se basant sur celle de Bérendéiévo — I, obtenue par l'analyse radiocarbonique (4300∓40, 4340∓40 en dates absolues), et sur le schéma géomorphologique du cours de la rivière Veksa,— se trouve entièrement confirmée par les résultats des fouilles des stations palustres de la région de Péreslav, en particulier le site d'Ivanovskoié — III. L'établissement de Poltzo permet d'établir la première échelle stratigraphique fondée, pour l'époque holocène, de la région située entre la Volga et la Kliazma, et permet d'affirmer que le gros de la population de cette contrée est resté stable du IVe au Ier millénaires av. n. ère.

Я. Г. РИЕР

КАМЕННЫЕ ТОПОРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ МОГИЛЕВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

В III и первой половине II тысячелетия до н. э. в Восточной Белоруссии, как и на многих других территориях Центральной и Восточной Европы, были широко распространены каменные сверленые топоры-молотки и каменные и кремневые клинья. В Восточной Белоруссии эти находки связаны с так называемой среднеднепровской культурой.

Большое число каменных топоров обнаружено в последнее время на территории Могилевской области (рис. 1). Находки хранятся в Могилевском областном краеведческом музее, Могилевском пединституте и в некоторых школах Могилевской области. Они составляют следующие группы: каменные сверленые топоры-молотки, кремневые клиновидные, каменные клиновидные и каменные черешковые топоры.

Каменные сверленые и кремневые клиновидные топоры систематизированы на основе классификаций, разработанных Д. А. Крайновым [1].

Каменные сверленые топоры-молотки представлены 30 целыми экземплярами и 12 фрагментами. Они изготовлены из базальта, диорита, габбро, диабаза и подразделяются на следующие типы: клиновидные, молотковидные, обушковые усеченно-конические, втульчатые, среднеобушковые, овальные, ромбические, обушковые длиннолопастные и обушковые коротколопастные топоры. Сверлины у большинства топоров конические, что отличает рассматриваемые топоры-молотки от фатьяновских [2]. Рассмотрим топоры по типам:

Клиновидные (рис. 2, *1—2*). Их можно отнести к подтипу клиновидных с уплощенным обушком. Сверлины у обоих топоров конические, у одного из них заметно некоторое несовпадение отверстий при двустороннем сверлении (рис. 2, *2*). Неправильная форма этого топора (дефект заготовки) также свидетельствует о небрежности его изготовления, характерной для некоторых рабочих топоров.

Молотковидные (рис. 2, *3—5*, *7*). Близки обушковым усеченно-коническим, но в отличие от последних сверлина у них расположена в центре тела топора. Подразделяются топоры данного типа на овально-обушковый (рис. 2, *3*), обушковый (рис. 2, *4*) и усеченно-конические с узким срезом (рис. 2, *5*, *7*). Сверлины конические. Два топора имеют хорду, у одного из них она проходит вдоль всего топора (рис. 2, *4*), у другого — только в лезвенной части, что делает его несколько похожим на длиннолопастный (рис. 2, *5*).

Обушковые усеченно-конические (рис. 2, *6*, *8—9*). Относится к подтипу 2. Сверлины конические. Один из топоров (рис. 2, *8*), очень

[1] *Д. А. Крайнов.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. САИ В1—19, М., 1963; *его же.* Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. САИ В1—20, М., 1964; *его же.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972.

[2] *Д. А. Крайнов.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья, стр. 148.

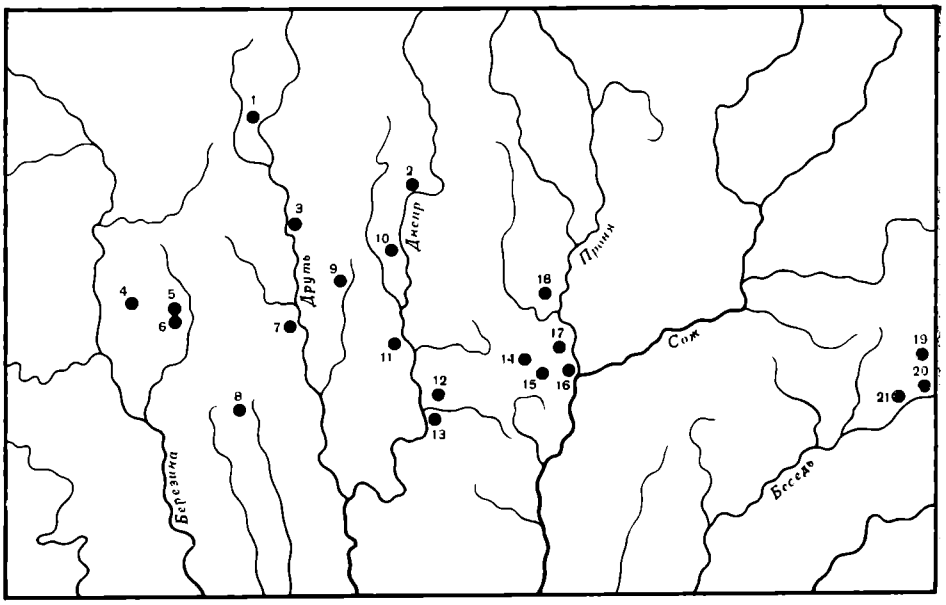


Рис. 1. Места находок каменных топоров: *1* — дер. Кунцы; *2* — г. Могилев; *3* — дер. Возрождение; *4* — дер. Осиновка; *5* — дер. Хадечино; *6* — дер. Дмитровка; *7* — дер. Чечевичи; *8* — дер. Скриплица; *9* — дер. Стаховщина; *10* — дер. Дашковка; *11* — г. Быхов; *12* — дер. Обидовичи; *13* — дер. Веть; *14* — дер. Кульшичи; *15* — дер. Шеломы; *16* — г. Славгород; *17* — дер. Лесная; *18* — дер. Параевка; *19* — дер. Тростино; *20* — пос. Хотимск; *21* — дер. Боханы

грубой шлифовки и прямоугольный в поперечном сечении, отнесен к данному типу и подтипу предположительно.

Втульчатые подклиновидные (рис. 2, *15—16*). Один из топоров незакончен — отсутствует сверлина (рис. 2, *16*). Однако он употреблялся в работе, о чем свидетельствуют зазубрины на лезвии и несколько меньшие — на обушке. Другой (рис. 2, *15*), с конической сверлиной [3], имеет хорду и округлый обушок.

Среднеобушковые (рис. 3, *1—3*) относятся к подтипам 1, 3 и 5. Сверлины конические. Два топора имеют хорды. У одного из них (рис. 3, *2*) она проходит вдоль всего топора по одной из сторон, у другого (рис. 3, *3*) — с двух сторон в лезвенной части.

Длиннообушковые (рис. 3, *5*, *8*). Один из них, относящийся к подтипу 1 (рис. 3, *6*), имеет цилиндрическую сверлину. Другой, близкий подтипу 2 (рис. 3, *8*) — коническую.

Овальный (рис. 3, *4*), с конической сверлиной, расположенной в обушковой части. Подобный топор упоминается в классификации Д. А. Крайнова лишь однажды [4]. В Верхнем Поднепровье находки таких топоров неизвестны. Топоры, аналогичные по форме, но со сверлиной в середине А. Я. Брюсов и М. П. Зимина назвали молотковидными и отметили небольшое число находок данного типа орудий [5].

Ромбический обоюдоострый молотковидный (рис. 3, *5*) относится к подтипу 3. Сверлина коническая, несколько скошена параллельно лезвию.

Обушковый коротколопастный (рис. 3, *12*) близок подтипу 1. На стороне, противоположной лопасти,— хорда. Отверстие недосверлено,

---

[3] Согласно Д. А. Крайнову, втульчатые топоры имеют цилиндрические сверлины (*Д. А. Крайнов.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья, стр. 46).

[4] *Д. А. Крайнов.* Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа, табл. XXII, *29*.

[5] *А. Я. Брюсов, М. П. Зимина.* Каменные сверленые боевые топоры на территории Европейской части СССР. САИ В4—4, М., 1966, стр. 65, табл. 6.

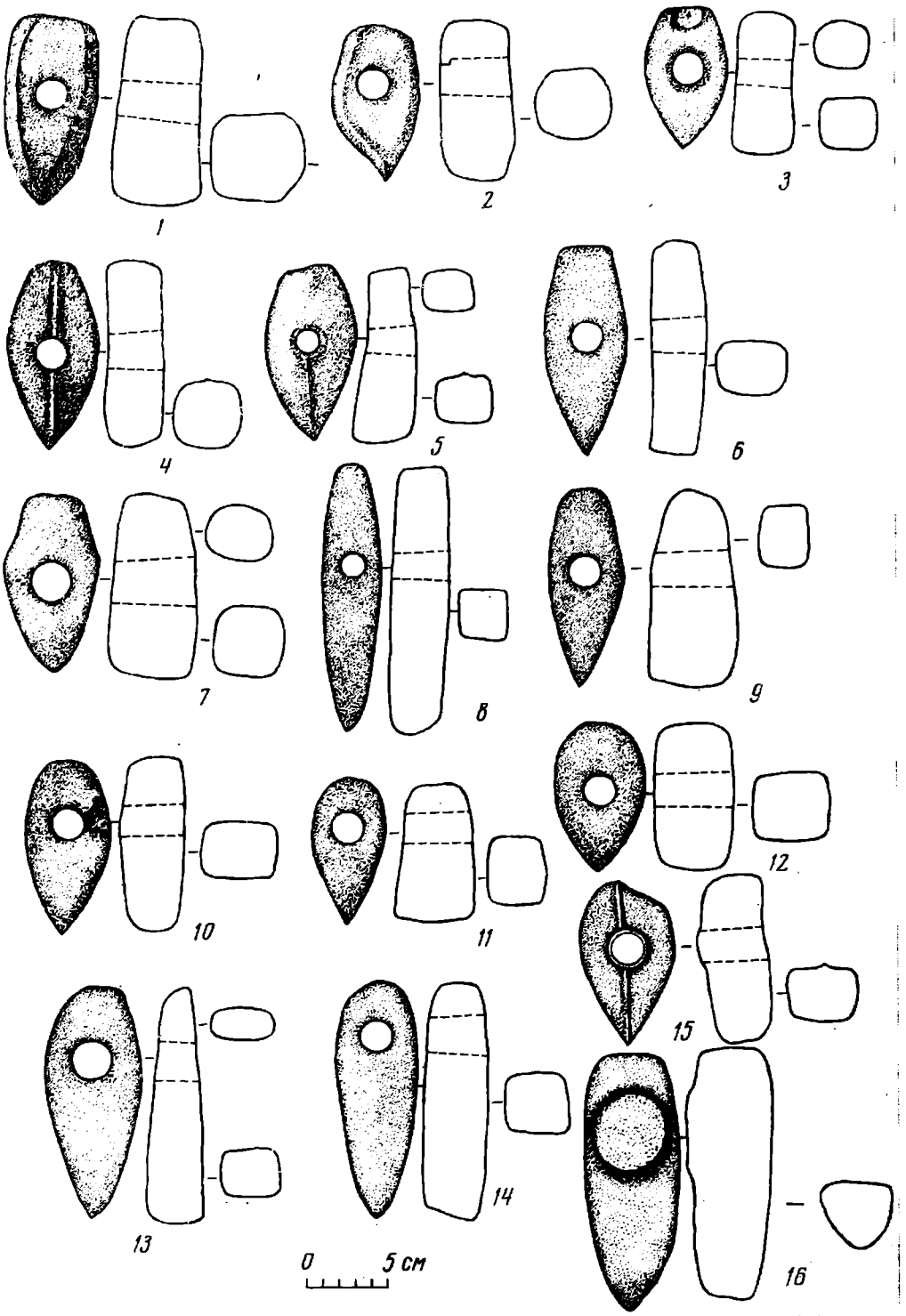


Рис. 2. Каменные сверленые топоры: *1, 2* — клиновидные; *3—5, 7* — молотковидные; *6, 8, 9* — обушковые усеченно-конические; *10—14* округло-обушковые; *15—16* — втульчатые

(*1* — дер. Кунцы; *2* — дер. Скриплица; *3, 12* — г. Быхов; *4, 10* — дер. Обидовичи; *5* — дер. Возрождение; *6, 8* — г. Славгород; *7* — дер. Веть; *9* — дер. Шеломы; *11* — дер. Хадечино; *13* — дер. Кульшичи; *14* — дер. Дашковка; *15* — дер. Боханы; *16*— дер. Осиновка)

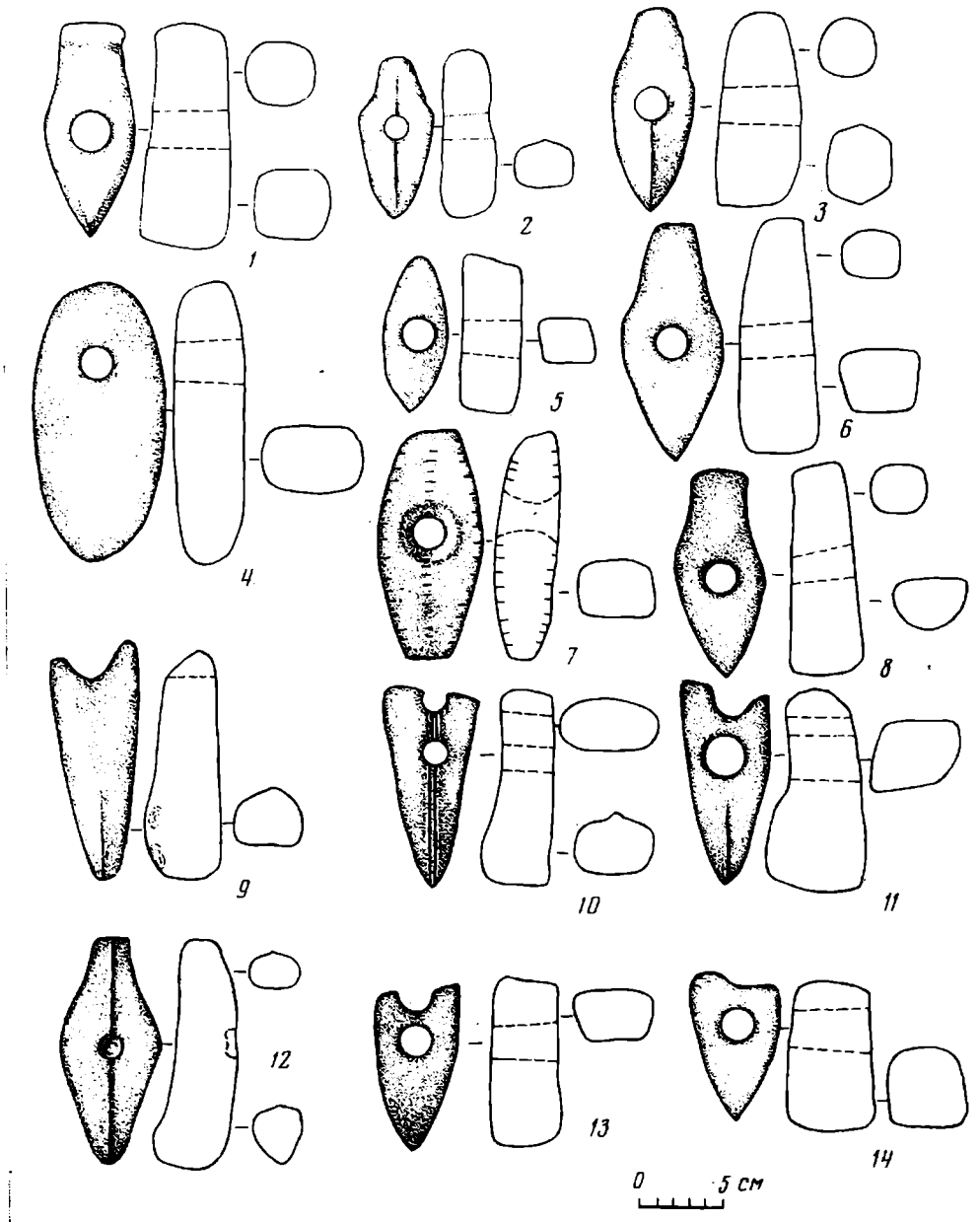


Рис. 3. Каменные сверленые топоры: *1—3* — среднеобушковые; *4* — овальный; *5* — ромбический обоюдоострый; *6, 8* — длиннообушковые; *7* — топор-мотыга; *9—11* — длиннолопастные; *12* — обушковый коротколопастный; *13—14* — лезвенные части топоров со вторичным сверлением (*1* — дер. Лесная; *2* — дер. Дашковка; *3* — дер. Тростино; *4, 9* — дер. Кульшичи; *5* — дер. Обидовичи; *6* — дер. Стаховщина; *7, 11* — г. Быхов; *8* — дер. Параевка; *10* — пос. Хотимск; *12* — г. Славгород; *13* — г. Могилев; *14* — дер. Дмитровка)

что свидетельствует о местном изготовлении топора [6]. Топоры данного типа в памятниках среднеднепровской культуры малочисленны и, как считает И. И. Артеменко, нехарактерны для нее [7]. Описываемый топор имеет следы употребления (мелкие выбоины на лезвии и крупные на обушке).

[6] *Д. А. Крайнов.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, стр. 33.

[7] *И. И. Артеменко.* Среднеднепровская культура. СА, 1963, 2, стр. 26; *его же.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967, стр. 49.

Длиннолопастные (рис. 3, *9—11*). Все они представлены лишь лезвенными частями, что не позволяет разделить их на подтипы. Первоначальные сверлины у топоров были цилиндрические. Вторичные сверлины различны: коническая (рис. 3, *11*) и цилиндрическая (рис. 3, *10*). У последнего на противоположной лопасти стороне — хорда.

Среди рассматриваемых топоров выделяется серия, не находящая аналогий в классификации Д. А. Крайнова (рис. 2, *10—14*). Эти топоры можно назвать округло-обушковыми, исходя из характерной для них закругленной формы обуха. Лезвия у большинства из этих топоров слегка расширены, грани уплощены. По расположению сверлины можно выделить два подтипа: округло-обушковый молотковидный со сверлиной в средней части (рис. 2, *12*) и округло-обушковый клиновидный со сверлиной в обушковой части (рис. 2, *10—11*, *13*, *14*). Сверлины у большинства топоров конические и лишь у одного (рис. 2, *10*) сверлина цилиндрическая. В классификации А. Я. Брюсова и М. П. Зиминой подобные топоры названы клиновидными с округлым обухом и отмечена многочисленность их находок в Европейской части СССР, особенно в Прибалтике, на Юго-Западе, на Верхней и Средней Волге [8].

Среди рассматриваемых коллекций встречено два топора, сделанных из обломков лезвий (рис. 3, *13—14*). Сверлины у них как первоначальные, так и вторичные конические.

Заканчивая описание каменных сверленых топоров, следует остановиться еще на одном экземпляре (рис. 3, *7*). Он напоминает овальный топор, но лезвие его (сильно оббитое) не параллельно направлению сверлины, а перпендикулярно ему, как у мотыг. Возможно, это и есть мотыга. Изготовлено данное орудие из плотного песчаника. На ребрах и на одной из граней его — поперечные насечки, отверстие биконическое (подобной формы отверстия известны еще в палеолите) [9]. Однако каменные орудия с аналогичными сверлинами бытовали в значительно более позднее время, в частности среди сверленых топоров у племен фатьяновской культуры [10]. Это дает нам основание рассматривать здесь данное орудие. Однако прямые аналогии ему пока не найдены, что наряду со случайностью этой находки затрудняет возможность датировки и определения принадлежности рассматриваемого предмета к конкретной археологической культуре.

Большинство топоров было найдено на поверхности земли. Лишь несколько экземпляров обнаружено при земляных работах (строительство погребов) на глубине 1,5—2 *м*, что может свидетельствовать об их происхождении из погребений. В таких условиях были обнаружены топоры у деревень Веть (рис. 1, *13*; рис. 2, *7*), Тростино (рис. 1, *19*; рис. 3, *3*), Параевка (рис. 1, *18*; рис. 3, *8*) и пос. Хотимск (рис. 1, *20*; рис. 3, *10*).

Кремневые клиновидные топоры представлены 14 экземплярами и подразделяются на 6 типов по Д. А. Крайнову.

Тип 1 — трапециевидные, широкие, толстообушковые, с прямоугольным сечением (рис. 4, *1—2*).

Тип 2 — трапециевидные, узкие, толстообушковые, с прямоугольным сечением (рис. 4, *3—4*). На одном из них (рис. 4, *4*) заметна вторичная заточка.

Тип 3 — подпрямоугольный, широкий толстообушковый с прямоугольным сечением (рис. 4, *5*).

Тип 5 — трапециевидные, широкие, среднеобушковые, с прямоугольным сечением (рис. 4, *6—8*). Их можно разделить на два подтипа: подтип 5_1 (рис. 4, *6—7*) с вторичной подправкой лезвия и подтип 5_2 (рис. 4, *8*).

---

[8] *А. Я. Брюсов, М. П. Зимина.* Ук. соч., стр. 57, табл. 2; стр. 73, табл. 10.

[9] *С. А. Семенов.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, стр. 61—62.

[10] *Д. А. Крайнов.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа, табл. XX, *29, 30*; *его же.* Памятники фатьяновской культуры Ярославско-Калининская группа, табл. XXI, *5*; XXII, *26*; *его же.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья, стр. 43, рис. 16, *6*.

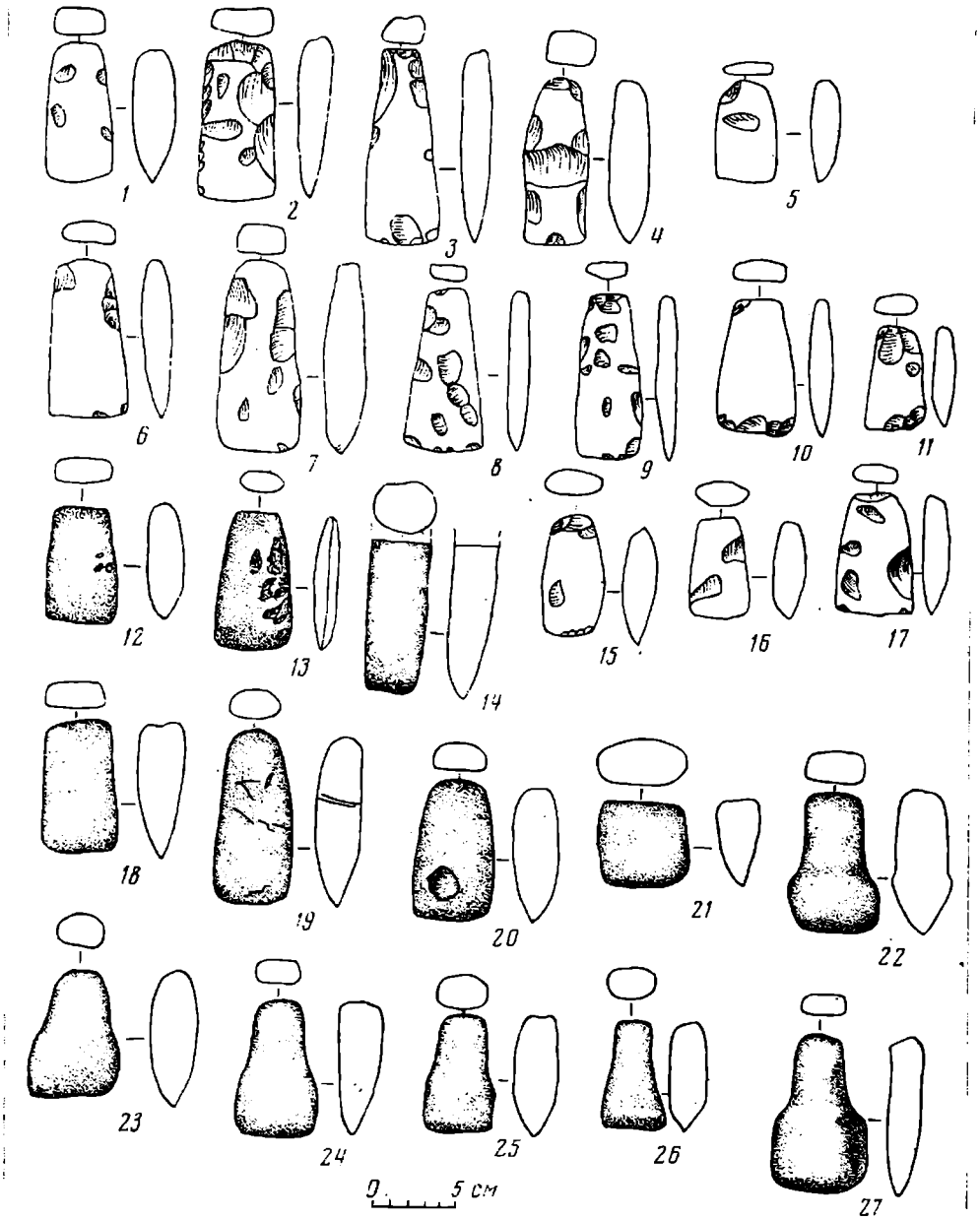


Рис. 4. Топоры кремневые клиновидные (*1—11, 15—17*), каменные клиновидные (*12—14, 18—21*) и каменные черешковые (*22—27*)
(*1, 6, 8, 18, 24* — дер. Кульшичи; *2, 17* — дер. Дмитровка; *3, 9—12* — дер. Веть; *4, 15*— дер. Скриплица; *5, 16, 23* — дер. Возрождение; *7, 22* — г. Славгород; *13, 14, 25—27* — дер. Обидовичи; *19, 20* – дер. Дашковка; *27* – дер. Чечевичи)

Тип 8 — трапециевидные, тонкообушковые, с прямоугольным сечением (рис. 4, *9—11, 17*). У одного пз топоров (рис. 4, *10*) заметна подшлифовка лезвия.

Тип 11 — трапециевидные, тонкообушковые, с линзовидным сечением (рис. 4, *15—16*). У одного из них (рпс. 4, *16*) — вторичная заточка лезвия.

Каменные шлифованные клиновидные топоры — семь экземпляров (рис. 4, *12—14, 18*—21). Один из топоров (рис. 4, *18*) интересен канавкой на обушке, параллельной плоскости лезвия и предназначенной, вероятно, для крепления рукоятки. Другой (рис. 4, *19*) обращает на себя внимание прорезными полосами. Они могли появиться в результате крепления рукоятки,

но, весьма возможно, являются элементами орнамента. Кстати, орнаментированный каменный клиновидный топор известен среди инвентаря среднеднепровской культуры[11]. Два топора представлены лишь лезвиями (рис. 4, *14*, *21*). Данная группа топоров в среднеднепровских памятниках немногочисленна и почти полностью представлена случайными находками[12], как и описанные здесь экземпляры.

Классификация каменных клиновидных топоров, как и рассматриваемых ниже черешковых, в литературе не разработана, хотя в различных собраниях коллекции этих групп орудий весьма многочисленны. Изготовлены они из того же сырья, что и каменные сверленые топоры-молотки.

Если попытаться разделить рассмотренные каменные клиновидные топоры на типы в соответствии с классификацией Д. А. Крайнова для кремневых клиновидных топоров[13], то можно выделить следующие типы:

Тип 1 — подпрямоугольный, широкий, толстообушковый, с прямоугольным сечением (рис. 4, *18*).

Тип 2 — подпрямоугольный, широкий, среднеобушковый, с прямоугольным сечением (рис. 4, *12*).

Тип 3 — трапециевидный, широкий, толстообушковый, с прямоугольным сечением (рис. 4, *20*).

Тип 4 — трапециевидный, широкий, толстообушковый, с овальным сечением (рис. 4, *19*).

Тип 5 — трапециевидный, широкий, тонкообушковый, с овальным сечением (рис. 4, *13*).

Предложенное разделение на типы весьма условно, ибо основано на крайне незначительном материале из случайных находок.

Каменные шлифованные черешковые топоры так называемого «лепельского» типа представлены шестью экземплярами (рис. 4, *22—27*). У одного из них (рис. 4, *25*) на срезе обушка намечена канавка, аналогичная отмеченной на рассмотренном выше клиновидном топоре (рис. 4, *18*).

Черешковые топоры, относимые к культурам боевых топоров, в комплексах среднеднепровской культуры не найдены, хотя весьма часты в Белоруссии среди случайных находок[14]. По материалу и технике изготовления рассмотренные черешковые топоры весьма близки описанным выше каменным клиновидным, что подтверждает мнение Д. А. Крайнова о происхождении черешковых топоров от клиновидных[15].

Ограниченность рассмотренного здесь материала, отсутствие комплексов не позволяет делать серьезных обобщений и выводов. Однако учет и систематизация разрозненных собраний очень важны, ибо позволяют значительно расширить круг источников по истории племен Верхнего Поднепровья и соседних территорий в эпоху бронзы, что необходимо для выяснения многих спорных вопросов.

---

[11] *И. И. Артеменко.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья..., стр. 50, 51.

[12] Там же.

[13] Это вполне правомерно, ибо обе рассматриваемые группы глиновидных топоров чрезвычайно близки по форме и назначению (см. *Д. А. Крайнов.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья, стр. 77).

[14] Там же, стр. 252, 256.

[15] Там же, стр. 256.

Ia. G. Riere

HACHES DE PIERRE DE L'AGE DU BRONZE PROVENANT DE MOHILEV

(Region du Dniepr)

Résumé

Dans la présente notice sont étudiées des haches — marteaux perforées en pierre, des haches cunéiformes en silexe et en pierre, et des haches de pierre emmanchées, trouvées ces dernières années en différents endroits de la région de Mohilev, en Biélorussie (en tout 69 exempl.).

Les haches — marteaux perforées en pierre (42 exempl.) et les haches cunéiformes en silex (14 exempl.) sont groupées suivant la classification de D. A. Kraïnov.

On a tenté de diviser en types — de façon très conventionnelle,— un petit nombre de haches cunéiformes en pierre (7 exempl.). Le passage consacré aux haches de pierre emmanchées (6 exempl.) se borne à les décrire.

Le but de cette natice est de faire connaître dans le monde scientifique les nouvelles collections de trouvailles de pièces lithiques de l'Age du Bronze.

И. Б. ВАСИЛЬЕВ, В. С. ГОРБУНОВ

БИРСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Большинство исследователей археологии Южного Урала, изучавших проблемы происхождения населения раннего железного века, отмечали связь памятников типа крумантау с ананьинскими и караабызскими [1]. Но эта связь прослеживалась лишь по общему сходству в формах, примесях и орнаментации сосудов позднего бронзового и раннего железного веков. В основном на территории Башкирии были исследованы поздние ананьинские и караабызские памятники. Переходные материалы, в которых прослеживалась бы прямая преемственность в орнаментации сосудов, были обнаружены только при разведочных сборах А. П. Шокурова на Новобиктовском, Бирском, Андреевском [2] поселениях. А. Х. Пшеничнюк произвел шурфовку Андреевского поселения и собрал небольшую коллекцию керамики [3]. Новое раннеананьинское поселение было открыто в 1970 г. на р. Елбазе в Бирском районе БАССР [4].

В 1972 г. нами было раскопано Бирское поселение, вновь обследовано и прошурфовано Новобиктовское. Эти памятники дали материал, интересный для изучения истории формирования населения раннего железного века Башкирии.

Бирское поселение находится в 1,5—2 *км* к юго-востоку от г. Бирска Башкирской АССР, вверх по течению р. Белой. Оно расположено в широкой котловине правой коренной террасы р. Белой, близ места слияния нескольких ключей («Святого» и др.), рядом с водокачкой. Река Белая протекает в 400 *м* к югу от поселения. К западу от него находится Бирское городище, исследованное Н. А. Мажитовым. Памятник открыт в 1958 г. А. П. Шокуровым [5], который собрал на его территории кремень и обломки керамики. Уже тогда А. П. Шокуров отмечал, что поселение сильно повреждено при устройстве дороги и изрыто ямами. В последние годы его территория и западный склон котловины засажены елью. Нами был заложен раскоп площадью 72 $м^2$. Толщина культурного слоя 0,5—0,6 *м*. Он

[1] *А. Б. Збруева.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952, стр. 198, 204; *ее же.* Итоги и задачи археологического изучения территории Башкирии. В сб. «Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству». Уфа, 1958, стр. 238; *К. В. Сальников.* К вопросу о происхождении ананьинской культуры. СЭ, 1954, 4, стр. 24; *его же.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 385—386; *А. Х. Халиков.* Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры. Уч. зап. Пермского гос. ун-та, 148, Пермь, 1967; *А. Х. Пшеничнюк.* О периодизации караабызских памятников. Там же, стр. 166, 170.

[2] *А. П. Шокуров.* Материалы к археологической карте нижнего течения р. Белой и среднего течения р. Ик. В сб. «Древности Башкирии». М., 1970, стр. 139, 142, 149.

[3] *А. Х. Пшеничнюк.* Караабызская культура. В сб. «Археология и этнография Башкирии», т. V. Уфа, 1973.

[4] *С. М. Васюткин, В. С. Горбунов.* Отчет об археологических исследованиях в Башкирской АССР в 1970 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4164, стр. 41, 42.

[5] *А. П. Шокуров.* Отчет об археологических работах третьего разведывательного отряда Башкирской археологической экспедиции, 1958. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1724, стр. 68; *его же.* Материалы к археологической карте..., стр. 142.

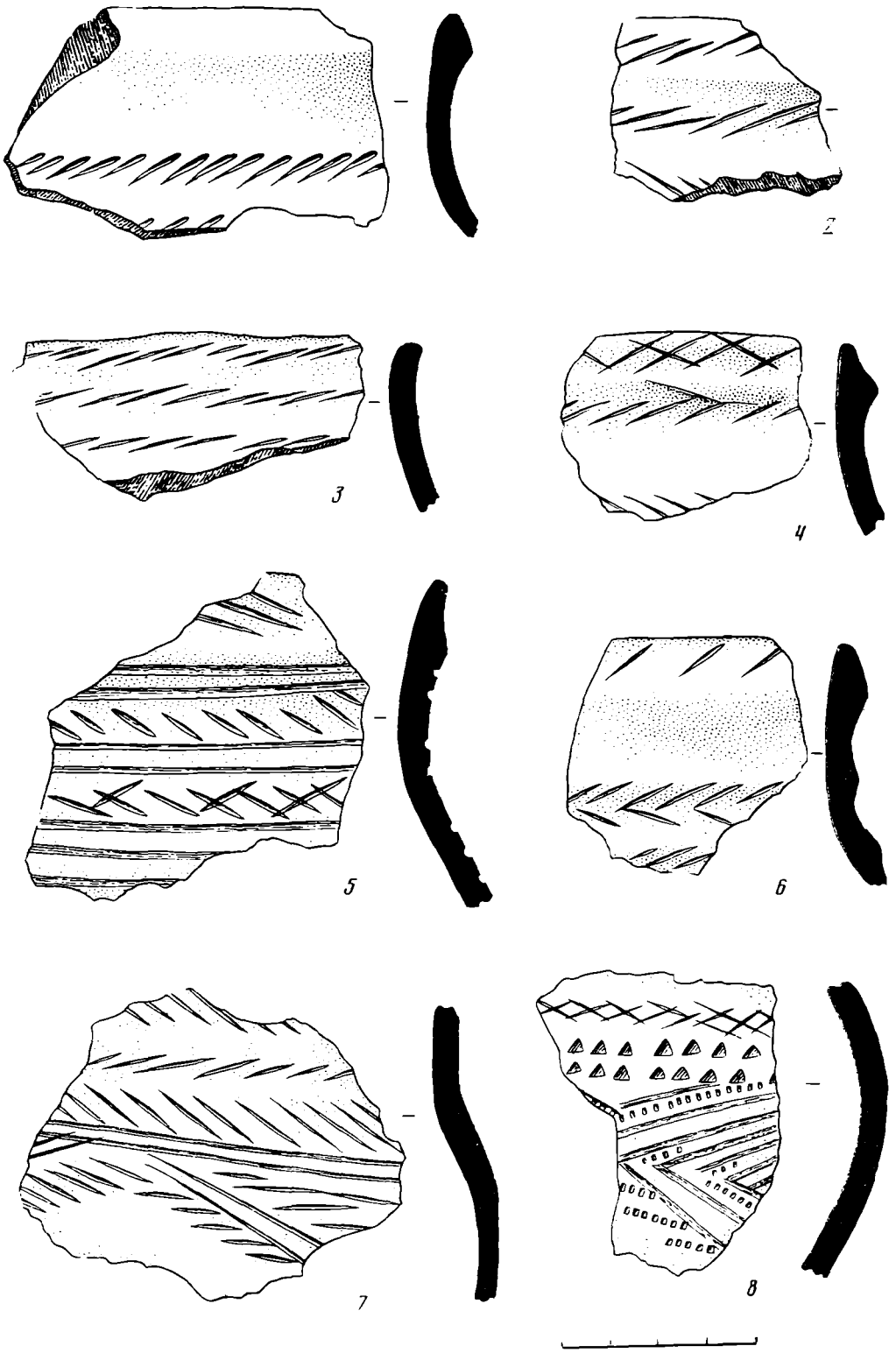


Рис. 1. Бирское поселение. Черкаскульская керамика

состоит из чернозема, насыщенного находками, подстилающий слой — красная глина. Никаких хозяйственных или жилых сооружений в раскопе не обнаружено. В первом штыке (0—20 *см*) встречались лишь единичные фрагменты керамики в основном позднего железного века. Большая часть находок — керамика, кости животных, кремень и др.— собрана во втором и третьем штыках (20—60 *см*). В западной части раскопа, во втором штыке (20—40 *см*), встречено большое количество костей животных. Всего на поселении собрано 1250 фрагментов глиняных сосудов, 103 кремневых предмета, два глиняных пряслица, один обломок льячки, два песта, бронзовый нож и несколько обломков песчаника со стертой поверхностью. Керамика делится на четыре типа — черкаскульский (рис. 1), курмантау (рис. 2), ананьинский (рис. 3) и бахмутинский. Об их количественном соотношении на памятнике дает представление табл. 1.

Таблица 1

Тип керамики	Число сосудов	%
Черкаскульский	38	18
Курмантау	56	26
Ананьинский	90	42
Бахмутинский	30	14
Всего	214	100

К первому, черкаскульскому типу относится 150 фрагментов (рис. 1). Удалось выделить не только венчики, но и неорнаментированные стенки сосудов, так как эта керамика резко выделяется из основной массы очень плохой сохранностью и обжигом, обильной примесью в глине растительных остатков и толченой раковины. Фрагменты рыхлые, непрочные, в глине — пустоты от выгоревшей примеси, поверхность покрыта выщербинами, орнамент плохо заметен. Цвет фрагментов желтый, серый. Имеется шесть плоских днищ с небольшими закраинами. Толщина стенок 0,4—1 *см*, днищ 0,3—1 *см*. Всего выделено 38 сосудов (рис. 1). Это плоскодонные горшки диаметром 30—35 *см* с прямыми или слабо отогнутыми наружу венчиками, плавным переходом шейки в тулово. 19 сосудов имеют у венчика небольшие, треугольные в сечении валики (рис 1, *4, 6*), воротнички (рис. 1, *2, 5*) или скошенные «бортики» (рис. 1, *1*). Орнамент, судя по многочисленным фрагментам плечиков сосудов, занимает всю верхнюю половину горшков. Он состоит из рядов наклонных и перекрещивающихся нарезов или отпечатков гладкого штампа, иногда разделенных резными горизонтальными линиями (рис. 1, *1—5*). Два сосуда орнаментированы горизонтальной елочкой (рис. 1, *6*), один — горизонтальным зигзагом, один — «флажком».

Резко выделяется фрагмент одного сосуда с примесью талька в глине (рис. 1, *8*). Цвет его темно-серый с серебристыми блестками. Фрагмент прочный, плотный, хорошего обжига. Венчик не сохранился. Орнамент состоит из перекрещивающихся резных линий, двух рядов уголковых вдавлений и прочерченной елочки в сочетании с зубчатым штампом.

Ко второму типу (курмантау) относится 56 сосудов (рис. 3). Это круглодонные горшки (плоских днищ от этих сосудов в коллекции нет) серого и коричневатого цвета с примесью растительных остатков, толченой раковины и шамота в глине. Фрагменты более прочные, плотные, лучше прожжены, чем черкаскульские. Диаметр сосудов от 25 до 40 *см*. Толщина стенок 0,4—0,8 *см*. Шейки прямые (рис. 2, *3, 10, 13*) или слабо отогнуты наружу (рис. 2, *1, 2, 4—9, 11, 12, 14*). Переход к тулову чаще всего плавный, у 10 сосудов резкий, под углом. Все сосуды, от которых сохранились более или менее крупные фрагменты, украшены на переходе шейки в тулово ямками, группирующимися по 2—3 шт. На четырех сосудах ямки расположены треугольником, вершиной вниз (рис. 2, *7, 8*). У всех сосудов, за редким исключением, глубокие наколы на внутренней стороне образуют выпуклины — «жемчужины» (рис. 2, *2—4, 6—8, 12, 14*). Один сосуд имеет небольшой воротничок (рис. 2, *5*). У двух сосудов орнаментирован срез венчика. На плечики орнамент спускается только у четырех горшков (рис. 2, *5*). Орнаментальные мотивы можно разделить на четыре

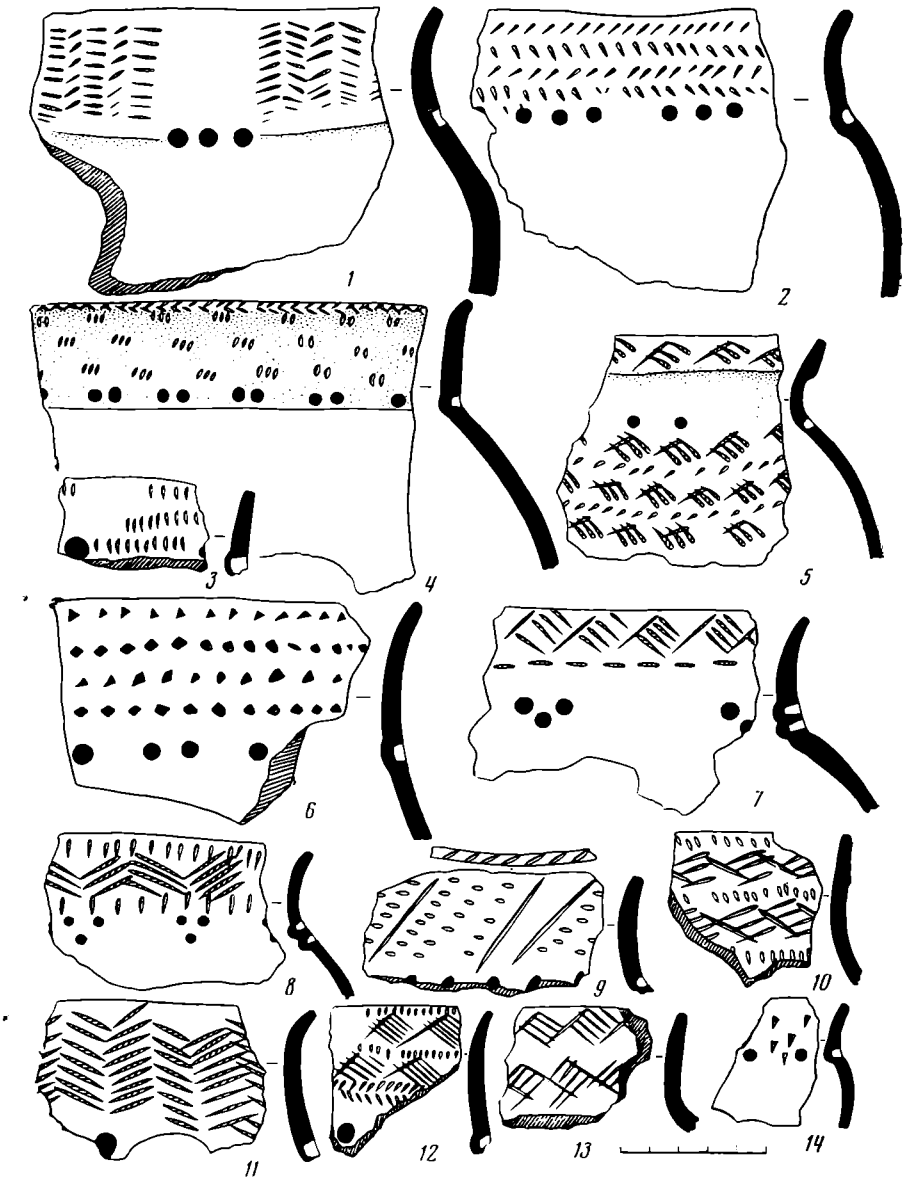


Рис. 2. Бирское поселение. Керамика типа курмантау

группы — насечки, длинный зубчатый штамп в виде горизонтального зигзага в сочетании с насечками, короткий и длинный штамп в виде горизонтальной и вертикальной елочки и длинный штамп в виде флажка. 17 сосудов украшены насечками, расположенными рядами, зонами и группами по 2—4 или в беспорядке (рис. 2, *3, 4, 6, 9, 14*). Шесть сосудов орнаментированы отпечатками длинного гладкого или зубчатого штампа, нанесенного в виде горизонтального зигзага, окаймленного рядами насечек (рис. 2, *8*). 19 сосудов украшены отпечатками короткого и длинного штампа в виде горизонтальной (рис. 2, *2*) или вертикальной елочки (рис. 2, *1, 4*). У 14 сосудов орнамент состоит из «флажка» или заштрихованных ромбов, выполненных гладким и зубчатым штампом (рис. 2, *5, 7, 10, 12, 13*). Иногда «флажок» чередуется с рядами насечек. У двух сосудов «флажком» орнаментированы плечики (рис. 2, *5*).

К третьему, ананьинскому, типу относятся 226 фрагментов со шнуровым орнаментом. Выделено 90 сосудов (рис. 3, *1—12*). Диаметры их 25—40 *см*. Цвет серый, желтый и коричневатый, примеси — растительные

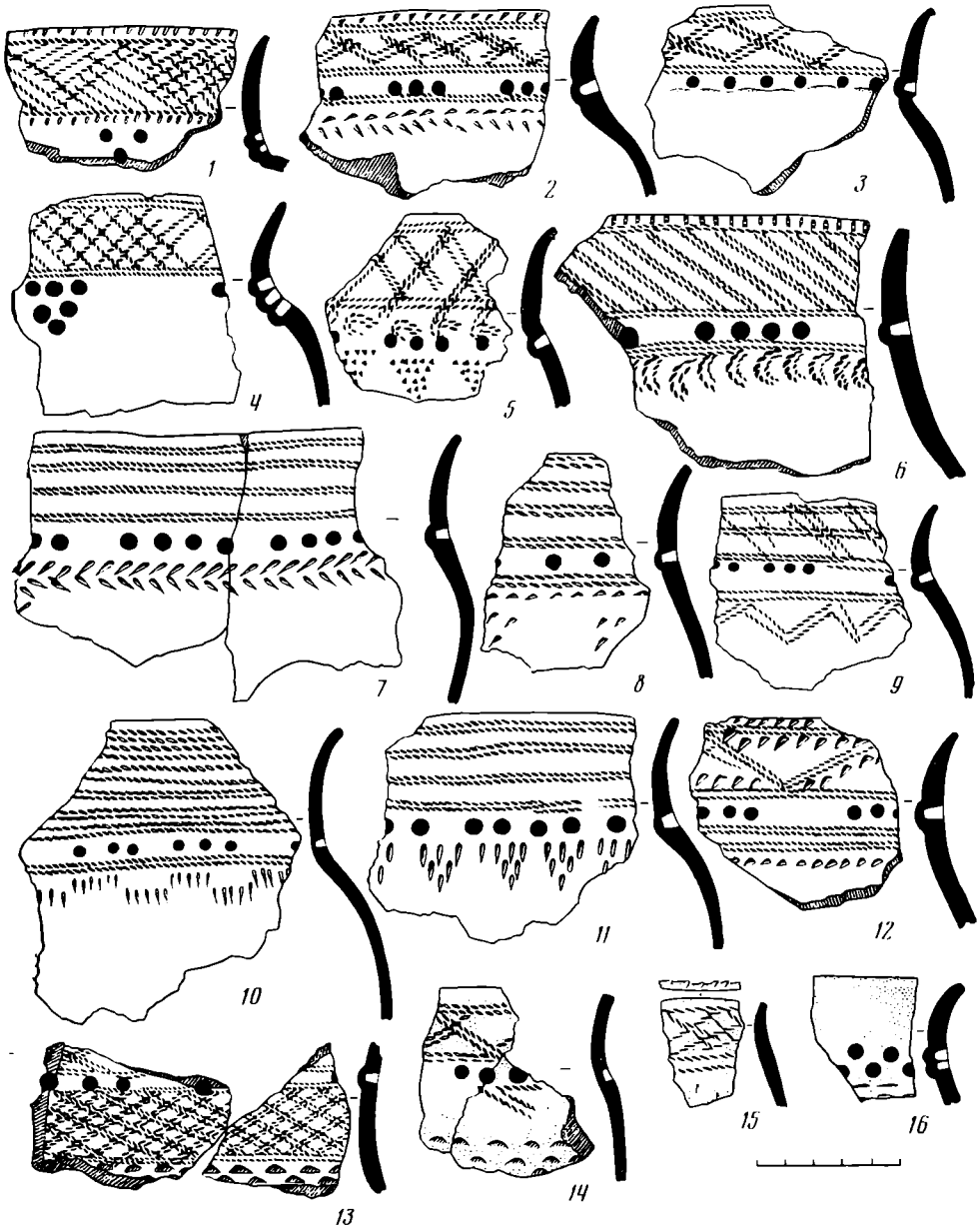


Рис. 3. Раннеаначинская керамика. *1—12* — Бирское поселение; *13* — 1-е Тартышевское поселение; *14—16* — Новобиктовское поселение

остатки, толченая раковина и шамот. Горшки имеют круглое дно, высокую шейку, слабо отогнутый наружу венчик. На переходе шейки в тулово находится поясок из ямок, расположенных через одинаковые интервалы (рис. 3, *3*), группами по 3—4 шт. (рис. 3, *2*, *5*, *7*, *9*, *10*, *12*) или треугольником (рис. 3, *1*, *4*). Глубокие наколы с внутренней стороны образуют выпуклины. Орнаментирована в основном шейка, лишь в 19 случаях на плечики сосудов спускается орнамент из полукруглых, ломаных и горизонтальных отпечатков шнура (рис. 3, *6*, *9*, *12*) и насечек в виде елочки, лопастей или рядов (рис. 3, *2*, *5*, *7*, *8*, *10*, *11*). По композиции можно выделить следующие виды орнаментации: а) горизонтальные отпечатки одинарной или двойной веревочки от 3 до 14 рядов — 37 сосудов (рис. 3, *7—11*); косые отпечатки, ограниченные горизонтальными линиями,—12 сосудов (рис. 3, *6*); б) ромбы, ограниченные горизонтальными линиями,— 18 сосудов (рис. 3, *2*, *3*, *5*); в) зигзаг из насечек, иногда с бахромой, ограниченный горизонтальными линиями,— 6 сосудов (рис. 3, *12*); г) пере-

крещивающиеся отпечатки веревочки — 5 сосудов (рис. 3, *4*); д) взаимопроникающие заштрихованные треугольники, также ограниченные горизонтальными отпечатками шнура,— 7 сосудов (рис. 3,*1*).

К четвертому, бахмутинскому, типу керамики относятся фрагменты 30 сосудов серого цвета, с примесью песка в глине. Они имеют горшковидную форму, круглое дно, плавный переход шейки в тулово. Размеры сосудов определить трудно, так как керамика сильно фрагментирована. Вероятно, диаметр их был около 30—40 *см*. Орнамент состоит из насечек по срезу венчика и круглых, квадратных и треугольных ямок по тулову.

Интересен вопрос о стратиграфическом соотношении этих четырех типов керамики. Разбивка венчиков сосудов[6] по штыкам дала следующую картину.

Таблица 2

Тип керамики	1-й штык		2-й штык		3-й штык		Всего венчиков сосудов
	Венчики сосудов						
	число	%	число	%	число	%	
Черкаскульский	1	4	10	6	27	30	38
Курмантау	5	20	50	30	23	25	78
Ананьинский	6	24	90	53	37	39	133
Бахмутинский	13	52	17	11	5	6	35
Всего	25	100	166	100	93	100	294

Таблица 3

Тип керамики	1-й штык		2-й штык		3-й штык		Всего венчиков сосудов
	Венчики сосудов						
	число	%	число	%	число	%	
Черкаскульский	1	3	10	30	27	67	38
Курмантау	5	6	50	60	23	34	78
Ананьинский	6	5	90	67	37	28	133
Бахмутинский	13	37	17	49	5	14	35

В табл. 2 дано количество и процентное отношение керамики одного типа к другим в каждом штыке. О процентном соотношении керамики одного типа и этой же керамики, залегающей в других штыках, дает представление табл. 3.

Как видно из табл. 2 и 3, черкаскульская керамика в основном залегала в нижнем, третьем штыке, там ее найдено 67% (по отношению ко всей черкаскульской керамике). В третьем штыке было найдено и большое число стенок черкаскульских сосудов — 92 шт. Во втором штыке их обнаружено всего 9, в первом не было совсем. Таким образом, процент черкаскульской керамики в нижнем штыке, с учетом стенок горшков, увеличивается до 85. Преобладающая часть керамики типа курмантау и ананьинской залегала совместно во втором штыке. Там находилось 60% керамики курмантау и 67% ананьинской. Кроме того, во втором штыке найдено 96 стенок сосудов со шнуровым орнаментом. В третьем их обнаружено всего 8. С учетом стенок со шнуровым орнаментом процент ананьинской керамики во втором штыке увеличивается до 78.

Бахмутинская керамика в основном собрана в первом и во втором штыках. Число ее в нижнем штыке резко уменьшается. Кроме керамики

[6] В связи с тем что стенки сосудов типа курмантау и ананьинских не отличались по цвету, примесям и обжигу, в подсчет включены только венчики сосудов.

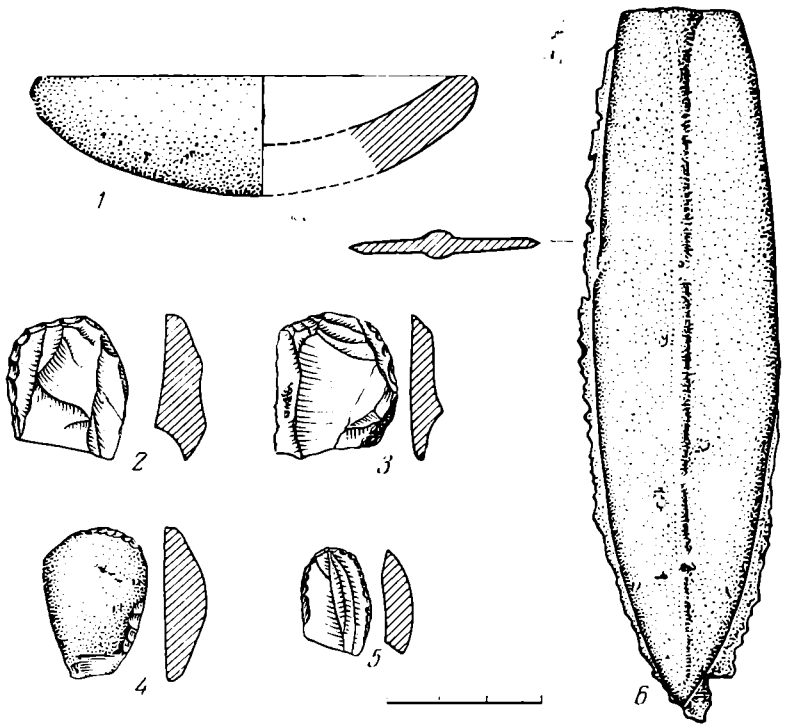


Рис. 4. Бирское поселение: *1* — глиняная льячка; *2—5* — кремневые скребки; *6* — отливка лезвия ножа

на памятнике собран небогатый кремневый инвентарь. Кремень очень низкого качества, грязно-серого цвета. Много отщепов (70) и кусков кремня с коркой (27). Найдено шесть скребков, изготовленных на отщепах (рис. 4, *2, 3, 5*), один на овальном сколе гальки с чуть подправленной рабочей частью (рис. 4, *4*), два нечетких режущих орудия. Орудия изготовлены грубо, небрежно. Чувствуется упадок техники обработки камня. 26% кремневого инвентаря собрано в первом штыке, 53% — во втором, 21% — в третьем. Кроме того, найдены два продолговатых камня со следами потертости на краях. Они, вероятно, использовались в качестве пестов. В культурном слое поселения найдено около 10 плоских кусков песчаника с зашлифованной одной стороной. Песчаник рыхлый, хрупкий и, вероятно, не мог использоваться для растирания зерна, так как быстро крошился. Скорее, он применялся для заточки медных или бронзовых изделий. Об этом говорит и форма рабочей поверхности — углубление в виде ложбины, а не лунки, как на зернотерках. Больше оно напоминает поверхность точильного камня после долгого употребления. Найден фрагмент маленькой низкой чашечки-льячки диаметром 9 *см*, высотой 2,5 *см* (рис. 4, *1*). Самой интересной находкой на поселении является бронзовый или медный нож[7] (рис. 4, *6*), который лежал во втором штыке в южной части раскопа. Размеры его 14×4 *см*. Это собственно незаконченное изделие — необработанная отливка. По лезвиям остались затеки металла, образовавшиеся по линии разъема литейной формы.

Коллекция раннеананьинской керамики была собрана при вторичном обследовании открытого А. П. Шокуровым Новобиктовского поселения на правом берегу р. Белой в Дюртюлинском районе БАССР. В глине сосудов — примесь шамота и растительных остатков. Венчики слабо отогнуты наружу и уплощены, переход к тулову плавный, дно, вероятно, округлое. На шейке — поясок из глубоких ямок, иногда образующих на внутренней стороне выпуклины. Орнамент покрывает шейку и плечики горшков. Он

[7] Нож передан на анализ в спектральную лабораторию ИА АН СССР.

состоит из горизонтальных, перекрещивающихся и ломаных отпечатков шнура, иногда в сочетании с клиновидными и полулунными насечками (рис. 3, *14, 15*). Кроме керамики, орнаментированной шнуром, на памятнике собраны фрагменты сосудов, украшенных только одним или двумя рядами ямок на шейке (рис. 3, *16*). Возможно, фрагменты этого типа относятся к более позднему времени.

На 1-й Тартышевской стоянке собрана керамика с богатым шнуровым орнаментом, аналогичная бирской и новобиктовской (рис. 3, *13*).

К. В. Сальников после раскопок стоянки Кумлекуль сделал вывод о сосуществовании срубно-хвалынского, черкаскульского и курмантауского населения в Башкирии и сложении на этой основе культуры раннего железного века [8]. Раскопки Бирского поселения показали, что на этом памятнике черкаскульское население предшествовало курмантаускому, а не сосуществовало с ним. 67% черкаскульских венчиков сосудов (вместе со стенками 85%) залегало в нижнем, третьем штыке, тогда как большая часть керамики курмантау (60%) и раннеананьинской (67%) находилась в смешанном состоянии во втором штыке.

Вероятно, черкаскульские племена приняли участие в сложении курмантауского населения Башкирии, а не ананьинского или караабызского.

Близость типов сосудов курмантау и ананьинских прослеживается в их совместном залегании, формах и размерах сосудов, фактуре, примесях, обжиге, цвете. Для обоих типов характерны общие элементы орнамента. И курмантауские и раннеананьинские горшки в нижней части шейки имеют поясок из ямок, группирующихся по 2—4 шт. в ряд или треугольником. На внутренней стороне глубокие наколы образуют выпуклины. Близки и некоторые орнаментальные композиции — сочетание штампа и шнура с рядами насечек (рис. 2, *8, 10, 12* и рис. 3, *8, 12*), горизонтальная елочка (рис. 2, *2*; 3, *2, 7*). Большое сходство курмантауской и раннеананьинской керамики говорит о том, что и та и другая оставлены одним населением.

Отсутствие горшков со смешанной зубчато-шнуровой орнаментацией не позволяет с уверенностью утверждать, что оба типа керамики существовали одновременно, однако связь их и близкое родство наиболее вероятны.

Судя по ряду раннеананьинских памятников (Бирское, Андреевское, Новобиктовское, 1-е Тартышевское поселения), нижнее течение р. Белой входило в район сложения ананьинской культуры. Выше г. Благовещенска раннеананьинских памятников с богатой шнуровой орнаментацией нет.

I. B. Vassiliev, V. S. Gorbounov

L'ETABLISSEMENT DE BIRSK

Résumé

Jusqu'à ces derniers temps, sur le territoire de la Bachkirie, on n'avait pas étudié de monuments reliant la fin de l'époque du Bronze au début de l'Age du Fer. On ne pouvait juger de la formation de la population du début de l'Age du Fer que par des pièces d'investigations isolées. En 1972, nous avons étudié l'établissement de Birsk, dans le mobilier duquel sont représentés 4 types de céramique: celui de Tcherkasskoul (ill. 1) et ceux de Kourmantaou (ill. 2), du haut ananien (ill.), et de Bakhmoutine. La majeure partie de la céramique de Tcherkaoul se trouve dans la couche inférieure

[8] *К. В. Сальников.* Новые материалы по истории племен эпохи бронзы Башкирии. Уч. зап. Пермского ун-та, 148, Пермь, 1967, стр. 92; *его же.* Очерки древней истории..., стр. 384, 385.

de la fouille; la céramique de Kourmantaou et celle du haut ananien dominaient dans la couche moyenne; et celle de Bakhmoutine, dans les couches supérieure et moyenne. Les fouilles de l'établissement de Birsk attestent que la population qui a laissé des monuments du type de Tcherkaoul et de Kourmantaou, a existé à différentes époques. La grande ressemblance de forme, de cuisson, de mélange, de décors des vases du type de Kourmantaou et du haut ananien prouve l'étroite parenté de la population de la Bachkirie à la fin de l'époque du Bronze avec celle du début de l'Age du Fer. Il faut, selon toute vraisemblance, inclure le cours inférieur de la rivière Biélaïa dans la région où s'est formée la culture ananienne. Le processus de formation de la population au début de l'Age du Fer, sur le cours moyen de la rivière Biélaïa, reste obscure jusqu'à présent.

О. В. ДЬЯКОВА, Э. В. ШАВКУНОВ

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА НИЖНЕМ АМУРЕ — ГОРОДИЩЕ СИКАЧИ-АЛЯН

История племен, населявших территорию Приамурья в период железного века, в археологическом отношении все еще остается слабо изученной. Правда, имеющийся в настоящее время археологический материал позволяет подразделить все известные памятники этой эпохи на три культурно-исторических периода, два из которых, урильский и польцовский, относятся к раннему железному веку [1], а третий, мохэский, к позднему.

Степень изученности названных культур неравноценна. Их характеристика носит в целом предварительный характер. В связи с этим публикация нового материала, относящегося к периоду железного века Приамурья, представляет определенный интерес.

В 1972 г. сектором археологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР начаты раскопки небольшого городища в районе с. Сикачи-Алян Хабаровского края, расположенного на правом берегу Амура, на вершине высокого скалистого мыса, отвесно обрывающегося северо-западным концом к реке, а с юго-восточной стороны соединяющегося узким перешейком с высокой прибрежной террасой. Поперек перешейка сооружена тройная линия хорошо выраженных оборонительных валов высотой до 2 *м* и рвов. Оборонительный вал прослеживается и на остальной части городища. Проходит он по обрывистому, почти неприступному краю мыса, высота сохранившейся части 0,5 *м*. В длину городище имеет 30 *м*, в самой широкой части оно более 13 *м*. Внутри памятника различимы четыре большие западины — остатки жилищ и две небольшие ровные площадки. Еще одна западина находилась за пределами городища, на прорытой вдоль северо-восточного склона мыса террасовидной площадке.

На поселении было заложено два раскопа. Один — на территории городища, второй — на террасовидной площадке северо-восточного склона мыса. Первым раскопом была захвачена крайняя северная западина и маленькая ровная площадка к юго-западу от нее. Нивелировка и дальнейшие работы показали, что наибольшая глубина западины по сравнению с уровнем юго-западной площадки достигает 0,5 *м*. Толщина культурного слоя, состоящего из серовато-желтого песка с включением керамики, от 20 до 70 *см*. Сверху культурный слой был перекрыт 15-сантиметровой толщей гумусированной почвы, снизу подстилался плотной материковой глиной красного и коричневого цветов (рис. 1). Северо-западная часть западины и прилегающая к ней площадка оказались повреждены поздним перекопом.

На месте западины находились остатки впущенного в материк на 0,6 *м* жилища с каном [2].

[1] *А. П. Деревянко.* Ранний железный век Дальнего Востока, ч. 2. Новосибирск, 1972, стр. 243—271.

[2] Впервые на Амуре жилища с канами были раскопаны А. П. Окладниковым и определены как нанайские. См. *А. П. Окладников.* Археологические раскопки в

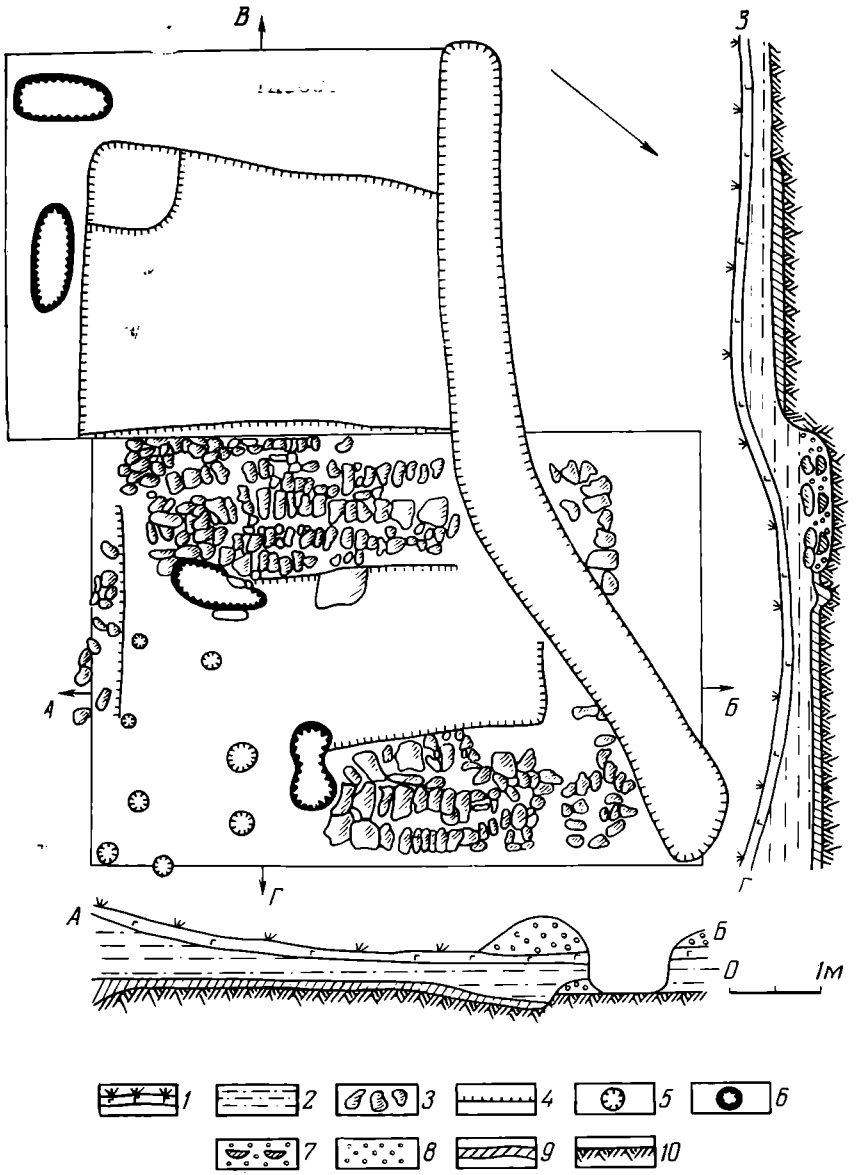


Рис. 1. План жилища 1: *1* — гумус; *2* — серо-желтый песок; *3* — каменная кладка; *4* — граница перекопа и углублений; *5* — ямки от столбов; *6* — граница углублений; *7* — разрез кана; *8* — выбросы из перекопа; *9* — слой беловатой глины; *10* — материк

Жилище 1. Точную форму жилища установить не удалось, но наличие П-образного кана позволяет предполагать, что оно было прямоугольным. Входной стороной жилище обращено на юго-восток. У входа с левой стороны находилась очажная яма левой линии кана. Устье ее было облицовано двумя поставленными торцом массивными каменными плитами. Такая же очажная яма находилась перед правой линией кана, которая на одну треть короче левой. Очажные ямы были заполнены слоем (10 *см*) обожженной до оранжевого цвета глины, являвшейся обмазкой арочного свода очага, и ниже — золистая почва ярко-оранжевого цвета, содержащая мелкие куски пережженных костей и неколько фрагментов керамики.

районе Хабаровска. «Вопросы географии Дальнего Востока», 6, Хабаровск, 1963, стр. 278—279. В Приморье кан обнаружен в период развитого железного века. См. *Ж. В. Андреева*. Поселение Малая Подушечка в Приморье. АО — 1968, М., 1970, стр. 205—206.

Задняя часть кана оказалась полностью разрушенной поздним перекопом. Небольшой участок каменной вымостки в левом углу позволяет утверждать, что кан имел три дымоходных канала, вымощенных сверху каменным плитняком. Конструктивная особенность самого жилища — наличие углубленного по отношению к кану пола (глубина пола возрастает по мере приближения к задней линии кана и достигает 50 *см*).

Вдоль передней стенки жилища удалось выявить пять ямок от столбов, из которых угловая находилась за пределами стены и, судя по всему, представляла собой остатки подпорного столба. Вдоль передней стены удалось обнаружить остатки каменной вымостки.

Внутри жилища выявлены еще три ямки, две из которых расположены перед правым очагом, а третья в 1 *м* от входа и 0,6 *м* от левого очага. В ямки, судя по остаткам обуглившихся древесных комлей, были врыты столбы, функция которых неясна. Возможно, для утепления помещения была сооружена вторая, внутренняя стена жилища.

Пол жилища покрыт и утрамбован толстым слоем (от 5 до 20 *см*) беловатой глины, под которой сразу же начинался материк. В глиняном покрытии пола встречались фрагменты толстостенной керамики с пальцевыми и ромбическими вдавлениями на внешней стороне. В этом же слое попадались каменные отщепы.

Непосредственно на полу жилища, а также на кане и в очагах встречалась керамика только мохэского времени [3]. Кроме того, на правой линии кана был обнаружен бронзовый бубенчик, обломок бусины из голубого стекла, брусковидные керамические грузильца от рыболовных сетей, обломок каменного точильца, кости животных.

С юго-западной стороны к жилищу 1 примыкала небольшая довольно ровная площадка, находившаяся по отношению к полу жилища на высоте 0,5 *м* (рис. 1, разрез В—Г). Зачистка этой площадки наряду с данными стратиграфического разреза показала, что здесь было примерно такое же чередование слоев, как и над котлованом жилища 1. Важное исключение составляет лишь то обстоятельство, что удалось выявить небольшое прорезанное с северо-западной стороны перекопом, а с северо-восточной — котлованом жилища углубление подпрямоугольной формы, впущенное в материк на 15 *см*. Заполнение его содержало светло-желтую супесь с фрагментами керамики с пальцевым и ложнотекстильным орнаментами, характерными для раннего железного века [4]. Все это дает основание предполагать, что углубление является остатками жилища более древнего поселения, на месте которого впоследствии было построено городище позднего железного века. Выше, над слоем светло-желтой супеси, находилась супесь серого цвета, содержащая керамику раннего и позднего железного веков. Последняя обнаружена также в расположенных в юго-восточной части площадки двух очагах, представляющих собой вырытые в материковом слое овальные продолговатые ямы с глиняными сводами арочного типа над ними, сохранившиеся лишь частично.

Поскольку оба очага находились у самого края площадки, т. е. за пределами указанного углубления, и здесь не удалось обнаружить никаких следов от прочих сооружений, то правомерно было бы заключить о налп-

---

[3] Исследователями принято считать типично мохэской керамикой сосуды вазовидной и горшковидной формы с налепным валиком-карнизиком под венчиком. См.: *А. П. Окладников.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, стр. 184; *Н. Н. Забелина.* Новые данные о древних связях Дальнего Востока с Забайкальем. «Вопросы географии Дальнего Востока», 6. Хабаровск, 1963, стр. 263; ***Е. И. Деревянко.*** Датированный мохэский памятник на Среднем Амуре. Изв. СО АН СССР, вып. 3, 11, серия обществ. наук, 1968, стр. 101, 102.

[4] *А. П. Окладников, А. П. Деревянко.* Польцо — поселение раннего железного века у с. Кукелево. Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции, вып. 1. Новосибирск, 1970, стр. 33, 35, 38, 40; *А. П. Деревянко.* Поселение урильской культуры в с. Кукелево «Бензобаки». МАСДВ, ч. 1. Новосибирск, 1972, стр. 132, 133, 136.

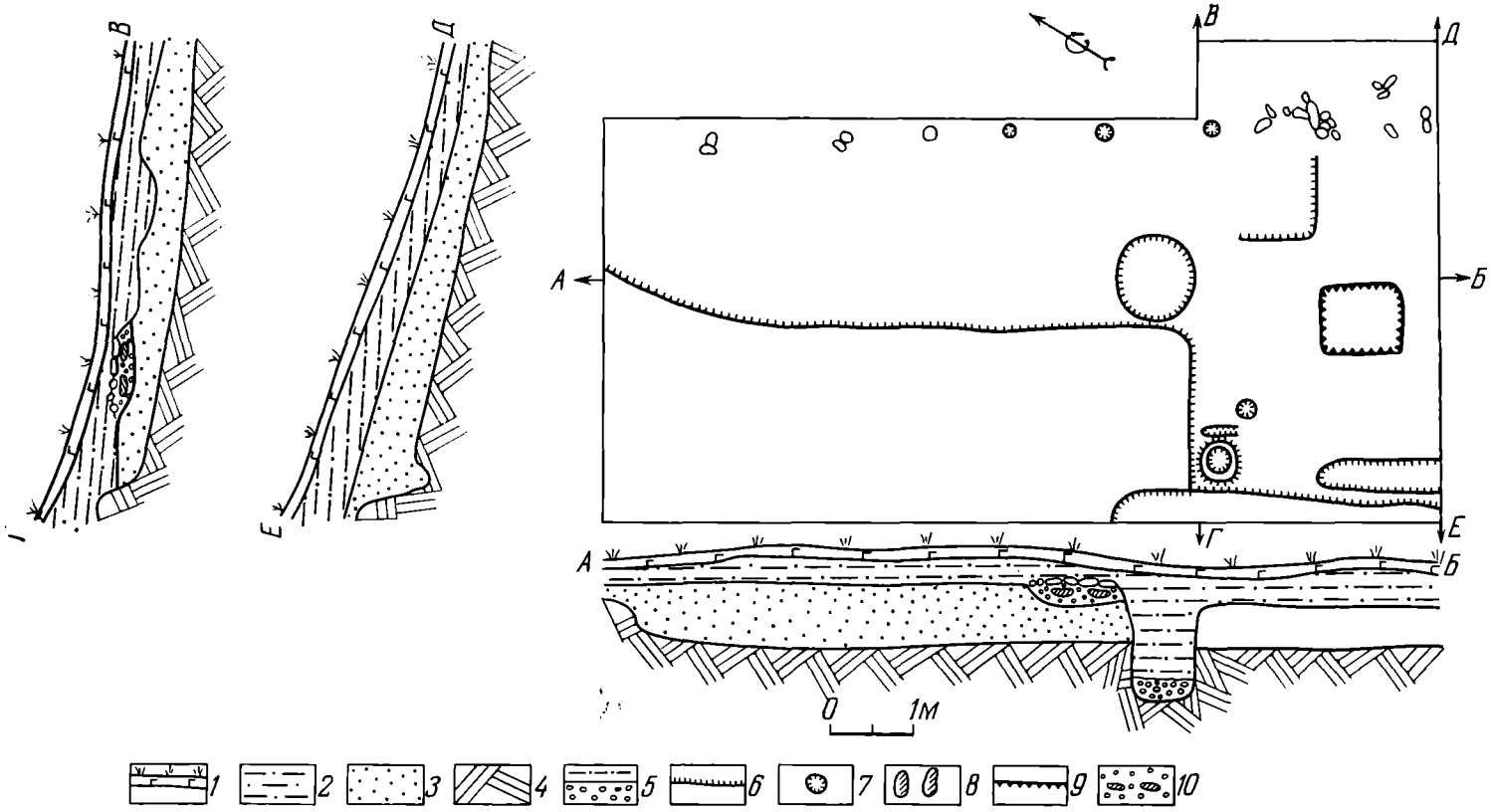


Рис. 2. План нижнего слоя раскопа 2: *1* – гумус; *2* – серо-желтая супесь; *3* – светло-желтая супесь; *4* – материк; *5* – заполнение ямы; *6* – граница углублений; *7* – ямки от столбов; *8* – каменная кладка; *9* – граница очажных ям; *10* – разрез кана

чии в данном месте хозяйственного дворика. При зачистке площадки обнаружены керамические грузильца от рыболовных сетей, которые, возможно, в данном месте сушили.

Жилище 2. Остатки жилища были выявлены в процессе раскопок на террасовидной площадке искусственного происхождения. Два поперечных и один продольный разрезы, полученные при прокладке траншей, показали наличие двух четко различимых слоев. Верхний слой состоял, как и на первом раскопе, из серой или серовато-желтой супеси мощностью от 20 до 65 *см* и залегал непосредственно под дерновым слоем. В слое серой супеси встречалась керамика раннего и позднего железного веков. Под этим слоем залегала светло-желтая супесь с включениями керамики с пальцевым и ложнотекстильным орнаментами. Ниже располагался слой красно-бурой глины (рис. 2).

При зачистке верхнего слоя (на границе между верхним и нижним) выявились остатки П-образного двухканального кана с двумя очагами. Перед центральной частью задней линии кана находилась круглая в плане яма диаметром 1 *м* и глубиной 1,2 *м* от поверхности пола. Никаких следов от столбов выявить не удалось, поэтому форма и площадь жилища остались невыясненными. В очажных ямах кроме золы, содержащей большое количество мелких крошек сильно пережженной кости, ничего не обнаружено. При зачистке ямы, расположенной перед задней линией кана, на дне и в придонной ее части находились фрагменты керамики мохэского типа, золистые линзы с большим содержанием древесного угля и рыбьих костей хорошей сохранности. В процессе раскопок жилища 2 на поверхности кана и на полу встречены фрагменты керамики как мохэской, так и более ранних культур. Здесь же обнаружены несколько кусочков шлака, железный нож, кости животных, пряслица, две бусины из голубого и молочно-белого стекла, а также целые и фрагментированные каменные орудия.

К юго-западу от входной стороны жилища 2 под осыпью лежащего выше склона мыса удалось выявить небольшую прорытую земляную приступку, на поверхности которой были обнаружены фрагменты мохэской керамики, кости животных и керамические прямоугольные грузильца от рыболовных сетей. На расстоянии метра от левого очага жилища 2 была найдена бронзовая монетовидная подвеска.

В нижнем слое керамика позднего железного века отсутствовала. Окончательная зачистка нижнего слоя вплоть до материка позволила выявить следующую картину: вдоль всей линии северо-восточной границы второго раскопа, у самого начала внешнего склона террасовидной площадки, располагались приблизительно на одинаковом расстоянии друг от друга ямки от столбов, около которых находились скопления камней. Это, судя по всему, либо остатки частокола, служившего изгородью, либо же специального ограждения, предотвращавшего размыв края террасовидной площадки. В целом второй раскоп условно делится на две части: южную и северную. В северной части не удалось проследить остатки или хотя бы следы каких-либо сооружений. Находок здесь было мало. Вся северная часть второго раскопа состоит из двух узких, по 2,5 *м* шириной, продольных уступов, один из которых возвышается над другим на 60 *см*.

В южной части второго раскопа удалось выявить остатки древнего жилища. От него сохранилась в западном углу небольшая с овальным дном ямка глубиной 15 *см*, окруженная материковым выкидом. Рядом с ней была прорыта узкая канавка, недалеко от которой находилась еще одна ямка от столба. В южном углу раскопа частично прослежена уходящая под бровку канава (ширина 40 *см*, длина 1,5 *м*, глубина 20 *см*). Заполнение канавы целиком состояло из золистой почвы серого цвета, иногда оранжевого. Почти посредине южной части раскопа выявлены остатки вырытого в материковом слое квадратного в плане очага размером 92×84 *см* и глубиной 15 *см*. На красно-буром фоне обожженной матери-

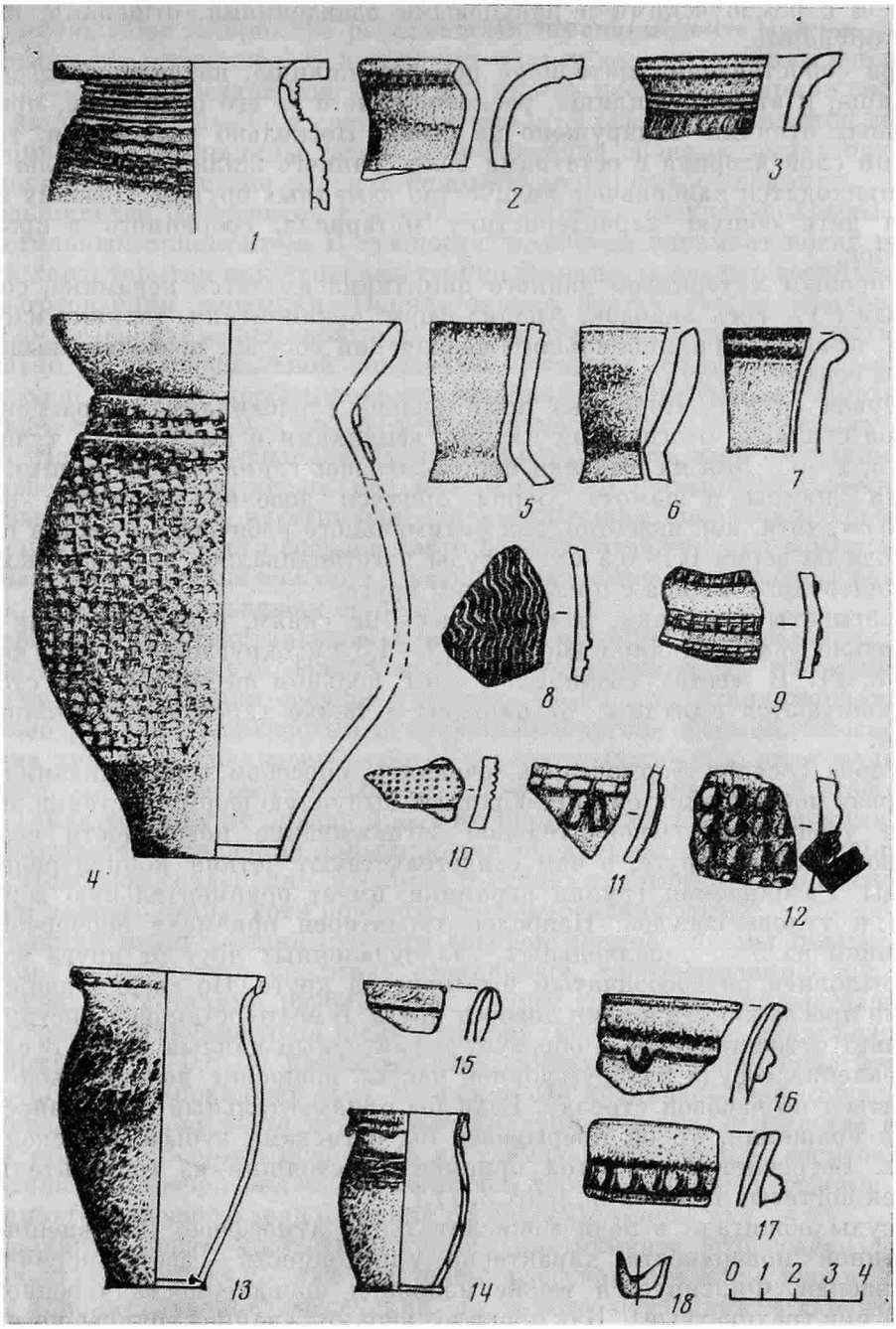


Рис. 3. *1–3* – керамика первой группы; *4–7, 11–12* – второй группы; *8–10* – единичные фрагменты керамики; *13–17* – керамика третьей группы; *18* — четвертой группы

ковой поверхности этот очаг резко выделялся черным цветом. Заполнение очага состояло из золистой почвы с большим содержанием мелкой крошки древесного угля. Стенки очага почти отвесные, дно чуть покатое к центру. На дне очага были найдены фрагменты маленьких керамических скульптурок типа уточек, а также несколько фрагментов сосудов с пальцевыми вдавлениями. К северу от очага удалось частично проследить остатки какого-то подпрямоугольного в плане углубления.

В отличие от северной части раскопа нижний слой южной части второго раскопа оказался чрезвычайно насыщенным фрагментированной ке-

рамикой с ромбическими и пальцевыми вдавлениями, отщепами, каменными орудиями.

При сопоставлении материала первого жилища, находящегося внутри городища, и второго жилища, расположенного за его пределами, принципиальных отличий обнаружено не было. Несколько выделяется только нижний слой дворика с остатками более раннего жилища, на долю которого приходится наибольшее количество каменных орудий. Поэтому имеет смысл дать общую характеристику материала, собранного в процессе раскопок.

Основным материалом данного памятника является керамика, составляющая 80% всех находок. Анализ форм, орнаментики, техники изготовления, отчасти функционального назначения сосудов позволяет выделить четыре основные группы.

Первая группа. Керамика представлена горловинами и фрагментами сосудов с плавно отогнутыми наружу венчиками и выпуклыми туловами (рис. 3, *1—3*). Для их выделки использовалась глина с отощающими примесями дресвы и шамота. Зерна примеси довольно крупные: от 0,1 до 0,6 *см*, хотя, как известно, для оптимального рабочего состояния глины необходимы зерна 0,1—0,3 *см*. Сосуды изготавливались техникой кольцевого ленточного налепа с применением круга.

Фрагменты керамики, разошедшиеся по спаям, обнажают края лент с довольно узкой спайной дорожкой 1—1,5 *см* округло-изогнутой формы (рис. 3, *1*). В местах соединения лент кольцом на внутренней стороне прослеживаются вмятины от пальцев, а также характерные утолщения стенок.

Тулова сосудов формовались, очевидно, способом выколачивания, так как сразу после шейки они приобретают выпуклую форму и стенки значительно утончаются. Окончательное заглаживание поверхности сосудов производилось на круге, о чем свидетельствуют четкие концентрические борозды. Разбираемая группа керамики имеет орнаментальную зону на шейке и тулове сосудов. Наиболее характерен орнамент прочерченный состоящий из 5—6 параллельных, равноудаленных друг от друга желобков. Выполнен он гребенчатым штампом на круге. По следам движения штампа прослеживается один поворот круга. В месте остановки инструмент оставляет оттиски зубьев и образует характерный наплыв теста. В случае установления сосуда на круг донной частью вращение должно было производиться по часовой стрелке. Если бы орнаментальный пояс наносился не при вращении, то он прерывался бы оттисками зубьев в нескольких местах. Встречается и другой орнамент, состоящий из горизонтальных цепочек ногтевых вдавлений (рис. 3, *1*).

Сосуды обжигали в печи в окислительной атмосфере. Для внешней и внутренней поверхности характерна однотонность — светло-коричневая или красная. Фиксируется также неполная прокаленность черепков (в изломе они трехцветные). Как правило, керамика данной группы не имеет следов нагара или закопченности, поэтому вряд ли она использовалась в качестве кухонной посуды.

Сосуды подобной формы и с аналогичным орнаментом встречаются среди материалов урильской культуры, но массовыми они являются для польцовской культуры [5].

Вторая группа. Керамика представлена сосудами и фрагментами с прямыми в профиле и близкими к прямым отделенными шейками, выпуклыми туловами и резко сужающимися придонными частями (рис. 3, *4—7*). Для лепки сосудов использовалась каолиновая глина с отощающими примесями — дресвой. Изготовлены сосуды кольцевым налепом. Данная груп-

[5] *А. П. Деревянко.* Ранний железный век Приамурья, стр. 306, табл. 33; *А. П. Окладников, С. В. Глинский, В. Е. Медведев.* Раскопки древнего поселения Булочка у города Находка в Сучанской долине. Изв. СО АН СССР, вып. 2, № 6, серия обществ. наук, 1972, стр. 67.

па имеет большое количество распавшихся по спаям лент. Причем форма спая не всегда одинакова. В некоторых частях сосуда дорожка очень узкая —0,7—1 *см* и срезана под углом 60°, иногда наоборот, ширина спайной дорожки достигает 2—3 *см*, соответственно угол среза уменьшается до 30°. Закономерность и причины такого расположения спаев остаются пока невыясненными вследствие сильной фрагментированности керамики.

Большинство фрагментов боковых стенок этих сосудов покрыты ложнотекстильным орнаментом. В сущности, подобный орнамент носит технический характер, так как непосредственно связан с производственным циклом изготовления керамики. Окончательная форма сосуду придавалась способом выколачивания, поэтому на его стенках остаются негативные отпечатки узора специальной лопаточки. В тонких местах накладывались новые слои теста и «пробивались» лопаточкой, отчего стенки становились довольно толстыми —0,7 *см*, а в изломе получалась характерная слоистость. На некоторых фрагментах последовательность этой операции прослеживается довольно четко: под каждым слоем фиксируется ложнотекстильный орнамент — негативный отпечаток узора лопаточки. Орнамент на внешней поверхности сосудов часто бывает заглажен или замыт водой.

Аналогичную техническую характеристику имеют фрагменты боковых стенок, покрытые пальцевым орнаментом.

Нередко ложнотекстильный, пальцевый и ногтевой орнаменты сочетаются на одном сосуде. Наиболее часто это фиксируется на придонной части тулова. Донышки сосудов (диаметр 9—9,5 *см*) отличаются исключительно ровной поверхностью и правильно круглой формой. Способ сочленения тулова и дна своеобразен. Дно изготовлялось в виде глиняной лепешки, которая затем охватывалась снаружи нижней лентой стенок тулова. Такая техника не давала прочного скрепления дна со стенками: часто наблюдается выпадение донышка или оконтуривание его трещиной по спаю. Подобное сочленение донышка и тулова встречается у мохэской керамики раннего этапа, хотя по форме сосуды различаются [6].

Внешняя и внутренняя стороны сосудов данной группы покрывались ангобом. В результате керамика становилась влагонепроницаемой. Конструктивными деталями разбираемой группы сосудов являются налепные ленты, располагающиеся по шейке, тулову, под венчиком. Налепная лента шириной 0,6—0,8 *см* накладывалась сантиметром ниже края венчика в широкий ложбиновидный срез. Вторая лента крепилась на границе шейки и тулова. Довольно часто встречаются налепные ленты — одна-две на боковых стенках. Все они крепились на гладкую поверхность сосудов, а не вставлялись в прочерченные желобки, что характерно для керамики культур раннего железного века бассейна Амура и Приморья [7].

Крепились ленты ударами округлого инструмента, что создавало волнообразную поверхность, или шпателем, рассекавшим лишь верхний слой ленты (очень глубокие рассечения до самого основания — характерная черта керамики урильской и польцовской культур бассейна Амура).

Порядок расположения налепных лент, декорирующих сосуды, а также свободно свисающие «усы» позволяют предполагать имитацию шнура, опоясывающего сосуд. Обжигали керамику в печи в окислительной атмосфере. Ряд качеств — пористость сосудов, ангобирование, иногда обмазка глиной поверх орнамента, отсутствие закопченности и нагара, а также до-

---

[6] Среди известных памятников позднего железного века эта техника зафиксирована пока только на сосудах из могильников Найфельд и Кочковатка (Еврейская автономная область).

[7] *А. П. Деревянко.* Приамурье в древности. (До начала нашей эры). Автореф. докт. дисс. Новосибирск, 1971, стр. 54; *Ж. В. Андреева.* Раскопки между мысом Седловидным и поселком Южным в Уссурийском заливе в 1955 г. Труды Дальневосточного филиала СО АН СССР, серия истор., т. 1. Саранск, 1959, стр. 121. Иногда за специально прочерченный желобок для вставления налепной ленты можно ошибочно принять края ангобного слоя на месте отпавшего налепа, создающие иллюзию намеренно сделанного желобка.

вольно крупный объем (3—4 *л*) — наводит на мысль об использовании керамики второй группы в качестве посуды для хранения продуктов питания.

По характеру орнаментации, форме и технике изготовления керамика этой группы ближе всего стоит к сосудам польцовской культуры.

Третья группа. Керамика представлена сосудами вазовидной и горшковидной форм различных размеров с налепным валиком-карнизиком под венчиком. Они определяются в литературе как «типично мохэские». Для лепки использовалась каолиновая глина с малым количеством примеси кварцевого песка. Выделка сосудов производилась кольцевым ленточным налепом. Края лент имели скошенность внутрь сосуда (рис. 3, *14*). Сборка сосудов производилась, вероятно, по частям. Только этим можно объяснить отсутствие следов формовки на дне и венчике. Соединение дна и тулова производилось двумя способами (рис. 3, *13*, *14*). Дно-лепешка и придонная лента с внешней стороны скреплялись защипами, отчего образовывалась характерная закраина (рис. 3, *13*). На некоторых сосудах придонная лента накладывалась поверх донышка и затиралась (рис. 3, *14*). Для лепки венчика использовалась стандартная, как и для всего сосуда, лента со скошенными краями (рис. 3, *14—17*). Скос выравнивался подлепной лентой. Среди керамики данной группы имеется сосуд с существенной особенностью в технике изготовления, хотя по внешнему виду он практически не выделяется. Особенность его состоит в отсутствии налепного валика, так как последний сформован из ленты венчика (рис. 3, *13*). Этот сосуд является инородным среди «типично мохэских» и находит себе аналогии только среди керамики могильников Кочковатка и Найфельд [8].

В расположении орнамента четко прослеживаются две зоны: по налепному валику — вертикальные ряды оттисков гребенчатого штампа, неглубокие насечки шпателем, вдавления круглым инструментом; по плечикам — равномерные вертикальные ряды оттисков гребенчатого штампа, горизонтально прочерченные волнообразные желобки, выполненные тем же инструментом на круге.

Для этой группы сосудов характерен обжиг в восстановительной среде, придающий керамике черный цвет и почти абсолютно влагонепроницаемость. Сосуды подвергались тщательному, иногда почти зеркальному лощению, что характерно для поздне-мохэской керамики.

Для полной характеристики разбираемого типа необходимо указать на наличие слоя нагара на внутренней и внешней стороне сосудов, что, вероятно, свидетельствут о принадлежности их к категории кухонной посуды.

К четвертой группе мы отнесли две маленькие чашечки (диаметр дна 1,2 *см*, высота 1,5—3 *см*), грубо вылепленные из одного куска глины (рис. 3, *18*). Поверхность их совершенно не заглажена.

Отдельные керамические находки представлены единичными экземплярами и не могут быть отнесены ни к одной из выделенных групп. Это фрагмент боковой стенки сосуда с вертикальным волнообразно прочерченным орнаментом; фрагмент сосуда с орнаментальной композицией, состоящей из рядов круглых ямок, заключенных между двумя горизонтальными желобками (рис. 3, *8*, *10*).

Имеется в небольшом количестве керамика с малиновой окраской. Как правило, она представлена тонкостенными, неорнаментированными фрагментами боковых стенок или горловин сосудов второй группы. Встречены заготовки пряслиц круглой формы, вырезанные из стенок сосудов.

---

[8] *А. П. Окладников, А. П. Деревянко.* Мохэский могильник в поселке Найфельд, Еврейская автономная область. Сб. «Древняя Сибирь», вып. 2. Новосибирск, 1966, стр. 131—147. Разбор техники выделки дается О. В. Дьяковой. *О. В. Дьякова.* К вопросу о технике изготовления мохэской керамики. Тезисы докл. IX научной конф. студентов и аспирантов. История и филология. Новосибирск, 1971, стр. 5.

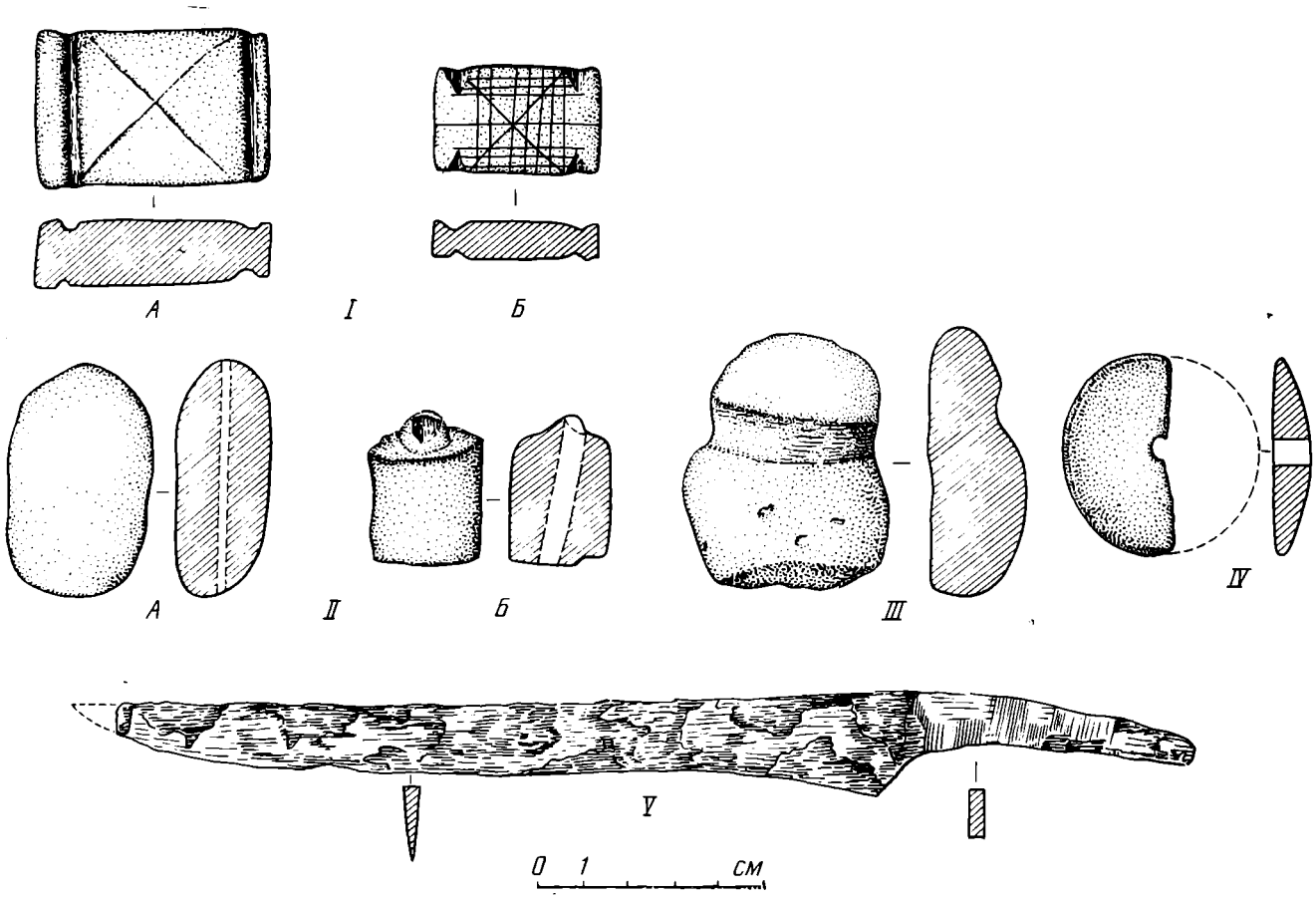


Рис. 4. *I — А — Б* — прямоугольно-уплощенные глиняные грузила; *II — А — Б* — цилиндрические глиняные грузила; *III* — обломок глиняного грузила; *IV* — фрагмент пряслица; *V* — нож

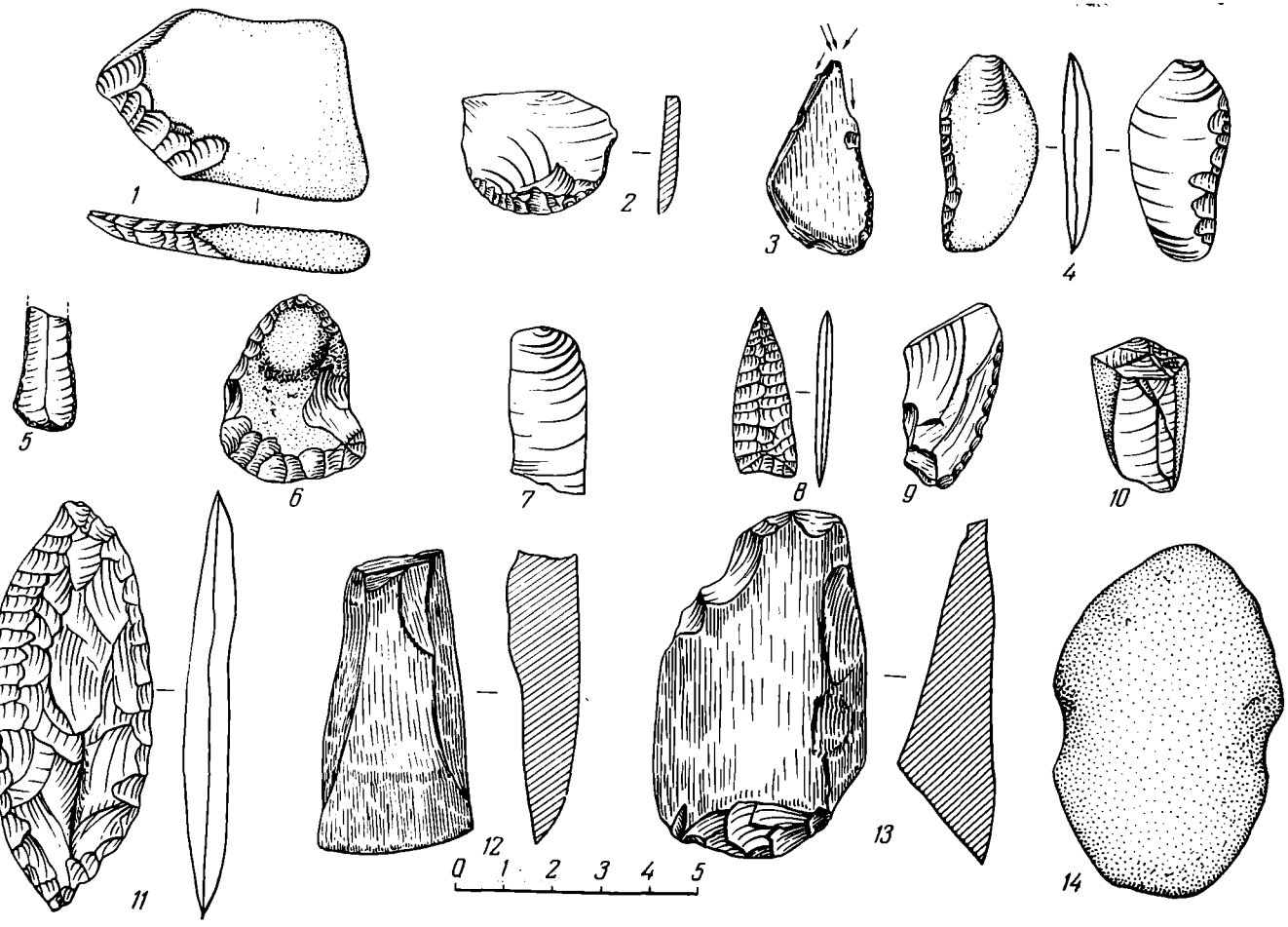


Рис. 5. *1*, *4*, *9* — каменные ножи; *2*, *5*, *6* — скребки; *3* — комбинированное орудие; *7* — отщеп; *8* — наконечник стрелы; *10* — нуклеус; *11* — наконечник копья; *12* — тесло; *13* — обломок шлифованного орудия; *14* — каменное грузило

Особо следует отметить глиняную фигурку, похожую на уточку, шарик и плиточку в мелких наколах, обнаруженные в яме на территории хозяйственного дворика.

Характеристика керамического материала была бы неполной без описания грузил (36 шт.). По форме грузила подразделяются на две группы. Основная часть грузил (33 шт.) прямоугольно-уплощенная с внешним креплением. По характеру желобков внутри этой группы различаются грузила с реберно-торцовыми парными треугольными выемками (рис. 4, *I—Б*) и со сплошными парными поперечно-плоскостными желобками (рис. 4, *I—А*). Три грузила имеют цилиндрическую форму с внутренним креплением (рис. 4, *II—А—Б*).

Для раннего железного века Дальнего Востока более характерны каменные грузила. Керамические грузила становятся распространенными в поздний железный век и средневековье. На нижнем Амуре они иногда применяются местным населением до настоящих дней.

Каменный инвентарь, встреченный в заполнении жилищ, маловыразителен. Представлен он грубыми отщепами, иногда со следами использования, но обычно не ретушированными.

Кроме них выделяется серия грузил самого простого типа — речная галька овальной формы с боковыми противолежащими выбоинами (рис. 5, *14*). Небольшая коллекция каменных орудий обнаружена при раскопках площадки перед первым жилищем, располагавшимся на месте более древнего поселения.

В коллекции имеется один небольшой нуклеус из халцедоновой гальки (рис. 5, *10*). Ударная площадка его хорошо подтесана и расположена под углом 90° к плоскости скалывания. Со стороны площадки снята единственная пластина на всю высоту нуклеуса. Остальные попытки оказались неудачными.

Наконечники метательных орудий представлены двумя образцами. Один из них является сравнительно крупным листовидным наконечником копья, изготовленным из метаморфизованной сланцевой породы (рис. 5, *11*). Обработан он крупными сколами. Одна сторона частично подправлена отжимной ретушью. Под действием эрозийных процессов негативы сколов потеряли четкость. Типологическая характеристика позволяет отнести его к формам, известным на Амуре уже в неолитическое время. Возможно, люди более позднего периода приносили их с берега Амура на свое поселение. Второй образец — треугольный наконечник стрелы из халцедона со слабо намеченной выемкой в основании и несколько ассимметричными жальцами. Обработан достаточно тонкой отжимаемой ретушью (рис. 5, *8*).

Несколько орудий, имеющих острое, двусторонне обработанное лезвие, можно выделить в качестве режущих инструментов — ножей (рис. 5, *1*, *4*, *9*). Незначительная площадь обработанной поверхности, использование местных яшмовидных и сланцевых материалов, применение ударной ретуши для оформления рабочей части позволяет думать, что этот материал отражает деградацию каменной индустрии.

Скребки типологически относятся к концевым, кроме одного (рис. 5, *2*, *5*, *6*); два изготовлены на довольно грубых отщепах, а третий — на трехгранной в сечении ножевидной пластине с обработанными мелкой ретушью боковыми сторонами (рис. 5, *5*).

Комбинированное орудие, представляющее сочетание режущего инструмента и многофасеточного резца, сделано из окаменелого дерева (рис. 5, *3*). Нижние резцовые сколы не имеют функционального назначения. Их наличие можно объяснить совпадением общего направления скола с расположением слоев исходного материала, что позволило мастеру без особого труда убрать часть острой, режущей кромки. Иначе говоря, приемом резцового скола часть лезвия была сознательно затуплена, чтобы предохранить руку в процессе использования инструмента.

Рубящие орудия представлены трапециевидным в плане и прямоугольным в сечении теслом (рис. 5, *12*) с острым асимметричным лезвием, обломком отлично шлифованного орудия, превращенного несколькими грубыми сколами в рубящескребловидный инструмент (рис. 5, *13*).

Металлические изделия представлены одним бронзовым бубенчиком желудевой формы с двумя боковыми отверстиями и прорезью в нижней части; ножом с сильно коррозированным лезвием (рис. 4, V); бронзовой монетовидной подвеской с квадратным сквозным отверстием в центре и двумя круглыми — с левой и правой сторон. Последняя оказалась сильно стертой, вероятно, в результате длительного ее ношения, хотя металл не имеет следов коррозии. Из-за затертой поверхности нет возможности дать характеристику имевшегося на ней орнамента.

Палеофауна поселения характеризуется наличием костей: свиньи, большинство которых принадлежит молодым особям, медведя, собаки, парнокопытного (изюбрь или домашняя корова), суслика [9].

Ихтиофауна сравнительно бедна. Она представлена костными остатками крупных амурских рыб семейств карповых, касаток, осетровых.

Анализ материала и стратиграфия памятника позволяют говорить о существовании на городище двух разновременных комплексов материальной культуры.

Первый комплекс характеризуется наличием керамического (первая, вторая группы) и каменного инвентаря с совокупностью ранних признаков. Но если для урильских и во многих случаях польцовских сосудов характерна инкрустация налепными валиками и лентами, то к началу позднего железного века эта черта совершенно исчезает. Отсутствует инкрустация и на Сикачи-Алянской керамике. Следовательно, нижний слой городища, видимо, не может быть датирован началом польцовской культуры.

Кроме того, между польцовской керамикой и керамикой позднего железного века существует определенная связь в технике изготовления — например, прием сочленения донышка и тулова, ангобирование, состав теста, орнаментации, отчасти формы, что также позволяет предполагать существование нижнего слоя городища в поздний этап польцовской культуры.

Второй комплекс характеризуется керамикой третьей группы, глиняными грузильцами, металлическими изделиями. Именно этот комплекс наиболее соответствует времени существования основного городища. Такие признаки, как сильное лощение керамики, наличие канов в жилищах, впервые обнаруженные в этот период на территории Амура и по конструкции полностью совпадающие с чжурчжэньскими канами XII в., позволяют говорить о том, что городище существовало в поздний этап позднего железного века, т. е. не ранее V в. н. э. Тем более что на скалистых уступах мыса непосредственно под северо-западной оконечностью городища имеются наскальные рисунки, выполненные техникой граффити. Эти рисунки опубликованы А. П. Окладниковым, относящим их к мохэскому времени. Такая датировка вполне согласуется как с характером их местонахождения, рядом с Сикачи-Алянским городищем, так и со стилем их исполнения, столь характерным для древнетюркских рисунков V—VIII вв. [10].

---

[9] Пользуясь случаем, мы приносим благодарность Э. В. Алексеевой за сделанные определения остеологического материала.

[10] *А. П. Окладников.* Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968, стр. 80—115. Сопоставительного анализа летописных сведений о расселении древних племен и материальной культуры никем из исследователей не проведено. Поэтому авторы считают название культуры мохэской пока условной.

O. V. Diakova, E. V. Chavkounov

UN NOUVEAU MONUMENT DE L'AGE DU FER SUR LE COURS INFERIEUR DE L'AMOUR: LE SITE DE SIKATCHI — ALIAN

Résumé

A l'automne de 1972, un groupe de la mission archéologique de l'Institut d'Histoire, d'Archéologie et d'Ethnographie des peuples d'Extrême – Orient a fouillé un site près du village de Sikatchi – Alian, sur le cours inférieur de l'Amour. Il a été établi que ce monument comprend deux couches. L'inférieure est constituée par un matériel du début de l'Age du Fer, de la culture de Poltzo. La couche supérieure du site est représentée par un matériel se rapportant à la fin de l'Age du Fer.

А. И. САЛОВ

КЛАД III—IV вв. С ШУМ-РЕЧКИ

(Анапский район)

В марте 1972 г. у с. Гай-Кадзор при вспашке поля на правом склоне Шум-речки найден клад бронзовых боспорских монет III—IVвв. (см. таблицу на вклейке, стр. 80—81), где оказалось также два варварских подражания римским денариям. В Анапский краеведческий музей поступили 233 монеты, хотя общее число монет, вероятно, превышало 250. Бронзовые (231 шт.) монеты составляют чекан последних царей Боспора: Фофорса — 58 экз., Радамсада — 13 экз., Рискупорида VI—150 экз., кроме того, в коллекции имеются две грубо выполненные мелкие монеты — подражания из низкопробного медно-серебряного сплава весом 2,1 и 2,8 *г*.

Все монеты хорошо сохранились, покрывающий их тонкий слой окислов у большинства экземпляров был удален механической расчисткой. Хранятся в Анапском музее, № 7635—7728 и 8223—8361.

Список монет

Фофорс 583—605 гг. б. э. (286—308 гг.)

1—2 583 г. б. э., вес 7,37; 7,7 *г*.

2—4 586 г. б. э., вес 8,4; 7,6 *г*.

5—6 587 г. б. э., вес 7, 75; 7, 44 *г*.

7 588 г. б. э., вес 7,6 *г*.

8—13 591 г. б. э., вес 7,5; 7,3; 7,8; 7,2; 7,7; 7,27 *г*.

Статер № 13 имеет на лицевой стороне (л. с.) изображение трезубца.

14—19 592 г. б. э., вес 7,45; 7,65; 7,7; 7,1; 7,15; 7,75 *г*. Статеры № 14—17 на л. с. имеют изображение трезубца, а № 18—19 имеют в качестве дифферента шарик.

20—29 593 г. б. э., вес 7,66; 7,8; 7,5; 8,0; 7,59; 7,7; 7,2; 7,55; 7,4; 7,2 *г*. Даты на статерах № 28—29 плохо различимы. На л. с. № 20—22 трезубец.

30—41 594 г. б. э., вес 7,1; 7,65; 7,74; 7,8; 7,7; 7,2; 8,2; 7,8; 7,45; 7,75; 7,9; 7,70 *г*. На л. с. № 30—37 дифферент — крест. На л. с. № 38, 40, 41 три точки.

42—48 595 г. б. э., вес 8,45; 7,5; 7,98; 7,8; 8,2; 7,8; 7,94 *г*. На л. с. № 42 дифферент — крест; № 45, 46— Я. № 47—48 на обеих сторонах монет расположены три точки в виде треугольника.

49—53 596 г. б. э., вес 7,55; 7,15; 7,3; 6,83; 7,2 *г*. На лицевой и оборотной сторонах дифференты в виде трех точек.

54—55 597 г. б. э., вес 7,85; 7,5 *г*. На лицевой и оборотной сторонах дифферент в виде трех точек.

56 598 г. б. э., вес 7,3 *г*.

57—61 599 г. б. э., вес 7,8; 8,3; 7,7; 7,5; 7,7 *г*. На лицевой и оборотной сторонах № 59—61 дифференты в виде точек.

62—67 Даты на статерах плохо читаются, но присутствие на оборотных сторонах тамгообразного знака Фофорса определяет их принадлежность к чекану этого царя. Вес 7,72; 7,46; 7,98; 7,3; 7,7 7,4 *г*.

68 600 г. б. э., вес 7,75 *г*.

Таким образом, в Анапском кладе, обнаруженном в 1972 г., монеты Фофорса представлены выпусками с 583 по 600 г. б. э., всего 68 экз., или 32.9%. Монет Фофорса в Патрэйском кладе 1951 г.—30%, в Кепском 1962 г.—27,7%.

Радамсад 606—615 гг. б. э. (309—318 гг.)

69 609 г. б. э., вес 7,5 *г*.

70 611 г. б. э., вес 7,13 *г*.

71 613 г. б. э., вес 7,7 *г*.

72—75 614 г. б. э., вес 6,63; 7,3; 7,05; 7,3 *г*.

76—81 615 г. б. э., вес 7,35; 8,0; 7,57; 7,4; 7,52; 7,67 *г*.

Следует отметить, что на статерах № 76 и 79 дата в виде FIX, а на монете № 78 написана как GIX.

Монет Радамсада в кладе 13 экз., что составляет 5,9% его состава (Второй Патрэйский клад —6,8%, Кепский —4,7%). На монетах № 74 и 79 имя Радамсада читается как Радампсада.

Рискупорид VI 615—633 гг. б. э. (318—336 гг.)

82—87 616 г. б. э., вес 7,55; 7,58; 8,24; 6,96; 7,24; 7,38 *г*. На лицевых сторонах всех статеров этого года дифферент — трезубец, а на оборотных — двузубец, за исключением № 83, где на обороте изображен венок.

88—91 617 г. б. э., вес 7,18; 7,63; 6,9; 8,0; *г*. Дифференты, как на № 82—87.

92—102 628 г .б. э., вес 6,8; 5,7; 7,22; 7,2; 7,1; 7,1; 7,2; 7,0; 7,8; 7,7; 7,5 *г*. На статерах № 92—97 дифференты, как на № 82—87, на статерах № 98—100 на оборотной стороне (об. с.) нет дифферента, а на статерах № 101—102 изображен на л. с. венок. Об. с. монеты № 102 испорчена находчиком. В штемпеле об. с. № 101 стоят буквы НΛХ и редко встречающийся дифферент — ветвь.

103—119 619 г. б. э., вес 7,35; 7,19; 7,46; 7,4; 6,79; 7,6; 6,8; 6,9; 6,7; 7,2; 8,1; 8,0; 7,9; 7,8; 7,12; 7,26; 7,63 *г*. На л. с. статеров № 103—113 помещен венок; на № 114—119—трезубец, а на об. с. — орел.

120--144 620 г. б. э., вес 7,59; 7,6; 7,7; 7,8; 7,5; 7,7; 7,52; 7,4; 6,9; 7,5; 7,7; 7,6; 7,41; 7,79; 7,97; 7,27; 7,97; 8,87; 7,55; 7,2; 7,5; 7,71; 7,41; 7,8; 7,8 *г*. На л. с. статеров № 120—132 находится изображение венка, а на статерах № 133—144 на л. с. — венок, а на об. с.— орел. № 133, 143 имеют начертание букв как KIX. К. В. Голенко подобные монеты датирует 620 г.[1]. Наши экземпляры вполне увязываются с такой датировкой.

145—165 621 г. б. э., вес 8,85; 7,43; 8,19; 8,1; 7,3; 7,8; 7,91; 7,7; 7,8; 7,7; 7,8; 7,2; 8,3; 7,7; 8,1; 7,5; 7,5; 6,89; 7,41; 7,43 *г*. На л. с. статеров № 145—161 помещен венок, на статерах № 161—165 дифференты — трезубец и орел.

166—182 622 г. б. э., вес 7,74; 7,0; 6,9; 7,5; 7,8; 7,51; 7,4; 7,3; 7,4; 7,8; 7,93; 7,1; 7,27; 6,8; 7,8; 7,5 *г*. Статеры имеют следующие дифференты на лицевой и оборотных сторонах: № 166—167— венок — звезда; № 168—174— венок, а о. с.— без дифферентов; № 178—181— венок — Ника на о. с.; на статере № 182— трезубец — звезда.

183—207 623 г. б. э., вес 7,12; 7,87; 7,11; 7,7; 7,56; 7,05; 7,7; 7,38; 7,59; 7,7; 7,25; 7,5; 7,5; 7,4; 7,65; 7,98; 7,35; 7,40; 7,35; 7,75; 7,7; 7,41;

---

[1] *К. В. Голенко, Н. И. Сокольский.* Клад 1962 г. из Кеп. НЭ, VII, 1968, список № 409.

7,25; 7,47; 7,5; 7,55; 6,77 *г*. На № 183—186, 189 дифференты — венок и звезда; № 187—188, 203—204 дифферент только на об. с.— звезда; № 189—196 на л. с.— венок; № 197 дифференты — точка — орел; № 198—202— трезубец — орел; № 205—207 на об. с. дифферент — Ника.

208—218 Дата не ясна. По-видимому, 620-е годы, вес 6,9; 7,55; 8,2; 7,1; 8,0; 7,46; 7,54; 7,68; 7,37; 7,0; 7,8; *г*. Дифференты — трезубец — орел.

219—226 624 г.б.э., вес 7,66; 7,5; 6,95; 7,3; 6,82; 7,54; 7,54; *г*. статеры № 219—222 имеют только одни дифференты — венок на л. с. На статерах № 223—224— трезубец и венок, № 225—226 перед головой императора изображение лука.

227 625 г. б. э., вес 7,1 *г*. Дифференты — венок и звезда.

228—229 627 г. б. э., вес 7,7; 5,15; *г*. Монета № 229 литая.

230 633 г. б. э., вес 7,7 *г*.

В кладе есть единственная монета с изображением на оборотной стороне ветви при обычной лицевой стороне, где изображен венок (№ 101). Ясно видна дата НЛХ (638). Подобные монеты неоднократно публиковались и датируются 618 г. б. э. [2] Они довольно редки.

Важная особенность публикуемого клада — наличие в нем двух варварских подражаний римским денариям. Обе монеты изготовлены из плохого серебра. Монета № 231 (вес 2,1 *г*, р=18 *мм*) имеет на лицевой стороне изображение человеческой головы с расходящимися от нее лучами, а на оборотной — известное изображение идущего Марса или вооруженного копьем воина. Монета № 232 (вес 2,8 *г*. р=17 *мм*) того же типа, что и предыдущая, но с более примитивным изображением головы на лицевой стороне и воина на оборотной. По классификации Л. Н. Казамановой и В. В. Кропоткина, монеты относятся к второй группе [3]. Находка двух варварских подражаний совместно с боспорскими монетами — явление чрезвычайно интересное. До сего времени оно нигде не было зафиксировано и не отмечено в литературе. В кладах боспорских и римских монет III—IV вв. варварские подражания, как правило не встречаются.

Этому же кладу принадлежат еще 30 монет, сданных в Анапский музей позднее (№ 8408—8437). Из них семь монет Фофорса, но даты на монетах не читаются. Их вес 7,5; 7,0; 7,6; 7,5; 7,6; 7,3; 7,8; *г*. Из четырех монет Радамсада определена только одна — 614 г. б. э., вес 6,6 *г*. Даты на остальных не читаются. Вес их 7,5; 7,8; 7,2. Из 19 экз. монет Рискупорида VI определимы 4 монеты:1 экз.—618 г. б. э., вес 7,2 *г*., 2 экз. —620 г. б. э., вес 7,8; 6,8 *г*; 1 экз.— 622 г. б. э., вес 7,3 *г*. Вес остальных монет 7,2; 7,8; 6,5; 7,0; 7,2; 7,8; 7,2; 7,6; 7,6; 7,4; 7,5; 7,8; 7,3; 8,5; 7,6; 7,4 *г*.

Публикуя настоящий клад, следует обратить внимание и на единичные находки монет в районе Анапы, поступившие в Анапский музей. Найдены две монеты Фофорса: 597 г. б. э. (№ 7243) и 598 г. б. э. (№ 7237), найденная в районе с. Сукко, а также две монеты Рискупорида VI. Одна 621 г. б. э. (№ 7485), другая 610 г. б. э., [4]. В 1965 г. в районе с. Гай-Кадзор было найдено «варварское» подражание римским денариям с типом идущего Марса, вес 3 *г* р = 19,5 *мм*, серебро, № 5423. Еще одно «варварское» подражание, на оборотной стороне которого расположены пересекающиеся полосы (№ 7144), обнаружено в 7 *км* от Гай-Кадзора, на средневековом адыгском могильнике в 1,5 *км* юго-западнее станицы Раевской. В этом же районе найдена монета Римиталка.

---

[2] *К. В. Голенко, Н. И. Сокольский.* Ук. соч., табл. VIII, 324.

[3] *Л. Н. Казаманова, В. В. Кропоткин.* «Варварские» подражания римским динариям с типом идущего Марса. ВДИ, 1961, 1, стр. 128—136, табл. I, *6—10.*

[4] *Ю. С. Крушкол.* Находки античных монет в Анапском районе. НЭ, V, 1965. стр. 53, список № 49. Ю. С. Крушкол ссылается на А. Н. Зографа (Античные монеты. МИА, 16, 1951, табл. L25). Монета на табл. L25 датируется А. Н. Зографом 623 г. б. э., а Ю. С. Крушкол публикует монету 610 г. б. э.

Оценивая состав клада и факт его находки у с. Гай-Кадзора в 12 *км* от Анапы (Горгиппия), а также учитывая единичные находки монет, можно сделать предварительные выводы: сходство клада из Анапы с кладами из Патрэя, Кеп, Таракташа убеждает в том, что клады были зарыты внезапно и в одно и то же время. Анализируя находки, связанные с кепским кладом, Н. И. Сокольский пришел к выводу, что он был зарыт в связи с гуннским нашествием. Возможно, что и зарытие Анапского клада связано с этими же событиями, происходившими в 70-е годы IV в. Однотипность монет из Анапского клада с монетами других кладов свидетельствует об однородности денежного обращения в разных частях боспорского государства. Даты монет клада еще раз подтверждают, что после 633 г. б. э. чеканка монет на Боспоре не производилась. Находка в кладе только двух «варварских» подражаний римским денариям не опровергает установившегося мнения, что хождения на Боспоре они не имели. Еще раз потверждается локализация чеканки подражаний где-то в районе Новороссийска.

A. I. Salov

UN TRESOR DES IIIe et IVe SIECLES PROVENANT DE CHOUM — RETCHKI (Region D'Anapa)

Résumé

Un trésor de monnaies datant de la fin de l'Etat de Bospore, trouvé dans la région d'Anapa en 1972, contient des monnaies de Thothorses, Radamses et de Rhescuporis IV. Celles de Thothorses ont été frappées de 584 à 599 de l'ère bosphorienne (68 exempl.). Les monnaies de Radamses l'ont été de 609 à 615 (13 exempl.), et les statères de Rhescuporis VI ont été frappées de 616 à 633 de l'ère bosph. (149 exempl.).

Ce trésor présente un grand intérêt pour l'histoire du règne des derniers rois de Bosphore, car il contient des pièces rares. Une d'elles est le statère de Rhescuporis VI portant la date de ΗΛΧ (638), ce qui correspond à 618 de l'ère bosporienne. En outre, dans ce trésor se trouvent deux imitations barbares de deux denarii romains portant l'effigie du dieu Mars en marche. Jusqu'à présent on n'avait pas trouvé, dans les trésors, de denarii romains à côté des monnaies bosporinnes. Cette trouvaille confirme la localisation des monnaies barbares imitant les romaines dans la région de Novorossisk. Cette découverte de monnaies bosporiennes tardives, de 584 à 633 de l'ère bosph. (287—336 de n. ère) dans la région d'Anapa (Gorgippia) permet de supposer qu'au milieu du IVe s. de n. ère se poursuivait un commerce intense entre Gorgippia et les autres villes de Bospore, où ont été découverts des trésors analogues (à Tiritaka, en 1946, à Féodosia, en 1949, à Kertch, en 1961, à Patreï, en 1951, à Képy, en 1962). En outre, les habitants de Gorgippia commerçaient également avec les tribus voisines, ce qu'attestent, dans les trésors, les imitations barbares de denarii romains.

И. И. КУШНИР

К ТОПОГРАФИИ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

За послевоенные годы наряду с грандиозным строительством новых городов и поселков в широких масштабах развернулись работы по восстановлению и реконструкции исторических городов нашей Родины, варварски разрушенных фашистскими захватчиками в Великую Отечественную войну. Больших восстановительных работ потребовал один из древнейших русских городов — Новгород. В связи с широким размахом строительства здесь возникла необходимость проведения значительных геологических изысканий для определения несущей способности грунта. В послевоенные годы были пробурены сотни скважин, в том числе на территории древнего Новгорода.

В результате археологических раскопок, а также многолетних наблюдений за земляными работами на территории всех пяти концов древнего города накопился богатый материал о культуре, жизни и быте новгородцев.

Однако все еще остается много неразгаданного в развитии и формировании городского организма, в образовании его архитектурно-планировочной структуры.

Темпы и масштабы застройки города и связанные с этим геологические изыскания открывают перед археологами и градостроителями поистине небывалые возможности в изучении строения рельефа древнего Новгорода, интенсивности его заселения, структуры и характера образования культурного слоя.

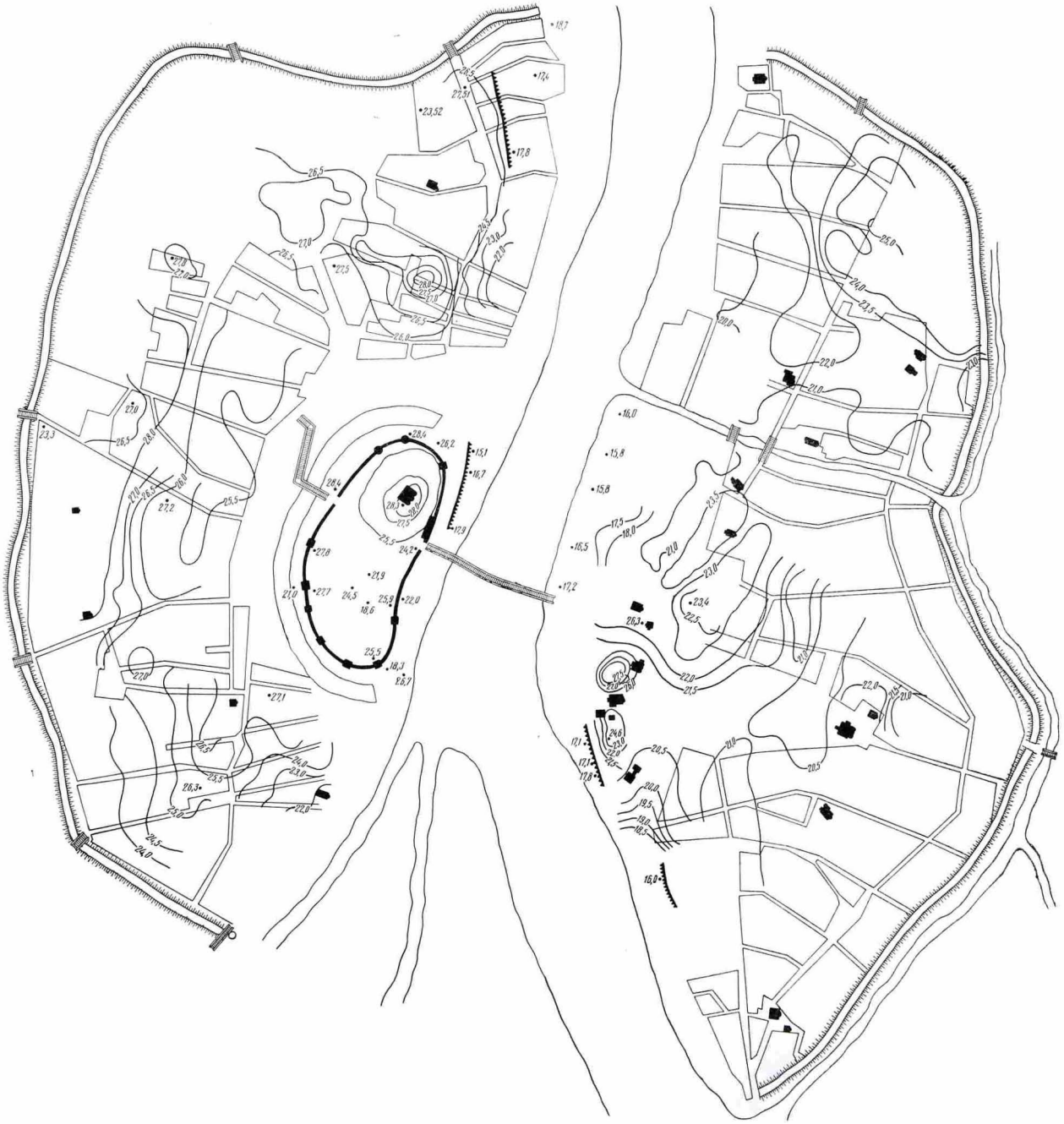
Благодаря использованию материалов буровых скважин теперь стало возможным вести раскопки не вслепую и избегать случайностей (которые нередко встречались ранее).

Автором статьи были зафиксированы данные около 500 буровых скважин, заложенных в границах городского вала, причем наибольшее количество скважин пришлось на прибрежные полосы, включающие особо важные участки древнего Новгорода (см. план.) Имеющиеся материалы позволили построить топографический план территории древнего города.

Прежде всего необходимо рассмотреть мощность культурного слоя и его распределение на территории древнего Новгорода. Как видно из плана, на Софийской стороне, в районах, примыкающих к ныне существующему земляному валу, за исключением части Неревского конца и отдельных участков, очевидно примыкающих к бывшим проездным воротам (они не сохранились), культурный слой отсутствует. Мощность его нарастает по мере приближения к реке, доходя до 7,5 *м* в районе Дмитриевской ул. (Неревский конец).

Несколько меньшую толщину имеет слой в Загородском конце, где мощность его не превышает 4 *м*.

Аналогичная картина и в Людином конце, за исключением небольшого района между улицами Лукинской, Труда, ближе к Пролетарской, где культурный слой доходит до 5,8 *м*. У вала он сходит на нет. Разведанная площадь культурного слоя в Неревском конце глубиной от 5 *м* и



Топография древнего Новгорода

(горизонталями показан рельеф местности, существовавший к рубежу I тысячелетия н. э.)

более составила примерно 4,5 *га*, в Людином конце — почти в три раза меньше (1,4 *га*).

Что же представляла до заселения Софийская сторона? Здесь наивысшая точка 28,3 *м*, она завершает холм северной части Кремля и расположена под Софийским собором. Территория южной части Кремля неоднородна, бугриста, с понижением от 3 до 10 *м*. По-видимому, встречались ямы. Но наряду с ними существовали отдельные возвышения, по которым впоследствии прошли стены Кремля. На многих из них позднее были сооружены башни, такие, как Воскресенская, Пречистенская, Федоровская, Борисоглебская, Покровская, Спасская, Златоустовская.

К северу от Кремлевского холма находился почти такой же высоты еще один холм с наивысшей отметкой 27,98 *м* на пересечении улиц Комарова и Декабристов. На нем расположился Неревский конец.

Менее выраженный холм к югу от Кремля, он имел пологие склоны с падением отметок от 27,1 до 23 *м*. Он соответствовал Людину (Гончарскому) концу. Между Неревским и Людиным концом наблюдается более или менее спокойный рельеф с падением отметок на 1,5—2 *м*. На данной территории, соответствующей Загородскому концу, имелись отдельные незначительные бугры с возвышением на 1—1,5 *м*.

Вблизи кремлевской стены, неподалеку от Владимирской башни, скважиной зафиксирована под культурным слоем глиняная насыпь, что, возможно, является остатками укреплений, шедших вдоль р. Волхов.

Разновременность возникновения обеих половин Кремля подтверждается и мощностью культурного слоя. В северной части его глубина распределяется от 3,15 до 8,5 *м* у Владимирской башни (проездной в Неревский конец). На южной половине толщина слоя от 1,9 до 5 *м*.

Многих исследователей удивляло несколько странное расположение главного общественного сооружения в Кремле — Софийского собора. Его смещенное положение по отношению к центру Кремля вызывало недоумение. Теперь же на основании определения рельефа материка в Кремле удалось установить, что в том месте, где стоит Софийский собор, был некогда холм, являвшийся самой высокой точкой в городе, впоследствии сравнявшийся с прилегающей территорией благодаря наслоениям культурного слоя. Отметки холма над уровнем моря составляли 27,55—28,30 м, с понижением в северном направлении (у Владимирской башни) до 21,75 *м*, в южном (у Спасской башни) — до 25,52 *м*, в западном (у стены) —до 27,15 *м*, в восточном (у стены) — до 24,18 *м*.

Перейдем к рассмотрению Торговой стороны. В Плотницком конце, за бывш. Федоровским ручьем, наибольшая величина культурного слоя не превышает 4,35 *м* (по проспекту В. И. Ленина, вблизи бывшего ручья), в прибрежной полосе он составляет 2,5—3,5 *м* и постепенно при приближении к валу исчезает совсем.

Рельеф Плотницкого конца спокойный и менее возвышенный. Его наивысшая точка 25,4 *м*. Повышение территории прослеживается на участке между проспектом В. И. Ленина, улицами Молотовской, Красной и земляным валом.

Более интенсивный культурный слой наблюдается в Славенском конце. Здесь на довольно обширной территории вскрыт слой свыше 5 *м*. Он простирается от Волхова, у выхода к нему современных улиц Кировской и проспекта В. И. Ленина и идет вдоль них до бывш. Федоровского ручья, приближаясь к реке. Площадь разведанного района составляет примерно 14,5 га, т.е. в три раза больше, чем в Неревском конце. Сюда не входят районы Ярославова Дворища и Торга, где культурный слой менее 5 *м*, что, очевидно, вызвано специфическими условиями (как и в Кремле) заселения (имеется в виду наличие многих общественных сооружений и площадей). Во многих местах вскрыт слой от 7 до 8 *м* и больше на площади около 6 *га*. Он начинается на пересечении улиц 1 Мая и Кировской и идет полосой в 150 *м* в северо — северо-западном направлении до пере-

сечения улиц Большевиков и Герцена. При приближении к земляному валу культурный слой не встречается. В районе церкви Спаса-Преображения он составляет всего 1—2 *м*, а у начала улицы Красилова, в прибрежной полосе — 4,6 *м*, в районе церкви Ильи и Петра и Павла на Славне — 3 *м*. В то же время в ряде скважин после прохождения 8 *м* бурение было прекращено из-за встретившегося очень прочного деревянного настила.

Итак, не может быть и речи о более интенсивном заселении Неревского конца по сравнению со Славенским, судя по площади распространения в последнем более мощных напластований.

Наоборот, можно сделать вывод, что Славенский конец возник никак не позднее Неревского и был заселен, очевидно, еще до X в. на значительной территории. Но, к сожалению, отсутствие раскопок в центральной части Славенского конца не позволяет дать исчерпывающий ответ на данный вопрос. При бурении удалось установить рельеф материка в Славенском конце, залегающего под культурным слоем. Определилась его наивысшая точка, ядро территории. Оно расположено примерно в районе пересечения проспекта В. И. Ленина с улицами 1 Мая и Большевиков. Здесь наивысшая точка материка составляет отметку над уровнем моря 23,00—24,85 *м*, а на Ярославовом Дворище и Торгу —25,5—26,5 *м*. Встреченный здесь холм понижался к Волхову, в западном направлении до отметки 15,37—17,32 *м*, в восточном —20,00 *м*, к бывш. Федоровскому ручью — 19,65 *м*, в южном направлении — 18,50 *м*. Только вблизи церквей Ильи и Петра и Павла на Славне имеется небольшой подъем с отметкой материка 22,50—23,00 *м*, что ниже основного ядра конца.

Основываясь на приведенных данных, а также отметках материка в Славенском конце, подкрепленных летописными сведениями, можно сделать следующий вывод: ядром Славенского конца и его холмом следует считать территорию, простиравшуюся от Ярославова Дворища и Торга к проспекту В. И. Ленина и далее к улицам Кировской и Большевиков. Холмик, где стоят две церкви, соседствующий с действительно обширным холмом, никак не мог быть ядром Славно. О ровной и низменной местности не может быть и речи. Холмистый характер рельефа древнего Новгорода явно чувствуется.

Упоминание некоторых летописей о Славно как о довольно значительном районе, безусловно, правильно. Следовательно, Славенский конец и Холм — это одно и то же понятие, которое ни в коем случае не относится к району размещения церквей Ильи и Петра и Павла. Об этом говорят и летописные сообщения. Так, например: «В лето 6613... и погореша хороми от ручия, мимо Славьно, до Святого Илие». Или другая запись от 1231 г.: «В лето 6739. Загореся от Матфеева двора от Вышковиця и погоре весь конець Славьньскый... и до конца Холма, мимо святого Илию» [1].

На территории Славенского конца явно прослеживается огромный холм, возвышающийся на 7—8 *м* по отношению к прилегающей территории. Холм по своей структуре неоднороден и имеет местные повышения, а также отдельные понижения.

Наивысшая точка холма — на территории Ярославова Дворища, он понижается с отметки 27,5 до отметки 20,0 в южном направлении. На пересечении нынешних магистралей проспекта В. И. Ленина с улицей Суворовской встречается небольшой холм с наивысшей отметкой 24,6. Основная масса холма, более пологая с понижением отметки от 23,4 до 20, занимает территорию от проспекта Гагарина и до улицы 1 Мая, а также от улицы Герцена и до Знаменского собора.

Явно прослеживаются местные повышения на участке церквей Спаса Преображения и Знаменского собора, Ивана на Опоках и Георгия на Торгу, Дмитрия Солунского и Климента.

---

[1] Новгородская летопись по синодальному харатейному списку. СПб., 1888, стр. 119.

При изучении Славенского конца удалось отчасти проследить русло впоследствии засыпанного ручья, имевшего название Козий Брод или Козья Бородка. Он проходил у церкви Успенья на Торгу, вдоль улицы 1 Мая между двумя возвышенностями.

Есть основание утверждать, что р. Волхов в древности была значительно шире.

Разведанные грунты в прибрежной полосе Торговой стороны имеют аллювиально-насыпной характер и прикрыты сверху небольшой толщей культурного слоя. Здесь наряду с ростом культурного слоя проходил процесс намывания грунта Волховом с постепенным сужением русла реки. Дно реки ранее тоже имело другую отметку. Культурный слой образовался после XVII в., когда были уничтожены укрепления вдоль берега Волхова. Как известно, при пожаре 1696 г. они сгорели и, очевидно, больше не возобновлялись. Стены и башни по берегу Волхова были построены между 1641 и 1638 гг., как предполагает А. Л. Монгайт.

Таким образом, из рассмотрения приведенного топографического плана древнего Новгорода и анализа данных буровых скважин можно сделать определенные выводы.

Территория древнего города не была равнинной, а представляла ряд холмов.

Наиболее высокий холм был занят Кремлем. При расширении Кремля его новые стены прошли по местным повышениям. Конфигурация стен Кремля определилась существовавшим рельефом. Расстановка башен вызвана наличием возвышенных участков.

Наиболее значительным холмом является Славенский холм. Ярко выраженный характер холма имел также Неревский конец. Более спокойный рельеф с незначительными понижениями характерен для остальных трех концов.

Вполне естественно, что первые новгородцы использовали для заселения в первую очередь наиболее возвышенные территории, такие, как Кремль, Славенский и Неревский концы. Это подтверждается и летописными сведениями. Город, как единое целое складывался постепенно, по мере освоения наиболее возвышенных, а следовательно, и удобных для жизни территорий. По мере их заселения пришлось в дальнейшем довольствоваться более пониженными территориями.

Отдельные местные повышения использовались для размещения церквей, т. е. наиболее значительных сооружений.

Наличие резкого падения рельефа на прибрежных территориях позволяет сделать вывод о наличии в древности у р. Волхов более крутых берегов и более широкой поймы. Река Волхов была почти вдвое шире существующей. По-видимому, изображения средневекового города, на которых Новгород показан расположенным на возвышенных берегах реки, соответствует действительности. (Падение рельефа берегов местами доходило до 10 *м*.)

В заключение необходимо отметить, что, возможно, на территории города в IX в. существовали поселения. Город складывался в единое целое постепенно, по мере развития отдельных поселений одновременно на обоих берегах Волхова, причем наиболее интенсивный характер этот процесс имел в прибрежной возвышенной полосе. Процесс слияния отдельных поселений происходил на протяжении длительного времени. Вполне возможно, что поселения имели и свои названия, одноименные впоследствии с названиями концов.

I. I. Kouchnir

LA TOPOGRAPHIE DU VIEUX NOVGOROD

Résumé

On sait que le vieux Novgorod est caché à nos regards par d'épaisses stratifications de couches culturelles. Au cours de la reconstruction de Novgorod, après la guerre, l'auteur du présent article a systématisé les témoignages fournis par environ 500 forages, ce qui a permis de dresser le plan topographique de l'ancien territoire de la ville.

L'examen du plan topographique établi de l'ancien Novgorod, et l'analyse des éléments apportés par les forages, ont permis de tirer les conclusions suivantes:

— à l'origine, le territoire de la ville comprenait plusieurs collines, dont la plus haute était occupée par le Kremlin. La configuration de l'enceinte du Kremlin et la disposition des tours étaient déterminées par le relief du terrain. La colline la plus importante par la superficie était celle de Slavenski; le faubourg de Nérev avait un caractère bien marqué de colline. Il est naturel que les Novgorodiens aient peuplé d'abord les lieux les plus élevés: le territoire du Kremlin et les faubourgs de Slavenski et de Nérev. Certaines éminences de l'endroit ont vu s'édifier des églises. La ville s'est constituée peu à peu en englobant diverses localités situées sur les deux rives du Volkhov. C'est dans la zone des rives élevées que ce processus a été le plus intense.

Заметки

У. И. ИСЛАМОВ, А. Е. МАТЮХИН

О СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ГРУППЕ ОРУДИЙ ИЗ ПЕЩЕРНОЙ СТОЯНКИ МАЧАЙ

В 1971 г., после длительного перерыва, были возобновлены раскопки пещерной стоянки Мачай[1]. Стоянка располагается на территории Байсунского района Сурхандарьинской области Узбекской ССР. Собранный в ходе раскопок археологический материал в настоящее время находится в стадии изучения.

При разборке культурного слоя нередко встречались обломки доломита, напоминающие по своей форме нуклеусы и отщепы. На некоторых из них четко прослеживаются следы обработки. Для выяснения природы этих предметов было отобрано 50 экз. Лабораторный анализ показал, что из 30 образцов — со следами сколов всего лишь 18 экз., они возникли в результате преднамеренных действий. Основным сырьем для изготовления орудий служил глинистый доломит, который древние люди добывали на месте, т. е. в самой пещере. Часть орудий изготавливалась из кремня. Его выходы до сих пор не обнаружены. Характерной особенностью доломита этого горного района является его слоистость. В процессе естественного расслаивания возникают обломки разной величины и формы. Поверхность отслаивания напоминает негативы от преднамеренно снятых отщепов. На отдельных образцах эти естественные негативы имеют правильную форму, относительно гладкую поверхность и систематичность расположения. Однако отличие обломков от подлинных отщепов дотаточно четко прослеживается. Как правило, у первых отсутствуют точка удара, ударная площадка и бугорок. Часто негативы концентрируются в центральной части поверхности обломка в виде линзовидного углубления (рис. 1, *3*). Совершенно очевидно, снять отщеп в такой позиции невозможно. Обе поверхности обломка зачастую ребристые. Следы отслаивания есть и на более ровной поверхности, которую условно можно назвать брюшковой. Плоскость отслоения почти во всех случаях бугристая или морщинистая.

При определении следов вторичной обработки мы обращали в первую очередь внимание на характер ретуши и, в частности, на регулярность расположения фасеток, а также на выраженность рабочего края и степень сохранности обработанных и естественных участков того или иного обломка. Осмотр всех изделий стоянки показывает, что лишь в отдельных случаях их края повреждены. Использование обломков в качестве орудий осуществлялось двумя путями: 1— подправка (ретуширование) естественного края камня; 2— раскалывание куска доломита в целом подходящей формы и вторичная обработка полученного рабочего края. Шесть орудий первой группы изготовлены из относительно массивных обломков доломита. Раз-

[1] Впервые раскопки Мачая проводил в течение 1938—1942 гг. Г. В. Парфенов. Однако почти весь материал в настоящее время неизвестен. Предварительное сообщение о полевых работах 1971 г. См.: *У. И. Исламов.* Результаты раскопок пещерной стоянки мезолитического времени в Узбекистане. УСА, 1. Л., 1972, стр. 31—32.

меры орудий варьируют следующим образом: длина от 15 до 9; ширина от 10,5 до 6,5; толщина от 2 до 3,5 *см*. Вес колеблется от 287 до 237 *г*, а угол заострения края, который можно назвать рабочим, находится в пределах 50—80°. Для изготовления самого большого орудия был выбран обломок доломита темно-серого цвета, сужающийся с одного конца (рис. 1, *1*). В отдельных местах обломка видны следы расслоения, выраженные в виде узкой полоски. На обеих поверхностях предмета ясно прослеживаются хаотично расположенные негативы ранее отслоенных довольно тонких осколков. Плоскость отслоения морщинистая. Другой характер имеют негативы, концентрирующиеся по двум смежным краям более ровной поверхности и по одному краю противоположной (бугристой) поверхности. Плоскость откола здесь гладкая. Первоначально края были приострены широкими сколами, а затем дополнительно — ретушью. Однако непонятно, почему поперечный край не выравнен по всей длине и имеет утолщение в средней части. Судя по регулярному расположению сколов, трудно допустить, что они естественного происхождения. Характерно, что края массивного нуклевидного предмета из коллекции, несмотря на заостренность, лишены всякой ретуши. Угол заострения рабочих краев рассматриваемого обломка колеблется от 50 до 80°. На участке продольного края видны следы двусторонней стесанности. Следы сработанности краев установлены на трех других аналогичных предметах, а также на некоторых нуклеусах и галечных орудиях. Вполне вероятно, что узкий конец обломка использовался как рукоятка. Поверхность сколов на всех обломах этой серии более свежая, чем поверхность необработанных участков, что хорошо видно на одном из орудий (рис. 1, *2*). Отметим, однако, что на отдельных образцах выявлены и свежие следы расслоения. Вторичная обработка на всех шести образцах носит регулярный характер. Отчетливо видны точки от произведенных ударов. Приострение естественного края обломка происходило не всегда успешно. Этому мешала неровность его поверхности. Так, обломок, изображенный на рис. 1, *2*, обработан с трех краев и только в одном месте удалось выделить собственно рабочий край. Не исключено, что фасетки, образовавшиеся в результате выкрашивания, и следы ударов на отдельных орудиях возникли в процессе их употребления. Во всяком случае близкие следы мы получили на экспериментальном образце, который использовался для перерубания ствола боярышника диаметром 4 *см* и расщепления трубчатых костей барана.

Рассмотрим теперь другую серию обломков этой же группы. Их максимальные размеры 11×6×1,4 а минимальные — 6×4×1 *см*. Подправка краев осуществлялась исключительно ретушью. Особенный интерес вызывают три таких орудия. Размеры одного из них 11×4×1,7 *см* (рис. 1, *3*). На ребристой поверхности обломка фиксируется семь естественных участков, напоминающих негативы отщепов. Противоположная поверхность более гладкая. Здесь располагается линзовидное углубление от отслоившегося обломка. Приостряющая ретушь нанесена с двух сторон по длинному краю предмета. Основание его обработано с одной стороны крупной приостряющей ретушью. Трудно уверенно сказать: получилось ли клювовидное острие в результате естественного расслоения доломита или было специально выделено с целью удобства захвата орудия. На плоскости скола точка удара отсутствует.

На следующем образце нет свежих следов отслапвания (рис. 1, *4*). Более острый (естественный) край обработан плоской ретушью, в результате чего участок края приобрел вогнутую форму. В отдельных местах наблюдается затупленность кромки. У аналогичного образца размерами 6,5×4×1 *см* ретушь односторонняя (рис. 2, *1*). Размеры третьего обломка — 7×5×1,5 *см* (рис. 2, *2*). Грани обеих поверхностей сильно затерты. С одного конца он тщательно обработан приостряющей односторонней ретушью. Мелкая дополнительная ретушь четко выделяется только на правом участке рабочего края. С противоположной стороны видна незначи-

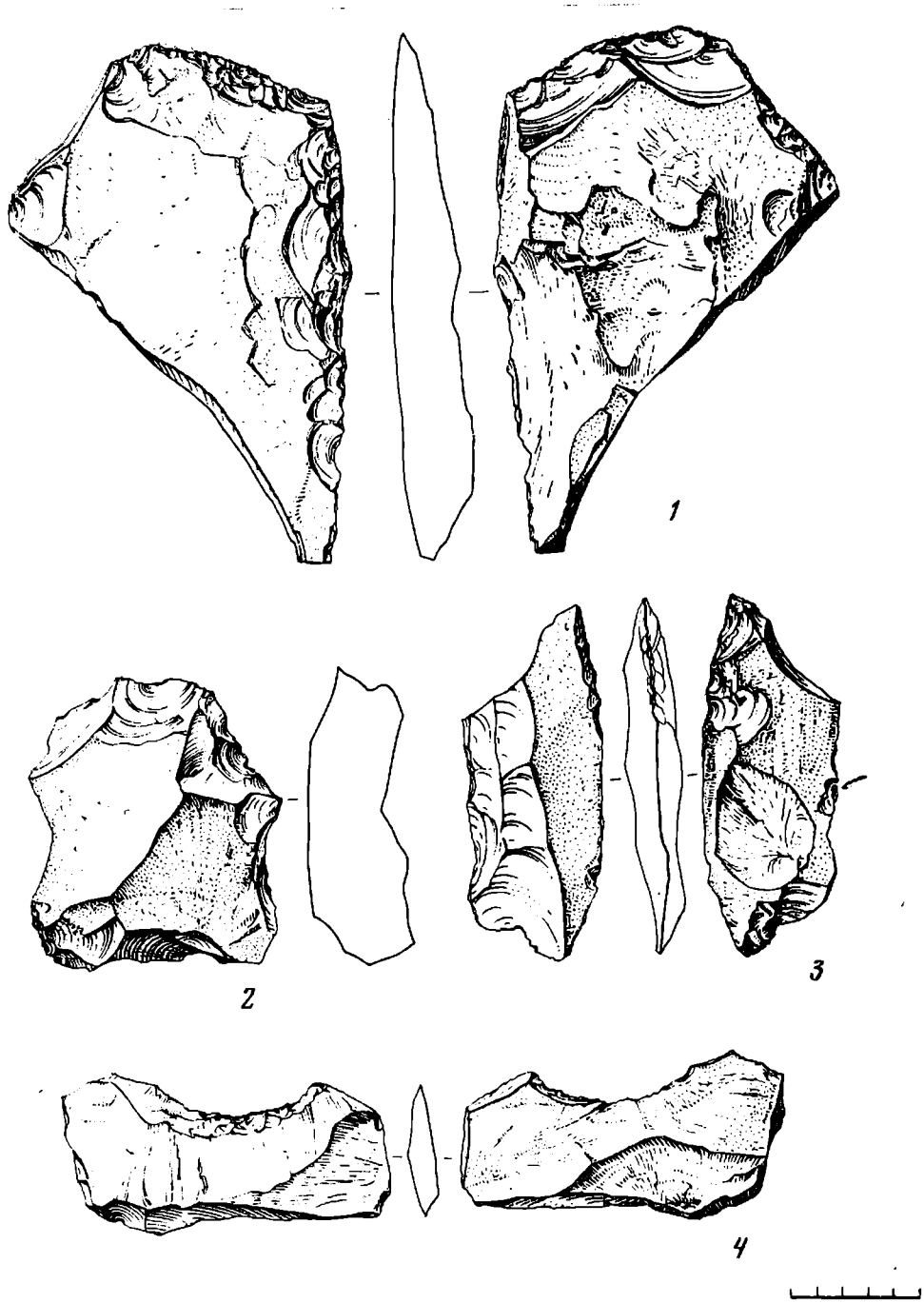


Рис. 1. Каменные орудия из пещеры Мачай

тельная подретушировка края. Лезвие получилось достаточно острым и имеет извилистую форму. Менее регулярные и выразительные фасетки ретуши тянутся по одному краю изделия. Здесь ретушь не оформляет край, и, скорей всего, она случайна. Противоположный дугообразный край покрыт более систематической ретушью. Может быть, это ретушь выкрашивания, которая возникает обычно в результате использования орудия с небольшим углом заострения.

Что касается второй группы предметов, то и здесь наиболее выразительными являются три экземпляра. Обломок размерами 8,5×6×5 *см*, весом 234 *г* получен при раскалывании куска доломита темно-серого цвета

(рис. 2, *3*). Было сделано примерно около трех сильных ударов. Один из ударов привел к выделению острого края, который затем окончательно оформлен плоскими сколами. Рабочий край после подправки принял вогнутую форму. Угол его заострения от 60 до 75°. По всему краю, с обеих сторон, прослеживаются мелкие фасетки, может быть, следы выкрашивания от работы. Орудие удобно в захвате.

Следующий образец (рис. 2, *4*) изготовлен из плитчатого куска доломита светло-зеленого цвета. Его размеры 10,5×5×2 *см*, вес 164 *г*. Следы откалывания видны на обоих концах и на одном из краев. У основания обломок словно отрублен. Направление удара и волнистость сколотой поверхности устанавливаются довольно отчетливо, хотя точка удара и не выражена. Напротив, на краевой плоскости скалывания она имеется. Судя по всему, удар был произведен в точку, которая располагалась на значительном расстоянии от края. Длина скола 10 *см*, ширина 2,5 *см*. Возможно, на данном участке имелась трещина, способствовавшая раскалыванию обломка. В любом случае речь не может идти о снятии собственно отщепа. Один из участков дистального края с одной стороны оформлен приостряющей ретушью, фасетки которой имеют удлиненную правильную форму. Угол заострения рабочего края 60°. Однако обработанная поверхность получилась не ровной, а ступенчатой.

Размеры третьего экземпляра 3,8×4×1,2 *см* (рис. 2, *5*). Заготовкой для данного орудия послужил обломок, полученный при разбивании уплощенного куска доломита темно-серого цвета. Поверхность откола скошенная. Одна из граней закруглена, что указывает на преднамеренность удара. Хотя точка удара четко и не обозначена, определить ее местоположение довольно легко. Затем осколок был подправлен по всей длине одного края крупной двусторонней ретушью, что привело к выделению острия. Окончательное оформление рабочего края выполнено мелкой ретушью. Однако эту ретушь можно рассматривать и как следы сработанности. Кончик орудия обломан.

Для каких же целей использовались описанные естественные орудия? Прежде всего отметим, что в коллекции Мачая отщепы правильных очертаний и больших размеров немногочисленны. Этот факт, безусловно, находится в прямой зависимости от качества самого доломита. Поскольку кремень был малодоступным сырьевым материалом, то обитатели пещеры вынуждены были использовать имеющееся в их распоряжении сырье. При визуальном просмотре изделий Мачая могут быть выделены такие типы орудий, как скобели, резцы, скребки, ножи, рубящие орудия и др. На многих из них даже невооруженным глазом видны следы работы. Галечные орудия судя по этим следам, использовались весьма интенсивно. Коэффициент использования каждого отдельного галечного предмета и всего комплекса в целом достаточно высокий [2]. Так как естественные обломки имелись в изобилии, а главное, имели подходящую форму и соответствующие размеры, то первобытные люди находили целесообразным употреблять их в качестве заготовок орудий. Подобные обломки, подправленные всего несколькими ударами, легче изготавливать, чем специальные орудия стандартной формы. В итоге эффективность тех и других одинакова. Сказанное, разумеется, не является правилом и имеет смысл применительно к определенной ситуации. Заметим, что изготовление галечных орудий, тем более простых, тоже фактически использование естественного предмета в качестве орудия. Главное здесь заключается в выборе гальки подходящей формы, соответствующего веса и оценке особенностей ее поверхности. Само изготовление галечного орудия, как это следует из опытов одного из авторов данного сообщения (А. Е. Матюхина), нередко занимает всего несколько секунд.

---

[2] *У. И. Исламов, А. Е. Матюхин.* Галечные орудия из пещеры Мачай. В сб. «История материальной культуры Узбекистана», 10, 1973.

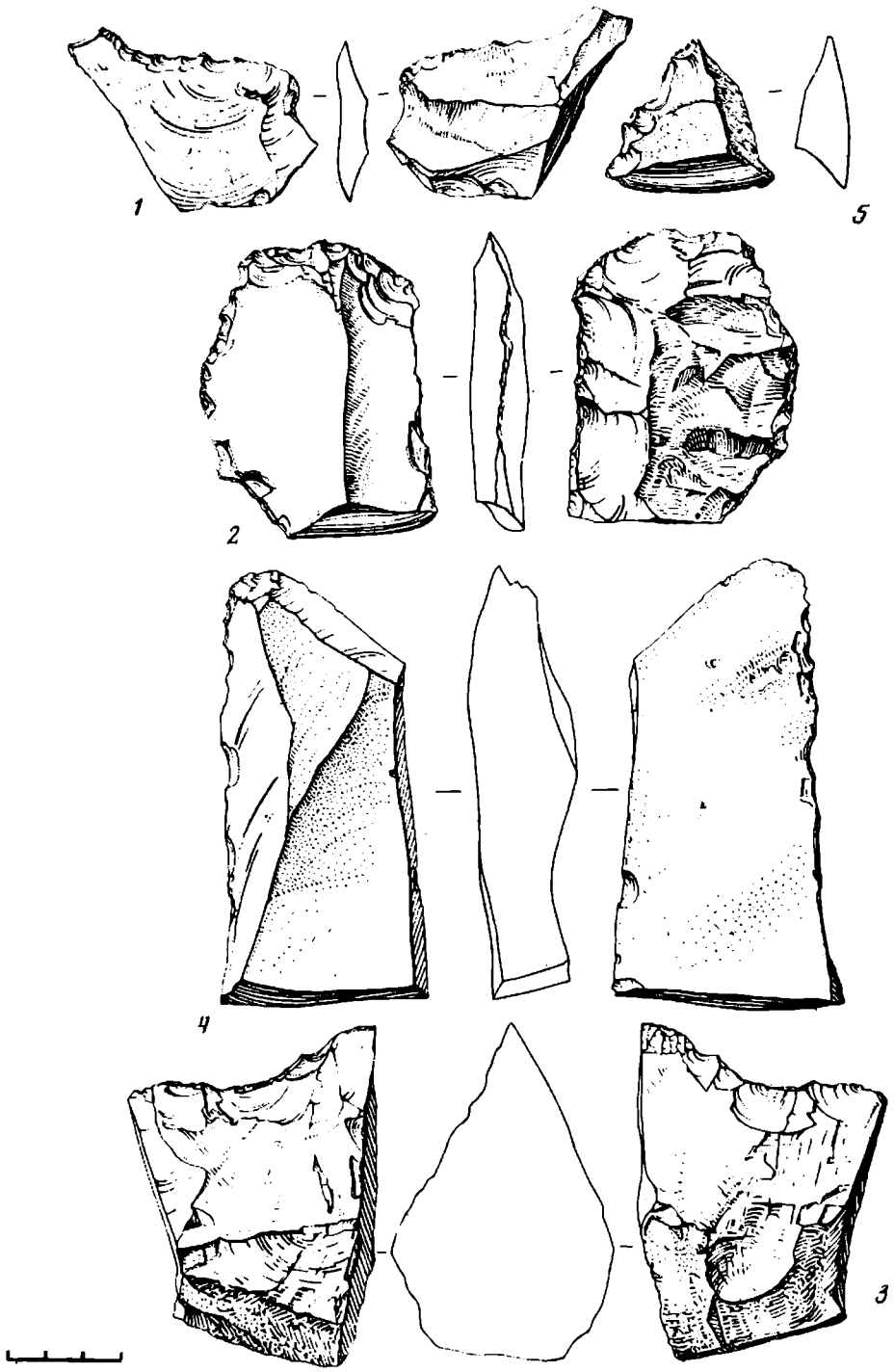


Рис. 2. Каменные орудия из пещеры Мачай

Параллельно с визуальным изучением естественных орудий мы проводили эксперименты, и в частности, пиление, резание, перерубание кости и древесины. В опытах использовался боярышник, растущий в окрестностях пещеры. Доломитовые орудия в процессе работы быстро тупятся и их нужно постоянно подправлять. Вполне вероятно, что для изготовления костяных изделий, представленных в коллекции иглами, шильями, лощилами и рукоятками, использовались некоторые из подправленных

обломков. Интересно в связи с этим, что паз на костяной рукоятке имеет в сечении треугольную форму. Следовательно, работа проводилась не резцом, а обычным отщепом или естественным обломком. С целью предохранения рабочего края от быстрого затупления первобытные мастера могли обрабатывать отмоченную кость. Не исключено, что данные предметы применялись только в начальной стадии той или иной операции. Дальнейшая же работа осуществлялась с помощью настоящих орудий, и в первую очередь кремневых. Массивные обломки наиболее пригодны для расщепления костей и получения заготовок для костяных поделок. Вес здесь не играет первостепенной роли, так как в этом случае требуются несильные удары.

Естественные орудия можно выделить и в коллекциях более поздних археологических эпох. Так, древние горняки Учтута (развитый неолит) в качестве кирок для извлечения желваков кремня из известняка использовали обломки песчаника, которые они находили на склонах гор. Обычно же эти орудия специально изготавливались из галек или кусков кремня. В одних случаях обломки шли в дело без всякой дополнительной обработки, а в других подправлялись одним-двумя ударами. С нашей точки зрения, к естественным орудиям можно отнести и многочисленные галечные орудия из поселения поздней бронзы Сапалли-Тепе, представленные отбойниками, ударниками, пестами, терочниками и др. Жители поселения специально выбирали такие гальки, булыжники и обломки, которые удобны в захвате и имели выраженную естественную рабочую поверхность. В случае необходимости от галек отбивали куски разной величины, чтобы добиться выделения рукояточной части или рабочего края.

Таким образом, естественные орудия, появившиеся впервые около 10 млн. лет тому назад еще на стадии рамапитеков и австралопитеков, находили самое широкое применение не только в течение всего каменного века, но и в последующие археологические эпохи. И это не просто традиция, а проявление одной из основных закономерностей первобытной техники — технической инерции, точнее, инерционного характера самой деятельности человека, его интеллекта.

Л. Л. ГАЛКИН

ОДНО ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ ПРАКТИЧЕСКИХ ПРИСПОСОБЛЕНИЙ СКОТОВОДОВ

Среди археологического материала скотоводческих и земледельческо-скотоводческих культур степной и лесостепной полосы СССР встречаются костяные изделия, назначение которых не получило достаточно обоснованной аргументации. Это длинные полые трубочки с заполированными концами, изготовленные из костей мелких рогатых животных или крупных птиц. Изделия эти напоминают свирели, но без игровых отверстий и мундштука [1].

[1] Некоторые исследователи неосторожно называют подобные костяные трубочки свирелями на основании их внешнего, далеко не полного сходства. См., например, *П. Д. Степанов.* Курганы эпохи бронзы у с. Пиксяси Мордовской АССР. КСИИМК, 59, 1955, стр. 74—80. На наш взгляд, к свирелям можно, бесспорно, отнести костяные трубочки, имеющие игровое отверстие и мундштук. См., например, флейту из палеолитической стоянки Молодова — см. рис. 1, *1* (*А. П. Черныш.* Флейта палеолитического времени. КСИИМК, 59, 1955, стр. 129, 130). Сюда же, вероятно, можно отнести костяные трубочки со скошенным концом, напоминающим мундштук, и также не имеющие игровых отверстий — рис. 1, *2*. См. *М. И. Артамонов.* Раскопки курганов в долине реки Маныч в 1935 г. СА, IV, 1937, стр. 114, рис. 36, 37. О древних свирелях см.: *Р. С. Садоков.* Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970, стр. 37.

Письменные источики и этнографические свидетельства убедительно говорят о том, что подобные археологические находки имеют прямое отношение к скотоводческому хозяйству. Первое письменное указание на назначение костяных полых трубочек мы находим у Геродота. Он пишет: «Добывают же молоко скифы так: берут костяные трубочки в виде свирелей и вставляют их во влагалище кобылиц, а затем вдувают ртом туда воздух. При этом один дует, а другой выдаивает кобылиц [2] (рис. 2). Скифы поступают так, по их словам, вот почему: при наполнении жил воздухом вымя у кобылиц опускается» [3]. Как считают сотрудники английского Королевского ветеринарного колледжа, занимавшиеся изучением получения молока первобытными народами, указанный способ доения настолько же древен, насколько уходит в глубь веков начало доместикации животных [4].

Этнографы отмечали его у народов Абиссинии, племен Галла, Сомали, Масаев, Готтентотов (Африка) [5] (рис. 3) [6]. Практика вдувания воздуха для доения во влагалище или прямую кишку животного известна в Азии у Боггара (Аравия), в горных районах Западного Китая. Применялась она и в некоторых районах Европы, в частности в Венгрии и Восточной Франции [7]. В России этот способ доения был зафиксирован у калмыков. П. С. Паллас писал: «Упрямых коров, которые не хотели давать молоко, калмыки могут принудить. Для этого они сзади насильно вгоняют внутрь вырезанный из дерева круглый гладкий Prof. Потом сильно вдувают воздух через Prof внутрь коровы. Этот способ называется вырывание молока» [8].

Советскому этнографу П. И. Каралькину удалось наблюдать названный способ доения у тувинских скотоводов, хотя они старательно избегают посвящать посторонних в этот окруженный таинственностью обряд, П. И. Каралькин видел, как «...в сарае корове связали передние ноги и «специалист» вдувал ей через половой орган воздух с помощью трубочки — полой овечьей кости длиной 7—8 *см*» [9]. П. И. Каралькину известен также случай, когда в одном из колхозов Тувы этот способ доения применили по отношению к большой группе яловых коров, которые после этого стали давать молоко [10].

Для нагнетания воздуха в половой орган животного применяли, как зафиксировано исследователями, не только костяную трубочку. Вдували воздух непосредственно губами (рис. 3), с помощью деревянных трубок, морских раковин [11]. Исследователи утверждают, что наиболее характерен этот способ доения в культурах воинов-пастухов. Они также обращают внимание на ритуальную сторону этого способа доения, которая отмечена у некоторых пастушеских племен. Доение с помощью нагнетания воздуха в

---

[2] Подобный прием доения наблюдается у готтентотов в Африке. *E. C. Amoroso and R. A. Jewel.* The Exploitation of milk ejection reflex by Primitive Peoples. Man and Catle. London, 1963, p. XIII d.

[3] *Геродот.* История. Л., 1972, стр. 187.

[4] *E. C. Amoroso and R. A. Jewel.* Op. cit., p. 133.

[5] Там же.

[6] *P. Paulitshke.* Ethnographie Nordost — Africas. Die Materielle Kultur der Danakil, Galla und Somali. Berlin, 1893. Как считают отдельные авторы, этот способ доения проник в Африку вместе со скотоводством с Ближнего Востока. *Ю. М. Кобищанов, Б. В. Мириманов, А. Д. Дридзо.* Африка: встречи цивилизаций. М., 1970, стр. 10.

[7] *E. C. Amoroso and R. A. Jewell.* Op. cit., p. 132.

[8] *P. S. Pallas.* Mongolishen Velker shaften. St. Petersburg, 1776, S. 119.

[9] Письмо С. М. Абрамзона автору от 15.I.1973 г. Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность С. М. Абрамзону за ценную информацию.

[10] В том же письме С. М. Абрамзон указывает, что П. И. Каралькин считает, что «полые овечьи кости, обнаруженные археологами среди других предметов погребального инвентаря в Туве, имели в древности именно такое назначение».

[11] *E. C. Amoroso and R. A. Jewell.* Op. cit.

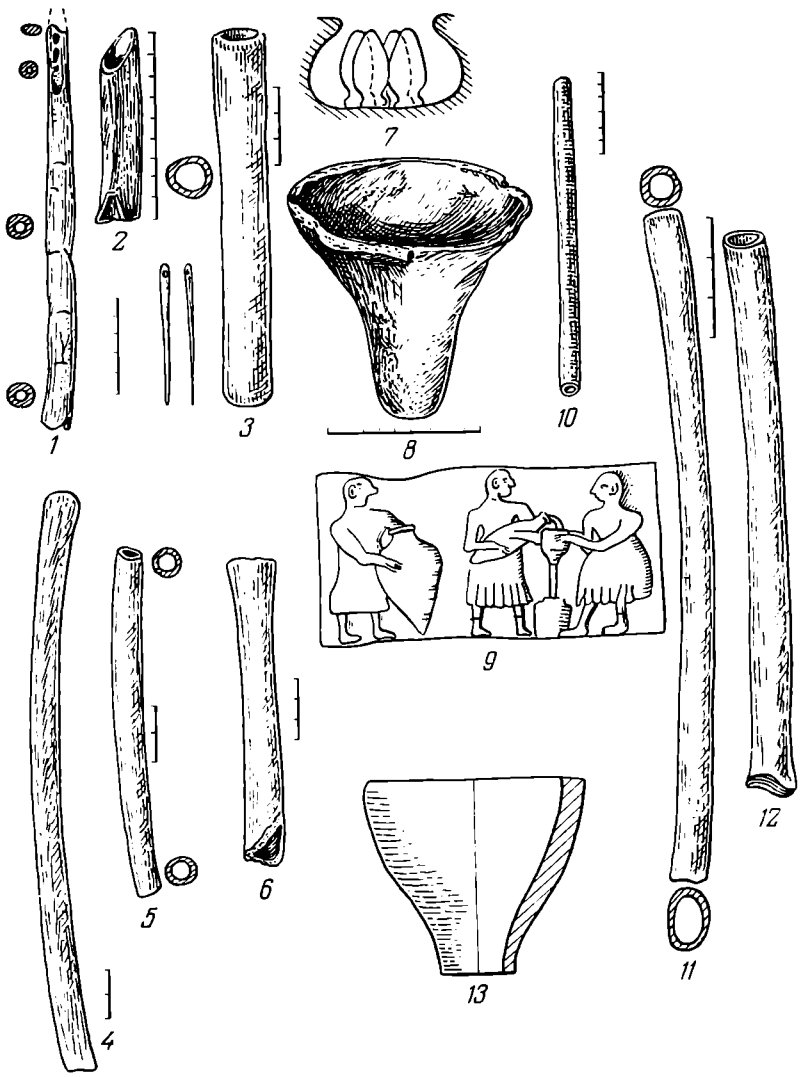


Рис. 1. Костяные изделия и керамика *1* — палеолитическая флейта. (Молдавия); *2* — костяная поделка, напоминающая свирель с мундштуком, ямная культура (Ростовская область); *3* — костяная трубочка-игольник. Конец III — начало II тысячелетия до н. э. (Центральная Хакасия); *4* — костяная трубочка из срубного кургана у с. Черебеева (Поволжье); *5* — костяная трубочка из срубного кургана у с. Пиксяси (Мордовская АССР); *6* — костяная трубочка из срубного кургана у с. Герасимовка. Погребение с трупосожжением, XVI в. до н. э. (Оренбургская обл.); *7* — сосуды из-под молока, установленные в хозяйственных ямах молочной «фермы» (Древняя Нубия); *8* — глиняная воронка из катакомбного погребения (Подонье); *9* — использование воронок в храмовом молочном хозяйстве. Деталь фриза из Урука. Середина III тысячелетия до н. э.; *10* — трубчатая кость крупной птицы. Трубчевское городище юхновской культуры, V—III вв. до н. э. (Брянская обл.); *11* — трубчатые кости из раскопок О. Н. Мельниковской городищ юхновской культуры, гор Поповка — Шумерово, V в. до н. э. (Брянская обл.); *12* — орудие из трубчатой кости дрофы, раскопки К. Ф. Смирнова. Новокумакский могильник. V в. до н. э. (Оренбургская обл.); *13* — глиняная «воронка» из Новокумакского могильника

половой орган животного, как отмечено этнографами, совершалось, как правило, знахарями, колдунами, ибо считалось, что животное, отказавшееся давать молоко, заколдовано, его «сглазили» [12].

Наиболее ранние археологические свидетельства указанного способа доения, как полагают, можно видеть на фризе из Урука. Здесь изображены сцены жизни храмового хозяйства, одна из которых, по мнению Амо-

[12] Ibidem.

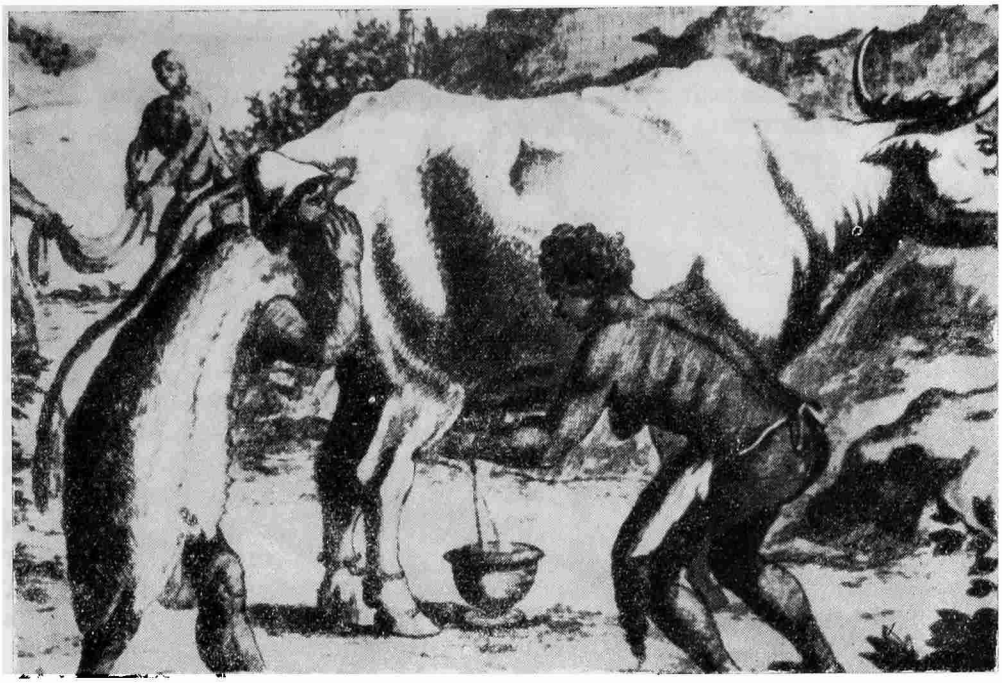


Рис. 2. Доение животных у готтентотов способом, подобным тому, который описал Геродот у скифов. Африка

розо и Джевеля, показывает момент доения с помощью вдувания воздуха [13]. В одной из «молочных ферм» древней Нубии [14] были найдены костяные трубочки, назначение которых, как считает Н. Я. Мерперт, может быть понятно только с учетом их использования названным выше образом [15].

При определении назначения костяных трубочек следует учитывать весь археологический комплекс, в котором они найдены. Это необходимо делать потому, что в некоторых археологических памятниках близкие по форме костяные трубочки служили игольниками. Такие игольники обычно находят в женских погребениях (рис. 3) [16]. В памятниках срубной культуры полые костяные трубочки с заполированными концами, употреблявшиеся, очевидно, древними скотоводами при доении, встречаются относительно часто. Их находят как на поселениях [17], так и в могильниках. В подавляющем большинстве случаев в могильниках костяные трубочки найдены в погребениях, которые чем-то отличаются от рядовых могил.

Так, в кургане у с. Черебеево Саратовской обл. полая костяная трубочка (рис. 1, *4*) была обнаружена в основном захоронении [18]. У с. Пиксяси

---

[13] Ibidem.

[14] *Б. Б. Пиотровский.* Страницы древней истории Северной Нубии. Древняя Нубия. М.— Л., 1964, стр. 11—14.

[15] Глубоко благодарен Н. Я. Мерперту за это интересное сообщение.

[16] *Л. Р. Кызласов.* Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь. СА, 1962, 2; *П. С. Рыков.* Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском крае, произведенные в 1928 г. Отдельный оттиск из журнала Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького, стр. 12. Костяная трубочка — игольник с тремя бронзовыми иглами найдена и в мужском погребении в одном из курганов поздней бронзы Ставрополья. См. *А. Л. Нечитайло.* Раскопки курганов у станицы Суворовская. АО — 1966, М., 1967, стр. 70.

[17] *П. Д. Степанов.* Ук. соч., стр. 77, рис. 28; находка в культурном слое поселения у с. Киевенки близ устья Сигирева Оврега (Экспозиция Саратовского краеведческого музея).

[18] *И. В. Синицын.* Археологические исследования заволжского отряда (1951—1953 гг.). МИА, 60, 1959, стр. 42—45, рис. 4, *1*.

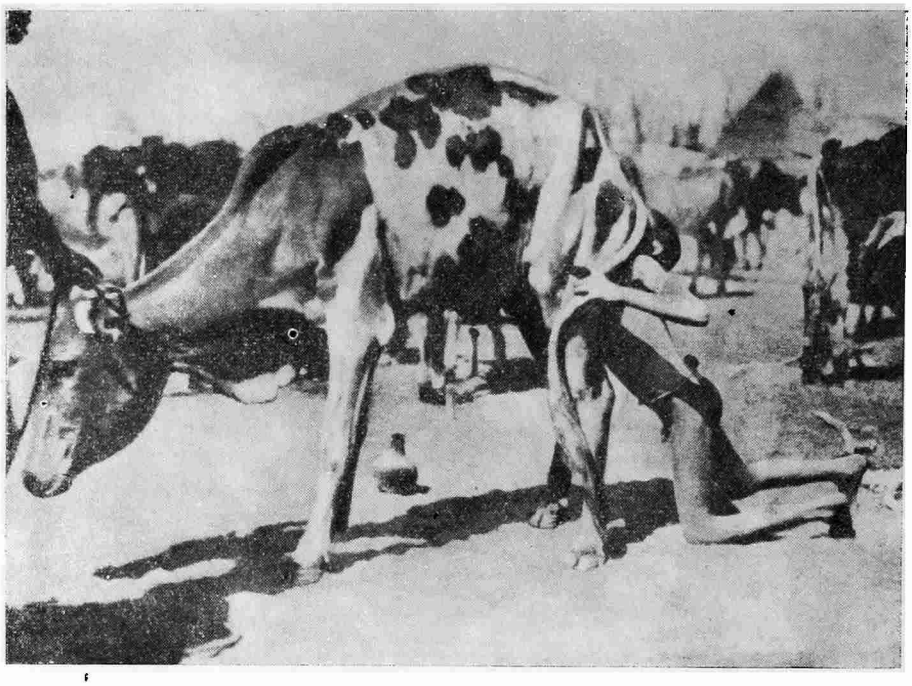


Рис. 3. Доение с помощью вдувания воздуха у племен Галла. Восточная Африка

Мордовской АССР такая же трубочка была найдена в могиле (рис. 1, *5*), которая отличалась от других срубных погребений остатками обильной тризны [19]. Интересен факт находки костяной трубочки в срубном погребении с трупосожжением (рис. 1, *6*) [20]. Автор раскопок считает, что трупосожжение указывает на алакульское влияние [21].

Те отмеченные нами особенности, выделяющие погребения древних скотоводов, в которых найдены были костяные трубочки с заполированными концами, заставляют предполагать, что доением животных занимались колдуны [22]. Особенно примечателен в этом отношении приведенный выше пример погребения с трупосожжением, поскольку из этнографических наблюдений известно, что наиболее сильным колдуном считается колдун — выходец из другого племени [23]. Есть основание предполагать, что сожженный покойник был колдуном. Он сам или его предки происходили из другого племени. Находка же в его могиле костяной трубочки служит свидетельством, что одной из функций колдуна было умение восстанавливать с помощью магических и практических действий способность животного отдавать молоко.

Учитывая относительно широкое распространение находок рассматриваемых костяных трубочек в памятниках срубной культуры, можно говорить о молочном хозяйстве срубных племен [24]. Известно, что отдельные

---

[19] *П. Д. Степанов.* Ук. соч., рис. 28.

[20] *Э. А. Федорова-Давыдова.* Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья. Сб. «Проблемы археологии Урала и Сибири». М., 1973, рис. 1.

[21] В этом же курганном могильнике у с. Герасимовка была найдена вторая костяная трубочка в кенотафе. См. *Э. А. Федорова-Давыдова.* Памятники эпохи бронзы на р. Кинделе. Экспедиции Государственного Исторического музея. М., 1969, стр. 74—79.

[22] Аналогичные явления, как уже говорилось выше, наблюдались этнографами у скотоводов XIX—XX вв.

[23] *Н. Ф. Мокшин.* Религиозные верования Мордвы. Саранск, 1968, стр. 74.

[24] Помимо этого, на ведение молочного хозяйства срубными племенами Поволжья, например, указывает находка в хозяйственной яме I Сусканского поселения, раскопанного Н. Я. Мерпертом, стоящих вверх дном больших керамических сосудов. (Устное сообщение Н. Я. Мерперта). Н. Я. Мерперт приводит параллель

элементы срубной культуры прослеживаются в культуре скифов. Многие исследователи считают, что скифы являются прямыми наследниками срубной культуры [25]. Учитывая рассматриваемый нами археологический материал, свидетельство Геродота о доении животных с помощью костяных трубочек, а также генетическое родство срубной и скифской культур, мы можем с большой долей вероятности назвать срубников, так же как и скифов, «млекоедами и доителями кобылиц» [26].

Помимо срубных памятников подобные костяные трубочки известны в древнеямных [27] и катакомбных [28] памятниках. Интересно отметить, что в памятниках этих же культур находят глиняные воронки, связанные, по мнению некоторых авторов, с переработкой молока (рис. 1, *8*) [29].

Археологически эта традиция прослеживается и в послесрубное время в эпоху раннего железа в памятниках, где в той или иной степени наблюдается влияние срубной культуры и где скотоводство было одним из основных видов хозяйственной деятельности. Трубчатая кость крупной птицы с заполированными концами известна из Трубчевского городища юхновской культуры (рис. 1, *10*) [30]. Подобные находки обнаружены и в других памятниках этой культуры (рис. 1, *11*) [31].

Доение с применением костяных трубочек было известно также скотоводам-савроматам. Об этом свидетельствует находка аналогичной трубочки из кости дрофы в одном из курганов Новокумакского курганного могильника (рис. 1, *12*) [32]. В этом же могильнике в другом кургане был найден воронкообразный керамический предмет, который, очевидно, как и аналогичные находки в ямных и катакомбных памятниках, служил для нужд молочного хозяйства (рис. 1, *13*) [33].

этому, указывая на хозяйственные ямы молочной «фермы» в Нубии, где большие сосуды были установлены аналогичным образом (рис. 1, 7). См. *Н. Я. Мерперт, О. Г. Большаков.* Раннее династическое поселение Хор-Дауд. Древняя Нубия. М.— Л., 1964, рис. 12. Кроме того, остеологический материал позволил О. А. Кривцовой-Граковой сделать вывод о наличии в составе стада срубной культуры первого периода породы низкорослой молочной коровы. *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 73.

[25] *А. И. Тереножкин.* Памятники предскифского периода на Украине. КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 3—14; *Б. Н. Граков.* Скифы. М., 1971, стр. 25.

[26] *Гомер.* Илиада XIII, 1—7; О. А. Кривцова-Гракова считает, что лошадь в Поволжье была одомашнена в полтавкинское время: *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., стр. 70. Вероятно, лошадь у срубных племен использовалась не только на мясо (*В. И. Цалкин.* Фауна из раскопок памятников Среднего Поволжья. МИА, 61, 1958, стр. 270), но и как регулярный поставщик молочной пищи.

[27] *И. В. Синицын.* Ук. соч., стр. 184.

[28] *И. В. Синицын.* Ук. соч., стр. 73, рис. 12. В данном случае костяная трубочка длиной 20 см была обнаружена в руке погребенного ребенка 6—7 лет. Эту находку не обязательно расценивать как игрушку. Возможно, погребенный принадлежал к семье знахаря или колдуна. А как известно из многочисленных этнографических наблюдений, колдовство было занятием наследственным. См., например, *Л. Я. Штернберг.* Первобытные религии в свете этнографии. Л., 1936, стр. 142.

[29] *М. И. Артамонов.* Раскопки курганов в долине р. Маныча. СА, IV, 1937, рис. 48, 52; *А. А. Иессен.* Раскопки курганов на Дону в 1951 г. КСИИМК, 53, 1954, стр. 70, рис. 29, *4*. Подобные воронки мы видим на фризе из Урука, близкого по времени ямным и катакомбным памятникам (рис. 1, *9*) (Памятники мирового искусства. Вып. II. Искусство древнего Востока. М., 1968, илл. 173в).

[30] *В. П. Левенок.* Городища юхновской культуры. КСИА АН УССР, 7, 1957, рис. 1.

[31] Выражаю глубокую признательность О. Н. Мельниковской, разрешившей опубликовать костяные трубочки из ее раскопок. Они найдены на городищах Кудлаевка, Поповка-Шумерово (VI—III вв. до н. э.); раскопки А. Е. Алиховой – Сугровские городища, городище Красный курган (V—III вв. до н. э.). О. Н. Мельниковская также считает, что подобные трубочки служили для доения животных рассматриваемым образом (устное сообщение).

[32] Пользуясь случаем, благодарю К. Ф. Смирнова за любезное разрешение использовать его неопубликованный материал. Отчет Оренбургской археологической экспедиции 1972 г. Курган 11, погр. 2, № 29, д. № Р-1, 4814.

[33] Ук. отчет. Курган № 1, погр. 2, № 22.

Следует отметить, что на протяжении тысячелетий приспособление для доения животных указанным образом — костяная трубочка — остается неизменным. Длина таких изделий колеблется от 7—8 до 20—27 *см*. Концы их обязательно заполированы.

В современной научной животноводческой литературе отсутствует описание древнего способа доения и связанного с ним физиологического процесса. Однако рядом специалистов установлено, что существует тесная функциональная зависимость между молочной железой и половой системой животного [34]. Очевидно, древние скотоводы рано подметили эту зависимость и сумели использовать ее в хозяйственных целях.

---

[34] *С. Фолли.* Физиология и биохимия лактации. М., 1964, стр. 157; *В. И. Рубцов.* Маститы у коров при гинекологических заболеваниях. «Ветеринария», 3, 1971, стр. 98. По мнению И. И. Архангельского, научного сотрудника Всесоюзного института ветеринарии, высказанному автору во время консультации по данному вопросу, древние скотоводы были вынуждены часто прибегать к указанному способу извлечения молока ввиду слабого развития молочных желез у животных в начальные периоды доместикации по сравнению с высокопродуктивными молочными животными современности. Приношу глубокую благодарность И. И. Архангельскому за интересную мысль.

Е. Н. СИМОНОВА

ГОРОДИЩЕ У с. ОРОШ В ОБЛАСТИ САБОЛЧ-САТМАР

Летом 1964 г. сотрудниками Института археологии Венгерской Академии наук И. Эрдели и Е. Симоновой было проведено обследование ранее не изученного городища у с. Орош (Oros) в области Саболч-Сатмар [1]. Единственное упоминание об этом городище мы находим у С. Боровского: «...в окрестностях у подножья холма, носящего название «крепостной горы», среди болота видны следы окруженного валом городища» [2]. Городище расположено в 4 *км* к северо-востоку от села среди болот и сильно поросло лесом. Оно имеет в плане близкую к овальной форму и возвышается почти на 3 *м* от подножья. Городище опоясано рвом и валом. На поверхности вала, ближе к его юго-восточной части, находится довольно широкая выемка. Происхождение выемки неясно. Очень вероятно, что у городища, почти со всех сторон защищенного болотом, именно в этом месте был въезд, поскольку здесь находится единственная незаболоченная полоса сухой земли, соединяющая этот естественный островок с сушей, где в настоящее время проходит дорога на городище.

Разведочный раскоп, заложенный в центре городища, а также разрезы рва и вала из-за сильного нарушения культурного слоя не показали четко, что культурный слой относится к двум периодам — неолитическому и средневековому. Но об этом убедительно свидетельствуют фрагменты керамики и другие находки, обнаруженные на городище (рис. 1.) Всю керамику можно разделить на две группы — лепную и гончарную. Лепная керамика в свою очередь подразделяется на две категории: а) сосуды грубые, с хорошо заглаженной наружной поверхностью, серого или розового цвета. Обжиг довольно равномерный, толщина стенок сосудов колеблется от 0,8 до 1 *см*; б) сосуды лепные, лощеные тонкостенные, орна-

---

[1] Приношу благодарность И. Эрдели за предоставление мне материалов раскопок.

[2] *S. Borovszky.* Magyarország vármegyei és városai. Szabolcs vármegye. Budapest, 1900, 399 old.

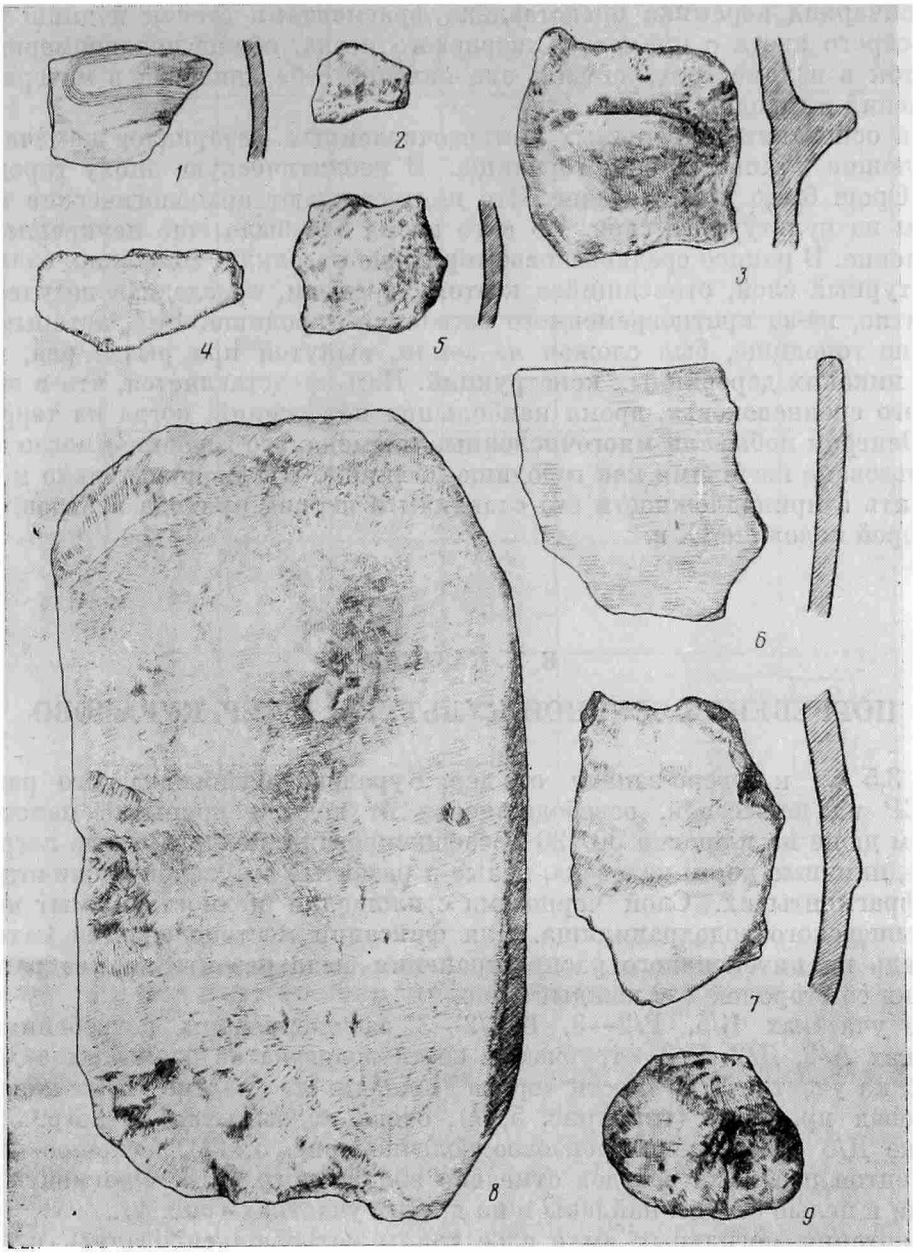


Рис. 1. *1* – фрагмент стенки сосуда, орнаментированного красной пастой; *2, 4, 5* – фрагменты стенок керамики IX в.; *3* – фрагмент стенки сосуда с ручкой-налепом; *6* — фрагмент венчика неорнаментированного сосуда; *7* — фрагмент стенки сосуда, орнаментированного валиком; *8*— зернотерка; *9* — кусок обсидиана

ментированные и неорнаментированные, некоторые из них украшены геометрическим орнаментом с заполнением красной краской [3]. Толщина стенок сосудов —0,4—0,5 *см*.

Обе категории керамики широко известны по материалам поселений северо-восточной Венгрии (областей Хевеш, Боршод-Абауй-Земплейн и Саболч-Сатмар) и принадлежат к памятникам культуры бюкк [4].

---

[3] *F. Tompa.* A szalagdiszes agyag müvészsèg kultúrája Magyarországon A Bükki és Tiszai kultúra. Archaeologia Hungarica. V—VI. Bp., 1929, 280 old., tábl. II, *13*.

[4] *N. Kalicz.* Védett telepek erositések problémaja Eszák-és Keletmagyarországon a bronzkor kezdetéig. Régészeti Dolgozatok. Budapest, 1960, 33, 34 old.

Гончарная керамика представлена фрагментами стенок и днищ розовато-серого цвета с примесью кварцевого песка, обжиг неравномерный — черепок в изломе трехслойный; она находит себе аналогии в материалах поселений и городищ IX в.

На основании полученных немногочисленных материалов намечаются следующие этапы жизни городища. В неолитическую эпоху городище у с. Орош было уже заселено. Это подтверждают археологические материалы из культурного слоя. Но в то время это было еще неукрепленное поселение. В раннее средневековье городище населяли, возможно, славяне. Культурный слой, относящийся к этому времени, проследить не удалось, вероятно, из-за кратковременного заселения городища. Вал, которым окружено городище, был сложен из земли, вынутой при рытье рва, и не имел никаких деревянных конструкций. Нам представляется, что в эпоху раннего средневековья, время наибольших потрясений, когда на территории Венгрии побывали многочисленные племена, это городище могло быть использовано жителями как городище-убежище. Предположительно можно говорить о принадлежности его славянам в период прихода венгров, т. е. во второй половине IX в.

Е. П. КАЗАКОВ

ПОГРЕБЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ У ДЕР. КУРАЛОВО

В 3,5 *км* к северо-западу от дер. Куралово Куйбышевского района ТАССР на невысокой, освободившейся от воды и покрытой наносным песком дюне на площади 50×20 *м* зафиксированы полуразмытые погребения, единичные кости человека, целые и разбитые сосуды, а также отдельные фрагменты их. Слой чернозема с площадки полностью смыт водой Куйбышевского водохранилища. Для фиксации местоположения находок площадь их интенсивного распространения была разбита на квадратные участки со стороной 3 *м* каждый (рис. 1).

На участках Б/5, Г/2—3, ЕЖ/2—3 зафиксированы погребения, на участках А/2, Д/2, Е/3 — трубчатые кости человека из размытых захоронений, на участке Е/2 — кости черепа лошади. На участке Е/3 найдена бронзовая пронизка (типа рис. 5, *1*), очевидно вымытая из погр. 3; на участке Д/6 обнаружено бронзовое колечко (рис. 5, 11). Большое число фрагментов разбитых сосудов отмечено вблизи погр. 1, 3. Фрагменты керамики и целые сосуды найдены и на других участках (рис. 1).

Очертания могильных ям в слое глины четко фиксировались в виде черноземных пятен. Во всех могилах на поверхности были заметны выступающие кости скелетов.

Погребение 1 (рис. 2). Могильная яма размером 130×80 *см* имела закругленные углы. Костяк, ориентированный головой на северо-восток, лежал скорченно на животе, ноги свалены в левую сторону. Лицевая часть черепа, частично разрушенного водой, обращена на восток. Правая рука согнута в локте и уложена кистью у правого плеча. Лучевые кости левой руки были под костями туловища, а кисть ее — у локтя правой руки. На обеих руках браслеты (рис. 5, *2*). К востоку от скелета два сосуда (рис. 3, *1, 3*). Около сосудов кости птицы и мелкого животного. Кости птицы расчищены также у коленного сгиба левой ноги.

Погребение 2 (рис. 2). Очертания могилы размером 120×90 *см*, вытянутой по линии север — юг, прослеживаются слабо. Большая часть костей скелета смещена или вымыта водой. In situ сохранилось только несколько ребер в центре могилы, судя по которым погребенный мог быть ориентирован головой на север. В юго-восточном углу могилы — фрагменты разбитого сосуда (рис. 3, *5*).

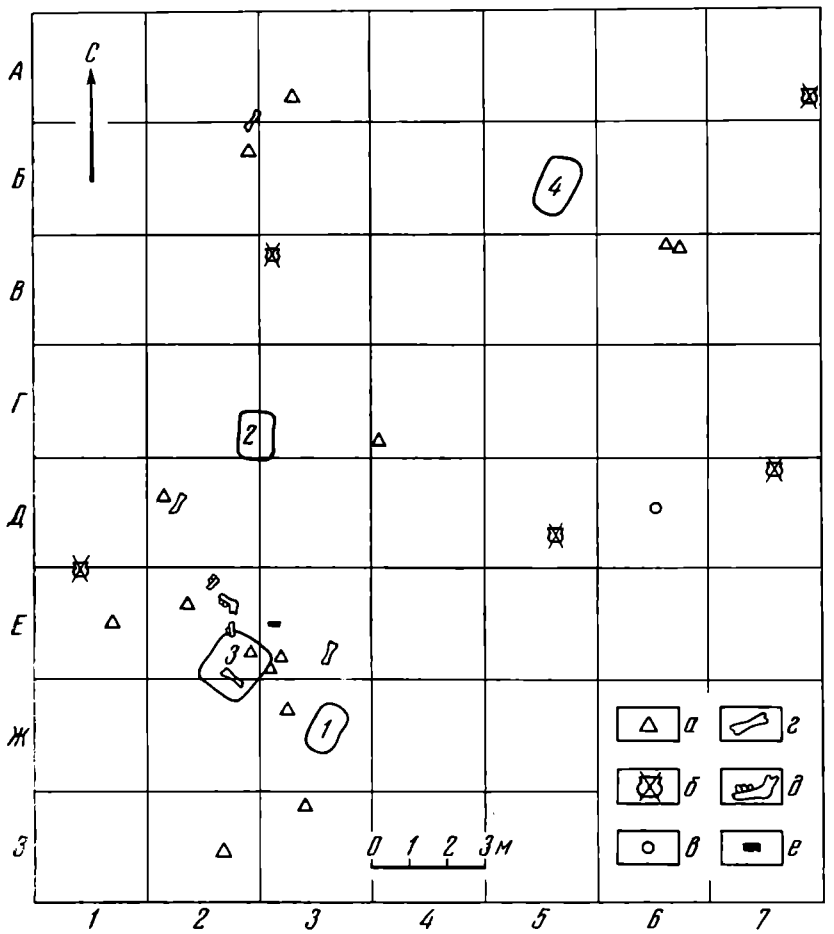


Рис. 1. План расположения находок на Кураловском могильнике: *а* — фрагменты керамики; *б* — разбитые сосуды; *в* — колечко; *г* — кости человека; *д* — кости лошади; *е* — пронизка

Погребение 3 (рис. 2). Овальная в плане могила с черноземным заполнением имела размеры 160×150 *см*. Над северным углом ее зафиксированы кости лошади. В самой яме местами заметны размытые кости человека. При расчистке выявлено, что непотревоженная часть ямы погребения, оказавшегося парным, имеет глубину всего 5—3 *см*. Оба скелета, ориентированные головой на северо-восток, лежали скорченно на левом боку. Обе руки южного скелета и левая рука северного согнуты в локте и уложены у лицевой части черепа. Правая рука северного костяка согнута в локте под прямым углом и уложена кистью у развала сосуда (рис. 3, *2*), находившегося перед грудью. У лицевой части южного скелета расчищен сосуд (рис. 3, *4*), на верхнегрудных позвонках расчищена бронзовая пронизка с остатками ремешка в ней (рис. 5, *1*) на грудных — бронзовое шило с костяной рукояткой из кости ноги овцы (рис. 5, *3*).

Погребение 4 (рис. 2). Могильная яма размером 150×90 *см* прослеживается слабо. Погребение в значительной мере размыто водой. Череп и правая бедренная кость со своего места смещены, правая рука отсутствует. Судя по сохранившимся in situ остальным костям, погребенный, ориентированный головой на северо-восток, лежал скорченно на левом боку. Левая рука согнута в локте и уложена кистью перед черепом. Рядом с ней найден разбитый сосуд (рис. 3, *7*). Правая височная кость черепа покрыта окисью бронзы.

Судя по расположению захоронений на изученной площади, не исключено, что они могли находиться под одной курганной насыпью. Сравни-

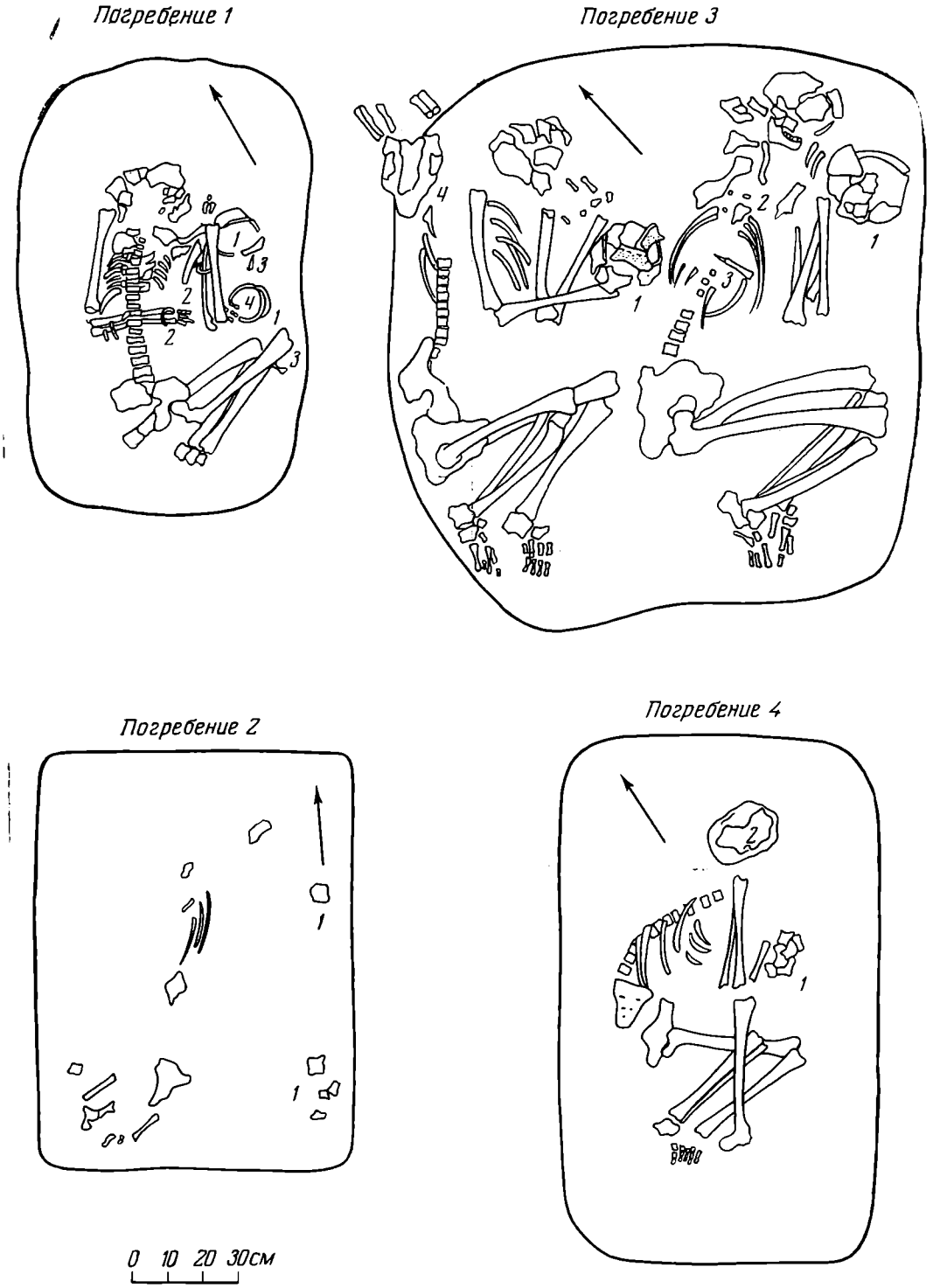


Рис. 2. Планы погребений Кураловского могильника: погр. 1, *1* – сосуды; *2* – браслеты; *3* — кости птицы; *4* — кости животных; погр. 2, *1* — сосуд; погр. 3. *1* — сосуды; *2* — пронизка; *3* — шило; *4* — кости животных; погр. 4. *1* — сосуд; *2* — окись бронзы

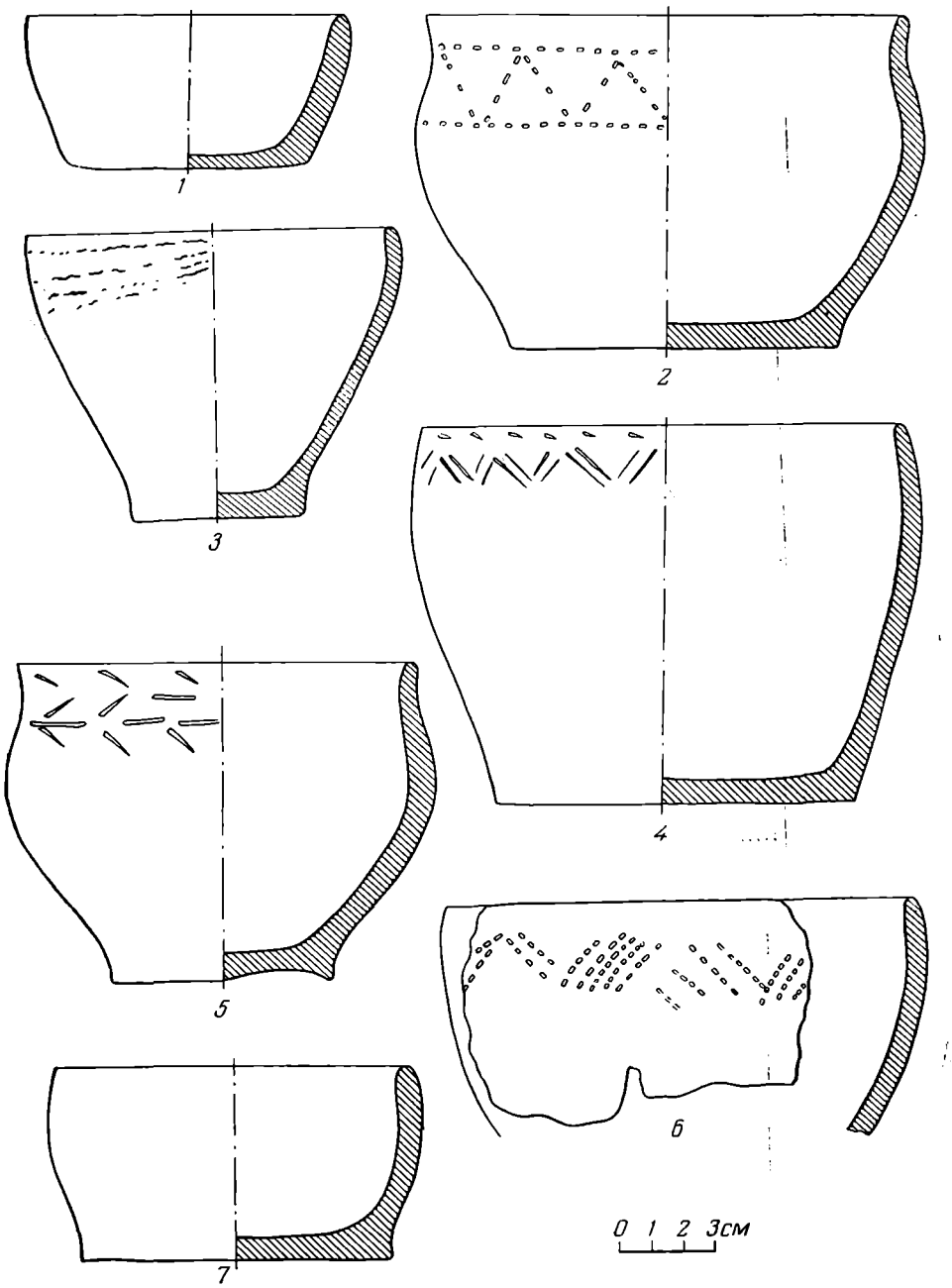


Рис. 3. Керамика из Кураловского могильника: *1* — погр. 1; *2* — погр. 3, у северного костяка; *3* — погр. 1, северный сосуд; *4* — погр. 3, у южного костяка; *5* — погр. 2; *6* — уч. АБ/2—3; *7* — погр. 4

тельным единообразием отличается положение костяков. Последние, ориентированные головой на север или северо-восток, лежали скорченно, на левом боку (кроме костяка подростка из погр. 1, повернутого почти на живот). Черепа также лежали на левом боку. Руки были согнуты в локтях и уложены кистями у лицевой части черепов или у сосудов, которые ставились перед грудью погребенных. Над ямой погр. 3 и частично рядом с ней расчищены кости черепа лошади. Остатки мясной пищи, в частности плечевая кость курицы, по определению А. Г. Петренко, зафиксированы около сосудов в погр. 1.

Керамический материал памятника, выявленный как в погребениях, так и вне их — на размытой части — представлен 22 сосудами. Восстановле-

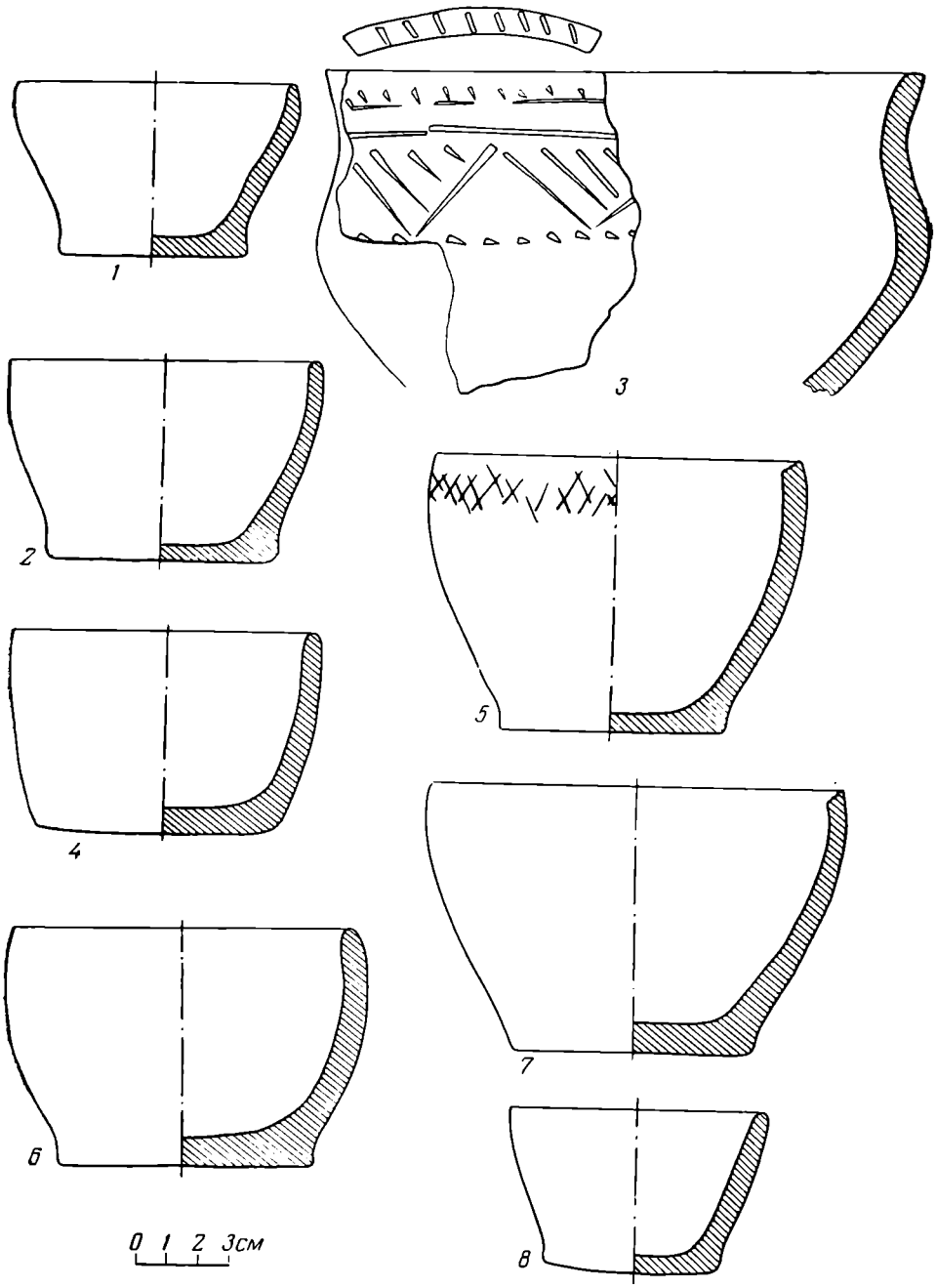


Рис. 4. Керамика из Кураловского могильника: *1* — уч. А/7; *2* — уч. В/6; *3* — уч. Е/1—3; *4* — уч. Д/7; *5* — уч. ДЕ/1; *6* — уч. Д/5; *7* — уч. В/3; *8* — уч. 3/2—3

на форма 17 сосудов. Посуда лепная, плоскодонная серо-черная или коричневая, неровная по обжигу. Два сосуда (рис. 4, *3*, рис. 5, *4*) с залощенной поверхностью, поверхность остальных, как правило, неровная, бугристая, заглаженная щепкой, а потом мягким предметом. Черепок в изломе черный, в четырех случаях плотный (рис. 3, *4*; 4, *2*; 5, *5*, *8*), у остальных — довольно рыхлый. Толщина черепка 5—10 *мм*, днище обычно толще стенок. За исключением 3 экз., где имелись небольшая органическая (рис. 4, *7*), песочная (рис. 4, *1*) и известковая (рис. 5, *7*) примеси, во всех сосудах примесью служила обожженная глина.

Форма сосудов в основном баночная, хотя имеются и горшки (рис. 3, *2, 5* ; 4, *3*). Венчики в большинстве закругленные, реже скошенные во

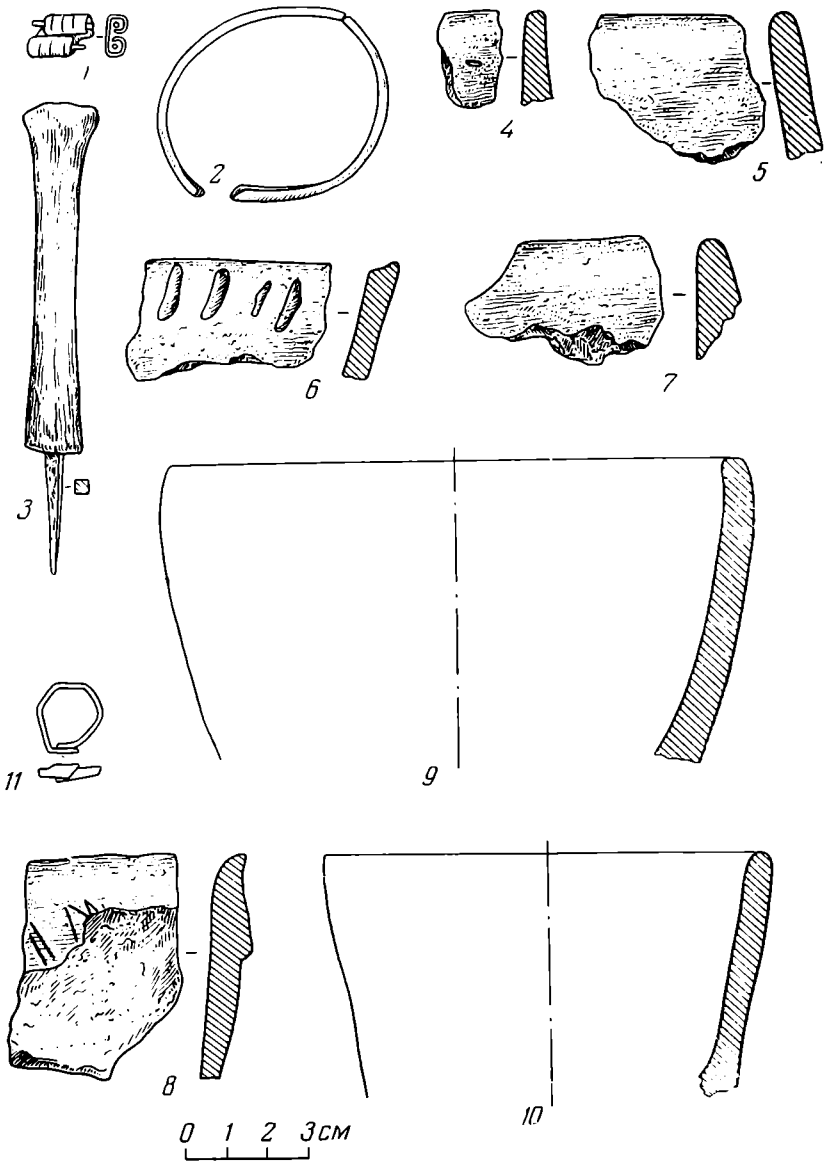


Рис. 5. Вещевой инвентарь из Кураловского могильника: *1* — погр. 3; *2* — погр. 1; *3* — погр. 3; *4—8* — уч. ЕЖ/2—3; *9* — уч. Е/1—3; *10* — уч. Г/4; *11* — уч. Д/6; *1—2, 11* — бронза; *3* — бронза и кости, *4—10* — керамика

внутрь (рис.4, *5, 7;* 5, *6, 8*). Закраины у днищ отсутствуют. Один из горшковидных сосудов имеет небольшой поддон (рис. 3, *5*).

Орнамент, расположенный на верхней части тулова, а также по шейке (у горшков), зафиксирован у 10 сосудов. Два из них украшены гребенчатыми оттисками в виде зигзагообразных или горизонтальных линий (рис. 3, *2, 6*), остальные — разным орнаментом в виде зигзагов, перекрещивающихся линий, горизонтальных линий или заштрихованных треугольников (рис. 3, *4, 5;* 4, *3, 5*). На двух сосудах нанесены треугольные ямки, расположенные в горизонтальную линию (рис. 3, *4*; 4, *3*). Один из этих сосудов, горшковидный по форме (рис. 4, *3*), по венчику украшен широкими скошенными нарезками. Своеобразный орнамент имеет высокий узкодонный сосуд из погр. 1. По верхней части его тулова путем нанесения мелких насечек (?) проведены четыре неровные линии (рис. 3, *3*).

Бронзовое шило из погр. 3 имеет квадратное в сечении острие (рис. 5, 3). Рукоять изготовлена из плюсневой кости овцы (определение А. Г. Петренко). Пронизки из того же захоронения, а также с участка Е/3 выполнены из ребристых бронзовых пластин, свернутых в парную трубочку (рис. 5, *1*). Бронзовые желобчатые браслеты из погр. 1 в сечении имеют С-образную форму. Один из концов браслетов шире другого (рис. 5, *2*). Колечко (перстень?) с участка Д/6 изготовлено из узкой полосы листовой бронзы (рис. 5, *11*).

Основные элементы культуры кураловских захоронений позволяют относить их к срубным. Они входят в число наиболее северных срубных погребений в этом районе [1]. Скорченное на левом боку положение костяков, ориентированных головой на север, иногда с различными отклонениями, является характерным для населения срубной культуры. Наличие костей — остатков мясной пищи, положенных обычно в сосудах или около них,— также неоднократно отмечалось в срубных памятниках [2]. В одном из курганов у с. Быково зафиксировано захоронение коней около могилы [3]. Возможно, остатки такого обряда выявлены в погр. 3 и у дер. Куралово.

Керамика отличается бедностью орнаментации. Невысокие баночные сосуды совсем без орнамента, что характерно для всей срубной культуры. Аналогии кураловской посуде можно найти как в могильниках [4], так и на поселениях [5] Среднего Поволжья, относящихся к последней четверти или концу II тысячелетия до н. э. [6] По-видимому, последней третью II тысячелетия до н. э. можно широко датировать и кураловские захоронения. Остальной материал не противоречит этой дате. Желобчатые браслеты, широко встречающиеся в срубных, абашевских и андроновских памятниках, зафиксированы в курганах у сел Хрящевка и Ягодное [7], относимых Н. Я. Мерпертом к последней четверти II тысячелетия до н. э. В этих же памятниках имеются аналогии шилу с костяной рукоятью (рис. 5, *3*) [8]. Бронзовые пронизки, близкие к кураловским, отмечены в находках из с. Ново-Балтачево в Башкирии, датированных К. В. Сальниковым XII—XIII вв. до н. э. [9]; в срубном могильнике у хутора «Красная звезда» Ульяновской области, относимом к третьей четверти II тысячелетия до н. э. [10]

---

[1] *А. Х. Халиков.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 209—237.

[2] *Н. Я. Мерперт.* Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА, 42, 1956, стр. 147; *Е. П. Казаков.* Набережно-Челнинский могильник. Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции, в. 1, М., 1972, стр. 83.

[3] *К. Ф. Смирнов.* Быковские курганы. МИА, № 78, 1960, стр. 174.

[4] *Н. Я. Мерперт.* Ук. соч., стр. 63, рис. 11, *5*; стр. 121, рис. 35, *2* и др.

[5] *А. В. Збруева.* Памятники эпохи поздней бронзы в приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье. МИА, 80, 1960, стр. 40, рис. 14, *1*.

[6] *Н. Я. Мерперт.* Ук. соч., 150; *А. В. Збруева,* Ук. соч., стр. 45.

[7] *Н. Я. Мерперт.* Ук. соч., стр. 149.

[8] Там же, стр. 61, рис. 10, *4*; стр. 113, рис. 31, *5*.

[9] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 188, рис. 22, *3*.

[10] *Т. Б. Попова.* Керамика мелекесских курганов. Тр. ГИМ, 22, 1953, стр. 61, рис. 2, *5*; стр. 62.

Г. А. ПАНКРУШЕВ

ТУРБИНСКАЯ КЕРАМИКА НА ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЯХ КАРЕЛИИ

На стоянках Карелии второй половины II тысячелетия до н. э. широко распространена ямочно-зубчатая керамика волго-окского облика, близкая керамике льяловской и белевской культур, но значительно видоизмененная в результате ее длительного развития в местных условиях. Сосуды толстостенные (9—14 *мм*), из грубого теста с примесью дресвы или песка, остродонные и круглодонные. Венчики сосудов имеют утолщение, верхняя грань их скошена и украшена несложным орнаментом. Основными элементами орнамента являются ромбовидные и круглые ямки, расположенные в шахматном порядке. На многих сосудах зоны ямок чередуются с горизонтальными рядами оттисков зубчатого штампа. Более сложные узоры редки. В целом орнамент местной ямочно-зубчатой керамики этого времени в отличие от орнамента льяловской и белевской керамики нанесен менее тщательно.

В это же время в Карелии применялась «асбестовая керамика», т. е. керамика с примесью толченой роговой обманки или асбеста к глиняному тесту. Роговая обманка в качестве примеси применялась чаще, чем асбест. Сосуды этого типа остродонные и круглодонные, со средней толщиной стенок 8—9 *мм*, с утолщенными и скошенными внутрь венчиками, орнаментированными по верхнему срезу, тесто с большим количеством плохо истолченных примесей. По форме и венчику эти сосуды близки одновременным им сосудам ямочно-зубчатой керамики. Орнамент асбестовой керамики первоначально копировал узоры ямочно-зубчатой керамики, но в дальнейшем был упрощен, так как иглы роговой обманки мешали его нанесению. Глубокие круглые ямки сменились поверхностными. Большую часть сосудов стали орнаментировать поверхностными, иногда еле заметными оттисками зубчатого штампа и овальными неглубокими зубчатыми ямками. Наиболее распространенные узоры: горизонтальные ряды оттисков зубчатого штампа, овальные неглубокие зубчатые ямки и вертикальные зигзаги из оттисков зубчатого штампа. Сложные сочетания элементов орнамента в асбестовой керамике, даже наиболее ранней, встречаются редко. К концу II тысячелетия до н. э. асбестовая керамика широко распространилась по всей Карелии и полностью вытеснила ямочно-зубчатую.

Наряду с ямочно-зубчатой и асбестовой керамикой на некоторых поселениях второй половины II тысячелетия до н. э. в Карелии найдена керамика с рыхлой пористой структурой с примесью выгоревших при обжиге растительных остатков в глиняном тесте (чем и объясняется ее пористость). Она представлена довольно мелкими фрагментами от сравнительно тонкостенных (6—8 *мм*) сосудов. Черепки легко крошатся. Орнамент этой керамики несложен (рис. 1). Сосуды орнаментированы чаще всего редкими поверхностными оттисками короткого зубчатого штампа, овальными зубчатыми ямками, нарезными черточками и т. п. Изредка встречаются круглые поверхностные ямки, узор орнамента несложен. Большая часть сосудов орнаментирована горизонтальными рядами оттисков короткого зубчатого штампа или вертикальными зигзагами из оттисков того же штампа. Многие сосуды орнаментированы горизонтальными рядами овальных зубчатых ямок, остальные — несложными узорами из нарезных черточек, линий и оттисков различных штампов. Форма сосудов в целом не восстанавливается, ясно, что сосуды были круглодонны. Наиболее близкие аналогии эта керамика имеет в керамике поселений гаринского этапа турбинской культуры. Вероятнее всего, она занесена сюда группами этой культуры.

Значительное сходство орнамента асбестовой керамики Карелии с турбинской говорит о том, что упрощение орнаментальных узоров и эле-

Рис. 1. Фрагменты керамики с поселений: *1–4* – Соломенное IX; *5–8* – Лахта II, *9–12* – Вой-наволок XXIV; *13–14* – Залавруга I; *15–19* – Залавруга IV

ментов орнамента асбестовой керамики не обошлось без некоторого влияния на этот процесс пришлых турбинцев. Наиболее ярким свидетельством этого влияния является наличие на некоторых стоянках Карелии асбестовой керамики, содержащей в глиняном тесте наряду с примесью асбеста растительную примесь.

Надо сказать, что турбинская керамика в Карелии имела не повсеместное и далеко не равномерное распространение. К настоящему времени здесь известно 31 поселение, в инвентаре которых найдена такая керами-

Стоянки, в инвентаре которых имеется керамика турбинского типа	Площадь раскопа на стоянке, $м^2$	Всего фрагментов керамики	В том числе турбинской	Фрагменты турбинской керамики, %
Золотец VI	506	8291	1147	13,8
Золотец XI	248	1381	201	14,5
Залавруга II	24	461	95	20,6
Золотец XXII	28	128	28	21,6
Залавруга I	2528	3948	1908	43,3
Залавруга IV	716	12 483	6712	53,8

ка (рис. 2). Однако многие из этих поселений содержат лишь единичные фрагменты турбинской керамики, которые теряются в массе других типов.

Иное положение наблюдается в низовье р. Выга у Белого моря. Здесь турбинская керамика найдена на 16 стоянках. На некоторых из них она составляет значительный процент, что видно из таблицы.

Турбинская керамика упомянутых в таблице стоянок по орнаменту близка асбестовой, но узор еще более прост и состоит в основном из редко расставленных оттисков короткого зубчатого штампа. В двух из них (Залавруга I и IV) широко представлена асбестовая керамика с растительной примесью в глиняном тесте.

Наиболее ранними из упомянутых в таблице являются стоянки Золотец VI и XI. Они датируются серединой II тысячелетия до н. э. В их инвентаре широко представлена ямочно-зубчатая керамика, значительно меньше — асбестовая, а турбинская занимает явно подчиненное положение. На стоянках третьей четверти II тысячелетия до н. э. Залавруга II и Золотец XXII уменьшается роль ямочно-зубчатой керамики и соответственно растет значение асбестовой керамики. Процентный состав турбинской керамики тоже увеличивается. Это свидетельствует о том, что роль пришельцев-турбинцев в развитии местной культуры тоже растет. Больше всего турбинской керамики (рис. 1, *13—19*) содержат самые поздние стоянки этой группы (Залавруга I и IV), датируемые концом третьей четверти и четвертой четвертью II тысячелетия до н. э. Значительная часть асбестовой керамики этих стоянок тоже содержит растительную примесь. Видимо, пришельцы из области турбинской культуры к указанному времени в основном ассимилировали местное население данного локального района Карелии, хотя их влияние продолжалось сравнительно недолго, так как в I тысячелетии до н. э. они растворились в среде местного населения, пополнившегося за счет притока из других районов Карелии. Об этом процессе свидетельствуют поселения I тысячелетия до н. э.: Горелый мост II, III, V, VII, VIII и др., в которых преобладают местные типы керамики, а видоизмененная керамика с растительной примесью в глиняном тесте играет явно подчиненную роль.

В других районах Карелии роль турбинцев, видимо, была еще менее заметной. В Восточной Карелии турбинская керамика найдена на берегах оз. Водлозера (в инвентаре семи стоянок) и на о. Гурий у восточного побережья Онежского озера. На всех восьми поселениях фрагменты турбинской керамики найдены в единичных экземплярах. Они не составляют и 10-й доли процента от керамики этих поселений. В остальных районах известны лишь единичные поселения, в инвентаре которых встречается керамика этого типа. Две такие стоянки — на северном берегу Онежского озера у Повенца, две на берегу того же озера у Петрозаводска, две на берегу оз. Сямозера и одна в Западной Карелии на берегу Кудомгубского озера Наибольшее число фрагментов турбинской керамики найдено на трех из них: Лахта II, Соломенное IX и Вой-наволок XXIV

Стоянка Лахта II расположена на северном берегу оз. Сямозера. Раскопки показали, что ее культурный слой содержит инвентарь разных эпох: неолита, энеолита, бронзы, раннего железа и средневековья. Комплекс

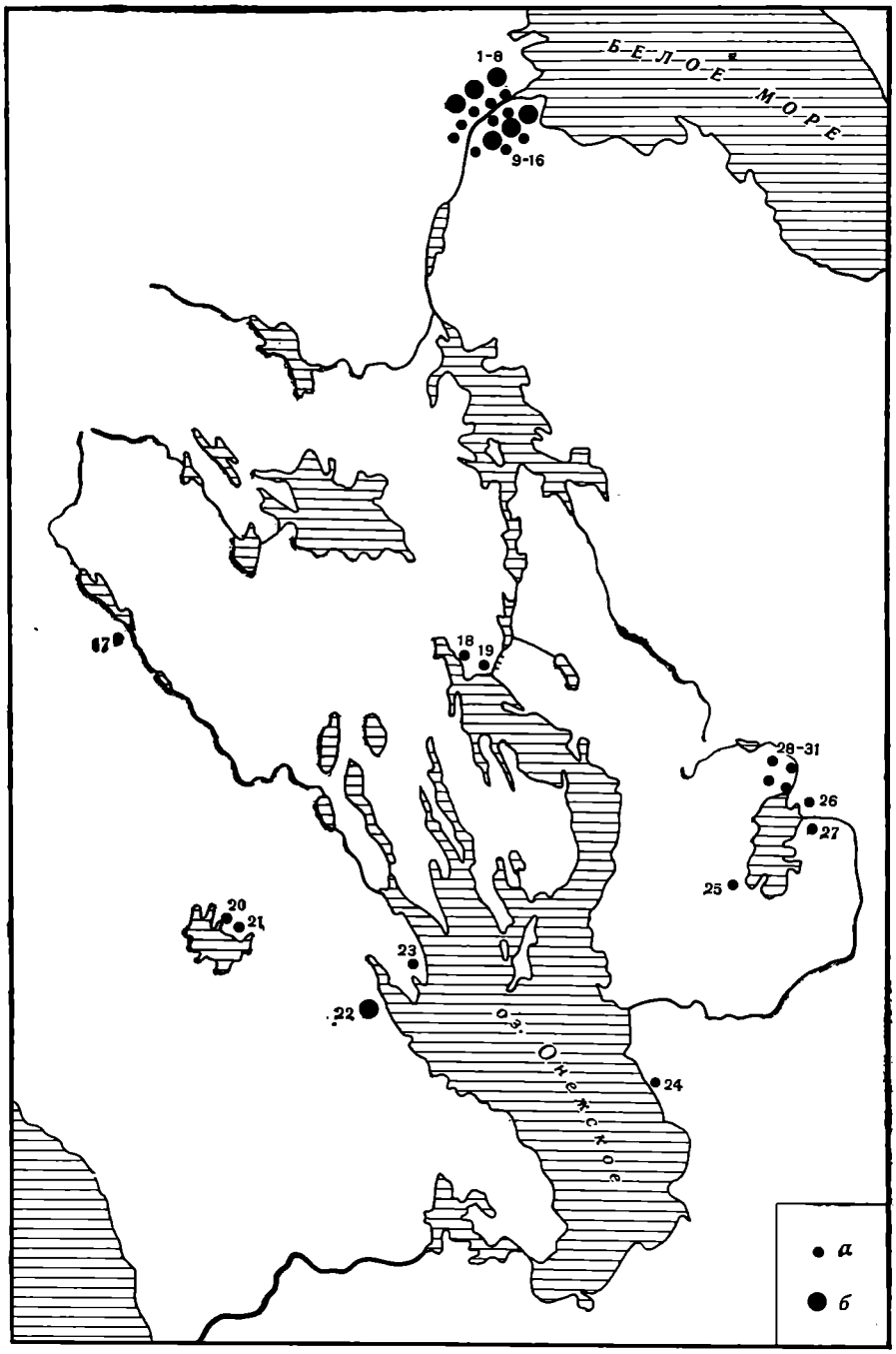


Рис. 2. Карта памятников Карелии, на которых встречается турбинская керамика. Условные обозначения: *а* — стоянки с единичными фрагментами турбинской керамики; *б* — стоянки, на которых турбинская керамика составляет от 15 до 53 %. *1* — Бесовы Следки III; *2* — Золотец VII; *3* — Бесовы Следки IIIа: *4* — Золотец XV; *5* — Золотец VI; *6* — Золотец XI; *7* — Золотец XXII; *8* — Золотец XVI; *9* — Ерпин — Пудас; *10* — Бесовы Следки I; *11* — Залавруга II; *12* — Залавруга I; *13* — Залавруга IV: *14* – Золотец I; *15* – о. Шойрукшин, *16* – порог Шойрукша; *17* – Кудом-губа II; *18* – Вой-наволок XXXIII; *19* – Вой-наволок XXIV; *20* – Малая Суна IV; *21* – Лахта II; *22* — Соломенное IX; *23* — Ялгуба II; *24* — о. Гурпй; *25* — Пога I; *26* — Товда II; *27* — Водла VI; *28* — Шеттима I; *29* — Илекса II; *30* — Илекса III; *31* — Илекса IV

эпохи энеолита представлен на стоянке в основном ямочно-зубчатой и асбестовой керамикой. Турбинская керамика (рис. 1, *5—8*) представлена 122 фрагментами, что составляет 0,2% от всей керамики, обнаруженной на стоянке, и не более 5% комплекса керамики энеолитической эпохи. Она лишь в небольшой степени дополняет упомянутые типы. На других же стоянках данного локального района турбинская керамика отсутствует (за исключением стоянки Малая Суна IV, где она найдена в единичных фрагментах).

Стоянка Соломенное IX находится у пос. Соломенное близ Петрозаводска. В ее культурном слое найден инвентарь двух эпох: неолита и бронзы. Керамика эпохи бронзы представлена двумя типами: асбестовая (74 фрагмента от двух сосудов) и турбинская (около 700 фрагментов от пяти сосудов (рис. 1, *1—4*).

Стоянка Вой-наволок XXIV содержит чистый комплекс инвентаря эпохи бронзы. Основную часть керамики, полученной при раскопках стоянки, составляют фрагменты с примесью роговой обманки и асбеста в глиняном тесте (2529). Фрагментов турбинской керамики (рис. 1, *9—12*) найдено только 157, т. е. 6,2%. Единичные фрагменты такой керамики обнаружены еще на одной стоянке этого района — Вой-наволок XXXIII.

Итак, все изложенное выше свидетельствует о том, что выходцы из области турбинской культуры проникли в Карелию в середине II тысячелетия до н. э. Судя по довольно широкому распространению турбинской керамики в Карелии (рис. 2), группы турбинцев в своем продвижении на северо-запад (вызванном, вероятнее всего, относительным перенаселением района их обитания и связанным с ним процессом сегментации) проникли во многие ее районы. Они не оказали более или менее существенного влияния на местную культуру большинства районов Карелии и растворились в среде местных племен. Однако население одного из локальных районов Карелии, а именно низовьев р. Выг, испытало довольно сильное влияние пришельцев. На некоторое время турбинцам удалось здесь ассимилировать местное население. Видимо, в низовья р. Выга проникли наиболее многочисленные группы пришельцев. Путями их продвижения в этот район служили, вероятнее всего, северные реки: Северная Двина и Онега с их притоками, а также прибрежные воды Белого моря.

На первых порах у пришельцев случались, возможно, столкновения с аборигенами. Можно предположить, что именно такое столкновение запечатлено древними художниками в наскальных рисунках Старой Залавруги, открытой В. И. Равдоникасом в 1936 г. На скале изображено столкновение между двумя группами людей. Одну из этих групп исследователь А. М. Линевский условно назвал лыжниками, так как люди изображены на лыжах, другую — мореходами, так как они изображены приплывшими на лодках. Сражающиеся стреляют друг в друга из луков. Изображены убитые и раненые с вонзившимися в них стрелами, лодки, перевернутые вверх килем. Возможно, «мореходы» — это группы турбинцев, пытавшихся проникнуть в эти земли. Во всяком случае на стоянке Залавруга I, возникшей позднее упомянутых наскальных рисунков, турбинцы играли существенную роль. О том, что сцена сражения изображена раньше, чем возникла стоянка, свидетельствуют погребенные под ее культурным слоем одновременные этой сцене группы наскальных рисунков.

Хотя влияние турбинской культуры в большинстве районов Карелии, кроме низовьев р. Выг, было сравнительно незначительным, некоторые черты культуры турбинцев были восприняты населением древней Карелии. Следы древнего воздействия этой культуры сказывались еще в эпоху раннего железа: на стоянках ряда районов Карелии встречается керамика с растительной примесью в глиняном тесте и орнаментами, напоминающими турбинские. Стоянки с такой керамикой известны на берегах оз. Сямозера, в верховьях р. Суны, на берегах оз. Водлозера и в низовьях р. Выга. Всего к настоящему времени известно 22 таких стоянки.

К следам турбинского влияния надо отнести также некоторые характерные типы кремневых орудий, нашедших применение на стоянках эпохи бронзы и раннего железа в Карелии: это треугольные скребки с тщательно отретушированной спинкой и своеобразные орудия, изготовленные из узких массивных пластин с утолщенным концом, с тщательной ретушью по краям и на утолщенном конце, а также каменные молотки, изготовленные из крупных галек, с круговой канавкой, которая позволяла прочнее привязывать их к рукояти.

К. В. КОСТРИН

НАХОДКИ ОСТАТКОВ НЕФТИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В 1973 г., по предложению научного сотрудника Института археологии АН СССР И. С. Каменецкого, нами были исследованы два образца смолистых осадков из амфор, найденных им при раскопках Нижне-Гниловского и Подазовского городищ — поселений, входивших в древности в сельскую округу Танаиса, принадлежавших меотам [1]. Нижне-Гниловская амфора, аналогичная по типу амфорам Танаиса, датируется II в. н. э. Подазовская крупная, красноглиняная амфора — более ранняя, относится (по сопровождающим находкам) к концу I в. до н. э.

Таблица 1

Элементарный анализ смолистых осадков из амфор из раскопок городищ Нижнего Дона (в %)

Элементы	Нижне-Гниловское городище	Подазовское городище
Углерод	77,20	62,35
Водород	7,57	6,76
Сера	0,37	0.26
Азот	0,14	0,13
Несгораемый остаток	4,01	21,30
Кислород (по разности)	10,71	9,20
Итого	100,00	100,00

Результаты элементарного анализа (сожжения) указанных выше осадков приведены в табл. 1 и в пересчете на чистое вещество (без несгораемого остатка) в табл. 2. Исходя из того, что процесс многовекового окисления и выветривания нефти, погребенной когда-то в амфорах при гибели древних поселений, на небольших глубинах в земле должен быть вполне аналогичным процессу естественного превращения нефти в асфальт при ее выходе в поверхностные слои грунта, в табл. 2 приводятся для сравнения результаты анализа некоторых природных асфальтов. Данные таблиц показывают, что элементарный состав смолистых веществ из амфор весьма близок к составу природных асфальтов. Они различаются только по содержанию серы, но это различие обусловлено тем, что нефти Урало-Поволжья, из которых образовался исследованный нами природный асфальт, имеют высокое содержание серы, а нефти Керченского и Таманского полуостровов, из которых, вероятно, образовались осадки в амфорах, — малосернистые. Внешние свойства осадков из амфор (цвет, блеск, ракови-

[1] *Д. Б. Шелов.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, стр. 182—184, 187, 188; *И. С. Каменецкий.* Работы на Подазовском городище. АО — 1970, М., 1971, стр. 124, 125; *его же.* Окончание работ на Подазовском городище. АО — 1971, М., 1972, стр. 150, 151.

Таблица 2

Элементарный анализ смолистых осадков из амфор, обнаруженных при раскопках городищ Нижнего Дона и Херсонеса Таврического и смолы из могил боспорского некрополя в пересчете на чистое смолистое вещество (в %)

Элементы	Нижне-Гниловское городище	Подазовское городище	Херсонес Таврический	Херсонес Таврический	Золотое, могила 152	Золотое, могила 165	Природный асфальт Башкирии	Природный асфальт Самарской Луки
Углерод	80,42	79,25	81,51	80,34	77,90	77,30	78,00	75,32
Водород	7,89	8,30	9,28	9,21	8,88	9,31	9,45	8,48
Сера	0,38	0,35	0,27	0,18	0,67	0,54	3,40	4,13
Азот	0,15	0,16	0,05	0,08	0,25	0,31	0,20	0,35
Кислород (по разности)	11,16	11,94	8,89	10,19	12,50	12,54	8,95	11,72
Итого	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Таблица 3

Химический групповой состав смолистых веществ из раскопок городищ Нижнего Дона и Херсонеса Таврического в сопоставлении с природным асфальтом, определенный с применением люминесцентного анализа (в %)

Наименование компонентов	Нижне-Гниловское городище	Подазовское городище	Херсонес Таврический	Херсонес Таврический	Природный асфальт Башкирии	Природный асфальт Самарской Луки
Парафиновые и нафтеновые углеводороды	1,4	2,0	2,3	3,9	6,5	5,7
Ароматические углеводороды	5,6	4,7	8,9	8,6	24,3	15,3
Смолы	18.2	22,6	54,3	56,3	33,8	50,4
Асфальтены	74,5	71,3	34,5	31,1	35,2	28,8
Итого	99,7	100,6	100,0	99,9	99,8	100,2

стый излом, твердость хрупкость, цвет черты) также аналогичны природному асфальту.

Анализ структурно-группового состава осадков из Нижне-Гниловской и Подазовской амфор, выполненный по инфракрасному спектру поглощения на двухлучевом спектрометре UR-10 (Цейс — ГДР), показал, что в них наблюдаются: группы CH_2 и CH_3, группы C=O и OH, а также замещенная ароматика, что свидетельствует о наличии в них тяжелых нефтяных углеводородов различных классов (ароматических, нафтеновых и парафиновых) и продуктов их глубокого окисления. Подазовский осадок является более окисленным по сравнению с Нижне-Гниловским, что вполне соответствует и результатам элементарного анализа. Спектры обоих осадков в целом весьма близки к спектрам природных асфальтов и тяжелых смолообразных нефтепродуктов (битумы, асфальтиты, гудроны).

В табл. 3 даны результаты анализа тех же смолистых осадков и смолистых веществ из Херсонеса Таврического методом люминесценции. Они также показывают близость «археологических» смол к природному асфальту. При этом характерно, что более древние вещества из городищ Нижнего Дона имеют гораздо большее содержание асфальтенов, по сравнению со смолой IX в. из Херсонеса. Этот факт показывает, что остатки нефти, найденные в Нижне-Гниловском и Подазовском городищах, претерпели гораздо более глубокие превращения в результате более длительного окисления, чем вещества из Херсонеса.

Результаты приведенного выше исследования убедительно показывают, что в Нижне-Гниловской и Подазовской амфорах некогда хранилась

нефть, которая в течение многих столетий постепенно окислялась, выветривалась, подвергалась воздействию микроорганизмов и в конце концов превратилась в твердое асфальтоподобное вещество. Как уже отмечено, Подазовская амфора датируется I в. до н. э. Следовательно, уже 2000 лет назад нефть добывалась и использовалась на территории нашей страны.

В 1971 г. к нам обратился научный сотрудник кафедры древней истории и археологии Харьковского государственного университета В. И. Кадеев, проводящий в течение многих лет археологические раскопки Херсонеса Таврического [2], с просьбой исследовать смолистые вещества, обнаруженные в найденных им многочисленных амфорах. Нами от В. И. Кадеева было получено восемь образцов: четыре фрагмента кувшинов с плоскими ручками (аналогичных тмутараканским), покрытых налетом черного смолистого вещества (один из них — часть дна кувшина — содержал около 100 *г* смолы), найденных в портовой части Херсонеса, датируемых IX в.; два фрагмента амфор с перехваченным туловом (один из портовой части, другой — из «цитадели»), также «черносмоленые», датируемые VI—VII вв. н. э., два крупных куска смолистого вещества, обнаруженных в портовой части города, в слоях IX—X вв.

Херсонесская смола была исследована нами также методами элементарного, спектрального и люминесцентного анализа. Результаты анализа двух образцов, датированных IX в., приведены в табл. 2 и 3. Все анализы убедительно показали, что они имеют определенно нефтяное происхождение. Проведенное одновременно изучение (для сравнения) тяжелых смол, получаемых при переработке каменного угля и дерева, показало, что они резко отличаются от смолы из Херсонеса. Кроме того, нами был выполнен спектральный анализ золы, полученной из предварительно очищенной от механических примесей смолы, который показал присутствие в ней: кальция — 0,08%, марганца — 0,002%, кремния — 0,25%, магния — 0,005%, железа — 0,03%, алюминия — 0,06%, ванадия — следы. Согласно указаниям академика С. С. Наметкина [3], наличие перечисленных элементов характерно для золы нефтей и остаточных нефтепродуктов. Таким образом, находки В. И. Кадеева свидетельствуют о том, что и в Херсонесе Таврическом нефть использовали и, возможно, она была предметом торговли.

Многочисленные находки «археологической» нефти в районе Черного моря определенно указывают на то, что нефть в течение многих столетий добывалась на ближайших к местам раскопок месторождениях Керченского и Таманского полуостровов и имела постоянный сбыт. Основное ее количество использовалось для военных целей, а главным ее потребителем была, как отмечает Г. Г. Литаврин, Византия, применявшая нефть для изготовления своего знаменитого «греческого огня» [4]. Но одновременно в нефти как в необходимом боевом материале в эпоху средневековья были заинтересованы и половецкие ханы, и русские князья [5].

При археологических раскопках последних лет были обнаружены смолистые вещества не только в амфорах, но и в виде отдельных находок. В 1971 г. Боспорский отряд Института археологии Академии наук Украинской ССР под руководством В. Н. Корпусовой производил раскопки боспорского некрополя, расположенного у с. Золотое (бывш. Чишни) Ленинского района Крымской области в 37 *км* к западу — северо-западу от Керчи, на берегу Азовского моря. При вскрытии двух греческих могил (№ 152

---

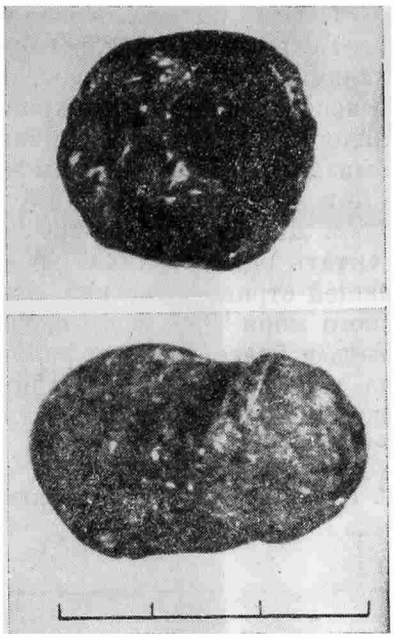
[2] *В. И. Кадеев.* Подводные археологические исследования в районе Херсонеса в 1964—1965 гг. Сб. «Морские подводные исследования». М., 1969, стр. 342—353; *его же.* Раскопки в Херсонесе. АО – 1970, М., 1971, стр. 268, 269; *В. И. Кадеев, А. И. Романчук.* Раскопки в портовом районе Херсонеса. АО — 1971, М., 1972, стр. 373.

[3] *С. С. Наметкин.* Химия нефти. М., 1955, стр. 274.

[4] *Г. Г. Литаврин.* Русь и Византия в XII веке. ВИ, 1972, 7, стр. 38—40; *его же.* Война Руси против Византии в 1043 г. Сб. «Исследования по истории славянских и балканских народов». М., 1972, стр. 178—222.

[5] *К. В. Кострин.* Нефть — старинное боевое средство. Нефтяник, 1972, 9. стр. 32—35.

и 165), датируемых I в. н.э., в которых были похоронены женщины, В. Н. Корпусова обнаружила в каждом из этих захоронений среди лежащих на дне могил других предметов по одному небольшому куску твердой черной смолы в форме лепешки или пряника (рисунок). Находка из могилы 152 — круглая, ее диаметр 25 *мм*; из могилы 165 — овальная, ее длина 30 *мм*, ширина — около 20 *мм*. Наибольшая толщина обеих 15 *мм*. Ранее аналогичные кусочки смолы были найдены в четырех тоже женских могилах Ю. И. Козубом при раскопках Ольвийского некрополя V—IV вв. до н. э.[6]. Назначение смоляных образований в форме лепешек, положенных при захоронении женщин-гречанок в их могилы, пока не установлено.



Смолистые вещества, обнаруженные в могилах боспорского некрополя близ с. Золотое

По просьбе В. Н. Корпусовой мы выполнили анализ смолы, обнаруженной при раскопках боспорского некрополя. Ее элементарный анализ приведен в табл. 2. Оба образца оказались весьма близки друг к другу по своему составу и, по-видимому, имеют одинаковое происхождение. Их элементарный состав тождествен элементарному составу природных битумов — асфальтов. Следовательно, они являются именно природным асфальтом. Судя по незначительному содержанию в них серы и азота, этот асфальт образовался из нефти месторождений Керченского или Таманского полуостровов при выходе ее на поверхность, в процессе длительного выветривания и окисления. Обычно природный асфальт имеет значительное количество (от 3 до 20%) «несгораемых», т. е. механических, минеральных примесей, образующих при элементарном анализе сожжением золу. В данных образцах анализ выявил только «следы» несгораемых примесей, т. е. практическое их отсутствие. Это обстоятельство указывает на то, что природный асфальт, представленный описанными образцами, был каким-то образом очищен — освобожден от механических примесей. Вероятнее всего, он был расплавлен и отстоен в горячем — жидком состоянии. Затем, когда при остывании он загустел и стал пластичным, из него вручную сформировали «лепешки».

При спектральном анализе инфракрасные спектры двух образцов битума были нами получены на спектрофотометре UR-10 в области 400—3800 $см^{-1}$ и оказались идентичными. Они дали полосы поглощения, характерные для CH_2- и CH_3-групп и для ароматических колец с неполностью замещенными атомами водорода. Спектры показали также содержание в образцах битума метиленовых цепочек —CH_2—, нафтеновых колец и соединений, богатых кислородом (в частности групп OH), представляющих собою продукты окисления углеводородов. Результаты спектрального анализа подтверждают нефтяное — асфальтовое происхождение образцов. Судя по присутствию в них ароматических и нафтеновых колец, рассматриваемый битум образовался из нафтеново-ароматической нефти, характерной для месторождений Керченского полуострова.

Рассмотрение и исследование многочисленных находок остатков битуминозных ископаемых при археологических раскопках на территории Причерноморья позволяет сделать следующие выводы.

---

[6] *Ю. И. Козуб.* Погребальный обряд Ольвийского некрополя V—IV вв. до н. э. ЗОАО, 1960, т. 1 (34), стр. 77, 78.

1. Находки археологами остатков нефти и асфальта на территории нашей страны свидетельствуют о том, что в древности и в эпоху средневековья племена и народы, обитавшие на берегах Черного моря, добывали и использовали нефть, хранили и транспортировали ее в значительных количествах (по тому времени) в амфорах и кувшинах. При этом нефть, добываемую на Керченском и Таманском полуостровах, использовали на месте и вывозили в другие пункты Причерноморья и в Византию.

2. До последнего времени в истории нефтяного дела принято было считать единственным древнейшим центром добычи нефти и асфальта в нашей стране Баку или, более широко, Апшеронский полуостров Каспийского моря [7]. Из всего сказанного выше очевидно, что не менее, а может быть и более древним районом возникновения и развития нефтяного дела на территории СССР являются северные берега Черного моря — Таманский и Керченский полуострова.

[7] *А. К. Трошин.* История нефтяной техники в России. М., 1958, стр. 5—28 сл; *С. Р. Сергиенко.* Очерк развития химии и переработки нефти. М., 1955, стр. 17—28.

Ю. П. МАНЫЛОВ

МРАМОРНЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ДЕТАЛИ ИЗ СУЛТАНУИЗДАГА

В конце 1966 г. в государственный историко-краеведческий музей Каракалпакской АССР поступили два барабана колонн и две капители [1]. Все находки были обнаружены при строительстве опоры под высоковольтную линию в горах Султануиздага в 81 *км* к югу от г. Нукуса, в 400 *м* восточнее шоссе Нукус — Турткуль.

Капители и барабаны колонн изготовлены из серого мелкозернистого мрамора, месторождение которого находится в 1—1,5 *км* юго-западнее данного места.

Капитель (рис. 1) сделана в виде лежащих животных с маленькими хвостиками, поджатыми под себя ногами и лицом человека. Животные изображены очень обобщенно, наблюдается упрощение некоторых деталей. Несмотря на это, контуры туловищ животных на боковых сторонах капителей выполнены анатомически правильно. Головы направлены в разные стороны. Вероятно, одна голова отбита при обработке.

Лицо человека несколько удлинено. Подбородок тонкий и узкий. Прямой, уплощенный нос переходит в низкий лоб. В изображении лица детали не конкретизируются. В двух округлой формы углублениях намечены овалы глаз. Под носом имеется небольшое возвышение (усы?).

На голове, вероятно, изображен головной убор с небольшим козырьком. Он отчетливо выступает надо лбом и закрывает его верх. Головной убор сверху немного приплюснут и заканчивается на затылке небольшим уступом, а на висках — двумя крутыми сильно выступающими завитками наподобие рогов барана. Вдоль этих завитков с внутренней стороны выточены глубокие полуовальные ложбинки.

Не исключено, однако, что перед нами не головной убор, а полиморфный образ местного божества с рогами и туловищем барана и лицом человека [2].

[1] Сообщения об этой находке см.: *Ш. Бабашев, А. А. Абдуллаев.* Загадки двуглавого сфинкса. «Вокруг света», 1967, 4, стр. 67; «Неделя» — приложение к газете «Известия», 30 апреля — 6 мая 1967 г., № 19 (375), стр. 2. Комментарий член.-кор. АН СССР профессора С. П. Толстова.

[2] *Г. А. Пугаченкова.* Зодчество Средней Азии в исторических связях. Сб. «История иранского государства и искусства». М., 1971, стр. 239.

На спинах высечен прямоугольник во всю ширину капители высотой 20 *см* и длиной 55 *см*. На боковых сторонах его в простом обрамлении сделаны прямоугольные углубления.

Нижняя сторона капители плоская. В центре имеется цилиндрической формы углубление диаметром 14 *см* и глубиной 12 *см*, предназначавшееся для скрепления с последним барабаном колонны.

Длина капители равна 98 *см*, ширина 25 *см*, максимальная высота 40 *см*. Вся ее поверхность после обработки инструментом тщательно отполирована.

Вторая капитель (рис 2, *1*) представляет собой прямоугольный блок размером 95×45×20 — 28 *см*. К основанию капитель немного расширяется. Вероятно, ее предполагалось выполнить так же, как и описанную выше. На заготовке сделаны пропилы шириной 4—6 *см*, отделяющие головы от остальной части блока. Края спилов блока, где еще не касался инструмент мастера, гладкие. На заготовке намечена обработка голов и поджатых под туловища ног. Хорошо видны на голове кончики рогов. На нижней стороне имеется углубление для скрепления с колонной. Вся поверхность заготовки покрыта следами, оставшимися от ударов инструментом, ширина рабочей части которого 1,5—2 *см*. Мрамор пилили, вероятно, металлической пластиной с подсыпкой сырого песка. Толщина ее не превышает 3—4 *мм*.

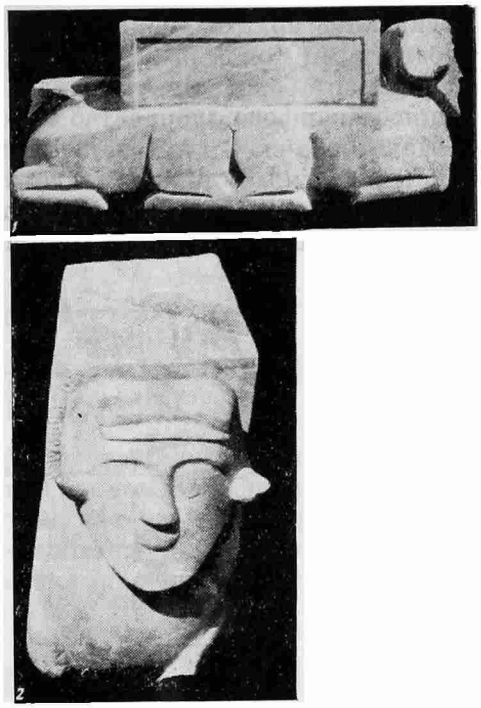


Рис. 1. Мраморная капитель из Султануиздага

Кроме описанных капителей, найден еще один блок размером 91×34×33 *см* со следами спилов, но без признаков обработки.

Вместе с капителями найдены два барабана колонн. Длина одного из них, более сохранившегося, достигает 88 *см*. Диаметр оснований 32 *см*. На одной из торцовых сторон барабана имеется прямоугольный выступ (шкворень) высотой около 5 *см* для скрепления со следующим барабаном или капителью (рис. 2, *2*).

Другой барабан колонны худшей сохранности имеет диаметр 30 *см* и высоту около 60 *см*. Верх его отбит (рис. 2, *3*). Оба барабана имеют по одному поясу со сложной профилировкой.

Среди многочисленных опубликованных капителей и колонн султануиздагские находки стоят пока особняком и не находят прямых аналогий.

Трактовка передних частей животных на капителях Султануиздага сближает их с ахеменидскими капителями [3].

Некоторое сходство капители Султануиздага обнаруживают и с капителями Бактрии и более южных областей первых веков нашей эры. На указанной территории в кушанское время существовал обычай украшать пилястры, пилоны и колонны капителями с изображениями реальных или фантастических животных. Исследователи относят этот обычай к древне-

---

[3] *S. Casson.* Achaemenid architecture. Survey of Persian Art. London — New York, 1941, fig. 44, *d*, *e*; fig. 48, *b*, *c*, *d*, *e*; fig. 55.

персидским архитектурным традициям [4]. Животные выполнены лежа с поджатыми под себя ногами, головами в разные стороны. Существенным отличием от более монументальных капителей Султануиздага является пышное аканфовое убранство и несколько другая поза животных [5].

Некоторое сходство с нашими капителями имеет капитель в виде обращенных в разные стороны животных на костяной пластинке из Беграма [6].

Архитектурные детали из Султануиздага, несмотря на отсутствие публикации, давно стали предметом широкого обсуждения.

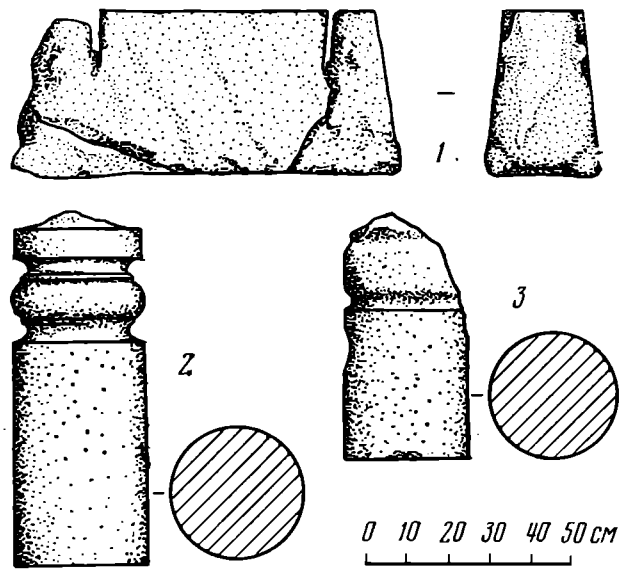


Рис. 2. Мраморная капитель и барабаны колонн из Султануиздага

С. П. Толстов считает, что «по стилю мраморная композиция близка к древнеперсидским архитектурным традициям, относится приблизительно ко II—III вв. н. э.» [7].

Г. А. Пугаченкова отмечает «общность султануиздагской капители с каменными капителями ахеменидского зодчества» [8].

Б. Я. Ставиский полагает, что «отнесение этой капители к ахеменидскому времени ошибочно. Скорее ее следует датировать первыми веками нашей эры, т. е. кушанским периодом» [9].

Опубликованный Л. И. Ремпелем рисунок капители «в форме птицы-зверя с бараньей головой», якобы происходящей с Устюрта, ничего общего с оригиналом не имеет [10].

---

[4] *Б. Я. Ставиский.* Средняя Азия и Ахеменидский Иран. Сб. «История иранского государства и искусства». М., 1971, стр. 160; *A. Grunwedel.* Buddhistische Kunst. Berlin, 1900, S. 17.

[5] *Б. Я. Ставиский.* Фрагменты каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Кара-Тепе 1961—1964 гг. Сб. «Буддийские пещеры Кара-Тепе в старом Термезе». М., 1969, стр. 159—164, рис. 38 — *а*, 39; *А. Мухтаров.* Новые находки каменных капителей кушанского времени из Шахринау. Изв. отделения обществ. наук АН Таджикской ССР, № 3 (53), Душанбе, 1968, стр. 38—40; *B. Bowland.* The art and architecture of India. Baltimore, 1953, p. 46, fig. 3, pl. 9, *11*, *25*.

[6] *J. Auboyer.* Afganistan und seine Kunst. Prague, 1968, Taf. 24.

[7] «Неделя», 1967, 19 (375), стр. 2.

[8] *Г. А. Пугаченкова.* Ук. соч., стр. 239.

[9] *Б. Я. Ставиский.* Средняя Азия и Ахеменидский Иран, стр. 162, 163.

[10] *И. Ахраров, Л. Ремпель.* Резной штук Афрасиаба. Ташкент, 1971, стр. 115, рис. 90, *в*.

Отсутствие прямых аналогий и сопровождающего археологического материала затрудняет отнесение архитектурных деталей к конкретному историческому периоду и позволяет нам оставить вопрос об их датировке открытым.

Найденные в горах Султануиздага архитектурные детали свидетельствуют о высоком уровне развития архитектуры в Хорезме.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

ОБ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ НАХОДОК НА ПАМЯТНИКАХ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Невзрачные изделия из бронзы в виде заостренного, обычно перевитого стерженька с загнутым в виде крючка концом не привлекали внимания исследователей черняховской культуры. Между тем широкое территориальное распространение подобных предметов, их назначение и роль для выяснения связей с пшеворско-оксывскими областями и хронологии памятников представляет несомненный интерес.

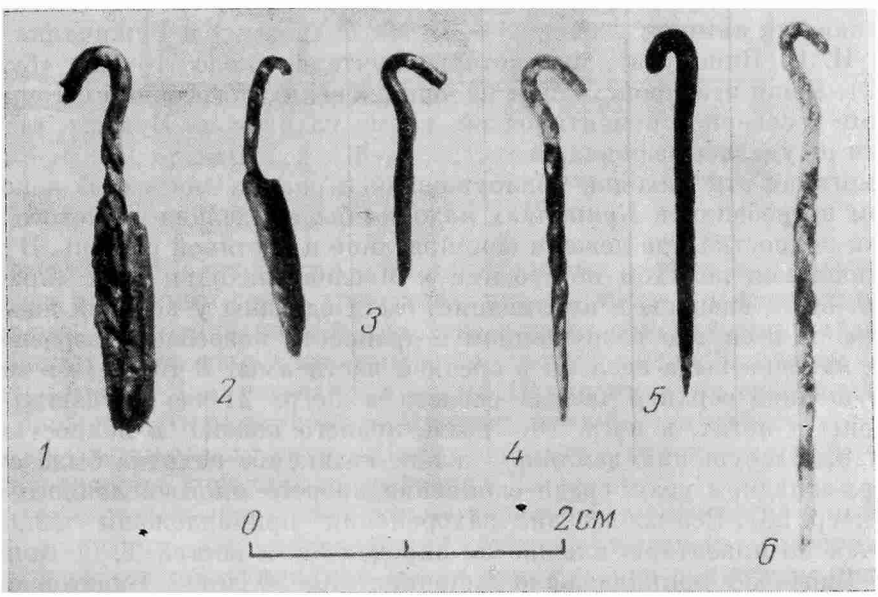


Рис. 1. Бронзовые крючковатые «булавки»: *1—3* — Коблево (на № 1—2 видны остатки дерева); *4* — Журавка; *5* — из собрания музея в бывш. Эльбинге (по Е. Блюме); *6* — Кринички

Рассмотрение таких предметов показало, что их длина не превышает 25—30 *мм*, а сечение — 1—1,5 *мм*. Изогнутость тупой верхней части разная — от округло-кольцевой головки до угловато-изогнутого крючка (рис. 1). Определение металла этих изделий из двух пунктов показало содержание сплавов.

Представленные в таблице элементы сплавов достаточно разнообразны даже на материалах одного памятника (см. Коблево). По данным Т. Б. Барцевой и Е. Н. Черных, делавших спектральный анализ металла, здесь представлены группы сплавов 3, 4, 5[1], т. е. изделия из меди (№ 5108, 5111, 5113) и оловянистых бронз (№ 2512, 2566).

[1] *Т. Б. Барцева, Е. Н. Черных.* Сплавы цветных металлов. Сб. «Металл черняховской культуры». М., 1972, стр. 96, № 2566; стр. 104, № 5108, 5111, 5112, 5113.

Элементы сплава / Cu — основа	Коблево				Журавка
	(«булавка» — 1) погр. 21	(«булавка» — 2) погр. 21	погр. 36	погр. 38	погр. 8
Sn	1,1	0,007	0,25	0,003	18,0
Pb	0,09	0,002	0,1	0,035	1,5
Zn	0,6	0,003	—	—	2,3
Bi	0,002	0,002	0,003	0,009	0,009
Ag	0,03	0,06	0,1	0,3	0,07
Sb	0,02	0,01	0,01	—	0,18
As	0,2	0,2	0,09	—	0,05
Fe	0,1	0,08	0,01	0,02	0,013
Ni	0,02	0,009	0,1	0,01	0,04
Co	0,003	—	0,009	—	0,002
Mn	0,008	0,009	—	—	0,013
Au	0,001	0,003	0,001	0,001	0,003
№ по Е. Н. Черных и Т. Б. Барцевой	5112	5113	5111	5108	2566

На территории черняховской культуры нам удалось учесть всего восемь пунктов находок описываемых вещей: Бережанка [2], Будешты [3], Журавка Ольшанская [4], Коблево [5], Кринички [6], Маслово [7], Осетровка (Кабарга-IV, названная так автором раскопок Б. В. Магомедовым) и Ружичанка (материалы И. С. Винокура), на которых учтено около 10 экз. «булавок» (рис. 2). Вещи эти происходили из черняховских погребений с трупоположениями с северной ориентировкой, кроме находки из Будешт, где место находки не удалось зафиксировать [8].

В могилах эти находки обнаруживали в разных местах. В непотревоженном погребении в Криничках находка была сделана у левого плеча девочки-подростка, где лежали еще пряслице и костяной гребень. В другом сохранившемся целиком погребении в Маслове находки двух «крючков», как они были названы в публикации, были сделаны у коленей женщины. В Журавке в сильно разрушенном в древности погребении взрослого человека находка была сделана в средней части ямы. В Коблеве в могилах с разрушенной верхней частью скелета в погр. 21 две «булавки» были положены в ногах, в погр. 36 — возле правого колена; в полностью подвергнутом разрушению земляном склепе-катакомбе находка была сделана в северо-западном углу, среди скопления прочего многочисленного инвентаря (погр. 38). Все коблевские захоронения принадлежали женщинам, заключая по инвентарю или же по определениям костей Т. С. Кондукторовой (погр. 38 принадлежало женщине 40—50 лет). Видимо, следует признать типичным нахождение крючковатых «булавок» в женских погребениях, без обязательной фиксации места расположения, но не на самом туловище погребенного.

Вопрос о назначении и использовании витых заостренных стерженьков поставили перед нами раскопки в Коблеве. Там на «булавках» оказа-

---

[2] Благодарю автора раскопок в с. Бережанке В. К. Воляника за ознакомление с полученными им в 1972 г. материалами.

[3] *Э. А. Рикман.* Памятник эпохи Великого переселения народов. Кишинев, 1967, стр. 123, рис. 36, *8*.

[4] *Э. А. Сымонович.* Работы на черняховских памятниках в Приднепровье. КСИА АН СССР, 94, 1963, стр. 82.

[5] *Э. А. Сымонович.* Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье. МИА, 139, 1967, стр. 219.

[6] *Э. А. Сымонович.* Памятники черняховской культуры в с. Кринички. МИА, 82, 1960, стр. 251, рис. 9, *5*.

[7] *В. П. Петров.* Масловский могильник на р. Товмач. МИА, 116, 1964, стр. 154, рис. 13, *7*.

[8] В Будештах находка «витого острия» происходила из выброса раскопа II на территории могильника. См. *Э. А. Рикман.* Ук. соч., стр. 17.

лись следы дерева, в которое они были погружены или ввинчены. Поиски аналогий установили, что и в Маслове бронзовые «крючки» были в «цилиндрической почти истлевшей деревянной оправе» [9]. По определению древесных остатков из погр. 21 в с. Коблеве [10], на одном стерженьке были остатки ивового дерева (Salix sp.), а на другой «булавке» удалось только выяснить, что эти остатки дерева лиственной породы. Находка дерева на витковой части стерженьков дает нам основание предполагать использование подобных предметов в качестве деталей шкатулок. В античном мире,

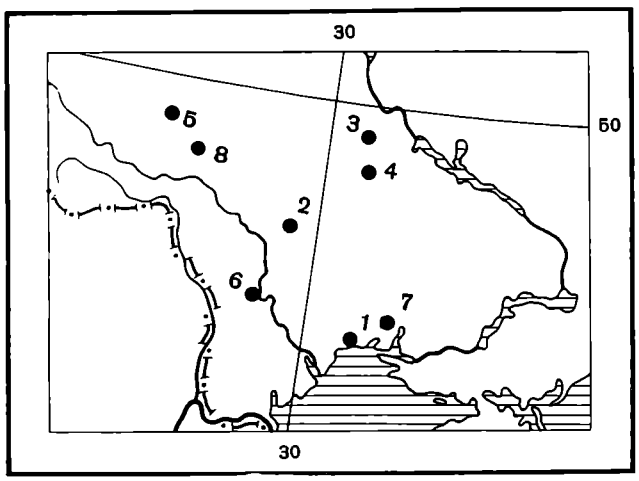


Рис. 2. Схема распространения могильников с находками крючковатых «булавок»: *1* — Коблево; *2*— Кринички; *3* — Журавка; *4* — Маслово; *5* — Бережанка; *6* — Будешты; *7* — Осетровка (Кабарга-IV); *8* — Ружичанка

как пишет Н. И. Сокольский, для изготовления ларцов и шкатулок применялись различные сорта древесины, что подкреплено приводимыми им анализами [11]. В черняховской культуре случаи обнаружения шкатулок в погребениях — довольно частое явление. Тут и находки накладок на шкатулки (Каменка-Днепровская), и ключи (Ружичанка), и обоймочки (Коблево, Ранжевое, Овчарня совхоза Приднепровского), и небольшие гвоздики, и пр. В отдельных случаях предполагается использование ящичков-ларцов в качестве урн, как это отмечено в Косанове [12].

Все сказанное выше делает весьма вероятным применение при изготовлении шкатулок рассматриваемых «булавок-винтиков». Ввинченные в тонкие дощечки шкатулки, они могли служить для замыкания шкатулки и для удержания на ней крышки. Маленькие туалетного характера ящички не требовали много металла. Там, где находили большие металлические накладки или обоймы для шкатулок или сравнительно крупные ключи (Каменка-Днепровская, Ранжевое, Ружичанка), таких ввинчивающихся в дерево шкатулки крючков не обнаруживали. На описываемых стержнях винтиков также никогда не находили отпечатков ткани, как, например, на фибулах или пряжках. Это обстоятельство подтверждает, что крючкообраз-

---

[9] *В. П. Петров.* Ук. соч., стр. 150.

[10] Определения произведены в лаборатории ИА АН СССР Г. Н. Лисицыной.

[11] *Н. И. Сокольский.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971, стр. 136, 283, 284. Нечто напоминающее крючкообразные «булавки» черняховской культуры изображено автором на стр. 139, рис. 44, *1*, где перевитый стержень с крючком на конце был отлит вместе с золотым двусторонним гребешком и служил для подвешивания этого предмета при ношении. Такое использование черняховских «булавок» трудно допустимо, поскольку гребни культуры полей погребений изготавливали из кости и с ними рядом, а тем более ввинченными в них такие вещи ни разу не обнаруживали.

[12] *Н. М. Кравченко.* Косановский могильник. МИА, 139, 1967, стр. 95.

ные «булавки» использовались не в качестве деталей одежды. Определенна связь этих предметов с изделиями из дерева.

Такое же назначение аналогичных изделий можно предположить и для находок на территории Польши. Среди вещей, типичных для венедской культуры ямных погребений (оксывская группа), Ю. Костжевский приводит изображение крючковатой «булавки» с остатками на ней дерева [13]. Подобный же предмет в более ранней работе (находка из Вымыслова) был найден без остатков дерева [14]. В обоих случаях находки из Польши датированы концом раннеримского времени, до начала III в. На происхождении или назначении подобных находок исследователь не останавливается [15]. Ничего не дополнила в этом отношении работа Ю. В. Кухаренко, лишь поместившего изображение характерной крючковатой «булавки» в таблице, дающей представление о материалах оксывской группы венедской культуры [16].

Картографирование крючковатых «булавок-винтиков» в черняховской культуре показывает, что они имели территориально широкое распространение (рис. 2). Отсутствуют они только в восточных областях черняховской культуры, на левобережном Поднепровье. Пункты находок, хотя и немногочисленные, отмечены от самых северных (Бережанка на Волыни) до самых южных (Коблево в Причерноморье) и западных (Будешты в Молдавии). Такое распространение подчеркивает еще раз сходство набора инвентаря в могилах столь удаленных друг от друга черняховских памятников. При этом следует заметить, что на античных греко-римских поселениях аналогичных находок нет, хотя, как мы уже знаем, употребление шкатулок и ларцов населением было там весьма распространено. Даже на позднескифских памятниках, близких хронологически и территориально черняховским, встречены совсем другие детали шкатулок. По раскопкам могильников в Золотой Балке, Николаевке и Неаполе Скифском известны металлические накладки, засовы, ключики и гвоздики с широкими шляпками, которые использовали для их устройства.

Как мы уже видели, поиски прямых аналогий черняховским «булавкам» уводят нас на северо-запад, прежде всего в области ямной венедской культуры. На находки таких вещей в устье Вислы было обращено внимание еще Е. Блюме [17]. Им назван ряд мест находок и, само собой разумеется, приписана их принадлежность исключительно восточным германцам (рис. 1, *5*). Большое число крючковатых «булавок» приведено в работе Р. Шиндлера, посвященной этим же районам [18]. Известны случаи распространения описываемых предметов и за пределами указанных северных венедских территорий, в Силезии и Малопольше. Находка из Дании при-

---

[13] *J. Kostrzewski.* Pradzieje Pomorza. Wroc'aw — Warszawa — Kraków, 1966, s. 115, ryc. 56, *m*.

[14] *J. Kostrzewski.* Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wroc'aw, 1955, s. 239, ryc. 707. В сводных таблицах материалов позднеримского времени у К. Годловского подобные «булавки» не приводятся. См. *K. Godłowski.* The chronology of the late roman and early migration periods in Central Europe. Kraków, 1970.

[15] По поводу крючковатых булавок в западноевропейской литературе высказывались мнения об их использовании в качестве заколок для волос или же предполагалось их применение в качестве деталей веретен. Однако против последнего допущения свидетельствовало не обязательное сочетание этих находок с пряслицами, также являющимися обычными частями веретен (см.: *J. Szydłowski.* Cmentarzysko z okresu wplywów rzymskich w Choruli pow. Krapakowice. Wroc'aw — Warszawa — Kraków, 1964, s. 183, 184; *K. Godłowski, L. Szadkowska.* Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Tarnowie powiat Opole. Opolski Rocznik Muzealny, t. V. Kraków, 1972, s. 112, 113).

[16] *Ю. В. Кухаренко.* Археология Польши. М., 1969, стр. 114—118, табл. 1, *20*.

[17] *E. Blume.* Die germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit. Würzburg, 1912, s. 109, 110.

[18] *R. Schindler.* Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum auf Grund der Tongefässe. Leipzig, 1940. Интересно отметить, что Р. Шиндлер отмечает находки крючковатых «булавок» и в захоронениях с трупосожжениями.

ведена в книге Е. Кмецинского (комплекс из погребения с трупосожжением — Сандерумгад) [19]. Крючковатые «булавки» встречены и в могилах сарматского времени Венгрии (Шегед) [20]. Как будто нечто схожее с нашими находками приведено в работе Р. Нирхауза. Крючковатый предмет изображен им в сводной таблице возле рисунка шкатулки и отнесен к началу III в. [21] В задачу настоящей статьи не входит выяснение того, какой народ первый начал употреблять описываемые предметы. В данном случае важным представляется, видимо, северное или западное происхождение таких вещей и распространение их, хотя бы и в ограниченном числе, на памятниках черняховской культуры Украины. Древние связи южных местных племен с западнославянскими, германскими и балтийскими племенами прослеживаются, как известно, с глубокой древности. Передатчиками крючковатых «булавок» на юг не могут быть признаны племена, оставившие памятники типа Дитиничи — Брест — Тришин. Во всяком случае на них, в до сих пор раскопанных могильниках, таких предметов не обнаруживали.

Интерес представляет другое — крючковатые «булавки» связываются повсеместно с комплексами раннеримского времени. Тем самым они могут служить подспорьем при датировке черняховских захоронений. Пока все известные подобные предметы в черняховской культуре происходят из ранних черняховских комплексов. Они найдены в могилах II—III вв., которым присуща северная ориентировка погребенных, предшествующая появлению могил, ориентированных широтно. Наборы инвентаря в черняховских могилах с крючковатыми «булавками» не противоречат их отнесению ко II—III вв. (Ружичанка). Это наблюдение может быть подтверждено сравнением материалов двух причерноморских могильников, расположенных неподалеку один от другого. На Тилигульском лимане в 10—15 *км* друг от друга помещаются широко исследованные Коблевский и Ранжевский могильники. В Коблеве крючковатые «булавки» отмечены были в трех могилах. В Ранжевском могильнике, где пластинчатые фибулы и стекло датируют памятник IV — первой половиной V в., описываемые предметы не отмечены. В то же время в Ранжевом были найдены явные остатки шкатулки, наполненной морскими раковинками, поставленной в ногах женского костяка. От шкатулки сохранились остатки серебряных обойм со следами дерева между тонкими прямоугольными пластинками [22]. Таким образом, если наше предположение о назначении этих вещей правильное, находки «булавок», очевидно, следует считать признаком более ранних черняховских захоронений, к которым и принадлежат находки в Коблеве. Кроме того, эти вещи в могилах являются показателем связей с западными венедскими областями.

В целях проверки сделанных выводов и предположений необходимо будет продолжать рассмотрение такой интересной группы находок по мере их накопления. Пока же изучение крючковатых «булавок» позволяет сделать заключение об их сравнительно широком территориальном распространении и о вероятности их северного или западного происхождения.

---

[19] *J. Kmiecinski.* Zagadniecnie tzw. kultury gocko-gepidzkiej na Pomorzu wschodnim w okresie wczesnorzymskim. Lódz, 1962, Tab. IX.

[20] *M. Parducz.* Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. Archaeologia Hungarica, XXV. Budapest, 1941, S. 54, 68, 75.

[21] *R. Nierhaus.* Das schwebische Gräberfeld von Biersheim. Römisch — Germanische Komission des Deutschen archäologischen Instituts zu Frankfurt am Main, Bd 28, Berlin ,1966, S. 181, Abb. 9.

[22] *Э. А. Сымонович.* Стеклянный кубок с надписью из-под Одессы. ВДИ, 1966, 1, стр. 105—109; *его же.* Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье..., стр. 232—234. В последней работе сделана попытка обосновать разделение черняховских памятников Причерноморья на более ранние, датированные II—III вв., и более поздние — IV — первая половина V в.

Т. В. РАВДИНА

ДРЕВНЕЙШИЕ СЕМИЛОПАСТНЫЕ ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА

Очень одинаковые, почти не отличимые друг от друга семилопастные кольца характерного типа, были впервые найдены К. А. Горбачевым в 1886 г. в курганах у д. Сельцо Бельского у. Смоленской губ., между городами Торóпец и Белóй (ныне в Калининской обл.).

Хотя известно всего 12 пунктов находок таких семилопастных колец, но разбросаны эти пункты на огромной территории: от Корчева на верхней Волге до Белой Вежи на нижнем Дону и от Днепра на западе до Рязани на востоке (рис. 1). На Десне есть только одна находка — Пеклино, так что называть эти височные кольца «деснинскими» не следует [1]. Так же, как ранние семилучевые кольца типа зарайских X в., были найдены в разных местах на большой территории, а более поздние семилучевые XI в. сосредоточились на Соже — Ипути, так и древнейшие семилопастные височные кольца встречены на гораздо бóльшей территории, чем более поздние семилопастные, густо сосредоточившиеся в бассейне средней Оки.

Древнейшие семилопастные височные кольца размещены, за одним исключением, за пределами ареала классических семилопастных колец: на Днепре — Каменка [2], Новый Кривск [3], Шапчицы [4] Рогачевского р-на; на верхней Волге под Корчевом — Глинники [5]; в бассейне Западной Двины — Сельцо [6]; в верховьях р. Беседь — Кузьмичи; на р. Ипуть — Сукромля и Попова гора [7]; на р. Остер — Колпеница-Деребуж [8]; почти на Десне — Пеклино [9]; Борки — под Рязанью [10] и Белая Вежа — на Нижнем Дону [11]. Всего известно приблизительно 25 экземпляров древнейших семилопастных височных колец. Они настолько похожи друг на друга, что их можно считать одновременными. Все они имеют ширину 37—38 *мм*, высоту с дужкой — 45—47 *мм* (рис. 1). Кончик каждой из семи лопастей трехчастный; на щитке широкий пояс с поперечными штрихами. По верхнему краю щитка семь **треугольных** зубчиков — как у **всех семилучевых** колец.

Н. П. Кондаков, А. А. Спицын, В. И. Сизов и Б. А. Рыбаков находили возможным, исходя из анализа формы, считать эти семилопастные кольца прототипом московских семилопастных [12]. А. В. Арциховский не отличал

---

[1] Н. Г. Недошивина считает височные кольца «сельцо» принадлежащими радимичам (*Н. Г. Недошивина.* К вопросу о связях радимичей и вятичей. Тр. ГИМ, 37, 1960, стр. 144).

[2] ГЭ, ОИПК, колл. № 805/151—181. Раскопки Е. Р. Романова в 1905 г.

[3] *Г. Ф. Соловьева.* Славянские курганы близ села Новый Кривск. КСИА АН СССР, 125, 1971, стр. 66, рис. 19, *1—4.*

[4] *Г. Ф. Соловьева.* Раскопки славянских памятников XI—XII вв. в Гомельской области. АО — 1968, М., 1969.

[5] Архив ЛОИА, д. 30/1906 г. Раскопки Ю. Г. Гендуне в 1906 г.

[6] *К. А. Горбачев.* Протокол раскопок курганов Селецкой волости в 1886 г. Изв. ОЛЕАЭ, 49, 1890, вып. 5; ГИМ, инв. № 78607.

[7] *А. Ляуданскі.* Археалогічныя досьледы у Смаленшчыне. Працы 3, Менск, 1932, стр. 19, 24, табл. V, *2.* Раскопки С. М. Соколовского в 20-х годах XX в.

[8] *А. Н. Лявданский.* Городище, курганы и стоянка близ д. Деребуж, Рославльского уезда. Тр. РАНИОН, IV, 1928, стр. 303, рис. 21; *А. Ляуданскі.* Археалегічныя досьледы..., стр. 11, табл. V, *2.* Раскопки С. М. Соколовского. Правильное название этой курганной группы Колпеница, а не Деребуж, так как деревню Деребуж и курганы разделяет р. Остер, вследствие чего в Деребуже даже старики не знают эти лежащие на колпеницких полях курганы (*Т. В. Равдина.* Отчет о разведках на юге Смоленской области в 1971 г. Архив ИА АН СССР, д. 4399).

[9] Архив ЛОИА, ф. 1, д. 90 за 1903 (отчет С. А. Чуева); «Результат раскопок, произведенных в Брянском уезде летом 1901 года членом Орловской Ученой Архивной Комиссии Сергеем Алексеевичем Чуевым». Тр. Орловской Ученой Архивной Комиссии за 1901 и 1902 гг. Орел, 1903.

[10] *Н. П. Милонов, В. П. Фролов.* Новые данные о вятичах и радимичах. Уч. зап. Рязанского педагогического ин-та, 36, Рязань, 1965, стр. 132.

[11] *М. И. Артамонов.* Саркел — Белая Вежа. МИА, 62, 1958, рис. 48.

[12] «В соседних с Гнездовом могильниках Смоленской губернии, например с. Сельцо Бельского у., находят уже серьги типа полулуния с семью лопастями, из

семилопастные из Сельцо и Колпеница (Деребуж) от обычных подмосковных семилопастных височных колец [13].

В своей специальной работе о височных кольцах В. П. Левашова считает эти семилопастные переходной формой от лучевых к лопастным, датирует этот тип X—XI вв. и перечисляет три пункта находок колец этого типа (Сельцо, Пеклино и Карховка) [14].

Не во всех пунктах находок эти височные кольца зафиксированы в комплексах и поэтому не везде имеют датирующих сопроводителей. Таковы семилопастные из Сукромли и Поповой горы на Ипути. Семилопастные, выкопанные из курганов у с. Сельцо Селецкой вол. Бельского у. Смоленской губ., судя по отчетам К. А. Горбачева, были, может быть, в двух погребениях, но с какими конкретно вещами — неизвестно, так как хранящиеся в ГИМе вещи по погребениям не разделены. Семилопастное из селища Борки под Рязанью издано вместе с семилучевым кольцом XI в. и семилопастным кольцом XII в. без указания на стратиграфические или топографические условия находок этих вещей [15], так что данных для датировок нет.

Остальные десять находок (из восьми пунктов) древнейших семилопастных содержат данные для датировок.

С монетами эти височные кольца не встречены ни разу. Но хорошую дату дают беловежские находки семилопастных колец, поскольку исторические данные четко ограничивают время русской Белой Вежи с 965 по 1117 г. Эта летописная датировка хорошо подтверждается археологическим материалом из Новгорода. Например, стеклянные браслеты **русского производства**, появляющиеся в 20—30-х годах XII в., в Белой Веже отсутствуют [16], так как русский город Белая Вежа существовал раньше времени распространения этих стеклянных браслетов.

С другой стороны, калачевидное железное кресало без язычка, нижняя дата которого по Новгороду — рубеж XI—XII вв., найдено один раз в одном из погребений Белой Вежи вместе с византийской монетой 1055 г. [17] Основная же масса вещей из древнерусского слоя и из погребений Белой Вежи датируется новгородскими данными XI в., т. е. тем временем, когда, согласно летописи, жила русская Белая Вежа [18]. В русских

которого выработались путем варварской утрировки так называемые московские семилопастные серьги» (*И. И. Толстой и Н. П. Кондаков.* Русские древности в памятниках искусства, вып. V. СПб., 1897, стр. 65). «Серьги с 7 лопастями, имеющими на концах лилиевидные отростки, может быть прототип калужской и московской курганной серьги» (*А. А. Спицын.* Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. ЗРАО, XI, вып. 1—2, 1899, стр. 183); *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, 1948, стр. 108.

[13] *А. В. Арциховский.* Курганы вятичей. М., 1930, стр. 47.

[14] *В. П. Левашова.* Височные кольца. Тр. ГИМ, 43, М., 1967, стр. 29, 44. В Карховке на Ипути древнейших лопастных нет, есть семилучевые кольца.

[15] *Н. П. Милонов, В. П. Фролов.* Ук. соч., стр. 132.

[16] *З. А. Львова.* Стеклянные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи. МИА 75, 1959, стр. 321 лев. Правда, М. И. Артамонов в обзорной статье о Саркеле — Белой Веже (МИА, 62, 1958) говорит, что в русской Белой Веже встречены обычные для других древнерусских поселений стеклянные браслеты, но он это писал, когда не было еще исследований по стеклянным браслетам М. Д. Полубояриновой, З. А. Львовой и Ю. Л. Щаповой. Но это же положение о наличии в Белой Веже якобы русских стеклянных браслетов повторяется в университетском учебнике по археологии (1967 г.) после того, как были известны все перечисленные выше работы по стеклянным браслетам.

[17] *О. А. Артамонова.* Могильник Саркела — Белой Вежи. МИА, 109, 1963, рис. 60.

[18] Все замки только типа «А» с Т-образным отверстием на всю высоту корпуса — «самый древний и единственный для X—XI вв. тип навесного замка» (*Б. А. Колчин.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА 65, 1959, стр. 78). Односторонние костяные гребни; двусторонние же гребни только цельные с прямыми боками, бытовавшими в основном в XI в.; наборных гребней нет, так так эти гребни появляются в древней Руси только со второй половины XII в.

погребениях Белой Вежи четыре раза найдены монеты XI в. (на 769 погребений) [19]; монеты же X в. не найдены.

На основании всех этих данных стратиграфическая датировка семилопастного височного кольца из культурного слоя Белой Вежи мне представляется очень обоснованной. По данным Волго-Донской экспедиции, древнейшее семилопастное кольцо найдено на высоте 1,35 *м* от поверхности материка [20]. По исследованиям С. А. Плетневой, этот стратиграфический уровень соответствует середине XI в. Этим временем я и датирую беловежский экземпляр древнейшего семилопастного височного кольца [21].

Остальные девять находок семилопастных височных колец сделаны в закрытых комплексах и могут быть датированы по сопровождающим вещам (таблица).

Из таблицы видно, что почти все вещи из комплексов с древнейшими семилопастными кольцами найдены в других комплексах с монетами X—XI вв.

Взаимовстречаемость древнерусских украшений с монетами X—XI вв. и с древнейшими семилопастными височными кольцами

Монеты X—XI вв. (160 комплексов)	Древнейшие семилопастные кольца (9 комплексов)	Древнерусские украшения
6	2	Семилучевые височные кольца, рис. 2, *1*
1	1	Гривна витая двойная с граненными головками, рис. 2, *15*
	1	Гривна из треугольного дрота с граненными головками, рис. 2, *16*
	2	Крестовидные привески, рис. 2, *7*
	1	Крестовидные привески, рис. 2, *6*
	3	Монетовидные привески с рельефными узорами, рис. 2, *10, 11*
15	4	Бусы мелкие из глухого стекла, рис. 2, *12*
9	3	Лунницы литые, рис. 2, *2, 3*
2	1	Привески прорезные с изображением зверя, повернувшего голову к хвосту
14	1	Браслеты витые двойные завязанные
5	1	Бусы синестеклянные белоромбические, рис. 2, *8*
5	2	Перстни узкопластинчатые с орнаментом в виде зерни, рис. 2, *14*
8	1	Кресты «скандинавского» типа, рис. 2, *4*
6	1	Шиферные пряслица
20	1	Цепочки из маленьких проволочных двойных колечек, рис. 2, *13*
7	1	Браслеты дротовые свободноконечные
34	1	Бубенчики с крестовидной прорезью
60	3	Бусы бочковидные золотостеклянные
3	1	Кресты с грубым изображением распятия, рис. 2, *9*
1	1	Браслеты «ушастоконечные»

[19] *О. А. Артамонова.* Могильник... погребения 46 и 81 в насыпи 17/10, погр. № 33 в насыпи 24/6 и погр. № 77 у юго-западной стены крепости.

[20] Шифр $\frac{\text{BD—51}}{2771}$ М 24—Л25. Все неопубликованные сведения о стратиграфии, топографии семилопастного кольца и его рисунок любезно предоставила мне С. А. Плетнева.

[21] *С. А. Плетнева.* Керамика Саркела — Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 260—271. Произведенное С. А. Плетневой стратиграфирование и датирование культурного слоя в связи с исследованием керамики Саркела — Белой Вежи представляется убедительным. К сожалению, другие исследования отдельных категорий вещей из Саркела — Белой Вежи произведены без учета стратиграфии этого памятника. И стеклянные браслеты, и железные изделия, и общий обзор вещей из Саркела — Белой Вежи описываются без всяких ссылок на стратиграфию находок внутри древнерусского слоя; только в одном месте упомянуто, что призматические замки сосредоточены в нижних горизонтах славянского слоя, а цилиндрические — в верхних (*В. В. Сорокин.* Железные изделия Саркела – Белой Вежи. МИА, 75, 1959).

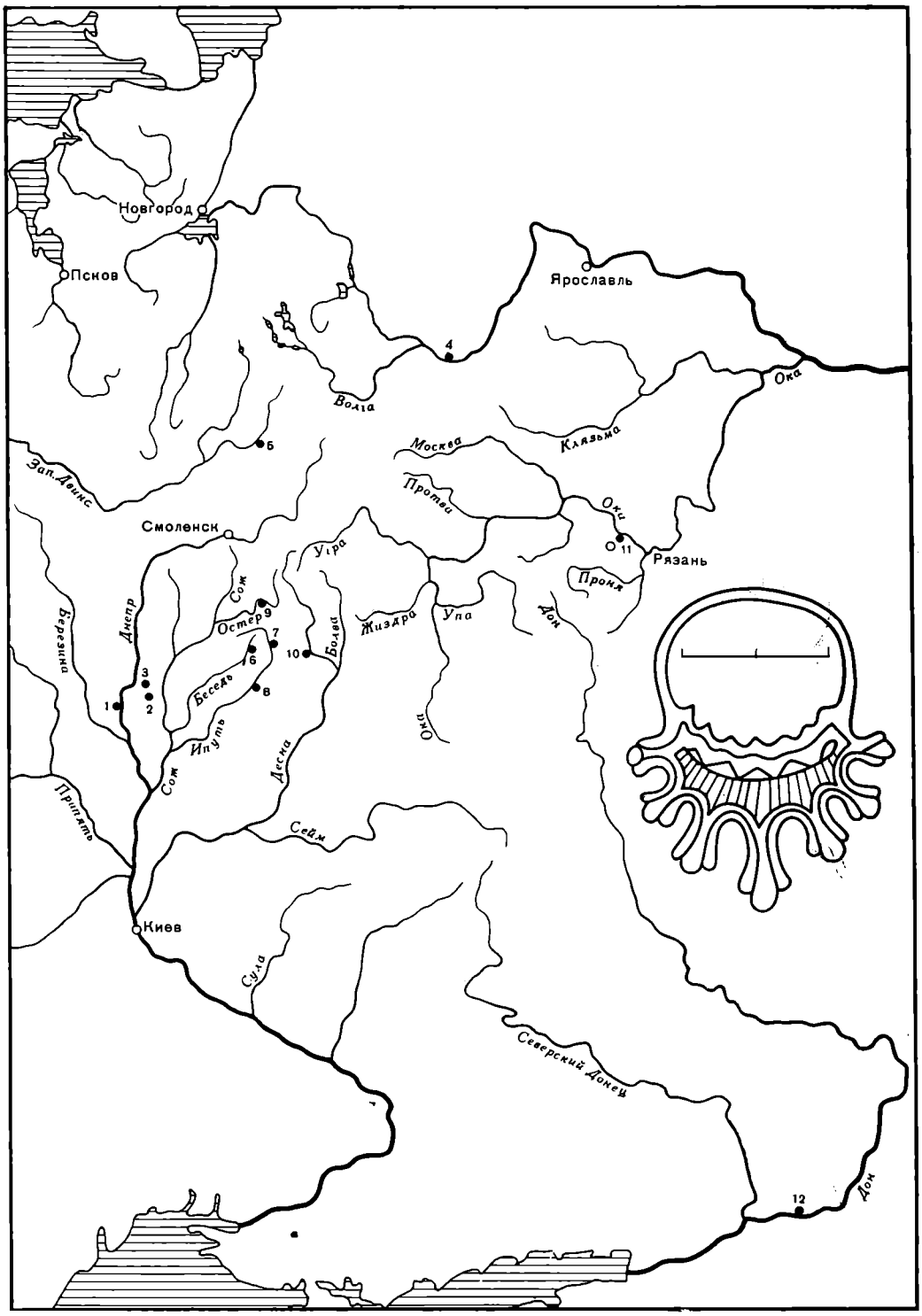


Рис. 1. Карта находок древнейших семилопастных височных колец: *1* — Каменка; *2* — Новый Кривск; *3* — Шапчицы; *4* — Глинники; *5* — Сельцо; *6* — Кузьмичи; *7* — Сукромля; *8* — Попова Гора; *9* — Колпеница; *10* — Пеклино; *11* — Борки; *12* — Белая Вежа

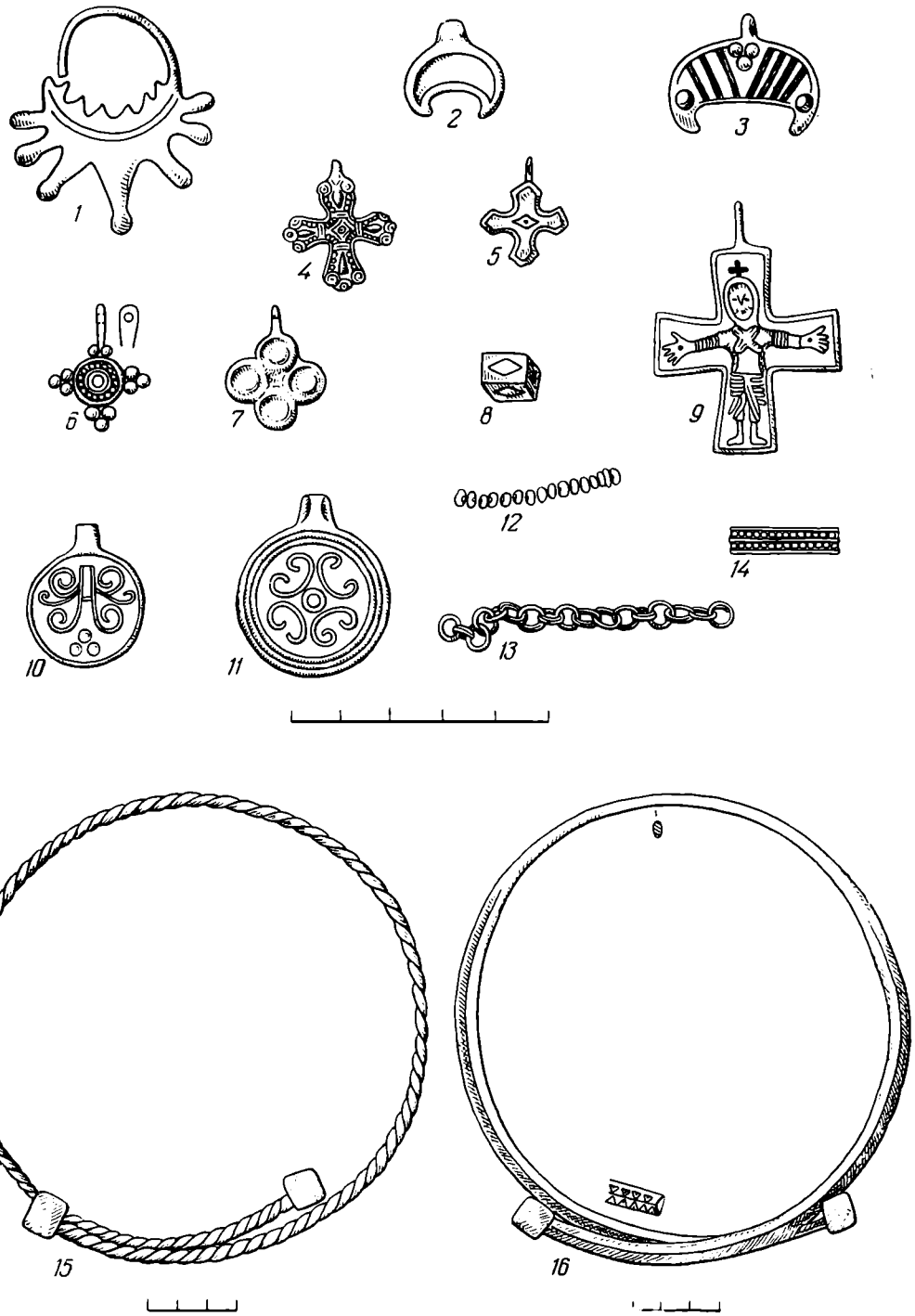


Рис. 2. Вещи из погребений с древнейшими семилопастными височными кольцами: *1* — семилучевое кольцо; *2, 3* — литые лунницы из Пеклино; *4, 5* — крестики из Пеклино; *6, 7* — крестовидные привески из Пеклино; *8* — бусина синестеклянная белоромбическая (Новый Кривск); *9* — крест с грубым изображением распятия (Глинники; рисунок креста из Гочево XXXVII); *10* — монетовидная привеска с рельефным узором из Пеклино; *11* — монетовидная привеска с рельефным узором из Нового Кривска; *12* — бусы мелкие из глухого стекла; *13* — цепочка из проволочных двойных колечек; *14* — перстень узкопластинчатый с литым орнаментом из Сельцо; *15* — гривна витая двойная с граненными головками (Пеклино); *16* — гривна из треугольного дрота с граненными головками (Кузьмичи)

Следовательно, древнейшие семилопастные височные кольца датируются не позже XI в. и в пределах XI в. Поскольку их очень немного и все они одинаковы, то и датироваться должны узкосинхронно. Поэтому надо найти для всех перечисленных в таблице вещей, сопровождающих древнейшие семилопастные, какой-то общий отрезок времени.

Среди сопроводителей семилопастных колец чаще других встречены мелкие бусы из непрозрачного темно-зеленого стекла, датируемые первой половиной XI в. [22] (рис. 2, *12*).

Бусы золотостеклянные бочковидные, характерные для большинства древнерусских погребений второй половины XI в., здесь с древнейшими семилопастными найдены в трех комплексах из девяти и понемногу бусин на комплекс. Оба эти факта свидетельствуют о том, что комплексы с древнейшими семилопастными относятся ко времени раньше второй половины XI в. С древнейшими семилопастными нередко найдены украшения, обычные для комплексов с семилучевыми кольцами: гривны с грапеными головками из витого двойного или треугольного дрота (рис. 2, *15*, *16*), крестовидные привески (рис. 2, *6*, *7*), монетовидные привески с рельефными узорами (рис. 2, *10*, *11*), лунницы (рис. 2, *2*, *3*), мелкие непрозрачные стеклянные бусы (рис. 2, *12*). А с семилучевыми кольцами встречены монеты только X в., в том числе два раза русские сребреники рубежа X—XI вв.

Один раз в комплексе с древнейшим семилопастным в Глинниках на верхней Волге был найден крест с грубым изображением распятия (рис. 2, *9*). Точно такой крест был найден в Гочево на р. Псел в комплексе вместе с двумя западноевропейскими монетами неизвестного времени [23]. Похожие кресты найдены в кладе и погребениях второй половины XI в. на о. Готланд [24].

Все эти данные заставляют датировать древнейшие семилопастные серединой XI в. или началом второй половины XI в. Приблизительно такая же датировка получается по стратиграфии находки такого семилопастного в Белой Веже.

Вследствие такой хронологии древнейших семилопастных колец они эволюционно не связаны с семилопастными Оки и Москвы. По хронологии сопровождающих вещей нельзя наметить переход от этих семилопастных к семилопастным московско-окским — между ними хронологический разрыв. Территориально они также не соприкасаются, за исключением Борок Рязанских, где известны памятники, существовавшие на протяжении всего периода с X по XII в., и поэтому естественно наличие и древнейших, и московско-окских семилопастных колец.

Постепенного хронологического и морфологического перехода от древнейших семилопастных XI в. к семилопастным москворецким XII—XIII вв. нет.

---

[22] Устная консультация Ю. Л. Щаповой. В публикациях пока нет специальных исследований об этих бусах.

[23] *Д. Я. Самоквасов.* Атлас гочевских древностей. М., 1915, табл. XVI.

[24] *M. Stenberger.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit Stockholm, Bd. I, 1958, S. 176—181, Abb. 43, 47, 51; Bd II, 1947. Taf. 255.

И. И. СОКОЛОВ

ЗАМЕТКА О ТВЕРСКОМ КЛАДЕ 1766 г.

В начале марта 1766 г. в Твери при рытье котлована для устройства погреба был отрыт небольшой глиняный кувшин, в котором находилось около 1500 шт. стеклянных бус. Осуществлявший тогда в Твери надзор за застройкой города после пожара 1763 г. «комиссионер» Ф. Борисов, донося об этой находке возглавлявшему восстановление погоревшей Твери смоленскому генерал-губернатору графу В. В. Фермору, находившемуся в Петербурге, выслал ему 200 шт. найденных бус. Получив бусы, Фермор направил их при рапорте от 6 марта в Сенат с просьбой дать указания об оставшейся в Твери части клада [1]. 17 апреля 1766 г. бусы были отосланы Сенатом в канцелярию Академии наук [2]. В документах, откуда взято сообщение об этой находке, отсутствуют сведения о внешнем виде, форме и размерах бус.

Судя по рапортам из Твери от Ф. Борисова в Сенат [3] и от Фермора императрице Екатерине [4], в которых они сообщали о закладке в Твери каменного «образцового» дома против Гостиного двора, а также по принятой к руководству при застройке города рекомендации И. И. Бецкого о постройке «образцовых» домов на углах улиц, в месте их пересечения [5], можно думать, что и дом, на усадьбе которого был найден клад, находился на углу ул. Правды и Свободного пер. г. Калинина. Это дом № 39/18 по ул. Правды. Владельцем клада бус скорее всего был или изготовлявший их ремесленник, или торговавший ими купец [6].

---

[1] ЦГАДА, ф. 259, кн. 176/3747, лл. 454а, 455.
[2] Там же, л. 456.
[3] Там же, лл. 376—377.
[4] Там же, ф. 16, д. 971, лл. 44—46.
[5] Сенатский архив, т. XIII. СПб., 1909, стр. 154.
[6] Возможно, что дальнейшие поиски документов об этом кладе в архивах Академии наук и Сената помогут узнать более подробно о кладе.

Критика и библиография

КУЛЬТУРА ШАРОВИДНЫХ АМФОР В ПОЛЬШЕ

Культура шаровидных амфор издавна интересовала польских исследователей, но до сих пор еще нет сколько-нибудь общепринятого мнения относительно ее происхождения, хронологических этапов и местных особенностей развития. В последнее время интерес к ней значительно возрос на основании открытий и исследований новых памятников. В то же время с ней связаны важнейшие теоретические проблемы взаимного влияния культур, генезиса и развития их локальных вариантов наряду с вопросом о единстве культуры как этнического целого и, наконец, проблемы хронологии и миграций в поздненеолитическую эпоху. Решению этих задач посвящены некоторые новые статьи и монографии польских ученых.

Для характеристики культуры шаровидных амфор как единого целого, можно выделить в качестве основных критериев: 1) общую, достаточно обширную территорию от Средней Германии до Волыни и Подолии; 2) технологию керамического производства (примесь шамота или толченой раковины, обработку поверхности); 3) характерные типы сосудов — двух- или четырехушковые шаровидные амфоры с круглым или плоским дном, четырехушковые амфоры с широким устьем; амфороподобные сосуды с широким устьем; орнаментированные миски, причем на западе распространены миски с расширяющейся кверху шейкой, на востоке — конической; «вазы», кубки, сосуды с перехватом на сливе; 4) орнаментация керамики — висячие треугольники, фестоны, ромбы, вертикальные линии и столбики, расположенные горизонтальными полосами, и техника нанесения орнамента — накол, штамп, шнур; 5) кремневый инвентарь — топоры и долота; 6) янтарные украшения — диски, цилиндрические бусы; 7) устройство погребальных сооружений в виде каменных ящиков и однотипный обряд погребения — групповые захоронения (расположение костей скелета скорченное или хаотичное) [1]; 8) обычай погребения животных; 9) общий тип поселений [2].

С проблемой единства культуры тесно связан вопрос деления ее на локальные варианты, и уже по этому вопросу среди исследователей существуют разногласия, хотя все они опираются на типологический анализ керамических форм, наиболее полно разработанных Т. Висляньским в монографии 1966 г. [3]. Деление культуры шаровидных амфор на три крупных ареала — западную, польскую и восточную территориальные группы — общепризнано [4].

Характеристики керамических комплексов каждой из этих групп в наиболее общем виде могут быть сформулированы следующим образом.

Западная группа. Орнамент густо покрывает шейку и плечики сосуда; основные мотивы — висячие косо заштрихованные треугольники, выполненные в шнуровой

---

[1] Погребения в действительности значительно разнообразнее, но речь об этом пойдет ниже.

[2] *T. Wiślański.* Kultura amfor kulistych w. Polsce północno-zachodniej. Wrocław, 1966, S. 14, 15; *Idem.* The Globular amphora Culture. «The Neolithic in Poland». Warszawa, 1970, p. 179—183.

[3] *T. Wiślański.* Kultura..., S. 79—83.

[4] *T. Wiślański.* Próba wyświentlenia genezy tak zwanej Kultury amfor kulistych, AP, v. 8, z 2, 1963, S. 234; *Idem.* Kultura..., S. 86, 87; *W. Wojciechowski.* Kultura amfor kulistych na Dolnym Śląsku. SA, v. 9, 1967, S. 3; *T. Wiślański.* The Globular..., p. 183.

технике, «рыбья чешуя», полукруглые фестоны из отпечатков штампа [5]. Характерные формы сосудов – двухушковая амфора с раздутым туловом, широкогорлый сосуд, близки к «куявским» амфорам, «чарка» с загнутым внутрь краем. Кремневые топоры имеют слегка трапециевидную форму. Детали погребального обряда достаточно разнообразны: захоронения производятся в ямах, каменных цистах из обтесанных плит или валунов, деревянных камерах. На территории Северной Германии иногда использовались мегалитические гробницы, оставленные предшествующим населением [6]. Захоронения групповые — от двух до пяти скелетов — и образуют небольшие могильники. Часто встречаются погребения скота, в основном коров. На территории западной группы известны два типа поселений — долговременные, со следами жилищ, и кратковременные лагери с незначительным культурным слоем [7].

Польская группа. Орнамент в виде вписанных углов вершиной вниз и вертикальных прерывистых линий, выполненных техникой штампа, горизонтальных рядов шнуровых линий, прерываемых несколькими вертикальными. Часто используется инкрустация белой массой. Что касается форм керамики, то наиболее распространены шаровидные амфоры с круглым туловом, «куявские» амфоры и миски с выделенной шейкой. «Чаши» не встречаются на территории других групп [8]. Кремневые топоры имеют прямоугольную или трапециевидную форму, прямоугольное сечение, широкий обух, шлифованную лезвийную часть. Спорадически встречаются каменные боевые топоры, но неизвестно, производились ли они на месте или являются импортными. Среди инвентаря польской группы встречаются также костяные острия (характерные и для западной территории), ажурные парные бляшки из рога (слишком хрупкие, чтобы быть пряжками), костяные украшения в виде буквы Т, янтарные диски и бусы.

На территории Польши известно несколько металлических вещей, принадлежащих культуре шаровидных амфор: фрагмент выпуклой бляшки с 5%-ной примесью олова в бронзе (Пацанув, повят Буско Здруй), шило (Пикутково, повят Влоцлавек) того же химического состава [9], медный кинжал или наконечник копья длиной 9,5 *см* со слегка зазубренным у острия краем (Янишевек, погр. 1) и двусторонние шилья длиной около 17 *см* (Гумлин, погр. 5 и Стары Бжесць-Колония) [10].

Погребальный ритуал в польской группе имеет развитые формы. С. Носек разрабатывает типологию погребального обряда, беря за основу использование камня, и выделяет два основных типа погребальных сооружений: 1) с употреблением камня (каменные ящики, ямы, обложенные камнями, и погребения под монолитом или рядом с ним); 2) без камня (ему известно одно грунтовое погребение в яме) — и переходный тип — также одно погребение с глиняной обмазкой и каменной вымосткой, на которой лежал скелет. Несколько иное деление, основанное на устройстве погребальных сооружений и, следовательно, более дробное, предлагается Т. Висляньским: каменные ящики делятся на цисты из обтесанных плит, из валунов (в обоих подразделениях используются ящики с коридором, т. е. с отдельно устроенным входом; с перегородкой внутри, перекрытые плитами); ящики из мелких камней, часто на глиняном растворе; основание ящика из камней и глины, стенки из дерева и глины. Погребения без ящиков делятся на подкурганные и грунтовые. Более редкие формы погребальных сооружений — каменная вымостка над скелетом, погребения под монолитом — характерны только для северной Польши [11].

Единственный могильник с трупосожжениями известен в Нижней Силезии — Куржонтковице, повят Олава. Здесь открыты ямы, имевшие в профиле грушевидную форму, заполненные прокаленным песком с остатками трупосожжений. Рядом с ямами находились кости животных, необожженные или со слабыми следами огня. В могильниках с трупоположением преобладают в основном скорченные погребения как на правом, так и на левом боку, вытянутые на спине скелеты почти не встре-

---

[5] *T. Wislański.* Kultura..., S. 87; *Idem.* The Globular..., p. 184.
[6] *T. Wislański.* The Globular..., p. 185.
[7] Ibid., p. 186.
[8] Ibid., p. 191.
[9] Ibid., p. 209.
[10] *S. Nosek.* Kultura amfor kulistych w Polsce. Wroclaw, 1967, S. 335.
[11] *T. Wislański.* The Globular..., p. 203.

чаются; часто кости расположены беспорядочно. Преобладают коллективные погребения, а судя по количеству скелетов (14 в Пожуве Велькопольском, 17 в кургане в Стрежельцах, повят Могильно), возможен обряд человеческих жертвоприношений.

Что касается поселений культуры шаровидных амфор, то, несмотря на недостаточную изученность, их предварительно можно разбить на два типа, уже упоминавшиеся выше: долговременные поселения с несколькими жилищами, прямоугольными либо трапециевидными в плане [12], и продолговатыми ямами, определить назначение которых в настоящее время не представляется возможным; а также поселения типа временных лагерей, где культурные остатки концентрируются в небольших ямах [13].

Сравнительно большая изученность польской территориальной группы позволяет заметить в ней, так же как и в восточной территориальной группе, некоторые локальные отличия и обозначить более мелкие культурные области или локальные группы. В той же монографии Т. Висляньского предлагается следующий вариант этого деления.

1. Территория Куяв и Северной Велькопольши характеризуется существованием керамических комплексов как с использованием шнура в технике орнаментации, так и без него, кроме того, есть комплексы смешанного типа. Нешнуровые встречены только на Куявах и, видимо, на средней Варте, шнуровые — на всей территории группы [14].

2. Поморско-прусская локальная группа испытывает сильное влияние западных территорий, формы амфор и мисок родственны среднемазурским. Наиболее типичным орнаментальным мотивом, который и служит, собственно, основой для выделения данной группы, являются фестоны, исполненные в технике шнура.

3. Мазовецко-подляская группа имеет несколько неоднородный материал — шнуровые кубки и янтарные бусы связывают ее с Поморско-прусской, в то же время стиль орнаментации «куявских» амфор иной — прерывистый зигзаг, группы вертикальных оттисков штампа, вписанных углов вершиной вниз. От куявско-вельколольской группы ее отличает наличие двухушковых амфор со шнуровой орнаментацией по шейке и шнуровых кубков. Данная группа испытывает влияние и более восточных территорий, о чем свидетельствует орнамент в виде «рыбьей чешуи», ажурные пряжки из рога, крышки к сосудам [15].

4. Малопольская локальная группа имеет чрезвычайно разнообразные формы керамики и орнаментации, где преобладают мотивы вертикальных оттисков штампа в виде отдельных групп, вписанные углы, полукруглые фестоны, низко заходящие на тулово на «куявских» и шаровидных амфорах. Композиции шнурового орнамента — диагонально заштрихованные треугольники вершиной вниз, горизонтальные линии, прерываемые группами вертикальных. Эволюция данной группы идет по пути приближения к характерным формам культуры Злоты.

5. Памятники восточнолюбельской группы немногочисленны — несколько погребений в каменных ящиках вдоль Буга, но орнамент «рыбьей чешуи», а также кремень восточного происхождения указывают на связь с восточной территориальной группой [16].

Как видно из изложенного выше, Т. Висляньский и в данном случае опирается в основном на стиль орнаментации керамики; метод С. Носека несколько иной: локальные варианты выделяются им на основе взаимовстречаемости типов керамики, причем получаемые им локальные группы культур шаровидных амфор во многом совпадают с выделенными Т. Висляньским. С. Носек подразделяет территорию Польши на четыре группы (кроме Силезии): Великопольско-куявскую, мазурско-варминьскую, мазовецко-любельскую (не выделяя специально восточную часть любельского воеводства) и келецкую.

---

[12] *T. Wiślański.* Kultura..., rye. 48; *W. Wojciechowski.* Op. cit., rye. 6; *T. Wiślański.* The Globular.., fig 71.
[13] *T. Wiślański.* The Globular..., fig. 72, *1*, *3*, p. 205—208.
[14] *T. Wiślański.* Kultura..., S. 89, 90.
[15] Ibid., S. 88.
[16] Ibid., S. 89.

Культура шаровидных амфор на территории Силезии обладает значительным своеобразием. С. Носек считает ее отдельной локальной группой, Т. Висляньский – переходной зоной, где смешиваются черты западной и польской группы, имеющей в силу этого особое значение для определения хронологии польских шаровидных амфор [17].

Формами сосудов здесь являются; а) шаровидные амфоры с уплощенным дном и орнаментацией, характерной для поздней стадии культуры шаровидных амфор в Западной Европе; б) амфоровидные сосуды с широким горлом и яйцевидным туловом, орнаментированные рядами вертикальных оттисков, выполненными шнуром диагонально заштрихованными треугольниками вершиной вниз, инкрустацией; в) «вазовидные» сосуды с широким горлом, низкие и широкие, украшенные пальцевыми вдавлениями; г) миски с одним-двумя вертикально проколотыми ушками, орнаментированные теми же мотивами, что и амфоры, д) яйцевидные, бледно орнаментированные сосуды, иногда с выделенной шейкой; е) кувшины; ж) одноухие кружки; з) горшковидные сосуды с загнутыми внутрь краями без орнамента. О своеобразии погребального обряда — обычая трупосожжения — уже говорилось выше.

Восточная группа памятников шаровидных амфор расположена на территории к востоку от Буга, представлена только погребальными памятниками, на основе анализа которых исследователи приходят к выводу об их тесной связи с памятниками польской группы [18], причем эта связь, по мнению Т. Висляньского, носит генетический характер [19].

Господствующие орнаментальные мотивы — «рыбья чешуя» и полукруглый штамп, очень характерны полукруглые фестоны, выполненные штампом и напоминающие композиции западной группы. Основные формы керамики – четырехручная плоскодонная амфора «куявского» типа; яйцевидная амфора; амфора с широким устьем; кубок; миска и крышка, часто орнаментированная.

Остальные категории вещей встречаются в том же соотношении, что и на территории польской группы, кроме янтарных украшений, которых найдено меньше.

Среди погребальных сооружений доминирует тип каменного ящика из обтесанных плит, чаще без курганной насыпи. Цисты трапециевидные и овальные в плане, на Волыни у них имеется специальный вход у торцовой стены в отличие от польской группы. Северные стены более массивны, чем остальные. Погребенные чаще лежат скорченно на боку, иногда посыпаны охрой.

Анализируя материалы восточной группы, Т. Висляньский приходит к выводу о необходимости деления ее территории на три менее крупные локальные группы, обладающие достаточно характерными чертами — подольскую (захватывающую и часть территории Румынии), западноволынскую и восточноволынскую [20]. Ту же мысль он повторяет в работе 1970 г. [21]

Это деление не является полностью самостоятельным, так как характеристика погребальных сооружений Волыни повторена вслед за И. Левицким [22], а деление восточной группы на волынский и подольский варианты предложено И. К. Свешниковым [23]. Т. Висляньский расчленяет волынский вариант на западно- и восточноволынский. Эти локальные группы получают следующие характеристики [24].

Восточноволынская группа (в бассейнах рек Случи и Тетерева) имеет некоторые особенности — употребление охры в погребальном ритуале, существование грунтовых подкурганных погребений. В орнаментации сосудов преобладает штамп, композиции имеют аналогии в восточнолюбельских землях и на территории Ма-

---

[17] *T. Wislański.* Próba..., S. 241, 242; *Idem.* Kultura..., S. 84, 89.

[18] *T. Wislański.* Kultura..., S. 83—84. В более поздних работах эта мысль прямо не высказывается (*T. Wislański.* The Globular..., p. 209).

[19] *T. Wilsański.* Proba.., S. 242.

[20] *T. Wislański.* Kultura..., S. 89.

[21] *T. Wislański.* The Globular..., p. 210.

[22] *Л. Левіцький.* Пам'ятки мегалітічної культури на Волини. Антропологія, т. II, Київ, 1949, стор. 47.

[23] *І. К. Свешніков.* Мегалітичні поховання на Західному Поділлі. Львів, 1957, стор. 5.

[24] *T. Wislański.* Kultura..., S. 89, 90.

лопольши; несколько реже и в более западных областях встречаются черты, характерные для северных польских земель. Только в данной группе встречается тип амфоры с широким горлом и высоко расположенными плечиками.

Западноволынская группа занимает бассейны Стыри, Иквы, Горыни. Преобладающей формой сосуда является шаровидная амфора.

Подольская локальная группа более теснее связана с западноволынской, хотя орнаментация керамики беднее, в основном «рыбья чешуя» и полукруглый штамп. Местной формой является амфора с угловатым профилем [25]. Т. Висляньский не дает более подробной и обоснованной характеристики перечисленных групп.

Проблема хронологии культуры шаровидных амфор одна из самых сложных. Для территории Польши предлагаются различные варианты деления ее на хронологические этапы, причем все они основаны на технологии керамических амфор.

Наиболее полно вопросы хронологии польских шаровидных амфор разрабатываются Т. Висляньским; по его работам разных лет можно проследить эволюцию взглядов автора на некоторые аспекты этой проблемы.

Его статья 1963 г. предлагает две стадии развития данной культуры. Первая, ранняя стадия распространяется в области Куяв в Велькопольше и на западе — в восточном Мекленбурге и восточном Бранденбурге, вторая, поздняя — на всей территории западной, польской и восточной групп. Бассейн Одры, Западная Велькопольша и Западное Поморье являются территорией смешения элементов польской и западной групп [26].

Первая стадия культуры шаровидных амфор на Куявах и Велькопольше отчасти синхронна вюрецкой стадии культуры воронковидных кубков [27], что доказывается типологическим сходством с большинством форм сосудов этой культуры, даже шаровидные амфоры сопоставляются с амфорами типа АВ Беккера. В обеих культурах на этих стадиях отсутствует шнур. Среднегерманский комплекс первой стадии из Müggenhall (Мекленбург), гробница с коридором, принадлежащая северной группе культуры воронковидных кубков, синхронной началу вюрецкой стадии той же культуры в Велькопольше,— сосуды, имеющие еще невыработанные черты, типичные для западной группы шаровидных амфор,— позволяют считать этот комплекс несколько более поздним, чем самые архаичные находки Куявии.

Комплекс из погребения в ящике Klein Ritz (Бранденбург) содержит две амфоры, типичные для западной территориальной группы шаровидных амфор, но черты йордансмюльской культуры, отличающие их от большинства поздних амфор этой группы; сосуд, относимый автором к культуре ленточно-накольчатой керамики, и типичная для польской группы чарка заставляют его считать этот комплекс немного более поздним, чем Müggenhall (следы влияния культур ленточной керамики этому не противоречат, так как в Силезии и Западной Велькопольше их элементы живут долго и встречаются еще во время последней, любоньской стадии культуры воронковидных кубков). Таким образом, комплекс из Klein Ritz соответствует концу первой или началу второй стадии культуры шаровидных амфор [28]. Автор намечает пути для поисков дальнейших хронологических построений, а именно через типологические сопоставления польских комплексов с западными, имеющими более обоснованную датировку, причем как один из основных принципов хронологического деления комплексов принимается наличие или отсутствие шнуровой техники орнаментации [29].

Тот же принцип лежит в основе хронологической части монографии Т. Висляньского 1966 г. Автор прямо пишет, что нешнуровая стадия культуры шаровидных амфор является ранней; это доказывается типологическим сходством ее керамики с началом вюрецкой стадии культуры воронковидных кубков. Поздняя же, шнуровая стадия частично синхронна любоньской стадии той же культуры, но переживает ее [30].

---

[25] Ibid., S. 89.
[26] *T. Wiślański.* Próba..., S. 234.
[27] Ibid., S. 235, 236.
[28] Ibid., S. 237.
[29] Ibid., S. 236, 237.
[30] *T. Wiślański.* Próba zarysowania podstawowych form osadnictwa neolitycznego w Polsce północno-zachodniej. AP, v. 10, z 2, S. 497, 498.

Хронологическое соотношение шаровидных амфор с культурой шнуровой керамики определяется тем, что сформировалась она раньше последней. Доказательством тому служат контакты племен со шнуровой керамикой старшей фазы с культурой шаровидных амфор (находка амфоры типа А, кубка типа В в наиболее ранней культуре шнуровой керамики — Злоты). Возможно, что и само появление шнуровой техники в культуре шаровидных амфор нужно оценить как след воздействия культуры шнуровой керамики, но есть и другой вариант – проникновение этой техники из бассейна Эльбы, где она имеет более давнюю традицию, так же как и мегалитические сооружения [31].

Материалы Малопольши, где культура шаровидных амфор представлена лишь второй стадией, дают стратиграфические подтверждения вышесказанному. Сосуществование с культурой воронковидных кубков отражено такими памятниками, как поселения Грудек, повят Хрубешув и Цмелюв, повят Опатув, одновременными концу вюрецкой стадии, также синхронизируемыми с Трипольем С1–С2. Переживание культуры воронковидных кубков культурой шаровидных амфор подтверждается стратиграфией поселения в Клементовицах, повят Пулавы.

Параллельность существования поздних шаровидных амфор и культуры Злоты отражена погребением в Рембкуве — Парцеле, повят Гарволин и поселением в Мержановицах, повят Опатув. Эти территории, по мнению Т. Висляньского, являются сферой влияния Злоты на культуру шаровидных амфор [32]. Возможно также, что последняя синхронна не только ранней шнуровой керамике, но и частично ее фазе II (по Я. Махнику) [33]. О том же говорит и сам Я. Махник, опираясь на находку наконечника стрелы сердцевидной формы, типичного для краковско-сандомирской группы шнуровой керамики (Сток, погр. 1, повят Пулавы), и четырехгранного, полностью шлифованного плоского топора (Самборжец, повят Сандомеж), тем более что материалы Саксонии и Бранденбурга подтверждают эту гипотезу.

Что касается конца культуры шаровидных амфор в Польше, то, сравнивая материалы погребения в Малицах, повят Сандомеж, относимого Т. Висляньским ко второй стадии, и поселений типа Хлопице — Веселе, можно предположить, что культура шаровидных амфор старше и конец ее надо отнести ко времени расцвета шнуровой керамики краковско-сандомирской и любачевской группы [34].

На территории Силезии шаровидные амфоры появляются видимо, одновременно со старшей (любоньской) стадией воронковидных кубков. Это мнение вызывает возражение Войцеховского: в Нижней Силезии нет сосудов с чисто штампованным орнаментом, преобладающих на первой стадии культуры шаровидных амфор в Куявии и Велькопольше; он сочетается со шнуровым. Правда, керамика Нижней Силезии сближается с находками из Klein Ritz, Müggenhall, особенно по стилю штамповой орнаментации — группы вертикальных оттисков [35]. Но эти аналогии не могут служить достаточным основанием для выделения здесь первой, древнейшей стадии, учитывая характер других мотивов орнамента — ромбы, заштрихованные косой клеткой; диагонально заштрихованные треугольники вершиной вниз, пучки шнуровых линий, типичных для второй стадии и скорее для западной группы [36]. В. Войцеховский выдвигает гипотезу о том, что в силу медленного развития керамика данной области сохраняет некоторые реликтовые черты в неизменной форме вплоть до второй, поздней стадии развития, чем и объясняется своеобразие керамического комплекса Нижней Силезии [37].

По поводу выделения Нижней Силезии в качестве особой территориальной группы В. Войцеховский поддерживает мнение Т. Висляньского о том, что она представляет собой смешанную зону, где присутствуют и западные, и польские элементы.

---

[31] *T. Wiślański.* Kultura..., S. 126.
[32] Ibid., S. 127.
[33] *J. Machnik.* Kilka uwag o chronologii względnej późnego neolitu w Małopolsce. AP, v. XIV, z. 2, S. 347.
[34] *T. Wiślański.* Kultura..., S. 129; *J. Machnik.* Op. cit., S. 346.
[35] *W. Wojciechowski.* Op. cit., S. 31.
[36] *T. Wiślański.* Kultura..., S. 3, 4.
[37] *W. Wojciechowski.* Op. cit., S. 32.

Керамика восточной территориальной группы имеет также польские и даже западные стилистические черты, причем типологическая связь наблюдается именно со второй стадией польских шаровидных амфор и частично со Злотой. На этой территории культура шаровидных амфор синхронна Триполью С1 — С2 и стратиграфически старше городско-усатовской (Долехшти Мари) [38].

Таким образом, в своей хронологической системе Т. Висляньский исходит из посылки о правомерности деления керамических комплексов на «шнуровые» и «нешнуровые».

С. Носек не согласен с этим методом, который, по его мнению, не может учитывать изменения форм керамики. Рассматривая, таким образом, сосуды поздних форм, но без орнамента либо с исключительно штамповым орнаментом (Стржижов, Рациборовице), мы будем вынуждены автоматически отнести их к ранней стадии.

В комплекс, характеризующий позднюю фазу шаровидных амфор, он включает керамические формы кубков со шнуровой орнаментацией, крышек, мисок с широкими устьями и некоторые типы чарок для восточных территорий. Вообще в работе С. Носека хронологии уделено немного внимания. Отмечается только факт сосуществования поздней культуры воронковидных кубков с шаровидными амфорами и факт их генетической связи [39].

Контакты с культурой шнуровой керамики очень тесные, особенно со Злотой, где присутствуют такие явные следы влияния шаровидных амфор, как форма погребальных сооружений с каменной вымосткой на дне и иногда с каменной оградкой; коллективные захоронения, скорченная поза или хаотичное расположение костей погребенного. В керамике почти идентичные амфоры, миски, шнуровые кубки, кружки; техника орнаментации — штамп, полукруглый штамп; ее мотивы — фестоны, треугольники, ромбы. Отсюда также следует вывод о том, что хотя Злота в целом по времени позднее, чем культура шаровидных амфор, в какой-то период они сосуществуют [40].

По поводу других культур приводятся стратиграфические сведения, устанавливающие положение культуры шаровидных амфор в колонке относительной хронологии: памятники данной культуры перекрывают культуру старшей ленточной керамики (Хелмже, повят Торунь), младшую ленточную (Кучин, повят Вток; Добре, повят Александрув) и в свою очередь перекрываются стжижовской культурой (Рациборовице, повят Хрубешув).

Как видим, в основном в работах дается двухступенчатая схема развития культуры шаровидных амфор. Несколько иначе обстоит дело в статье Т. Висляньского 1970 г.: там дано деление на три хронологических стадии, за основу берется опыт анализа орнаментальных мотивов, базирующийся на наличии или отсутствии шнуровой техники. Причем появление шнура, по мнению автора, отражает не влияние культуры шнуровой керамики, а смену стилей орнаментации, обусловленную внутренним развитием культуры. Поэтому эти изменения могут быть приняты за хронологический показатель [41].

К первой стадии относятся комплексы, где шнуровая техника почти отсутствует; орнаментация сосредоточена в верхней части сосуда, а оттиски отделены друг от друга незаполненным пространством.

На второй, классической стадии шнуровая техника составляет около 10—12% всех приемов, преобладает по-прежнему штамп в виде вертикальных линий, вписанные углы, зигзаг; расположение орнамента подчинено определенной закономерности.

Третья стадия характеризуется новыми чертами в орнаментации: возрастает роль шнуровой техники. Появляются кубки, украшенные по горлу горизонтальными оттисками шнура, прерываемыми группами вертикальных шнуровых линий, мотив диагонально заштрихованных треугольников, фестоны.

Первая стадия выделяется в Северной и Северо-Западной Польше, вторая и третья яснее всего в Центральной Польше, а также на территории восточной груп-

---

[38] *T. Wiślański.* Kultura.., S. 128.
[39] *S. Nosek.* Kultura.., S. 381—383.
[40] Ibid., S. 352.
[41] *T. Wiślański.* The Globular..., p. 213.

ны, однако остается открытым вопрос, синхронны ли они второй и третьей стадии на территории Польши; но гипотетически началом формирования восточной группы послужило продвижение с территории Польши по Бугу до Днестра [42]. Таким образом, восточная группа оказывается несколько моложе польской.

Автор снова возвращается к мысли о том, что возможность построения хронологической схемы откроется при изучении керамики смешанных зон — Западной Польши и Силезии. Именно в Силезии есть комплексы, сочетающие в себе одновременно западные черты (орнаментацию, встречающуюся в Саксонии) с чертами первой стадии Польши (Гниховица, Рембкув — Парцеле).

По аналогии с первой стадией польской территориальной группы в Бранденбурге и Мекленбурге выделяется ранняя стадия, по крайней мере частично синхронная первой стадии в Польше (Klein Ritz, Liepen), возможно, Müggenhall, хотя по некоторым чертам культуры Rössen последний может быть датирован раньше.

После всего сказанного остается неясным соотношение этих систем — двух- и трехстадиальной. Совпадают ли хотя бы древнейшие фазы в той и другой системе, поскольку они основаны на аналогиях с одними и теми же комплексами? Прямого ответа на этот вопрос найти не удается.

Относительно системы хозяйства племен культуры шаровидных амфор окончательного мнения пока не существует. К. Яждевский считает их земледельцами [43], в более поздних работах преобладает мнение о ее скотоводческом характере и подсобной роли земледелия, одним из доказательств этого служат ритуальные погребения коров [44].

Говоря о возможных социальных реконструкциях, нужно учитывать существование резко различных по богатству инвентаря погребальных комплексов. Кроме того, обширный материал для гипотез дают коллективные погребения, преобладающие в польской и восточной территориальных группах.

Часто погребения взрослого мужчины сопровождаются погребением подростка, женщины (одной или с ребенком) (Войцеховка).

Т. Висляньский выдвигает гипотезу о возможности нескольких видов социальных отношений.

1. Подчинение женщины мужчине (парные погребения, а также погребения мужчин, сопровождаемых женщиной с ребенком) может быть оценено как признак моногамной семьи, хотя есть и примеры полигамии.

2. Возрастная иерархия (жертвоприношение детей и подростков).

3. Зависимость более сильная, возможно, напоминающая статус раба (один из скелетов в Войцеховке в антропологическом отношении отличен от других).

Возможно предположить также, что могильники содержат погребения не только членов одной, даже моногамной, семьи, а членов какого-то более крупного социального образования [45].

Л. И. Авилов

---

[42] Ibid., p. 221.

[43] *W. Chmielewski, K. Jazdzewski, J. Kostrzewski.* Pradzieje Polski. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, S. 93.

[44] *T. Wislański.* The Globular..., p. 223, 224.

[45] Ibid., p. 230.

Материалы совещания по проблемам культурной и этнической принадлежности археологических памятников Западной Сибири. «Из истории Сибири», вып. 7, Томск, 1973, 230 стр.

Рецензируемый сборник включает доклады, прочитанные на Археологическом совещании в Томске 15—19 мая 1972 г. Организатором совещания был коллектив сотрудников Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири при Томском государственном университете. Томский университет дважды за последние годы брал на себя инициативу по подготовке региональных археологических совещаний. Первое из них проходило в мае 1970 г.

и было посвящено вопросам хронологии и культурной принадлежности западносибирских археологических памятников. Материалы первого совещания также вышли отдельным сборником [1].

В работе совещания 1972 г. приняли участие археологи Москвы, Новосибирска, Свердловска, Томска, Кемерова и ряда других городов. Всего было прочитано 30 докладов. В сборник включено 18 докладов – в основном те, в которых затрагивались наиболее важные проблемы этнокультурной истории Западной Сибири или сообщались результаты раскопок особенно интересных памятников.

Доклад В. И. Мошинской «О возможностях этнической интерпретации археологических материалов» (стр. 3—11) носил в основном историографический характер. Автор дает подборку высказываний разных ученых о трудностях этнического отождествления древних памятников и культур и приходит к неутешительному выводу: этническая привязка древних культур на нынешнем уровне наших знаний невозможна. В. И. Мошинская считает, что степень археологической изученности Сибири в настоящее время не только не позволяет ставить вопросы этнической интерпретации древних культур, но вообще не дает возможности «подойти» к проблеме этногенеза (стр. 10). Видимо, применительно к Западной Сибири этот скепсис не оправдан. За последние 15–20 лет в Приобье исследованы сотни памятников разных эпох, что дает возможность в ряде случаев наметить с достаточной точностью преемственность между культурами современных народностей и конкретными культурами эпохи бронзы (например, между нарымскими селькупами и носителями еловской культуры бронзового века — по орнаментальному комплексу, погребальному обряду и антропологическому типу).

В докладе В. Ф. Старкова «О месте памятников с волнисто-гребенчатой керамикой в неолите Зауралья» (стр. 12—19) идет речь об уточнении периодизации зауральского неолита. Вопреки традиционному мнению о волнисто-гребенчатом характере восточноуральской неолитической посуды в целом, докладчик убедительно показал, что эта керамика характеризует лишь одну из ступеней развития местного неолита, а именно — переходную фазу от среднего неолита с отступающей и прочерченной техникой украшения посуды к позднему неолиту, для которого характерна гребенчатая орнаментация керамики. В. Ф. Старков считает, что переход к гребенчатой орнаментации в Зауралье — внутренний автохтонный процесс; он не допускает возможности инокультурных воздействий. Думается, что этот вывод излишне категоричен. Нельзя исключать влияния культур Приуралья и Восточной Европы, где гребенчатый штамп в неолите был чрезвычайно распространен. Видимо, прав О. Н. Бадер, полагающий, что сходство культур Восточного и Западного Урала в позднем неолите могло возникнуть в результате проникновения на восток отдельных западноуральских групп [2].

С большим докладом выступил А. П. Окладников, затронувший проблему связей между племенами Западной Сибири и Прибайкалья в раннем бронзовом веке (на материалах петроглифов). К сожалению, в сборнике опубликованы лишь тезисы этого доклада (стр. 20—25). Автор стремился показать элементы стилистического сходства в байкальских петроглифах, рисунках на керамике Самусьского IV поселения (низовья Томи), художественных бронзах Сеймы и Галича. Выявленные сопоставимые черты свидетельствуют, по мнению А. П. Окладникова, о традиционных контактах в пределах лесостепного и лесного поясов Евразии — от Прибалтики до Монголии. Наличие тесных связей между Восточной Европой, Западной Сибирью и Ангаро-Байкальем подтверждается также распространением на этой территории бронзовых кельтов турбинско-сейминского типа и нефритовых колец глазковского облика. Докладчик считает, что отмеченное им сходство в манере изображения людей в столь удаленных друг от друга районах, их специфика, традиционность стиля и пр. позволяют говорить «о древности шаманства у народов Сибири в тех его формах, которые дошли до нас в этнографии народов Сибири XVIII—XX вв.» (стр. 24).

---

[1] Сб. «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970; см. также рецензию В. А. Могильникова на этот сборник в СА, 1973, 4.

[2] *О. Н. Бадер.* Неолит Урала. Сб. «Каменный век на территории СССР». М., 1970, стр. 163.

В сообщении В. И. Молодина «Преображенка III — памятник эпохи раннего металла» (стр. 26—30) были доложены результаты трехлетних работ на поселении Преображенка III в Новосибирской обл. Найденный керамический материал во многом аналогичен посуде Окуневского могильника, Кротовской стоянки, Самусьского IV поселения, Ростовкинского могильника и др. Раскопанный памятник относится, видимо, к культурам самусьско-окуневского круга, которые хронологически предшествовали здесь пришлой андроновской культуре. Доандроновское время Преображенки III подтверждается стратиграфически: культурный слой поселения прорезан андроновскими погребениями (стр. 29). В тексте почему-то не приведены рисунки находок. Многочисленные аналогии керамике и орудиям Преображенки III, приведенные автором, не подкреплены ссылками на конкретные публикации. Отсутствие рисунков и ссылок снижает научную значимость статьи и не позволяет использовать ее в качестве полноценной информации.

В докладе Е. Е. Кузьминой «Об аньянской линии синхронизации сибирских бронз» (стр. 31—39) речь идет о неправомерности аньянских аналогий при решении вопроса о хронологии турбинско-сейминских (самусьско-сейминских) бронз. Автор придерживается уже высказанного в литературе мнения, что при сопоставлении аньянских и турбинско-сейминских бронзовых изделий можно говорить о сходстве лишь отдельных элементов (а не типов и комплексов), что не может служить основанием для синхронизации (стр. 37) [3]. Е. Е. Кузьмина считает, что прямые аналогии в аньянских бронзах находят только некоторые формы карасукских изделий, присоединяясь к мнению исследователей, развивших выдвинутые С. В. Киселевым положения и синхронизировавших Карасук и Аньян (стр. 37). Статья в значительной мере носит историографический характер. Автор излагает точки зрения разных исследователей и выделяет те из них, которые, по ее мнению, являются наиболее правильными.

Интересным был доклад Г. Б. Здановича «Поселение Явленка I — памятник эпохи бронзы Северного Казахстана» (стр. 40—51). Раскопано три жилища площадью 140, 160 и 193 $м^2$. Найдено много бронзовых, каменных и костяных орудий. Коллекция бронзовых изделий Явленки I является уникальной по своему богатству, количеству и разнообразию. Керамический материал поселения типологически и стратиграфически распадается на три комплекса: алакульский (самый ранний), черкаскульский и большеложский (наиболее поздний). Для алакульской керамики характерна примесь песка или шамота, для черкаскульской — талька, для большеложской — дресвы или крупного речного песка. Находка в Северном Казахстане черкаскульской посуды свидетельствует о проникновении в степь северных групп зауральского населения. Это особенно интересно в свете вывода В. С. Стоколоса, что замараевские комплексы Южного Урала и Северного Казахстана и черкаскульские таежного Зауралья относятся к одной культуре [4], но, видимо, к разным ее этапам или локальным вариантам.

В докладе Т. М. Потемкиной «К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов» (стр. 51—64) рассматриваются новые археологические данные о взаимовстречаемости алакульских и федоровских материалов. При раскопках Субботинского могильника в Курганской обл. было вскрыто четыре кургана. Два из них — № 17 (пятнадцать погребений) и 18 (четыре погребения) — по обряду захоронения и керамике тождественны раскопанным курганам Алакульского могильника. Под курганом № 3 находилось лишь одно погребение; оно было совершено по обряду трупосожжения, в могиле находился сосуд федоровского типа. Под курганом № 2 было шесть могил; из них пять — алакульские, одна — федоровская. Наличие в одном могильнике алакульских, федоровских и смешанных алакульско-федоровских курганов подтверждает правоту тех исследователей, которые склонны считать алакульское и федоровское население двумя сосуществовавшими этническими группами. Т. М. Потемкина сделала очень интересное наблюдение: невысокие

---

[3] *М. Ф. Косарев.* О хронологии и культурной принадлежности турбинско-сейминских бронз. Сб. «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970, стр. 129, 130.

[4] *В. С. Стоколос.* Культура населения Южного Зауралья в эпоху бронзы. Автореф. канд. дисс. М., 1967, стр. 10.

расплывшиеся насыпи, сооружавшиеся в результате многократных подсыпок, отражают специфику погребального обряда алакульцев; курганы же с небольшими насыпями принадлежат федоровцам. Автор обращает внимание на то, что при раскопках Алакульского могильника (Сальников, 1940; Кузьмина, 1969) были исследованы лишь крупные и средние курганы диаметром 18—20 *м*. Курганные насыпи малого диаметра, под которыми могут оказаться федоровские захоронения, исследованы не были. Это наблюдение, после его проверки дальнейшими раскопками, поможет разработать методику поиска алакульских и федоровских курганов.

Доклад М. Ф. Косарева «Этнокультурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке» (стр. 65—77) был посвящен выделению в Приобье ареалов со специфическим комплексом традиционных черт, длительная преемственность которых (вплоть до современности) создает возможность для использования ретроспективного метода в определении этнической принадлежности древних западносибирских культур. Сейчас стало совершенно очевидным, что этнокультурная дифференциация западносибирского населения произошла накануне эпохи металла. Бытующее в археологической литературе мнение о существовании в бронзовом веке единой западносибирской культурной (или историко-культурной) общности не подтверждается археологическими материалами.

В. И. Матющенко выступил с докладом «К вопросу об этнической принадлежности еловско-ирменских памятников и историческая преемственность в культуре населения Томско-Нарымского Приобья» (стр. 78—94). Докладчик исходит из правильного тезиса, что культура Томско-Нарымского Приобья рубежа бронзового и железного веков была многокомпонентной. Он справедливо полагает, что местные культуры эпохи железа и средневековья имеют ряд черт, восходящих к неолиту и бронзовому веку. Автор прав и в том, что Томско-Нарымское Приобье неоднократно испытывало южные влияния (андроновское, тагарское, таштыкское, тюркское и т. д.), правда, здесь следовало бы оговорить, что они захватывали главным образом южную часть рассматриваемой территории. Все эти положения давно уже стали традиционными и не расходятся с выводами других докладчиков (стр. 72—76; 171—172; 181—185). Поэтому я остановлюсь в основном на методической стороне доклада.

В. И. Матющенко не разграничивает такие далеко не одинаковые по содержанию понятия, как «культурная традиция», «культурное влияние», «культурно-хронологический пласт». Все эти археологические категории выступают в докладе под одним общим наименованием «компонент». Автор исходит из того, что еловско-ирменская культура выросла на самусьской основе (с участием андроновского и афанасьевско-окуневского компонентов), а самусьская культура в свою очередь является генетическим продолжением верхнеобской неолитической культуры (стр. 79). Однако далее, при рассмотрении культуры эпохи железа, верхнеобская, самусьская и еловско-ирменская культуры выступают уже в качестве равноправных «компонентов». Затрагивая происхождение релкинской культуры (раннее средневековье), докладчик опять обращается к верхнеобской, самусьской, еловско-ирменской культурам и культурам I тысячелетия н. э., но объединяет их уже в единый «древний компонент» (стр. 81). Из числа «компонентов» почему-то совершенно выпала культура гребенчато-ямочной керамики, сменившая самусьскую и оказавшая огромное влияние на развитие более поздних культур Томско-Нарымского Приобья.

Говоря о самусьском, еловско-ирменском и других компонентах в орнаментации более поздних культур, В. И. Матющенко не дает перечня специфических признаков, определяющих тот или иной упоминаемый компонент. Отсутствие таких оговорок делает малопонятной схему, приведенную на стр. 90. По этой схеме меандр, уточка, свастика являются общим самусьско-еловско-ирменским признаком, хотя эти элементы абсолютно чужды самусьским орнаментам и восходят к андроновской орнаментальной традиции. Отступающая палочка, отступающая гребенка, антропоморфность и зооморфность орнамента, характерные для автохтонной (самусьской) орнаментальной традиции, распространяются автором также на андроновские и еловско-ирменские декоративные комплексы, хотя в действительности названные элементы там отсутствуют. Расчленение докладчиком орнаментальных комплексов на мелкие неравноценные элементы привело к рассредоточению и исчезновению гребенчато-

ямочной орнаментальной традиции, которая наряду с автохтонной (самусьской) и андроновской традициями прослеживается на всех этапах культурной истории Томско-Нарымского Приобья, начиная со второй половины бронзового века.

Судя по приведенной схеме, неолитическая посуда верхнеобской культуры не отличается по форме от томско-нарымской керамики бронзового века, а та, в свою очередь, аналогична средневековой посуде. В действительности сравниваемая керамика далеко не одинакова. Иллюзия сходства возникает потому, что В. И. Матющенко сравнивает не керамические комплексы в целом, а коррелирует отдельные черты или сопоставляет то, что является исключением в одной хронологической группе, с тем, что типично в другой.

В прениях по докладу В. И. Матющенко мнения разделились, Л. А. Чиндина и М. Ф. Косарев указали на методические просчеты докладчика в подходе к материалу. В. Ф. Генинг, напротив, высказал мысль, что доклад В. И. Матющенко наглядно демонстрирует эффективность статистического метода обработки материала при выделении этапов историко-культурного развития отдельных территорий. По предложению В. Ф. Генинга, доклад В. И. Матющенко был признан шагом вперед в применении метода точных наук «при выделении компонентов, входящих в состав культур», что было записано в решении совещания (стр. 227).

Доклад В. А. Посредникова «О культурно-этнической принадлежности поселения Большой Ларьяк II и некоторых других памятников в таежном Приобье» (стр. 95—107) был посвящен рассмотрению поселений эпохи бронзы на севере Томской обл. Автор выделяет в Сургутском Приобье группу поселений бронзового века, для керамики которой характерна гребенчато-ямочная орнаментация. Он приводит ряд новых доказательств в пользу высказанных в литературе предположений о западном происхождении населения, оставившего эти памятники, об отсутствии элементов генетической преемственности пришельцев и местного самусьского населения, о возможной связи их с древнесамодийским этносом и т. д.[5]. Докладчик датирует характеризуемую группу памятников серединой — третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Находок, подтверждающих именно такую дату, в комплексах с гребенчато-ямочной керамикой не найдено. Вряд ли памятники типа Большой Ларьяк II прекращают существование к последней четверти II тысячелетия до н. э. Материалы последних лет говорят о том, что плоскодонная баночная посуда с гребенчато-ямочным орнаментом доживает в северных районах Западной Сибири по крайней мере до рубежа II и I тысячелетий до н. э., а элементы гребенчато-ямочной орнаментальной традиции прослеживаются на посуде Томско-Нарымского Приобья вплоть до XVI—XVII вв. н. э.

Ю. В. Кирюшин в докладе «О культурной принадлежности памятников эпохи бронзы в Нарымском Приобье» (стр. 108—115) сообщил о результатах своих многолетних работ на Малгетском поселении. Типолого-хронологическая классификация керамики, подкрепленная стратиграфическими наблюдениями, позволила ему проследить два этапа в культурном развитии местного населения. В последние века II тысячелетия до н. э. местные обитатели подверглись влиянию андроновской культуры. В керамике, относящейся к этому этапу, наблюдается переплетение двух орнаментальных традиций — местной (гребенчато-ямочной) и южной (андроновской). Однако в конце бронзового века — на втором этапе — гребенчато-ямочная орнаментация вновь становится господствующей. Затухание андроновского геометризма в орнаментации малгетской керамики и затем его полное исчезновение отражают, видимо, процесс растворения пришлых южных групп в местной охотничье-рыболовческой среде.

В докладе Г. В. Евдокимовой «К вопросу о молчановской культуре» (стр. 117—124) рассмотрены вопросы, касающиеся происхождения и хронологии молчановских памятников. Она считает, что молчановская культура выросла на основе ирменской и относится к эпохе железа. К сожалению, автор не приводит никаких данных в пользу именно такой хронологической и генетической интерпретации молчановских ком-

---

[5] *М. Ф. Косарев.* Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья. Автореф. канд. дисс. М., 1964, стр. 13; *его же.* Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири в эпоху бронзы. СА, 1972, 2.

плексов. Материал говорит о том, что молчановская культура складывается одновременно с ирменской на поздних стадиях бронзового века. Их генезис протекает на разных территориях: ирменские памятники тяготеют к лесостепи, молчановские — к таежной зоне. Одновременность молчановских и ирменских памятников подтверждается наличием единичных ирменских черепков в молчановских комплексах и присутствием отдельных фрагментов молчановской посуды на ирменских поселениях. Геометрические элементы молчановской орнаментации (рисованые уточки, взаимопроникающие четырехугольники, Г-образные фигуры, негативный меандр, сложный разветвленный меандр и др.) вытекают не из ирменских, а из более ранних еловско-андроновских геометрических орнаментов. В лесостепной зоне, на территории ирменской культуры, молчановские памятники неизвестны. Правда, около VII—VI вв. до н. э. в районы проживания ирменцев приходит какое-то северное население, керамика которого имеет отдельные узоры и орнаментальные мотивы, сопоставимые с молчановскими (раннежелезный керамический комплекс Томского могильника, посуда завьяловского типа в Новосибирской обл.) [6]. Не исключено, что в этой миграции приняли участие некоторые группы молчановского или родственного ему населения.

М. А. Дэвлет выступила с кратким сообщением о культурной принадлежности памятников скифского времени Тоджи (стр. 125—129). Рассмотрев погребальные комплексы курганного могильника «Вторая поляна» (Северо-Восточная Тума), она пришла к выводу, что эти комплексы характеризуют локальный вариант уюкской культуры скифского времени и свидетельствуют о наличии тесных связей между тоджинскими уюкцами и тагарскими племенами.

В докладе Л. М. Плетневой «Керамика Томского Приобья эпохи раннего железа» (стр. 129—151) предпринята попытка дать периодизацию железного века низовьев Томи на основе типолого-хронологической классификации керамического материала. Докладчица выделила несколько этапов в историко-культурном развитии исследуемого района. На первом этапе (VII—VI вв. до н. э.) низовья Томи входили в северную периферию большереченской культуры, основной ареал которой лежал в пределах Верхнего Приобья. На втором этапе (V—III вв. до н. э.) значительное влияние на культуру местных племен оказало население Алтая и Минусинской котловины. Это подтверждается, в частности, распространением в низовьях Томи в это время большого количества тагарских вещей. Во II в. до н. э.— II—III вв. н. э. местная керамика как по форме, так и по орнаменту обнаруживает большое сходство с посудой таежных культур Нарымского Приобья, что, видимо, свидетельствует о продвижении в исследуемый район в это время значительных групп северного таежного населения. Свои выводы Л. М. Плетнева подкрепляет статистическим анализом, результаты которого сведены в восемь схем. Недостатком доклада следует считать излишне дробную типологию керамики (частные группы внутри больших групп; многочисленные типы внутри групп и отдельных памятников и т. д.). Это затушевывает основную хронологическую тенденцию в изменении форм сосудов и не дает возможности уловить четкие закономерности в развитии местной орнаментации.

В докладе Т. Н. Троицкой «О культурной принадлежности могильника Каменный мыс» (стр. 152—160) дано описание курганного могильника III—II вв. до н. э. на р. Уени в Новосибирской обл. Курганы имеют вытянутую форму. Так, длина кургана 3 достигала 42 *м* при ширине 7—8 *м*. Под насыпью было вскрыто 32 погребения. В процессе раскопок кроме глиняных сосудов обнаружен многочисленный и богатый инвентарь — копья, кельты, кинжалы, наконечники стрел, удила, украшения и другие вещи. В орнаментации керамики преобладают северные таежные мотивы — штамп-уточка, волна и т. д. Кельты, костяные изделия, наконечники стрел и отдельные украшения также находят аналогии в кулайских и усть-полуйских комплексах. Автор совершенно закономерно относит исследуемый памятник к таежному западносибирскому кругу культур усть-полуйской эпохи. Видимо, в этот период (около III—II вв. до н. э.) ареал лесных культур расширился далеко на юг, свидетельством чего кроме

[6] *М. Н. Комарова.* Томский могильник. МИА, 24, 1952, рис. 21, *7*; 22, *52*; *Т. Н. Троицкая.* О культурных связях Новосибирского Приобья в VII—VI вв. до н. э. Сб. «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970, рис. 3, 4.

раскопанного Т. Н. Троицкой могильника Каменный мыс являются комплексы кулайского облика, исследованные Л. М. Плетневой в низовьях Томи.

Л. А. Чиндина выступила с докладом «Культурные особенности среднеобской керамики эпохи железа» (стр. 161—174). Она нашла возможным выделить три хронологически и генетически следующие друг за другом группы фигурно-штамповой посуды: васюганскую (IV в. до н. э.— I в. н. э.), саровскую (первая половина I тысячелетия н. э.) и малгетско-релкинскую, дожившую до VII в. н. э. Васюганская группа керамики связана с бронзовым литьем кулайского типа, и ареал ее в общем совпадает с территорией Томско-Нарымского Приобья. Керамика саровского типа распространена более широко — до низовьев Оби и Среднего Прииртышья. Л. А. Чиндина считает, что это результат роста численности среднеобского населения, который вынудил его активно осваивать соседние районы. Малгетско-релкинская фигурно-штамповая керамика в отличие от предшествующих групп занимала сравнительно небольшую территорию — только Нарымское Приобье. Докладчица справедливо считает, что Нарымское Приобье дольше, чем другие районы Западной Сибири, сохраняет традиции фигурно-штамповой орнаментации. Следует целиком согласиться с автором, что рассмотренный декоративный комплекс сложился в результате взаимодействия по крайней мере трех орнаментальных традиций — самусьской, раннееловской (гребенчато-ямочной) и андроновской (стр. 171—172).

Доклад В. А. Могильникова был посвящен этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа (стр. 175—189). Автор считает, что отождествление с древними уграми носителей культур саргатского типа затруднено тем, что в культуре современных обских угров нет таких черт, генетические истоки которых можно было бы с уверенностью видеть в саргатской культуре. Однако фольклорные и лингвистические данные, свидетельствующие о том, что угры в далеком прошлом были коневодами, в общем не противоречат угроязычности саргатцев, в хозяйстве которых коневодство играло ведущую роль. В IV—III вв. до н. э. наблюдается проникновение степных групп на север, но, по мнению докладчика, это движение не было массовым и не наложило существенного отпечатка на культурный облик нижнеобского населения. Более активными были контакты нижнеобских племен с кулайским и даже тагаро-таштыкским населением. Специфику III группы усть-полуйской керамики В. А. Могильников объясняет инфильтрациями юго-восточного населения в низовья Оби; эти пришлые группы явились носителями самодийского компонента в усть-полуйской культуре.

Доклад В. А. Дремова «Антропологические материалы из тагарских курганов Кемеровской обл. явился по существу кратким комментарием к очень большой цифровой таблице, где были сведены воедино измерения тагарских черепов из Кемеровской обл. (могильники Большепичугинский, Ягунь и Кондрашка). В рецензируемом сборнике текст доклада В. А. Дремова занимает всего 6 страниц, тогда как цифровые схемы — 26 страниц. Докладчик пришел к выводу, что черепа из тагарских могильников Ачинско-Минусинской лесостепи представлены тем же антропологическим типом, что и черепа минусинских тагарцев. «Тагарцы, обитавшие в районе рек Урюпа и Серты,— пишет В. А. Дремов,— антропологически были очень близки к тагарцам Минусинской котловины и отличались от большереченцев не менее отчетливо, чем минусинские тагарцы» (стр. 195).

Участники совещания приняли решение, в котором были подведены итоги работ по изучению древней истории Западной Сибири и намечены пути дальнейших исследований. Следующее совещание решено провести в Томске в 1975 г. Оно будет посвящено социально-экономической истории Западной Сибири по археологическим материалам. После того как перестали созываться уральские археологические совещания (последнее было в 1967 г.), регулярные встречи в Томске стали основной и очень эффективной формой творческих контактов урало-сибирских археологов.

М. Ф. Косарев

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО СУДАНА В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В настоящий момент в африканистской исторической науке, как правило, исчерпаны все доступные (крайне немногочисленные) виды источников, и дальнейшая информация может быть получена исключительно в ходе археологических исследований.

Именно в таком положении находится сейчас разработка проблем древней и средневековой истории Северной и Северо-Восточной Нигерии. Здесь примерно с рубежа I и II тысячелетия развивались такие самобытные государственные образования, как города-государства хауса и «империя» Канем-Борну.

Наиболее хорошо изученный период истории этих обществ – XIX в. В распоряжении исследователей имеются сравнительно многочисленные местные письменные источники, свидетельства европейских путешественников и памятники материальной культуры, например культовые и жилые здания. (В Западном Судане строили преимущественно из глины, и поэтому самые древние строения насчитывают не более 100–150 лет.)

В более сложном положении окажется исследователь, занимающийся периодом с XVI по XIX в. По сравнению с такими державами Западного Судана, как Гана, Мали и Сонгай, Хаусаленд и Борну имеют неизмеримо меньшее число письменных источников, и иностранных, и местных. К последним относятся хроники городов хауса (содержащие обычно списки правителей и краткое описание особо важных событий) и дарственные грамоты – махрамы – правителей Борну. В археологическом отношении этот период почти совсем не изучен. Насколько известно, в Северной Нигерии вообще не обнаружено памятников этого времени. Необходимо учитывать, что раскопки в городах хауса сильно затруднены, так как современные города, как правило, развивались на месте древних. В Борну лишь в самое последнее время были исследованы руины столицы XVI в. Бирнин Газаргамо.

Что же касается раннего периода истории хауса (конец I тысячелетия н. э.– XVI в.), и тем более раннего железного века этого региона (приблизительно с 200 г. до н. э. по конец I тысячелетия н. э.), то имеющиеся сейчас у исследователей весьма отрывочные и неполные данные получены исключительно при помощи археологии.

До настоящего времени археологические исследования в Северной и Северо-Восточной Нигерии были направлены преимущественно на изучение памятников раннего железного века.

В 1964 г. Институт африканских исследований (Ибаданский университет) совместно с университетом Ахмаду Бело в Зарии разработал программу археологических исследований в Северо-Восточном штате Нигерии, в том районе Борну, который местное население называет «Фирки» – районе плодородных долин с глинистой почвой, образовавшихся в результате высыхания оз. Чад, которое в прошлом занимало бо́льшую площадь. Здесь находятся многочисленные холмы типа мессопотамских теллей.

Область «Фирки» в настоящий момент делится между Нигерией и Камеруном. В Камеруне, начиная с 30-х годов, вели научные изыскания французские ученые, в их числе Ж.-П. Лебёф [1]. В нигерийской же части «Фирки» предпринималась только археологическая разведка. В 1964 г. небольшая экспедиция под руководством сотрудника Института африканских исследований Г. Коннэха обследовала в этом районе более 50 холмов. После того как экспедиция провела аэрофотосъемки, обмеры, сбор керамических фрагментов с поверхности, было решено начать раскопки телля Дайма в округе Диква. Во-первых, подъемный материал свидетельствовал, что холм был обитаем с древнейших времен. Во-вторых, среди всех известных в Нигерии холмов подобного типа это было самое большое по размерам возвышение. И наконец, в-третьих, к моменту раскопок холм не был заселен и традиция не сохранила сведений о населявших его народах [2].

---

[1] *J.-P. Lebeuf.* Archéologie tchadienne. Paris, 1962.

[2] *G. Connah.* Settlement mounds of the «firki», the reconstruction of a lost society. «Ibadan», 1969, 26, p. 49.

В 1966–1967 гг. за шесть месяцев глубина раскопа достигла 11,5 *м*; были открыты остатки жилищ и захоронений. Радиоуглеродный анализ показал, что поселение в этом месте существовало с VI в. до н. э. по конец XI в. н. э.

Оно было основано неолитическим населением, которое строило деревянные жилища и занималось отгонным скотоводством и в меньшей степени земледелием. Жители разводили крупный и мелкий рогатый скот, о чем говорит масса обнаруженного остеологического материала. Вспомогательными промыслами служили охота и рыболовство. О последнем свидетельствует значительное количество костяных гарпунов.

Изделия из кости были широко распространены в быту местных жителей. Но основная масса орудий, в том числе полированные топоры, сделана из камня. Обитатели Даймы создавали также многочисленные терракотовые изображения домашних животных; наилучшие образцы их керамики представляют собой красноглиняную посуду изящных форм с орнаментом.

Железо проникло в этот район в V–VI вв. Приблизительно в это же время в Дайме началось строительство глиняных жилищ. Причины, обусловившие возникновение этих новых для автохтонного населения явлений, неизвестны. Мы не знаем, было ли это связано с миграциями в данный район каких-либо народов, достигла ли новая технология этих мест в результате торговых отношений или в результате военных экспедиций.

Коннэх, однако, утверждает, что уже в VIII в. автохтонные жители Даймы подверглись нашествию народа, использовавшего железо, культивировавшего хлебные злаки и имевшего более широкие контакты с окружающим миром. Не известно, откуда впервые проникло в Дайму железо; ничто не дает оснований утверждать, что это было связано с миграцией описываемого народа. С появлением пришельцев не изменились погребальные обычаи – усопших хоронили также в скорченном положении; не прекратилось и выделывание терракотовых фигурок, но среди них появились изображения людей и диких животных. Необходимо отметить, что с приходом нового населения прекращается строительство из дерева и развивается строительство из глины. Все это говорит о том, что между пришельцами и автохтонами произошло смешение.

В результате раскопок древнего поселения холма Курсаката [3], который находится в 32 *км* к северо-западу от Даймы, экспедиция получила следующие данные. Глубина культурного слоя составляла около 6 *м* (в отличие от 10 *м* в Дайме). Единственный небольшой фрагмент железа был найден на глубине около 3 *м*. Было обнаружено несколько костяных орудий, но совсем не оказалось полированных каменных топоров, типичных для нижних слоев Даймы [4]. Однако находка в нижних слоях Курсакаты терракотовых статуэток, напоминающих изделия из Даймы, позволяет сравнить материальную культуру обоих поселений по крайней мере до появления железа.

Материал, собранный в Курсакате, нельзя было подвергнуть радиоуглеродному анализу, и лишь один фрагмент древесного угля, извлеченный с самого дна раскопа, дал датировку 930±140 лет до н. э. [5]

К 1970 г. в Северо-Восточной Нигерии было обследовано уже более 80 поселений подобного типа. Обследование включало в основном сбор подъемного материала. Два поселения были подвергнуты более серьезному изучению. Одно из них получило название Борну-38. (Оно находится в 119 *км* от Даймы.) Собранный здесь подъемный материал дал возможность предположить сходство с ранними слоями Даймы.

В результате раскопок были установлены следующие черты хозяйства и быта: полированные каменные топоры, довольно грубая керамика, много костей животных, множество жерновов, небольшое количество костяных орудий (из которых простое костяное острие встречалось и в Дайме) [6]. Что касается костяных гарпунов, столь типичных для Даймы, здесь они не были обнаружены. Также не было обнаружено никаких следов железа. Материал из Борну-38 (древесный уголь) дал четыре радио-

[3] *G. Connah.* Recent contributions to Bornu chronology. WAJA, 1971, 1, p. 55.
[4] *G. Connah.* Recent contributions..., p. 57, 58.
[5] Ibid., p. 56.
[6] *G. Connah.* Excavations at Bornu 38 and 70. WAAN, 1970, 12, p. 61.

углеродных датировки: 640±170 лет до н. э., 930±140 лет до н. э., 1010±160 лет до н. э. [7] Эти датировки дают возможность предположить, что район «Фирки» был уже заселен в конце II – начале I тысячелетия до н. э. Верхние слои Борну-38, по всей вероятности, хронологически совпадают с нижними слоями Даймы. Эти (верхние) слои представлены более или менее единым археологическим материалом, с тем существенным исключением, что в Борну-38 не обнаружены терракотовые статуэтки, изображающие животных, а керамика явно примитивнее, чем в Дайме.

Очень интересные результаты дали предварительные раскопки в Шилме (Борну-70, в 37 *км* к юго-западу от Даймы). Судя по подъемному материалу, здесь использовали полированные каменные топоры и костяные орудия (гарпуны и острия), изготовляли терракотовые статуэтки.

Толщина культурного слоя здесь оказалась около 1 *м*; вся эта метровая толща состояла из горизонтально расположенных слоев чистой слежавшейся глины. По-видимому, эти слои представляли собой остатки глиняных полов или каких-либо жилых площадок [8]. Налицо несомненное свидетельство длительной архитектурной традиции.

Археологический материал, собранный в Шилме, ясно свидетельствовал о связи этого поселения с нижними слоями Даймы: были обнаружены остатки жерновов, костяные гарпуны, керамические фрагменты, напоминающие керамику Даймы. Полученные датировки подтвердили это предположение. Радиоуглеродным методом были исследованы два образца древесного угля из нижних и верхних слоев поселения, полученные датировки были: 730±180 лет до н. э. и 770±120 лет до н. э. [9]

Какие же выводы касательно древней истории этого региона позволяют нам сделать новейшие археологические данные?

Судя по всему, в области «Фирки» с конца II тысячелетия до н. э. развивалась единая неолитическая культура скотоводов-земледельцев, причем охота и рыболовство, бывшие некогда основными занятиями создателей этой культуры, в дальнейшем служили вспомогательными промыслами. Все это подтверждается археологическим материалом, который в основном един для всех местонахождений. Каменная индустрия представлена полированными топорами и жерновами; костяная – орудиями самих разнообразных форм и преимущественно гарпунами; широко представлена керамика и изделия из терракоты.

Население обитало в глиняных и деревянных жилищах, как это наглядно показали раскопки в Дайме и Борну-70.

Период V–VIII вв. был важной вехой в развитии народов этого региона. Неолитические скотоводы-земледельцы, жившие в достаточно влажной и богатой растительностью местности (на что указывает строительство из дерева), вероятно, были вынуждены постепенно покидать свои земли под натиском народов, спасавшихся от наступающей пустыни. Со сменой населения здесь прекратилось строительство из дерева и распространилось типичное для безлесных африканских саванн строительство из глины. По-видимому, растительность исчезла, и саванны осушались все больше и больше под влиянием огромной пустыни, наступавшей с севера. Все эти процессы хорошо прослеживаются на материале раскопок Даймы.

Попытаемся определить, какое место занимала культура Даймы в ряду прочих относительно исследованных культурных комплексов Центрального Судана. Не подлежит сомнению, что поселения «Фирки» в Северо-Восточной Нигерии и поселения, относимые средневековой традицией к народу сао в южных районах Чада, относятся к единому культурно-хозяйственному комплексу. Об этом свидетельствуют и хронологическая, и географическая близость, и типологическое единство поселений, образовавших холмы типа мессопотамских теллей, и относительно единый археологический материал (изделия из терракоты, кости и железа). Раскопки Ж.-П. Лебёфа показали, что культура сао существовала чрезвычайно долго – с V в. до н. э. по XVI–XVIII вв. н. э. [10] Она достигла своего расцвета, по-видимому, в X–XV вв.

---

[7] *G. Connah.* Precursors of Daima? WAAN, 1970, 12, p. 90, 91.
[8] G. Connah. Excavations at Bornu, p. 62.
[9] *G. Connah.* Precursors of Daima?, p. 90.
[10] *J.-P. Lebeuf.* Carte archéologique des abords du lac Tchad. Paris, 1969, p. 9.

Создателями этой культуры в середине I тысячелетия до н. э. были охотники и рыболовы, селившиеся по берегам мелких проток в междуречье Шари, Логоне и Сербевель. В дальнейшем, к середине I тысячелетия н. э., население перешло к производящим формам хозяйства, причем земледелие с этих пор играло, по-видимому, основную роль. Об этом говорит сравнительно высокая плотность оседлого населения, которому принадлежит, судя по последним данным, 701 поселение [11] на площади чуть менее Московской области. Традиция захоронений в больших глиняных сосудах ясно свидетельствует об изготовлении тарной керамической посуды (со вторичным использованием в качестве погребальных урн), что обычно соответствует сравнительно развитому земледелию. Уже в X в. часть сао жила в укрепленных городах, и городские ремесленники сао были искусными мастерами по обработке металла (железное оружие, медные и бронзовые украшения) и глины (многочисленные терракотовые изображения человека и животных, выполненные с необычным художественным мастерством). Последнее заставляет предположить существование у сао несомненно древней традиции ремесленного производства.

Исходя из всех приведенных данных, можно прийти к заключению, что к началу нашего тысячелетия сао достигли сравнительно высокого уровня социально-экономического развития и что у этого народа, по-видимому, уже шли процессы зарождения классового общества.

Судя по всему, исследованные поселения «Фирки» отражают раннюю ступень развития культуры сао, где Борну-38 и Борну-70 представляют начальные этапы (конец II – начало I тысячелетия до н. э.), Курсаката – переходный период от камня к железу (приблизительно V–VI вв.), а Дайма охватывает как этот переход, так и дальнейшее развитие, вплоть до XI в.

Рассмотрим отношения культуры Сао-«Фирки» с другим крупным центром раннего железного века Центрального Судана – культурой Нок.

Радиоуглеродные датировки показали, что культура Нок процветала с V в. до н. э. по III в. н. э. [12] Основным занятием населения было, по-видимому, земледелие. Об этом свидетельствуют многочисленные ступки, песты, мотыги. Были также найдены зернотерки, но обнаружить, какой именно вид зерновых культивировали эти древние земледельцы, не удалось. Возможно, это был один из сортов проса, которое лучше всего соответствует климатическим условиям данных районов и до сих пор остается основной земледельческой культурой Северной и Центральной Нигерии. Определенную роль играло и скотоводство, о котором свидетельствуют находки терракотовых изображений животных.

Культура Нок была названа так по имени деревни, около которой находятся оловянные рудники, где были обнаружены терракотовые фигуры, каменные топоры, мотыги и т. п. В местечке Джемаа было найдено изображение человеческой головы, выполненное из терракоты, чуть меньше натурального размера. Это наиболее известное терракотовое изображение культуры Нок получило название «Голова Джемаа». Впоследствии было найдено еще несколько подобных изображений, которым культура Нок и обязана своей мировой известностью.

К югу от р. Бенуэ, в местечке Кацина-Ала, были обнаружены керамические фрагменты, которые Фэгг отнес к культуре Нок. Это дало возможность предположить, что культура Нок охватывала большой район с центром к северу от слияния Нигера и Бенуэ и более 300 *км* вокруг. Более того, открытие в Кацина-Ала показало, что культура Нок распространилась уже за Бенуэ.

Культура Нок – древнейшая железоделательная культура Африки южнее Сахары. В результате раскопок были обнаружены всевозможные отходы процесса производства железа: остатки железоплавильных печей, горы шлака, куски сваренного железа. Среди железных предметов были долота и резцы.

В долине Таруга, в 150 *км* к югу от Нок, были обнаружены две терракотовые статуэтки без голов. В отличие от предыдущего материала, находившегося в аллю-

---

[11] Ibid., p. 9–12 (Лебёф утверждает, что поселения «Фирки» родственны культуре сао, и включает их в число этих 700).

[12] *B. E. B. Fagg.* Recent work in West Africa: new light on the Nok culture. WA, vol. I, 1969, 1, p. 45; *B. M. Fagan.* Radiocarbon dates for Africa southern of Sahara. JAN, vol. 10, 1969, 1, p. 42.

виальных слоях, статуэтки были в непотревоженном слое. В результате раскопок были обнаружены куски сваренного железа, кучи шлака, фрагменты печных труб, много керамических фрагментов, остатки терракотовых статуэток и т. п.

При помощи протонного магнитометра было обнаружено много остатков плавильных печей, скрытых под шлаком. Образец этого шлака оказался в одном слое с остатками древесного угля, которые были датированы 400±140 лет до н. э.[13] Все эти данные позволили Фэггу утверждать: «Пока где-нибудь в неповрежденном слое не будет обнаружен несомненно неолитический материал, культура Нок будет рассматриваться как принадлежащая к железному веку»[14]. В связи с этим гипотеза о привнесении железа в район современной Нигерии извне имеет существенное подкрепление – эта железоделательная культура предстает в настоящий момент оторванной от материальной культуры предшествующей эпохи.

Дискуссии о происхождении железной металлургии в Тропической Африке не прекращаются в африканистике. Некоторые исследователи выделяют культуру Нок в самостоятельный центр, другие придерживаются мнения либо о североафриканском, либо о мероитском ее происхождении. В настоящий момент наиболее предпочтительна гипотеза о североафриканском происхождении западноафриканской железной металлургии. Во-первых, как было доказано Фэггом, в Нок железо проникло извне, и, во-вторых, очевидно, что оно не могло появиться из Мероэ, поскольку в районе «Фирки», который располагается между оз. Чад на севере и горами Мандара на юге, т. е. единственно возможном месте, которое связывает Восточный и Центральный Судан и которое невозможно миновать на пути из долины Нила в район распространения культуры Нок, железо появилось чуть ли не на 1000 лет позже, чем в районе современной Центральной Нигерии.

Итак, мы видим, что оба культурных комплекса – Нок и Сао-«Фирки» – имеют сходные основные характеристики. Это были земледельческо-скотоводческие культуры, в которых значительную роль играло ремесло (железная металлургия и производство изделий из терракоты). Однако новейшие археологические исследования дают возможность утверждать, что развитие этих культур шло разными путями и с хронологическим разрывом: в Нок железо появляется в V в. до н. э., а в Сао-«Фирки» – в V – VII вв. н. э.; при этом нельзя не отметить, что, судя по всему, железо появилось в этих культурах из разных центров распространения черной металлургии. Положение об обособленном развитии Нок и Сао-«Фирки» основывается на том, что данных о таких связях нет ни в археологическом, ни в этнографическом материале. Напротив, в последнее время все чаще выдвигаются предположения о том, что культура Нок была предком таких развитых южнонигерийских культур, как Ифе.

Поскольку была высказана гипотеза о том, что неолитическое население «Фирки», возможно, было вынуждены покидать под натиском пустыни свои земли, то было бы весьма интересно проследить следы этих переселенцев. Похоже, что следы эти были обнаружены в Северной Нигерии. В городке Бирнин-Куду Б. Фэгг обнаружил и исследовал наскальные росписи пещеры на холме Дутсен-Меса. Все они изображали исключительно рогатый скот[15].

В результате раскопок на холме Дутсен-Меса было обнаружено несколько железных предметов[16]. Как уже было отмечено, железо в Центральной Нигерии появилось в V в. до н. э. (культура Нок). Исходя из этого, очевидно, что росписи Бирнин-Куду не могли появиться ранее этого времени.

С той же степенью точности могут быть датированы наскальные изображения дер. Геджи (в 80 *км* к югу от Бирнин-Куду)[17]. Основной сюжет фресок Геджи, как и в Бирнин-Куду, рогатый скот. Поскольку в Геджи встречается изображение лошади, появляется возможность определить время, ранее которого эти росписи не могли

---

[13] *B. E. B. Fagg.* Recent work..., p. 48.

[14] Ibidem.

[15] *B. E. B. Fagg.* The cave paintings and rock-gongs of Birnin Kudu. In: Third Pan-African Congress on prehistory. Livingstone, 1955, p. 308.

[16] *B. E. B. Fagg.* The cave paintings.., p. 310.

[17] *H. Sassoon.* Cave paintings recently discovered near Bauchi. Northern Nigeria. «Man», vol. 60, 1965, 70, p. 50.

быть созданы. Большинство исследователей сходятся во мнении, что лошадь появилась в Центральном Судане только к концу I тысячелетия. Следовательно, наскальные изображения Геджи (по крайней мере та группа, к которой относится изображение лошади; было выделено несколько групп, относительную хронологию которых определить не удалось) относятся к довольно позднему периоду.

Благодаря раскопкам в районе «Фирки» мы имеем в настоящий момент более или менее полную картину развития Северо-Восточной Нигерии в один из наиболее важных периодов ее исторического перехода от каменного века к железному, дающую ценный материал для определения уровня социально-экономического развития центральносуданских обществ в связи с вопросами классообразования и возникновения государственности.

Г. С. Киселев

Ю. К. Колосовская. Паннония в I—III веках. М., 1973, 253 стр.

История римских провинций принадлежит к важнейшим проблемам древней истории. Исследование экономической, социально-политической структуры, этнических и культурных процессов, происходивших в римских провинциях, раскрывает перед нами своеобразие каждой из областей римского мира. В то же время без изучения общего и особенного в истории периферии античного мира не могут быть выявлены общие закономерности развития, кризиса и гибели последнего этапа рабовладельческой формации, зарождения новых, феодальных отношений. История отдельных провинций открывает перед нами некоторые новые проблемы и аспекты в истории Римской империи. Все возрастающий интерес к эпиграфическому материалу, к локальному изучению археологических данных из отдельных регионов античного мира приводит к появлению работ, посвященных истории отдельных городов, поселений, римских вилл. Однако несмотря на внимание исследователей к некоторым важным проблемам и периодам истории провинций, вся совокупность существенных внутренних процессов, взятых в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности с варварской периферией римского мира, до сих пор не исследована должным образом в нашей историографии. Работы обобщающего характера, охватывающие историю провинции в целом, все еще являются редким событием. Хотя история некоторых провинций уже получила определенное освещение в нашей литературе, до недавнего времени не было специального исследования истории такой значительной дунайской провинции, как Паннония.

Рецензируемая монография Ю. К. Колосовской восполняет этот пробел. Она является целостным исследованием истории провинции на протяжении первых трех веков и представляет значительный вклад в отечественное антиковедение. Поставив своей задачей проследить взаимодействие и сочетание римских и местных институтов и выявить тот синтез, который возникал в результате этого в различных сферах провинциальной жизни и в конечном итоге определял специфику каждой провинции, Ю. К. Колосовская исследует не столько сами события, сколько комплексы социально-экономических отношений. Автор охватывает широкий круг вопросов провинциальной истории: проблемы организации и условия существования племен после введения провинциального управления, особенности римского провинциального города, развитие городов и рабства, структуру земельной собственности в связи с развитием городского строя. Изучение городов, возникавших на территории Паннонии, совершенно правильно связано автором с выявлением специфики провинциального города и влияния на него римских институтов. Такая постановка проблемы позволила автору выявить общие черты паннонского города с муниципиями Италии и одновременно подчеркнуть специфическое, присущее только провинциальному городу, в данном случае городу Паннонии. Автор правильно отмечает, что изучение паннонского города имеет значение для исследования процессов кризиса полиса в целом и кризиса рабовладельческого способа производства. Весь материал по истории данной провинции рассмотрен автором на фоне и в связи с взаимодействием Паннонии и варварского мира.

Следует указать на то, что работа Ю. К. Колосовской имеет методологическое значение. Вся совокупность намеченных автором вопросов рассмотрена в связи с решением одной большой проблемы: как в конкретно-исторических условиях отдельной провинции происходил процесс развития рабовладельческого общества, рабовладельческой формации. Автор сделал попытку показать на материале Паннонии, отличающемся большим своеобразием, проявление общих закономерностей рабовладельческого способа производства.

Хотя Ю. К. Колосовская отмечает во введении, что рассматривает историю Паннонии в первые три века нашей эры, хронологические рамки работы гораздо шире. В первой главе автор описывает племенной мир Паннонии еще в доримское время — IV—I вв. до н. э., в последних главах она нередко привлекает материал IV в.

Монография состоит из введения и семи глав. Написана она на основе систематизации, сравнительного сопоставления и всестороннего анализа самых разнохарактерных источников: латинских надписей из Паннонии, свидетельств римских землемеров и юристов, археологического материала, данных нумизматики. Особый интерес представляет использование автором в качестве источника для истории провинций сообщений римских агримensоров и юристов.

Во введении определены основные задачи исследования, дан небольшой по объему, но очень содержательный историографический очерк, охарактеризована источниковедческая база работы. Ю. К. Колосовская привлекла работы советских ученых, югославских, австрийских, чехословацких, румынских, болгарских, немецких, и прежде всего исследования венгерских историков и археологов, без работ которых, как справедливо отмечено автором, было бы затруднено исследование истории Паннонии.

В первой главе монографии — «Доримская Паннония» (стр. 16—39) Ю. К. Колосовской высказаны определенные суждения относительно этнического состава и уровня общественного развития племен доримской Паннонии. Исследуя общественную жизнь племенного мира доримской Паннонии, Ю. К. Колосовская определяет основные факторы, подрывавшие устои родоплеменного быта населения будущей провинции. Одним из таких факторов было установление связей с греческим и римским рабовладельческим миром. Другим фактором были политические, военные, хозяйственные связи между самими племенами доримской Паннонии, которые автор выявляет на основе нумизматических данных. Приведенные автором свидетельства источников указывают на известную сложность внутренней организации у одних племен и, напротив, на неразвитость общественных отношений у других. Материал данной главы позволил автору определить условия, способствовавшие завоеванию римлянами областей Среднего Дуная.

Завоевание Паннонии и Панноно-далматское восстание (вторая глава, стр. 39—58) рассмотрены как важнейшая часть внешней политики римского государства времени Августа и в связи с этапами римского продвижения в Иллирию. Автор подчеркивает огромное военно-стратегическое значение Паннонии для Рима, открывшей для римлян выход к Среднему Дунаю. На основе данных древних авторов и обобщения результатов специальных работ Ю. К. Колосовской прослежены основные этапы восстания, во время которого Иллирик был разделен на Паннонию и Далмацию.

В третьей главе — «Племенные общины» автор прослеживает коренные изменения условий существования населения Паннонии после введения провинциального управления. Представляется ценной попытка автора проследить, в какой степени нормы и положения римского права, действовавшие в Италии времени республики, могли быть применены в провинции. Привлечение автором свидетельств римских землемеров и отдельных положений римского права дало Ю. К. Колосовской возможность представить порядок провинциального землеустройства, до сих пор не получивший должного освещения в работах по истории провинций. Автор акцентирует внимание на особенностях римской провинциальной политики в отношении племен. Представляет интерес стремление автора проследить судьбы отдельных племенных общин в зависимости от римской провинциальной политики и развития городского строя. Почетные надписи, эпитафии и скульптурные надгробия дали автору возможность показать постепенный процесс формирования привилегированного слоя римских граждан местного происхождения, воспринявших римские хозяйствен-

ные традиции, вкусы, обычаи. Ю. К. Колосовская подчеркивает, что судьба civitas была различной в зависимости от характера возникавшего на ее землях города. В пределах племенных общин, как прослеживает автор, возникали частнособственнические тенденции, носителями которых были знать и ветераны вспомогательных войск, возвращавшиеся на родину в новом качестве римских граждан. Автор считает, что в этом случае земли ветеранов исключались из фонда земель племенной общины и могли быть переданы по завещанию лицам равного правового статуса. Эти заключения автора в значительной степени подкрепляются теми интересными данными, которые доставляют раскопки римских вилл на территории Паннонии, производимые венгерскими археологами. В то же время племенные общины, как подчеркивает Ю. К. Колосовская, способствовали известной консервации доримских форм общественных отношений и таким образом связывали и ограничивали развитие римских институтов.

В четвертой главе монографии, являющейся ее основным разделом, исследованы города, возникшие в результате дедукции ветеранов, муниципии и колонии во II—III вв., ветеранское землевладение на лимесе и его последующая эволюция, крупное землевладение и императорская собственность в провинции. Развитие муниципального землевладения зависело от аграрной колонизации провинции и эволюции местных земледельческих поселений паннонских племен.

Ю. К. Колосовской обстоятельно изучены города, возникшие как колонии ветеранов, определены причины их возникновения, описан определенный порядок, соблюдавшийся при основании колоний, отмечены особенности положения ветеранов в гражданских общинах, образовавшихся на основе дедукции. Автор указывает на сходство в принципах землеустройства поселений ветеранов в провинции и колоний римских граждан на италийской земле. Ю. К. Колосовская подчеркивает историческую реальность такой категории, как античная форма собственности, которая в провинции, по мнению автора, воспроизводилась в землевладении ветеранов.

При рассмотрении муниципиев и колоний, возникших во время правления Флавиев, Адриана и Северов на основе местных племенных центров, подвергшихся романизации, автор прослеживает этнические и социальные изменения в составе гражданских общин, особенно заметные после событий Маркоманнских войн (168—180 гг. н. э.). Отмечая, что дарование центрам племен статуса городов сопровождалось наделением местного населения правом римского гражданства, которое открывало ему доступ к городским магистратурам и, следовательно, к вхождению в сословие декурионов, Ю. К. Колосовская делает интересное наблюдение о соотношении гражданских прав с правом собственности на земельный надел на территории города. Граждане муниципиев, возникших из племенных центров, в отличие от граждан городов, образованных как колонии ветеранов, уже ранее имели земли в селах, расположенных на территории племенных общин. Сама форма хозяйства — римские виллы — могла быть заимствована у романизированного населения провинции. Античная форма собственности, подчеркивает автор, в таких городах не была единственной. Она соседствовала с собственностью других землевладельческих коллективов. Интересен тезис автора о сложности и одновременно подвижности этнического и социального состава населения городов провинции, особенно городов на лимесе. Автором подчеркнута противоречивая политика императоров в отношении городов: стремление сохранить за городом право верховной собственности на землю сочеталось с разрешением покупки земли на территории города гражданам и негражданам, поселенцам, что содействовало распаду городского коллектива.

В разделе «Ветеранское землевладение в городах на лимесе» рассмотрены некоторые черты эволюции землевладения ветеранов. Если в I—II вв. ветераны были и гражданами городов и собственниками земли на их территории, то к IV в. ветераны, постепенно теряя связь с городами, оказались как бы вне городской организации. В III в., считает Ю. К. Колосовская, они представляли отдельную сословно-корпоративную группу, имевшую определенные юридические права и экономические привилегии. Автор считает возможным относить к III в. появление наследственной военной службы и наследственного военного землевладения, что, впрочем, известно для более позднего времени.

В последнем разделе четвертой главы рассмотрено крупное землевладение и императорская собственность в Паннонии. Привлекает внимание характеристика крупных вилл, известных благодаря работам венгерских археологов. По мнению автора, они представляли экземированную сенаторскую собственность и оказывались одновременно культовым и в известной степени общественным центром для сельской округи. Виллы поддерживали хозяйственные связи с войсками, стоявшими на лимесе, с соседними муниципиями и селами. Ю. К. Колосовская отмечает, что крупное землевладение не могло получить большого развития в провинции, так как было ограничено землевладением ветеранов и городов. Рост императорских имений также сдерживался муниципальным землевладением. Муниципальные землевладельцы вместе с ветеранами составляли опору императорской власти; они были типичными фигурами в социальной структуре римского общества в Паннонии.

В пятой главе монографии — «Рабство в Паннонии в I—III вв.» дано исследование распространения рабства в различных социальных слоях населения провинции. Несмотря на то что исследованию рабства в Паннонии в период принципата была уже посвящена работа А. Мочи, Ю. К. Колосовской удалось выделить его некоторые новые аспекты. Изучение источников по истории рабства в Паннонии в I—III вв. н. э. дало автору основание сделать вывод, что в провинции расцвет рабовладельческого хозяйства приходится на II—III вв., когда социальные слои, воспринявшие рабовладельческие отношения, увеличились численно. Кризисные явления могли начаться лишь в IV в. и вследствие кризиса самого способа производства, и вследствие того, что после Маркоманнских войн и событий III в. в провинции произошли значительные этнические и социальные перемены, обусловленные усилением варварского влияния. Специфику развития рабства в Паннонии автор видит в его противоречивом характере: с одной стороны, включение новых социальных слоев населения провинции в процесс социальной и культурной романизации постоянно расширяло базу для применения рабского труда, с другой — поселяемые в Паннонии варварские племена были носителями иных, чем рабство, отношений, что ставило известные преграды для распространения рабства. Ю. К. Колосовской показаны материальные и моральные градации внутри класса рабов.

В шестой главе рассмотрен паннонский город как общественный, культурный и религиозный центр. Обобщив сведения из различных городов Паннонии, автор считает возможным говорить о некой модели римского провинциального города. Автор прослеживает муниципальную и культовую жизнь переселенцев из Италии, среди которых были ветераны и отпущенники, деятельность отпущенников местного и восточного происхождения, их участие в различных коллегиях. Представляется интересным исследование многообразных аспектов религиозных представлений населения паннонских городов. Ю. К. Колосовской рассмотрены начальные симптомы кризиса городского строя, появившиеся не в I—II вв. н. э., как в Италии, а в первой половине III в. н. э.: наличие сословно-социальной корпоративности структуры городского населения, утрата связей между отдельным гражданином и общиной в целом, устранение плебейских слоев от общественных дел города, отчасти отход и от официальной идеологии римской империи, обращение к местным верованиям, а затем и к христианству вначале бесправной части городского населения, позже — его состоятельных слоев.

В последней главе — «Паннония и пограничные народы» выделены этапы преимущественно военных отношений Рима с пограничными народами, определявшиеся внешнеполитическим и экономическим состоянием самого римского государства и уровнем развития пограничных с империей народов. С особым вниманием рассмотрены Маркоманнские войны как рубеж в истории Римской империи и начало ее заката. Интересно замечание автора о том, что источники, сообщающие об узурпациях императорской власти во время событий кризиса III в., не позволяют согласиться с принятым в нашей историографии суждением о том, что дунайские войска были неизменной опорой императорской власти. В то же время автор отмечает, что иллирийские императоры, выдвигавшиеся из среды военных в III – IV вв., много сделали для укрепления единства империи. Ю. К. Колосовская считает, что романизированное, жизнеспособное, главным образом крестьянское население провинции способствовало реставрации империи.

В заключении подведены некоторые итоги исследования.

Представляется возможным высказать некоторые соображения критического характера. Монография построена таким образом, что ее основные главы посвящены исследованию форм земельной собственности, классово-сословной структуры населения провинции, рабства в пределах двух основных типов гражданской и землевладельческой организации – римского города и племенной общины. Но такая структура работы привела к тому, что автор должен был рассматривать вопрос о мелкоземельной собственности и свободном крестьянстве в ее различных разделах. Так, о крестьянском землевладении идет речь на стр. 67—70, 85—97, 104—105, 111, 114, 134, что лишило возможности дать целостное представление о том, что же представляло собой в Паннонии крестьянское землевладение. Несмотря на несомненную скудость источников, следовало специально остановиться на землевладении мелких собственников, жителей многочисленных сел Паннонии, составлявших бóльшую и, может быть, даже основную часть населения провинции. Очевидно, в положении крестьян, проживавших на землях различных категорий, существовали отличия.

Не всегда кажутся убедительными дефиниции различных форм общинных отношений. Так, в главе «Племенные общины» автор отмечает, что для организации сельского населения Паннонии была характерна сельская община, но одновременно констатирует, что в I—II вв. происходил переход от родовой общины к территориальной (стр. 67, 68). Следовало дать интерпретацию используемых определений, поскольку понятия «племенная», «сельская» и «территориальная» общины нетождественны. Так же трудно предположить, что кровнородственная община вместе с общинами различных типов, вплоть до территориальной, могла быть основой для развития аграрных отношений у паннонских племен в I—II вв. (стр. 74). Надо полагать, что в данном случае можно говорить больше о семейной общине как наиболее архаичной из форм общины. Вызывает сомнения также положение о воссоздании в какой-то степени с конца II в. племенных общин, как пишет автор, «вследствие поселения на землях Паннонии отдельных групп варварских народов» (стр. 244). В известной степени в исследовании Ю. К. Колосовской отразилось, вероятно, современное состояние исторической науки об общине и ее типах в древнем мире. Между тем изучение общины невозможно без четкой типологии общин и необходимости определения основных признаков того или иного типа общин.

Несколько обособленной кажется интересная, насыщенная огромным конкретным историческим материалом последняя глава — «Паннония и пограничные народы». Отношения провинции с соседними племенами, в которых осуществлялись ее внешние связи с варварским миром, рассмотрены, как нам представляется, в недостаточной органической связи с теми процессами внутреннего развития провинции, которые являются основным предметом изучения в работе Ю. К. Колосовской.

В заключение мы можем еще раз указать на то, что в монографии Ю. К. Колосовской на примере одной провинции подняты и исследованы сложные проблемы, стоящие в центре внимания советского антиковедения: община, развитие провинциального города, его типология, проявление в провинции кризисных черт рабовладельческого способа производства.

Н. Ф. Мурыгина

Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung, Band 79, 1972 (I).

79 том Сообщений немецкого археологического института (Римское отделение) посвящен в основном архитектуре. Статья А. фон Гладисса представляет собой докторскую диссертацию о триумфальной арке в Арле I в. до н. э. Три статьи римских археологов И. Джакопи, Э. и Дж. Папаратти и К. Моккеджани Карпано являются комплексным исследованием классического римского дома под термами Каракаллы в Риме. Публикации Г. Бранденбурга «Раннехристианский рельеф» и

К. Шауэнбурга «Женщины в окнах» снабжены большим количеством прекрасных иллюстраций.

K. Schauenburg. Frauen im Fenster. К. Шауэнбург в статье «Женщины в окнах» (стр. 1—15) преследует две цели. Очень небольшая часть посвящена публикации сицилийского лебеса. Публикуемая ваза находится в частной коллекции. Сосуд собран из многочисленных фрагментов, местами реставрирован. Глина темно-коричневого цвета. Лак черный, оливкового оттенка, местами голубовато-белая краска обогащает роспись. Фигуры оставлены в цвете глины. Высота 0,283 *м*, ширина без ручек — 0,219 *м*.

Принадлежность лебеса к сицилийским мастерским определил А. Д. Тренделл в своем монументальном каталоге краснофигурных ваз Лукании, Кампании и Сицилии [1]. Ученик Дж. Биэли, А. Д. Тренделл — самый компетентный специалист по краснофигурным южноиталийским вазам, и его атрибуции обычно не вызывают сомнения. Круг вазописца также определен А. Д. Тренделлом, который отметил близость лебеса к группе гидрии из Леонтини, а впоследствии сосуд был отнесен к группе Борелли [2] (стр. 1).

Вопросов атрибуции К. Шауэнбург, к сожалению, не касается. Ни одной аналогии из близких лебесу групп сицилийских мастерских нет. Вместо этого автор приводит большое количество аналогий различным видам орнамента вазы, избегая сицилийские. Композиция работы сильно усложнена подробными описаниями других ваз, так что между описанием орнамента, росписи лебеса, датировкой и интерпретацией сюжета включены значительные части текста.

На обеих сторонах вазы (табл. 2) поле изображения занимает окно, створки которого открыты внутрь. В каждом окне видны головы двух женщин. На лицевой стороне маленькая фигурка Эрота, который возложил свои руки на головы женщин. На лицевой стороне женщина слева изображена в профиль, правая в $^3/_4$, на реверсе — наоборот. Обращает на себя внимание сходство женщин, изображенных в профиль, на разных сторонах вазы. Отличие только в том, что женщина, изображенная в трехчетвертном развороте на обеих сторонах вазы, на реверсе утратила покрывало, прикрывающее ее волосы, а шею украшает ожерелье, нанесенное белой краской. Обе головы женщин на стороне А и правая женщина на стороне В, изображенная в профиль, закутаны покрывалом до подбородка. К. Шауэнбург не обратил внимания, что голова, повернутая в $^3/_4$, несколько крупнее: это указывает, что она — основной персонаж; не заметил он и сходства женщин на разных сторонах вазы. Праздничная повязка украшает голову женщины, изображенной в триокар.

Эрот, по мнению К. Шауэнбурга, «должен характеризовать женщин как гетер» (стр 14). По аналогии с изображением на фрагменте из собрания Баресс одна из них может рассматриваться как сводня (табл. 24, *2*). А другая (табл. 14, *2*; 15, 17) по аналогии с девушкой на кратере мастера Палермо — определенно гетера. Если по первой версии автора, женщины — гетера и сводня, то вторая гипотеза К. Шауэнбурга еще менее правдоподобна: «Странным является то, что Эрот возложил свои руки на головы обеих женщин, чем он подчеркивает особо тесную связь между ними»,— пишет автор (стр. 14).

Странно, на наш взгляд, то обстоятельство, что автор в большой статье не уделил места назначению сосуда. Лебес дарили новобрачной для омовений в день свадьбы. Не уделено места сюжетным изображениям на этих сосудах в аттических, южноиталийских и собственно сицилийских мастерских, т. е. изображениям, всегда связанным с брачным церемониалом или праздничным гинекеем до или после свадьбы.

Возможна, как нам кажется, иная трактовка изображений, учитывая, что они украшали лебес. На лицевой стороне из двух закутанных девушек одна — в праздничной повязке в трехчетвертном повороте — невеста, другая — ее близкая подруга. На реверсе изображена уже вышедшая замуж женщина, с открытым лицом, а ее подруга — девушка, покрыта покрывалом как и на лицевой стороне вазы. На

---

[1] *A. D. Trendall.* The Red-Figured Vases of Lucania, Campania and Sicily. Oxford, 1967, p. 575.

[2] Ibid., p. 617.

сходство персонажей аверса и реверса было указано выше. Прикрытие лица свидетельствует, что это не могут быть изображения гетер. На античных вазах классического времени гетеры пляшут, торгуются с мужчинами, протягивающими кошелек, играют в коттаб, ходят на руках в обнаженном виде, а не кутаются в покрывало.

Вторая сюжетная линия статьи К. Шауэнбурга посвящена дверям и окнам на вазовых рисунках. К. Шауэнбург приходит к выводу, что «о строительной архитектуре по вазовым рисункам ничего существенного сказать нельзя», так как «часто приходится сталкиваться с художественной свободой, с отклонениями от строительной архитектуры по различным, совершенно непонятным причинам» (стр. 13).

Автор датирует лебес периодом расцвета сицилийских мастерских в начале последней трети IV в. до н. э., т. е. около 340 г. Вывод этот верен, хотя недостаточно обоснован из-за отсутствия сопоставлений с раннесицилийской керамикой и сравнительного анализа с сицилийскими сосудами, современными лебесу и более поздними.

Следует отдать должное добросовестности автора, собравшего очень большой иллюстративный материал по изображению дверей и окон на вазах и снабдившего работу 48 прекрасными фотографиями аттических, апулийских, луканских, кампанских, этрусских, сицилийских и пестумских ваз.

A. von Gladiss. Der «Arc du Rhone» von Arles. «Ронская триумфальная арка» в Арле (стр. 17—87) — тема докторской диссертации А. фон Гладисса, защищенная в декабре 1970 г. в Кёльнском университете. Материалом для диссертации послужили рисунки XVI—XVII столетий, фототека по строительной орнаментике Южной Франции и архивные материалы города Арля, поскольку арка была снесена в феврале 1643 г.

Во вступлении А. фон Гладисс присоединяется к определению арочной архитектуры, высказанному Г. А. Мансуэллисом, что римские арки — это «орудие пропаганды императорской власти, которая регулировала процесс романизации» (стр. 17). А. фон Гладисс приходит к заключению, что арка, согласно римской идеологии, непосредственно связывалась с победой. Одновременно с этим украшенная веткой арка символизировала мир, полученный в результате победы.

Основная часть работы разделена на 14 глав. Небольшой исторический очерк города Арля начинается с характеристики галльской провинции, основанной Домицием Агенобарбом в 20-х годах II в. до н. э. Поскольку триумфальная арка была снесена по постановлению городского совета в 1643 г., автору пришлось провести большую работу по локализации ее места на старом плане города, где она не указана, и в античный период, чему в работе уделено значительное место. По совпадающим свидетельствам Арно и Сегена, Ронская арка стояла на улице Рю дю Межан у ворот, выходящих на рейнскую набережную. В современной топографии Арля это место соответствует перекрестку улицы Доктора Фантона. Сопоставление большого количества архивных документов позволило автору заключить, что в античное время арка стояла непосредственно перед римской оборонительной стеной над дорогой, пересекающей Рону у понтонного моста. Этот путь принадлежал к разветвленной сети дорог между древней Испанией и Италией.

Для реконструкции арльской арки А. фон Гладисс использовал 10 рисунков ее современников, обмеры Ж. Сотро и Анонима и описание арки Сегеном (стр. 30, 31). Рисунки дают различные детали и виды арки с севера, юга, запада и план арки. Существующие эскизы помещают надпись на фризах с северной стороны, обращенной к Роне (табл. 30—35). Самостоятельные исследования А. фон Гладисса привели к геометрическому решению композиции арки, что показало точность обмеров Ж. Сотро и ошибки Анонима, хотя расхождения у архитекторов невелики.

К наиболее интересным результатам приходит А. фон Гладисс, стараясь повторить вычисления римского архитектора — строителя триумфальной арки. Автору удается найти модуль в обоих фасадных основаниях арки. Так, один из фасадов (отрезок A—B или другой аналогичный фасад) равен 2,97 *м*. Сохранившиеся размеры римского фута колеблются между 29,2 и 30,0 *см*. Общепринятым считается римский фут — 29,6 *см*. Таким образом, в основание положен размер, равный 10 римским футам. Нижний диаметр коринфской колонны равен двум футам, высота колонны

вместе с базой и капителью — 11 футам, пролет арки — 7 диаметрам — 14 римским футам.

А. фон Гладисс приходит к выводу, что в основе системы пропорций арки хотя и лежит единый модуль — фут, но «вместо чистого соотношения размеров преобладают геометрические элементарные формы, координация которых дает органическую законченность в конструкции арки» (стр. 40).

Построив геометрическую композицию из квадрата, который дает разработку ширины и высоты арки, автор накладывает на квадрат равнобедренный треугольник, основание которого и высота стороны квадрата соответствуют друг другу. Верхний угол треугольника, который делится пополам осью арки, получает дугу с радиусом половины ширины прохода, так что стороны равнобедренного треугольника оказываются касательными, а соединяющая их дуга образует внутреннюю курватуру арки. Продолжая геометрическое построение, А. фон Гладисс получает фасад арки, перекрытый сеткой геометрических фигур, которая объединяет классические формы квадрата и круга.

Поскольку, как замечает автор, нет детальных обмеров для римских арок подобного строения, проверить методы модульного и геометрического членения не может ни автор, ни его последователи, ни его рецензенты. Однако комплексные методы заслуживают самого внимательного изучения. Легче, конечно, вписать геометрические фигуры в такую благодарную форму, как квадрат, каковым оказался фасад арки в Арле, чем понять всю сложность построений античных архитекторов. Не вызывает сомнений, что в основе античных монументальных сооружений лежат и геометрические, и модульные построения. Однако, как и в вазовых рисунках, предварительная разметка — это не более чем каркас для последующих отступлений в пользу гармонии и красоты. Иначе произведения античного зодчества казались бы сухими, вялыми и симметрично скучными.

Архитектурное убранство арки в Арле довольно индивидуально. С фасадов арка была украшена парой коринфских колонн, стоящих на постаментах с каждой стороны. На центральном камне архивольта было изображение Аполлона. Горизонтальное перекрытие являло собой эклектическое сочетание дорического, ионического и коринфского ордеров. Дорическим был нижний триглофо-метопный фриз с изображениями букраниев на метопах. Над ним — фриз ионический с глубокой рельефной порезкой растительного орнамента, в листве которого видны скачущие и прыгающие животные. Арку венчает консольный коринфский карниз, который Витрувий определяет как новшество второй половины I в. до н. э. (стр. 44, 45). Кладка стен триумфальной арки, соблюдая систему opus quadratum, состояла из орфостатных квадров, размеры которых не были строго выдержаны.

Анализируя все гипотетические дополнения надписи на арке А. фон Гладисс приходит к выводу, что арка была посвящена одному из внуков и приемных сыновей Августа — Гаю Юлию Цезарю. Вывод этот исторически хорошо обоснован. Он предлагает следующую реконструкцию надписи:

C CAESARI AUGUSTI F PRINCIPI
IUVENTUTIS PONT SAO DD

Гай Цезарь был патроном Нима. В Арле статуя Гая Юлия Цезаря наряду со статуей Августа приобрела императорский авторитет. Раз надпись называла только одного из братьев — а именно Гая, посвящение на ронской арке могло быть сделано, как справедливо считает А. фон Гладисс, между 46 г. до н. э. и 4 г. н. э. Титул PRINCEPS IUVENTUTIS уточняет дату: 6—1 гг. до н. э., так как Гай Цезарь представлен как возможный наследник Августа.

Время же постройки самой арки А. фон Гладисс получает на основании анализа орнаментальных мотивов, идентичных архитектурно-декоративным украшениям аркад театра в Арле, сохраненных на точных рисунках Ж. Сотро. Поскольку совпадения в рисунках Ж. Сотро декора триумфальной арки и арльсного театра очень сильны, А. фон Гладисс приходит к выводу, что оба монументальных сооружения следует отнести к одной и той же мастерской. «Их перекрытия,— пишет исследователь,— не только имеют одинаковые размеры, но и расчленены в том же самом эклектическом порядке и в том же самом гипертрофированном стиле» (стр. 64). На

основании аналогий августовского времени, которые относятся большей частью к букраниям на метопах дорического фриза [3] (табл. 41,*3*) и к рельефно исполненным ветвям виноградной лозы с фигурками зверей между листьями [4] (табл. 42—44), А. фон Гладисс находит возможным датировать постройку триумфальной арки и театра в Арле 30—20 гг. до н э. Наиболее близкую аналогию к фризу с виноградной лозой автор видит в декоре цоколя Нимфея в Ниме, который связан с бассейном, датированным надписью 25 г. до н. э. (табл. 42). Следует отметить, что А. фон Гладисс на половину столетия удревняет датировку арки и театра в Арле на основании собственного восстановления надписи на арке. Раньше архитектурные детали театра датировались началом I столетия н. э. [5]. Поэтому непонятно стремление автора уточнить датировку вплоть до десятилетия на основании архитектурных декоративных мотивов. Приведенные аналогии настолько неубедительны, что в правомерности передатировки возникают сомнения. Мы присоединяемся к замечанию Тойнби и Перкинса, что «датировать большое количество фрагментов с живыми существами Римской Галлии только при помощи стиля — рискованно».

А. фон Гладиссу следовало бы развить предположение Тойнби и Перкинса, что «подобные фризы с животными в растительном орнаменте были ввезены в Галлию, возможно, независимо от Италии, непосредственно из какого-то восточносредиземноморского источника» [6]. Поскольку фризы в Арле являются наиболее ранними образцами применения в архитектурном рельефе столь распространенного в период империи мотива, мнение Тойнби и Перкинса укрепило бы позицию автора.

Работа А. фон Гладисса в своей заключительной части снабжена обширным астрологическим комментарием интерпретации архитектурных рельефов со ссылками на авторов. По мнению А. фон Гладисса, «связанное с политикой государственное искусство использовало созвездие Тельца как знак узаконенной государственной власти рода Юлиев. Потому что под знаком Тельца возникла не только политическая задача рода Юлиев, но и задолго до того, по расчету Варрона 21 апреля 753 г. до н. э., было осуществлено мифологическое основание Рима» (стр. 80). А «изображения лозы, оживляемой эротами и зверями, в строениях Арля символизировали обещанный Октавианом золотой век» (стр. 83, 84). На наш взгляд, подобные астрологические и символические изыскания лишены научного смысла. Начиная с раннего эллинизма, как известно и А. фон Гладиссу, изображения букраниев часты и в этрусском, и в греческом искусстве, встречаются они и у нас в Северном Причерноморье. Поэтому букрании, на наш взгляд, так же как и фриз с виноградной лозой, играют в данном случае чисто декоративную роль. Так что эклектизм архитектурной композиции арки, замеченный А. фон Гладиссом, распространяется и на декоративный мотив, и в этом ничего удивительного для позднереспубликанской провинциальной архитектуры нет.

I. Jacopi. Soffito dipinto nella casa romana di «Vigna Guidi» sotto le Terme di Caracalla. Работа И. Джакопи о композиции расписного потолка в римском доме под термами Каракаллы (стр. 89—108) совместно с заметкой в этом же журнале о технических характеристиках восстановления потолка Э. и Дж. Папаратти и статьей К. Моккеджани Карпано о структуре здания составляет комплексное исследование результатов раскопок 1970 г., проводимых Главным интендантством древностей Рима.

В помещении H, которое К. Моккеджани Карпано определил как триклиний, на участке размерами 7,30 × 8,20 *м* были найдены в непосредственной близости от пола сотни фрагментов живописного декора потолка. Реконструкция росписи потолка в статье И. Джакопи начинается с изучения возможных потолочных перекрытий и техники росписи плафона потолка. Сохранившиеся с тыльной стороны штукатурки следы тростникового каркаса, ориентированные с юго-востока на северо-запад, позволили И. Джакопи сделать предположение, что и балки перекрытия были рас-

---

[3] *J. M. C. Toynbee, J. B. Ward Pekins.* Peopled Scrolls: A Hellenistic Motif in Imperial Art. BSR, 18, 1950, p. 1—44.

[4] *T. Kraus.* Die Ranken der Ara Pacis. Berlin, 1953, S. 68.

[5] *J. M. C. Toynbee, J. B. Ward Perkins.* Opt. cit., p. 27.

[6] Ibidem.

положены таким же образом (рис. 1, стр. 90). Остатки росписи позволили установить, что краска наносилась на предварительный контурный рисунок.

Разрушенная поверхность штукатурки потолка, дошедшая в сильно фрагментарном состоянии, составляла треть полной поверхности. Подбор и последующее приставление по схожим сколам обломков штукатурки, а также скрепление прилегавших друг к другу многочисленных декоративных элементов потолка, с большой тщательностью осуществленные молодыми реставраторами Э. и Дж. Папаратти, помогли с большой точностью реконструировать композицию росписи потолка (таблица на вклейке стр. 92, 93, рис. 2).

Для облегчения топографического описания И. Джакопи вводит буквенные обозначения росписи потолка.

Границы между полями изображения расчлененного на геометрические фигуры плафона потолка украшены рамками с мелким декоративным растительным орнаментом. Ветви, лозы, гирлянды цветов, розетки и стилизованные сосуды создают общий филигранный фон для расписных полотен. Чередование крупных полотен росписи с филигранным растительным орнаментом, применение изолированных групп скачущих амуров в зеркальном изображении в окружении сельского ландшафта, наличие фигур со скудными атрибуционными характеристиками позволяют И. Джакопи отнести роспись потолка триклиния дома Гуиди под термами Каракаллы к концу периода Адриана, ко II в. н. э.

Наблюдения, собранные И. Джакопи, позволили ей сделать вывод, что у главного художника, расписывавшего основные панели, возможно, были ученики-подмастерья, которым поручались малые фигуры и части орнамента. Однако этот сложный вопрос об участии учеников в росписях монументальных полотен и вазовых рисунков требует специального рассмотрения и более веских доказательств по каждому отдельному случаю. Ведь если допустить, что роспись вел первоклассный мастер без помощников, то мало вероятно, что он одинаковое внимание и усердие уделял росписи основных и дополнительных сюжетов.

Все аналогии, приводимые И. Джакопи, а также датированные росписи, синхронные по времени, согласуются с общей оценкой датировки К. Маккеджани Карпано строительных периодов здания 130—138 гг. н. э. Самые последние аналогии, опубликованные уже после выхода статьи о росписи потолка, аналогичные по декору, орнаменту и другим мотивам изображения, совершенным образом подтверждают датировку росписи потолка 130—140 гг. н. э.

E. e G. Paparatti. Nota tecnica sul recupero. В небольшой заметке Э. и И. Папаратти (стр. 109, 110) сообщается о восстановлении и консервации живописного декора потолка дома Гуиди под термами Каракаллы. Среди фрагментов рухнувшего потолка во время раскопок встречалось большое количество мелких фрагментов и отдельные крупные фрагменты, достигающие в ширину 0,7 *м*, в длину 3 *м*. Поскольку заполняющий помещение грунт и штукатурка рухнувшего потолка были насыщены влагой, реставраторы применили следующий способ консервации материала. После расчистки от земли крупные фрагменты покрывались велатином, затем акриловой смолой, после чего накрывались бумагой и заливались жидким алебастром, заполнившим неровности и предотвращавшим возможность движения фрагментов. Боковые поверхности также были покрыты велатином, спускающейся к бортам бумагой и закреплены алебастром. Для удобства транспортировки крупные фрагменты укреплялись опалубкой. Поперечные деревянные бруски, уложенные на расстоянии 0,3 *м* друг от друга, скреплялись тремя железными двутавровыми балками, положенными вдоль боков и по центру консервированного фрагмента. Снизу под освобожденную поверхность подкладывалось джутовое полотно, промазанное гипсом. Полотно загибалось вверх и прекреплялось к железным балкам. После транспортировки в лабораторию и снятия реставрационных покрытий фрагменты сохранили цвет росписи и каждую неровность поверхности живописного поля в том же виде, в каком были найдены. После того как просохла краска, роспись была фиксирована традиционным образом и покрыта лаком.

C. Mocchegiani Carpano. Osservazioni complementari sulle strutture della casa romana sotto le Terme di Caracalla. В статье К. Моккеджани Карпано «Дополнительные наблюдения о структуре римского дома под термами Каракаллы» (стр. 111

121) речь идет об уточнении хронологического диапазона и локализации помещений римского дома эпохи Адриана. В 1970 г. Главное интенданство древностей Рима продолжало раскопки этого дома, частично открытого Г. Гуиди еще в 1858 г. (стр. 89).

Расчистка стен и новые раскопки позволили К. Моккеджани Карпано составить детальный план дома (стр. 121, рис. 1) и произвести тщательное изучение всего комплекса. Так называемый дом Гуиди является классическим типом римского дома с центральным двориком, к которому практически выходят все помещения.

О первом строительном периоде известно очень мало: нет данных о первоначальных размерах дома, который простирался на значительно бо́льшую площадь в северо-восточную и юго-западную стороны (см. дверь в помещение Е). Однако возможно, что юго-западная сторона в первый строительный период представляла окончание здания, поэтому обе двери (Р) могли выходить в частный садик или служили входом в большой вестибюль. Дом первого строительного периода был двухэтажным с большим числом комнат на втором этаже. Таким образом, для первого строительного периода нет первоначальных размеров дома и неизвестна планировка второго этажа.

Благодаря исследованиям К. Моккеджани Карпано границы и структура римского дома второго строительного периода представляются довольно отчетливо. Комплекс помещений, раскрытых в настоящее время, органически связан между собой. Это позволяет автору прийти к выводу, что перед нами полное жилище. Действительно, триклиний, домик с имплювием, в который выходят двери всех комнат, вход с прихожей, служебные помещения позволяют считать, что в наличии все необходимые элементы римского дома того времени.

Широкий атрий, в который открываются практически все основные помещения, площадью 16×10 *м*, имеет три строительных периода: два основных и одну перестройку. К первому строительному периоду относится внутренняя стена, построенная в технике opus micstum, украшенная нишами и апсидами, мотив которых нарушает монотонность стены. Впоследствии с построением имплювия две двери и ниши были заложены и стена облицована снизу мрамором, а сверху — расписной штукатуркой. Постройка портика, как это видно из плана, относится ко второму строительному периоду. Колонны и пилястры выложены из кирпичей и облицованы штукатуркой. Мозаичный пол внутри имплювия был внизу белым с фигурками тритонов. К монументальной внутренней стене примыкает перегородка, по мнению Ф. Кастаньоли и А. Пеллегрини, отгораживающая собой бассейн и связанная с нишами стены, составляющими нимфей. Как справедливо замечает автор статьи К. Моккеджани Карпано, бассейн на самом-то деле был построен после закладки ниш кирпичом, хотя связь бассейна с нимфеем и привлекательна. Об этом свидетельствует примыкание стены бассейна к штукатурке, которая была нанесена после закладки ниш, когда монументальная внутренняя стена выглядела совершенно гладкой.

Уточнение локализации помещений жилого комплекса второго строительного периода привело К. Моккеджани Карпано к следующим выводам. Помещение Н в соответствии с типом декорировки потолка могло быть триклинием дома. Тот факт, что окна помещений Н были устроены на значительной высоте, позволяет думать, что дом имеет в этом направлении внешнюю стену. Из симметричного помещения Н помещения G через коридор G_2 с низким порогом был выход в садик. Помещение N с маленьким окном, освещающим комнату, с сохранившимся перекрытием во втором строительном периоде было облицовано мраморным цоколем высотой 1,6 *м* и покрыто расписной штукатуркой. Тогда же был построен подиум, также облицованный мрамором,— по общему мнению, ларарий, который и дал название комнате. Помещение L с мозаичным полом геометрического мотива из квадратов, ромбов и прямоугольников с изображением гречанки на белом фоне в центре, как и помещение А, являлось коридором, который вел на второй этаж. Помещение E_2, освещенное небольшим окном, часть одного небольшого помещения Е, разделенного впоследствии на E_1, E_2 и С, представляло после перестройки отхожее место. Помещение С угадывается графически, может быть, это прихожая. Весь комплекс E_1, E_2 и С еще находится под земляной засыпью мощностью до 1 *м*.

Строительное дело второго периода представляет большой интерес. Ко второму строительному периоду относятся новые мраморные облицовочные штукатурки, по-

роги в мраморе-травертине, площадка с имплювием, возникновение колоннады и большой центральной мозаики. Датировка облегчается маркировкой строительных материалов — кирпичей мастерских эпохи Адриана: ex figlinis Caecil. Quintae Sulpiciani, ex fig. Domitiae Domitiani Sulpiciani. Толщина кирпичей в среднем 3,8 *см*. Доминирует красный кирпич, но часто встречается и желтый и розовый. Раствор без заметных включений. Толщина раствора между кирпичами 1,5—2,8 *см*, что дает модуль филяров, несколько превышающий аналогичные постройки эпохи Адриана. Это небольшое расхождение автор объясняет тем, что на постройку дома шел кирпич второго сорта.

От третьего строительного периода сохранилось очень мало. Известно, что часть помещений второго периода сохранилась, но переменила назначение. Только единственный сохранившийся объект может быть отнесен к этому строительному периоду из-за тонких кирпичей в кладках (стр. 114). Скорее всего, это одно из помещений, созданных перед засыпкой этого дома. Все перестройки произошли в период от первой четверти II в. н. э. до 206 г. н. э., года закладки фундамента терм Каракаллы и нивелировки окружающей местности.

Ценность статьи К. Моккеджани Карпано как публикации этого хорошо сохранившегося памятника римского домостроительства увеличивается благодаря подробнейшему комментарию строительных приемов и скрупулезнейшему разбору планировки здания. Хотя, как заключает сам К. Моккеджани Карпано, основные проблемы интерпретации помещений могут быть окончательно выяснены только в результате последующих раскопок, выводы автора, несмотря на кажущуюся преждевременность в локализации помещений, заслуживают внимания как предварительные. Сомнение вызывает интерпретация границ дома. Грунтовые воды, видимо, не позволяют археологам выяснить соотношения фундаментов монументальной «внутренней», по терминологии автора, стены с нишами с остальными стенами дома и примыкающим к ней портиком. Об этих трудностях, правда, автор не пишет, но они очевидны. О близости грунтовых вод свидетельствует фотография (табл. 64, *1*), на которой глубокая лужа дает отражение двух стен на полную их высоту, и сообщение Э. и Дж. Папаратти о влажности грунта земли и штукатурки потолка (стр. 109). Датировка второго строительного периода 30-ми годами II в. н. э. и гибель дома до 206 г. н. э. достаточно обоснована стратиграфическими обстоятельствами и не вызывает сомнений.

H. Brandenburg. Ein frühchristliches Relief in Berlin. Предметом исследования Г. Бранденбурга явился (стр. 123—154) недавно приобретенный Государственным музеем Берлина раннехристианский рельеф, происходящий из античного собрания в Лотер Касл, перепроданный через лондонский аукцион в 1969 г. римским антикварам, у которых и находился до осени 1971 г. Размеры рельефа: высота 1.67 *м*. ширина 0,86 *м*, толщина 0,11 *м*.

В нише изображен трон с императорскими атрибутами: мантией и диадемой. Сверху к трону спускается голубь, внизу изображены две лани, почтительнейше поднявшие головы к сигнатурам императорской власти (табл. 66, 68—71).

На основании изучения стиля рельефа и архитектоники его обрамления Г. Бранденбург относит его к восточным мастерским. За восточное происхождение говорит и проконезский мрамор, из которого изготовлен рельеф. Неканнелированные колонны с коринфскими капителями на высоких постаментах, обрамляющие с боков рельеф, находят аналогии в Афродитиасе [7]. Подобная схема горизонтального членения с венчающей раковиной с контрастной каннелированной порезкой, окруженной ионийскими овами и жемчужником, имеется в многочисленных рельефах раннехристианского времени восточного происхождения, относящихся к внутреннему оформлению церковных зданий. Рельеф, вероятно, украшал центральную или боковую нишу амвона.

Для определения иконографии берлинского рельефа Г. Бранденбург привлекает разнообразный изобразительный материал. Мозаичный медальон церкви Санта Мария Маджоре в Риме (стр. 137), как и другие более ранние памятники с аналогичным сю-

[7] *N. Wiearts.* Kleinasiatische Säulensarkophage. Historische Forschungen, 26, 1965, Taf. 2, *27*.

жетом, приводят автора к заключению, что символика трона с атрибутами богов эллинистического и римского искусства была символом царской и императорской власти (стр. 136 сл.). Так же и в христианской религии, согласно Ветхому завету, трон (престол) являлся символом царства Христа (стр. 136). Поэтому изображенные на троне берлинского рельефа императорские атрибуты и символы Христа воплощают власть и величие христианского императора как всеобщего властителя.

Наиболее близкие аналогии автор находит в рельефе плохой сохранности церкви Св. Аполлонии в Венеции (табл. 67) и в реставрированных и сильно подновленных в XIII в. рельефах церкви Св. Марка (табл. 76—78). Прекрасно сохранилась только одна стилистически более поздняя рельефная плита проконезского мрамора из Равенны, находящаяся в Кливлендском музее (табл. 79, *1*). Сравнение с ней дает Г. Бранденбургу terminus ante quem для датировки берлинского тронного рельефа до VI в. н. э.

После сравнительного анализа орнаментов берлинского рельефа с ионийскими овами притвора церкви Св. Софии в Стамбуле, освященной Феодосием в 414 г. (табл. 74, *1*), и сопоставления коринфских капителей рельефа с феодосианскими, собранными Каучем[8], Г. Бранденбург находит возможным датировать берлинскую рельефную плиту очень точно — 400 г. н. э. или первыми десятилетиями V в.

Статья Г. Бранденбурга «Раннехристианский рельеф в Берлине» может служить образцом публикационного жанра. Несмотря на скромное заявление автора, что в его намерения не входило осветить все вопросы, которые вызывает это уникальное произведение (стр. 121, сноска 1), автор собрал все возможные материалы для аналогий, атрибуции и датировки памятника.

И. Р. Пичикян

[8] *R. Kautsch.* Kapitellstudien. Berlin, 1936, S. 53.

Ю. П. Спегальский. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв., Л., «Наука», 1972, стр. 273 с илл.

В изданной посмертно книге Ю. П. Спегальского «Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв.» предложены новые реконструкции некоторых типов городских жилых построек, главным образом по известным раскопкам в Старой Ладоге и Новгороде. Реконструированы постройки богатых горожан и средних слоев городского населения. За недостатком археологических данных не рассмотрены жилые постройки городской бедноты и сельское жилище крестьян и феодалов, а о городском жилище феодалов высказаны лишь общие соображения. Состояние археологических материалов пока не допускает бесспорных реконструкций. Поэтому предложения Ю. П. Спегальского надо рассматривать не как полное опровержение прежних реконструкций и не как окончательное решение задачи, а лишь как еще одну — не первую и, несомненно, не последнюю — попытку приближения к истине.

Ю. П. Спегальский более последовательно, чем его предшественники, отказался от известных методологических установок И. Е. Забелина, согласно которым русская культура до XVIII в. мало изменялась и притом не знала качественных классовых различий. Поэтому Ю. П. Спегальский весьма осторожно использовал этнографические материалы о крестьянских постройках конца XIX – начала XX в., опираясь в первую очередь на археологические и другие данные, относящиеся к изучаемой эпохе, и на объективные закономерности развития строительной техники и архитектуры. В результате в давно известных материалах открылось немало нового. Выявлен ряд существенно различных типов жилых построек, принадлежавших разным социальным группам горожан. Обнаружены примыкавшие к стенам домов галереи, придававшие постройкам необычный с современной точки зрения облик. Реконструированы бесчердачные крыши с земляной засыпкой, которые считались нехарактерными для русского жилища.

Здесь невозможно разобрать все детали реконструкций и многие высказанные по их поводу интересные мысли, заслуживающие специального обсуждения. Остановимся на одном из типов жилого дома, которому Ю. П. Спегальский уделил особен-

но много внимания (стр. 95—230). Это крупное двухкамерное срубное сооружение с резко неравными помещениями, из которых большее отапливалось, а меньшее было, по-видимому, проходным, может быть с лестницей для подъема на второй этаж. Остатки таких построек найдены в Новгороде в большом числе. Ю. П. Спегальский пришел к выводу, что большое помещение служило для семьи богатого горожанина и для приема гостей. Оно было очень высоким, имело посредине печь, топившуюся «по-черному», и бесчердачную двускатную крышу с земляной засыпкой и с дымовым отверстием в одном из скатов. Меньшая часть постройки была, при той же общей высоте, двухэтажной, имела внизу входной тамбур, а наверху — спальни со своеобразным способом отопления: стена, отделявшая их от верхней части большого помещения, нагревалась горячим воздухом, собиравшимся под крышей при отоплении «по-черному».

Реконструкция кажется совершенно невероятной, если исходить из этнографических сведений о русских крестьянских постройках конца XIX — начала XX в., поскольку среди последних нет ничего похожего. Но если не считать, что городские постройки X—XIII вв. должны были быть обязательно похожи на крестьянские XIX—XX вв., то реконструкция Ю. П. Спегальского выглядит в общем не менее реально, чем известная реконструкция П. И. Засурцева, который приписывает постройки данного типа феодалам, малое помещение рассматривает как сени, не реконструирует над ним спален, но, насколько можно понять, не исключает наличия второго этажа над большим помещением с печью [1].

Выяснению устройства и назначения этих построек, может быть, в какой-то степени могут способствовать некоторые данные, опубликованные нами уже после смерти Ю. П. Спегальского. В русских средневековых усадьбах не позже чем с XI в., а возможно и ранее, существовали «поварни» — постройки, имевшие открытые очаги с котлами и соответствующие устройства для удаления дыма. В XVI — начале XVIII в. «поварни» чаще всего были усадебными кухнями и пивоварнями в усадьбах феодалов, но есть некоторые основания думать, что ранее «поварни» могли быть распространены и в усадьбах крестьян и горожан. «Поварня» была в принципе аналогична крестьянским усадебным кухням многих неславянских народов («кода» у эстонцев, «кота» у финнов, «ката» у перешедших к оседлости саамов, «кудо» у мари, «куала» у удмуртов, «пувариня» или «пуарня» у мордвы, «лась» у чуваш, «алачык» у татар, «аласык» у оседлых башкир и т. д. [2]).

В интересующих нас новгородских постройках источники тепла, находившиеся посреди помещения, Ю. П. Спегальский вслед за П. И. Засурцевым реконструировал как печи. Но, судя по опубликованным чертежам, среди них могли быть и открытые очаги, а также промежуточные формы между очагом и печью, например закрытые очаги с отверстием-конфоркой для котла сверху. Возможность таких реконструкций до сих пор недооценивалась, видимо, потому, что очаги с котлами считались вообще нехарактерными для славянской материальной культуры, но это представление опровергается широким и давним распространением «поварен». Аналогичные устройства, найденные в Старой Ладоге, Н. И. Репников и Н. Валонен считали возможным принимать за открытые очаги [3], Ю. П. Спегальский этого тоже не исключал (стр. 25).

Если в исследуемых новгородских постройках могли находиться очаги, то этим, во-первых, подкрепляются соображения Ю. П. Спегальского о большой высоте помещений и о земляных засыпках на бесчердачных крышах. Кстати, по аналогии с «поварнями», можно думать, что отверстие в скате крыши могло быть не единственным приспособлением для удаления дыма, ибо на «поварнях» XVI — начала XVIII в. такие приспособления были довольно разнообразны (разные «фонари», шатры, рубленые дымники и т. п.).

---

[1] *П. И. Засурцев.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода. МИА, 123, 1963, стр. 19, 55—68; *его же.* Новгород, открытый археологами. М., 1967, стр. 59.

[2] *А. А. Шенников.* Устройство и назначение поварни. Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР, 15. Л., 1970, стр. 111—124.

[3] *Н. И. Репников.* Раскопки в городище Старой Ладоги. В сб. «Старая Ладога». Л., 1948, стр. 40; *N. Valonen.* Zur Geschichte der finnischen Wohnstuben. «Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia», 133. Helsinki, 1963, S. 522, 523.

Во-вторых, появление таких построек у одной из групп городского населения уже не выглядит необъяснимым отклонением от основной линии эволюции восточнославянского жилища, ибо можно допустить развитие таких домов из построек типа «поварен». В самом деле, наряду с такими домами по тем же археологическим материалам вырисовываются и однокамерные строения с такими же устройствами для разведения огня, тоже допускающими реконструкцию очагов. Ничто не мешает считать такие постройки просто «поварнями». В то же время по этнографическим данным известно, что у ряда народов усадебные кухни типа «поварни» служили столовыми для всей семьи. Не могло ли и использование «поварни» в качестве столовой привести к тому, что эта постройка начала превращаться в центральное помещение жилища с пристроенными к нему спальнями? Кстати, еще нет уверенности, что такой дом успел стать единственным жилищем семьи богатого горожанина: с одной стороны, спальни во втором этаже если и существовали, то были тесны, а с другой — в усадьбах было много других построек, назначение которых не всегда ясно. Может быть, развитие жилища на основе «поварни» тут началось, но еще не закончилось.

Работа Ю. П. Спегальского не свободна от некоторых недостатков, присущих почти всем исследованиям о массовой застройке поселений средневековой Руси. Так, при изучении жилых построек недостаточно уделяется внимания усадьбе в целом как единому производственно-жилому комплексу, в котором все части были функционально взаимосвязаны. Мы не хотим сказать, что нельзя исследовать отдельные части усадеб, более или менее абстрагируясь от всего остального. Но, по нашему убеждению, это можно делать не до, а после выяснения основных особенностей усадьбы в целом (а новгородские материалы как раз дают такую возможность). Изучение целых усадеб позволило бы Ю. П. Спегальскому более обоснованно возражать против методологических принципов И. Е. Забелина, ибо качественные различия между жилыми постройками разных социальных групп населения были обусловлены более всего именно различиями в производственных функциях и планировочных особенностях усадеб. Да и в реконструкциях жилых построек осталось бы меньше спорных и неясных мест, если бы удалось уточнить, какие хозяйственные постройки и помещения могли попутно служить спальнями, какие производственные процессы могли выполняться в жилых помещениях, где готовили зимой теплый корм скоту и держали молодняк, где пекли хлеб и т. д. (ведь горожане X—XIII вв. должны были все это делать в своих усадьбах).

Точно так же не только Ю. П. Спегальскому, но и почти всем славистам — археологам, этнографам, вообще историкам культуры — можно адресовать следующее замечание: при привлечении аналогий из истории культуры других народов ищут эти аналогии сначала у славян, потом вообще у индоевропейских народов, не исключая самых удаленных, но не у финно-угорских и тюркских, хотя именно эти народы жили рядом с восточными славянами, нередко чересполосно с ними, имея с ними фактически общую социально-экономическую и политическую историю и чрезвычайно близкие, иногда просто тождественные формы материальной культуры. Очевидно, здесь влияют представления некоторых этнографов, полагающих, что материальная культура развивалась по тем же законам, что и язык, и не учитывающих ни физико-географических и хозяйственных факторов, ни конкретных обстоятельств истории народов. Не разбирая общетеоретических аспектов проблемы, заметим лишь, что при исследовании культуры русского населения Северо-Западной Руси вряд ли можно обойтись без учета культуры финно-угорских народов, часть которых здесь влилась в состав русского народа.

Конечно, мы не возражаем против обращений к скандинавским аналогиям, которые для средневековых Новгорода и Ладоги естественны, в ряде случаев хорошо подтверждают аргументацию Ю. П. Спегальского и, по нашему мнению, могли бы быть рассмотрены подробнее (стр. 21—22, 30, 36, 54, 79, 245). Не возражаем и против экскурсов в Византию и Западную Европу (стр. 262—263). Более того, в Западной Европе можно было бы указать и другие факты, укрепляющие аргументацию Ю. П. Спегальского. Например, упомянутый выше способ обогревания спален через стену, считавшийся беспрецедентным для Руси, находит близкие аналогии в крестьянских домах некоторых альпийских районов, чем подтверждается техни-

ческая возможность такого устройства [4]. Но по многим вопросам аналогии можно было найти и ближе. Выше уже показано, что финно-угорские и тюркские материалы многое объясняют в истории «поварни», имеющей прямое отношение к изучаемым постройкам русских городов X—XIII вв. Точно так же, например, возможность применения бесчердачных крыш с земляной засыпкой или, вероятнее, с обкладкой дерном могла бы быть подтверждена огромным этнографическим материалом по постройкам финнов, саамов, манси, хантов, башкир, западносибирских татар.

В то же время Ю. П. Спегальский вряд ли отождествил бы «вежу» с «повалушей» (стр. 134), если бы знал, какие саамские, мансийские, марийские и другие постройки русские называли «вежами» вплоть до конца XIX — начала XX в. [5] И едва ли он стал бы строить довольно шаткую гипотезу для объяснения пословицы «Не ставь боярские сени булдырем» (стр. 246), если бы учел, что отдельно стоящая двухэтажная кладовая-спальня с галереей, обычная для двора большой крестьянской семьи у многих народов, называлась по-чувашски «палтар», по-марийски «пултур», а в русском произношении в тех же районах — «булдырь».

Вообще расшифровка и употребление средневековых строительных терминов — самое слабое место работы Ю. П. Спегальского. Например, мы не можем согласиться с тем, что упомянутое выше помещение с печью или очагом в богатом городском доме называлось «повалушей», так же как несогласны и с другим употреблением этого же термина в работах Ю. П. Спегальского о псковских жилых домах XVII в. [6] Мы считаем, что «повалушей» называлась совсем другая постройка (вопрос подробно разобран в специальной статье) [7]. Не совсем убедительны и требуют специального разбора соображения насчет терминов «горница» и «одрина» (стр. 132—134).

Можно было бы найти в книге Ю. П. Спегальского еще ряд более или менее спорных мест, особенно в реконструкциях архитектурного декора, вообще несколько преждевременных при имеющихся весьма скудных данных. Вероятно, после подробного обсуждения и после появления новых археологических материалов выводы Ю. П. Спегальского будут уточнены и дополнены, что он и сам предвидел (стр. 17 и 273). Но ни неудачная расшифровка терминов, ни другие частные недостатки все же не должны заслонить в глазах критиков объективное содержание реконструкций и общих выводов.

Из реконструкций следует, что строительная культура, как, по-видимому, и вообще вся материальная культура средневековой Руси была сложнее, чем это кажется, если домысливать формы археологических памятников только по аналогии с формами русской крестьянской материальной культуры конца XIX — начала XX в. Русская средневековая материальная культура уже в X—XIII вв. имела сложную структуру, с качественно различными формами вещей у разных классов и групп населения. А о темпах развития этой культуры можно судить по тому, что к XVI в. некоторые формы построек, в том числе рассмотренный выше дом богатого горожанина, уже были заменены новыми типами. Мы не знаем пока, каковы были крестьянские усадьбы и постройки в X—XIII вв., но судя по тому, что в XVI в. и позже разница между крестьянскими и городскими постройками и усадьбами была уже очень велика, можно думать, что и в X—XIII вв. она была значительна. И действительно, очень трудно представить себе в крестьянской усадьбе любого времени постройки, похожие на те, что реконструировал Ю. П. Спегальский для городских усадеб.

Археологи и этнографы могут не принять отдельные детали реконструкций Ю. П. Спегальского, но они, очевидно, будут вынуждены принять общие принци-

---

[4] *Н. М. Листова.* Крестьянское жилище Германии, Австрии и Швейцарии в XIX в. В кн.: «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы». М., 1968, стр. 202.

[5] Подробнее: *А. А. Шенников.* О значениях термина «вежа». В сб.: «Культура средневековой Руси». Л., 1974, стр. 73—75.

[6] *Ю. П. Спегальский.* Псковские каменные жилые здания XVII века. МИА, 119, 1963, стр. 37—39, 97 сл.; *его же.* Псков. Л.— М., 1963, стр. 76, 97 сл.

[7] *А. А. Шенников.* О происхождении и назначении повалуши. Доклады по этнографии Географического общества СССР, 5. Л., 1967, стр. 47—69.

пы, положенные в основу его исследования, и уже не смогут руководствоваться явно и безнадежно устаревшими принципами И. Е. Забелина. Это относится как к использованию этнографических материалов для реконструкции городских построек, так и к обратной операции — привлечению материалов городского происхождения для реконструкций построек крестьян.

Вместе с тем сравнение книги Ю. П. Спегальского с другими работами на ту же тему показывает, что в ряде случаев археологические данные допускают очень различное толкование. Это значит, что далеко не все так ясно, как могло показаться после первых публикаций и первых реконструкций староладожских, новгородских и других подобных археологических памятников. Из книги Ю. П. Спегальского, по его собственным словам, «видно, как много еще нужно сделать для того, чтобы получить о жилищах Северо-Западной Руси X—XIII вв. сколько-нибудь законченное и вместе с тем отвечающее реальной действительности представление» (стр. 273).

А. А. Шенников

* * *

В издательстве «Наука» вышла (посмертно) книга Ю. П. Спегальского «Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв.». Большая часть ее посвящена рассмотрению построек, открытых экспедицией А. В. Арциховского в Неревском раскопе Новгорода (1951—1962 гг.). Кроме новгородских в книге рассматриваются лишь постройки Торопца и Старой Ладоги. В этом нет ничего удивительного: в Неревском раскопе вскрыты остатки около 1200 самых разнообразных построек — от ремесленных мастерских и жилищ дворовой челяди до боярских хором посадника Юрия Онцифоровича. Ценность добытого здесь материала заключается в том, что впервые в истории археологического изучения древнерусских городов были раскопаны не отдельные постройки, а вскрыты целые усадьбы, застройка которых была прослежена от самого их заселения (середина X в.) до конца XV в. (верхняя граница сохранности дерева в культурном слое Новгорода). Неоднократно упоминаемые в летописи дворы (или усадьбы) предстали теперь конкретно, отлично от тех представлений, которые складывались у историков на основании отрывочных сведений летописей или письменных документов более позднего времени.

Обработка добытого в раскопе огромного архитектурно-археологического материала из-за его объема представляет значительные трудности и в настоящее время не может считаться законченной.

Тем не менее экспедиция сочла необходимым начать публикацию этого материала, не дожидаясь ни окончания раскопа, ни окончательной его обработки [1].

Общие соображения о характере новгородских построек были высказаны А. В. Арциховским еще до начала работ в Неревском конце [2]. После раскопок на Славне в Новгороде он писал, что наиболее характерными для Новгорода являются двухэтажные жилые постройки с жилыми верхними этажами. При последующих раскопках, особенно в Неревском конце, это положение подтвердилось, хотя и с некоторыми коррективами: были открыты двухэтажные постройки не только с отапливаемыми вторыми этажами (т. е. на хозяйственных подклетах), но и с печами в нижнем этаже. Открыты были огромные одно- и двухкамерные (безусловно двухэтажные) дома площадью 80—100 $м^2$ и более, а также хоромные сооружения владельцев усадеб, несомненно принадлежавших к классу феодалов, и маленькие (площадью 9—12 $м^2$) и крайне примитивные по устройству избы дворовой челяди и ремесленников, проживавших на этих же усадьбах и находившихся в феодальной зависимости от владельцев усадеб.

Представляется странным, что автор рецензируемой книги Ю. П. Спегальский (известный как специалист по каменному зодчеству древнего Пскова) ни разу не

[1] *Б. А. Колчин.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, 55, 1956, стр 44–138; *П. И. Засурцев.* Постройки древнего Новгорода. МИА, 65, 1959, стр. 262—299; *его же.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода. МИА, 123. 1963, стр. 1—166; *Б. А. Колчин.* Дендрохронология построек Неревского раскопа. МИА, 123, стр. 228—314.

[2] *А. В. Арциховский.* Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, 11, 1949, стр. 126.

посетил раскопок в Новгороде и не работал с архивными материалами Новгородской археологической экспедиции. Когда в 1968 г. в сектор славяно-русской археологии была прислана рукопись книги Ю. П. Спегальского (рукопись была прислана без иллюстраций, что, конечно, затрудняло восприятие предлагаемых реконструкций), авторы настоящей рецензии тогда же сделали подробный разбор рукописи, указав на необоснованность предлагаемых реконструкций, несомненно вытекающую из недостаточного знакомства автора с новгородскими археологическими материалами, ограниченного лишь публикациями Б. А. Колчина и П. И. Засурцева. В упомянутых публикациях преследовались лишь определенные цели: разработка дендрохронологической шкалы в работах Б. А. Колчина и планировка усадеб в работах П. И. Засурцева. Что же касается конструкций построек, то Б. А. Колчин этих вопросов не касался, а в работах П. И. Засурцева, хотя дана классификация построек и описаны их конструктивные особенности, все же многие вопросы, особенно касающиеся внутренней планировки и внешнего вида построек, освещены недостаточно. Разработка этих проблем продолжается и в настоящее время. Поэтому предпринимать реконструкцию новгородских построек, основываясь только на публикациях, не обращаясь к первоисточнику, т. е. к архивам экспедиции, методически неправильно.

Во вступлении («От автора») Ю. П. Спегальский дает пространную критику работ И. Е. Забелина. Назвав И. Е. Забелина талантливейшим исследователем русской старины, признав, что он собрал и обработал огромный материал по древнерусскому жилищу и «не только заложил фундамент изучения указанной отрасли, но в значительной мере и возвел само здание этого дела» (стр. 5, 6), Ю. П. Спегальский старается подвести читателя к мысли, что ошибочные положения, имеющиеся в трудах И. Е. Забелина, заслоняют все положительное, сделанное этим ученым. «Яркость принадлежащих И. Е. Забелину описаний и характеристик богатого жилища XVII в. является главным образом следствием блестящего использования обширного письменного материала... Такое положение не могло не привести к тому, что в суждениях ученых о древнерусском жилище, особенно домонгольском, **чрезвычайно важное место заняли утверждения, основанные на домыслах и умозаключениях»** (подчеркнуто нами). Необоснованные домыслы и умозаключения – это, конечно, недостаток, но он присущ и рецензируемой книге.

В следующих главах Ю. П. Спегальский направляет свою критику против последователей И. Е. Забелина. Но разве виноват И. Е. Забелин в том, что он не располагал археологическим материалом? Конечно, теперь многие положения И. Е. Забелина неприемлемы. Это стало особенно очевидным после раскопок в Неревском конце [3]. Но из этого вовсе не следует, что работы И. Е. Забелина должны рассматриваться только отрицательно.

Ю. П. Спегальский оказался в более выгодном положении: к его услугам был огромнейший археологический материал, и он заявил о своем намерении следовать не предвзятым взглядам и теориям, а самому археологическому материалу. Если бы автор действительно придерживался этих обещаний, итог его многолетних усилий, несомненно, был бы другим.

Изложение материала ведется в хронологическом порядке, поэтому вначале рассматриваются постройки Старой Ладоги. Мы не будем останавливаться на весьма спорной датировке археологических горизонтов этого памятника. Несомненным остается, что горизонты Е Ладоги древнее известных нам нижних ярусов Неревского раскопа. Рассуждая логически, можно допустить, что, поскольку Ладога находилась в теснейших связях с Новгородом, между этими городами должно быть много общего как в характере застройки, так и в типах построек. Однако достаточно беглого взгляда на приведенный Ю. П. Спегальским сводный схематический план синхронных построек горизонта Д (рис. 8) и на планы любого из ярусов Неревского раскопа (или какого-либо другого раскопа в Новгороде), чтобы заметить принципиальную разницу: в Ладоге отчетливо прослеживается линейная (или уличная) застройка без каких-либо признаков членения на усадьбы, тогда как в Новгороде с самых нижних ярусов застройка велась усадьбами, огороженными частоколами. Сохранность остатков ладожских построек в нижних слоях значительно хуже, чем

[3] *П. И. Засурцев.* Усадьбы и постройки..., стр. 10.

в нижних ярусах Неревского раскопа. Тем не менее сопоставлять эти материалы возможно. Нетрудно заметить, что в археологических материалах нижних ярусов Новгорода и Ладоги имеется определенное сходство. Но гораздо очевиднее выступают различия: в Новгороде бо́льшая часть построек в нижних ярусах была двухкамерными площадью 50—60 $м^2$, в Ладоге — все без исключения однокамерные площадью 16—20 $м^2$ (лишь одна постройка на этом плане имела площадь около 25 $м^2$, в Неревском же раскопе и однокамерные постройки нижних ярусов были не менее 36 $м^2$). Далее, если в отношении древнейших новгородских построек несомненно установлено, что они были или двухэтажные, или на подклетах, то все ладожские постройки воспринимаются как одноэтажные. Впрочем, относительно высоты построек точки зрения Ю. П. Спегальского и наша весьма близки: Ю. П. Спегальский также считает (и реконструирует) ладожские постройки одноэтажными, в отношении же новгородских (имеются в виду, конечно, богатые постройки) он говорит, что они были «по крайней мере **вдвое** выше деревенских изб» (подчеркнуто нами), т. е. признает устанавливаемую нами высоту новгородских домов, но делит на этажи не весь дом, а лишь часть его, которую мы назвали сенями. Об этом мы будем говорить ниже.

На рис. 9 Ю. П. Спегальский дает реконструкцию уже упомянутого плана горизонта Д Старой Ладоги, и здесь обнаруживается нечто совершенно неожиданное: каждая жилая постройка на этом плане оказалась окруженной галереей. «В тех случаях,— пишет Ю. П. Спегальский,— когда дополнительные бревна **находились на сравнительно большом расстоянии** от основного сруба, т. е. на расстоянии 1,5—2 *м*, В. И. Равдоникас и Г. П. Гроздилов считали их основаниями сеней... Однако можно ли назвать сенями часть постройки, которая обходит сруб с трех или с четырех сторон, причем с задней и боковых сторон представляет собой проход шириной, не превышающей 1 *м*, а то и близкой к 50 *см*» (стр. 35). Итак, следовательно, бревна, лежащие на некотором расстоянии от стен сруба, которые В. И. Равдоникас трактовал как завалины, оказываются основаниями галерей. Но может быть, это действительно так, и глаз архитектора заметил то, чего не видели археологи? Ю. П. Спегальский строит свои предположения на основании реконструированного им сруба из горизонта Д (рис. 13). Там действительно археологические остатки представляют собой сруб с двойными стенами. Как следует реконструировать эту постройку — сказать без тщательного изучения ее археологических остатков невозможно, однако можно категорически утверждать, что наружные стены этого сруба не могли быть основанием галереи. Как видно на всех приведенных автором рисунках (рис. 11—15), опору галерей составляют столбы — по четыре на каждую сторону. Для этих столбов в нижних опорных бревнах должны быть выдолблены гнезда. Ни на фотографиях (рис. 11, 13), ни на чертежах таких гнезд нет. Промежутки между столбами на реконструкции (рис. 15) забраны вертикально поставленными досками. Для этих досок в опорном бревне необходим продольный паз, отсутствующий на фотографии. Из реконструкции постройки следует, что галерея служит дополнительной опорой для тяжелой земляной кровли. Но в этом случае опорное бревно, ослабленное гнездами для столбов и продольным пазом, не выдержало бы опору галереи и ее нужно было бы делать в два венца. Прослеживается же только один венец.

Все ладожские и новгородские жилые постройки Ю. П. Спегальский предполагает только с земляной кровлей, упрекая П. И. Засурцева, который такого покрытия якобы совсем не признает. Это неверно. В своих работах П. И. Засурцев утверждает, что дома зажиточных новгородцев были покрыты тесом, но были в Новгороде и земляные беспотолочные кровли[4]. На рис. 10 Ю. П. Спегальский дает детальную схему конструкции кровли. Но приведенная им конструкция обрешетки с разреженными слегами пригодна только для кровли тесом и абсолютно не пригодна для земляной, слеги которой должны прорубаться в самцы фронтона вплотную друг к другу[5]. Если к этому добавить, что доски для X в. (да и для многих последующих столетий) — весьма дорогой материал (несомненно дороже соответствующих по дли-

[4] *П. И. Засурцев.* Усадьбы и постройки..., стр. 39.

[5] *Е. Э. Бломквист.* Крестьянские постройки восточных славян. Восточнославянский этнографический сборник. М., 1966, стр. 79.

не и толщине жердей), то вообще вся реконструкция ладожской избы со сплошным дощатым ограждением стен и фронтонов становится нереальной.

Мы не будем подробно разбирать реконструкцию Ю. П. Спегальским другой ладожской постройки из горизонта Е3 (рис. 2, 3). Скажем лишь, что соображения В. И. Равдоникаса о назначении открытых им внутри постройки столбов представляются нам вполне правильными. Представленная же Ю. П. Спегальским реконструкция, на которой внутреннее пространство избы, срубленной из бревен толщиной 25 *см*, загромождено 20 столбами, представляется совершенно не правдоподобной.

Далее Ю. П. Спегальский переходит к рассмотрению новгородских построек. Вместо того чтобы использовать богатейший материал Неревского раскопа для осмысления ладожских и других построек, он переносит все свои воззрения, сложившиеся при работе над ладожскими постройками, на постройки Новгорода, обстраивая новгородские дома там, где это возможно и невозможно, галереями.

Основным разделом книги Ю. П. Спегальского является глава «Эволюция» (стр. 182—228). Здесь представлены реконструкции 23 жилых построек от X до конца XIII в. и 8 хоромных комплексов XII—XIII вв. Нет необходимости разбирать каждую из этих реконструкций, достаточно выяснить сам метод подхода к реконструкциям. Прежде всего следует остановиться на наших расхождениях с Ю. П. Спегальским в понимании одного из основных типов богатых новгородских домов — двухкамерных построек. Эти постройки прослежены с конца X до конца XII в., в отдельных случаях встречались и в XIII в. В основе своей эти постройки представляли прямоугольный сруб площадью 80—100 $м^2$ и более, длинные стены которого превышали короткие на 2,5—3 *м*. В одной из длинных сторон этих срубов врубленной бревенчатой стеной отделялся узкий отсек шириной 2,5—2,8 *м*, а бóльшая (жилая) камера получалась квадратной, что характерно для подавляющего большинства новгородских жилищ. Узкий отсек в соответствии с его функциональным назначением мы условно назвали «сенями». Именно в этих отсеках были найдены обломки маршевых лестниц, следовательно, здесь жители поднимались с первого этажа на второй. С этим согласен и Ю. П. Спегальский. Но он решительно против наименования этого отсека сенями. Он предлагает такие названия, как «стрет», «субстрет», хотя сам же признает, что и они не более удачны.

Очевидно, только недостаточно внимательным чтением работ П. И. Засурцева можно объяснить утверждение Ю. П. Спегальского, что он уподобляет «богатый посадский дом Новгорода современным пятистенным избам» (стр. 107). Наоборот. П. И. Засурцев всячески подчеркивает отсутствие такого сходства и решительно отвергает применение к этим постройкам термина «пятистенки», которым настойчиво пользуется Ю. П. Спегальский.

Говоря о двухэтажности мы, естественно, предполагали двухэтажным весь дом, а не какую-то его часть. Однако Ю. П. Спегальский понял все иначе. «Сруб богатого новгородского дома X—XIII вв. был по крайней мере вдвое выше современной нам избы (совершенно верно.— *Авторы*). Отсек шириной 2 или даже 3 *м*, отделенный в таком срубе, представлял бы в таком доме своего рода ущелье или подобие вытянутого в длину колодца (тоже верно.– *Авторы*). Мы не можем найти никаких обстоятельств, которые хотя бы в какой-то степени могли оправдывать отделение в срубе богатого древненовгородского дома такого неудобного для использования узкого и высокого неотапливаемого помещения, и поэтому неизбежно приходим к мысли, что этот отсек имел промежуточное перекрытие, делившее его на два этажа» (стр. 8). Остальная часть дома, по мнению Ю. П. Спегальского, не делилась на этажи, а составляла единый объем, близкий к кубу. На стр. 110, 111 своей книги Ю. П. Спегальский рассуждает о «дымных горестях», свойственных домам, топившимся по-черному, и приходит к выводу, что именно верхняя часть узкого отсека (т. е., по терминологии П. И. Засурцева, сеней) и была идеальным местом для спанья. «Мы могли бы здесь привести еще ряд соображений для доказательства правильности нашей мысли, но считаем это излишним, так как вполне очевидно, что другого решения компоновки богатого посадского жилища в то время просто не могло быть» (стр. 111). Убедительным это положение считать нельзя. Ведь сам Ю. П. Спегальский признает, что отсек был разделен на два этажа и в нем помещалась лестница, а следовательно, в полу отсека должен быть постоянно открытый проем для лест-

ничного хода и верхний этаж этого отсека был по сути дела таким же холодным, как и нижний. Ю. П. Спегальский назвал это место идеально защищенным от дыма и копоти. Однако при топке по-черному значительная часть дыма выходит через дверь, следовательно, неизбежно поднимается по лестничному проему на второй этаж.

Ю. П. Спегальский признает, что в Новгороде были и двухэтажные постройки (стр. 112), однако лишь такие, у которых отапливаемым был верхний этаж. «Предположение же, что в таких постройках внизу находилось жилое помещение, а над ним еще какое-то подсобное, было бы совершенно абсурдно» (стр. 113). Это категорическое утверждение он пытается обосновать ссылкой на «материал раскопок» (стр. 112). Но материал раскопок (печи в нижних этажах двухэтажных домов) как раз и дает нам основание для реконструкции вторых этажей над отапливаемой избой. Причем эти помещения на вторых этажах, **обогреваемые всей площадью пола (!)**, нам как раз и представляются теми светлыми, чистыми парадными комнатами, которые, отличаясь некоторыми деталями внутреннего оборудования, могли именоваться горницами, гридницами, светлицами или повалушами.

Как уже говорилось, Ю. П. Спегальский окружил реконструируемые им дома, как и в Ладоге, галереями. Правда, новгородским галереям Ю. П. Спегальский отвел иную функцию: поскольку новгородские дома вдвое выше одноэтажных ладожских, он не решился предполагать здесь галереи во всю высоту стен, а лишь на высоту одного этажа. В этом случае галереи уже не могли служить подпорками для земляных кровель, которые, по Спегальскому, у богатых новгородских домов X—XIII вв. были точно такими же, как у ладожских изб IX—X вв. (см. реконструкции Ю. П. Спегальского на стр. 45, 49, 58 и 182—228), и он предназначил им роль водосливов (рис. 66). Но в этом случае (если бы даже были какие-нибудь основания предположить галереи у реконструированных им построек) совершенно неизвестно, для чего опять понадобилась сплошная тесовая обшивка.

Рассмотрим теперь предложенные Ю. П. Спегальским реконструкции. На рис. 73 дана реконструкция постройки Е27Б. Первоначально она воспринималась нами как двухкамерная с отделенными врубленной перегородкой сенями. Однако при более тщательном изучении ее остатков стало очевидным, что сени здесь были пристроенными (т. е. постройка должна быть отнесена по классификации П. И. Засурцева к типу II В [6].) Эту нашу ошибку Ю. П. Спегальский мог бы обнаружить при работе в архиве экспедиции или при более внимательном рассмотрении опубликованного чертежа [7]. В 3 *м* к северу от нее стояла однокамерная постройка на подклете Е27А. Проход между ними был замощен горбылями, почти упиравшимися своими концами в стены обеих построек. Однако Ю. П. Спегальский не попытался реконструировать постройку Е27А (как и вообще ни одну новгородскую однокамерную постройку), а пристроил к сеням постройки Е27Б небольшую клеть, без всяких археологических оснований. С северной и западной сторон у постройки появилась галерея шириной (судя по масштабу) 1,6—1,8 *м*. Но если с западной стороны было по крайней мере пространство, в котором можно было поместить галерею, то с северной (см. рис. 39) **его не было.**

Вторая реконструкция: рис. 74. «Комплекс срубов Г26Ш (рис. 74) и Г26Э (из которых последний может принять только за клеть) отличается от предыдущего только тем, что сруб клети поставлен не вплотную к срубу дома, а отстоит от него на расстоянии примерно равном галерее. Вместе с тем **он смещен с оси дома так** (подчеркнуто нами), что, с одной стороны, открывает две трети торца пятистенки, с другой — выступает за одну из его продольных стен. **Проход между домом и клетью позволил скомпоновать галерею** (подчеркнуто нами) наилучшим образом» (стр. 186). Археология при этом не играет у автора никакой роли. Кроме того, Ю. П. Спегальский в 3 или 4 раза уменьшил размер клети, что очевидно из сравнения рис. 74 Ю. П. Спегальского и публикаций Б. А. Колчина [8] и описаний П. И. Засурцева [9].

На следующей реконструкции (рис. 75) представлена постройка А25А. Это трех-

---

[6] *П. И. Засурцев.* Усадьбы и постройки..., стр. 57.

[7] Там же, рис. 39.

[8] *Б. А. Колчин.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа, рис. 44.

[9] *П. И. Засурцев.* Усадьбы и постройки..., стр. 99.

камерное сооружение. На рисунках, опубликованных в работах Б. А. Колчина [10] и П. И. Засурцева [11], клеть стоит вплотную к дому, тогда как на схематических планах Ю. П. Спегальского (рис. 75, *1, 2*) клеть отодвинута от жилого дома, хотя на реконструкции (рис. 75, *3*) этот разрыв замаскирован. Он пишет: «В остатках этого дома, открытых раскопками, с двух свободных сторон выступали **на значительное расстояние** (подчеркнуто нами) бревна ограждения цокольной площадки, последнее дает нам основание с уверенностью показать на этих двух сторонах галерею» (стр. 187). Каково же это значительное расстояние? Обводные бревна отстояли от стен дома на 40 *см*. На реконструкции Ю. П. Спегальского ширина галереи около 2 *м*.

Постройка Б25Г в комплексе представлена на рис. 76. В публикации Б. А. Колчина эта постройка вообще не показана (из-за плохой сохранности), у П. И. Засурцева сказано: «От постройки Б25Г сохранилась только ее южная часть — сени, шириной 2,5 *м*» [12]. От постройки Б25Д сохранился только северо-западный угол и несколько половиц. Ю. П. Спегальский произвольно дополнил археологические остатки (рис. 76, *1, 2*) и пристроил галерею.

Постройка Б24А в комплексе (рис. 77). Сохранность ее остатков очень плохая, можно было лишь приблизительно наметить контур сеней, которые могли быть только пристроенными (т. е. II тип, по нашей классификации), Ю. П. Спегальский решительно относит эту постройку к I типу, поскольку в его концепцию пристроенные сени никак не укладываются. И здесь появляется ни на чем не основанная галерея.

Точно такие же замечания вызывает и следующая реконструкция (рис. 78, постройка И24А).

Даже эти примеры, которые не единичны, показывают, что Ю. П. Спегальский для своих реконструкций использовал постройки не только хорошей, но и плохой сохранности, нередко весьма спорные, добавляя недостающие элементы по собственному усмотрению.

На рис. 79 (постройка Е24Ж) Ю. П. Спегальский прежде всего перепланировал усадьбу Е. Въездные ворота, которые здесь были со стороны Кузьмодемьянской улицы, он показал со стороны Великой, выгребную яму (оказавшуюся у входа на усадьбу), превратил в колодец, клеть, которая и на его схематическом плане повернута под углом к дому, на реконструкции заняла по отношению к нему параллельное положение.

Как мы уже отмечали, Ю. П. Спегальский реконструирует дома только с земляными кровлями. Для выхода дыма он везде устраивает на крышах закрывающиеся сверху люки. В постройке с отапливаемой камерой 7 ×7 *м* этот люк (с учетом наклона крыши) оказывается на высоте минимум 9 *м*, что невероятно.

Особо следует остановиться на постройках Б22Е (рис. 81) и Б20Е (рис. 84). Это две совершенно однотипных постройки (двухкамерные, с печами в середине отапливаемых помещений). Обе они трактуются нами как двухэтажные, но их нижние этажи были производственными помещениями. Перед входом в постройку Б22Е была небольшая вымостка; Ю. П. Спегальский превратил ее в галерею (пристроив еще и боковую галерею). У постройки Б20Е подобная вымостка имела уже длину 6 *м*. Но такая вымостка не соответствует размерам предполагаемых им галерей (2—2,5 *м* ширины). Тогда он поднимает галерею на консолях и перекрывает ее земляной кровлей (составляющей общее покрытие дома). Но если в Ладоге, по мнению Ю. П. Спегальского, галереи были вызваны конструктивной необходимостью поддерживать земляные крыши, тяжесть которых была чрезмерной для бревенчатых стен (стр. 41), то тем более нельзя делать земляные кровли над консольными сооружениями. Однако Ю. П. Спегальский сооружает висячие галереи у всех реконструируемых им построек XII в., считая их отличительными признаками построек XI и XII вв. На самом деле археологические материалы свидетельствуют о тождестве построек этих столетий. Висячие галереи на реконструкциях Ю. П. Спегальского воспринимаются как вполне приемлемый элемент богатого дома. Но Ю. П. Спегаль-

[10] *Б. А. Колчин.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа, рис. 42.

[11] *П. И. Засурцев.* Усадьбы и постройки..., стр. 40.

[12] Там же, стр. 122.

ский достигает такого зрительного впечатления чисто изобразительным приемом: земляные кровли на его реконструкции изображены так, что не отличаются от тесовых, а поэтому не вызывают возражений у читателя.

Из наших замечаний может сложиться впечатление, что в Новгороде вообще не было никаких галерей. Это неверно. Галереи в Новгороде были, и там, где они действительно были, от них остались вполне конкретные следы. Это прежде всего галереи у построек И12А—И12Б, И13Д, А9Д, Д9У—Д9Ф, КЗГ, Б12Б—Б12В—Б12Г и т. д. В отношении последнего комплекса следует сказать, что П. И. Засурцев в содружестве с архитекторами Г. П. Чистяковым, Г. В. Борисевичем и В. Г. Тюриным еще в 1960 г. предпринял попытку реконструировать его [13]. Это была одна из первых попыток реконструкции новгородских построек, еще очень далекая от совершенства и на сегодняшний день не удовлетворительная. Однако мы не можем принять и категорического утверждения Ю. П. Спегальского, что в XIII в. в Новгороде не могло быть бочечных кровель. Как раз около реконструированных нами построек была найдена целая связка дубовых лемехов, несомненно предназначавшихся именно для таких кровель.

В Неревском раскопе прослежены и другие постройки с явными следами галерей. Но автор книги реконстрирует эти галереи не только там, где от них не осталось совершенно никаких следов, но в ряде случаев даже и там, где не имелось необходимого пространства, т. е. вступает в такое противоречие с археологическим материалом, которого нельзя было не заметить, даже пользуясь имевшимися в его распоряжении публикациями.

Если говорить о висячих галереях, которые не имеют археологических следов, то в принципе мы против них никогда не возражали, и на одном из макетов, выполненном 7 лет назад и находящемся сейчас в Новгородском историческом музее, П. И. Засурцев реконструировал на фасаде богатого новгородского дома XII в. висячую галерею, но она, как и весь дом, имела деревянное покрытие с элементами архитектурного декора, взятыми из раскопок.

Мы остановились лишь на восьми реконструкциях богатых новгородских домов (из общего количества 23), предложенных Ю. П. Спегальским, и в каждой из них отмечаются одни и те же недостатки: произвольное обращение с археологическим материалом (перемещение построек, добавление недостающих стен, передвижение окладных бревен фундаментных площадок на ширину, пригодную для устройства галерей, и т. д.), преследующее одну цель — придать каждому богатому новгородскому дому галерею.

В заключительной части главы «Эволюция», где рассматриваются и хоромные постройки XIII в., из восьми реконструированных автором хоромных комплексов только один (рис. 203) не находится в противоречии с археологическим материалом, судя по приведенному здесь плану. В реконструкции верхних частей построек этого комплекса у нас также расхождения лишь в деталях. Для реконструкции остальных семи комплексов Ю. П. Спегальский использовал такие постройки, которые не могли составлять хоромных комплексов.

Мы не считаем нужным подробно разбирать главу, где автор пытается реконструировать внутреннюю планировку новгородских жилищ. Обвинив археологов в чрезмерном пристрастии к этнографическим параллелям, он сам невольно оказался в плену таких параллелей и попытался подогнать внутреннюю планировку древних новгородских домов под известные типы планировки восточнославянских жилищ, сложившиеся уже в XVI в.

Воспринимая внутренний объем больших новгородских домов как единое, не расчлененное на этажи помещение (подобно позднейшим деревенским избам), Ю. П. Спегальский объявил его повалушей (стр. 127). Есть очень хорошая работа А. А. Шенникова специально о повалушах [14], с основными положениями которой мы

---

[13] *П. И. Засурцев, Г. П. Чистяков, Г. В. Борисевич, В. Г. Тюрин.* Архитектурная реконструкция новгородской усадьбы середины XIII в. Новгород. Истор. сборник, вып. 10, 1962, стр. 215.

[14] *А. А. Шенников.* О происхождении и назначении повалуши. Доклады по этнографии, вып. 5. Л., 1967, стр. 47—70.

полностью согласны. Он размещает повалуши в верхних частях построек, т. е. в наших домах они должны находиться на вторых этажах.

В своей книге Ю. П. Спегальский указывает на расхождение в планах построек, опубликованных в работах Б. А. Колчина и П. И. Засурцева. Такие расхождения действительно есть и будут встречаться и в дальнейшем, даже в публикациях одного и того же автора. Мы уже отмечали, что работа над археологическим материалом Неревского раскопа далеко не закончена и по мере продвижения этой работы неизбежно будут производиться уточнения как деталей самих построек, так и взаимосвязи между ними. Например, в публикациях Б. А. Колчина и П. И. Засурцева имеется комплекс из трех построек на усадьбе В в 23-м ярусе. Ю. П. Спегальский приводит в своей книге схематический план этого комплекса, на котором отчетливо видно: от постройки В23Ф сохранились следы трех стен, от постройки В23Р — следы двух стен (южной и северной). Очевидная несоразмерность этих построек, крайне плохая сохранность их остатков должны были бы насторожить исследователя и заставить его непременно обратиться к самому первоисточнику — архивам экспедиции. Просмотрев более внимательно соответствующие чертежи, Ю. П. Спегальский, вполне вероятно, пришел бы к тому же выводу, к которому мы пришли позже: эти постройки разновременны и не могли составлять единого комплекса. А Ю. П. Спегальский на этом «комплексе» создал реконструкции боярских хором и написал целую главу в обоснование своей реконструкции, хотя к его услугам были достоверные и прекрасно сохранившиеся комплексы на усадьбе Юрия Онцифоровича, которых он почему-то не коснулся.

Серьезные упущения в исследовании несомненно талантливого архитектора вызваны недостаточным знакомством автора с археологическим материалом.

П. И. Засурцев, *В. Л. Янин*

J. Ned Woodall. An Introduction to modern archeology. Cambridge. Massachusets, Schenkman Publishing C°, 1972, p. 96.

Небольшая книга молодого археолога Неда Вудолла «Введение в современную археологию» показательна для характеристики происходящего сейчас брожения в широких кругах американских археологов. Автор, ассистент отделения антропологии провинциального Уэйк-Форестского университета (Северная Каролина), является выпускником Южного Методистского университета, где он теперь по совместительству работает штатным археологом. Любопытно, что, будучи выпускником и сотрудником университета, связь которого с религиозной общиной зафиксирована в самом названии, автор, увлеченный «новой археологией» и стремящийся последовательно разработать развиваемые в ней материалистические идеи, обращается к марксизму, а концепцию, которой он сам придерживается, называет «культурным материализмом». Книга распространяется компанией «Дженерал Лернинг Пресс» («Всеобщая учебная литература») и, таким образом, предназначена для учащейся молодежи.

В книге пять глав. В первой («Новая археология», стр. 7—17) автор анализирует основные принципы новейшего течения, взволновавшего американских археологов «примерно с 1960 г.» (стр. 7). Одной из главных характеристик этого течения он объявляет союз археологии — как техники для обнаружения данных — с антропологией (стр. 7). Он считает это явление определяющим и в качестве синонима к термину «новая археология» употребляет термин «палеоантропология» (стр. 8).

Соответственно такой оценке вторая глава посвящена рассмотрению развития в обеих науках до того, как между ними возникло творческое содружество («Антропология и археология до 1960 г.», стр. 19—31). В этой главе автор говорит об односторонности чистой археологии предшествующего периода, хотя и не расценивает этот период как вовсе бесплодный, и приходит к выводу о необходимости для археолога работать в русле антропологии, над ее проблемами. Под антропологией он имеет в виду всю систему негуманитарных наук о человеке как биологическом

виде и социальном существе, систему наук, возглавляемую «культурной и социальной антропологией» (близкой к широко понимаемой этнографии). В последней понятие культуры является ведущим.

Следующая, третья глава (стр. 33—55) называется «Концепции культуры». В ней сопоставляются различные понимания культуры, различные подходы к ее изучению, в частности «структурный функционализм» и «культурный материализм». Это последнее направление частично совпадает с «новой археологией», требующей изучать изменения в культуре методами социологии, антропологии, точных наук.

Как эти методы могут применяться в археологии, Вудолл и имеет в виду показать в четвертой главе («Проверка гипотезы в культурологическом анализе», стр. 57—80). Он рассматривает процедуру такого исследования на трех примерах под особыми заголовками: «Появление социальной стратификации и государства», «Схемы расселения и культурная экология», «Первобытная экономика и структурные позы»,— в каждом случае последовательно предлагая три раздела: «Постановка проблемы», «Теория и гипотеза», «Проверка (test)». Под «теорией» он подразумевает широкую систему предположений о законах, управляющих процессами социальной стратификации, расселения и т. п.; под «гипотезой» — собственное предположение о том, «что́ мы ожидаем найти в археологических материалах, если эта теория верна» (стр. 61—72) [1].

Наконец, в последней, пятой главе («Упадок Каддо. Упражнение», стр. 81—94) автор берет один частный случай изменения в культуре и показывает, как можно решать научную загадку, прилагая к этому случаю на пробу различные общие теории (т. е. подставляя на место главного объясняющего фактора то естественное иссякание жизненных сил культуры, то военное поражение, то вымирание вследствие эпидемии или истощение почв), строя гипотезы об ожидаемых проявлениях и проверяя их на материале. Тут же он делает некоторые методологические выводы из этого анализа — о значении экологии, об идеологии как функции социальной организации и о необходимости более широкого понимания эволюции и прогресса.

Таковы структура книги и логический стержень изложения.

По вопросу о генерализации, о выявлении законов развития как главной задаче археологии позиция Вудолла отличается от позиции других адептов «новой археологии» одной существенной оговоркой, хотя и недостаточной. Вудолл видит одну из «опасностей» нового подхода в возможном забвении банальной истины: «Нет двух культур, которые бы проходили одинаковый процесс развития, потому что экологические факторы, которым соответствуют эти процессы, всегда в какой-то степени различаются» (стр. 52). Истина верна, объяснение — неполное. Только ли дробному различию экологических факторов обязаны культуры своим своеобразием? Ведь в культуре действуют не только динамические законы, но и статистические, вероятностные, в сфере проявления которых определимы лишь общие тенденции, поведение же каждого отдельного элемента не жестко обусловлено, а предсказуемо лишь с какой-то вероятностью. Предшественники «новой археологии» отвергали законы, сторонники ее отрицают случайность. То и другое — крайности.

Вудолл не относится к крайним генерализаторам. Он так резюмирует свою позицию в этом вопросе: «...Каждая ситуация, интерпретируемая археологом, неповторима, каждый пример изменения культуры должен рассматриваться как продукт особой технологии, социальной организации и идеологии, взаимодействующих со своеобразной экологией» (стр. 52). Что ж, это уже близко к тому, чтобы признать недостаточность социолого-антропологической схематизации и необходимость конкретного, исторического подхода. Но как раз этого-то Вудолл опасается — как отхода от принципов «новой археологии». Поэтому он тут же уточняет: «Ну, это не значит, что провозглашенная нами цель формулировать обобщения о культуре невозможна. Скорее это подчеркивает, что мы имеем дело с явлением (изменение культуры), на которое воздействует очень большое число переменных. Только если мы будем учитывать эти переменные, которые могут охватывать все — от передвижек лосося до присутствия белых торговцев,— мы будем в состоянии закономерно

[1] Иными словами, «теорией» он именует гипотезу о законе, а «гипотезой» — выводимые из гипотезы ожидания о частных проявлениях закона, подлежащие проверке.

предсказывать будущие и «послесказывать» (retrodict) прошлые переходы и направления культурного процесса» (стр. 52, 53). Но ведь это типичный лапласовский, механический детерминизм! Учесть все — от передвижек лосося (будем последовательны: и числа лососей, их веса, здоровья, количества икринок и т. д.) до присутствия белых торговцев (а также их числа, состава, господствовавшей среди них моды и т. п.) — практически (и теоретически!) невозможно. Остается ограничиться определяющими «критическими» переменными (именно к этому и призывает Вудолл – стр. 52), но тогда не получится полной картины и не хватит оснований для лапласовского предсказания.

Именно эти страницы книги Вудолла показывают ту «критическую», кризисную особенность современной археологии, которая (особенность) и обусловила шатания и раскол в среде западных археологов. Эта особенность — колоссальное и быстрое увеличение и усложнение материала археологии, расширение ее задач. Появилось слишком много этих самых «переменных». Как пишет Г. Даниел, «но что,– вы можете спросить,– принесли все эти технические новшества – эти новинки науки и техники, эти тотальные вскрытия, наши новые технологии, наши сплошные разведки, карты распространения и аэрофотосъемка? Прежде всего они привели, со всеми свежими открытиями, которые делаются сейчас, к огромному накоплению фактического материала, и, что еще важнее, к огромному усложнению материала» [2].

Одних археологов (как самого Даниела) это привело к отказу от занятий законами и обобщениями, к упору на неповторимое, индивидуальное, случайное. Других — как проповедников «новой археологии» (в меньшей мере — самого Вудолла) — к отказу от занятий индивидуальным, своеобразным, к увлечению генерализациями, абстракциями, схемами. Оттого так мало фотографий и планов в работах «новой археологии», так много диаграмм (а в книге Вудолла рисунков и вовсе нет). То и другое — крайности.

Подобно всем сторонникам «новой археологии» Вудолл обрушивается на предшествующие направления американской археологии — таксономическое и контекстное,— критикуя их за ограничение фактоописательством и сравнением внешних форм. Он прослеживает логику, по которой эти направления сформировались. В качестве реакции на однолинейный эволюционизм, с его сравнениями далеких и разнородных культур, появилась тяга к более конкретному подходу, который бы мог учесть, что черты сходства не обязательно свидетельствуют о единстве закона, что они могут быть результатом диффузии или случайности. Лидером этого направления в Америке был Франц Боас. «Чтобы не выводить заключения из ошибочных сравнений, Боас выступил за исследование, проникающее в историю любой изучаемой культуры» (стр. 25). По его мнению, только выяснив происхождение каждого данного элемента культуры, антрополог вправе судить, проявилось ли в сходстве элементов действие одних и тех же законов в схожих обстоятельствах или здесь сказались диффузия, генетическое родство, случайность. А чтобы выяснить происхождение элементов, нужна конкретная история, нужно накопление огромного количества подробностей, мелких фактов. В них и погрязли последователи Боаса, устранившись от выявления законов, от обобщений. Но без этого невозможно постичь сущность явлений: тогда изучение сосредотачивается на внешних особенностях, на форме. Как раз «форма элемента может быть понята, только если известна его история» (стр. 38).

Вудолл и его единомышленники отвлекаются от формы, считая занятия формой нестоящим делом для археолога — их интересует функция элементов. Как обедняется при этом исследуемая культура! Современный человек ожидает от науки о культуре не только выявления законов, но и помощи в освоении конкретных культурных комплексов и элементов — тех, в которых реализуется вся совокупность законов. То есть человек стремится к точному знанию тех реальных ситуаций, в которых он живет, он хочет видеть их в широкой перспективе пространства и времени. Может ли археология устраниться от этих запросов? И следовательно, может ли ограничиться связями с антропологией и социологией, порвав связи с историей?

---

[2] *G. E. Daniel.* The idea of prehistory. London, 1962, p. 74, 75.

Уклон в сторону поверхностного, хотя бы и тщательного, сопоставления форм и схематизаторские попытки обойтись по возможности без анализа форм — все это крайности.

Это переключение с фактоописательства и формоведения, с самодовлеющей классификации артефактов на познание культурного процесса и социальную интерпретацию Вудолл относит к новейшим установкам («novel approaches»), которые введены последним поколением в американскую археологию (стр. 7, 8). «Только теперь ...антропологи оказались способными наблюдать долговременные воздействия изменяющейся среды на социальную систему людей, ибо только теперь мы осознали, что социальные отношения могут отражаться в их материальных остатках» (стр. 14). А ведь все эти выступления проповедников «новой археологии» против фактоописательства и за социологическую интерпретацию так напоминают полемические выпады молодых советских археологов 30-х годов против «формального вещеведения», за социологическую интерпретацию и выявление законов. Схожи и надежды обойтись вообще без миграций и влияний.

Неожиданное подтверждение получают слова самого Вудолла о «новой археологии»: «Главное направление этого нового течения не ново, а современные аспекты этого движения, строго говоря, большей частью не являются археологическими» (стр. 7). Не стоило бы, однако, распространять эту оценку на все направление и утверждать, что в нем все не ново и все не имеет отношения к археологии. Это далеко не так [3], и высказывание Вудолла все же остается преувеличением. Смущает другое: самим новаторам кажется новым и то, что является старым, что ново только для них, для американской археологии. Достойно сожаления почти полное игнорирование опыта советской и значительной части остальной европейской археологии. Изучение достижений и ошибок предшественников и опыта соседей помогло бы оценить эти мысли раньше, а главное — избежать повторения старых ошибок и упрощений. Особенно удивляет игнорирование советской науки в книге автора, высоко оценивающего вклад марксизма в теоретические основы археологии.

Исходной философской базой для современных принципов археологической интерпретации автор считает течение, которое он именует «позитивизмом», хотя по контексту ясно, что речь идет скорее о материализме. «Главный тезис позитивизма,— поясняет Вудолл,— состоял в том, что явления, включая социальные события, существуют в причинно-следственной связи, в которой причину надо в конечном счете искать в познаваемых действиях природы, а не в непознаваемом божестве... В биологии одним из проявлений позитивизма была теория органической эволюции Дарвина. В общественных науках наиболее известен труд Карла Маркса и Фридриха Энгельса, которые установили, что каждая социальная система покоится на потребностях особой экономической системы. Маркс и Энгельс,— заключает Вудолл,— внесли огромный вклад в теоретическую базу современной археологической интерпретации...» (стр. 21, 22).

Очевидно, что при всем уважении к Марксу и Энгельсу, автор все же не очень четко отличает материализм от позитивизма, хотя в целом «новая археология» придерживается (правда, не очень последовательно) материализма и выступает против позитивизма (правда, тоже не вполне последовательно: осуждая позитивистское ограничение науки и истины констатацией фактов, теоретики «новой археологии» принимают бихевиористское ограничение культуры внешними проявлениями — поведением людей и его результатами). Надо отдать должное автору: его определение культуры шире, чем у других адептов «новой археологии». По его определению, «культура — это передаваемый обучением механизм адаптации, который используется одним видом животных (Homo sapiens) ради добывания всего важного для жизни от природы. В качестве такового она (культура) включает орудия, изготовляемые человеком, и его знания об их применении, социальный порядок, устраиваемый им для обеспечения кооперации внутри группы, и убеждения, которые он создает для оценки безопасности» (стр. 9).

В сжатой характеристике «структурного функционализма» Вудолл удачно выделяет те черты этого течения, которые отличают его от экологического подхода

[3] См.: *Л. С. Клейн.* Рецензия на сб.: «New Perspectives in archeology». СА, 1973, 2, стр. 303—312.

(обычно это различие ускользает от внимания: в обоих течениях подчеркиваются адаптивное значение культуры, ее структурность и функциональная согласованность частей). «От структурного функционализма,— пишет Вудолл,— пришел взгляд на культуру как на систему, состоящую из взаимосвязанных частей, в которой каждая часть способствует сохранению связности и целостности всей системы, а целое функционирует так, чтобы удовлетворять биологические нужды индивидуальных организмов» (ссылка на Б. Малиновского). «Это означает, что в культуре есть определенные черты, которые не увеличивают адаптивную эффективность группы скрыто или открыто, как новое оружие или новое домашнее растение, а скорее понижают уровень напряженности или конфликта внутри группы, создавая атмосферу большего согласия, сотрудничества и эффективности для совместной деятельности» (стр. 34). Поставив «законный вопрос, какое это имеет отношение к археологии», Вудолл отвечает ссылкой на введенное Л. Бинфордом деление фактов археологии на «технофакты», «социофакты» и «идеофакты» (стр. 35—37) и поясняет: «...изменения в признаках социофактов могут сигнализировать о совершенно иных культурных изменениях, чем когда речь идет о технофактах» (стр. 37).

Однако структурно-функциональный подход игнорировал долговременную динамику культуры, развитие, процесс: он увековечил как бы моментальные снимки («синхронные срезы») с функционирующей культуры. Историю явлений стремились изучать археологи и этнографы школы Ф. Боаса. Но их подход Вудолл характеризует как индивидуализирующий, утопающий в подробностях и поэтому фактоописательный, поверхностный: для проникновения в сущность процессов нужны обобщения и гипотезы. «Боасов исторический партикуляризм,— пишет Вудолл,— может объяснить форму, принимаемую элементом культуры в выполнении технической или социальной функции...» Этот подход не то, чтобы «ошибочен», а просто не может ответить на те вопросы, которые интересуют современных антропологов. «Эти вопросы касаются не столько формы элемента, сколько его функции» (стр. 38).

Следовательно, необходим подход, в котором были бы соединены позитивные стороны обоих названных подходов и устранена их ограниченность. По мысли Вудолла, искомым подходом и является то, что предлагают сторонники «новой археологии»: сделать археологию частью антропологии. Только археология, по их мнению, обеспечивает достаточный охват времени для прослеживания долговременных процессов в жизни культур, и только эволюционистская антропология обеспечивает должную целенаправленность и методику. «Большая глубина времени, обеспечиваемая археологией, делает тенденции развития резко рельефными, утверждая эволюционный подход как стратегию для изучения исчезнувших культурных систем и культурного процесса. Этот эволюционный подход называется культурный материализм» (стр. 39). Термин и его понимание Вудолл заимствовал у М. Харриса [4], хотя ссылок на Харриса в книге Вудолла нет. Принимая марксистскую концепцию базиса и надстройки, Харрис в то же время противопоставляет свой «культурный материализм» «догматическому марксизму». Вудолл обходится без полемических заострений, но в основном следует Харрису.

«Если культурные системы,— рассуждает Вудолл,— подвергаются [естественному] отбору, поощряющему те [из них], которые способны лучше эксплуатировать среду, то ту культурную субсистему, которая наиболее прямо воздействует на эту способность, можно понимать как наиболее важный определитель эффективности культуры. Эта субсистема, конечно,— технология...» (стр. 40—41). Вудолл не отвергает также значения социальных систем и идеологии, но отмечает, что именно технология лимитирует развитие того и другого. Он признает наличие не только внешних, но и внутренних стимулов развития технологии (стр. 45), что отличает его от других пропагандистов «новой археологии» [5] большей близостью к марксизму. «Этот взгляд на культуру,— заключает он,— конечно, не представляет собой ничего нового; он служил базой анализа культурного развития у Карла Маркса и был далее разработан антропологами В. Гордоном Чайлдом и Лесли Уайтом — двумя ранними проповедниками культурного материализма» (стр. 43).

[4] *M. Harris.* The rise of anthropological theory. N. Y., 1968.

[5] Ср.: *J. N. Hill.* Seminar on the explanation of prehistoric organizational change. «Current Anthropology», vol. 12, 1971, 3, p. 406—408.

Никак не вяжется, однако, со взглядами и Маркса и Чайлда утверждение Вудолла, что технология меняется сразу, тогда как социальная организация изменяется медленно и постепенно (стр. 43): автор проглядел и учение Маркса о социальных революциях, и учение Чайлда о культурных революциях (неолитической, городской).

Таким образом, «культурный материализм» Неда Вудолла, несмотря на ряд общих с историческим материализмом идей, весьма существенно отличается от исторического материализма, и Вудолл не зря не пользуется этим термином.

Отношение автора к перспективе социальной революции интересно не только как пробный камень глубины его освоения марксизма, но и в плане характеристики главных целей и социальной функции «новой археологии». Вудолл, подобно другим сторонникам «новой археологии», критикует концепцию предшествующего поколения археологов США за превращение археологии в самоцель или в публичную забаву, за неспособность отвечать на серьезные запросы и учитывать нужды общества. Этому противопоставляется антропологическая ориентированность «новой археологии». «Основная задача антрополога — устанавливать причинно-следственные связи между наблюдаемыми изменениями в культуре. Конечная цель — понять динамику изменений в культуре настолько, чтобы это позволило нам предсказывать изменения в нашей собственной культуре и тем самым избегать или ослаблять травмы, вызываемые такими непредвиденными последствиями изменений, как насильственная революция (sic! — *Л. К.*), распад социальных связей и идеологическая дезориентация столь многих сегодняшних культур, включая нашу собственную» (стр. 11).

Очень примечательно, что в качестве последнего, завершающего книгу, примера решения конкретной исследовательской задачи последовательным перебором гипотез Вудолл избрал именно случай «деэволюции», упадка, ослабления культуры (индейцы Каддо в эпоху прихода европейцев). Отбросив все остальные предположения, он остановился на том, что переходом на более низкий структурный уровень, примитивизацией жизни, уменьшением и упрощением институтов культура ответила на ухудшение экологических условий. Это было видом адаптации ее к изменению среды и позволило ей сохраниться в новых условиях.

Есть смысл рассмотреть, как автор анализирует такую классическую для марксистской теоретической литературы проблему, как происхождение классов («социальной стратификации») и государства. Установив, что все древние и новые цивилизации имеют то и другое, а общества плейстоцена — не имели, Вудолл задается вопросом: «Что же было тем побуждением, той причиной, которая превратила относительно простую культуру в эту бесконечно более сложную?» (стр. 60). Установив далее, что ранние государства появились в Старом и Новом Свете лишь после одомашнивания пищевых растений (животные почему-то не в счет), и при том именно в бассейнах крупных рек в засушливых и полузасушливых зонах, автор замечает: «Если государство возникает в разных случаях независимо, но в очень близких экологических условиях, то должна быть общая причина во всех случаях» (стр. 60). Он избирает для проверки «гидравлическую» или «ирригационную теорию» К. Уитфогеля — Дж. Стюарда. По ней те, кто оказывался на ключевых местах по распределению воды, получали власть над остальными людьми и средства для дальнейшего расширения ирригации. Если применительно к загадке Каддо автор перебирает целую гамму возможных объяснений, то в данном случае он удовлетворяется проверкой этой одной «теории», выводя из нее конкретную «гипотезу» и не учитывая других теорий, в том числе и теорию Энгельса, объясняющую гораздо более широкий круг фактов.

У Вудолла остается без объяснения, как же возникали классы и государство в тех местах, где не было ни ирригации, ни засухи, ни крупных рек, ни даже развитого земледелия. Таким образом, налицо логический сбой: ирригационная теория могла бы лишь дополнять более общую теорию, поясняя не возникновение классов и государства вообще, а лишь то, почему они в этих местах возникли раньше, чем в других. «Правило экономии мышления» (maxim of parsimony) или «Правило бритвы Оккама», срезающее все лишнее в объяснении, все лишние гипотетические построения, автор принимает без оговорок (стр. 17), тогда как другие сторонники

«новой археологии» или сильно ограничивают [6] или вовсе отвергают, выдвигая прямо противоположное правило: «системные объяснения сложны, пока не доказано противоположное» [7]. Действительно, хоть упрощения и необходимы в исследовании, но есть определенные критерии их применения [8].

Это не единственное неправомерное упрощение в книге Вудолла. Так, он считает, что археологи еще стоят перед лицом такой проблемы, как «неспособность выделить в большой непрерывности материальных остатков какие-то общности, сопоставимые с имеющимися в распоряжении этнологии племенем, ордой или обществом. То есть археолог открывает, что не в силах сказать, где кончаются остатки одной культуры и начинаются остатки другой... Выход из этого тупика был прост (снова простота! — *Л. К.*). Если исследователь произвольно избирает сегмент этой непрерывности и дает ему имя, то он может... испытать сходно выделенные сегменты и установить всякие сходства и различия между этими общностями, создавая тем основу для таксономии комплексов артефактов. Археологи называют эти произвольно выделенные сегменты «фазами», «фокусами», «ветвями», «комплексами» или (в Европе) «индустриями»... Фокус Альто – группа артефактов (черепки, наконечники, стрелы, курганы и т. д.), собранных с большой территории и близко схожих между собой... Создаются типы, т. е. группы особых видов артефактов, объединяемых определенными чертами... Создав свои типы, археологи начинают рассматривать их как нечто имеющее вроде бы реальность и помимо их (археологов) собственной схемы классификации» (стр. 27–28).

Здесь всё — упрощения и внутренние противоречия. Непрерывность материальных остатков — теоретическая фикция. В реальном мире (включая и мир культуры) непрерывности нет. Мир дискретен. Черепки фокуса Альто не только близко схожи между собой; они более схожи между собой, чем с любыми соседними,— вот в чем соль! А это значит, что типы — реальность. Археологи отнюдь не столь свободны в своих классификациях, как им иногда кажется. Их «произволу» есть границы, жесткие и тесные. В споре о том, создаются ли типы археологами произвольно или открываются в материале, Вудолл занял позицию, которая не вяжется с его симпатиями к материализму.

Несмотря на наличие ряда противоречий и упрощений, книжка Вудолла интересна и информативна логической стройностью своей структуры, лаконичным изложением некоторых ведущих идей «новой археологии», ясным сопоставлением концепций археологии и культурной антропологии, а главное — более открытым выражением тех тенденций и особенностей «новой археологии», которые в других трудах реализуются неявно.

Л. С. Клейн

---

[6] *D. L. Clarke.* Analytical archaeology. London, 1968, p. 78—80.

[7] *P. J. Watson, S. A. Le Blanc, Ch. L. Redman.* Explanation in archeology. An explicitly scientific approach. New York and London, 1971, p. 69.

[8] См.: *Л. Б. Баженов.* Современная научная гипотеза. В сб.: «Материалистическая диалектика и методы естественных наук». М., 1968, стр. 305—310; *Е. А. Мамчур.* Ленинское понимание познания и природа эвристической простоты. Вопросы философии, 1969, 10, стр. 16—27.

ЕВТЮХОВА ЛИДИЯ АЛЕКСЕЕВНА

31 июля 1974 г. внезапно скончалась Лидия Алексеевна Евтюхова, известный специалист по археологии Сибири и Центральной Азии, заведующая Отделом полевых исследований Института археологии АН СССР.

Л. А. Евтюхова родилась 31 августа 1903 г. в Ленинграде в семье инженера. Детские и юношеские годы ее прошли в г. Ростове Ярославском, где она начала свой трудовой путь секретарем-машинисткой в местном педагогическом техникуме, а затем в качестве научного сотрудника Ростовского краеведческого музея. В 1925 г. Л. А. Евтюхова окончила факультет общественных наук Московского университета по отделению археологии и искусствоведения и была зачислена в штат Государственного Исторического музея, в котором работала до 1950 г.

С 1946 г. Л. А. Евтюхова — старший научный сотрудник ИИМК АН СССР (в настоящее время Институт археологии АН СССР), одновременно по совместительству продолжает работу в ГИМ. В 1953 г. начинается ее деятельность в Отделе полевых исследований, сначала в должности ученого секретаря, а с 1966 г. и до последних дней — заведующей Отделом.

В 1924 г. Л. А. Евтюхова, еще будучи студенткой, проводила самостоятельные раскопки славянских курганов около с. Ислáвского под Звенигородом, а затем Барвихинского, Староямского городищ в Московской области, Юрьевецкого городища в Горьковской области и курганов близ г. Плеса. Л. А. Евтюховой принадлежит разработка периодизации дьяковской культуры, ставшая общепринятой. Вскоре ее научные интересы оказались тесно связанными с Сибирью и Центральной Азией.

С 1930 г. Л. А. Евтюхова начала совместно с С. В. Киселевым экспедиционные работы в Южной Сибири. Она была постоянной помощницей Сергея Владимировича и, несомненно, многим в своих успехах он обязан ее спокойной деловитости, умению создать сердечную дружескую обстановку в экспедиции.

Работать с такими людьми, какими были Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, учиться у них, участвовать в их экспедициях было большим счастьем. У них осталось много преемников в СССР и за рубежом, с гордостью называющих себя их учениками.

Л. А. Евтюхова вела и большие самостоятельные исследования по средневековой истории народов Центральной Азии. Исключительный по своему научному значению материал получен ею при раскопках огромных каменных курганов кыргызской знати — Копенского Чаа-таса, в которых были открыты золотая и серебряная посуда с древнетюркскими надписями, художественно выполненные предметы конского убора и другие находки, по-новому освещающие многие стороны кыргызского общества. Большое значение имели также раскопки до сих пор единственного кыргызского поселения у с. Малые Копёны и дворца гуннского наместника близ Абакана. Исследования последнего были прерваны войной и завершились только в 1945—1946 гг.

В 1946 г. Л. А. Евтюхова успешно защитила кандидатскую диссертацию, изданную затем отдельной книгой — «Археологические памятники Енисейских кыргызов (хакасов)». В этой книге Лидия Алексеевна подвела итоги своих многолетних исследований кыргызских памятников и, опираясь на результаты раскопок, дала по существу впервые полную характеристику хозяйства, быта и культуры предков современных хакасов.

Л. А. Евтюхова, сама прекрасный художник и график, собирала материалы по древнему изобразительному искусству народов Сибири и Центральной Азии. По этой теме ею опубликовано несколько работ, наиболее важной из которых является сводка, посвященная монументальной скульптуре древнетюркского времени («Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии». МИА, 24, 1952). В этой книге Л. А. Евтюхова впервые разработала методические принципы историко-археологического анализа подобного рода памятников. Ныне они успешно применяются другими исследователями, занимающимися изучением каменных изваяний не только Сибири, но и Европейской части СССР.

Большое место в научной деятельности Л. А. Евтюховой занимала проблема древнемонгольского города. С 1948 г. более десяти лет она работала в качестве за-

местителя начальника Монгольской археологической экспедиции Института археологии АН СССР, проводившейся под руководством члена-корреспондента АН СССР С. В. Киселева на территории МНР и в Забайкалье. Результаты работ этой экспедиции были изложены в коллективной монографии «Древнемонгольские города», вышедшей в свет в 1965 г. и получившей премию Президиума АН СССР. Л. А. Евтюхова была одним из основных авторов и главным редактором этой книги, по достоинству высоко оцененной монгольскими и советскими учеными.

Перу Л. А. Евтюховой принадлежит свыше 50 печатных работ, часть из них посвящена методике полевых исследований. Исключительная требовательность к себе, огромный опыт, высокий профессионализм сделали ее одним из крупнейших специалистов в данной области. Эрудиция, заслуженный авторитет позволили Лидии Алексеевне и руководимому ею Отделу полевых исследований успешно осуществлять контроль над всеми экспедиционными работами на территории РСФСР и своими рекомендациями повышать общий методический уровень полевых исследований.

Большое место в деятельности Л. А. Евтюховой занимала редакторская работа. Трудно перечислить все труды, которые она редактировала и рецензировала. Достаточно упомянуть, что в течение ряда лет, начиная с 1957 г., она являлась членом редколлегии журнала «Советская археология», заведующей одним из основных разделов журнала.

Деятельность Л. А. Евтюховой была необыкновенно многогранной. Сотрудничая в журнале «Советская археология», успешно руководя работой Отдела полевых исследований, она много внимания и сил отдавала вопросам охраны памятников древности и организационной работе по пропаганде достижений археологической науки. Она активно участвовала в работах Археологической секции Центрального совета ВООПИК, являлась постоянным председателем выставочной комиссии Института и членом Научного совета по выставкам Академии наук СССР и союзных республик при Президиуме АН СССР.

С 1951 г. Л. А. Евтюхова ежегодно возглавляла организацию археологических выставок к пленумам Института археологии. Созданные ею разделы, освещающие достижения советской археологии, демонстрировались на международных выставках в Нью-Йорке, Париже, Лондоне. Большим успехом за рубежом пользовалась подготовленная также при участии Л. А. Евтюховой выставка «Археология в СССР». Ею подготовлен постоянный раздел «Археологические исследования в СССР» на ВДНХ.

Активная научная и научно-организационная деятельность Л. А. Евтюховой неоднократно отмечалась дирекцией Института и Президиумом АН СССР. За безупречную и плодотворную работу она была награждена орденом Трудового Красного Знамени и медалями «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Лидия Алексеевна навсегда останется в памяти друзей и учеников примером удивительно гармоничного человека, красивого своей ясностью, спокойствием и мудрой простотой.

В. В. Волков, Э. А. Новгородова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Сб. «Археологические открытия»
АЭС — Археолого-этнографический сборник
АСб. ГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГМТР — Государственный музей Татарской республики
ГРМ — Государственный Русский музей
ЖМНП — Журнал Министерства Народного просвещения
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ИА — Институт археологии
Изв. ОАИЭКУ — Известия Отдела археологии и этнографии Казанского университета
Изв. СО АН СССР — Известия Сибирского отделения АН СССР
Изв. ОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
Изв. УзФАН — Известия Узбекистанского филиала АН СССР, Ташкент
ИМКУз — История материальной культуры Узбекистана
КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КД — Каракумские древности
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
Мар. АЭ — Марийская археологическая экспедиция
МАСДВ — Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СМОМПК — Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа
СЭ — Советская этнография
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии
ТИЭ — Труды Института этнографии
Тр. ИИЕ — Труды Института истории естествознания
Тр. Мар. АЭ — Труды Марийской археологической экспедиции
Тр. РАНИОН — Труды Российской ассоциации научно-исследовательского институтов общественных наук
Тр. СамГУ — Труды Самаркандского государственного университета
ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции

УСА — Сб. «Успехи среднеазиатской археологии»
Уч. зап. ИИЯЛ — Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
Уч. зап. КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki
JAH — Journal of African History
JRAI — Journal of the Royal Anthropological Institute, London
HT — History Today
PAPS — Proceedings of the American Philosophical Society
SAOC — Studies in Ancient Oriental Civilization, Chicago
SPA — Survey of Persian Art
WA — World Archaeology
WAAN — West African Archaeological Newsletter
WAJA — West African Journal of Archaeology

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в СООТВЕТСТВИИ С ПРАВИЛАМИ, ПРИНЯТЫМИ В ЖУРНАЛЕ. **Статьи, оформленные без учета этих правил, возвращаются авторам без рассмотрения.**

1. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями с левой стороны. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не рассматриваются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи.

3. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть ТЩАТЕЛЬНО проверен и подписан автором с указанием даты отправления, подробного почтового адреса, а также телефона.

4. Сноски помещаются внизу каждой страницы; нумерация сносок дается постатейная. Сноски также печатаются через два интервала.

5. В журнале принят следующий порядок цитирования:

Для монографии: инициалы и фамилия автора, название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

Для статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала или сборника, том или год выпуска, год издания, номер журнала.

При ссылках на иностранную литературу том (выпуск), страницу, рисунок, таблицу следует давать на языке оригинала.

6. К статье следует приложить русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страницу машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на французский язык необходимо:

а/ при употреблении названий периодов, типов, культур, вариантов, производных от географических названий, давать эти последние в именительном падеже единственного числа (например, кушнаренковский тип от Кушнаренково);

б/ наиболее специфические термины или давать в переводе или в расшифровке.

К статье следует приложить список сокращений. И текст резюме, и список сокращений следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке.

7. Количество иллюстраций зависит от объема статьи, но не должно превышать 10. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде (контрастные фотографии на глянцевой бумаге в двух экземплярах или рисунки в туши на ватмане или кальке). Иллюстрации должны быть пронумерованы в соот-

ветствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. На обороте каждого рисунка карандашом следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. Список иллюстраций с подрисуночными подписями представляется в двух экземплярах.

8. Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

9. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 4 месяца.

Статьи, полученные с доработки позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

10. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Адрес редакции:
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Тел. 126-94-45

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/IV-1975 г.	Т-10553	Подписано к печати 8/VII—1975 г.		Тираж 3215 экз.
Зак. 2144	Формат бумаги 70×108¹/₁₆	Усл. печ. л. 24,5+2 вкл.	Бум. л. 8³/₄	Уч.-изд. л. 27,1

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10